ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 30. № 6 2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Византийское общество: история, право, культура»
К 100-летию академика Г. Г. Литаврина (1925–2009)

Byzantine Society: History, Law and Culture
For the 100th Anniversary of Academician Gennady Litavrin (1925–2009)

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 30. No. 6 2025

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
"Volgograd State University"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into **"The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate's Degree Theses and Doctoral Degree Theses"** that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat©** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, M.V. Gayval*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *A.A. Khabarova*

Passed for printing on Nov. 10, 2025.
Date of publication: Dec. 30, 2025. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 29.6. Published pages 31.8.
Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies). Order 117. «C» 42.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: https://hfrir.jvolsu.com
English version of the website:
https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat©** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, М.В. Гайваль*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *А.А. Хабаровой*

Подписано в печать 10.11 2025 г.
Дата выхода в свет: 30.12 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 29,6. Уч.-изд. л. 31,8.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.). Заказ 117. «С» 42.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: https://hfrir.jvolsu.com
Англояз. версия сайта: https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025
Том 30. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025
Volume 30. No. 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025. Vol. 30. No. 6

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue: Byzantine Society: History, Law and Culture
For the 100th Anniversary of Academician Gennady Litavrin (1925–2009)

Editorial Staff:
Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
A.S. Smirnov – Assistant Editor (Volgograd);
P.I. Lysikov – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc. *Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:
Dr. Sc. *Agoshton Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *A.P. Buzhilova* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu.Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc. *E.Yu. Girya* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam);
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

© Volgograd State University, 2025

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025. Т. 30. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Византийское общество: история, право, культура»
К 100-летию академика Г.Г. Литаврина (1925–2009)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
А.С. Смирнов – технический секретарь (г. Волгоград);
П.И. Лысиков – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:
д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, доц. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию академика Геннадия Григорьевича Литаврина (1925–2009) (*Редакционная коллегия тематического выпуска «Византийское общество: история, право, культура»*) 6

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

Хайрединова Э.А., Антипенко А.В., Лобода А.Ю. Византийские пряжки типа «Сиракузы» из могильника у села Лучистое (Юго-Западный Крым) 11

Денисенко Н.Д. Оборонительный комплекс «Восточной калитки» – боковых ворот средневекового города на плато Эски-Кермен 26

Айбабин А.И. К дискуссии об истории Боспора Кимерийского в конце IX – XI веке 44

Алексеенко Н.А. Византийская филантропия и Херсон: два примера из области сфрагистики 56

Майко В.В. Византийские мраморные ступки в материальной культуре средневековых городов Таврики 65

Науменко В.Е. О трапезундском периоде в истории поздневизантийского Крыма. Продолжение дискуссии 81

Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Росписи церкви в башне Сюйреньской крепости: новые материалы 95

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Грацианский М.В. Папа Лев Великий и церковная юрисдикция Рима над Восточным Иллириком по данным «Фессалоникского собрания» 110

Виноградов А.Ю. Перечни епископий митрополии Росии 124

Пашков П.А. «Августин был с нашими учителями согласен»: интерпретации триадологии блаженного Августина в византийской антилатинской полемике 140

Льякос Д. Неожиданная эпиграфическая находка в Афонском Ватопедском монастыре и ее сравнительное изучение [*На англ. яз.*] 150

Стельник Е.В. Харос и theote: божественное и хтоническое в акритских песнях X–XII веков 163

Евдокимова А.А. Цитаты из Евангелия от Матфея на изображениях Христа (Матф. 11.28–30, 25.34) и их акцентуация 169

ВИЗАНТИЯ И ВОЙНА

Назаров А.Д. Войсковая часть Scythae Iustiniani: время и обстоятельства формирования 191

Золотовский В.А. Города в военных действиях и военной организации поздней Византии 201

Лысиков П.И. Взгляд из столицы: каталонский мятеж 1305–1309 гг. глазами поздневизантийского придворного поэта 222

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО И ОБЩЕСТВО

Серов В.В. «Закон» у Прокопия Кесарийского 236

Вин Ю.Я., Кондратьев Д.Е. Actes de Vatopédi. № 43. Сетевой анализ: общий абрис. Часть 1 244

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Полывянный Д.И. Обновление Болгарского царства на стыке веков и империй (1185–1207) 266

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МЫСЛЬ В ВИЗАНТИИ

Сенина Т.А. Плотская любовь и брак в антропологии Григория Паламы и философии Георгия Гемиста Плифона 277

ОБЗОРЫ

Курышева М.А. «Мастер Церемоний» и его рукопись: к выходу в свет нового издания трактата «De Cerimoniis» (Рец. на кн.: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. In 5 vols. / éds. G. Dagron (†), B. Flusin, D. Feissel [et al.]. – Paris : ACHCByz, 2020. – VIII, 2892 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 52/1–5)) 289

ПУБЛИКАЦИИ

Войтенко А.А. Рассказы о Данииле Скитском. II. О слепце (BHG 2102), о Фомаиде (BHG 2453) (Введение, перевод с греческого и комментарии А.А. Войтенко) 298

Рецензенты журнала в 2025 г. 312

CONTENTS

For the 100th Anniversary of Academician Gennady Litavrin (1925–2009) (*Editorial Staff of the Thematic Issue "Byzantine Society: History, Law and Culture"*) ... 6

BYZANTINE TAURICA

Khairedinova E.A., Antipenko A.V., Loboda A.Yu. Byzantine Buckles of the "Syracuse" Type from the Burial Ground near the Village of Luchistoye (Southwestern Crimea) 11

Denisenko N.D. Defensive Complex of "The Eastern Wicket" – The Side Gate of the Medieval City on the Eski-Kermen Plateau 26

Aibabin A.I. Discussion About the History of the Bosporus of Kimmeria in the Late 9th to11th Centuries 44

Alekseienko N.A. Byzantine Philanthropy and Cherson: Two Examples in the Field of Sigillography 56

Maiko V.V. Byzantine Marble Mortars in the Material Culture of Medieval Towns of Taurica 65

Naumenko V.E. On the Trapezund Period in the History of Late Byzantine Crimea. A Continuation of Discussion 81

Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. Paintings in the Tower Church of the Siuren' Fortress: New Materials 95

BYZANTINE CHURCH

Gratsianskiy M.V. Pope Leo the Great and the Ecclesiastical Jurisdiction of Rome Over Eastern Illyricum According to the *Collectio Thessalonicensis* 110

Vinogradov A.Yu. Notitiae Episcopatuum of the Metropolis of Rhosia 124

Pashkov P.A. "Augustine Agreed with Our Teachers": Interpretations of Saint Augustine's Triadology in Byzantine Anti-Latin Polemic 140

Liakos D. An Unexpected Epigraphic Find in the Athonite Monastery of Vatopedi and Its Comparative Study 150

Stelnik E.V. Charos and Theote: The Divine and the Cthonian in Acritic Songs of the 10th – 12th Centuries 163

Evdokimova A.A. Quotations from the Gospel of Matthew on the Images of Christ (Matt. 11.28–30, 25.34) and Their Accentuation 169

BYZANTIUM AND WAR

Nazarov A.D. Military Unit of the Scythae Iustiniani: Time and Circumstances of Its Formation 191

Zolotovskiy V.A. Cities in the Warfares and Military Organization of Late Byzantium 201

Lysikov P.I. A View from the Capital: The Catalan Revolt (1305–1309) Through the Eyes of the Late Byzantine Court Poet 222

BYZANTINE LAW AND SOCIETY

Serov V.V. "Nomoi" of Procopius 236

Vin Yu.Ya., Kondratiev D.E. Actes de Vatopédi. No. 43. The Network Analysis: General Delineation. Part 1 244

PERIPHERY OF THE BYZANTINE WORLD. ISSUES OF HISTORY AND CULTURE

Polyvyannyy D.I. The Renewal of the Bulgarian Tsardom at the Turn of the Centuries and Empires (1185–1207) 266

INTELLECTUAL THOUGHT OF BYZANTIUM

Senina T.A. Carnal Love and Marriage in the Anthropology of Gregory Palamas and in the Philosophy of George Gemistos Plethon ... 277

REVIEWS

Kurysheva M.A. "Master of Ceremonies" and His Manuscript: The New Edition of the Treatise "De Cerimoniis" (Book Review: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. In 5 vols. / éds. G. Dagron (†), B. Flusin, D. Feissel [et al.]. – Paris : ACHCByz, 2020. – VIII, 2892 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 52/1–5)) 289

PUBLICATIONS

Voytenko A.A. Abba Daniel of Scetis. II. The Blind Men (BHG 2102), a Holy and Chaste Young Woman/Thomaïs (BHG 2453) (Introduction, Translation from Greek, and Commentary by Anton A. Voytenko) 298

Reviewers of the Journal in 2025 312

К 100-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА ГЕННАДИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ЛИТАВРИНА (1925–2009)

FOR THE 100th ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN GENNADY LITAVRIN (1925–2009)

В ряду мероприятий, посвященных 100-летию выдающегося советского и российского византиниста и слависта Г.Г. Литаврина, выделяется выставка научных трудов известного ученого, состоявшаяся в дни его юбилея в стенах Государственной публичной исторической библиотеки. Редакционная коллегия Вестника Волгоградского государственного университета считает своим почетным долгом представить научной общественности эту выставку, которая, несомненно, стала заметным явлением научной жизни, требующим публичного освещения. От имени современных отечественных византинистов и славистов Редакционная коллегия благодарит доктора искусствоведения, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Марину Геннадиевну Литаврину, дочь Г.Г. Литаврина за помощь и содействие в публикации научно-аналитического обзора памятной выставки научных трудов ученого.

Редакционная коллегия тематического выпуска
«Византийское общество: история, право, культура»

Выставка трудов Г.Г. Литаврина в Государственной публичной исторической библиотеке России

В Государственной публичной исторической библиотеке с 5 по 30 сентября 2025 г. демонстрировалась выставка, подготовленная совместно с Архивом РАН и Институтом славяноведения РАН, приуроченная к 100-летию со дня рождения Геннадия Григорьевича Литаврина.

Г.Г. Литаврин – профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член РАН, иностранный член Болгарской АН, Председатель Национального комитета византинистов РФ, вице-президент Международной ассоциации византиноведческих исследований, лауреат Международной премии им. Кирилла и Мефодия и Государственной премии РФ; кавалер орденов Кирилла и Мефодия I степени, «Знак почета» и Дружбы, выдающийся специалист по истории Византии, Болгарии и славян [1].

Главное место на выставке заняли научные труды Г.Г. Литаврина, их дополнили архивные материалы, освещающие биографию, научную жизнь и деятельность ученого.

В книжной части экспозиции выставки демонстрировались книги, статьи и другие публикации Г.Г. Литаврина. Им было опубликовано более 400 научных трудов, из которых на выставке представлено около 200 изданий. Они раскрывают огромный вклад ученого в развитие исторической науки. Г.Г. Литаврин известен как самобытный исследователь и организатор, общепризнана его ведущая роль в качестве многолетнего ответственного редактора ежегодника «Византийский временник» и сборника трудов «Славяне и их соседи», руководителя сектора истории Византии ИВИ РАН (позже Центра по изучению византийской цивилизации) и заведующего Отделом истории средних веков Института славяноведения. Также выставка знакомила с публикациями, касающимися научной деятельности Г.Г. Литаврина, и воспоминаниями о нем коллег ученого и его друзей.

Авторы выставки стремились максимально отразить тематическое разнообразие научных трудов Г.Г. Литаврина по истории и культуре Византии, славян, Древней Руси. Среди важнейших направлений исследований ученого на разных этапах его научного творчества следует назвать византийскую и раннеславянскую государственность, христианизацию славян и Руси, этническое самосознание средневековых славян, византийско-болгарские и русско-византийские отношения, многие другие научные проблемы. Одной из тем, которая находилась всегда в центре внимания Г.Г. Литаврина, являлась история болгарского и византийского крестьянства. В 1956 г. ученый защитил на историческом факультете МГУ кандидатскую диссертацию «Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI–XII вв.», написав по этой проблеме множество статей [2]. Проблема византийского крестьянства оставалась в поле зрения его научных интересов буквально до конца жизни. По словам С.А. Иванова, «все последние годы он [Г.Г. Литаврин] работал над монографией «Крестьянин и власть в конце IX – начале XII в.». В интервью 2003 г. он [Г.Г. Литаврин] говорил, что завершить книгу – его главная мечта. Ей были посвящены в буквальном смысле слова последние часы его жизни»[3]. Материалы монографии хранятся в личном фонде ученого в архиве Российской академии наук (АРАН).

Неоценимы публикации исторических источников, в том числе материалов византийских рукописей, которые издал Г.Г. Литаврин. Им обнародованы: в 1965 г. – «Будапештская рукопись писем Феофилакта Болгарского [4], в 1971 г. – «Византийский медицинский трактат XI–XII вв.»: по рукописи Cod. Plut. VII. 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции [5], в 1972 г. – «Советы и рассказы Кекавмена: сочинение византийского полководца XI века» (подготовка текста, введе-

[1] Подробнее см.: Литаврин Геннадий Григорьевич. URL: https://new.ras.ru/staff/akademiki/litavrin-gennadiy-grigorevich/)

[2] Zur Lage der byzantinischen Bauerschaft im X.-XI. Jahrhundert: strittige Fragen // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im IX.-XI. Jahrhundert. Prag, 1978; OPISTHOTELEIA: к вопросу о наделении крестьян землей в Византии X–XI вв. // Византийский временник. Т. 39. М., 1978; Становление крестьянства в южнославянских странах (до конца XII в.) // История крестьянства в Европе. Т. 1. М., 1985; Особенности социальной структуры византийского крестьянства в IX-XII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988; Парик и арендатор // Византийский временник. Т. 52. М., 1991; К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии в X–XI вв. // Византийский временник. Т. 59. М., 2000; Мало оцененное свидетельство о необычном случае парикии // Море и берега. М., 2009.

[3] Иванов С. А. Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина (1925–2009) // Славяноведение. 2010. № 2.

[4] Известия на Института за история. София, 1965. Т. 14/15.

[5] Византийский временник. 1971. Т. 31.

ние, перевод и комментарии Г.Г. Литаврина). Этот колоссальный труд в 1973 г. стал предметом докторской диссертации, которую Геннадий Григорьевич защитил в Институте славяноведения. Впоследствии названная книга была переиздана с учетом дополнений к сопроводительной статье и комментариям, а также правок, внесенных в греческий текст и перевод сочинения Кекавмена (изд. 2 – 2003 г.; изд. 3 – 2014 г.).

На выставке были продемонстрированы публикации и других переводов, сделанных Г.Г. Литавриным. Среди них «Три письма Пселла Катакалону Кекавмену»[6] и трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей»[7]. Г.Г. Литаврин являлся редактором издания (совместно с А.П. Новосельцевым), переводчиком, автором вступительной статьи и комментария [8].

Наряду с тем в 1993–1994 гг. были опубликованы: «Патриарх Фотий – наставник болгарского царя Михаила: из послания святейшего патриарха Константинополя Фотия к правителю Болгарии Михаилу»[9] и «и «Слово к багрянородному государю Константину» Феофилакта Ифеста [10]. Нельзя обойти вниманием также «Свод древнейших письменных известий о славянах» (1–2 тт., 1994–1995 гг.), в создании которого Г.Г. Литаврин был одним из руководителей коллектива, ответственным редактором, автором переводов, комментариев и предисловий к обоим томам.

Указанные издания, представленные в книжной части выставки, конечно, не дают достаточно полного представления ни об объеме выставки, и, к сожалению, не исчерпывают во всей глубине научных исследований ученого. Отчасти этот недостаток компенсирует знакомство со списками трудов академика Г.Г. Литаврина 1956–1995 гг. («Византийский временник». Т. 56 (81), 1995) и трудов 1995–2000 гг. в юбилейном сборнике (ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ: к 75-летию акад. РАН Г.Г. Литаврина». СПб., 2003). С перечнем основных научных публикаций, как и с биографией ученого, равным образом можно ознакомиться на сайте Института славяноведения РАН [11].

В завершение обзора книжной части выставки хотелось бы рассказать об одном примечательном конволюте в собрании Исторической библиотеки. Этот экземпляр происходит из личной библиотеки известного ученого-слависта В.Д. Королюка, точнее говоря, аллигат, в котором переплетены несколько публикаций. В их число включены методическое пособие В.Л. Глебова; статья А.П. Каждана, «Новгородский исторический сборник»[12]. Перечисленные материалы приплетены к ряду оттисков статей, опубликованных в ежегоднике «Studia Balkanica Bohemoslovaca». Названное издание содержит доклады Второго национального симпозиума в Брно 1974 года. В ряду прочих

[6] Revue des études sud-est européennes. 1969. Т. 7. № 3.

[7] Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989; Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1991.

[8] Оба указанных издания труда Константина Багрянородного находятся в свободном доступе на сайте Института славяноведения РАН. URL: https://inslav.ru/publication/konstantin-bagryanorodnyy-ob-upravlenii-imperiey-m-1989-1991-materialy-g-g-litavrina). Кроме того, коллеги Г.Г. Литаврина опубликовали на сайте Института славяноведения РАН материалы для нового издания: «...в ознаменование 95-летия со дня рождения академика Литаврина, мы приняли нестандартное решение: открыть публичный доступ к той части подготавливаемого издания “Об управлении империей”, которая является плодом авторских усилий самого Геннадия Григорьевича» (Г.Г. Литаврин. Константин VII Багрянородный и названный его именем труд. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/litavrin-constantinus-porphyrogenitus-statja.pdf; также см. перевод Г.Г. Литаврина трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/litavrin-constantinus-porphyrogenitus-text.pdf).

[9] Европейская педагогика от античности до нового времени: исследования и материалы. М.: ИТПИМИО. 1993. Ч. 1.

[10] Антология педагогической мысли христианского Средневековья. В 2 т. Т. 2. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.

[11] Геннадий Григорьевич Литаврин. URL: https://inslav.ru/people/gennadiy-grigorevich-litavrin-06091925-selo-abay-gorno-altayskoy-avtonomnoy-oblasti-nyne

[12] Глебов В. Л. Современная наука о происхождении славян. Новосибирск, 1976; Каждан А. П. Рабы и мистии IX–XI веков // Ученые записки Тульского государственного университета. 1951. Вып. 2; Новгородский исторический сборник. 1939. Вып. 6.

опубликован доклад Г.Г. Литаврина «Проблема образования раннеславянских государств в современной советской историографии» (Т. 2, 1976, С. 81–97). Эта статья преподнесена В.Д. Королюку с дарственной надписью автора: «Володе с добрыми чувствами». А на форзаце владельческого переплета сохранился экслибрис В.Д. Королюка с шуточной легендой и юмористичным изображением владельца этого аллигата, также ставшим одним из экспонатов выставки.

Неотъемлемой частью выставки стали документы, раскрывающие важнейшие вехи научной деятельности Г.Г. Литаврина. Среди них экспонируются копии документов об учебе в Новосибирском государственном педагогического институте, МГУ им. М.В. Ломоносова; об избрании членом-корреспондентом и действительным членом РАН, награждении отечественными и иностранными наградами, о научных проектах, а также рабочие рукописные материалы и фотографии с коллегами, засвидетельствовавшие различные стороны научной жизни Геннадия Григорьевича. Их для выставки предоставили Архив РАН; проф. М.Г. Литаврина, а также сотрудники Института славяноведения РАН и Института всеобщей истории РАН, ученик Г.Г. Литаврина, проф. С.А. Иванов.

Большой интерес вызывают разнообразные биографические материалы о Г.Г. Литаврине, хранящиеся в архиве РАН. Ученый родился 6 сентября 1925 г. в селе Абай Уймонского аймака Ойротской автономной области Западно-Сибирского края (ныне Усть-Коксинского района Алтайского края). После получения аттестата зрелости Г.Г. Литаврин с декабря 1942 г. по июнь 1946 г. был учителем русского языка, литературы и математики в 5–8 классах неполной средней школы, что следует из собственноручной записи в «Личном листке по учету кадров». Первым высшим учебным заведением, в которое будущий академик поступил в 1944 г., был Новосибирский государственный педагогический университет, где Г.Г. Литаврин учился на заочном отделении физико-математического факультета. В Архиве РАН хранится зачетная книжка студента Литаврина. Согласно записям в ней первокурсник сдал экзамены по дифференциальным исчислениям, аналитической геометрии и физике на отлично [13]. Тем не менее точные науки не стали профессией будущего академика. Им было избрано другое направление в образовании, когда в 1946 г. он поступил в МГУ на исторический факультет, который окончил в 1951 году. В 1954 г. после подготовки в аспирантуре МГУ Г.Г. Литаврин защитил кандидатскую диссертацию «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.)» (научный руководитель З.В. Удальцова). В 1954–1955 гг. Г.Г. Литаврин преподавал латинский язык на Историческом факультете МГУ, работал старшим редактором в Учебно-педагогическом издательстве Министерства просвещения РСФСР. В АРАН хранится фотография Г.Г. Литаврина в составе группы преподавателей кафедры древних языков истфака МГУ, которая была сделана в мае 1955 г. на улице Герцена, 5 [14].

Дальнейшая судьба ученого была связана с АН СССР и РАН. В 1955–1968 гг. Г.Г. Литаврин – младший научный сотрудник, затем старший научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1968–2009 гг. ученый работал в Институте славяноведения (старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник), в 1982–2003 гг. – заведующий отделом. С 1987 г. одновременно с работой в Институте славяноведения Г.Г. Литаврин осуществлял научное руководство Центром византиноведения ИВИ РАН.

Более 50 лет Г.Г. Литаврин бессменно работал в редакции «Византийского временника»:

ответственный секретарь: т. 8 (1956) – т. 20 (1961);

член редколлегии: т. 21 (1962) – т. 26 (1965);

заместитель ответственного редактора: т. 27 (1967) – т. 49 (1988);

ответственный редактор: т. 50 (1989) – т. 69 (2010).

В 1988 г. Г.Г. Литаврин основал и до своей кончины являлся ответственным редактором серии сборников «Славяне и их соседи». Здесь под руководством Г.Г. Литаврина публиковались тезисы, доклады и другие материалы конференций памяти В.Д. Королюка, которые Институт славяноведения РАН проводит и в настоящее время.

[13] АРАН. Ф. 2186. Оп. 1. Д. 315.

[14] Там же. Д. 365 (1).

23 декабря 1987 г. Г.Г. Литаврин избирается членом-корреспондентом АН СССР по Отделению истории, а 31 марта 1994 г. – действительным членом РАН по Отделению истории (всеобщая история). С 1989 г. Г.Г. Литаврин являлся иностранным членом Болгарской АН [15].

На выставке также демонстрировались документы и материалы о деятельности Г.Г. Литаврина в качестве председателя Национального комитета византинистов РФ (1988–2007), вице-президента Международной ассоциации византиноведческих исследований с 1991 г.[16], председателя российской части Комиссии историков России и Болгарии, члена Комиссии по изучению ценностей монастырей Афона и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур. Исследователям научного творчества ученого следует иметь в виду, что в архиве РАН хранятся копии выписок, которые делал Г.Г. Литаврин, изучая исторические источники и знакомясь с трудами отечественных и зарубежных специалистов. В то же время сохранены и документы о награждении Г.Г. Литаврина отечественными и иностранными научными наградами. Ученый являлся кавалером орденов «Знак почета» (1981 г.), Дружбы (1997 г.), Кирилла и Мефодия I степени (Болгария, 1983 г.); лауреатом Государственной премии РФ 1996 г.[17]; лауреатом международной премии Кирилла и Мефодия (Болгария, 1984 г.); награжден почетным знаком Софийского университета «Голубая лента» (Болгария, 1985 г.)[18] и именной медалью «Collège de France».

Представленный на выставке фонд Архива РАН наряду с документами о жизни и научной деятельности академика содержит интересные фотоматериалы: фотографии Г.Г. Литаврина в детском и юношеском возрасте, совместные фотографии с российскими и зарубежными коллегами, которые свидетельствуют об участии Геннадия Григорьевича в крупнейших научных конференциях и отображают время отдыха с родными и близкими. Многие фотографии дают представление о Г.Г. Литаврине – не только выдающемся ученом, но и о человеке.

Г.Г. Литаврин «...никогда не перекладывал на чужие плечи то, что считал своим долгом, даже когда положение и возраст уже могли бы освободить его от рутинных обязанностей. Это был человек изумительной порядочности и деликатности...»[19].

Ю.Я. Вин,
соредактор Византийского выпуска Вестника ВолГУ 2025 г.

[15] АРАН. Ф. 2186. Оп. 1. Д. 332 (7, 8, 9).
[16] Там же. Д. 460.
[17] Там же. Д. 344 (1, 2).
[18] Там же. Д. 339 (1).
[19] Иванов С. А. Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина (1925–2009) // Славяноведение. 2010. № 2.

www.volsu.ru

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.1

UDC 93/94; 904
LBC 63.3(0)4

Submitted: 25.07.2025
Accepted: 02.10.2025

BYZANTINE BUCKLES OF THE "SYRACUSE" TYPE FROM THE BURIAL GROUND NEAR THE VILLAGE OF LUCHISTOYE (SOUTHWESTERN CRIMEA)

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Anna V. Antipenko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Anastasia Yu. Loboda

National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the 7th century, Byzantine bronze buckles of the "Syracuse" type were especially popular among the Goth-Alan population of the southwestern Crimea. *Method.* The article presents the results of a comprehensive study of buckles from two crypts in the burial ground near the village of Luchistoye, provides their cultural and chronological attribution, and analyzes the alloy composition and technological features of production. *Analysis.* According to the decorative features, the buckles of the "Syracuse" type are presented in two variants. Variant 1 includes items with large stylized acanthus leaves on the shield, and variant 2 includes items with a decorative composition in which the main emphasis is on the flower ovary, depicted in large detail in the center of the shield, surrounded by relatively small acanthus leaves. Finds from the burial ground near the village of Luchistoye confirm the previously proposed dating of this type of clasp. Buckles with decorations of both types were found in complexes of the same chronological groups and often in the same burial, which indicates their simultaneous existence in the 7th – early 8th centuries. In the Crimean Goth costume, the Syracuse-type buckle was a universal fastener – it was worn by men, women, and children. In the traditional women's costume with a large belt fastener, the buckle was used as a fastener for a handbag. By the end of the 7th century, when large belt fasteners went out of fashion, their place in women's costume was taken by buckles of the "Syracuse" type intended for a narrow belt. In the civilian male costume, the buckle served as a fastener for the belt, less often for a bag with a flint and tools. In some burials of men and children, two buckles of the "Syracuse" type were found. One of them was used to fasten the waist belt that encircled the outer clothing, the second one – the belt from the trousers. *Results.* The published buckles are made of multi-component copper alloys containing tin, lead, and zinc in various combinations. Two groups of products are distinguished. The first group includes buckles of variant 1 from crypts 223 and 280 with a high lead content, which can characterize the products as being produced in places where there are no reserves of high-quality raw materials. Crimea is one of such regions. The second group includes two buckles of variant 2 from crypt 223, made of an alloy in which the lead concentration is below average. In terms of the composition of lead and other components – zinc and tin – these items are close to the same type of buckles found in Sardis. Considering the composition of the alloy, as well as the fact that the buckles from Luchistoye were made using one reusable mold, we can say that they are the product of one of the Asia Minor workshops. *Authors' contributions.* E.A. Khairedinova performed a cultural and historical attribution of the finds, presented a range of analogies, substantiated the dating, and characterized their role in costume; A.V. Antipenko studied the elemental composition of the alloy used; A.Yu. Loboda conducted a

© Хайрединова Э.А., Антипенко А.В., Лобода А.Ю., 2025

trace analysis of traces of the buckles' production and use. *Funding*. The research was carried out with the financial support of the Russian Federation, represented by the Ministry of Education and Science of Russia, within the framework of the Agreement on the provision of grants from the federal budget in the form of subsidies No. 075-15-2025-451 dated 05/30/2025.

Key words: Byzantium, southwestern Crimea, buckles of the "Syracuse" type, elemental composition of the alloy, traces analysis.

Citation. Khairedinova E. A., Antipenko A.V., Loboda A.Yu. Byzantine Buckles of the "Syracuse" Type from the Burial Ground near the Village of Luchistoye (Southwestern Crimea). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 11-25. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.1

УДК 93/94; 904
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 25.07.2025
Дата принятия статьи: 02.10.2025

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПРЯЖКИ ТИПА «СИРАКУЗЫ» ИЗ МОГИЛЬНИКА У СЕЛА ЛУЧИСТОЕ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Эльзара Айдеровна Хайрединова
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Анна Витальевна Антипенко
Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Анастасия Юрьевна Лобода
НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В VII в. у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма особой популярностью пользовались византийские бронзовые пряжки типа «Сиракузы». В статье представлены результаты комплексного исследования пряжек из двух склепов из могильника у с. Лучистое, дается их культурно-хронологическая атрибуция, анализируются состав сплава и технологические особенности изготовления. По особенностям декора пряжки типа «Сиракузы» представлены двумя вариантами. К *варианту 1* отнесены изделия с крупными стилизованными листьями аканта на щитке, а к *варианту 2* – с декоративной композицией, в которой главный акцент сделан на завязи цветка, крупно изображенной в центре щитка, в окружении сравнительно небольших листьев аканта. Находки из могильника у с. Лучистое подтверждают предложенную ранее датировку застежек этого типа. Пряжки с декором обоих вариантов найдены в комплексах одних и тех же хронологических групп, а зачастую и в одном погребении, что указывает на их одновременное существование в VII – начале VIII века. В костюме крымских готов пряжка типа «Сиракузы» была универсальной застежкой – ее носили и мужчины, и женщины, и дети. В традиционном женском костюме с большой поясной застежкой пряжка использовалась в качестве застежки для сумочки. К концу VII в., когда большие поясные застежки вышли из моды, их место в женском костюме заняли предназначенные для узкого ремня пряжки типа «Сиракузы». В костюме гражданских мужчин пряжка служила застежкой для пояса, реже – для сумочки с кресалом и инструментами. В некоторых погребениях мужчин и детей выявлено по две пряжки типа «Сиракузы». Одной из них застегивали поясной ремень, опоясывавший верхнюю одежду, второй – ремень от штанов. Публикуемые пряжки изготовлены из многокомпонентных медных сплавов, содержащих олово, свинец и цинк в различных сочетаниях. Выделяется две группы изделий. К первой относятся пряжки *варианта 1* из склепов 223 и 280 с высоким содержанием свинца, что может характеризовать изделия как произведенных в местах, где отсутствуют запасы качественного сырья. К числу таких регионов относится и Крым. Во вторую группу выделены две пряжки *варианта 2* из склепа 223, изготовленные из сплава, в котором концентрация свинца ниже средних значений. По составу свинца и других компонентов – цинка и олова, эти изделия близки однотипным пряжкам, найденным в Сардах. Учитывая состав сплава и способ изготовления с использованием одной многоразовой формы, можно говорить о том, что пряжки из Лучистого являются продукцией одной из малоазийских мастерских. *Вклад авторов*. Э.А. Хайрединовой выполнена культурно-историческая атрибуция находок, приведен круг аналогий, обоснована датировка, охарактеризована роль в костюме; А.В. Антипенко изу-

чен элементный состав сплава изделий; А.Ю. Лободой проведен трасологический анализ следов производства и бытования пряжек. *Финансирование*. Исследования выполнены при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий № 075-15-2025-451 от 30.05.2025.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, пряжки типа «Сиракузы», элементный состав сплава, трасологический анализ.

Цитирование. Хайрединова Э. А., Антипенко А. В., Лобода А. Ю. Византийские пряжки типа «Сиракузы» из могильника у села Лучистое (Юго-Западный Крым) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 11–25. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.1

Введение. Небольшие византийские бронзовые цельнолитые пряжки со стилизованным изображением листьев аканта или полупальметт вызывают особый интерес у специалистов по раннесредневековой материальной культуре. Названные Й. Вернером пряжками типа «Сиракузы» – по месту первых находок с территории Сицилии [23, S. 37], эти застежки бытовали в VII в. на широком пространстве от Пиренейского полуострова до Северного Кавказа и от Северной Африки до Южной Британии [17, S. 119, Abb. 13; 21, S. 176, Abb. 62; 23, S. 37, 46, Karte 1]. Необычайной популярностью они пользовались на территории Крыма – в настоящее время известно более двухсот экземпляров названных пряжек, происходящих из Боспора, Херсона и памятников крымских готов [1, с. 43, рис. 2, *122*; рис. 42, *6*, *7*; 4, с. 316–321; 5, с. 242–265; 8, с. 63–69].

Несмотря на многочисленные находки и специальные исследования, посвященные пряжкам типа «Сиракузы», до сих пор остается спорным вопрос о месте производства этих предметов. Обилие одинаковых по форме, декору, материалу и технике изготовления пряжек, по мнению Д. Чалланя, должно свидетельствовать об их централизованном производстве в Константинополе [10, с. 326]. Согласно Й. Вернеру, однообразие вариантов пряжек и отсутствие индивидуальных черт работы должно указывать на их изготовление по общему образцу в литейных мастерских по всему византийскому миру [23, S. 38]. Как показали проведенные ранее исследования [9, с. 591–596], для решения вопросов, связанных с производством пряжек типа «Сиракузы», перспективным является изучение изделий естественно-научными методами. В предлагаемой работе в научный оборот вводятся пряжки типа «Сиракузы», найденные в двух склепах из гото-аланского могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму, дается их культурно-хронологическая атрибуция, анализируются состав сплава и технологические особенности изготовления.

Метод. Изучение пряжек типа «Сиракузы» проводилось комплексно. Для атрибуции публикуемых изделий выявляется круг аналогий, по сопутствующему инвентарю обосновывается датировка. Публикуемые пряжки найдены в погребениях *in situ*, что позволяет говорить об их роли в костюме. Изучен элементный состав сплава, из которого изготовлены пряжки и выполнен трасологический анализ следов производства и бытования пряжек.

Изучение элементного состава выполнялось на портативном рентгенофлуоресцентном анализаторе (ПРФА) «МетЭксперт» с полупроводниковым кремниевым детектором высокого разрешения (напряжение 45 кВ, мощность 40 Вт). Регистрация флуоресцентного излучения производилась на воздухе, что позволило детектировать элементы с атомным номером выше 11 (Na). Изучаемая область при каждом измерении составляла 1,2 мм. Элементный состав определен с диапазоном концентраций до 0,02 %. Время измерения 20 секунд. Большинство из исследованных пряжек очищены в ходе реставрационных работ от коррозии и поверхностных загрязнений. Измерения проводились на всех составных частях пряжек – на подвижном язычке и цельнолитых рамке и щитке. Места измерений показаны на рисунках 1 и 2 красными кружками и пронумерованы красными цифрами, а результаты измерений приведены в таблице 1. Номера областей измерения в таблице и на рисунках соответствуют друг другу.

Анализ. Для комплексного исследования отобрано семь пряжек типа «Сиракузы» из склепов 223 и 280 могильника у с. Лучистое (рис. 1 и 2). Каждая из них целиком отлита с овальной, граненой рамкой и овальным, вытянутым в длину щитком с небольшим прямоугольным выступом на завершении. Подвижной граненый язычок отлит отдельно и закреплен на перекладине в тыльной части рамки. На обратной стороне щитка пряжек имеются две прямоугольные пластины с круглыми отверстиями для крепления на ремне. Размеры пряжек: длина – 4,2–5,0 см, ширина рамки – 3,2–3,4 см, щитка – 2,3–2,7 см.

По особенностям декора публикуемые пряжки типа «Сиракузы» представлены двумя вариантами. К *варианту 1* отнесены пряжки, на прилегающей к рамке части щитка которых изображены небольшие листья на изогнутых стеблях, соединяющихся в центральном поле щитка (рис. 1). Вдоль краев щитка вырезаны стебли, завершающиеся двумя крупными листьями, расположенными зеркально друг другу. На передней стороне рамки некоторых пряжек прорезаны вытянутые треугольники или небольшие кружки.

Описанные застежки относятся к самому распространенному варианту пряжек типа «Сиракузы» [8, с. 66–67; 16, pl. 15; 21, S. 171–179]. Для определения времени их бытования показательны находки в комплексах, датированных по сопутствующему инвентарю. Так, в Коринфе пряжка типа «Сиракузы» *варианта 1* обнаружена в одной из могил у базилики Кранейон с монетами Константа II (641–668 гг.) [19, p. 298], на Самосе – в могилах № 3 с монетами Ираклия 611/12 гг. и 613/14 гг. и № 4 с монетами Ираклия 613–616 гг. и 615/16 гг. и Константа II, из которых самая ранняя – 643/44 гг., а самая поздняя – 659–665 гг. [18, S. 124–126], на Крите и в Сирии – в слоях VII в. [15, p. 163; 20, p. 694], а на Афинской Агоре – в слое с монетами 711/713 гг. [19, p. 298, Anm. 18].

В Юго-Западном Крыму большинство пряжек типа «Сиракузы» происходит из комплексов 8-й и 9-й хронологических групп раннесредневековых древностей Крыма, датированных первой и второй половиной VII в. соответственно [2, с. 56–61, рис. 12, *19, 36*; 13, *3*; 17, *16, 17, 21*; 18, *23*; 19, *3, 11*; 21, *12, 16, 25*; 22, *6*; 23, *2–5*; 3, рис. 1, *12–14*; 3, *17, 23, 33, 37*; 4, *10, 20*]. Поздняя разновидность пряжек названного типа, относящаяся к началу VIII в., зафиксирована в могильнике Узень-Баш [6, с. 121–124].

Публикуемые находки из могильника у с. Лучистое подтверждают предложенную ранее датировку пряжек типа «Сиракузы». Самые ранние пряжки (рис. 1, *I*, *II*) происходят из склепа 280, где они выявлены вместе с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII в. [2, рис. 12, *21*].

Три пряжки *варианта 1* обнаружены в склепе 223, функционировавшем на протяжении всего VII века. В нем похоронили четырнадцать человек, чьи тела уложили в шесть слоев. Здесь интересующие нас пряжки выявлены: в слое 4, в детском погребении 9 второй четверти VII в. (рис. 1, *V*); в слое 3, в захоронении 7, частично перекрывшем костяк с орлиноголовой пряжкой 5-го варианта второй половины VII в. (рис. 1, *III*) [2, рис. 12, *50*] и в слое 1, в мужском погребении 2, совершенном одним из последних в склепе в самом конце VII в. (рис. 1, *IV*).

К *варианту 2* относятся пряжки из склепа 223, из погребений 1 и 9 (рис. 2, *VI, VII*). По форме, размерам и способу крепления на ремне они идентичны застежкам *варианта 1*, но отличаются декоративной композицией, в которой главный акцент сделан на завязи цветка, крупно изображенной в центре щитка, в окружении сравнительно небольших листьев аканта. На пространстве около язычка и рамки выполнен орнамент из кружков, треугольников и завитков. Такой же геометрический декор присутствует на боковых сторонах щитка и на передней стороне рамки.

Различия в декоре щитка пряжек типа «Сиракузы» отметил Д. Чаллань, считавший экземпляры *варианта 2* более поздней и более высокой степенью развития [10, с. 329]. Однако в Крыму пряжки с декором обоих вариантов найдены в комплексах одних и тех же хронологических групп, а зачастую и в одном погребении, что указывает на их одновременное существование [2, с. 56, 58; 8, с. 67–68]. Обратим внимание на то, что в склепе 223 пряжки двух вариантов зачищены в детском погребении 9 (рис. 1, *V*; 2, *VI*).

Использованная в декоре щитков *вариантов 1* и *2* орнаментальная композиция, в

центре которой – стебель или завязь цветка в окружении симметрично расположенных листьев аканта, характерна для предметов византийского прикладного искусства VII века. Отдельные элементы этого растительного мотива – изогнутые стебли, ажурные листья и их расположение относительно друг друга, в различных сочетаниях можно увидеть на золотых «аристократических» украшениях – серьгах, медальонах, застежках для ожерелья и на деталях оружия воинской элиты [8, с. 65, ил. 47]. Растительный декор на пряжках *варианта 2* дополнен орнаментальным мотивом в виде прорезных чередующихся черточек и точек, названным Д. Чалланем «пунктиром точка-тире» [10, с. 333, табл. II, *6*, III, *9*, IV, *1*, *1а*]. Такой стиль заполнения пустого поля вокруг растительного орнамента типичен для византийских изделий VII века. Сочетание растительного и «пунктирного» орнаментальных мотивов наглядно демонстрируют пластинчатые обкладки меча из Кастель-Трозино. Безусловно, элитные ювелирные изделия, изготовлявшиеся в VII в. на заказ в специализированных мастерских, послужили образцами для производства более дешевых предметов широкого потребления [8, с. 68].

Пряжка типа «Сиракузы» предназначена для ремня шириной 2,1–2,4 см. В толще кожаного ремня она крепилась при помощи двух пластинчатых петель, фиксировавшихся при помощи металлического или деревянного стержня (рис. 2, *а*). Остатки таких стержней и кожаного ремня сохраняются на многих пряжках [5, с. 249, 263, рис. 5; 14, S. 71, Abb. 7].

В костюме крымских готов пряжка типа «Сиракузы» была универсальной застежкой – ее носили и мужчины, и женщины, и дети. В традиционном женском костюме с большой поясной застежкой пряжка типа «Сиракузы» использовалась в качестве застежки для сумочки (рис. 2, *в*) или для узкого ремня с ножом. Лишь к концу VII в., когда большие поясные застежки вышли из моды, их место в женском костюме заняли предназначенные для узкого ремня пряжки типа «Сиракузы» [14, S. 73, 75, Abb. 10]. Дети и подростки носили пряжку с декором из листьев аканта на поясе, застегивая ею поясной ремень. Мужчины – воины, опоясывавшие верхнюю одежду наборными поясами со свисающими короткими ремешками с металлическими наконечниками, пряжкой типа «Сиракузы» застегивали сумочку с кресалом. В костюме гражданских мужчин пряжка типа «Сиракузы» была застежкой для пояса (рис. 2, *б*), реже – для сумочки с кресалом и инструментами. В некоторых погребениях мужчин и детей выявлено по две пряжки типа «Сиракузы». Одной из них застегивали поясной ремень, опоясывавший верхнюю одежду, второй, лежащей обычно ниже, на тазовых костях – ремень от штанов (рис. 2, *б*) [8, с. 84–85, ил. 59].

Элементный состав сплава. Все публикуемые пряжки изготовлены из многокомпонентных медных сплавов, содержащих олово, свинец и цинк в различных сочетаниях (табл. 1). Язычок и рамка со щитком пряжек близки по элементному составу, однако, прослеживаются вариации содержания цинка или свинца. Тот факт, что их составы, как правило, очень схожи, может указывать на преобладание одновременного производства комплектом пряжки и язычка.

Изученная выборка изделий включает 7 экземпляров, изготовленных из бронз различного состава – свинцовых (табл. 1, *1–2*) или свинцово-оловянистых (табл. 1, *13–14*). Большая часть изделий выполнена из материала, имеющего в составе компоненты как бронз, так и латуней. Среднее значение в выборке свинца – 18,8 %, олова – 4,0 %, цинка – 3,9 %. Измерения проводились в двух точках на поверхности щитка и в основном в двух точках на язычке. Во всех анализируемых случаях распределение элементов на поверхности не равномерное, что, вероятно, связано с доминирующей ролью свинца в сплаве. Разброс в количественных значениях одного элемента может достигать 10–15 %. Учитывая широкую вариабельность составов в столь небольшой выборке и средние значения элементов, наиболее показательным следует считать факт наличия высокого, доходящего до половины состава, содержания свинца. По этому принципу все застежки делятся на две группы: с низким содержанием свинца (от 1,3 до 20,2 %) и с высоким (свыше 20,2 до 54,5 %). При этом, соответственно, уменьшается концентрация остальных компонентов сплава и наблюдается обратная зависимость – чем выше значения свинца, тем меньше в сплаве

олова и цинка. Их концентрации варьируются от 0 до 2–3 %. Концентрации свинца ниже средних значений отмечены у двух пряжек типа «Сиракузы» *варианта 2* (табл. 1, *18–25*; рис. 2, *VI, VII*). Его средние количественные показатели составляют 3,7 %. Основной легирующий компонент в этих двух экземплярах – цинк, его концентрации от 2,8 до 11,6 %, при среднем показателе в 6,8 %. Содержание олова от 4,0 до 10,0 %, среднее – 5,7 %. Это наблюдение было проверено на остальной выборке пряжек типа «Сиракузы» *вариантов 1* и *2* из могильника у с. Лучистое (всего получены данные элементного состава для 75 пряжек этого типа, результаты не опубликованы). Установлено, что разница в рецептуре сплава между двумя вариантами одного типа пряжек слабо выражена. В основном наиболее распространенный для раннесредневековых могильников Крыма тип пряжек изготавливали из многокомпонентных медных сплавов, содержащих олово, свинец и цинк в различных сочетаниях. Чистые металлы и сплавы встречаются крайне редко. Доли олова, свинца и цинка не равнозначны. Концентрации олова и свинца преобладают над содержанием цинка. Этот факт может служить указанием на многократные переплавки вторичного сырья в производстве изделий массовых типов.

Ранее проведенные нами исследования пряжки типа «Сиракузы» *варианта 1*, происходящей из склепа 305 могильника у с. Лучистое, также выявили аномально высокие доли свинца в составе сплава изделия [9, с. 593–594]. Проведенные специалистами Британского музея измерения элементного состава сплава происходящей из Крыма пряжки типа «Сиракузы» из коллекции Бертье-Делагарда показали, что основа изделия отлита из свинцовой бронзы, а язычок – из латуни. Процентное содержание элементов в сплаве не приводится [13, p. 63]. Данные по составу сплава двух пряжек типа «Сиракузы», найденных в Сардах, свидетельствуют о том, что малоазийские экземпляры также изготовлены из многокомпонентного цинкосодержащего сплава, но процент свинца в них существенно ниже, тогда как количество олова и цинка близко крымским находкам [22, p. 155, tab. V. 3, *№ 689*, *690*].

Трасологический анализ следов производства и бытования пряжек проведен для двух пряжек из раскопок могильника у с. Лучистое, габаритные размеры и детали орнамента на щитках которых были крайне близки. В ходе первичного визуального осмотра публикуемых пряжек выдвинуто предположение, что два экземпляра *варианта 2* из склепа 223, из погребения девушки-подростка 1 (далее – пряжка 1; рис. 2, *VII*) и из захоронения ребенка 9 (далее – пряжка 2; рис. 2, *VI*), могли быть изготовлены с использованием одной многоразовой формы.

Размеры пряжки 1: общая длина 4,55 см; ширина щитка 2,3 см; ширина рамки 3,12 см (рис. 2, *VII*). Канавки орнамента на щитке неглубокие, на некоторых участках орнамент плохо читается из-за не очень качественного литья (рис. 3, *1*). Зафиксированы дефекты литья – непроливы, наросты, корольки (рис. 3, *3*, *5*), облой по боковой поверхности (рис. 3, *5*, *6*). Орнамент на щитке не имеет следов постлитьевой доработки, плоскость щитка запилена по внешней поверхности и по бокам (рис. 3, *4*). Дефекты литья – наросты, корольки и облой видны и на боковой поверхности (рис. 3, *5*, *6*).

Размеры пряжки 2: общая длина 4,5 см; ширина щитка 2,35 см; ширина рамки 3,16 см (рис. 2, *VI*). Щиток имеет более глубокие канавки орнамента (рис. 3, *2*). Зафиксированы дефекты литья – наросты, корольки (рис. 3, *7*, *10*). Отдельные элементы орнамента (точки) доработаны после литья ударами чекана пуансона (рис. 3, *8–10*). На обратной стороне пряжки также видны интенсивные дефекты литья – непроливы, наросты, корольки, облой от петель по щитку (рис. 3, *7*).

Толщина изученных изделий различна – 2,1 см по центру пряжки 1 и 2,6 см по центру пряжки 2. Пряжка 1 запилена по внешней поверхности и по бокам, канавки орнамента менее глубокие. Она представляет собой литое изделие, на орнаменте щитка, помимо опиливания, нет следов постлитейных работ. На щитке пряжки 2 обнаружены следы доработки орнамента после литья чеканом пуансоном (рис. 3, *2*, *8–10*). Боковой контур пряжки 1 менее рельефный, по сравнению с пряжкой 2, сглажены углубления между деталями щитка и рамкой (рис. 3, *1*, *2*). На боковых гранях

щитка первой пряжки также видны следы опиливания. Несмотря на эти отличия, общие габариты пряжек и все основные размеры и детали литого орнамента на щитках и рамках практически идентичны, что позволяет предположить их изготовление с использованием многоразовой, вероятно, каменной формы. Петли для крепления на ремне на обратной стороне каждого щитка различаются как размерами, так и своим расположением, а значит, не являлись частью многоразовой формы. Однако на всех исследованных изделиях петли были отлиты вместе с туловом пряжки, в некоторых случаях имели крупные литейные дефекты, переходящие с петли на щиток (рис. 3, *7*).

Все вышеописанное позволяет реконструировать процесс изготовления подобных изделий. Можно предположить, что для создания модели тулова пряжки использовались многоразовые, вероятно, каменные двустворчатые формы, в которых оттискивалась / отливалась плоскостная восковая модель пряжки без выступающих элементов. Многоразовая форма позволяла многократно получать одинаковый, орнаментированный с одной стороны щиток и рамку пряжки, а заливка / оттиск в форму воска минимизировала травмирование самой формы. Полученная модель дорабатывалась, на обратной стороне воскового щитка прикреплялись две пластины с отверстиями. На обороте некоторых пряжек фиксируются крупные царапины, идущие от краев щитка к петлям. Их поверхность свидетельствует о том, что царапины были нанесены на щиток еще до литья. Возможно, появление царапин связано с процессом закрепления восковых петель на модели щитка и последующим выравниванием поверхности вокруг петель. Полученная, уже не плоскостная модель пряжки, заформовывалась в формовочную смесь и отливалась методом литья по утрачиваемой модели. Можно предположить, что литье производилось через участок щитка пряжки, противоположный рамке. В этой области большая часть пряжек имеет подпрямоугольный выступ, иногда несущий на себе следы обсечки и, вероятно, являющийся остатком литника. Среди всех рассмотренных нами пряжек лишь в одном случае этот выступ был аккуратно удален (пряжка варианта 1 из погребения 2 склепа 223, рис. 1, *IV*). Следует отметить, что полное удаление литника отмечено еще на нескольких пряжках из могильника у с. Лучистое [2, рис. 18, *23*, 23, *4*]. Такой прием постлитейной обработки характерен не только для крымских пряжек, но и встречается на изделиях этого типа с территории самой империи, о чем свидетельствует находка из Самоса [18, S. 124, Abb. 37, Taf. 16, *3a*, *3b*].

На боковых сторонах пряжек, а в случае пряжки 2 и на обороте щитка, виден облой (рис. 3, *5*–*7*). Такой дефект может образоваться на месте любых стыков формовочных масс или литейных форм – на восковой модели, при заливке воска в разъемную многоразовую форму или на металле, при недостаточно плотном слеплении кусков формовочной смеси (глины), которыми облепляют с разных сторон восковую модель при создании глиняной литейной формы вокруг нее (например, на щитке вокруг петель пряжки 2 – рис. 3, *7*).

Как видно по исследуемым экземплярам, после отливки изделия обрабатывались. В некоторых случаях постлитейная обработка заключалась лишь в опиливании лицевой и боковой граней щитка для удаления литейных дефектов (пряжка 1). В других случаях после отливки орнамент дополнялся при помощи простейшей чеканки. Сопоставление элементов орнамента позволяет определить, что некоторые удары пуансоном на щитке пряжки 2 были поставлены для уточнения деталей плохо отлитого орнамента – орнамент идентичен аналогичному на пряжке 1 (рис. 3, красные стрелки), в то время как другие наносились на неорнаментированные литьем участки (рис. 3, желтые стрелки).

Результаты. Изученные пряжки типа «Сиракузы» из двух склепов могильника у с. Лучистое изготовлены из материала, имеющего компоненты как бронз (олово и свинец), так и латуней (в одном случае отдельно – латунный язычок), что свидетельствует об одинаковой рецептуре сплава.

Вместе с тем по составу сплава можно выделить две группы изделий. К первой относятся пряжки *варианта 1* из склепов 223 и 280 (рис. 1) с высоким (свыше 20,2 до 54,5 %) содержанием свинца, что может характеризовать изделия как произведенные в местах,

где отсутствуют запасы качественного сырья. К числу таких регионов относится и Крым [9, с. 593–594]. Признаки изготовления пряжек типа «Сиракузы» по импортным образцам зафиксированы в Херсоне. Химический состав найденных на городище остатков литейного производства (слитков и полуфабрикатов) и пряжек типа «Сиракузы» идентичен. Последние могли отливать в городских мастерских из привозившегося из Малой Азии сырья [12, p. 167]. В качестве сырья, возможно, использовались старые или поломанные бронзовые изделия. Судя по находкам из погребений, в эпоху раннего средневековья бронзовый лом ценился. Мужчины собирали и носили в поясных сумках фрагменты бронзовых пластин или проволоки [8, рис. 153, *M71.10*]. Женщины хранили при себе поломанные украшения и обломки бронзовой бытовой утвари [7, с. 233, рис. 5, *1*, *3*, *5*].

Находки бракованных экземпляров, собственная интерпретация стандартного декора, не характерные для импортных образцов метки мастеров, позволили предположить наличие собственного производства названных пряжек и в Юго-Западном Крыму, в регионе проживания гото-аланского населения [14, S. 87–88, Abb. 6; 7]. В пользу возможности местного производства свидетельствует и находка пряжки начала VIII в. из могильника Узень-Баш. При ее изготовлении мастер взял за образец пряжку типа «Сиракузы» *варианта 1* и переработал ее на манер застежек VIII в.: удлинил щиток, добавил два круглых отверстия для декора, либо для дополнительного крепления на ремне при помощи шнурка [6, с. 123, рис. 1, *1*, 2, *1*].

Ко второй группе изделий следует отнести две пряжки *варианта 2* из склепа 223 (рис. 2, 3), изготовленные из сплава, в котором концентрация свинца ниже средних значений (его средние количественные показатели составляют 3,7 %). По составу свинца и других компонентов – цинка и олова эти изделия близки пряжкам типа «Сиракузы», найденным в Сардах [22, p. 155, tab. V. 3, *№ 689*, *690*]. Учитывая состав сплава, а также тот факт, что найденные в Лучистом пряжки изготовлены с использованием одной многоразовой формы, можно говорить о том, что они являются продукцией одной из малоазийских мастерских.

Найденные в портовом районе Судака византийские печати коммеркариев конца VII – первой половины VIII в. и печати VIII – рубежа VIII–IX вв. с именем Феофана халкопрата – лица, связанного с торговлей медью или изделий из меди [11, с. 253–254], позволяют говорить о том, что сырье для изготовления бронзовых предметов, как и сами оригинальные изделия, служившие образцами для крымских ремесленников, поступали из Византии.

Пряжки типа «Сиракузы», бесспорно, являются изделиями массового производства, рассчитанными на торговлю. Их изучение имеет большое значение для истории материальной культуры раннесредневекового времени Восточной Римской империи и сопредельных территорий. Полученные результаты в очередной раз показали перспективность комплексного метода исследования для решения вопроса о месте производства найденных в Крыму византийских пряжек.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. **Элементный состав пряжек типа «Сиракузы» из могильника Лучистое, масс. %**

Table 1. **Elemental composition of buckles of the "Syracuse" type from the Luchistoye burial ground**

№ п/п	Место находки / Рисунок	Место измерения	Cu	Zn	Sn	Pb	Ag	Fe	Al	P
1	Склеп 280 / Рис. 1, *I*	Щиток	47,700	0	0	52,300	0	0	0	0
2		Щиток	44,943	0	0	54,529	0	0,528	0	0
3		Язычок	51,598	2,690	0	45,712	0	0	0	0
4		Язычок	59,759	2,315	0	37,925	0	0	0	0
5	Склеп 280 / Рис. 1, *II*	Щиток	74,118	0,884	0	24,462	0	0,536	0	0
6		Щиток	57,855	1,093	6,092	34,297	0	0,662	0	0
7		Язычок	64,787	1,514	3,150	28,466	0	0,550	0	1,534
8		Язычок	68,705	1,941	0	28,268	0	0,704	0,382	0
9	Склеп 223 / Рис. 1, *III*	Щиток	85,952	1,883	6,692	5,110	0	0	0,363	0
10		Щиток	70,700	1,594	7,545	20,161	0	0	0	0
11		Язычок	69,526	6,268	9,614	13,669	0,551	0	0,372	0
12		Язычок	82,820	6,281	7,349	2,514	0,299	0	0,738	0
13	Склеп 223 / Рис. 1, *IV*	Щиток	78,842	0,770	6,855	13,533	0	0	0	0
14		Щиток	67,956	0,710	8,211	22,835	0,287	0	0	0
15	Склеп 223 / Рис. 1, *V*	Щиток	60,998	2,244	0	36,348	0	0,411	0	0
16		Щиток	79,368	3,458	0	11,489	0	0,496	5,190	0
17		Язычок	73,015	8,698	0	9,507	0	1,255	7,525	0
18	Склеп 223 / Рис. 2, *VI*	Щиток	79,273	3,195	8,241	9,291	0	0	0	0
19		Щиток	79,205	2,871	9,945	7,979	0	0	0	0
20		Язычок	80,868	11,448	3,960	2,681	0,331	0	0,712	0
21		Язычок	83,549	8,138	4,483	3,586	0,243	0	0	0
22	Склеп 223 / Рис. 2, *VII*	Щиток	88,367	2,756	5,197	1,692	0	0	1,988	0
23		Щиток	88,580	3,072	5,639	1,890	0,155	0	0,665	0
24		Язычок	82,985	11,645	3,584	1,251	0,243	0	0,291	0
25		Язычок	83,077	10,883	4,503	1,337	0,200	0	0	0

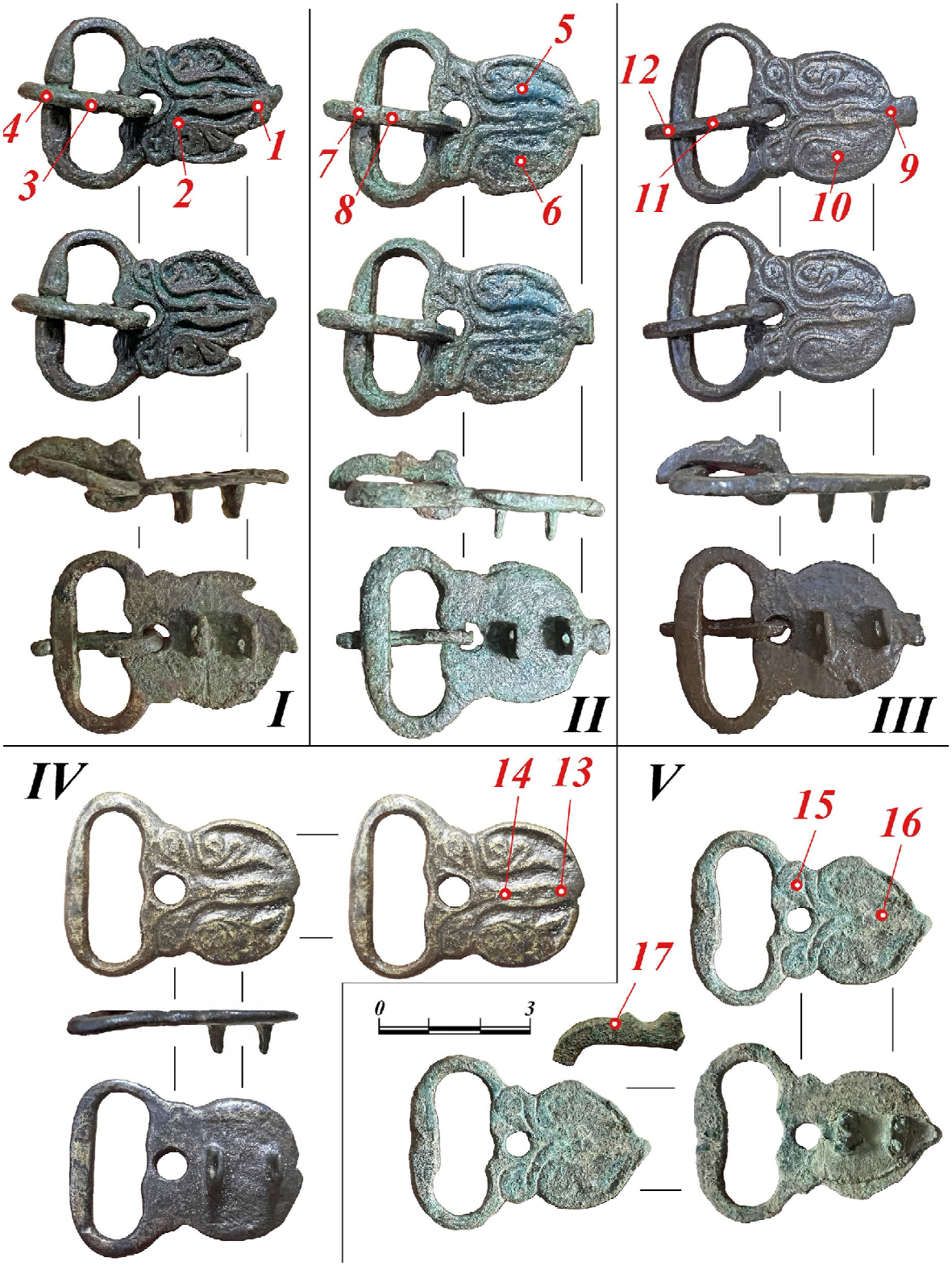

Рис. 1. Пряжки типа «Сиракузы» *варианта 1* из могильника у с. Лучистое:
I, *II* – склеп 280; *III–V* – склеп 223 (*III* – погребение 7; *IV* – погребение 2; *V* – погребение 9); *1–17* – места измерения элементного состава металла на разных деталях пряжек. Фото Э.А. Хайрединовой

Fig. 1. Buckles of the “Syracuse” type, variant 1, from a burial ground near the village of Luchistoye:
I, *II* – crypt 280; *III–V* – crypt 223 (*III* – burial 7; *IV* – burial 2; *V* – burial 9); *1–17* – locations of elemental composition measurements of metal on different parts of buckles. The photo is by E.A. Khairedinova

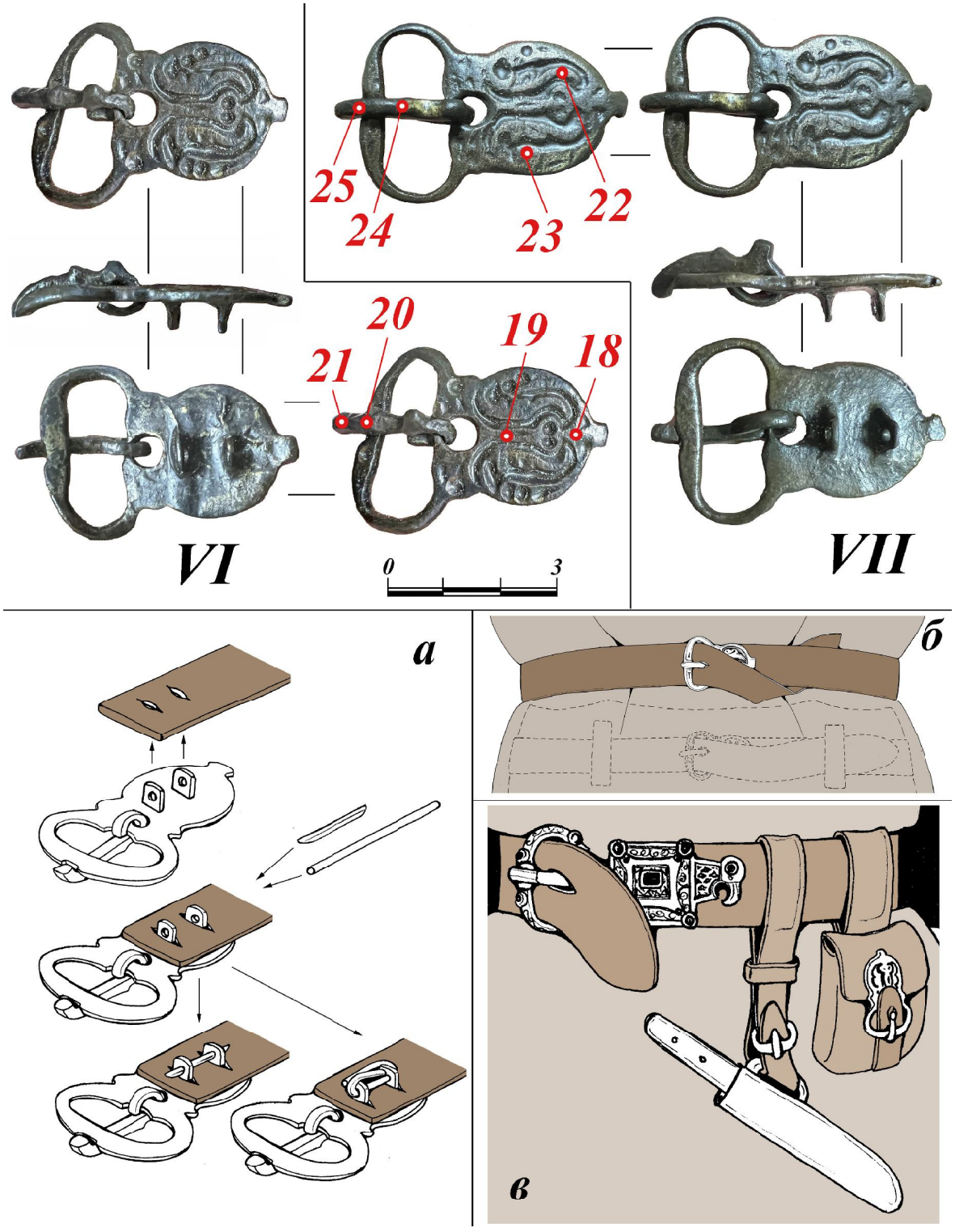

Рис. 2. Пряжки типа «Сиракузы» *варианта 2* из склепа 223 могильника у с. Лучистое (*VI*, *VII*), схема крепления застежек на ремне (*а*) и их использование в мужском (*б*) и женском костюме (*в*). Фото, реконструкции и рисунок Э.А. Хайрединовой

Fig. 2. Buckles of the "Syracuse" type, variant 2, from crypt 223 of the burial ground near the village of Luchistoye (*VI*, *VII*), diagram of fastening the buckles on a belt (*a*) and their use in men's (*б*) and women's clothing (*в*). The photo, reconstructions, and the drawing are by E.A. Khairedinova

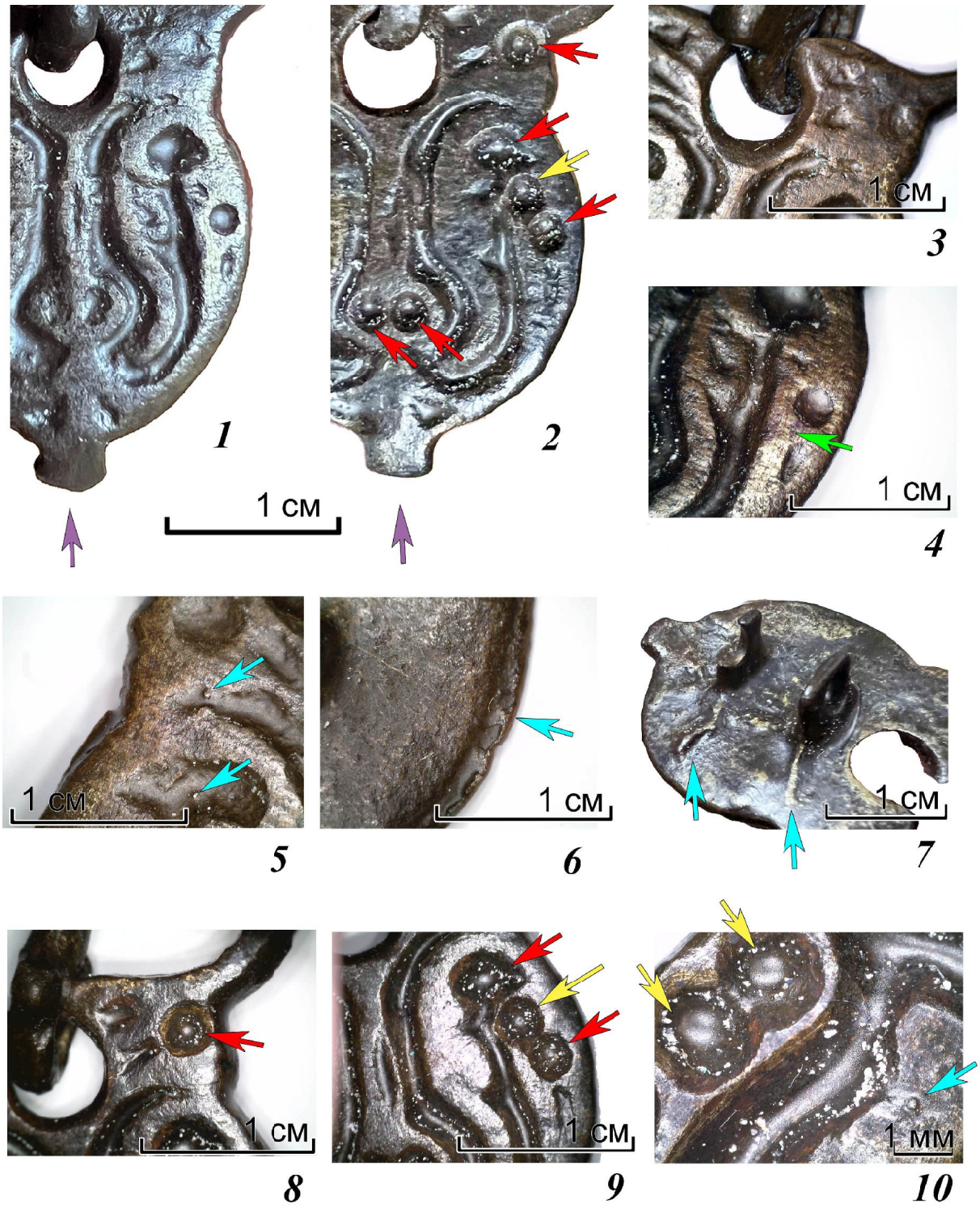

Рис. 3. Увеличенные детали пряжек типа «Сиракузы» *варианта 2* из склепа 223 могильника у с. Лучистое со следами производства. Фото А.Ю. Лободы

Fig. 3. Enlarged details of the “Syracuse” type buckles, variant 2, from crypt 223 of the burial ground near the village of Luchistoye with traces of production. The photo is by A.Yu. Loboda

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 3–86.

2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.

3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь; Керчь: ТОВ «Майстер Книг», 2014. 400 с.

4. Гавритухин И. О. Пряжки типа Сиракузы и северо-восточная зона их распространения // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2 / ред. И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 295–353.

5. Хайрединова Э. А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXIII. С. 242–265.

6. Хайрединова Э. А. Необычная пряжка типа «Сиракузы» из могильника Узень-Баш в Юго-Западном Крыму // История вещей – история и вещи / отв. ред. А. М. Обломский. М.: Ин-т археологии РАН, 2020. 320 с. (Раннеславянский мир. Вып. 20).

7. Хайрединова Э. А. Украшения-апотропеи в женском костюме крымских готов // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2022. № 4. С. 225–250. DOI: 10.55086/sp224225250

8. Хайрединова Э. А. Костюм городского населения Боспора в конце VI – первой половине VIII в. по находкам из некрополя в Босфорском переулке // Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. С. 63–104.

9. Хайрединова Э. А., Антипенко А. В., Айбабин А. И. Новые данные о производстве византийских пряжек типа «Сиракузы» // Российские нанотехнологии. 2021. Т. 16, № 5. С. 591–596. DOI: 10.1134/S1992722321050071

10. Чаллань Д. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. Ч. I // Acta Antiqua Hungarica. 1954. T. II, fasc. 3–4. С. 311–338.

11. Шандровская В. С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Вып. VII. С. 247–255.

12. Aibabine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmèrien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye: Société des Amie du Musée des Antiquités Nationales et du Château de Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 163–170.

13. Andrási J., Aibabin A. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: The Trustees of the British Museum, 2008. 169 p.

14. Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter / hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuzeum, 2010. S. 59–94. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuzeums; Bd. 84, 3).

15. Chavane M.-J. Salamine de Chypre. VI. Les petits objets. Paris: Diffusion de Broccard, 1975. 254 p.

16. Eger Ch. Byzantine Dress Accessories in North Africa: Koiné and Regionality // "Intelligible Beauty": Recent Research on Byzantine Jewellery / eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: British Museum, 2010. P. 133–140. (British Museum Research Publication; Vol. 178).

17. Kadioplu M., von Rummel Ph. Frühbyzantinische Bronzefunde aus dem Theater von Nysa am Mäander // Anadolu – Anatolia. 2003. № 24. S. 103–119.

18. Martini W., Steckner C. Das Gymnasium von Samos. Bonn: In Kommission bei R. Habelt, 1993. 227 S. (Samos; Bd. XVII).

19. Pallas D. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avares et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. // Byzantinobulgarica. 1981. T. 7. P. 295–318.

20. Poulou-Papadimitriou N. Les plaques-boucles byzantines de l'île de Crète (fin IVe–IXe siècle) // Travaux et Mémoires. 2005. T. 15: Mélanges J.-P. Sodini. P. 687–704.

21. Schulze-Dörrlamm M. Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuzeum. T. I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit Laschenbeschlägen und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuzeum, 2002. IX, 258 S., 545 Abb., 4 Farbtaf. (Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer; Bd. 30).

22. Waldbaum J. C. Metalwork from Sardis. London, Cambridge: Harvard Univ. Press, 1983. 216 p.

23. Werner J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1955. Bd. 1. S. 36–43.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Khronologiya mogilnikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimean Burial Grounds of the Late Roman and Early Medieval Period]. *Materialy po*

arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1990, iss. 1, pp. 3-86.

2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogilnik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov* [Necropolis near Luchistoe Village. Vol. 1. Excavations of 1977, 1982–1984]. Simferopol; Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008. 336 p.

3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogilnik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 godov* [Necropolis near Luchistoe Village. Vol. 2. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol; Kerch, TOV "Mayster Knig", 2014. 400 p.

4. Gavritukhin I.O. Pryazhki tipa Sirakuzy i severo-vostochnaya zona ih rasprostraneniya [Syracuse Type Buckles and the North-eastern Zone of Their Distribution]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskih vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe During the Era of Roman Influence and the Great Migration of Peoples]. Tula, Gos. muzey-zapovednik «Kulikovo pole», 2019, pp. 295-353.

5. Khairedinova E.A. Pryazhki tipa "Sirakuzy" iz Kerchi [Syracuse Type Buckles from Kerch]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], 2016, vol. 33, pp. 242-265.

6. Khairedinova E.A. Neobychnaya pryazhka tipa «Sirakuzy» iz mogilnika Uzen-Bash v Yugo-Zapadnom Krymu [An Unusual Buckle of the "Syracuse" Type from the Uzen-Bash Burial Ground in Southwestern Crimea]. Oblomskiy A.M., ed. *Istoriya veshchey – istoriya i veshchi* [History of Things – History and Things]. Moscow, In-t Arheologii RAN, 2020, pp. 121-124, 297-298. (Ranneslavyanskiy mir [(Early Slavic World], iss. 20).

7. Khairedinova E.A. Ukrasheniya-apotropei v zhenskom kostyume krymskikh gotov [Jewelry Apotropaia in a Female Costume of the Crimean Goths]. *Stratum Plus*, 2022, no. 4, pp. 225-250. DOI: 10.55086/sp224225250

8. Khairedinova E.A. Kostyum gorodskogo naseleniya Bospora v kontse VI – pervoy polovine VIII v. po nakhodkam iz nekropolya v Bosforskom pereulke [Costume of the City Settlement of Bosphor in the Late 6th – early 8th Century, Based on Discoveries from the Necropolis in the Bosphorus Lane]. *Nekropol vizantiyskogo Bospora. Raskopki 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke* [Necropolis of Byzantine Bosphor. Excavations from 2007–2009 in the Bosphorus Lane]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, pp. 63-104.

9. Khairedinova E.A., Antipenko A.V., Aibabin A.I. Novye dannye o proizvodstve vizantiyskikh pryazhek tipa "Sirakuzy" [New Data on the Production of Byzantine Buckles of the "Syracuse" Type]. *Rossiyskie nanotekhnologii* [Russian Nanotechnologies], 2021, vol. 16, no. 5, pp. 591-596. DOI: 10.1134/S1992722321050071

10. Challan D. Pamyatniki vizantiyskogo metalloobrabatyvayushchego iskusstva. Ch. I [Monuments of Byzantine Metalworking Art. Pt. I]. *Acta Antiqua Hungarica*, 1954, vol. II, fasc. 3–4, pp. 311-338.

11. Shandrovskaya V.S. O neskolkikh nakhodkakh vizantiyskikh pechatey v Krymu [On Several Finds of Byzantine Seals in Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, iss. VII, pp. 247-255.

12. Aibabine A.I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmèrien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe s. *Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens*. Saint-Germain-en-Laye, Société des Amie du Musée des Antiquités Nationales et du Château de Saint-Germain-en-Laye, 1993, pp. 163-170.

13. Andrási J., Aibabin A. *The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material*. London, The Trustees of the British Museum, 2008. 169 ð.

14. Chajredinova E. Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert. Daim F., Drauschke J., Hrsg. *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter*. Mainz, Römisch-Germanisches Zentralmuzeum, 2010, S. 59–94. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuzeums; Bd. 84, 3).

15. Chavane M.-J. *Salamine de Chypre. VI. Les petits objets*. Paris, Diffusion de Broccard, 1975. 254 p.

16. Eger Ch. Byzantine Dress Accessories in North Africa: Koiné and Regionality. Entwistle Ch., Adams N., eds. *"Intelligible Beauty": Recent Research on Byzantine Jewellery*. London, British Museum, 2010, pp. 133-140. (British Museum Research Publication; vol. 178).

17. Kadioplu M., von Rummel Ph. Frühbyzantinische Bronzefunde aus dem Theater von Nysa am Mäander. *Anadolu – Anatolia*, 2003, Nr. 24, S. 103-119.

18. Martini W., Steckner C. *Das Gymnasium von Samos*. Bonn, 1993. 227 S. (Samos; Bd. XVII).

19. Pallas D. Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avares et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. *Byzantinobulgarica*, 1981, vol. 7, pp. 295-318.

20. Poulou-Papadimitriou N. Les plaques-boucles byzantines de l'île de Crète (fin IVe–IXe siècle). *Travaux et Mémoires*, 2005, vol. 15: Mélanges J.-P. Sodini, pp. 687-704.

21. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantiniche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römicsch-*

Germanischen Zentralmuzeum. T. I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit Laschenbeschlägen und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz, Römisch-Germanisches Zentralmuzeum, 2002. 258 S., 545 Abb., 4 Farbtaf. (Kataloge vor- und frühgeschichtlicher Altertümer; Bd. 30).

22. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis*. London; Cambridge, Harvard Univ. Press, 1983. 216 p.

23. Werner J. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 1955, Bd. 1, S. 36-43.

Information About the Author

Elzara A. Khairedinova, Candidate of Sciences (History), Deputy Director for Research, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Anna V. Antipenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132

Anastasia Yu. Loboda, Researcher, National Research Center "Kurchatov Institute", Academika Kurchatova Sq., 1, 123182 Moscow, Russian Federation, lobodaau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4926-1140

Информация об авторах

Эльзара Айдеровна Хайрединова, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Анна Витальевна Антипенко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, an.antipenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8699-3132

Анастасия Юрьевна Лобода, научный сотрудник, НИЦ «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, 123182 г. Москва, Российская Федерация, lobodaau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4926-1140

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.2

UDC 903.43
LBC 63.444-421.1

Submitted: 06.06.2025
Accepted: 17.10.2025

DEFENSIVE COMPLEX OF "THE EASTERN WICKET" – THE SIDE GATE OF THE MEDIEVAL CITY ON THE ESKI-KERMEN PLATEAU

Nikita D. Denisenko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The side gate of the "Eastern Wicket" is an important element in the defense of the Early Byzantine fortress on the Eski-Kermen plateau and in the daily life of the town. Nevertheless, this complex is barely studied – archaeological research was carried out only in 1937, and the materials of those works are not published yet. In this article we have made a graphic fixation of this section of the "Eastern Wicket" defense using modern methods and made measurements of military and economic objects and attempted to interpret them. *Methods and materials.* The methods of laser scanning, digital mapping, and comparative analysis were used to solve the set tasks. *Analysis*. In the course of the study the complex was divided into four objects: Curtain Wall IV, "side gate," a platform with "enfilade," and a staircase on the east slope. We studied the bedding of the fortress wall, which opens up possibilities for its reconstruction, and found traces of late construction works, including the construction of cave household premises and a previously unknown temple. *Results*. A new interpretation was given to most of the complexes based on the results of laser scanning. We stated the fact that there were no defenses at the side gate area at the last stage of the city's history.

Key words: Byzantium, southwestern Crimea, Eski-Kermen, defenses, side gate.

Citation. Denisenko N.D. Defensive Complex of "The Eastern Wicket" – The Side Gate of the Medieval City on the Eski-Kermen Plateau. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 26-43. (ain Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.2

УДК 903.43
ББК 63.444-421.1

Дата поступления статьи: 06.06.2025
Дата принятия статьи: 17.10.2025

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «ВОСТОЧНОЙ КАЛИТКИ» – БОКОВЫХ ВОРОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН

Никита Дмитриевич Денисенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Боковые ворота «Восточной калитки» – важный элемент в обороне ранневизантийской крепости на плато Эски-Кермен и в повседневной жизни возникшего позже города. Тем не менее данный комплекс практически не изучен – археологические исследования производились только в 1937 г., материалы тех работ не опубликованы. В данной статье произведена графическая фиксация данного участка обороны «Восточной калитки» с применением современных методов, выполнены обмеры военных и хозяйственных объектов, а также предпринята попытка их интерпретации. *Методы и материалы.* Для решения поставленных задач применялись методы лазерного сканирования, цифрового картографирования и метод компаративного анализа. *Анализ.* В ходе исследования комплекс был поделен на четыре объекта: куртину IV, «боковые ворота», площадку с храмом и лестницу на восточном склоне. Зафиксированы постели крепостной стены, которые открывают возможности для ее реконструкции, следы поздних строительных работ, в том числе сооружения пещерных хозяйственных помещений и храма, ранее не изученного. *Результаты.* Дана новая интерпретация большинству комплексов, основанная на результатах лазерного сканирования, констатирован факт отсутствия оборонительных сооружений на участке боковых ворот на последнем этапе истории города.

© Денисенко Н.Д., 2025

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, Эски-Кермен, оборонительные сооружения, боковые ворота.

Цитирование. Денисенко Н. Д. Оборонительный комплекс «Восточной калитки» – боковых ворот средневекового города на плато Эски-Кермен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 26–43. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.2

Введение. Малые (боковые) ворота – распространенный элемент обороны раннесредневековых крепостей византийского фронтира. Они играли важную роль в неординарных укреплениях на сложном рельефе, где невозможно соблюсти привычные геометрические формы римских крепостей. Ранневизантийская фортификация на плато Эски-Кермен – эталонный пример подобной изобретательности. Расположенный на юго-западных отрогах Внутренней гряды Крымских гор, Эски-Кермен – узкий изолированный эрозионно-останцовый массив нуммулитового известняка, который довлеет над окружающими горными долинами – балками Текме-Таш (Джан-Казы) и Джурла. Высокие, до 60 м, обрывы в северной части плато переходят в пологие склоны к югу – здесь строителями крепости в последней четверти VI – начале VII в. возведены основные фортификационные сооружения, в том числе главные ворота и «Восточная калитка» [3, с. 293]. На юго-восточном склоне в раннее средневековье располагался некрополь византийского гарнизона, поверх которого в IX–X вв. жители города разбили огороды [12, с. 514, 527, 530]. По направлению к ним с расположенного к югу от Эски-Кермена верховья балки Бильдеран вел керамический водопровод, обеспечивающий орошение аграрной округи и потребности горожан в питьевой воде [4, с. 253–254]. В таких обстоятельствах боковые ворота имели не меньшее значение, чем главные.

Впервые данный оборонительный комплекс исследован работами Эски-Керменской экспедиции ГАИМК под руководством Н.И. Репникова в 1928 году. Они открыли «вырубной храм с усыпальницей» (так называемый Храм 1928 г.), расположенный к северу от «Восточной калитки» в городской застройке. Н.И. Репников назвал фортификационный комплекс «боковыми или малыми воротами города» и отметил, что они «*сильно укрепленные целой системою обороны*» [9, с. 112, 117; 10, с. 193]. К археологическим исследованиям на данном участке экспедиция вернулась только в 1936–1937 годах. В 20 м к северу от «Восточной калитки», которую в публикации 1941 г. Н.И. Репников называет уже «Малыми Южными воротами», открыты две усадьбы городского квартала [11, с. 277]. В 1937 г. зачищены два марша лестницы, ведущей к «Восточной калитке», и примыкающие к ней хозяйственные сооружения. К сожалению, единственными известными в настоящий момент результатами этих работ являются фотографии, выполненные А.Л. Ротачем [7, с. 324–326]. Обмеры и графическая фиксация (за исключением неопубликованных кратких описаний нескольких пещерных сооружений, выполненных Е.В. Веймарном в экспедициях Севастопольского музея краеведения [14]) не производились. Данный участок скалы по сей день в значительной степени открыт от грунта и растительности, что позволило автору произвести лазерное сканирование (на основе которого составлен сводный план сооружений, расчищенных в 1937 г.), а также подготовить планы и разрезы пещерных комплексов. По результатам проведенных работ предпринята попытка интерпретации «Восточной калитки» и связанных с ней сооружений.

Методы. Для решения поставленных задач применялись методы лазерного сканирования, цифрового картографирования и метод компаративного анализа. Полевая съемка производилась с применением лазерного сканера XGRIDS Lixel L2 32/300 RTK, которым построены три облака точек ландшафта и отдельные – для каждого пещерного сооружения. Цифровое картографирование выполнялось в программах Lixel Studio для обработки облака точек и проведения измерений, по результатам были подготовлены планы и разрезы в программе Adobe Illustrator. Метод компаративного анализа применялся для сравнения исследуемых

комплексов с аналогичными памятниками ранневизантийского периода и их интерпретации.

Анализ. Оборонительный комплекс «Восточной калитки» представляет собой крепостную линию между «пещерными казематами» V и VI, протянувшуюся на 115 м по направлению юго-запад – северо-восток. В нее входит куртина (которую предлагается нумеровать «куртина IV» в продолжение предыдущих исследований восточного фланга обороны [5, с. 50]) с примыкающими к ней тремя «площадками с парапетами» (по Е.В. Веймарну), сама «Восточная калитка» с прилегающими участками стен. С севера к данному участку обороны примыкает городское зернохранилище и «пещерный каземат» VI, с востока – склон с вырубленной лестницей и хозяйственными сооружениями общей площадью ок. 670 м^2 (рис. 1).

Куртина IV и «площадки с парапетом» (рис. 2). В настоящий момент по постелям прослеживаются 50 м линии крепостной стены у «Восточной калитки». Участок постелей длиной 57 м между «пещерным казематом» V и «площадкой с парапетом» № 1 не раскапывался. Таким образом, общая длина куртины от «пещерного каземата» V до «Восточной калитки» должна достигать 107 м. Как и на южном воротном комплексе, маловероятно, что «казематы» играли сколь-либо значимую роль в обороне «калитки» [5, с. 48]. «Пещерный каземат» V закрыт от склона двумя отдельно стоящими скальными мысами, на одном из которых расположен храмовый комплекс (не исследовался). Боевая площадка «каземата» могла обеспечить эффективную оборону лишь прилегающему участку куртины IV. Нельзя исключать, что хорошо защищенный подъем в левой части «каземата» V между мысом и восточным обрывом плато мог иметь калитку и использоваться для вылазок, однако, необходимо сказать, что в византийском крепостном строительстве такие калитки (*posterns*) принято помещать на правой стороне башен [1] для того, чтобы защитники крепости при выходе могли закрываться от противника щитами [5, с. 67; 18, p. 44, 48–49, 81–82]. Участок куртины IV, прилегающий к «площадкам с парапетом», был зафиксирован Н.И. Репниковым в ходе работ Эски-Керменской экспедиции 1928–1932 гг. и расчищен в 1937 году. Она тянется ломаной линией вдоль края покатого скального обрыва средней высотой 8 м. Как и на других участках ранневизантийской фортификации Эски-Кермена, куртина представляла собой трехслойную двухпанцирную крепостную стену с слоем забутовки посередине, сложенную в позднеримской технике *opus emplectum*. Параллельные линии постелей под установку кладок панцирей фиксируются почти на всей ее протяженности. Средняя ширина стены не более 1,4 м. Отличительной особенностью данной куртины является наличие трех прямоугольных площадок, вырубленных в толще скальных выступов перед внешним панцирем стены. Е.В. Веймарн определял их как «полувырубленные казематы» или «площадки с парапетом», которые дополнительно укрепляли оборону куртины и обеспечивали контроль над ведущей по склону к «калитке» скальной лестницей [2, с. 31].

Наиболее отдаленная от «Восточной калитки» площадка № 1 в форме правильного прямоугольника длиной 6,5 м и средней шириной 2,45 м примыкает к постели внешнего панциря крепостной стены и вырублена на 1,4 м ниже ее уровня. Ее южная и северная стены представляют собой неправильные треугольники, ориентированные по направлению естественного уклона скалы. Восточная стена отсутствует, перепад от уровня площадки до склона под обрывом – 7 м, под восточным краем площадки, ниже его на 0,8 м, тянется наклоненная в обрыв узкая ступень, вероятнее всего, постель под установку обычной каменной кладки – незаконченная, либо сильно выветренная. Поверхность площадки задернована. В южной ее части расположен аккуратно изготовленный лестничный спуск с уровня постели внешнего панциря куртины из 6 ступеней хорошей сохранности. На площадке к востоку от лестничного спуска вырублено небольшое углубление с выровненным полом ниже общего уровня на 0,5 м и отделенное бортиком. Из него оборудован вход в пещерное помещение, расположенное под лестницей. Данное сооружение не учтено на общем плане Е.В. Веймарна и не имеет номера [9, л. 7]. Это округлое помещение, расширяющееся к западной стенке, средняя длина – 2,8 м, средняя ширина – 2,9 м, высота по-

толка – 1,9 м (рис. 2, *1*). В северо-западном углу – хозяйственная яма, в юго-западном углу две ниши-полки друг над другом, в южной стене – третья.

Аналогичная «площадка с парапетом» № 2 расположена в 9,2 м на северо-восток, длиной 5,2 м, средней шириной 3,6 м. Западная стена площадки расположена под карнизом постели внешнего панциря куртины IV, уровень площадки ниже последней на 1,4 м. На внутреннем панцире куртины сохранилось пять блоков нижней кладки размерами 0,8 × 0,6 × 0,3 м. Карниз над площадкой пересекает неглубокий желоб, параллельный полу, возможно, под установку деревянного перекрытия. В середине западной стены оборудован проем в пещерное помещение, также не учтенное Е.В. Веймарном. Оно имеет овальную форму, средняя длина – 3,7 м, средняя ширина – 2,5 м, высота потолка – 1,9 м (рис. 2, *2*). У южной стены неровное углубление, вероятнее всего, незаконченные ясли или хозяйственная яма. На незавершенность помещения указывает недорубленный участок пола у северной стены. В северной части площадки вырублена хозяйственная яма, в углу возле нее оборудована лестница, которая выводит на необработанную поверхность скалы, здесь в карнизе постели крепостной стены выполнены три вырубки под установку горизонтальных балок.

«Площадка с парапетом» № 3 находится у «Восточной калитки», в 9,5 м к северо-востоку от площадки № 2, по форме прямоугольная 6,19 × 2,50 м. Постели куртины IV поворачивают у ее западного угла по направлению к обрыву, постель внешнего панциря окаймляет площадку с востока, ее ширина на данном участке 0,5 м. В южной части площадки хозяйственная яма. В западной стене напротив ямы вырублена прямоугольная ниша – заготовка под дверной проем в планировавшееся пещерное помещение. В 1,3 м к югу от площадки вырубка неправильной формы неясного назначения. Ее западный край перерезает линию постели. С юга вырубку окаймляет ступень постели шириной 0,25 м, оканчивающаяся округлым отверстием под установку столбовой конструкции. Скорее всего, данная постель не имеет отношения к крепостной линии.

«Восточная калитка» (рис. 3). Линия стены поворачивает на север по краю обрыва от площадки № 3, длина данного отрезка – 4,5 м. Постели идут здесь вплотную друг к другу, их наибольшая ширина 0,3 м. К северо-востоку от нее край плато формирует ложбину вдоль трещины в скале, пересекающей местность по направлению северо-запад – юго-восток. Строителями крепости данная ложбина была расширена для возведения пешеходных ворот (рис. 4, *2*). Вдоль края скалы на северо-восток проложена постель внешнего панциря крепостной стены длиной 5 м, шириной 0,5 м, тремя ступенями она спускается в ложбину. Постель внутреннего панциря отсутствует на большей части данного отрезка, за исключением прямоугольной подрубки в западной части куртины и небольшой постели у воротного проема (рис. 4, *3*). Длина последней – 1,1 м, ширина – 0,3 м, она отклоняется от постели внешнего панциря на 15,5° к северу. Реконструируемая толщина стены на данном участке ок. 1,5–1,7 м, расширяется по направлению к воротам. Ширина существующего проема – 2,3 м, учитывая необходимые несущие конструкции, воротный проем вряд ли был шире 1,25 м. На северо-восточной стороне проема хорошо видны две линии постелей, поднимающиеся ступенями на высоту почти 3 м, между ними – округлые подрубки неясного назначения, возможно, для установки перекрытия. В 1,5 м от воротного проема линия постели внешнего панциря почти под прямым углом поворачивает на юго-восток, продолжаясь 3,5 м вдоль края плато. На северо-востоке от нее, на высоте 1,6 м, вплотную идет постель шириной 0,5 м (рис. 4, *4*).

За воротным проемом, с внутренней стороны стены – небольшая лестничная площадка, которая двумя маршами широких ступеней выводит на плато. Е.В. Веймарн реконструировал оборону боковых ворот Эски-Кермена в виде пропугнакулума: «*Площадка защищалась не только стеной, шедшей над калиткой, но и простреливалась со стен, обходящих ее с трех сторон и господствовавших над ней. В южной части этого замкнутого пространства находилась калитка Ж, выводившая уже непосредственно на территорию городища*» [2, с. 31]. Данная реконструкция вызывает сомнения. В на-

стоящий момент не наблюдается никаких следов установки парапета или стен вокруг данной площадки. Какие-либо следы постелей отсутствуют и на фотографиях А.Л. Ротача [7, с. 325]. На верхнем крае северо-восточной стены скалы вырублены два параллельных основания под установку балок перекрытия, расположенных на уровне внутренней постели последнего участка куртины. Возможно, площадка была частью внутреннего помещения восточных ворот. Ю.М. Могаричев интерпретировал углубление в северо-западном углу площадки как укрытие для привратника [8, с. 61], однако оно плохо подходит на эту роль в связи со своими небольшими размерами и отсутствием козырька. Возможно, данная выемка являлась угловым фундаментом юго-западной стены помещения «Восточной калитки» (на фотографии 1928 г. отчетливо видна каменная глыба, продолжающая западную стенку углубления; к настоящему моменту она обрушилась и лежит в центре площадки калитки). К выходу с площадки примыкает «военная улица» – *pomoerium* (по определению Н.И. Репникова [10, с. 193]), которая идет вдоль всей линии обороны от «пещерного каземата» V. У «Восточной калитки» она заканчивается тупиком, спускаясь к ней треугольной в плане лестницей. С северо-запада к дороге плотно примыкают городские усадьбы.

На площадку «Восточной калитки» выходят три пещерных помещения. Определить их в описаниях Е.В. Веймарна не удалось. Помещение № 1 вырублено в северной стене площадки, округлое 3,3 × 3,0 м, высота потолка – 1,52 м (рис. 6, *1*). В восточной части помещения следы незавершенных строительных работ. Вход в помещение № 2 расположен в узкой расселине в северо-восточном углу площадки, по форме оно овальное 2,5 × 2,0 м, высота потолка 1,6 м. Западная часть пола неровная, возможно, незавершенная. В южной стене пролом в помещение № 3. Оно имеет форму неправильного овала 2,6 × 3,2 м, высота потолка 1,87 м (рис. 6, *2*). Юго-восточный участок помещения неровный, выше уровня пола, возможно, также незавершенный. Ко входу в помещение № 3 с площадки «Восточной калитки» ведут две вырубленные ступени, возведение которых нарушило целостность постелей внутреннего панциря куртины. Все три помещения имеют ясли и являются поздними стойлами для скота.

Площадка у храма и «пещерный каземат» VI. Площадка расположена к востоку от «калитки», выше ее уровня на 4,5–5 м. Средние размеры 17,5 × 3,5 м, с востока к ней примыкает ряд поздних хозяйственных пещерных сооружений, связанных с площадкой четырьмя дверными проемами. Для данного исследования они не представляет большого значения и будет рассмотрены в следующих работах. Площадка не отличается значительными следами ведения хозяйственной деятельности. Постели куртины IV вдоль южного края площадки не прослеживаются – возможно, отсутствие стены компенсировалось перепадом скалы. Нельзя исключать, что здесь могла быть галерея наподобие комплекса «пещерного каземата V» (на схожесть данных оборонительных участков указывал Е.В. Веймарн [2, с. 31]), кроме того, постель могла быть срезана нивелировкой площадки. К позднему строительному периоду относится и возведение здесь наземного храма. Он имеет непривычную ориентацию почти ровно по оси северо-запад – юго-восток, 137–140° (восток, 47–50° склонения к югу). Размеры нефа 4,7 × 1,6 м, размеры апсиды 1,2 (радиус скругления) × 1,4 м. Стены храма, вероятнее всего, двухпанцирные. Внутренние панцири северо-западной и северо-восточной стен стояли на постелях шириной 0,35 м. У северо-западного угла отчетливо прослеживается основание под внешний панцирь. Реконструируемая ширина стены – 0,5–0,6 м. На юго-восточном крае северо-восточной стены видна постель под плечо апсиды. Юго-западная стена и юго-восточная часть апсиды стояли на нивелированной поверхности скалы. Вход оборудован в северо-западной стене, от него в храм вела ступень 0,22 × 0,45 м, 0,13 м высотой. В северо-восточной части апсиды провал в пещерное помещение ниже по уровню. Углубление под установку престола отсутствует.

Отдельно необходимо остановиться на роли в обороне «Восточной калитки» «пещерного каземата» VI. Впервые данный оборонный узел появляется в реконструкции Е.В. Веймарна, он соединяется с куртиной «Восточной калитки» таким же образом, как и «каземат V» с куртиной III. В этот комплекс

исследователь включает все пещерные сооружения в мысе к северо-востоку от «калитки», а также примыкающую к плато скалу. По его мнению, комплекс оборонял боковые ворота с севера и востока, контролируя правый фланг наступающего противника. Пещерные галереи здесь имеют амбразуры для скатывания камней, на поверхности оборудованы невысокие парапеты. К «пещерному каземату» VI Е.В. Веймарн относит большие вспомогательные военно-хозяйственные сооружения, в том числе городское зернохранилище [2, с. 31–32]. В реконструкции А.И. Айбабина сооружения в отдельно стоящей скале не включены в данный комплекс [1, с. 160]. Роль данного комплекса в обороне «калитки» неоднозначна. Комплекс разъединен с оборонительной стеной, с отдельно стоящей скалой «каземата» она также не сообщается. По краям обрывов не прослеживаются следы амбразур и постелей под установку парапетов. Пещерные сооружения данного участка, в том числе и расположенное выше зернохранилище, имеют исключительно хозяйственное назначение. Также неясна и роль сооружений отдельно стоящей скалы «пещерного каземата» V. Ее вершина имеет почти двускатную форму, следы установки парапета не прослеживаются. Помещения действительно расположены двумя ярусами, сообщенными между собой лестницами. По мнению М. Ауфшнайтер и Б. Тобиаса, нижний ярус, отличающийся прямоугольными формами, можно отнести к ранневизантийскому времени [16, p. 241]. Тем не менее через отверстия в его стенах невозможно вести обзор или оборону ввиду неподходящего размера и направления – следовательно, амбразурами они не являются. Данные помещения не могут контролировать склон перед «Восточной калиткой». Необходимо заключить, что «каземат» VI не играл сколь-нибудь важной роли в обороне «Восточной калитки», оставаясь, прежде всего, хозяйственным и, возможно, наблюдательным комплексом.

Скальная лестница (рис. 5). Подступает к комплексу «Восточной калитки» с юго-запада, вдоль обрывов плато и «пещерного каземата» V. Ступени лестницы вырублены в склоне, спускающемся в балку Текме-Тащ под углом в 15–17°. Сам склон идет естественными выступами напластований, которые активно осваивались жителями города в период его расцвета для ведения хозяйственной деятельности. Участок, открытый работами 1937 г., лестница пересекает маршем 22,6 м почти по диагонали. Напротив «Восточной калитки» лестница поворачивает в ее сторону под углом в 40° и затем следует к ней без отклонений небольшим серпантином 15 м. Средняя ширина ступеней лестницы 0,2 м, высота отличается на разных участках: на первом марше редко достигает 0,15–0,18 м, на втором марше шаг лестницы может увеличиться до 0,3 м, но в среднем достигает 0,2 м. Ступени сильно руинированы и выветрены в результате длительного активного использования (на снимках 1937 г. она предстает в таком же виде, что исключает значительное влияние природных условий).

Ниже первого лестничного марша, напротив калитки в естественном уступе рельефа вырублено помещение № 1. Это позднее стойло под содержание мелкого рогатого скота. Помещение имеет овальную форму 2,7 × 5,3 м, высота потолка – 2 м (рис. 6, *3*). В юго-западном углу – естественная трещина в породе, от которой по южной стене оборудован водоотводной канал к уровню пола. В данном уступе рельефа также есть две незаконченные вырубки под помещения. Первое – в 3,7 м к востоку от входа в помещение № 1, прямоугольная ниша размерами 1,5 × 1,0 м, глубиной 1 м – входной проем так и не вырубленного помещения. Второе (№ 2) – в 8 м к западу. Это небольшое округлое сооружение 1,4 × 1,2 м, высота потолка 1,5 м (рис. 6, *4*).

В 8 м к северу по склону от помещения № 1 вырублено помещение № 3, уходящее под первый марш подъемной лестницы. Вход в помещение расположен в северной стене погруженной в скалу площадки, аналогичной сооружениям перед куртиной IV. Высота северной стены 1,5 м, южная стена отсутствует. К востоку от площадки у помещения № 3, почти вплотную расположена еще одна площадка 6,0 × 1,5 м, высота ее северной стены – 0,8–1,0 м. С севера по склону она отгорожена водосточным желобом, направленным ко входу в помещение № 3. С севера и востока площадка окружена круглыми углублениями средним диаметром 10 см под установку

столбовых конструкций. Назначение данной площадки реконструировать затруднительно – пол нивелирован и не имеет углублений. К площадке у помещения № 3 с запада ведет вырубленная в скале лестница, состоящая из 5 ступеней без следов выветривания, по южному ее борту идет узкая постель. Помещение № 3 почти квадратное 3,7 × 3,2 м с закругленными углами, высота потолка 1,6 м (рис. 6, *5*), предназначалось для содержания скота. Южную половину помещения пересекает естественная трещина скалы. От ее края в юго-западном углу по южной стене к входному проему ведет водосточный желоб, который пересекает стену проема на высоте 0,5 м и выходит на площадку.

Кроме рассмотренных помещений, ряд пещерных сооружений вырублен прямо в стене обрыва по обеим сторонам от «Восточной калитки». К западу от нее расположены пять таких помещений, все они – достаточно крупные овальные стойла для скота, значительную часть стен которых занимают ясли и каменные кольца. Пол в них неровный, поднимающийся к стенам. К востоку от «калитки» расположено два стойловых помещения, одно их них – расширенный грот. Оба помещения не имеют значительных следов ведения хозяйственной деятельности и могли использоваться как временные укрытия.

На склоне видны следы добычи камня – вероятно, здесь располагалась ранняя каменоломня, на которой добывались блоки и плиты перекрытия для строительства куртины IV и конструкции «Восточной калитки». Хорошо прослеживаются два ее яруса. Верхний ярус лежит в 9 м от «калитки» ниже по склону, здесь фиксируются множественные прямоугольные следы выработки камня. Если добыча на нем и велась, то происходила она бессистемно, в отличие от каменоломни у южного воротного комплекса [13, с. 305]. На западном крае данного участка поперек склона вырублена прямоугольная «ступень» – с запада она отделена от породы узкой канавкой, с юга и востока – почти под прямым углом вырублена из породы. Размеры «ступени» 2,2 м по длинной стороне, 0,9 м по короткой, 0,3 м в высоту. Второй ярус лежит в 16,5 м ниже по склону от «Восточной калитки», прямоугольной в плане формы размерами 10,5 × 4,5 м (рис. 4, *1*). С севера на юг его пересекает марш вырубленной в скале лестницы, ведущей от «Восточной калитки» – он нарушает целостность комплекса и, вероятно, был проложен позже выработки камня. Поверхность каменоломни к западу от лестницы сильно выветрена, тем не менее, повторяющийся паттерн прямоугольных вырубок позволяет предположить, что она могла быть разделена (наподобие каменоломни южного воротного комплекса) на делянки 0,65–0,75 м шириной, выработка по ним шла вдоль склона. Глубина каменоломни по северному краю – 0,8–0,9 м. К востоку от лестницы расположена наиболее интересная часть данного комплекса: параллельными канавками здесь окаймлены по меньшей мере четыре участка поверхности скалы. Один из них представляет собой, очевидно, недорубленный блок шириной 1,1 м и высотой 0,3 м (часть блока уничтожена проложенной лестницей, установить его длину не представляется возможным). К югу от него участок, обрамленный двумя канавками длиной 1 м. В 0,3 м к востоку – окаймленная канавками делянка размерами 2,2 × 0,9 м, возможно, заготовка под плиту перекрытия. Делянка севернее разрушена маршем лестницы. Необходимо добавить, что на участках склона, не затронутых работами 1937 г., напротив «площадки с парапетом» № 2, автором зафиксированы обрушившиеся остатки внешнего панциря куртины IV – 2 блока размерами 0,8–1 × 0,6–0,8 × 0,3 м и плита перекрытия 1,6–1,8 × 0,9 × 0,3 м.

Результаты. Боковые (или «второстепенные») ворота – важный элемент ранневизантийской фортификации. Во время осады они давали возможность для нанесения фланговых и тыловых атак во время неожиданных вылазок [18, p. 44], в мирное время – распределяли пешеходный трафик, обеспечивали доступ к аграрной округе и источникам воды. Такую же роль выполняла так называемая «Восточная калитка» крепостной линии на плато Эски-Кермен. Она отстоит от ближайших городских ворот (южного воротного комплекса) на 285 м, являясь единственным организованным спуском с плато в балку Текме-Таш. По городу к ней вела специальная улица, проложенная параллельно главной. «Восточная калитка» примыкает к важным объектам – некрополю, садам (разбитым позже на его месте) и, вероятно, цистернам городского водопровода. Похо-

жую роль выполняли второстепенные ворота ранневизантийской крепости Рентина (Греция) [17, p. 253–254; 19, p. 121–122].

Общая конструкция «Восточной калитки» соответствует распространенным в VI в. приемам фортификации: ворота примыкают к углу в укреплении (таким же образом оборудованы ворота в ранневизантийских квадрибургах Добра-Салдум, Хайдучка Воденица, Текия, Овидиу, Любеново и Пирдоп в Подунавье, Уппенна в Северной Африке [17, p. 178]), «калитка» фланкирована продолжением крепостной стены (подобный подход использован в одной из угловых башен Овидиу [17, p. 177]). Угловые ворота крепостей Хайдучка Воденица, Любеново и Текия ведут в помещение наподобие тамбура – возможно, площадка за воротным проемом «Восточной калитки» имела такое же назначение, о чем говорит наличие оснований под установку горизонтальных балок в скальных стенах площадки [17, p. 178]. Кроме того, тыльная конструкция «калитки» соответствует практике «изогнутых входов» – смена направления приводила к потери импульса атаки, закрытый темный узкий коридор нарушал координацию движений, кроме того, при наличии вторых ворот (существование которых предполагал Е.В. Веймарн), «изогнутый вход» не давал возможность нападающим использовать таран. Данный фортификационный прием приобретает широкое распространение в средне- и поздневизантийский периоды. Схожую конструкцию имеют внутренние ворота крепости Каламата, а также укрепления А1 и Е2 крепостной линии города Мистра [15, p. 39–42].

Представляется необходимым во избежание путаницы пересмотреть предложенное Е.В. Веймарном наименование комплекса «Восточной калиткой». Несмотря на то что понятия «малые ворота» и «калитка» в русскоязычной историографии являются взаимозаменяемыми, термин «калитка» («*wicket*» или «*postern*») в фортификационной терминологии подразумевает специальные вылазные выходы – потерны, чаще всего в конструкциях главных ворот – калитки Г и Д южного воротного комплекса названы так совершенно справедливо [18, p. 48, 81]. Рассматриваемый проход в город имел собственную систему обороны и являлся полноценными второстепенными воротами – таким образом, правильней именовать его Восточными боковыми воротами (или вернуться к предложенному Н.И. Репниковым названию «Малые южные ворота»).

Исследование позволяет проанализировать организацию обороны боковых ворот, прежде всего – исключить из нее «пещерные казематы» V и VI. Данные комплексы в силу своего расположения и планировки не могли обеспечивать фланговую поддержку ворот. Более значимую роль играла куртина IV, вероятно, возведенная вместе с другими фортификационными элементами на плато в конце VI – начале VII в., на это указывает их конструкция, аналогичная куртине III: трехслойная двухпанцирная стена, сложенная из крупных тесаных квадров средним размером 0,8 × 0,6 × 0,3 м в позднеримской технике *opus emplectum*. Такие же остатки куртин VI–VII вв. встречаются на других ранневизантийских крепостях Крыма: укреплениях A.I, A.VIII, A.XI, A.XIV, A.XVI на плато Мангуп, цитадели Баклы, куртин Каламиты и др. [6, с. 130–136]. Куртина IV протянулась вдоль обрыва плато, отступая от края в среднем на 4 м (в реконструкции Е.В. Веймарна она помещена вдоль края [2, с. 33]). Реконструировать высоту ее боевого хода затруднительно. Сохранившиеся участки кладок лежат в один уровень (также как и на куртине II [5, с. 50]), средняя ширина стены, реконструируемая по постелям, 1,4 м. Вряд ли высота стены составляла больше одного-двух уровней на данном участке. Вместе с обрывом оборонительная высота достигала внушительных 9–10 м. В 20 м от «Восточной калитки» куртина поворачивала под углом в 90° к краю плато и следовала по нему до седловины, окаймляя широким полукругом естественный выступ скалы. Данная площадка фланкировала боковые ворота и контролировала слепые зоны под обрывом перед куртиной. Стена спускалась в седловину ступенями, вероятно, постепенно увеличиваясь в высоту для сохранения единого уровня боевого хода. Для этого у ворот высота куртины должна была достигать в среднем 4,5–5 м, что соответствует 7–8 уровням квадровой кладки, а максимальная ширина достигала 2,2 м. Воротный проем в ширину не превышал 1–1,25 м, вероятная высо-

та – 1,8–2 м (по опоре перекрытия). За воротами стена поворачивала к югу и вновь не менее 4 м шла по самому краю обрыва. Данный участок фланкировал подход к «калитке» и подошву скального обрыва у восточного края куртины IV. Продолжалась ли стена далее вдоль края, сказать трудно, так как поверхность скалы здесь повреждена более поздней постройкой храма. Логично предположить, что стена должна была замыкать оборону у «пещерного каземата» VI. Ряд конструктивных особенностей куртины IV (однопанцирная кладка, примыкающая к скале; расположение калитки на изломе куртины для обеспечения эффективной фланговой обороны; соблюдение единого уровня боевого хода; высота стены на участке калитки около 5 м) говорят в пользу наличия на уровне ее боевого хода парапета, отсутствие которого делает столь продуманный комплекс бессмысленным. Следов организации обороны боковых ворот по типу пропугнакулума, как на то указывал Е.В. Веймарн, не выявлено. Ю.М. Могаричев не обнаружил у «Восточной калитки» пещерных сооружений VI–VII вв. [8, с. 61], мы склонны согласиться с таким выводом. Вероятно, во время строительства куртины на склоне была разбита каменоломня, поверх которой, после завершения работ, были проложены лестничные марши.

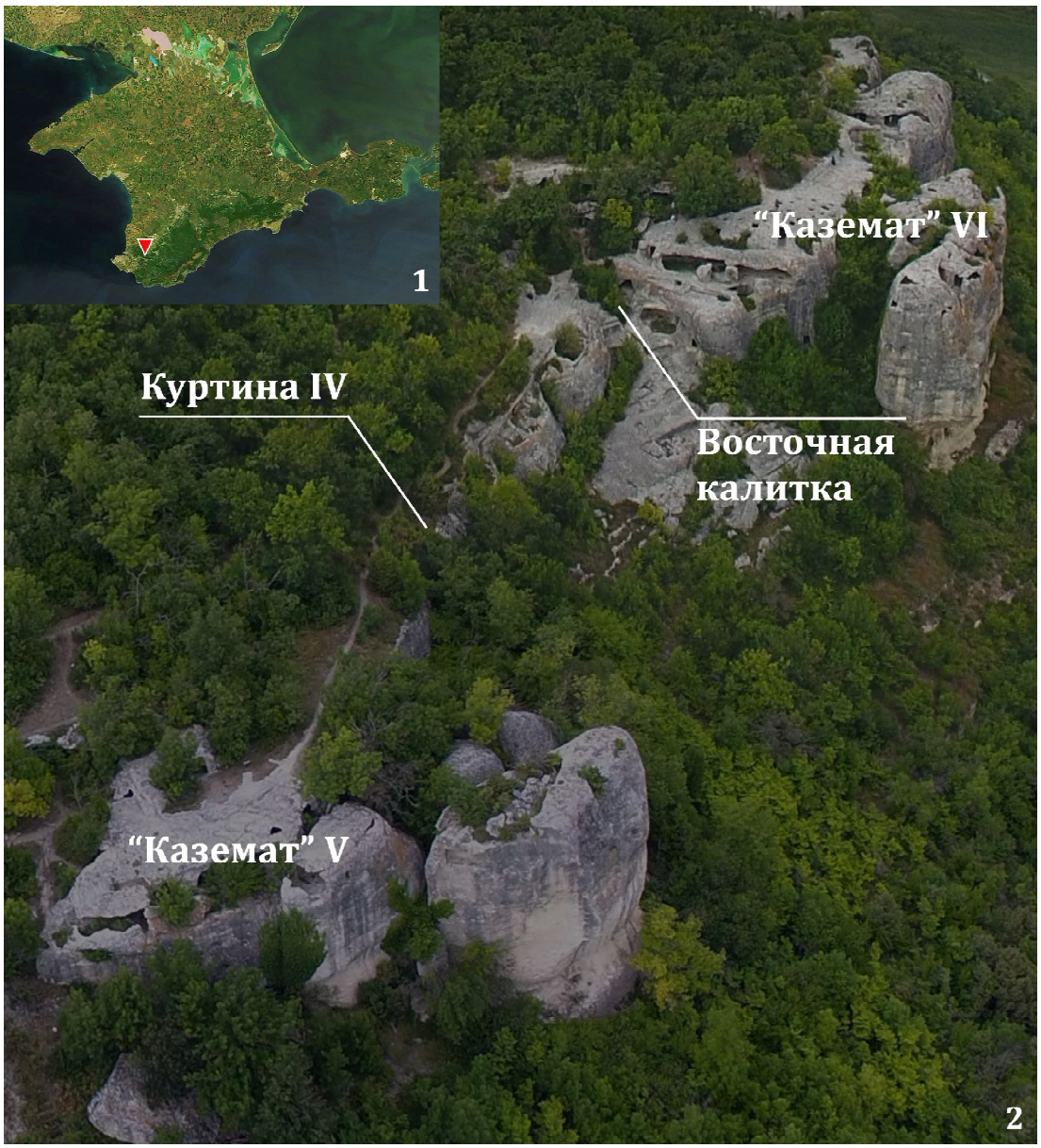
На определенном этапе вся оборонительная конструкция на данном участке была разобрана. На скальных выступах перед куртиной IV оборудованы площадки, которым Е.В. Веймарн приписал оборонительную функцию. Однако более вероятно, что эти площадки сооружены как основания построек городских усадеб, две из которых использовали остатки куртины IV в качестве северной несущей стены, а ближайшая к «Восточной калитке» – южной. Сооружение этих зданий нарушило линию постелей. Как и на городских кварталах, в полу была вырублена хозяйственная яма, а также оборудован подвал, уходивший под улицу. Вероятно, была полностью разобрана и «Восточная калитка» – на это указывает отсутствие значительного развала камней на фотографиях 1928–1937 гг., с которым экспедиции пришлось столкнуться при расчистке южного воротного комплекса. В стенах площадки вырублены пещерные стойла для скота, которые повредили целостность постелей куртины. Если оборонительный фланг, связывающий «Восточную калитку» и «пещерный каземат» VI, и существовал, то он был полностью снесен. На его месте возведен небольшой храм, который мог использовать остатки предполагаемой здесь куртины в качестве основания своей юго-западной стены. Подобные перемены говорят о разрастании городской застройки и неких изменениях в обороне города, вследствие которых фортификационный комплекс «Восточной калитки» утратил свое значение. Точно датировать разбор обороны боковых ворот в настоящий момент не представляется возможным.

На скальном склоне перед «калиткой» появилось множество новых сооружений. Особое внимание привлекают постели и площадки вокруг пещерного помещения № 3, которые необходимо выделять в отдельный комплекс. Все исследованные пещерные сооружения имеют следы незавершенных работ по их возведению, строительство некоторых только начиналось (в нескольких местах были лишь намечены дверные проемы). Внезапное прекращение хозяйственной деятельности на этом участке, вероятно, связано с слоем пожара на городских кварталах конца XIII века. Учитывая, что свидетельства незаконченных работ встречаются и в постройках на куртине IV (на «площадках с парапетом»), возможно, перепланировка комплекса происходила единовременно накануне гибели города, в XII–XIII веках.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] В реконструкциях Н.И. Репникова и Е.В. Веймарна «пещерным казематам» в системе обороны плато отведена роль башен [9, с. 116–117; 2, с. 10].

ПРИЛОЖЕНИЕ

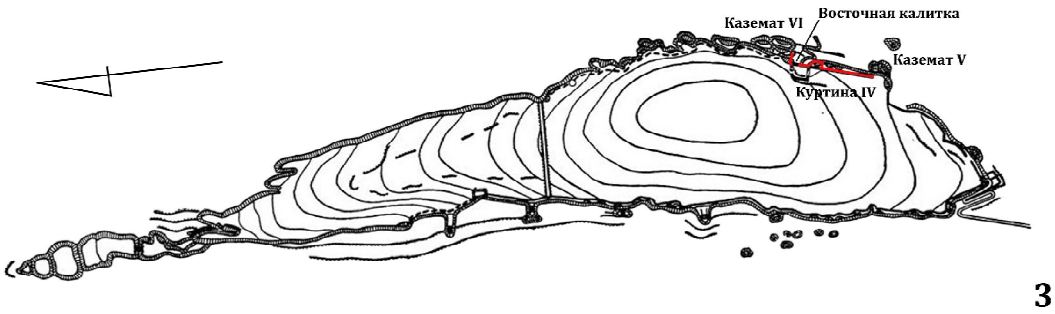
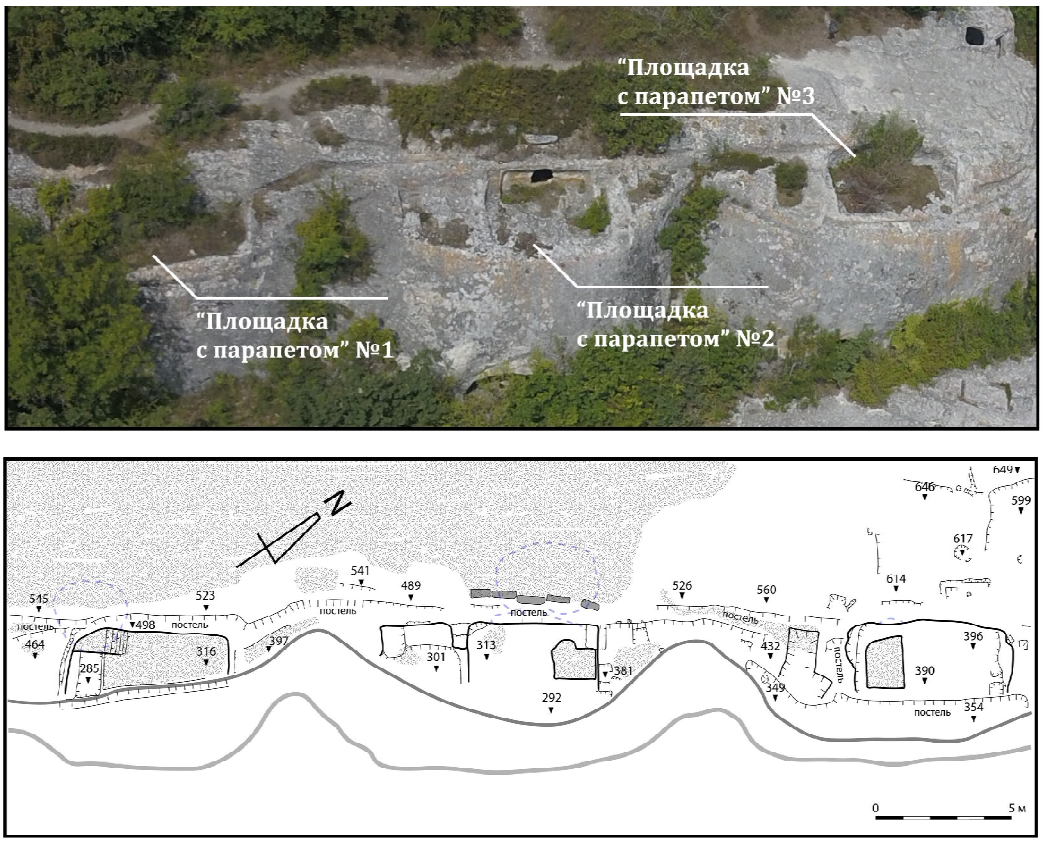

Рис. 1: *1* – плато Эски-Кермен на карте Крыма; *2* – аэрофотосъемка «Восточной калитки» и прилегающих комплексов 2021 г.; *3* – расположение исследуемых объектов на плане Эски-Кермена

Fig. 1: *1* – Eski-Kermen plateau on the map of Crimea; *2* – aerial photograph of the “Eastern Wicket” and adjacent complexes, 2021; *3* – location of the studied objects on the Eski-Kermen plan

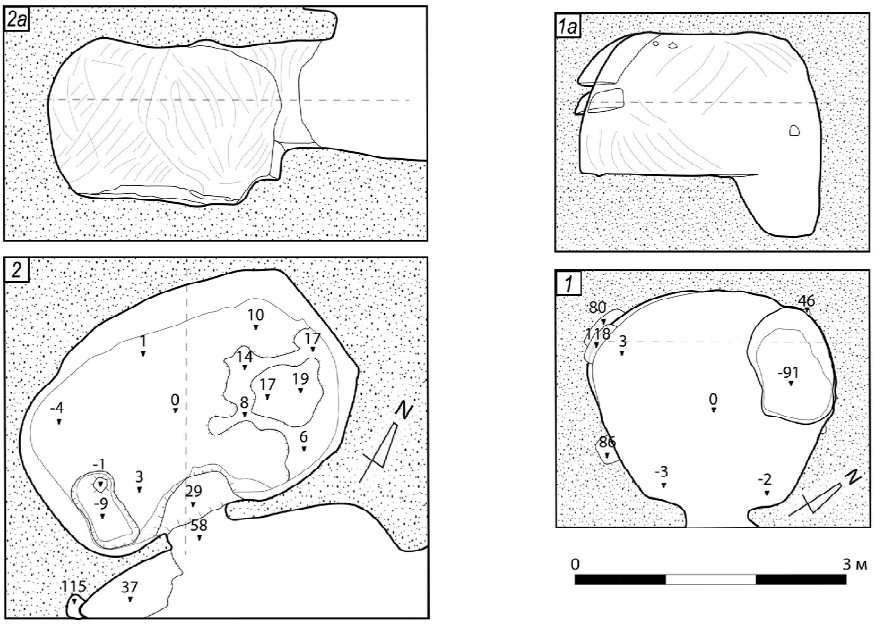

Рис. 2. Сверху – аэрофотосъемка «площадок с парапетом» 2022 г. (фото – А.А. Душенко). Снизу – план «площадок с парапетом» у куртины VI. *1* – план пещерного помещения на площадке № 1; *1а* – вертикальный разрез пещерного помещения на площадке № 1, вид с востока; *2* – план пещерного помещения на площадке № 2; *2а* – вертикальный разрез пещерного помещения на площадке № 2, вид с юго-запада. Чертежи автора

Fig. 2. Above – aerial photo of the “platforms with parapet” in 2022 (photo by A.A. Dushenko). Below – plan of “platforms with parapet” at curtain wall VI. *1* – plan of the cave room at site No. 1; *1a* – vertical section of the cave room at site No. 1, view from the east; *2* – plan of the cave room at site No. 2; *2a* – vertical section of the cave room at site No. 2, view from the southwest. Author’s drawings

Рис. 3. Сверху – аэрофотосъемка «Восточной калитки» в 2022 г. (фото – А.А. Душенко). Снизу – план «Восточной калитки» и площадки у «анфилады» пещерных сооружений. Чертеж автора

Fig. 3. Above – aerial photo of the “Eastern Wicket” in 2022 (photo by A.A. Dushenko). Below – plan of the “Eastern Wicket” and the site at the “enfilade” of cave structures. Author’s drawing

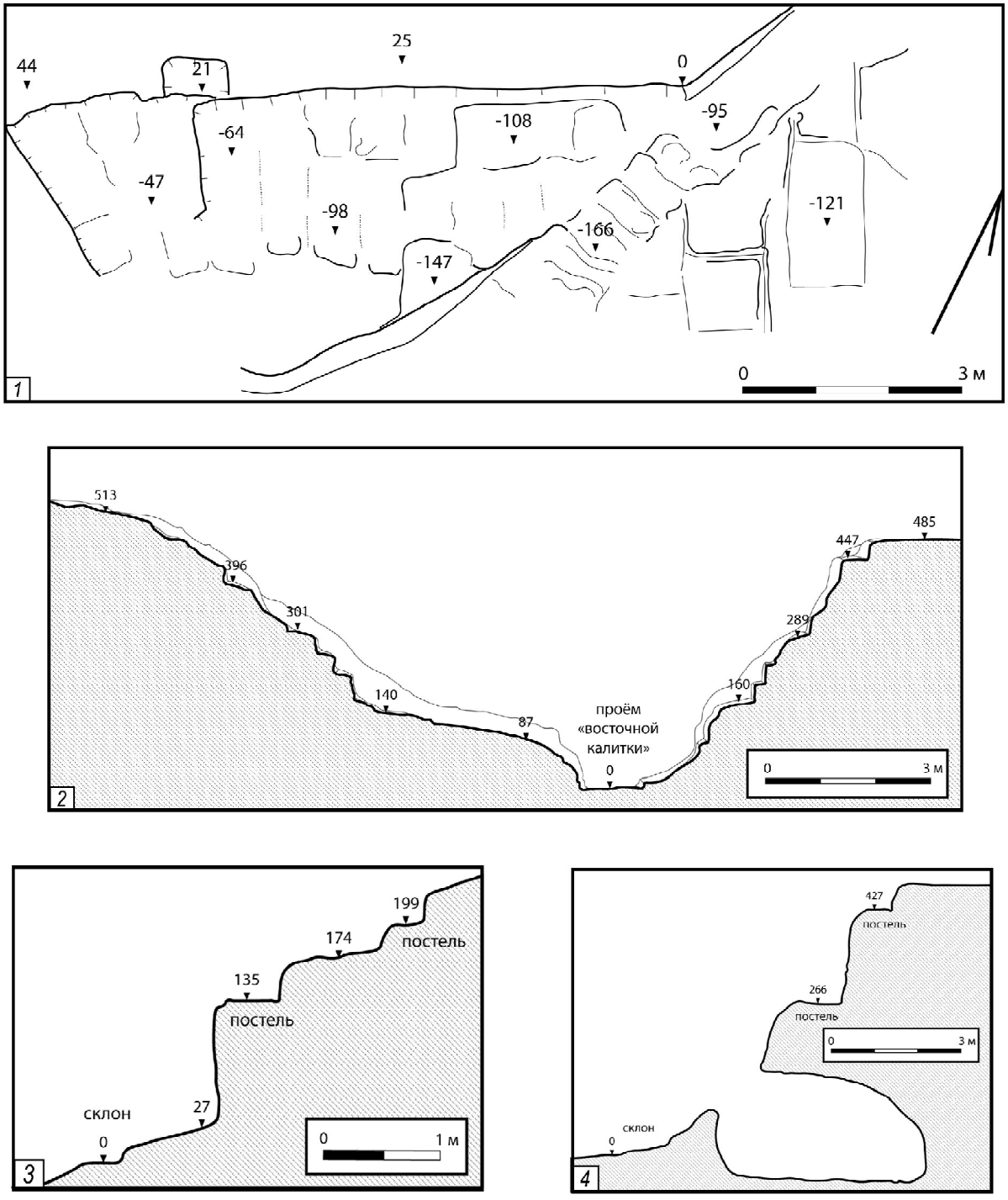

Рис. 4: *1* – каменоломня на первом лестничном марше; *2* – ложбина на участке «Восточной калитки» (вертикальный разрез по постели внешнего панциря); *3* – вертикальный разрез через постели куртины в ложбине у «Восточной калитки»; *4* – вертикальный разрез через постели куртины на площадке у храма. Чертежи автора

Fig. 4: *1* – quarry on the first flight of stairs; *2* – hollow of the "Eastern Wicket" (vertical section through the bed of the outer shell); *3* – vertical section through the bed of the curtain wall in the hollow near the "Eastern Wicket"; *4* – vertical section through the bed of the curtain wall on the platform near the temple. Author's drawings

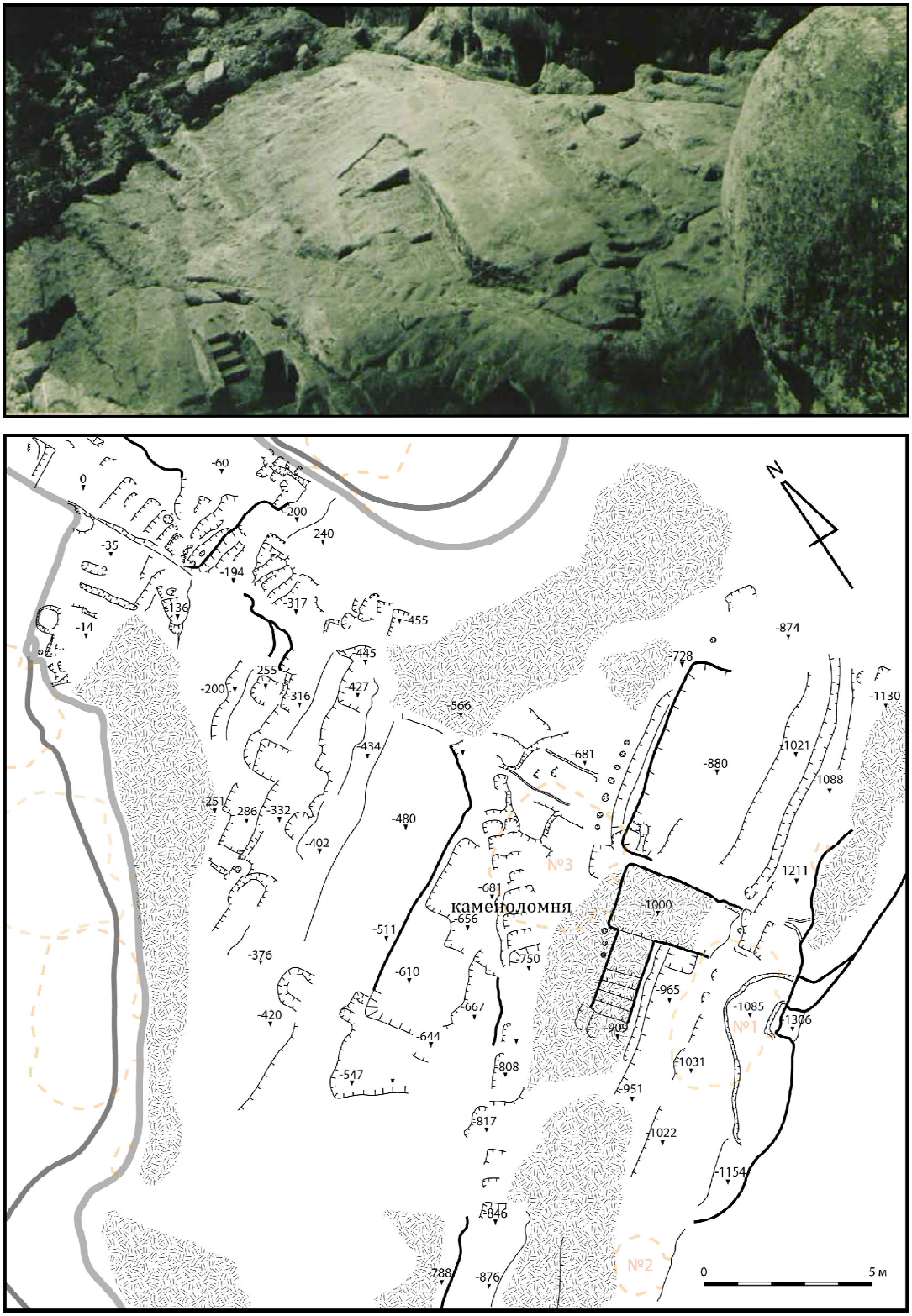

Рис. 5. Сверху – фото расчищенного в 1937 г. участка скальной лестницы, приводится по: [7, с. 324]. Снизу – план скальной лестницы и примыкающих хозяйственных сооружений. Чертеж автора

Fig. 5. Above – photo of a section of the rock staircase cleared in 1937 from [7, p. 324]. Below – plan of the rock staircase and adjoining household structures. Author's drawing

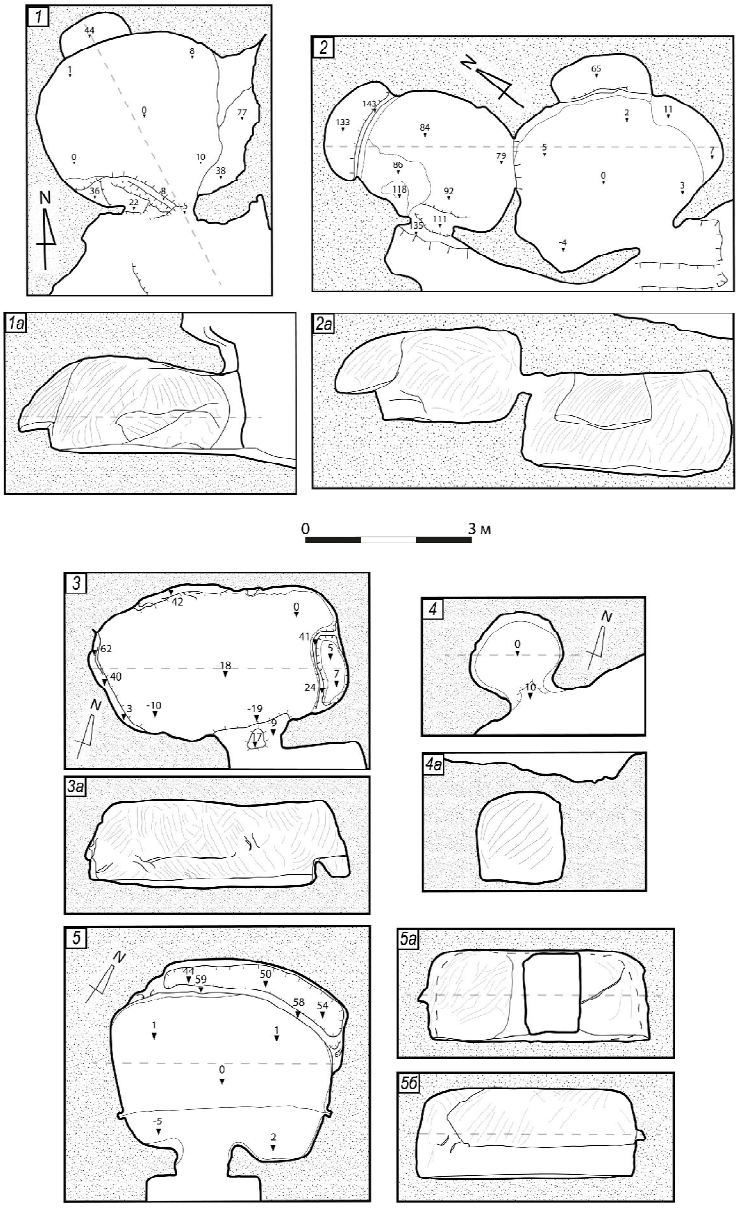

Рис. 6. Планы и вертикальные разрезы пещерных хозяйственных помещений, примыкающих к площадке «Восточной калитки» и скальной лестнице:

1 – план пещерного помещения № 1 у площадки «Восточной калитки»; *1а* – вертикальный разрез пещерного помещения № 1, вид с запада; *2* – план пещерных помещений № 2–3 у площадки «Восточной калитки»; *2а* – вертикальный разрез пещерных помещений № 2–3, вид с юго-запада; *3* – план пещерного помещения № 1 у скальной лестницы; *3а* – вертикальный разрез пещерного помещения № 1, вид с юга; *4* – план пещерного помещения № 2 у скальной лестницы; *4а* – вертикальный разрез пещерного помещения № 2, вид с юга; *5* – план пещерного помещения № 3 у позднего хозяйственного комплекса; *5а* – вертикальный разрез пещерного помещения № 3, вид с юго-востока; *5б* – вертикальный разрез пещерного помещения № 3, вид с северо-запада. Чертежи автора

Fig. 6. Plans and vertical sections of the cave household rooms adjacent to the “Eastern Wicket” and the rock staircase:

1 – plan of cave room No. 1 at the “Eastern Wicket”; *1a* – vertical section of cave room No. 1, view from the west; *2* – plan of cave rooms No. 2 –3 at the “Eastern Wicket”; *2a* – vertical section of cave rooms No. 2–3, view from the southwest; *3* – plan of cave room No. 1 at the rock staircase; *3a* – vertical section of cave room No. 1, view from the south; *4* – plan of cave room No. 2 at the rock staircase; *4a* – vertical section of cave room No. 2, view from the south; *5* – plan of cave room No. 3 at the late household structure; *5a* – vertical section of cave room No. 3, view from the southeast; *5b* – vertical section of cave room No. 3, view from the northwest. Author’s drawings

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Ранневизантийская фортификация на восточной стороне плато Эски-Кермен // Античная древность и средние века. 2023. Т. 51. С. 149–167.

2. Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М.: АН СССР, 1958. С. 7–54.

3. Денисенко Н. Д. История исследований средневековых оборонительных сооружений на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2023. Вып. 28. С. 292–304.

4. Денисенко Н. Д. Трехмерное моделирование ландшафта в археологических исследованиях крымского средневековья: опыт и перспективы // История и археология Крыма. 2023. № 20. С. 252–256.

5. Денисенко Н. Д. Топография юго-восточного фланга обороны средневекового города на плато Эски-Кермен // Город на Внутренней гряде Крымских гор. Симферополь: Антиква, 2024. С. 42–74.

6. Душенко А. А. Строительная техника ранневизантийских укреплений Юго-Западной Таврики: историографическая традиция и археологические реалии // Античная древность и средние века. 2023. Т. 51. С. 120–148.

7. Ломакин Д. А. Крым в жизни и творческой деятельности Александра Лукича Ротача. По материалам личного фонда архитектора из Центрального государственного архива литературы и искусства // Исследования центральной части города на плато Эски-Кермен в 2020–2021 гг. Симферополь: Антиква, 2022. С. 222–339.

8. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 5–131.

9. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Вып. XII. С. 107–152.

10. Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Вып. XII. С. 181–212.

11. Репников Н. И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 277–282.

12. Хайрединова Э. А. Топография средневекового города на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. Вып. 27. С. 513–550.

13. Хайрединова Э. А. Добыча и обработка камня в средневековом городе на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2023. Вып. 28. С. 305–322.

14. Эски-Кермен. Пещеры // Научный архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (НА БИКАМЗ). Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. 117 л.

15. Arvanitopoulos S. I. Bent Entrances in Fortifications of the Middle and Late Byzantine Period // ’Εν Σοφίᾳ μαθητεύσαντες: Essays in Byzantine Material Culture and Society in Honour of Sophia Kalopissi-Verti. Severn: Archaeopress Archaeology, 2019. P. 39–47.

16. Aufschnaiter M., Tobias B. Untersuchungen zu den Höhlen der Siedlung Ėski Kermen // hrsg. von S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches, Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2013. S. 233–250. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 113).

17. Băjenaru C. Minor Fortifications in the Balkan-Danubian Area from Diocletian to Justinian. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2010. 357 p.

18. Foss C., Winfield D. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria: University of South Africa, 1986. 298 p.

19. Kontogiannis N. D. Byzantine Fortifications: Protecting the Roman Empire in the East. Yorkshire; Philadelphia: Pen & Sword Books, 2022. 271 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Rannevizantiiskaya fortifikatsiya na vostochnoy storone plato Eski-Kermen [Early Byzantine Fortification on the Eastern Side of the Eski Kermen plateau]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 2023, vol. 51, pp. 149-167.

2. Weimarn E.V. Oboronitelnye sooruzheniya Eski-Kermena (Opyt rekonstruktsii) [Defensive Structures of Eski-Kermen (Reconstruction Experience)]. *Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma* [History and Archaeology of Medieval Crimea]. Moscow, AN SSSR, 1958, pp. 7-54.

3. Denisenko N.D. Istoriya issledovaniy srednevekovykh oboronitelnykh sooruzheniy na plato Eski-Kermen [History of Research of Medieval Defensive Structures on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, iss. 28, pp. 292-304.

4. Denisenko N.D. Trekhmernoe modelirovanie landshafta v arkheologicheskikh issledovaniyakh krymskogo srednevekovya: opyt i perspektivy [Three-Dimensional Modeling of the Landscape in Archaeological Research of the Crimean Middle Ages: Experience and Prospect]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2023, vol. 20, pp. 252-256.

5. Denisenko N.D. Topografiya yugo-vostochnogo flanga oborony srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen [Topography of the South-Eastern Flank of the Defense of the Medieval City on the Eski-Kermen Plateau]. *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains]. Simferopol, Antikva Publ., 2024, pp. 42-74.

6. Dushenko A.A. Stroitelnaya tekhnika rannevizantiyskikh ukrepleniy Yugo-Zapadnoy Tavriki: istoriograficheskaya traditsiya i arkheologicheskie realii [Construction Techniques of Early Byzantine Fortifications in Southwest Tavria: Historiographical Tradition and Archaeological Realities]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 2023, vol. 51, pp. 120-148.

7. Lomakin D.A. Krym v zhizni i tvorcheskoy deyatelnosti Aleksandra Lukicha Rotacha. Po materialam lichnogo fonda arkhitektora iz Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva literatury i iskusstva [Crimea in the Life and Creative Work of Alexander Lukich Rotach. Based on Materials from the Personal Fund of the Architect from the Central State Archive of Literature and Art]. *Issledovaniya tsentralnoy chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2020–2021 gg.: sb. nauch. st.* [Research of the Central Part of the City on the Eski-Kermen Plateau in 2020–2021. Collection of Scientific Articles]. Simferopol, Antikva Publ., 2022, pp. 222-339.

8. Mogarichev Yu.M. Peshchernye sooruzheniya srednevekovykh gorodishch Yugo-Zapadnogo Kryma [Cave Structures of Medieval Settlements of the South-Western Crimea]. *Problemy istorii "peshchernykh gorodov" v Krymu* [Problems of the History of "Cave Cities" in Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., 1992, pp. 5-131.

9. Repnikov N.I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–1929 gg. [Eski-Kermen in Light of Archaeological Exploration in 1928–1929]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, iss. XII, pp. 107-152.

10. Repnikov N.I. Ostatki ukrepleniy Eski-Kermena [Remains of the Fortifications of Eski-Kermen]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture], 1932, iss. XII, pp. 181-212.

11. Repnikov N.I. Gorodishche Eski-Kermen [Eski-Kermen Settlement]. *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR v 1934–1936 gg.* [Archaeological Research in the RSFSR in 1934–1936]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1941, pp. 277-282

12. Khairedinova E.A. Topografiya srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen [Topography of the Medieval City on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2022, iss. 27, pp. 513-550.

13. Khairedinova E.A. Dobycha i obrabotka kamnya v srednevekovom gorode na plato Eski-Kermen [Extraction and Processing of Stone in the Medieval City on the Eski-Kermen Plateau]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2023, iss. 28, pp. 305-322.

14. Eski-Kermen. Peshchery [Eski-Kermen. Caves]. *Nauchnyy arkhiv Bakhchisarayskogo istoriko-kulturnogo i arkheologicheskogo muzeya-zapovednika (NA BIKAMZ).* [Scientific Archive of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve], f. 22, inv. 1, d. 8. 1171.

15. Arvanitopoulos S.I. Bent Entrances in Fortifications of the Middle and Late Byzantine Period. *En Sophia mathçteusantes: Essays in Byzantine Material Culture and Society in Honour of Sophia Kalopissi-Verti*. Severn, Archaeopress Archaeology, 2019, pp. 39-47.

16. Aufschnaiter M., Tobias B. Untersuchungen zu den Höhlen der Siedlung Ëski Kermen. Albrecht S., Daim F., Herdik M., Hrsg. *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches*. Mainz, Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2013, S. 233-250. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bd. 113).

17. Băjenaru C. *Minor Fortifications in the Balkan-Danubian Area from Diocletian to Justinian*. Cluj-Napoca, Editura Mega, 2010. 357 p.

18. Foss C., Winfield D. *Byzantine Fortifications: An Introduction*. Pretoria, University of South Africa, 1986. 298 p.

19. Kontogiannis N.D. *Byzantine Fortifications: Protecting the Roman Empire in the East*. Yorkshire; Philadelphia, Pen & Sword Books, 2022. 271 p.

Information About the Author

Nikita D. Denisenko, Researcher, Department of Mediaeval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, mongrien.1959@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-9599-3056

Информация об авторе

Никита Дмитриевич Денисенко, научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, mongrien.1959@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-9599-3056

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.3

UDC 94:904«8/10»
LBC 63.3(0)329.48

Submitted: 04.06.2025
Accepted: 28.09.2025

DISCUSSION ABOUT THE HISTORY OF THE BOSPORUS OF KIMMERIA IN THE LATE 9th TO 11th CENTURIES

Aleksandr I. Aibabin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. Written sources contain contradictory and scant information about the Cimmerian Bosporus in the late 9th – 11th centuries. *Analysis*. Researchers of Jewish-Khazar documents published in 1912, 1913, and 1932 believed that Kerch (Bosporus) was the center of the Khazar province of Bosporus from the early 8th to the mid-10th centuries. Byzantinists, however, concluded that the city of Bosporus was returned to the Eastern Roman Empire during this period. Letter No. 97 of Patriarch Photius of Constantinople clearly indicates the subordination of the city of Cimmerian Bosporus to the Eastern Roman Empire no later than 868. According to N. Oikonomides, the mention of a strategos of the Bosporus theme in the Escorial Taktikon of 971–975 indicates its establishment in the second half of the 10th century. As the article shows, historians have often arbitrarily not only interpreted but also edited the text of John Skylitzes's terse statement about the subjugation of a certain country to Khazaria in January 1016. This country (χώρα) could not have been located in Cherson, the Bosporus, Klimata, or the Azov region. John Skylitzes did not refer to Cherson as Khazaria in his work. He called the captured George Tzul the archon of the country of Khazaria, not the strategos of a theme. *Results*. Archon George Tzul, unlike the strategos of Cherson, George Tzul, and George Tzul, protospatharios of the Bosporus, did not hold the title of imperial protospatharios. According to the text of letter No. 3, sent by Metropolitan Michael Choniates of Athens to the tax collector Constantine Pegonites, Byzantium continued to control Cherson, Klimata, and the Cimmerian Bosporus around 1180. *Funding*. The work was carried out within the framework of the project for the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. FZEG-2023-0004 on the topic "Historical experience of interethnic interaction in Crimea from ancient times to modern times."

Key words: Eastern Roman Empire, Cimmerian Bosporus, Taurica, Cherson, theme, strategos, seal, Tzul.

Citation. Aibabin A.I. Discussion About the History of the Bosporus of Kimmeria in the Late 9th to 11th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 44-55. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.3

УДК 94:904«8/10»
ББК 63.3(0)329.48

Дата поступления статьи: 04.06.2025
Дата принятия статьи: 28.09.2025

К ДИСКУССИИ ОБ ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО В КОНЦЕ IX – XI ВЕКЕ

Александр Ильич Айбабин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. В письменных источниках содержится противоречивая и скудная информация о Боспоре Киммерийском в конце IX – XI веке. *Анализ*. Исследователи публиковавшихся в 1912, 1913 и 1932 гг. еврейско-хазарских документов считали, что Керчь (Боспор) с начала VIII – до середины X в. была центром хазарской провинции Боспор. Тогда как византинисты пришли к выводу о возвращении города Боспора в рассматриваемое время Восточной Римской империи. Текст письма патриарха Константинопольского Фотия № 97 определенно свидетельствует о подчинении города Боспора Киммерийского Восточной Римской империи не позднее 868 года. По мнению Н. Икономидиса, упоминание стратига фемы Боспора в Эскориальском Тактиконе 971–975 гг. указывает на ее учреждение во второй половине X века. Как показано в статье, историки зачастую произвольно не только трактовали, но и правили текст немногословного сообщения Иоанна Скилицы о подчинении некой страны Хазарии в январе 1016 г. Эта страна (χώρα) не могла

© Айбабин А.И., 2025

находиться в Херсоне, Боспоре, Климатах и Приазовье. Иоанн Скилица в своем сочинении не именовал Херсон Хазарией. Он назвал плененного Георгия Цулу архонтом страны Хазария, а не стратигом фемы. *Результаты*. Архонт Георгий Цула в отличии от стратига Херсона Георгия Цулы и Георгия Цулы протоспафария Босфора, не имел титула императорского протоспафария. Судя по тексту письма № 3, отправленного Митрополитом Афин Михаилом Хониатом сборщику налогов Константину Пигониту, Византия около 1180 г. продолжала управлять Херсоном, Климатами и Киммерийским Боспором. *Финансирование*. Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Боспор Киммерийский, Таврика, Херсон, фема, стратиг, печать, Цула.

Цитирование. Айбабин А. И. К дискуссии об истории Боспора Киммерийского в конце IX – XI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №6. – С. 44–55. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.3

Введение. В письменных источниках содержится противоречивая и скудная информация о Боспоре Киммерийском в конце IX – XI веке. Исследователи публиковавшихся в 1912, 1913 и 1932 гг. еврейско-хазарских документов [54; 14, с. 150–172; 15] считали, что Керчь (Боспор) с начала VIII до середины X в. была центром хазарской провинции Боспор. Тогда как византинисты пришли к выводу о возвращении города Боспора в рассматриваемое время Восточной Римской империи.

Анализ. П.К. Коковцов высказывал сомнения в подлинности еврейско-хазарской переписки [14, с. XXV]. Н. Голб, О. Прицак и А.В. Новосельцев основывались на содержащемся в еврейско-хазарских документах повествовании о хазаро-русском конфликте во время правления царя Иосифа и византийского императора Романа I Лакапина (920–944 гг.). Н. Голб и О. Прицак утверждали, что в провинцию входил город Тьмутаракань, называемый в тексте SMKRYY/SMBRYW (следует читать SMKRṢ). По их мнению, провинцией Боспор управлял начальнике хазарского войска «BWLŠṢY по имени Песах HMQR», а Керчью – baliqči. Они предложили исправить HMQR на HPQYD или ha-пакид – hapāqid (начальник войска) [43, p. 116–117, 136–137; 8, с. 38, 41, 141, 147, 164–165].

По словам А.В. Новосельцева, Песах был не «градоначальником», а наместником всех западных частей Хазарии [23, с. 216, 244, примеч. 545].

А.В. Гадло иначе трактовал топоним SMKRYY/SMBRYW. Он отождествил См-к-р-ц-См-куш-См-к-рай с византийским Боспором и русским топонимом Корчев и предложил на основе этого домысла новые версии интерпретации действий Песаха в Таврике [7, с. 140–143]. В рассмотренном документе не упомянут город Боспор – Керчь, а идет речь о нападении на город Тьмутаракань.

Боспор – Керчь (Крц) включили в список якобы принадлежавшим хазарам городов, содержащийся в пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа сановнику Кордовского халифата Хасдаю ибн Шафруту: «Шркил – Саркел, Смкрц – Самкерц, Крц – Керчь, Суграй – Сугдайа, Алус – Алушта, Л-м-б-т – Ламбадис, Бртнит – Партенит, Алубиха – Алупка, Кут, Манкт – Мангуп?, Бурк – Палакион?, Алма, Грузин – Гурзуф?» [15, с. 102; 23, с. 109–110]. Несомненно, автор письма отразил роль хазар в Таврике в период до создания фемы Климатов. А.В. Гадло не без основания считал данный перечень городов Крыма самым сомнительным местом в документе [7, с. 140–141].

По мнению А.А. Васильева, в начале X в. прекратилось доминирование хазар на полуострове [57, p. 116]. В достоверных письменных источниках засвидетельствовано изгнание хазар из Боспора уже в третьей четверти IX в. венграми [32, с. 27; 23, с. 109; 33, с. 676]. Примыкающее к Боспору Крымское Присивашье орда хазарских печенегов с первой половины X в. использовала для сезонного кочевания: «Она (область печенегов) очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору». Через Приазовье печенеги проходят «...к Херсону и Боспору и к климатам» – «πρός τε καὶ Χερσῶνα καὶ Βοσπόρον καὶ τὰ κλίματα» [40, p. 186–187; 16, с. 174–175; 58, p. 219, 220]. Именно в Присивашье и Приазовье открыты все наиболее ранние печенежские погребения с вещами X в. [2, с. 77].

Константин Багрянородный несколько раз говорил о Боспоре, как о регионе, который Империя должна была защищать от нападений различных врагов [40, p. 293; 16, с. 484; 57, p. 117].

В 1895 г. Г. Шлюмберже опубликовал печать стратига Боспора: «Θεοτόκε βοήθει Ἀρκαδίῳ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῷ Βοσφόρου» – «Богородица помоги Аркадию протоспафарию и стратигу Боспора», и датировал ее X–XI вв. [56, p. 206–207, № 15]. Сейчас печать хранится в Нумизматическом музее в Афинах [11, с. 88]. По заявлению Г. Шлюмберже, поскольку в источниках нет сведений о феме Боспора, то печать могла принадлежать стратигу фемы пролива Босфор [56, p. 206–207, № 15]. В.Г. Василевский и А.А. Васильев указывали на отсутствие в империи фемы пролива [6, с. CLXV–CLXVI; 57, p. 134–135]. В. Зайбт и Н. Зайбт не сомневались в принадлежности печати стратигу фемы Боспора и отнесли ее к концу X – началу XI в., то есть ко времени пребывания князя Владимира в Крыму [9, с. 95].

В результате раскопок в Великом Преславе в Болгарии найден второй экземпляр такой же печати «Ἀρ]κάδί(ῳ) [(πρωτο)]σπαθ(αρίῳ) [(καὶ) στρα]τηγ[ῷ Βο]ος[πόρ(ον)» [11, с. 88, обр. 2].

В.А. Панченко на отнесенном к IX – началу X в. моливдовуле из коллекции Русского Археологического института в Константинополе, по аналогии с опубликованной Г. Шлюмберже печатью, восстановил вторую и третью строки легенды: «...κανδι]δάτ]ῷ καὶ στ|ρατ(ηγῷ Β|οσφ[όρου]». В.А. Панченко не сомневался в принадлежности данных печатей стратигам фемы Крымского Боспора [24, с. 349, № 144]. С таким прочтением легенды на печати из Константинополя не согласились В. Зайбт и Н. Зайбт, предположившие более раннюю ее дату [9, с. 95].

В 1959 г. Н. Икономидис выявил в Эскориальском хранилище рукописей (Мадрид) составленный в 971–975 гг. Taktikon de l'Escorial «Le Taktikon du codex Scorialensis gr. R-II-II» с упоминанием стратига Боспора (ὁ στρατηγὸς τοῦ Βοσπόρου). Он локализовал Боспор Киммерийский в Керчи в восточном Крыму и указал на упомянутые выше печати стратигов Боспора [48, p. 268–269, 363; 13, с. 202]. Судя по Тактикону 971–975 гг., должность стратига Боспора учредили во второй половине X в. [50, с. 321].

В «Тактиконе» зафиксированы результаты проведенной при императоре Иоанне I Цимисхии (969–975) реформы фемной системы в приграничных провинциях: преобразования в уже существовавших на границе фемах и создание новых. Э. Арвейлер связала учреждение новой фемы Боспора с последствиями войны Иоанна Цимисхия со Святославом [38, p. 69]. О переговорах императора Иоанна Цимисхия с катархонтом обитавших поблизости от Боспора росов сообщал историк второй половины X в. Лев Диакон: «...πρὸς μέντοι τὸν Σφενδοσλάβον, τὸν τῆς Ῥωσσικῆς πανοπλίας κατάρχοντα ἔγνω διακηρυκεύεσθαι. καὶ δὴ πρέσβεις ὡς αὐτὸν ἐκπέμπει, παραγγέλλων αὐτῷ, τὸν πρὸς τοῦ αὐτοκράτορος Νικηφόρου ἐπὶ τῇ καταδρομῇ τῶν Μυσῶν ὑπεσχημένον ἀνειληφότα μισθὸν, ἐπὶ τὰ σφῶν ἤθη καὶ τὸν Κιμμέριον μετανίστασθαι Βόσπορον...» [47, p. 29] – «...А с катархонтом войска росов, Сфендославом (Святославом), он решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору...» [18, с. 55–56].

Текст письма патриарха Константинопольского Фотия № 97 Антонию архиепископу Босфора (Ep. 97, Ἀντωνίῳ ἀρχιεπισκόπῳ Βοσφόρου), возможно, позволяет несколько уточнить дату возвращения Боспора империи. Патриарх писал о поддержке его стремления крестить боспорских иудеев: «Ἦν ποτε Ἄξεινος ὁ Σκυθικὸς πόντος. Ἐποιεῖτο γὰρ βοράν, φρικτὸν ἀκοῦσαι, καὶ τοὺς ἐμπλέοντας τῶν ξένων. Μιλήσιοι δὲ φιλανθρωπίᾳ καὶ ἡμέρῳ πολιτείᾳ, τό τε θηριῶδες καὶ βάρβαρον ἐξημέρωσαν ἦθος, καὶ εἰς Εὔξεινον αὐτὸν μετεποίησαν. Νῦν δὲ διὰ σοῦ, καὶ τοὺς σοὺς ὑπὲρ ἀρετῆς ἀγῶνας καὶ πόνους καὶ τὴν ἄλλην περὶ τὸ Θεῖον θεραπείαν, οὐκ Εὔξεινος μόνον, ἀλλὰ καὶ Εὐσεβὴς, μετὰ τοῦ εἶναι, καὶ ὀνομάζεται. Πόσης οἴει με, ταῦτα καὶ ἐννοοῦντα καὶ γράφοντα, χαρᾶς καὶ εὐφροσύνης πληροῦσθαι; Εἰ δὲ καὶ τοὺς αὐτόθι Ἰουδαίους, εἰς τὴν ὑπακοὴν Χριστοῦ αἰχμαλωτίσας, ἀπὸ τῆς σκιᾶς καὶ τοῦ γράμματος, ἐπὶ τὴν χάριν, ὡς ἔγραψας, μεταστήσεις, ἀπέχω, καὶ περισσεύω τῶν καλῶν ἐλπίδων τοὺς ὡραίους καρποὺς, ἅς ἐπὶ σοὶ διὰ παντὸς ἔτρεφον» [52, col. 828–829;

51, p. 132, Ep. 97] – «Некогда “Негостеприимным” было Скифское море. Ибо пищей [ему] служили, страшно услышать, плывшие по нему странники. Милетцы же, смягчили дикий его и варварский нрав своим человеколюбием и умеренным государственным управлением (ἡμέρῳ πολιτείᾳ), превратили его в “Гостеприимное”. Ныне же через тебя, благодаря твоим подвигам и трудам во имя добродетели, а также прочему попечению о божественном, [это море] не только является, но и называется не только Гостеприимным, но и Благочестивым. Поразмысли, сколькой радости и веселья исполняться мне, когда обдумываю и пишу эти [слова]? Если же ты и живущих там иудеев, пленив в послушании Христу, приведешь, как ты написал, от сени и буквы к благодати, я получу в изобилии прекрасные плоды добрых надежд, какие я всегда питал относительно тебя» [10, с. 145–146].

По справедливому замечанию К. Цукермана, архиепископ Боспора не видел политических препятствий к обращению иудеев своего города и был уверен в своих шансах на успех [33, с. 676]. В городе, принадлежавшем принявшим иудаизм хазарам, никто и не помышлял бы о такой акции [39, S. 210]. К. Цукерман полагал, что инициатива Антония по крещению иудеев соответствовала проводившейся императором Василием I кампании по добровольному или насильственному крещению иудеев империи [41, p. 347–353]. Издатели отнесли письмо к 859 – сентябрю 867 г. [51, p. 132, Ep. 97]. К. Цукерман предложил синхронизировать письмо с датой завершения эпистолярного корпуса Фотия – 873 г. или 873–875 гг. [51, p. XXII; 34, с. 676], а также с масштабной попыткой Василия I насильственного крещения иудеев в 873 или 874 г. [41, p. 350]. Однако в 873–875 гг. патриархом был враг Фотия Игнатий. В письме Фотий титулован патриархом Константинопольским. Патриарший престол Фотий занимал в 858–867 и 877–886 годы. Император Василий I единолично занял императорский престол в 867 г. Видимо, письмо № 97 патриарх Фотий мог написать в тот же год.

Ученый-энциклопедист конца IX – первой трети X в. Ибн-Руста (Ибн Даста; Абу-Али Ахмед Ибн-Омар) в созданном около 912 г. повествовании о происходивших до 889 г. событиях [22, с. 217–218] использовал новое имя византийского порта Боспор – Карх (Керчь). Согласно Ибн Русте, мадьяры «Воюя славян и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх (Керчь). А как дойдут мадьяры с пленными своими до Карха, греки выходят к ним навстречу. Мадьяры заводят торг с ними, отдают им пленников своих, и в замен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары» [32, с. 27; 33, с. 675].

Византийский хронист Иоанн Скилица (1081–1118 гг.) в сочинении «Обозрение историй» (Σύνοψις Ἱστοριῶν) сообщил об отправке по повелению императора Василия II византийского флота и дружины брата князя Владимира в Хазарию: «Ὁ δὲ βασιλεὺς ἀπελθὼν ἐν Κωνσταντινουπόλει, κατὰ τὸν Ἰαννουάριον μῆνα τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ πεντακοσιοστοῦ εἰκοστοῦ τετάρτου ἔτους, στόλον εἰς Χαζαρίαν ἐκπέμπει, ἔξαρχον ἔχοντα τὸν Μογγόν, υἱὸν Ἀνδρονίκου δουκὸς τοῦ Λυδοῦ · καὶ τῇ συνεργίᾳ Σφέγγον τοῦ ἀδελφοῦ Βλαδιμηροῦ, τοῦ γαμβροῦ τοῦ βασιλέως, ὑπέταξε τὴν χώραν, τοῦ ἄρχοντος αὐτῆς Γεωργίου τοῦ Τζούλη ἐν τῇ πρώτῃ προσβολῇ συλληφθέντος» – Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. (1016 г.) посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении [44, p. 354.88–94].

Ю.А. Кулаковский поместил регион, в котором византийцы пленили архонта Хазарии Цулу, на побережье Азовского моря [17, с. 7]. В.Г. Васильевский локализовал Хазарию в Крыму, а в городе Боспор – «прежний центр хазарского владычества». По его заявлению, в результате победы в 1016 г. византийцев в союзе с войском брата Владимира над хазарами была восстановлена власть империи на полуострове [6, с. CLXV]. По словам А.А. Васильева, несмотря на разгром русскими в 965 г. хазарской державы, в Крыму еще оставались враждебные империи хазары. Поэтому Таврический полуостров именовали Хазарией (или Газарией). Для разгрома хазар в Херсонес отправили эскадру и дружину брата Владимира. Архонта хазар Геогия Цулу пленили. Империя

в 1016 г. восстановила государственную власть на полуострове, в том числе в ее восточном центре Боспоре, где в XI в. правил от имени императора протоспафарий и стратиг Босфора Аркадий [57, p. 134–135].

Довольно вольно истолковал рассказ Скилицы А.Л. Якобсон, «превративший» Георгия Цулу в «хазарского правителя», в конце X в. захватившего власть в Херсоне [36, с. 16]. Е.Ч. Скржинская убедила А.Л. Якобсона отказаться от фантазий о Цуле [37, с. 230]. По ее словам, в источниках XI–XII в., так же как XIII–XV вв. Таврику называли «Хазарией». В тексте Скилицы нет ни слова о хазарах или представителе хазарской власти в регионе. Она напомнила о разгроме хазар Святославом в 965 г. за полвека до экспедиции Монга и подчеркнула недопустимость преувеличения значения роли хазар в Таврике в начале XI века. Начальник флота экзарх Монг захватил τὴν χώραν (страну, область, край, но и город) и пленил ее архонта Георгия Цулу. По уверению Е.Ч. Скржинской, совпадение имени Цула на печати стратига Херсона и захваченного в плен архонта τὴν χώραν (страны, области, края и города) дает основание считать целью флота Монга усмирение восставших против Константинополя жителей и стратига Херсона [26, с. 266]. Выводы Е.Ч. Скржинской принял А.П. Каждан [12, с. 91]. Е.Ч. Скржинская «отправила» флот Монга в Херсон, основываясь на вольном переводе слова χώρα – не только «страна», «область» или «край», но и «город». Однако лексему «город» обычно переводят как «φρούριον» или «κάστρον», или «πόλις», или «πόλισμα».

М.В. Левченко локализовал Хазарию Скилицы в Крыму, а театр военных действий в 1016 г. – на побережье Азовского моря. По его заявлению, войска русского князя и Василия II Болгаробойцы ликвидировали остатки государства хазар в Крыму, пленили правителя хазар Георгия Цулу и восстановили на полуострове византийское правление. Судя по печати протоспафария и стратига Боспора Аркадия город в XI в. принадлежал Византии [19, с. 383].

По мнению М.И. Артамонова, события 1016 г. с участием архонта Газарии Георгия Цуло не имеют отношения к истории Хазарского государства. Хазарией Скилица именовал Крым, в котором сохранялась память о хазарах. Георгий Цуло происходил из аристократического хазарского или болгарского рода и, находясь на службе Византии, получил чин протоспафария и должность стратига Херсона. Эскадра Монга подавила его мятеж против империи [4, с. 436–437, 444].

В.Т. Пашуто без какой-либо аргументации помещал Хазарию Скилицы в Крыму в районе Судака [25, с. 77].

И.В. Соколова на оборотной стороне печати из Государственного Исторического музея восстановила надпись с географическим названием Посфóр. Она оправданно исправила П на В и предложила читать: «Γεω[ρ]γίου πρωτοσπαθαρίου τοῦ Τζούλα τοῦ Βοσφόρου» – «...Георгия Цулы, протоспафария Босфора» [27, с. 70–71, рис. 1; 28, с. 133–134; 45]. И.В. Соколова отождествила владельца печати с Георгием Цулой императорским протоспафарием стратигом Херсона, печать которого нашли в Херсонесе в 1884 г.: «Γεωργίῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῷ Χερ̣σῶνος τῷ Τζούλα» – «Георгию Цуле, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона» [31; 35, с. 41–43]. Печать стратига Херсона Георгия Цулы из коллекции М.П. Ламброса Г. Шлюмберже отнес к XI в. [55, p. 236, 238, № 8], а И.В. Соколова – к второй половине X – первой половине XI в. [27, с. 74; 28, с. 105–106]. И.В. Соколова в легенде на оборотной стороне печати из Херсона (№ 9244) восстановила «...φυλάκῳ τοῦ Τζούλα» – «...филаксу Цуле [27, с. 70]. А.П. Каждан в аннотации к ее статье прочел в легенде имя владельца Θεοφυλὰκτῳ в дательном падеже (с пропуском одной буквы). Однако И.В. Соколова аргументировала некорректность предложенной правки [28, с. 105–106; 45, p. 298]. Она, сославшись на упоминание в сочинении Константина Багрянородного запрета назначать на пост стратига представителей Херсонской знати [16, с. 179], домыслила узурпацию Георгием Цулой должности стратига. И.В. Соколова по печатям Цул сделала вывод о переходе в начале XI в. власти в городе в руки жителей Херсона. Моливдовул Георгия Цулы с упоминанием Боспора свидетельствует о том, что он покинул Херсон и оказался правителем города Боспора. Поэтому флот Монга послали для захвата Цулы не в Херсон, а в Хазарию [27, с. 70–74; 28, с. 105–106, 116–117].

Н.М. Богданова также связала рассказ Скилицы с историей Херсона на основании сопоставления с данными печатей Георгия Цулы. Она солидаризовалась с рассматривавшими экспедицию в Крым не как войну с независимым Хазарским государством, а как восстание против империи византийского стратига Херсона из местных. По высказыванию Н.М. Богдановой, печати демонстрируют лояльность жителей Херсона в начале XI в. к империи, «институту стратигов» и фемной организации. Восставшие горожане сменили (убили или изгнали) стратига, присланного из Константинополя, на стратига из числа местной титулованной знати (протоспафария Цулу). По ее заявлению, «херсониты – союз представителей господствующего класса и народных масс являлись движущими силами мятежа против проведения в Херсоне политики империи по «усилению административного и фискального гнета» [5, с. 118]. Н.М. Богданова и В.П. Степаненко признали выводы И.В. Соколовой о мятеже Георгия Цулы и его изгнании из Херсона на должность стратига Боспора [29, с. 128; 30, с. 160; 5, с. 118].

Г.Г. Литаврин не сомневался в том, что Скилица описал восстание в 1016 г. в Херсоне против империи и согласился с предложенной И.В. Соколовой датировкой печатей Цул серединой X – первой половиной XI в. Г.Г. Литаврин разделял взгляды М.И. Артамонова и И.В. Соколовой о хазарском или болгарском этносе протоспафария стратига Цулы. Вопреки утверждению Г.Г. Литаврина, в своей книге И.В. Соколова не отказывалась от отождествления с Георгием Цулой печатей стратига Херсона и правителя Боспора [28, с. 105; 20, с. 925–931]. Г.Г. Литаврин не согласился с представлениями И.В. Соколовой и Н.М. Богдановой о карьере Георгия Цулы (захватившего пост стратига Херсона, а после его изгнания из города оказавшегося правителем Боспора). По замечанию Г.Г. Литаврина, не исключена датировка печатей правителей этих городов в пределах столетия. Императорский протоспафарий и стратиг являлся должностным лицом, назначенным императором управлять фемой Херсона и Климатов. За участие в восстании Цулу должны были отстранить с поста стратига. По предположению Г.Г. Литаврина, последний раз фема Боспора названа в «Эскориальском» тактиконе от 971–975 гг. [48, p. 268, 363], а печать протоспафария Боспора и другие печати X–XI вв. с именем Боспора можно датировать до похода Владимира в 989 г. в Крым, поскольку со времени Святослава или с 989 г. оба берега Керченского пролива были в руках князя Тьмутаракани [21, с. 319, 220]. Г.Г. Литаврин приписал В. и Н. Зайбтам «догадку» о якобы возвращении Владимиром Боспора империи как «вено» за Анну. В статье Н. и В. Зайбт шла речь о возвращении только Херсона [9, с. 95; 21, с. 319].

К. Цукерман согласился с утверждением И.В. Соколовой о принадлежности печатей протоспафария Георгия Цулы стратигу Херсона и Боспора, одному и тому же лицу, которого из Херсона «перевели» в Боспор. К. Цукерман счел Газарию Скилицы эквивалентом Восточного Крыма, а перевод Цулы в регион понижением в должности «и причиной мятежа Цулы» [34, с. 425].

По заключению Ю.А. Кулаковского, поскольку в титуле стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата не назван Боспор, то следует заключить, что в 1059 г. город подчинялся не императору, а русским князьям Тьмутаракани [17, с. 88–89].

В.П. Степаненко, так же как Э. Арвейлер, связал создание фемы Боспор в 971–975 гг. с реакцией Византии на вторжение Руси в данный регион. Он полагал, что необходимость держать на Боспоре автономную администрацию отпала в 1094 г. после ухода на Русь последнего князя Тьмутаракани Олега Святославича. К тому же времени В.П. Степаненко отнес печать вестарха Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии, контролировавшего огромные территории Крыма и Таманского полуострова. По утверждению В.П. Степаненко, в конце 1090-х гг. исчезают все сведения о фемной структуре Византии и печати представителей фемной администрации в Крыму [30, с. 161].

В Восточной Римской империи в XI–XII в. фемная структура не исчезла. Старая фемная система разделения провинций в начале XI в. пришла в упадок. Размеры фемы сократились. Реорганизация армии привела к тому, что военного руководителя стратига заменили на гражданскую администрацию. Гражданское управление провинциями возглавил фемный

судья критес (θεματικὸς κριτής), которому часто поручается сбор налогов. С конца X в. все чаще встречается термин претор (πραίτωρ), обозначающий фемного судью – гражданского администратора провинции, эквивалентного критесу. Исчезновение провинциальной армии, с одной стороны, и трансформация функций стратига, с другой, ускорили эволюцию термина фема (θέμα). Он теряет то строгое техническое значение, которое имел в провинциальной администрации предыдущего периода, а также свое военное значение (подразделение, армейский корпус). В письменных источниках XI в. этот термин почти всегда используется в его географическом значении. В начале XI в. этим термином обозначали географические области, например, κατὰ τὸ θέμα τῶν Ἀνατολικῶν, ὃ τῆς Φρυγίας ἐστί [42, p. 83]. В XI в. термин θέμα обозначал административный округ (регион, провинцию), которым управлял πραίτωρ-κριτής и его службы. Административными единицами этой эпохи были не военные подразделения (они были независимы от армейских командований), а гражданские округа. В период от правления Никифора Фоки до воцарения Алексея I Комнина термин θέμα также являлся налоговым округом. Термином θέμα обозначали скромный налоговый округ (кадастровую единицу) со своими ὅρια (границами) [42, p. 67–86; 49, p. 148].

Результаты. Как показано выше, исследователи зачастую произвольно не только трактовали, но и правили текст немногословного сообщения Иоанна Скилицы о подчинении некой страны Хазарии в январе 1016 г. [44, p. 354.88–94]. Эта страна (χώρα) не могла находиться в Херсоне, Боспоре, Климатах и Приазовье. Иоанн Скилица в своем сочинении не называл Херсон Хазарией или другим именем [44, p. 73.22, 277.28]. Восточная Римская империя еще в IX в. начала вытеснение Хазарского каганата из Таврики. В 841 г. Константинополь учредил на полуострове новую пограничную фему Климатов и Херсона [58, p. 214–215, 217]. Равнину между Херсоном и Боспором и Приазовье в 889 г. захватили печенеги [53, p. 131–134; 16, с. 157, 159; 4, с. 350]. В середине XI в. в Приазовскую степь вторглись куманы (половцы). В XII в. их погребения распространились по всему равнинному и горному Крыму [1, с. 277–278, рис. 1].

Византийский хронист Иоанн Скилица назвал плененного Георгия Цулу архонтом, то есть правителем страны Хазария, а не стратигом фемы [44, p. 354.88–94]. Архонт Георгий Цула, в отличии от стратига Херсона Георгия Цулы и Георгия Цулы протоспафария Босфора, не имел титула императорского протоспафария. Абсолютная дата печатей Цул не известна. Как справедливо отметил Г.Г. Литаврин, не исключена датировка печатей Цул в пределах столетия. Скорее всего, владельцами печатей были разные Цулы.

Отсутствуют какие-либо основания для опубликованных вымыслов в трактовке сообщения Иоанна Скилицы о замене топонима Хазария (Газария) на Таврику, Херсон, Боспор или Приазовье, о захвате власти в Херсоне стратигом Георгием Цулой, о восстании горожан против имперского гнета и других фантазий.

Для обоснования даты возвращения Боспора империи нельзя использовать отнесенную к середине IX в. неопубликованную печать нотария Боспора из Херсона [3, с. 565].

Текст письма патриарха Константинопольского Фотия № 97 определенно свидетельствует о подчинении города Боспора Киммерийского Восточной Римской империи не позднее 868 года.

О феме Боспора (Киммерийского) известно немного. Согласно Эскориальскому Тактикону 971–975 гг. [48, p. 268–269] ее учредили во второй половине X в. [50, с. 321]. Рассмотренные выше печати X–XI вв. стратигов фемы Боспора, найдены в Афинах, Преславе и Херсоне [55, p. 205–206, № 15; 27, с. 70–71, рис. 1; 28, с. 133–134; 45]. Судя по тексту письма № 3, отправленного Митрополитом Афин Михаилом Хониатом сборщику налогов Константину Пигониту, Византия около 1180 г. продолжала управлять не только Херсоном и его Климатами, но и Киммерийским Боспором [46, p. 348–353].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. X. С. 277–306.

2. Айбабин А. И. Степь и юго-западный Крым. Крым в X – первой половине XIII в. // Крым,

Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 74–81.

3. Алексеенко Н. А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2006. Вып. XII. С. 564–570.

4. Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.

5. Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. 1991. Вып. 1. С. 8–172.

6. Васильевский В. Г. Житие св. Стефана Сурожского // Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. Петроград: Имп. Акад. наук, 1915. С. CLVII–CCLXXXVIII, 72–122.

7. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 358 с.

8. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / пер. с англ. В. Л. Вихновича; науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 1997. 239 с.

9. Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Античная древность и средние века. 1995. Вып. 27. С. 91–101.

10. Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Яз. слав. культуры, 2003. 376 с.

11. Йорданов И. Печатите на Аркадий стратег на Боспора (X–XI вв.) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» / отв. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь ; Симферополь: ИА Крыма РАН, 2018. С. 87–90.

12. Каждан А. П. Социальный состав населения византийских городов в IX–X вв. // Византийский временник. 1956. Т. 8. С. 85–96.

13. Каждан А. П. [Рец.] Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IX-e et X-e siècles. P., 1972 // Византийский временник. 1974. Т. 36. С. 202.

14. Коковцов П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1913. Ч. XLVIII, [№ 11], Ноябрь. С. I–XXXVIII, 150–172.

15. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 134 с.

16. Константин Багрянородный. Об управлении империей / текст, пер., ком. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. 496 с.

17. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев: Типо-литогр. С.В. Кульженко, 1914. 156 с.

18. Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко; ком. М. Я. Сюзюмов, С.А. Иванов. М.: Наука, 1988. 238 с.

19. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 556 с.

20. Литаврин Г. Г. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К семидесятилетию В.Н. Топорова / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1998. С. 923–931.

21. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. 416 с.

22. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. / отв. ред. А. А. Али-Заде. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 266 с.

23. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 256 с.

24. Панченко В. А. Каталог моливдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. 1904. IX, Вып. 3. С. 342–396.

25. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Квадрига, 2019. 495 с.

26. Скржинская Е. Ч. [Рец.] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР, № 17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 256 с. // Византийский временник. 1953. Т. 6. С. 252–269.

27. Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. 1971. Вып. 23 (86). С. 68–74.

28. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с.

29. Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики // Античная древность и средние века. 1992. Вып. 26. С. 125–133.

30. Степаненко В. П. Фема Боспор по данным сигиллографии // Античная древность и средние века. 2022. Вып. 50. С. 155–164.

31. Толстой И. И. О византийских печатях Херсонской фемы // Записки императорского Русского археологического общества. 1887. Т. II. С. 28–43.

32. Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1869. 199 с.

33. Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. VI. С. 663–688.

34. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae

episcopatuum // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. XVI. С. 399–435.

35. Юргевич В. Свинцовые печати, хранящиеся в музее // Записки Одесского общества истории древностей. 1889. Т. XV. С. 41–46.

36. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 338 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 17).

37. Якобсон А. Л. К изучению средневекового Херсонеса // Херсонесский сборник. 1959. Вып. V. С. 229–243.

38. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. 1971. Vol. 5. P. 44–70.

39. Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuzeum, 2011. 318 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuzeums; Bd. 98).

40. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington: Dumbarton Oaks, 1967. 341 p.

41. Dagron G. Le traité de Grégoire de Nicée sur le baptême des Juifs // Travaux et mémoires. 1991. № 11. P. 313–357.

42. Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IXe–XIe siècles // Bulletin de correspondance hellénique. 1960. Vol. LXXXIV, Livr. 1. P. 1–111.

43. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1982. xvi, 166 p.

44. Ioannis Scylitzae. Synopsis Historiarum / rec. I. Thurn. Berlin; N. Y.: W. de Gruyter, 1973. 560 p.

45. Каждан А. [Review.] I. V. Sokolova. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Пал. сб. 23 (1971) 69–74, Abb. (franz. Zsfg.) // Byzantinoslavica. 1972. T. XXXIII. P. 298.

46. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources // Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Harvard: Ukrainian Research Institute, 1983. P. 344–358. (Harvard Ukrainian Studies; 7).

47. Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem. Et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / rec. C. B. Hasius. Bonnae: Imp. ed. Weberi, 1828. 626 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; Pars XI).

48. Oikonomidés N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1972. 403 p.

49. Oikonomidés N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire Byzantin au XIe siècle (1025–1118) // Travaux et mémoires. 1976. № 6. P. 125–152.

50. Oikonomidès N. Le "système" administrative byzantin en Crimèe aux IXe–Xe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Вып. VII. P. I–XXVI, 318–323.

51. Photii Patriarchae Constantinopolitani. Epistulae et amphiloghia. Vol. I. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1983. XXVI, 243 S. (Bibliotheca scriptorum graecorum et Romanorum Teubneriana).

52. Photius Constantinopolitanus patriarcha. Epistolarum. Liber Secundus // Photii, Constantinopolitani patriarchae, opera omnia / rec. J.-P. Migne. Parisiis: Ed. J.-P. Migne, 1900. Col. 585–990. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. CII).

53. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon // Monumenta Germaniae historica / rec. F. Kurze. Hannoverae: Imp. bibliopolii Hahniani, 1890. 196 p.

54. Schechter S. An Unknown Khazar Document // Jewish Quarterly Review. 1912. Vol. 3, № 2, Oct. P. 181–219.

55. Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris: E. Leroux, éd., 1894. 744 p.

56. Schlumberger G. Sceaux byzantins inédits // Schlumberger G. Mélanges d'Archéologie Byzantine. Monnaies, Médailles, Méreaux, Jetons, Amulettes, Bulles d'Or et de Plomb, Poids de Verre et de Bronze, Ivoires, Objets d'Orfèvrerie, Bagues, Reliquiaires, etc. Paris: E. Leroux, éd., 1895. P. 206–207.

57. Vasiliev A.A. The Goth in the Crimea. Cambridge: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

58. Zuckerman C. Short Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. Vol. 21. P. 210–222.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkheologicheskim svidetelstvam [Towns and Steppes of the Crimea in the 13th – 14th Centuries According to Archaeological Data]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, iss. X, pp. 277-306.

2. Aibabin A.I. Step i yugo-zapadnyy Krym. Krym v X – pervoy polovine XIII v. [Steppe and Southwestern Crimea. Crimea in the 10th – First Half of the 13th Centuries]. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomore i Zakavkaze v epokhu srednevekovya IV–XIII veka* [Crimea, Northeastern Black Sea region and Transcaucasia in the Medieval Era of the 4th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 74-81.

3. Alekseenko N.A. Vizantiyskaya administratsiya na Bospore vo vtoroy polovine X v. (po dannym pamyatnikov sfragistiki) [Byzantine Administrations Peoples in Bosporus of the Second Half of the 10th Century (For Materials of Sigillography)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2006, iss. XII, pp. 564-570.

4. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad, Izd-vo Gos. Ermitazha, 1962. 524 p.

5. Bogdanova N.M. Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantiyskogo goroda [Kherson in the 10th – 15th Centuries. Problems of the History of the Byzantine City]. *Prichernomore v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages], 1991, iss. 1, pp. 8-172.

6. Vasilevskiy V.G. Zhitie sv. Stefana Surozhskogo [Life of St. Stephen of Surozh]. *Trudy V.G. Vasilevskogo. T. 3* [Proceedings by V.G. Vasilevsky. Vol. 3]. Petrograd, Imp. Akad. nauk, 1915, pp. CLVII-CCLXXXVIII, 72-122.

7. Gadlo A.V. *Predystoriya Priazovskoy Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze* [Prehistory of Azov Rus. Essays on the History of Russian Principality in the North Caucasus]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2004. 358 p.

8. Golb N., Pritsak O. *Khazarsko-evreyskie dokumenty X veka* [Khazar-Jewish Documents of the 10th Century]. Moscow; Jerusalem, Mosty Kultury Publ.; Gesharim Publ., 1997. 239 p.

9. Seibt N., Seibt W. Pechati stratigov vizantiyskoy femy Kherson [Seals of the Strategos of the Byzantine Theme Kherson]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1995, vol. 27, pp. 91-101.

10. Ivanov S.A. *Vizantiyskoe missionerstvo. Mozhno li sdelat iz «varvara» khristianina?* [Byzantine Missionary Work. Is It Possible to Make a Christian Out of a "Barbarian?"]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2003. 376 p.

11. Iordanov I. Pechatite na Arkadii strateg na Bospora (X–XI vv.) [Seals of Arkadios, of Strategos of Bosporos (10th – 11th Centuries)]. Alekseenko N.A., ed. *X Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar «CHERSŌNOS THEMATA: imperiya i polis»* [The 10th International Byzantine Workshop "CHERSONOS THEMATA: The Empire and the Polis"]. Sevastopol; Simferopol, IA Kryma RAN, 2018, pp. 87-90.

12. Kazhdan A.P. Sotsialnyy sostav naseleniya vizantiyskikh gorodov v IX–X vv. [Social Composition of the Population of Byzantine Cities in the 9th – 10th Centuries]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1956, vol. 8, pp. 85-96.

13. Kazhdan A.P. (Rets.) Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IX-e et X-e siècles. P., 1972 [Rev. Oikonomides N. The Byzantine Lists of Precedence of the 9th and 10th Centuries. Paris, 1972]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1974, vol. 36, p. 202.

14. Kokovtsov P.K. Novyy evreyskiy dokument o khazarakh i khazaro-russko-vizantiyskikh otnosheniykh v X veke [New Jewish Document on the Khazars and Khazar-Russian-Byzantine Relations in the 10th Century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Public Education. New Series], 1913, pt. XLVIII, no. 11, November, pp. I-XXXVIII, 150-172.

15. Kokovtsov P.K. *Evreysko-khazarskaya perepiska v X veke* [Jewish-Khazar Correspondence in the 10th Century]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1932. 134 p.

16. Litavrin G.G., Novoseltsev A.P., eds. *Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiey* [Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 496 p.

17. Kulakovskiy Yu.A. *Proshloe Tavridy* [The Past of Taurida]. Kiev, Tipo-litogr. S.V. Kulzhenko, 1914. 156 p.

18. Kopylenko M.M., Syuzyumov M.Ya., Ivanov S.A., eds. *Lev Diakon. Istoriya* [Leo the Deacon. History]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 238 p.

19. Levchenko M.V. *Ocherki po istorii russko-vizantiyskikh otnosheniy* [Essays on the History of Russian-Byzantine Relations]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956. 556 p.

20. Litavrin G.G. Vosstanie v Khersone protiv vizantiyskoy vlasti v 1016 g. [Uprising in Chersonesos Against the Byzantine Power in 1016]. Nikolaeva T.M., ed. *POLYTROPON. K semidesyatiletiyu V. N. Toporova* [POLYTROPON. On the Seventieth Anniversary of Vladimir Toporov]. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 923-931.

21. Litavrin G.G. *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria, Ancient Rus' (9th – Early 12th Centuries)]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2000. 416 p.

22. Minorskiy V.F. *Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vv.* [History of Shirvan and Derbent in the 10th – 11th Centuries]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1963. 266 p.

23. Novoseltsev A.P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [The Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 256 p.

24. Panchenko V.A. Katalog molivdovulov kollektsii Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole [Catalog of Molivdovuls from the Collection of the Russian Archaeological Institute in Constantinople]. *Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole*

[News of the Russian Archaeological Institute in Constantinople], 1904, IX, iss. 3, pp. 342-396.

25. Pashuto V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Ancient Rus']. Moscow, Kvadriga Publ., 2019. 495 p.

26. Skrzhinskaya E.Ch. Rets. Yakobson A.L. Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.) [Rev. Jacobson A.L. Medieval Chersonesos (12th – 14th Centuries)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR], № 17. M; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 256 s. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1953, no. 6, pp. 252-269.

27. Sokolova I.V. Pechati Georgiya Tsuly i sobytiya 1016 g. v Chersone [Seals of George Tzul and the Events of 1016 in Cherson]. *Palestinskiy sbornik* [Palestine Collection], 1971, iss. 23 (86), pp. 68-74.

28. Sokolova I.V. *Monety i pechati vizantiyskogo Khersona* [Coins and Seals of Byzantine Cherson]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983. 176 p.

29. Stepanenko V.P. K istorii srednevekovoy Tavriki [On the History of Medieval Taurica]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1992, iss. 26, pp. 125-133.

30. Stepanenko V.P. Fema Bospor po dannym sigillografii [The Theme of Bosporos According to Sigillography]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2022, iss. 50, pp. 155-164.

31. Tolstoi I.I. O vizantiyskikh pechatyakh Khersonskoy femy [On the Byzantine Seals of the Kherson Theme]. *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society], 1887, vol. II, pp. 28-43.

32. Khvolson D.A. *Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, madyarakh, slavyanakh i russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya* [News about the Khazars, Burtases, Bulgarians, Magyars, Slavs, and Russians of Abu-Ali Ahmed ibn Omar Ibn-Dast, a Hitherto Unknown Arab Writer of the 10th Century, Based on a Manuscript in the British Museum]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk, 1869. 199 p.

33. Zuckerman C. Vengry v strane Levediya: novaya derzhava na granitsakh Vizantii i Khazarii ok. 836–889 gg. [Hungarians in the Country of Lebedia: A New State on the Borders of Byzantium and Khazaria About 836–889]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1998, iss. 6, pp. 663-688.

34. Zuckerman C. Politika Vizantii v Severnom Prichernomore po dannym Notitiae episcopatuum [Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatuum]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2010, iss. XVI, pp. 399-435.

35. Yurgevich V. Svintsovye pechati, khranyashchiesya v muzee [Lead Seals Stored in the Museum]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostey* [Notes of the Odessa Society for the History of Antiquities], 1889, vol. XV, pp. 41-46.

36. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.)* [Medieval Chersonese (12th – 14th Centuries)]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 338 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]; no. 17).

37. Yakobson A.L. K izucheniyu srednevekovogo Khersonesa [On the Study of Medieval Chersonesos]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection], 1959, iss. V, pp. 229-243.

38. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. *Bulletin d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines*, 1971, vol. 5, pp. 44-70.

39. Ajbabin A.I. *Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit*. Mainz, Römisch-Germanisches Zentralmuzeum, 2011. 318 S. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuzeums; Bd. 98).

40. Moravcsik Gy., Jenkins R.J.H., eds. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. Washington, Dumbarton Oaks, 1967. 341 p.

41. Dagron G. Le traité de Grégoire de Nicée sur le baptême des Juifs. *Travaux et mémoires*, 1991, no. 11, pp. 313-357.

42. Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantine aux IXe–XIe siècles. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1960, vol. LXXXIV, livr. 1, pp. 1-111.

43. Golb N., Pritsak O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca; London, Cornell Univ. Press, 1982. xvi, 166 p.

44. Thurn I., ed. *Ioannis Scylitzae*. *Synopsis Historiarum*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1973. 560 p.

45. Každan A. Rez. I.V. Sokolova. Pechati Georgiya Tsuly i sobytiya 1016 g. v Khersone // Pal. sb. 23 (1971) 69–74, Abb. (franz. Zsfg.) [Rev. I.V. Sokolova. Seals of George Tzul and the Events of 1016 in Kherson // Palestine Collection, 23 (1971) 69–74, Abb (fr. Zsfg.)]. *Byzantinoslavica*, 1972, vol. XXXIII, p. 298.

46. Kazhdan A. Some Little-Known or Misinterpreted Evidence about Kievan Rus' in Twelfth-Century Greek Sources. *Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students*. Harvard, Ukrainian Research Institute, 1983, pp. 344-358. (Harvard Ukrainian Studies; vol. 7).

47. Hasius C.B., ed. *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem. Et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti*. Bonnae, Imp. ed. Weberi, 1828. 626 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; pars XI).

48. Oikonomidès N. *Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles*. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1972. 403 p.

49. Oikonomidès N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire Byzantin au XIe siècle (1025–1118). *Travaux et mémoires*, 1976, no. 6, pp. 125-152.

50. Oikonomidès N. Le "système" administrative byzantin en Crimèe aux IXe–Xe s. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2000, iss. VII, pp. I–XXVI, 318–323.

51. *Photii Patriarchae Constantinopolitani. Epistulae et amphiloghia. Vol. I*. Leipzig, BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1983. XXVI, 243 S. (Bibliotheca scriptorum graecorum et Romanorum Teubneriana).

52. Photius Constantinopolitanus patriarcha. Epistolarum. Liber Secundus. Migne J.-P., ed. *Photii, Constantinopolitani patriarchae, opera omnia*. Parisiis, Ed. J.-P. Migne, 1900, cols. 585–990. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. CII).

53. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon. Kurze F., ed. *Monumenta Germaniae historica*. Hannoverae, Imp. bibliopolii Hahniani, 1890. 196 p.

54. Schechter S. An Unknown Khazar Document. *Jewish Quarterly Review*, 1912, vol. 3, no. 2, October, pp. 181-219.

55. Schlumberger G. *Sigillographie de l'Empire byzantin*. Paris, E. Leroux, éd., 1894. 744 p.

56. Schlumberger G. Sceaux byzantins inédits. Schlumberger G. *Mélanges d'Archéologie Byzantine. Monnaies, Médailles, Méreaux, Jetons, Amulettes, Bulles d'Or et de Plomb, Poids de Verre et de Bronze, Ivoires, Objets d'Orfèvrerie, Bagues, Reliquiaires, etc.* Paris, E. Leroux, éd., 1895, pp. 206-207.

57. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*. Cambridge, The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

58. Zuckerman C. Short Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1997, vol. 21, pp. 210-222.

Information About the Author

Aleksandr I. Aibabin, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Research Centre of History and Archaeology of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Akademika Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

Информация об авторе

Александр Ильич Айбабин, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, aleksandraibabin@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4116-8198

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.4

UDC 94(100):736.3
LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 15.06.2025
Accepted: 05.12.2025

BYZANTINE PHILANTROPY AND CHERSON: TWO EXAMPLES IN THE FIELD OF SIGILLOGRAPHY

Nikolay A. Alekseienko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The ancient authors' accounts often describe Byzantium as a state rich in material goods and very humane, where the people are famous for their boundless philanthropy, manifesting itself in diverse spheres of public life. There are numerous reports that the Byzantines took seriously their "brothers, the poor" – sick and disabled persons in particular. Among the forms of assistance to the indigent and poor, there were distributions of food rations, clothes, and certain sums of money. An illustration of this humanitarian activity of the Byzantine elite is the special tokens, or tesserae, which from time to time occur amidst the sigillographic monuments and as a rule bear the name of the person who funded such a charitable action. *Methods*. The comparative analysis of written and sigillographic sources uncovers new, previously unknown pages in the history of Byzantine Cherson, related to the imperial philanthropy and the Chersonites' obvious participation in the capital's humanitarian events. *Analysis and results*. Among the recent finds from the site of Byzantine Cherson, there are two artefacts directly related to the activities in question dating from the late tenth and early eleventh centuries. These works were made by certain representatives of the Byzantine nobility: Nicholas, *eparchos* of Constantinople, *anthypatos* and *patrikios*, and Nicholas Pentailopoulos, *patrikios*. The appearance of the charitable tesserae from the capital in Cherson to some extent sheds light on the specifics of the organisation of imperial philanthropic actions distributions: by all appearances, among the organisers, or patrons of humanitarian actions, there were not only high-ranking office-holders from the imperial capital but also some provincial aristocrats invited as philanthropists.

Key words: Byzantine philanthropy, sigillography, charity tesserae (tokens), Taurica, Cherson.

Citation. Alekseienko N.A. Byzantine Philanthropy and Cherson: Two Examples in the Field of Sigillography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 56-64. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.4

УДК 94(100):736.3
ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 05.12.2025

ВИЗАНТИЙСКАЯ ФИЛАНТРОПИЯ И ХЕРСОН: ДВА ПРИМЕРА ИЗ ОБЛАСТИ СФРАГИСТИКИ

Николай Александрович Алексеенко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В описаниях древних авторов Византия нередко предстает в образе богатого материальными благами и очень гуманного государства, народ которого славен своей безграничной филантропией, которая проявлялась в самых разнообразных сферах общественной жизни. Сохранились многочисленные свидетельства о том, что византийцы серьезно относились к своим «братьям, бедным», включая больных и увечных. Одной из форм оказания помощи нуждающимся и беднякам стали раздачи продовольственных пайков, предметов одежды или даже определенных денежных сумм. Иллюстрацией этой гуманитарной деятельности византийской элиты служат иногда, встречающиеся среди сфрагистических памятников, специальные жетоны-тессеры, как правило, несущие имя человека, финансирующего такую благотворительную акцию. *Методы*. Сравнительный анализ данных письменных и сфрагистических источников позволяет открыть новые неизвестные ранее страницы в истории византийского Херсона, связанные с имперской филантропией и очевидным участием херсонитов в столичных гуманитарных мероприятиях. *Анализ и результаты*. В последнее время из

© Алексеенко Н.А., 2025

находок на территории византийского Херсона стали известны два артефакта, имеющие непосредственное отношение к осуществлению подобной деятельности в конце X – начале XI в. некоторыми представителями византийского нобилитета: константинопольским эпархом, анфипатом и патрикием Николаем и патрикием Николаем Пентаилопулосом. Появление столичных благотворительных тессер в Херсоне в какой-то мере проливает свет и на специфику организации имперских филантропических акций-раздач: по всей видимости, организаторами-соучастниками гуманитарных акций могли быть не только высокопоставленные столичные вельможи, но и некоторые провинциальные аристократы в качестве приглашенных меценатов.

Ключевые слова: византийская филантропия, сфрагистика, благотворительные тессеры (жетоны), Таврика, Херсон.

Цитирование. Алексеенко Н. А. Византийская филантропия и Херсон: два примера из области сфрагистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 56–64. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.4

Введение. Многие древние авторы для описания Византии использовали достаточно яркие формулировки, раскрывающие этические и социальные представления византийского общества, представляя империю богатым материальными благами и очень гуманным государством, народ которой славен своей безграничной филантропией.

Феофилакт Симокатта, говоря о византийском обществе, отмечал, что ромеи «превосходят в филантропии все другие нации» [22, p. $48_{16–20}$]. Исследователь византийской филантропии Д. Константелос приводит свидетельство императора Иоанна VI Кантакузина (1347–1354), представлявшего ромеев как нацию, отличавшуюся от других народов многочисленными проявлениями практической филантропии – добродетели не только богатых и выдающихся людей, но и всех государственных учреждений и классов населения [6, p. X, XI, note 6]. В свою очередь современник Кантакузина Алексей Макремволит подчеркивал, что филантропия была одним из врожденных качеств византийцев [24, σ. 146_{31}].

Имперская филантропия проявлялась в самых разнообразных сферах общественной жизни. Письменные источники сохранили многочисленные свидетельства о том, что византийцы серьезно относились к своим «братьям, бедным», включая больных и увечных. Они защищали сирот и вдов, оказывали помощь нуждающимся, людям преклонного возраста, пленникам, странникам и иноземцам, попавшим в беду. При этом Д. Константелос особо подчеркивает, что «делали они это не из простой щедрости или равнодушной доброты, а из глубокой любви» [6, p. 66]. Очевидно, здесь нелишне будет упомянуть и о гуманитарной озабоченности как самих императоров Византии, так и их семей, о чем, к примеру, красноречиво свидетельствует тот факт, что в определенные праздничные дни бедные люди и сироты (12 неимущих) специально приглашались на обед к императорской семье [16, p. 164–170; 2, p. 156, 157, 163]. Известно, что многие василевсы активно заботились о благотворительных учреждениях Константинополя (больницы, дома престарелых, сиротские приюты, постоялые дворы для путешественников), нередко являясь их основателями.

Филантропия была не только политикой, с помощью которой император завоевывал расположение своего народа, но и своеобразным средством религиозного смирения и самопожертвования, с помощью которых его душа могла получить прощение грехов в загробной жизни. Таким образом, императорская благотворительность имела не только религиозные, но и социальные, и политические мотивы.

Отдельные из высокопоставленных придворных и представителей имперской администрации также были великими филантропами. В византийском обществе благотворительность стала одной из форм общественной жизни. Еще со времен Юстиниана известно, что выдающиеся люди помогали бедным и жертвам разрушительного землетрясения, раздавали пострадавшим еду и одежду [1, p. 288]. Но гуманитарная помощь возникала не только в результате стихийных бедствий или каких-либо катастроф. Нередко благожелатели по собственному побуждению предлагали свои ресурсы нуждающимся людям для решения их имущественных или продовольственных проблем. Эти акции организовывались на регулярной или периодической основе религиозными домами, благотворительными учреждениями,

управляемыми государством, а также представителями имперской аристократии и даже членами императорской семьи. Совершение благотворительного деяния рассматривалось византийцами как способ, помимо прочего, защитить себя от зла и принести благословение в свой дом и семью.

Как показывают источники, частная инициатива в создании благотворительных учреждений совсем не была редкостью. Целый ряд знаменитых византийцев можно отнести к числу частных благотворителей, которые основывали филантропические организации и финансировали их [10, p. 901]. К примеру, известно, что одним из широко известных благотворителей был Михаил Атталиат, который пожертвовал доход от своих поместий и недвижимости на оказание помощи нуждающимся и беднякам, а также организовал ряд акций по раздаче хлеба, вина, пшеницы и денег неимущим [15, S. 22ff].

Методы. Сравнительный анализ данных письменных и сфрагистических источников позволяет открыть новые неизвестные ранее страницы в истории византийского Херсона, связанные с имперской филантропией и очевидным участием херсонитов в столичных гуманитарных мероприятиях. Свидетельства милосердной деятельности византийской элиты обнаруживаются и в археологических источниках. Среди сфрагистических памятников порой можно встретить специальные жетоны-тессеры, которые изготавливались из самых разных металлов (медь, свинец, латунь) и часто несли имя человека или учреждения, финансирующего такую благотворительную акцию. Находки таких памятников достаточно редки (в музейных собраниях они представлены лишь единичными экземплярами) и, как правило, их происхождение не зафиксировано. В этой связи выявление каждого нового памятника такого рода заслуживает отдельного внимания и требует введения его в научный оборот.

Анализ. В последнее время из находок на территории византийского Херсона стали известны два артефакта, имеющие непосредственное отношение к осуществлению подобной деятельности в конце X – начале XI в. некоторыми представителями византийского нобилитета, которые не только дополняют сведения по истории имперской филантропии, но и, видимо, свидетельствуют об вероятном участии в столичных благотворительных мероприятиях и обитателей Таврики.

Около полувека назад (ок. 1980-х гг.) в прибрежной акватории Херсонесского городища была найдена весьма походившая на монету медная тессера неудовлетворительной сохранности, имевшая характерные признаки византийских моливдовулов, атрибутировать которую в то время не удалось. Артефакт долгое время находился в частной коллекции и не раз менял собственника. В итоге, в 2012 г. тессеру приобрел для своей коллекции А. Шереметьев. Однако ни тогда, ни в последнее время (судя по публикациям предметов из собрания киевского музея семьи Шереметьевых) она так и не была введена в научный оборот и соответствующим образом атрибутирована.

Поводом вернуться к этому забытому артефакту (к счастью, в фотоархиве автора сохранилось его фото) стало обнаружение в Херсонесе новой удивительной находки подобного типа. Этим двум редким сфрагистическим памятникам и будет посвящено данное исследование.

Итак, первая известная нам херсонесская тессера была найдена в акватории херсонесского пляжа в районе Уваровской базилики.

1. Музей исторических и культурных реликвий семьи Шереметьевых, Киев (рис. 1)

Медный сплав. Метрические данные неизвестны.

Аверс. Погрудное изображение Богоматери в жемчужном нимбе, анфас в ободке из слившихся в линию жемчужин (вышел за поле заготовки). По сторонам сокращенная легенда под титлами: $\overline{\text{ΜΡ}}$ (слева); $\overline{\text{ΘΥ}}$ (справа) – Μῆτερ Θεοῦ – Матерь Божья.

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин (практически вышел за поле заготовки):

+NIKO	Νικό
ΛAOANΘ.	λάῳ ἀνθ[ύ]
ΠATOΠAT	πάτῳ πατ
PHKHOṢ	ρηκήῳ (καὶ)
Є̣Λ·Є̣Π·	ἐλ(αχίστῳ) ἐπ(άρχῳ)

Николай, анфипат, патрикий и «скромный / недостойный» эпарх

Иконографический тип тессеры указывает на принадлежность рассматриваемого объекта к аналогичным памятникам (моливдовулам) второй половины X – начала XI столетия. В пользу этого свидетельствуют и эпиграфические особенности шрифта – литеры с так называемыми «крышечками» на концах вертикальных гаст. Легенды моливдовулов второй половины X в., как правило, начертаны именно таким шрифтом. Тому можно привести предостаточное количество примеров.

Точную аналогию неожиданно удалось найти среди печатей знаменитой коллекции моливдовулов Г. Закоса [23, p. 305, no. 616]. В дальнейшем этот памятник (рис. 2) поступил в собрание Женевского музея искусств и истории и датирован авторами каталога началом XI в. [3, p. 453, no. 397]. Благодаря этой тессере уверенно восстанавливается и легенда херсонесской находки. Несмотря на неудовлетворительную сохранность последней, скорее всего, оба экземпляра принадлежат одной паре матриц, поскольку полностью совпадают и характер шрифта, и расстановка литер в строках. Авторы Женевского каталога реконструируют завершающую часть легенды в дательном падеже, очевидно, предполагая обращение к помощи Богородицы, образ которой представлен на аверсе тессеры, в то же время Г. Закос воспроизводил надпись полностью в номинативе. Отсутствие инвокативной легенды в сопровождении образа Богоматери, в принципе, позволяет рассматривать здесь оба возможных варианта. Впрочем, окончание имени заказчика и его первых рангов титулатуры (анфипат, патрикий) на *о микрон* может означать передачу легенды именно в именительном падеже с сокращением конечной *сигмы* и подменой в титуле патрикия *иоты* на *эту* (Νικόλαος ἀνθύπατος πατρ(ί)κ(ι)ος ἐλάχίστος ἐπάρχος).

Исходя из легенды тессеры, она была выпущена достаточно высокопоставленным сановником по имени Николай, носившим высокие титулы анфипата и патрикия, который не преминул указать (правда, лишь в сокращенной форме) и занимаемый им государственный пост эпарха, в сопровождении уничижительного эпитета «скромный (или ничтожный / недостойный)». Как известно, приниженная форма приставок подобного рода в обозначении занимаемых постов владельцев моливдовулов была вполне традиционна как для смиренных светских христиан того времени, так и представителей клира.

Следует отметить, что в свое время Н. Икономидис предложил иную реконструкцию последней строки легенды тессеры. Греческий ученый вместо «ничтожного (скромного)» эпарха восстанавливал термин ἐλε(ο)π(αρόχῳ), то есть видел здесь чиновника среднего ранга из ведомства логофета геникона, выполнявшего надзорные функции, связанные с морской торговлей [17, p. 266]. Однако, как нам представляется, все же следует согласиться с мнением авторов Женевского каталога, что наличие знаков сокращения в последней строке легенды, а также присутствие придворных титулов (патрикий, анфипат), характерных только для высокопоставленных чиновников, полностью исключает такое чтение.

С учетом гуманитарного назначения рассматриваемого жетона-тессеры, значение слова ἐλάχιστος (ничтожный, скромный, незначительный и т. п.), являясь одним из терминов смирения, которым, как известно, священнослужители (да и не только) нередко обозначали себя на моливдовулах [11, p. 208, 209, 224, 249, 374, 375, 519, 598–600, 697, 772, no. 294, 296, 316, 349, 510, 686, 780, 888, 1012; 12, p. 19, 31, 32, 236, no. 1048, 1074, 1335; 13, p. 93, no. 1739], здесь, несомненно, демонстрировало религиозное чувство должностного лица (в данном случае эпарха Константинополя), которое, как нельзя лучше, мотивировало организуемую им благотворительную акцию [3, p. 453].

В свое время Р. Гийян составил перечень эпархов византийской столицы [7; 8; 9], который в дальнейшем откорректировал и дополнил Ж.-Кл. Шене [4]. В ряду эпархов, известных только по краткому упоминанию, назван патрикий Николай [8, p. 164, note 335; 4, p. 52, note 22], который в начале XI в. вместе с ипатом и патрикием Вардой фигурирует в одном из судебных разбирательств, содержащихся в Пире [18, p. 249, 250]. Очевидно, херсонесскую находку следует связывать именно с этим персонажем. К сожалению, о нем больше ничего не известно.

Второй артефакт был обнаружен летом 2023 г. на центральной площади Херсонеса в районе Владимирского собора в отвале одной из строительных траншей.

2. Частная коллекция Ю.А. Цепкова (Севастополь) (рис. 3)

Медный сплав. Размер – 17 × 18,5 мм (диаметр поля – 16 мм); вес – 2,14 г; соотношение осей – 1 час.

Аверс. Погрудное изображение Богоматери в жемчужном нимбе, держащей руки перед грудью ладонями наружу в жесте приятия благодати, анфас. По сторонам сокращенная греческая надпись под титлами: слева – $\bar{\text{М}}$; справа – $\bar{\Theta}$ – М(ῆτερ) Θ(εοῦ) – Матерь Божья. По кругу греческая легенда с инвокативным обращением: ϰЄRОНΘЄINНϰОΛАОПАṬРІϰ᛫ – К(ύρι)ε βοήθει Νηκολά(ῳ) πατρικ(ίῳ) – Господи, помоги Николаю, патрикию. Вокруг ободок из мелкой зерни.

Реверс. Погрудное изображение св. Николая в святительских одеждах, держащего в левой руке Евангелие, а правой благословляющего, анфас. По сторонам надпись в столбик: слева – ⊙|NI; справа – ϰ|О|ΛΑ|О – Ὁ (ἅγιος) Νικόλαο(ς) – Святой Николай. По кругу греческая легенда [1]: +ṬѠ ṆЄNТА НΛОṆОVΛѠ – τῷ Πενταηλοπούλῳ. Вокруг ободок из мелкой зерни.

Иконографический тип и шрифт данной тессеры также указывают на ее принадлежность к памятникам второй половины X – самого начала XI столетия. Примечательно, что здесь уже присутствует патроним владельца, хотя наличие круговой легенды возвращает нас к памятникам сфрагистики конца X в., когда указание патронима еще не вошло в широкую практику.

Поиск аналогий привел нас к выявлению еще двух аналогичных памятников. Однако, если выявление в процессе исследований тессеры, подобной херсонесской находке, среди лотов одного из электронных аукционов (рис. 4) [5, lot 803] – явление достаточно закономерное и вполне ожидаемое в творческом поиске, то обнаружение еще одного экземпляра явило своеобразный пример из известной поговорки, что «новое – это хорошо забытое старое». Третий экземпляр неожиданно был обнаружен в знаменитой «Сигиллографии» Г. Шлюмберже [19, p. 689]. Правда, издатель, приводя лишь рисунок буллы из своей коллекции, не верно представил патроним заказчика (τῷ Πενταπλοπούλῳ). В то же время назвал его патрикием Николаем, ссылалась на первое издание памятника [20 [2], p. 196, no. 10, pl. XVIII, *7*], где указал, что она изготовлена из медного сплава (*cuivre jaune*), давая понять, что мы имеем дело с медной тессерой, а не моливдовулом (рис. 5) Примечательно, что на рисунке из «Сигиллографии» в легенде лицевой стороны не отражено имя заказчика. По-видимому, сохранность легенды в том месте была не слишком хорошей, поэтому рисовальщик слегка пофантазировал и вместо имени изобразил буквы из хорошо известного окончания инвокативной формулы «Богородица помоги твоему рабу»: ϹѠΔОVΛѠ, опустив начальное ТѠ. По количеству литер (7) и размеру этот фрагмент легенды полностью соответствует имени Николая, даже совпадают начертания отдельных литер. Не вызывает сомнения, что по той же причине в родовое имя тоже вкралась ошибка: вместо *эты* нарисована *пи* и получился: Пентаплопулос вместо Пентаилопулоса. Однако не приходится сомневаться, что здесь мы имеем дело с тессерой той же пары матриц, что и херсонесский экземпляр. Возможно, со временем в одном из парижских собраний, где хранится часть не приобретенной Н.П. Лихачевым коллекции Г. Шлюмберже, удастся найти этот памятник (в составе коллекции Н.П. Лихачева (ныне в собрании Государственного Эрмитажа) он не зафиксирован) и утвердительно ответить на возникшие сегодня вопросы.

Удивительно, что при достаточной редкости такого рода памятников данный артефакт по каким-то причинам остался вне внимания исследователей. В публикациях, посвященных византийским тессерам, после Г. Шлюмберже он никогда не упоминался.

В анналах византийской истории патрикий Николай Пентаилопулос, к сожалению, не оставил никаких следов, по крайней мере, на данный момент нам о нем ничего не известно. О его семействе также мало что известно, в основном только по данным памятников сфрагистики [3]. Но несмотря на это находки его благотворительных тессер, которые бесспорно являются вещественными доказательствами организации гуманитарных акций по оказанию социальной помощи наиболее обездоленным слоям византийского обще-

ства, по нашему мнению, свидетельствуют не только о его высоком общественном статусе и очевидной зажиточности, которые вполне позволяли ему быть щедрым, но и большой личной филантропии.

Природу происхождения и назначения византийских благотворительных тессер (токенов) достаточно подробно осветил Дж. Несбитт [14, p. 67–76], что избавляет нас от необходимости повторного экскурса на эту тему. Заметим лишь то, что исследователь отметил точку зрения Г. Шлюмберже, что такие предметы, которые датируются, как правило, X или XI в. (хотя теперь известно и о более ранних примерах), должны относиться к категории своеобразных хлебных талонов [19, p. 78, 79; 14, p. 68]. Однако источники повествуют, что в обмен на тессеру ее обладатель мог получить не только продовольственный паек или предметы одежды, но и право на вход в общественную баню или даже определенную сумму денег [3, p. 450].

Выводы. Как представляется, появление столичных благотворительных тессер в византийском Херсоне в какой-то мере проливает свет и на вероятную специфику организации имперских филантропических акций-раздач. Из сохранившихся сведений следует, что такие мероприятия проводились благожелателями непосредственно для местных жителей. Исходя из статуса заказчиков, рассмотренные тессеры, судя по всему, предназначались для константинопольских акций. Маловероятно, что высокопоставленный столичный вельможа мог организовывать благотворительную раздачу в провинциальном Херсоне. В то же время и «малоимущему» херсониту наверняка нереально (в первую очередь весьма затратно) было принять участие в подобном мероприятии в столице. Находки тессер за морем, в глубокой провинции, по всей видимости, могут свидетельствовать о возможном персональном знакомстве отдельных херсонских жителей с организаторами таких благотворительных событий, которые могли быть приглашены для участия в них, но, на наш взгляд, не как обездоленных получателей гуманитарной помощи, а в качестве спонсоров-меценатов. Видимо, именно поэтому тессеры и не были предъявлены или обменены, а остались в Херсоне. Возможно, они стали своеобразными талисманами в память о содеянном богоугодном деле. Напомним, что во вторичном использовании аукционный экземпляр тессеры Николая Пентаилопулоса [5, lot 803], в которой было просверлено отверстие и она, скорее всего, выполняла именно такую роль, не говоря о том, что одновременно с этим могла являться и предметом личного благочестия.

Таким образом, благодаря находкам константинопольских благотворительных тессер в византийском Херсоне можно засвидетельствовать то, что, по всей видимости, организаторами-соучастниками гуманитарных акций могли быть не только высокопоставленные столичные сановники, но и некоторые провинциальные аристократы в качестве приглашенных меценатов.

Организация гуманитарных раздач была лишь малой толикой христианского сочувствия и заботы византийских «сильных мира сего» о своих «братьях меньших» в большой цепи благотворительных мероприятий, проводившихся не только в Константинополе, но и в провинциях: были построены больницы, дома для бедных и престарелых; созданы сиротские приюты, где сироты не только размещались и питались, но и получали образование; построены специальные учреждения для прокаженных; в различных городах и на дорогах империи были основаны странноприимные дома и постоялые дворы, чтобы обеспечить путешественников едой и кровом. Такое проявление филантропии как добродетели по своей идеологической концепции и практическому применению полностью соответствует христианским идеалам, которыми сверху до низу (от императора до простолюдина) было пропитано византийское общество. Надо полагать, что находки благотворительных тессер в Херсоне в этом смысле – очередное подтверждение повсеместного существования устойчивых традиций человеколюбия в гуманитарной политике Византийского государства и Церкви во второй половине X – начале XI столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор выражает глубокую благодарность профессору В. Зайбту (Вена) за консультации по реконструкции родового имени заказчика тессеры.

[2] Данная статья была переиздана в 1895 г. в Mélanges d’archéologie byzantine, где также была представлена рассматриваемая нами тессера [21, p. 285, no. 10, pl. XIV, *7*].

[3] В дальнейшем этой теме автор планирует посвятить специальное исследование.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Благотворительная тессера Николая, патрикия, анфипата и «скромного» эпарха из Музея исторических и культурных реликвий семьи Шереметьевых (Киев). Фото автора, 2012

Fig. 1. Charity tesserae of Nicholas, patrikios, anthypatos and ἐλάχιστος eparchos from the Sheremetievs Family Museum of Historical and Cultural Rarities (Kiev) (photo by the author, 2012)

Рис. 2. Благотворительная тессера Николая, патрикия, анфипата и «скромного» эпарха из собрания Женевского музея искусств и истории (по: [3, p. 453, no. 397])

Fig. 2. Charity tesserae of Nicholas, patrikios, anthypatos and ἐλάχιστος eparchos from the Geneva Museum of Art and History (according to [3, p. 453, no. 397])

Рис. 3. Благотворительная тессера патрикия Николая Пентаилопулоса из Херсона. Фото автора, 2024

Fig. 3. Charity tessera of Nicholas Pentailopoulos, patrikios from Cherson (photo by the author, 2024)

Рис. 4. Благотворительная тессера патрикия Николая Пентаилопулоса с аукциона Concordia Numismatic (по: [5, lot 803])

Fig. 4. Charity tesserae of Nicholas Pentailopoulos, patrikios from Auction Concordia Numismatic (according to [5, lot 803])

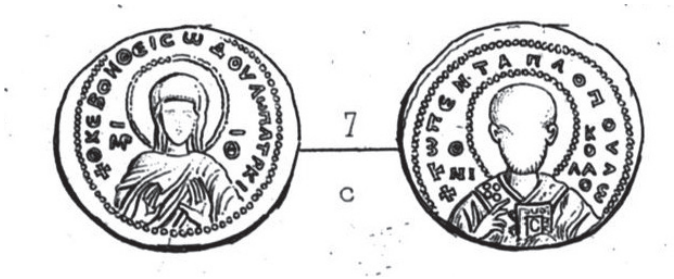

Рис. 5. Благотворительная тессера патрикия Николая Пентаилопулоса из коллекции Г. Шлюмберже (по: [20, p. 196, no. 10, pl. XVIII, *7*])

Fig. 5. Charity tesserae of Nicholas Pentailopoulos, patrikios from the Collection of G. Schlumberger (according to [20, p. 196, no. 10, pl. XVIII, *7*])

REFERENCES

1. Niebuhr B.G., ed. *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque*. Bonnae, Impensis ed. Weberi, 1828. 420 p. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae; vol. I).

2. Bury J.B. *The Imperial Administrative System in the Night Century*. London, British Academy Publ., 1911. 179 p.

3. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Genève, Musée d'art et d'histoire, 2016. 521 p.

4. Cheynet J.-Cl. L'Éparque: correctifs et additifs. *Byzantinoslavica*, 1984, vol. XLV, fasc. 1, pp. 50-54.

5. *Concordia Numismatic. Auction 7. Greek, Roman, Byzantine, Medieval and Islamic Coins, Weights and Seals (02.09.2023).* e. U., Aigen, Austria. URL: https://www.biddr.com/auctions/concordianumismatic/browse?a=3750&l=4336109

6. Constantelos D.J. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare*. New Brunswick; New Jersey, Rutgers University Press, 1968. XXVIII, 356 p., 4 m.

7. Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Eparque. 1. L'Eparque de la Ville – O Eparchos tēs Poleōs. *Byzantinoslavica*, 1980, vol. XLI, fasc. 1, pp. 17-32.

8. Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. L'Eparque. 1. L'Eparque de la ville – O Eparchos tēs Poleōs (Suite). *Byzantinoslavica*, 1980, vol. XLI, fasc. 2, pp. 145-179.

9. Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. II. Les Eparques autres que l'Eparque de la ville. *Byzantinoslavica*, 1981, vol. XLII, fasc. 1, pp. 186-196.

10. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. II*. Oxford, Basil Blackwell, 1964, pp. 523-1068.

11. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église. Partie 1*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1963. 805 p.

12. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église. Partie 2*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1965. 340 p.

13. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. T. V: L'Église. Partie 3*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique. 1972. 538 p.

14. Nesbitt J.W. Byzantine Copper Tokens. *Studies in Byzantine Sigillography*, 1987, vol. 1, pp. 67-76.

15. Nissen W. *Die Diataxis des Michael Attaliates von 1077*. Jena, Frommannsche Hof-Buchdruckerei (H. Pohle), 1894. iv, 124 S.

16. Oikonomidès N. *Les listes preseance byzantines des IXe et Xe siècle.* Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 404 p.

17. Oikonomidès N. À propos d'une nouvelle publication de sceaux byzantin. *Revue des études byzantines,* 1986, vol. 44, pp. 263-267.

18. Zachariae a Lingenthal C.E., ed. *Peira i.e. Practica ex actis Eustathii Romani. Ex Cod. Laurentiano.* Lipsae, T. O. Weigel, 1856. 312 p. (Jus graeco-romanum; Pars I).

19. Schlumberger G. *Sigillographie de l'empire byzantin.* Paris, E. Leroux, 1884. 748 p.

20. Schlumberger G. Monuments numismatiques et sphragistiques du moyen âge byzantin. *Revue Archéologique (n. s.)*, 1880, vol. 40 (juillet à décembre 1880), pp. 193-212, pl. XVIII.

21. Schlumberger G. Monuments numismatiques et sphragistiques du moyen âge byzantin. *Mélanges d'archéologie byzantine.* Paris, E. Leroux, 1895, pp. 281-304, pl. XIV.

22. Boor (de) C., ed. *Theophylacti Simocattae Historiae.* Lipsae, In aedibus B. G. Teubneri, 1887. 438 p.

23. Zacos G. *Byzantine Lead Seals. Vol. 2.* Berne, Beuteli, 1984. xxx, 543 p., 100 pl.

24. Makrembolitou Alexiou Logos Istorikos [Alexios Makrembolites' Historical Speech]. Papadopoulos-Kerameus A. *Analekta Ierosolumitikēs Stachyologias* [Analects of Jerusalem Stachyology], vol. 1. Saint Petersburg, Typographeion V. Kirschbaum, 1891. 535 p.

Information About the Author

Nikolay A. Alekseienko, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, alekseyenkonikolaj@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1992-680X

Информация об авторе

Николай Александрович Алексеенко, Dr. Études médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, alekseyenkonikolaj@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1992-680X

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.5

UDC 904(470):72“10/13”
LBC 63.444(2)-41

Submitted: 03.06.2025
Accepted: 30.09.2025

BYZANTINE MARBLE MORTARS IN THE MATERIAL CULTURE OF MEDIEVAL TOWNS OF TAURICA

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. One of the rare categories that make up the material culture of Taurica in the second half of the 7th to the beginning of the 14th century are marble mortars made from waste in the production of marble architectural details. Despite the small number, they were noted during excavations of almost all Provincial-Byzantine cities of the peninsula. They are also widely known outside the peninsula in the material culture of the Golden Horde cities of the Sea of Azov and the Volga region. The source base of the work is all the marble mortars recorded during ground and underwater excavations in Sugdeja and the village of Novy Svet, including from closed complexes. Unfortunately, to this day they have not been published. *Methods and materials*. Standard methods of comparative morphological and stylistic analysis were used. *Analysis*. The use of the most complete source base allows for the first time to reasonably determine the leading morphological type and chronological framework of the existence of products in medieval Taurica. *Results*. The data obtained suggest that the marble mortars recorded during the excavation of the provincial-Byzantine cities of the peninsula belong to one of the most common types of products. Archaeological contexts make it possible to date the last period of use of most of them within the framework of the 12th – first half of the 13th century. The most worked products are recorded in the cultural layers of the city of the second half of the 13th and the first half of the 14th centuries.

Key words: medieval Taurica, Byzantine influence, marble mortars, chronology, morphological groups.

Citation. Maiko V.V. Byzantine Marble Mortars in the Material Culture of Medieval Towns of Taurica. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 65-80. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.5

УДК 904(470):72“10/13”
ББК 63.444(2)-41

Дата поступления статьи: 03.06.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

ВИЗАНТИЙСКИЕ МРАМОРНЫЕ СТУПКИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ТАВРИКИ

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Одной из редких категорий, составляющих материальную культуру провинциально-византийских городов Таврики второй половины VII – начала XIV в., являются мраморные ступки, изготавливавшиеся из отходов при производстве мраморных архитектурных деталей. Несмотря на немногочисленность, отмечены они при раскопках практически всех городов полуострова. Широко известны они и за пределами Крыма в материальной культуре золотоордынских городов Приазовья и Поволжья. Источниковую базу работы составляют все мраморные ступки, зафиксированные в ходе проведения наземных и подводных исследований, происходящие в том числе из закрытых комплексов. К сожалению, до сего дня многие из них не публиковались. *Методы и материалы.* Использованы стандартные методы сравнительного морфологического и стилистического анализа. *Анализ.* Использование максимально полной источниковой базы позволяет впервые аргументированно определить ведущий морфологический тип и хронологические рамки существования изделий в средневековой Таврике. *Результаты.* Полученные данные позволяют утверждать,

© Майко В.В., 2025

что мраморные ступки, зафиксированные при раскопках провинциально-византийских городов полуострова, относятся к одному наиболее распространенному типу изделий. Археологические контексты дают возможность датировать последний период использования большей части из них в рамках XII – первой половины XIII века. Наиболее сработанные изделия зафиксированы в культурных слоях города второй половины XIII – первой половины XIV века.

Ключевые слова: средневековая Таврика, византийское влияние, мраморные ступки, хронология, морфологические группы.

Цитирование. Майко В. В. Византийские мраморные ступки в материальной культуре средневековых городов Таврики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 65–80. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.5

Посвящается ТМ

Введение. При анализе материальной культуры провинциально-византийских городов всех регионов Таврики VII – середины – третьей четверти XIII в. важно учитывать наличие определенных категорий импортных предметов, являющихся раритетными, передававшимися из поколения в поколение. В данном случае речь идет не о предметах личного христианского благочестия, а о бытовых импортных крупногабаритных и долговечных вещах, представлявших большую ценность. Прежде всего, это изделия из мрамора. Фрагменты мраморных культовых столов уже стали предметом пристального изучения [19, с. 279–288].

В этой же работе мы впервые попытались собрать всю имеющеюся информацию о мраморных ступках, зафиксированных за все годы раскопок в провинциально-византийских городах полуострова.

Источниковую базу составляют 7 ступок Сугдеи, 1 Партениты, 1 Сотера, 1 Алустон, 6 Боспор, 8 Херсонес. Одна ступка во вторичном использовании найдена в генуэзской Каффе. Всего 25 изделий. Из них опубликовано меньше трети. Это ступки из Партенит [14, с. 99, рис. 8], поселения Сотера [15, с. 125, рис. 8], 3 из Боспора [2, с. 321, ил. 163, *ВП-9.350*; 18, с. 115, рис. 4; 10, с. 135, рис. 15, *3*] и 3 из Херсонеса [13, с. 430, № 22, 23; 4, с. 108, рис. 12, *4*]. Это, конечно же, не все мраморные сосуды Таврики. В качестве критерия при отборе был использован факт их обнаружения в археологических контекстах, от середины VII до второй половины XIII века.

К сожалению, у шести ступок (2 Сугдея, 4 Херсонес) либо нет информации об этом контексте, либо сосуд найден в качестве подъемного материала. С конкретной постройкой или культурным слоем связаны находки 19 экземпляров.

Три фрагмента каменных ступок Боспора (раскопки 1958 г. у храма Иоанна Предтечи Е.В. Веймарна, раскоп 1964 г. на Рыночной площади Т.И. Макаровой, раскоп 1990 г. на ул. Театральная А.Б. Занкина) обнаружены в культурных горизонтах, связанных с постройками, прекратившими свое существование в третьей четверти VII века. Со слоем первой половины этого столетия связан фрагмент, найденный в заполнении рыбозасолочной цистерны ранневизантийского Боспора, раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой.

Со слоем пожара последней трети VII в. связан фрагмент из участка IV раскопа в Кооперативном переулке 1991 г. А.И. Айбабина [1]. Судя по всему, со слоем этого же времени связана находка целой ступки, зафиксированной в траншее под коммуникацией, проложенной в этом же Кооперативном переулке в 1957 году. В культурном слое второй половины IX – первой половины X в. найдена ступка на поселении Сотера. Одна ступка найдена при проведении подводных работ 2002 г. в пос. Новый Свет близ Сугдеи. Она, будучи имуществом команды византийского корабля, затонула вместе с грузом в середине – второй половине XI века. В Партенитах ступка найдена в культурном слое, который датируется в широких хронологических рамках второй половины X – XII века.

В культурном слое второй половины X – конца XIII в. (квартал III Северо-восточного района, культурный слой на площади раскопа 6 Южного пригорода, хозяйственное помещение 43 квартала в юго-восточной части городища, слой у Западной базилики) найдены четыре ступки Херсонеса. В синхронных го-

ризонтах, датированных, правда, до середины XIII в. (раскоп I 1965 г., раскоп III 1966 г.; раскоп VIII 2014 г. в портовой части города), найдены четыре ступки Сугдеи.

В заполнении помещения второй половины XIII – первой половины XIV в. найдена ступка в Алустоне [2]. В культурном слое этого же времени обнаружена и ступка в генуэзской Каффе.

Таким образом, даже у тех экземпляров ступок, которые имеют археологический контекст, он очень редко свидетельствует о времени изготовления того или иного изделия. Учитывая и степень изношенности предмета, мы, в лучшем случае, можем говорить только о том, когда он вышел из употребления.

Методы. Для решения поставленных задач в работе используются методы, привлекаемые при сравнительном анализе археологических материалов. А именно: метод группирования материала в соответствии с его морфологическими и стилистическими признаками, сравнительный метод для определения круга аналогий и культурной принадлежности.

Анализ. Предваряя аналитическую часть работы, отметим, что нами не рассматриваются довольно крупные сосуды с рельефной христианской символикой, специально изготовленные для литургических действий, некоторые из которых датируются второй половиной X – XIII веком. Яркими примерами последних могут служить хорошо известные специалистам изделия из греческих монастырей Афона, Мегар, Афинского музея. Среди них и настоящие шедевры византийского и западноевропейского искусства. Все они неоднократно опубликованы [3, с. 109–110], что избавляет от повторений.

По этой же причине мы исключили из рассмотрения крупную чашу из проконесского мрамора (МЗСК КП-265), обнаруженную М.А. Фронджуло в 1969/70 гг. при раскопках фонтана, устроенного с внутренней стороны восточной стены барбакана Судакской крепости [9, с. 312]. Как известно, чаша изначально представляла собой капитель коринфского ордера, детали которой сохранились с внутренней стороны изделия, перерубленную впоследствии в дует датировать генуэзским временем.

Наиболее ранними ступками считаются конусовидные изделия разных размеров без ручек, на ярко выраженном массивном плиточной дне. В провинциально-византийских городах и поселениях полуострова нам известна только одна подобная небольшая ступка на плиточном дне, обнаруженная при раскопках торгового поселения Партенит на южном берегу Крыма [14, с. 99, рис. 8] (рис. 1, *1*). Типологически ей очень близка хорошо известная специалистам вотивная небольшая чаша (перириантерий) с выступами-ручками и посвятительной надписью из Горгиппии, аргументировано датирующаяся последней четвертью II – началом III в. [6, с. 167, рис. 1]. Наибольшая по численности коллекция этих ступок известна в музее под открытым небом на острове Проконнес [31, p. 14, fig. 2].

С древностями эллинистического и римского времени связаны и глубокие ступки овоидной формы, у которых диаметр венчика несколько меньше максимального диаметра плечей, расположенных непосредственно под венчиком. Несмотря на то что они, по мнению греческих специалистов, могут датироваться средне- и поздневизантийским временем, включая и поствизантийский период [21, p. 359, № 420, 421], в крымских провинциально-византийских городах и поселениях они неизвестны. Прекрасный образец подобной ступки обнаружен на территории городища скифского времени Лагутник и соответственно, при отсутствии материалов более позднего времени, датируется скифской эпохой [11, с. 342, рис. 3]. Ярким примером чрезвычайно длительного их использования и транспортировки из Таврики в Приазовье является сосуд из Азака [11, с. 343, рис. 4], последний период использования которого приходится на первую половину XIV века.

Остальные ступки, составляющие в Крыму подавляющее большинство, согласно многочисленным закрытым комплексам и комплексам, имеющим точные хронологические рамки бытования, датируются концом V – серединой VII века. В данном случае речь идет о времени их изготовления. Все сосуды можно разделить на несколько морфологических вариантов.

Первый вариант представлен приземистыми небольшими сосудами, но с ярко выраженными ручками-выступами. Они имеют полусферическое или конусовидное очертание тулова. Во втором случае дно достаточно

широкое. Хорошее представление об этих ступках дают полностью сохранившиеся изделия из Музея византийской культуры Фессалоник [21, p. 358, № 418, 419; 32, p. 20, fig. 1, 2], так же, как и представительная коллекция, происходящая из раскопок Тира в Ливане [27, p. 216, fig. 16, *1–3*]. Иногда высота очень массивных выступов-ручек превышает половину высоты самого изделия [32, p. 21, fig. 3, *4*].

Среди этих ступок есть довольно большая группа сосудов с христианской символикой и надписями, которые уверенно, на основании археологического материала, в том числе материалов кораблекрушений, датируются в рамках конца V – середины VII в. [32, p. 22–23, fig. 7–10; 35, σ. 225, εικ. 4]. Они достаточно подробно рассмотрены Л.А. Голофаст, что избавляет от повторений. Исследовательница, рассматривая фрагмент подобной полусферической ступки второй четверти VI в. из археологических исследований Фанагории [5, с. 81, рис. 3, *1*, *2*], справедливо указала на то, что чаши этого круга, прежде всего с вырезанными христианскими символами, известны только по раскопкам в римских провинциях Мезия, Секунда и Фракия [5, с. 80–83]. Тщательно проанализированные находки из поселенческих, городских и монастырских комплексов на территории южной Болгарии [28, p. 133–134], Румынии [29, p. 58–59, nos. 60, 61], Палестины [23, p. 237, fig. 16, *2*] и Греции [22, p. 123, pls. 60, 61, nos. 827–829] позволяют уверенно датировать время их производства не позднее середины VII в., что не исключает использование ступок и в более поздний период.

В одной из наиболее представительных коллекций мраморных ступок, происходящих из археологических исследований на острове Кос в Греции, так же широко представлены варианты этих же ступок, датируемых V–VI вв., но не с христианской, а с различной простейшей геометрической орнаментацией выступов-ручек [30, p. 163, № 14, 18; p. 164, № 19, 20, 22, 23; 31, p. 17, fig. 5; p. 18, fig. 6]. Близость орнаментальных сюжетов и морфология изделий подразумевают производство их в одной и той же мастерской. Причем совершенно аргументированно ставится вопрос о вполне возможном импорте из Поконнеса заготовок ступ и их окончательной обработке, и орнаментации на Косе [31, p. 9–30]. В Таврике единственная целая ступка с выступами, орнаментированными по диагонали тремя параллельными линиями, обнаружена в Керчи в Кооперативном переулке при прокладке траншеи под коммуникации в 1957 г. (рис. 2, *3*).

Хорошим основанием для датировки ступок с христианской символикой и геометрической орнаментацией являются материалы раскопок, проведенных в Шикмоне в окрестностях Хайфы в 1994 г. [20, p. 159, fig. 8, *1*]. Здесь в комплексах, надежно датированных археологическим материалом, помимо неглубоких небольших ступок, служивших для литургических целей и которые трудно использовать при решении производственных задач, выделен синхронный *второй вариант* более массивных и значительно более глубоких ступок, имеющих широкие и не высокие боковые ручки, расположенные сразу под венчиком [20, p. 159, fig. 8, *3*]. В качестве прототипов этих ручек логично рассматривать ручки в виде хвоста змеи, известных на античных перирантериях [35, σ. 223, εικ. 1, 3α, 3β]. Представительная коллекция ступок второго варианта происходит также из археологических исследований территории Спарты [35, σ. 228, εικ. 8, 11, 15]. Типологически близкая мраморная ступка была обнаружена и в апсиде христианского храма в византийском монастыре близ деревни Аль-Джамама к западу от южноизраильского города Рухама [24, p. 106, fig. 16, *b*]. Тем не менее их использование исключительно в литургических целях можно поставить под сомнение.

Именно к этой группе можно отнести фрагмент ступки из засыпи рыбозасолочной цистерны на Боспоре [2, с. 321, ил. 163, *ВП-9.350*], Херсонесский фрагмент из коллекции ГИМа (ГИМ 82658/1927 Оп. Б 848/1927), изделие из раскопа 6 Южного пригорода Херсонеса [4, с. 108, рис. 12, *4*] с подобными, но очень короткими подовальными ручками и морфологически близкую ступку из Сотеры (рис. 1, *3*) [15, с. 125, рис. 8] [3].

Подавляющее большинство анализируемых в данной работе ступок принадлежит условно выделенному *третьему варианту*. Это плоскодонные, зауженные к основанию изделия с утолщенными стенками и дном, горизонтально срезанным к основанию. Главное

отличие от ступок первого варианта заключается в глубине и массивности изделий, а от второго – в морфологии выступов. В зависимости от высоты и характера придонной части ступки имеют ярко выраженную конусовидную или полусферическую форму. Венчик горизонтально срезан, улощен, внутренний и внешний края заглажены. Внешняя поверхность отшлифована, иногда доведена до блекса, внутренняя носит следы глубой обработки и следы воздействия каменного инструмента в виде радиально расположенных бороздок.

Характерным отличием является и то, что высота полукруглых выступов составляет, чаще всего, половину высоты изделия, а их максимальная ширина в большинстве случаев не превышает 5 см. Стандартные размеры ступок этой группы составляют от 12 до 15 см высоты и примерно 17–20 см диаметра. Диаметр дна часто близок к высоте. Толщина стенки у них не превышает 3 см. Прекрасный образец подобной ступки известен и в Музее византийской культуры Фессалоник [21, p. 359, № 421]. Там же присутствует и другой экземпляр подобной ступки [32, p. 22, fig. 5, 6], который, на наш взгляд, ошибочно датирован ранневизантийским временем. Выделены подобные ступки и в материалах раскопок на территории Спарты [35, σ. 228, εικ. 8, 10], и на территории острова Кос [34, σ. [221], εικ. 499β, 499γ].

Еще раз отметим, что ступки этого варианта морфологически разнообразны, что не в последнюю очередь связано с их функциональным назначением. Выделяется два миниатюрных высоких изделия на узком дне, имеющие ярко выраженные конусовидные черты. Это Херсонесское изделие из раскопок 1928 г. К.Э. Гриневича в Западном районе около «Западной базилики» [13, с. 430, № 23; 33, p. 306, № 382] и несколько больший сосудик, найденный в Алустоне в 1988 г. на раскопе 5 практически на полу помещения 65 второй половины XIII – первой половины XIV в. у кладки 198 (рис. 1, *2*) [12, рис. 122]. Важно отметить, что в комплекс этого же помещения входил и массивный бронзовый пест [12, рис. 123, Ал-88 № 412]. Поскольку использование таких маленьких ступок в утилитарных целях затруднительно, не исключено, что это литургические христианские предметы. Отметим и отсутствие следов «сработанности» дна. Близка к этому варианту и немножко большая по размерам ступка, но с более округлым очертанием тулова, найденная на раскопе VIII в портовой части Сугдеи (рис. 3, *1*). По центру венчика она украшена углубленной полосой, переходящей на выступах-ручках в завитки. Ее дно так же не имеет заметных следов воздействия растирающим инструментом. Типологически очень близкий этой сугдейской ступке сосуд с небольшими выступами-ручками был найден при раскопках цистерны города Тира в Ливане [27, p. 216, fig. 16, *4*]. Археологический контекст этой находки не позволяет датировать ее узкими хронологическими рамками.

Подавляющее большинство ступок больше по размерам и имеют более или менее выраженные конусовидные или полусферические очертания тулова. Все они имеют полукруглые ручки, нижний прилеп которых расположен примерно на половине высоты сосуда. Днища практически всех ступок носят сильные следы сработанности, очень часто они протерты до дыр, приводивших в конечном итоге к разлому сосудов на две половинки. Логично, что именно их и находят в различных археологических контекстах. Таковы пять ступок из Херсонеса, происходящие из раскопок 1911 г. Р.Х. Лёпера в квартале III Северо-восточного района [13, с. 430, № 22], из раскопок 1963 г. в северо-западной части квартала юго-восточной части Херсонесского городища в заполнении хозяйственного помещения 43, составлявшего большое здание, которое входило в состав крупной усадьбы [17, с. 23], и три из коллекции ГИМа (ГИМ 82091/3303 Оп. Б 823/3303; 101343/538 Оп. Б 1596/453; 33426/130 Оп. Б 121/56). Фрагмент ступки рассматриваемой нами группы найден в Пантикапее в раскопе на ул. Театральная в 1990 г. в горизонтах позднесредневекового времени [18, с. 115, рис. 4] (рис. 2, *4*). Половина интересующей нас ступки (ФМД 32/43, А-631) происходит из раскопок 1951 г. экспедиции Института археологии АН СССР под руководством И.Б. Зеест на Карантинной горке в Каффе возле крупного здания генуэзского времени конца XIII – XIV в. [7, с. 143–148]. К этой же группе относятся и четыре ступки из Сугдеи, три из которых найдены на площади раскопа I 1965 г. (рис. 3, *2*) и раскопа III

1966 г. (рис. 4, *1*, *2*) в портовой части города, а четвертая (рис. 4, *3*) – происходит из подъемного материала.

Выделяются своими размерами ступки, диаметр венчика которых достигает 30 см. По всем остальным параметрам они схожи с рассматриваемым вариантом мраморных изделий. Таковы верхняя часть ступки из подъемного материала Сугдеи, расколовшаяся на две половины, не по вертикальной, а по горизонтальной трещине (рис. 5, *2*), фрагмент ступки с граффити в виде греческой буквы из заполнения помещения, сложенного на извести с мощеным полом из раскопок 1964 г. на Рыночной площади в Керчи [9, с. 135, рис. 15, *3*], Боспорский фрагмент, происходящий из западной части шурфа 1 раскопок храма Иоанна Предтечи 1958 г. (рис. 2, *1*), и фрагмент из слоя пожара на площади раскопа 1991 г. в кооперативном переулке (рис. 2, *2*).

Половина каменной ступки [8, с. 105, рис. 65] (рис. 5, *1*) была найдена при проведении подводных исследований в бухте пос. Новый Свет в шурфе 5 на участке 1, в 125 м от места постановки рыбацких сетей, на расстоянии 80 м от берега, примерно там, где локализуется большая часть находок, связываемых с кораблекрушением середины – второй половины XI века. В отличие от остальных ступок она имеет не выступы-ручки, а пятигранные выступы, сечение которых одинаково по всей длине. На стенке и на дне имеются едва различимые процарапанные граффити в виде греческих букв.

Типологически близкий экземпляр этой уникальной пока для Таврики ступки известен только среди материалов раскопок на острове Кос в Греции [34, σ. [221], εικ. 499α]. У этого сосуда нижний прилеп, сходящий на нет, расположен в придонной части.

За пределами полуострова наибольшая коллекция мраморных ступок известна в Азаке. Она практически полностью опубликована [11, с. 334–350]. Последний период использования предметов приходится здесь на первую и вторую половину XIV века. Учитывая морфологические особенности самих сосудов, форму выступов-ручек и их нижнего прилепа, А.Н. Масловский делит все Азакские ступки на два типа [11, с. 335–336]. При этом, на наш взгляд, наличие или отсутствие желобка-слива не может служить критерием для типологического членения. Это обязательный элемент подобных изделий, а его отсутствие связано с плохой сохранностью некоторых из них. Для нас важно, что и в Азаке, как и в провинциально-византийских объектах Таврики, особенно второй половины XIII в., преобладают ступки третьего варианта [11, с. 341–350, рис. 5–9], в том числе небольшой сосуд с очень ярко выраженными выступами-ручками, придающими ему квадратные очертания [11, с. 339, рис. 1, *3*]. Выделим и фрагмент от крупной ступки этой группы [11, с. 346, рис. 7], высота которой составляет более 18 см с диаметром венчика около 30 см и толщиной стенки до 4,7 см. Можно полностью согласиться с выводом исследователя о поступлении ступок в Азак из Крыма в качестве реэкспорта [11, с. 338].

Анализируемый нами вариант ступок представлен и экземпляром из фондов Национального заповедника «София Киевская» [3, с. 110, рис. 1, *1*, *2*], который, по мнению авторов, мог использоваться и в XI веке. Широкое распространение подобных изделий на территории Древней Руси неоднократно отмечалось специалистами [16, с. 136].

Историография вопроса о функциональном назначении мраморных сосудов достаточно подробно рассмотрена в литературе [5, с. 80–83; 28, p. 133–134; 31, p. 13–14], что избавляет от повторений. Анализ следов и остатков на стенках ступ, сработанность днищ свидетельствуют в пользу утилитарного использования большой их части [25, p. 530; 32, p. 18–19]. Вместе с тем существуют чаши с христианской символикой и посвятительными надписями, безусловно, изготовленные для литургических действий [30, p. 164, № 24]. Не исключено, что многие ступки были многофункциональными.

Историография вопроса о месте их производства неоднократно становилась предметом дискуссии. Она совсем недавно емко рассмотрена Э.А. Хайрединовой [19, с. 279], что избавляет от повторений. На основании анализов, проведенных с помощью электронной микроскопии [26, p. 1150], можно утверждать, что большая их часть происходит из одного производственного центра, располагавшегося вблизи мраморных карьеров Восточного Сре-

диземноморья [25, p. 529–530]. Импорт же их в Таврику, как и в другие провинциально-византийские города Причерноморья, происходил из западной части Малой Азии и Греции.

Традиционно считается, что мраморные ступы, как и большая часть простейших мраморных столов, производилась из мрамора, оставшегося после изготовления мраморных архитектурных деталей, в частности колонн и их капителей. Массовое прекращение изготовления последних связано с началом арабских походов и захватом территории Малой Азии не позже VIII в. [19, с. 281]. Но прекратилось ли вырезание ступок, сказать сложно. Предположить их производство без христианской символики непосредственно из мраморного «сырья», а не отходов от вырезания архитектурных деталей, можно, и вряд ли арабская администрация препятствовала бы этому. Но это, скорее, постановка вопроса, а не готовое решение.

Результаты. Подводя некоторые итоги, надо признать, что подавляющее большинство мраморных ступок Таврики представлено сосудами одного варианта, которые и в других регионах византийского мира, Греции, на Балканах и особенно в Сиро-Палестинском регионе [25, p. 528] встречены в археологических комплексах второй половины X – первой половины XIV века. Даже то небольшое количество ступок Таврики, которое, очевидно, изначально было изготовлено для христианской литургии, найдено не при раскопках храмов. Исходя из функционального назначения и долговечности, попытка на основании морфологических черт выступов-ручек или общей морфологии сосудов выделить хронологические группы вряд ли может пока увенчаться успехом. По крайней мере, на сегодняшний день нет возможности говорить о том, какими путями та или иная ступка попадала на полуостров и какое время использовалась. Необходима дальнейшая систематизация и накопление данных, что мы и попытались сделать относительно средневековой Таврики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выражаю глубокую признательность А.И. Айбабину за возможность использовать неопубликованный материал из раскопок.

[2] Выражаю глубокую признательность В.Л. Мыцу за возможность использования неопубликованного материала из раскопок.

[3] В публикации Е.А. Паршиной она ошибочно реконструирована с тремя ручками. На самом деле четвертая ручка отбита в древности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Византийские мраморные ступки крымского южнобережья:
1 – Партениты [14, с. 99, рис. 8]; *2* – Алустон, 1988 г., раскоп 5, помещение 65 [12, рис. 122]; *3* – поселение Сотера

Fig. 1. Byzantine marble mortars of the Southern Coast of Crimea:
1 – Partenit [14, p. 99, fig. 8]; *2* – Aluston, 1988, excavation 5, room 65 [12, fig. 122]; *3* – Sotera settlement

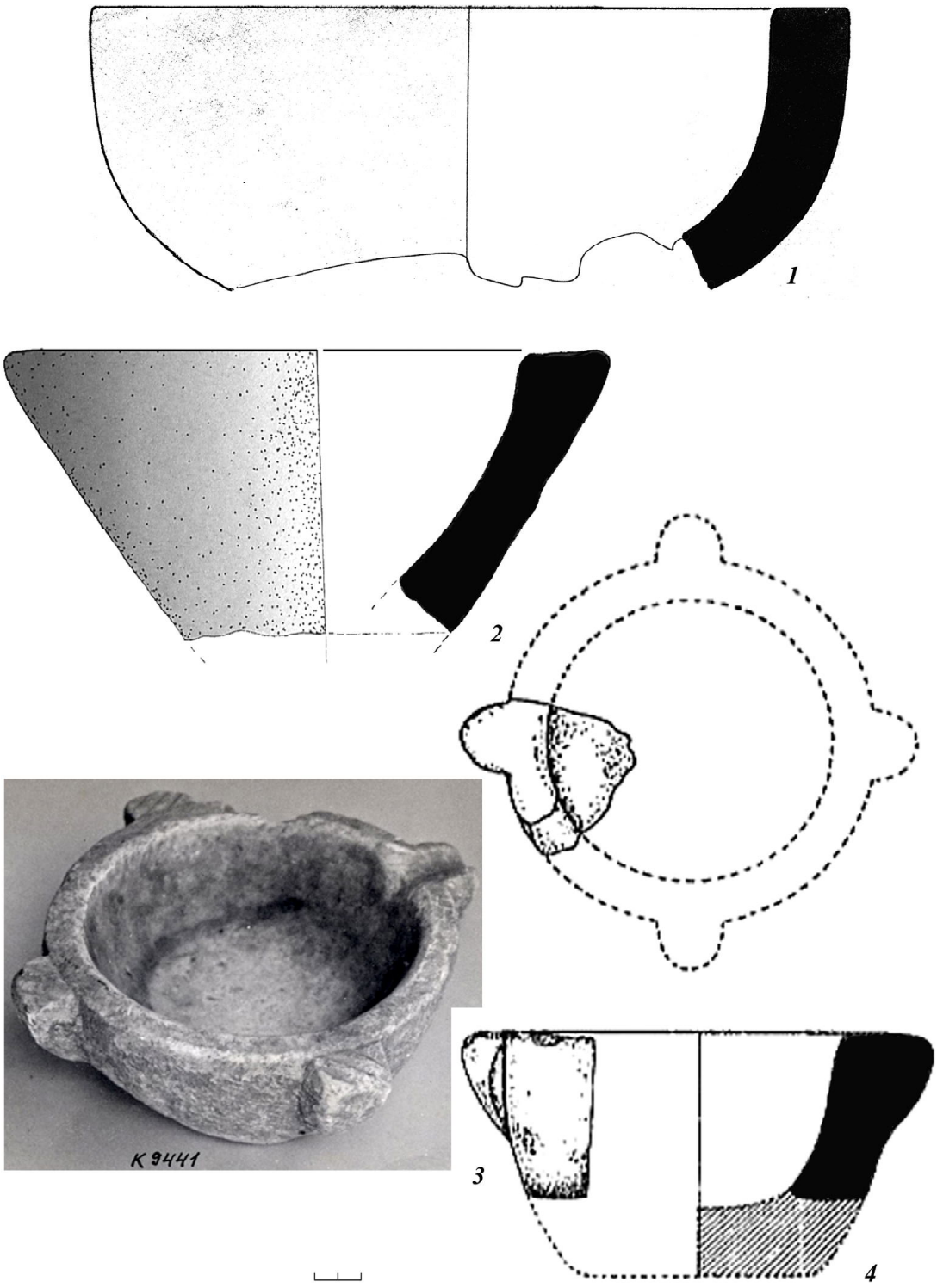

Рис. 2. Византийские мраморные ступки Боспора:

1 – Храм Иоанна Предтечи, западная часть шурфа I, 1958 г., штык 8; *2* – Кооперативный переулок, 1991 г. [1, рис. 154]; *3* – Кооперативный переулок, 1957 г.; *4* – ул. Театральная, 1990 г. [18, с. 115, рис. 4]

Fig. 2. Byzantine marble mortars of the Bosporus:

1 – Temple of John the Baptist, western part of the pit I, 1958, bayonet 8; *2* – Kooperativny Lane, 1991 [1, fig. 154]; *3* – Kooperativny Lane, 1957; *4* – Teatralnaya St, 1990 [18, p. 115, fig. 4]

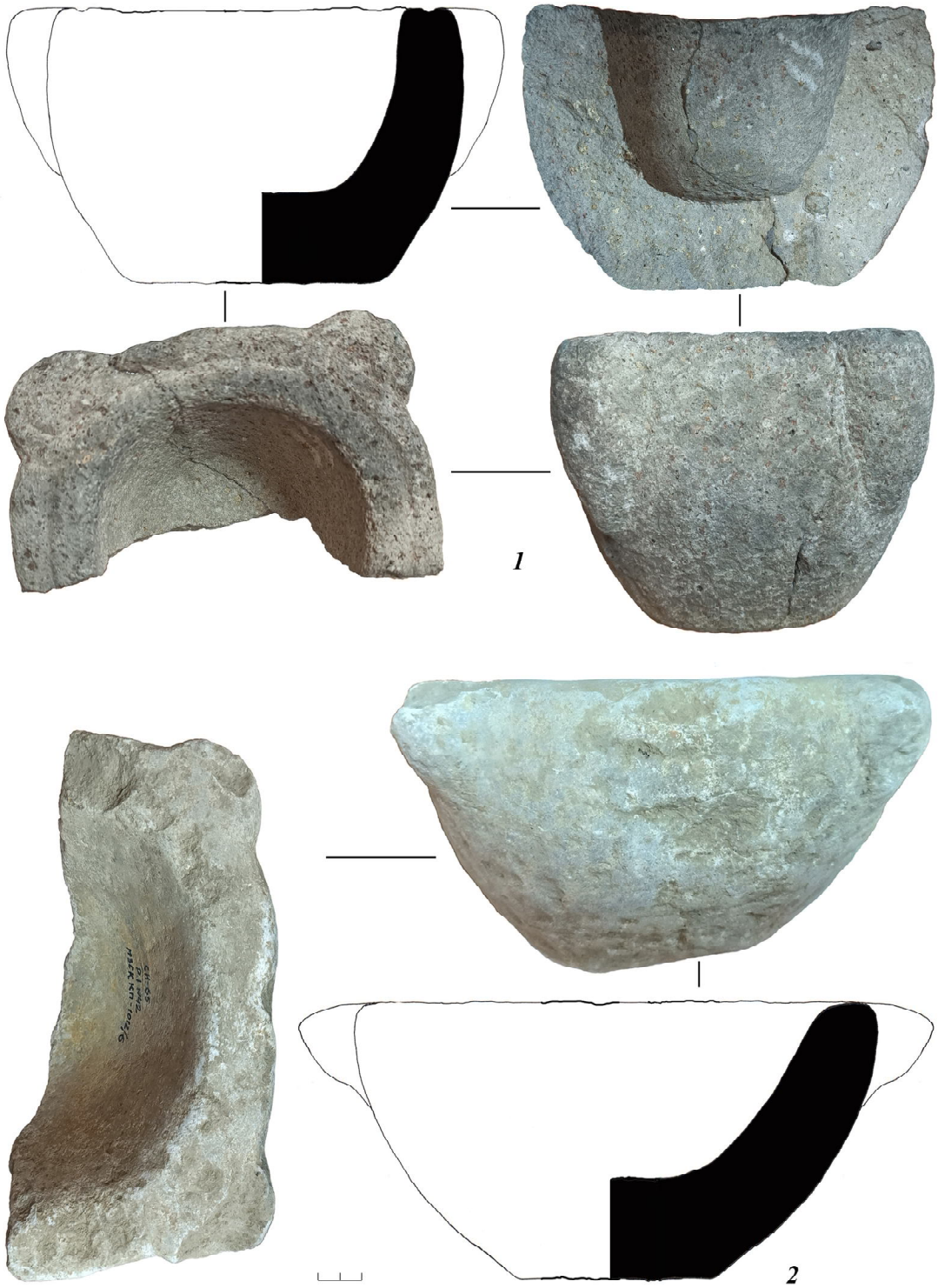

Рис. 3. Византийские мраморные ступки Сугдеи:

1 – портовая часть, раскоп VIII, 2014 г. (МЗСК КП-323); *2* – портовая часть, раскоп I, 1965 г., слой середины – второй половины XIII в. (МЗСК КП-1012/6)

Fig. 3. Byzantine marble mortars of Sugdeja:

1 – port part, excavation VIII, 2014; *2* – port part, excavation I, 1965, layer of the middle – second half of the 13th century

Рис. 4. Византийские мраморные ступки Сугдеи:

1, *2* – портовая часть, раскоп III, 1966 г., слой середины – второй половины XIII в. (МЗСК КП-316/142);
3 – подъемный материал (МЗСК КП-176)

Fig. 4. Byzantine marble mortars of Sugdeja:

1, *2* – port part, excavation III, 1966, layer of the middle – second half of 13th century; *3* – lifting material

Рис. 5. Византийские мраморные ступки Сугдеи:

1 – Новый Свет, 2002 г., участок 1, шурф 5 (МЗСК КП-753); *2* – подъемный материал (МЗСК КП-293)

Fig. 5. Byzantine marble mortars of Sugdeja:

1 – Novy Svet, 2002, area 1, pit 5; *2* – lifting material

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Отчет о раскопках средневекового Боспора в 1991 г. // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. Е. 24669. № 1991/120. 268 с.

2. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., Смокотина А. В., Завадская И. А. Рыбозасолочный комплекс византийского Боспора (по материалам раскопок 2007–2009 гг. в Босфорском переулке). Т. 2. Каталог. Симферополь: ООО «Антиква», 2024. 496 с.

3. Архипов А. А., Архипова Е. И. Мраморная ступка из коллекции Национального заповедника «София Киевская» // Российская археология. 2005. № 1. С. 109–111.

4. Власов В. П., Ушаков С. В., Турова Н. П. Археологические исследования на раскопе 6 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: (охранная археология). 2024. № 15. С. 101–140. DOI: 10.31600/978-5-6050962-6-9-2023-101-140

5. Голофаст Л. А. Христианство в Фанагории. Археологические свидетельства // Hyranis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. 2022. Т. 4. С. 69–106.

6. Завойкина Н. В., Новичихин А. М. Мраморные чаши с надписями из Горгиппии // Древности Боспора. 2021. Вып. 26. С. 166–177.

7. Зеест И. Б. Раскопки Феодосии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 51. С. 143–148.

8. Зеленко С. М. Отчет о работе подводной археологической экспедиции на шельфе бухты пгт Новый Свет (Судакский р-н, Крым) в 2002 году // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. Э. № 27410. 2002/90. 133 с.

9. Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.

10. Макарова Т. И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. С. 121–146.

11. Масловский А. Н. Мраморные ступки из фондов Азовского музея-заповедника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. 2012. Вып. 26. С. 334–350.

12. Мыц В. Л. Отчет и полевые материалы об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 2073. 168 с.

13. Наследие византийского Херсона / сост. Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут [и др.]. Севастополь; Остин: Телескоп; Ин-т классической археологии, 2011. 704 с.

14. Паршина Е. А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 89–109.

15. Паршина Е. А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 117–131.

16. Пуцко В. Г. Византийский художественный импорт в древнем Киеве // Slavia Antiqua. 1983. Т. XXIX. С. 136–140.

17. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // Античная древность и средние века. 1971. Вып. 7. С. 7–61.

18. Строкова Л. В. Мармурова ступка V–VI ст. з Керчі // Український музей. Збірка наукових праць. Київ: Вид-во Київського Університету, 2003. С. 114–116.

19. Хайрединова Э. А. Ранневизантийские мраморные столы из Боспора // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: сб. науч. тр. XVII Междунар. Византийского Семинара. Симферополь: Ариал, 2025. С. 279–288.

20. Amir R. Pottery, Stone and Small Finds from Shiqmona // ʻAtiqot. 2006. Vol. 51. P. 145–161.

21. Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium. Everyday Life in Byzantium / ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.

22. Davidson G. R. The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations XII). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 383 p.

23. Fischer M., Taxel I. Ancient Yavneh. Its History and Archaeology // Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University. 2007. № 34/2. P. 204–284.

24. Gophna R., Feig N. A Byzantine Monastery at Kh. Jemameh // ʻAtiqot. 1993. Vol. XXII. P. 97–108.

25. Gwiazda M. Marble Vessels from Jiyeh (Porphyreon) // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2014. Vol. 23/1. P. 527–542.

26. Gwiazda M., Bojanowski M. J., Mandera S., Wielgosz-Rondolino D. Archaeometric Provenance Study of Marbles from Porphyreon and Chhim (Lebanon) and Early Byzantine Production Specialization // Archaeometry. 2025. Vol. 67, iss. 5. P. 1129-1156.

27. Kahwagi-Janho H. Byzantine Marble Fragments Rediscovered in a Tyre Cistern // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2023. Vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance). P. 197–223.

28. Minchev A. A Lost Early Christian Rite in the Eastern Church: Terracotta Fonts for Consecrated Water from Moesia Secunda and Scythia // Klenina E. Ju., ed. Sacrum et profanum. Poznan: Instytut Historii UAM, 2018. P. 125–143. (Novae. Studies and Materials; VI).

29. Popescu E. Inscripţiile din secolele IV–XIII descoperite în România. Bucureşti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. 438 p.

30. Poupaki E. Early Byzantine Marble Vases from Kos Island, Dodecanese, Greece // 'Εν Σοφίᾳ μαθητεύσαντες: Essays in Byzantine Material Culture and Society in Honour of S. Kalopissi-Verti / eds. Ch. Diamanti, A. Vassiliou. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2019. P. 157–170.

31. Poupaki E. Early Byzantine Vases Carved in Prokonnesian Marble from Ancient Halasarna (Kos Island, Dodecanese, Greece) // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2023. Vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance). P. 9–30.

32. Tzitzibasi A. Marble Bowls for Everyday Use // Museum of Byzantine Culture. 2000. T. 7. P. 18–29.

33. Yashayeva T. Die Katalogbeschreibungen // Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn 26. Februar bis 13. Juni 2010: Katalog. Bonn: Hirmer, 2010. P. 306, Nr. 382.

34. Πουπάκη Ε. Κωακοί λίθοι και κωακή λιθοξοΐα. Η χρήση των λίθων της Κω στην αρχιτεκτονική, γλυπτική και κατασκευή επιτύμβιων, ενεπίγραφων μνημείων και τέχνεργων. Αρχαϊκή – παλαιοχριστιανική περίοδος. Η σημασία της για την οικονομία του νησιού: διδακτ. διατριβή. Τ. Γ΄. Αθήνα, 2011. [263] σ. εικ., χάρτ., σχέδ.

35. Πουπάκη Ε. Μαρμάρινα και άλλα λίθινα αγγεία από τη Σπάρτη // Athens University Review of Archaeology. 2019. Τ. 2. Σ. 219–244.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Otchet o raskopkakh srednevekovogo Bospora v 1991 g. [Report on the Excavation of the Medieval Bosporus in 1991]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Natsionalnoy akademii nauk Ukrainy* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine], F. E. 24669, no. 1991/120. 268 p.

2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Zavadskaia I.A. *Rybozasolochnyy kompleks vizantiyskogo Bospora (po materialam raskopok 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke). T. 2. Katalog* [Fish-Salting Complex of the Byzantine Bosporus (Based on Excavations in 2007–2009 in Bosphorus Lane). Volume 2. Catalog]. Simferopol, Antikva Publ., 2024. 496 p.

3. Arkhipov A.A., Arkhipova E.I. Mramornaya stupka iz kollektsii Natsionalnogo zapovednika «Sofiia Kievskaia» [Marble Mortar from the Collection of the National Reserve "Sofia Kievskaya"]. *Rossijskaja arheologija* [Russian Archaeology], 2005, no. 1, pp. 109-111.

4. Vlasov V.P., Ushakov S.V., Turova N.P. Arkheologicheskie issledovaniya na raskope 6 [Archaeological Research at the Excavation Site 6]. *Byulleten Instituta istorii materialnoy kultury RAN: (okhrannaya arkheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of RAS: (Security Archaeology)], 2024, no. 15, pp. 101-140.

5. Golofast L.A. Khristianstvo v Fanagorii. Arkheologicheskie svidetelstva [Christianity in Fanagoria. Archaeological Evidence]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii Instituta arkheologii RAN* [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archeology of Institute of Archaeology of RAS], 2022, vol. 4, pp. 69-106.

6. Zavoykina N.V., Novichikhin A.M. Mramornye chashi s nadpisiami iz Gorgippii [Marble Bowls with Inscriptions from Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosporus], 2021, iss. 26, pp. 166-177.

7. Zeest I.B. Raskopki Feodosii [Excavations of Feodosia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1953, iss. 51, pp. 143-148.

8. Zelenko S.M. Otchet o rabote podvodnoy arkheologicheskoy ekspeditsii na shelfe bukhty pgt Novyy Svet (Sudakskiy r-n, Krym) v 2002 godu [Report on the Work of an Underwater Archaeological Expedition on the Shelf of the Novy Svet Settlement (Sudak District, Crimea) in 2002]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Natsionalnoy akademii nauk Ukrainy* [Scientific Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine], F. E. no. 27410. 2002/90. 133 p.

9. Maiko V.V., Dzhanov A.V. *Arkheologi-cheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological Sites of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol, Arial Publ., 2015. 448 p.

10. Makarova T.I. Bospor-Korchev po arkheologicheskim dannym [Bospor-Korchev According to Archaeological Data]. *Vizantiyskaya Tavrika* [Byzantine Taurica]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 121-146.

11. Maslovskiy A.N. Mramornye stupki iz fondov Azovskogo muzeya-zapovednika [Marble Mortars from the Funds of the Azov Museum-Reserve]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don in 2010], 2012, iss. 26, pp. 334-350.

12. Myts V.L. Otchet i polevye materialy ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoy kreposti Aluston v 1988 g. [Report and Field Materials on Archaeological Research of the Medieval Fortress of Aluston in 1988]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN* [Scientific Archive of Institute of Archeology of Crimea of RAS], f. O-1, inv. 1, d. 2073. 168 p.

13. Iashaeva T., Denisova E., Ginkut N. et al., eds. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [Legacy of Byzantine Kherson]. Sevastopol; Ostin, Teleskop Publ.; In-t klassicheskoy arkheologii, 2011. 704 p.

14. Parshina E.A. Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985–1988 gg.) [Ancient Partenite (Adapted from 1985–1988 Excavations)]. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneishikh vremen do nashikh dney* [Alushta and Alushta Region from Ancient Times to the Present Day]. Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 89-109.

15. Parshina E.A. Srednevekovoe poselenie v urochishche Sotera [Medieval Settlement in the Tract Sotera]. *Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Alushta and Alushta Region from Ancient Times to the Present Day]. Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 117-131.

16. Putsko V.G. Vizantiyskiy khudozhestvennyy import v drevnem Kieve [Byzantine Artistic Import in Ancient Kyiv]. *Slavia Antiqua*, 1983, vol. XXIX, pp. 136-140.

17. Svodnyy otchet o raskopkakh v Khersonese Obedinennoy ekspeditsii v 1963–1964 gg. [Summary Report on Excavations in Chersonesos of the United Expedition in 1963–1964]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1971, iss. 7, pp. 7-61.

18. Strokova L.V. Marmurova stupka V–VI st. z Kerchi [Marble Mortar of the 5th – 6th Centuries from Kerch]. *Ukrainskii muzei. Zbirka naukovikh prats* [Ukrainian Museum. Collection of Scientific Articles]. Kiev, Vyd-vo Kyivskogo universytetu, 2003, pp. 114-116.

19. Khairedinova E.A. Rannevizantiiskie mramornye stoly iz Bospora [Early Byzantine Marble Tables from Bosporus]. *CHERSŌNOS THEMATA: imperiya i polis: sb. nauch. tr. XVII Mezhdunar. Vizantiyskogo Seminara* [CHERSONOS THEMATA: Empire and Policy. Collection of Scientific Works of the 17th International Byzantine Seminar]. Simferopol, Arial Publ., 2025, pp. 279-288.

20. Amir R. Pottery, Stone and Small Finds from Shiqmona. *'Atiqot*, 2006, vol. 51, pp. 145-161.

21. Papanikola-Bakirtzi D., ed. *Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium. Everyday Life in Byzantium*. Athens, Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.

22. Davidson G.R. *The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations XII)*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1952. 383 p.

23. Fischer M., Taxel I. Ancient Yavneh. Its History and Archaeology. *Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University*, 2007, no. 34/2, pp. 204-284.

24. Gophna R., Feig N. A Byzantine Monastery at Kh. Jemameh. *'Atiqot*, 1993, vol. XXII, pp. 97-108.

25. Gwiazda M. Marble Vessels from Jiyeh (Porphyreon). *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2014, vol. 23/1, pp. 527-542.

26. Gwiazda M., Bojanowski M.J., Mandera S., Wielgosz-Rondolino D. Archaeometric Provenance Study of Marbles from Porphyreon and Chhim (Lebanon) and Early Byzantine Production Specialization. *Archaeometry*, 2025, vol. 67, iss. 5, pp. 1129-1156.

27. Kahwagi-Janho H. Byzantine Marble Fragments Rediscovered in a Tyre Cistern. *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2023, vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance), pp. 197-223.

28. Minchev A. A Lost Early Christian Rite in the Eastern Church: Terracotta Fonts for Consecrated Water from Moesia Secunda and Scythia. *Sacrum et profanum*. Poznan, Instytut Historii UAM, 2018, pp. 125-143. (Novae. Studies and Materials; VI).

29. Popescu E. *Inscripžiile din secolele IV–XIII descoperite īn România*. Bucureṛti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. 438 p.

30. Poupaki E. Early Byzantine Marble Vases from Kos Island, Dodecanese, Greece. *En Sophia mathēteusantes: Essays in Byzantine Material Culture and Society in Honour of S. Kalopissi-Verti*. Oxford, Archaeopress Publishing Ltd, 2019, pp. 157-170.

31. Poupaki E. Early Byzantine Vases Carved in Prokonnesian Marble from Ancient Halasarna (Kos Island, Dodecanese, Greece). *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2023, vol. 32/1 (Marble in the Early Byzantine Eastern Mediterranean: Use, Aesthetics, and Social Significance), pp. 9-30.

32. Tzitzibasi A. Marble Bowls for Everyday Use. *Museum of Byzantine Culture*, 2000, t. 7, pp. 18-29.

33. Yashayeva T. Die Katalogbeschreibungen. *Byzanz. Pracht und Alltag. Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Bonn 26. Februar bis 13. Juni 2010: Katalog*. Bonn, Hirmer, 2010, Nr. 382, S. 306.

34. Poupaki E. *Kōanoi lithoi kai kōakē lithoxoia. Ē chrēsē tōn lithōn tēs Kō stēn architektonikē, glyptikē kai kataskeuē epitumbiōn, enepigraphōn mnēmeiōn kai technergōn. Archaikē – palaiochristianikē periodos. Ē sēmasia tēs gia tēn oikonomia tou nēsiou: didakt. diatribē* [Kos Stones and Kos Stone Carving. The Use of Kos Stones in Architecture, Sculpture and the Construction of Tombs, Inscribed Monuments and Artifacts. Archaic – Early Christian Period. Its Importance for the Island's Economy: PhD Thesis], vol. 3. Athens, 2011. 263 p. il., m., draw.

35. Poupaki E. Marmarina kai alla lithina aggeia apo tē Spartē [Marble and Other Stone Vases from Sparta]. *Įthens University Review of Archaeology*, 2019, t. 2, pp. 219-244.

Information About the Author

Vadim V. Maiko, Doctor of Sciences (History), Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika V.I. Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

Информация об авторе

Вадим Владиславович Майко, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика В.И. Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, vadimmaiko1966@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1065-4836

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.6

UDC 94(4)“08/11”
LBC 63.3(0)329.48

Submitted: 15.06.2025
Accepted: 03.10.2025

ON THE TRAPEZUND PERIOD IN THE HISTORY OF LATE BYZANTINE CRIMEA. A CONTINUATION OF DISCUSSION

Valerii E. Naumenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. This article focuses on a short period in the 13th century when part of Crimea was part of the Empire of Trebizond. In historiography, virtually all the main questions regarding its history remain controversial. *Methods*. The study is comprehensive. It analyzes data from written, archaeological, numismatic, and sphragistic sources relevant to the topic of the work. *Analysis*. The Trebizond period in Crimean history dates from 1204 to 1265. The peninsula’s mountainous and coastal regions were subjugated by the Empire of Trebizond, most likely in the summer and autumn of 1204, when it achieved significant territorial gains in the southern and northern Black Sea regions. The core of the Trebizond overseas province was always the region of southwestern Crimea, but until the 1220s and 1230s, it also included Sougdeia and the Bosporus. Throughout this period of dependence on Trebizond, the mountainous and coastal regions of Crimea were under the direct control of the imperial administration, which was reflected in the regular taxation of the local population, the subordination of Crimean dioceses to the jurisdiction of the Trebizond metropolitans, and, likely, the stationing of military contingents and naval units in the province’s most important cities and ports. Control of the maritime communications between Crimea and Southern Pontus was crucial for maintaining the empire’s presence on the peninsula. After the Seljuks captured the fortress of Sinop in 1265, Trebizond no longer had such opportunities. The withdrawal of the Trebizond administration after 1265 provoked a rapid Mongol military invasion of Gothia. These events mark the beginning of the Golden Horde period in the region’s history. Therefore, Emir Nogai’s campaign against the population of Cherson and Gothia in 1299 should be viewed as one episode in the ongoing struggle between various Mongol elites over the distribution of revenues and supreme power in the Crimean Ulus of the Golden Horde. *Results.* Despite the scant source data, there is no doubt about the existence of an overseas Trebizond enclave in Crimea from 1204 to 1265. The most important conclusion emerging from this study is that throughout the entire period of dependence, the Crimean territories were under the direct control of the imperial administration and the metropolis of Trebizond.

Key words: Byzantium, Empire of Trebizond, southwestern Crimea, Gothia, Cherson, Seljuks, Sinop, Mongols, emir Nogai.

Citation. Naumenko V.E. On the Trapezund Period in the History of Late Byzantine Crimea. A Continuation of Discussion. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 81-94. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.6

УДК 94(4)“08/11”
ББК 63.3(0)329.48

Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 03.10.2025

О ТРАПЕЗУНДСКОМ ПЕРИОДЕ В ИСТОРИИ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

Валерий Евгеньевич Науменко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация

© Науменко В.Е., 2025

Аннотация. Трапезундский период в истории Крыма датируется 1204–1265 годами. Горные и приморские области полуострова были подчинены Трапезундской империей, скорее всего, летом – осенью 1204 г., когда она достигла значительных территориальных приобретений в Южном и Северном Причерноморье. Основу территории трапезундской заморской провинции всегда составляли области Юго-Западного Крыма, но до 20–30-х гг. XIII в. в ее состав также входили Сугдея и Боспор. На протяжении всего периода

зависимости от Трапезунда горные и приморские области Крыма находились под прямым управлением имперской администрации, что нашло отражение в регулярном налогообложении местного населения, подчинении крымских епархий юрисдикции трапезундских митрополитов и, вероятно, размещении в наиболее важных городах и портах провинции воинских контингентов и подразделений военного флота. Контроль над морскими коммуникациями между Крымом и Южным Понтом являлся важнейшим условием для сохранения присутствия империи на полуострове. После завоевания сельджуками крепости Синоп в 1265 г. таких возможностей у Трапезунда уже не было. Уход трапезундской администрации после 1265 г. спровоцировал быстрое военное вторжение монголов в Готию. Именно эти события являются рубежными для начала золотоордынского периода в истории региона. В таком случае поход эмира Ногая против населения Херсона и Готии в 1299 г. должен рассматриваться как один из эпизодов перманентной борьбы различных монгольских элит за распределение доходов и верховную власть в Крымском улусе Золотой Орды.

Ключевые слова: Византия, Трапезундская империя, Юго-Западный Крым, Готия, Херсон, сельджуки, Синоп, монголы, эмир Ногай.

Цитирование. Науменко В. Е. О трапезундском периоде в истории поздневизантийского Крыма. Продолжение дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 81–94. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.6

Введение. Отношения с Трапезундской империей всегда являлись важной составной частью политической и культурной истории поздневизантийского Крыма. Особо активный характер они носили в XIII в., на протяжении которого значительная часть полуострова входила в состав империи Великих Комнинов. Казалось бы, с учетом такого общего согласия в историографии в реальности существования заморского анклава Трапезунда в Крыму, данную научную проблему можно было бы отнести к разряду почти решенных. Однако это далеко не так. Практически все основные вопросы трапезундского периода в истории Таврики остаются дискуссионными, начиная от его хронологии и заканчивая территорией владений империи в регионе и характера их зависимости.

Начиная с исследований А.А. Васильева и А.Л. Якобсона, в историографии сложились представления о том, что в XIII в. зависимость от Трапезундской империи юго-западной части полуострова, то есть Херсона и Готии, носила исключительно номинальный характер, будучи ограниченной лишь выплатами регулярных податей (дани). По мнению обоих авторов, предысторию этой зависимости и в целом крымско-трапезундских отношений следует искать в судьбе представителей знатной византийско-трапезундской семьи Гавров-Гаврасов, изгнанных за участие в антигосударственном мятеже из Трапезунда в Крым еще в 1130-е или в 1160-е гг., осевших на полуострове, получивших здесь значительное политическое влияние и не менее значительные территориальные владения и основавших впоследствии правящую династию Мангупа-Феодоро и всей Готии [58, p. 150–160; 43, с. 28–30; 44, с. 80–81]. В современной историографии эта версия никем из исследователей не поддерживается. О пребывании Гаврасов в средневековом Крыму нам ничего не известно, хотя в источниках встречается более 100 упоминаний представителей различных ветвей этой фамилии для второй половины X – середины XVII в. (об истории семьи Гавров-Гаврасов см.: [48; 49; 5; 6, с. 181–183; 7; 47; 50; 51, p. 203–208; 10]; см. также их перечень для периода 1261–1453 гг.: [55, no. 3326–3373, 91571–91573, 93290–93293]).

По мнению А.И. Романчук и Н.М. Богдановой, авторов крупнейших специальных исследований по истории поздневизантийского Херсона, контроль Трапезундской империи над ним был окончательно установлен после событий 1204 г. и не привел к отмене сложившихся форм управления городом и его округой [8, с. 95; 32, с. 433]. Для Н.М. Богдановой трапезундский период в истории Херсона продлился до второй половины XIV в., после чего здесь появилась администрация генуэзской фактории [8, с. 95]. Главными аргументами для данной гипотезы являются находки на Херсонесском городище трех печатей трапезундских императоров XIV в., в том числе Мануила II (1332–1340) [35, с. 201, 205, № 7–9], и владетельская формула в титуле правителей Трапезунда «василевс и автократор всего Востока, иверов и Ператии» (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ

πάσης Ἀνατολῆς, Ἰβήρων καὶ Περατείας), принятая впервые Иоанном II Великим Комнином (1280–1297) после заключения в 1282 г. династийного союза с Византией [17, с. 158; 18, с. 240]. Она сохранялась, по крайней мере, до правления Алексея III (1349–1390), на что указывает его хрисовул 1374 г. с пожалованиями монастырю прп. Дионисия (Дионисиата) на Афоне [46, no. 4, p. 50–61]. Под Ператией (Заморьем) здесь обычно понимаются владения империи в Крыму или в целом в Северном Причерноморье [18, с. 240]. Однако для политической карты региона XIV в. их реальность совершенно невозможна. По всей видимости, приведенный в титуле трапезундских императоров перечень находившихся под их контролем областей всегда носил исключительно символический характер, так как ни над Иверией, ни над Анатолией правители Понта никогда не распространяли свой суверенитет.

В своей фундаментальной монографии, посвященной истории Трапезундской империи, С.П. Карпов осторожно предположил, что после 1204 г. под контроль Трапезунда, помимо Херсона и Готии, могли также перейти западное побережье Крыма, Сугдея и район Керчи с Таманью, но не привел для этого убедительных аргументов [18, с. 505–507]. В целом же он рассматривал зависимость Крыма от империи как номинальную, причем, как в XIII в., так и в XIV веке.

В многочисленных исследованиях по истории поздневизантийского Крыма В.Л. Мыц предложил ограничить зависимость полуострова от Трапезунда, кроме района Сугдеи, периодом 1204–1278 гг. и определить ее в форме протектората [22, с. 65–67; 25, с. 502–524; 26, с. 84–107, 132–175]. Под последней датой (1278 г.) автор понимает не известный в письменных источниках ранний поход ордынского эмира Ногая в Крым, очевидный историографический конструкт, основанный на попытке синхронизировать между собой два совершенно разных исторических события – взятие в феврале 1278 гг. русско-ордынскими войсками хана Менгу-Тимура (1266–1282) города Дедякова, столицы алан на Северном Кавказе (Симеоновская летопись) (об этом подробнее: [27]), и сведения приписки на страницах Судакского синаксаря от 28 мая 1278 г. об убийстве всех жителей Солдайи татарами [59, σ. 123, αρ. 52]. В.Л. Мыцом предлагается значительное расширение географии этого похода, вплоть до Херсона, и связь с ним хорошо известного, по материалам археологии, тотального пожара на городище, который датируется 3-й четвертью XIII в. ввиду отсутствия в нем джучидских монет. Однако монеты Золотой Орды этого времени, начиная с правления того же Менгу-Тимура, в Херсонесе имеются, и в достаточно большом количестве (около 40), как показал в своей работе Е.Ю. Гончаров [11, с. 127–129]. Значит, в этой, безусловно, талантливой гипотезе присутствуют какие-то методические просчеты.

Наконец, А.И. Айбабин впервые выделил в истории Юго-Западного Крыма особый трапезундский период 1204–1299 гг. и убедительно показал, что присутствие империи Великих Комнинов в регионе никогда не носило номинального характера. Это был полноценный государственный контроль как в области налогообложения, так и административного устройства заморской провинции. По мнению исследователя, только поход Ногая в 1299 г. имел катастрофические последствия для Херсона и Готии. Он разрушил сложившуюся здесь систему управления и привел, начиная с правления хана Токты (1291–1313), к окончательному включению Горного Крыма в состав Улуса Джучи [1, с. 222–223; 2; 3; 4, с. 47–65]. Со многими из высказанных заключений А.И. Айбабина в отношение крымско-трапезундских отношений в XIII в. следует согласиться. Однако, как представляется, наделение монгольского похода 1299 г. качеством рубежного для истории Юго-Западного Крыма все-таки маловероятно. Ниже мы попытаемся показать, что существуют и иные варианты объяснения этих событий.

В целом, как следует из историографического обзора, многие из основных вопросов трапезундского периода в истории Крыма остаются не решенными. В своей работе мы остановимся на наиболее важных из них. В первой части исследования приведен критический анализ имеющихся письменных и археологических источников, определяющих хронологию происходивших на полуострове в первой половине – середине XIII в. исторических событий, во второй – с учетом вы-

явленных новых обстоятельств завершения господства Трапезунда в Херсоне и Крымской Готии, рассматривается исторический контекст похода Ногая 1299 г. против населения Юго-Западного Крыма, хорошо вписывающийся в раннюю историю Крымского улуса Золотой Орды.

О хронологии трапезундского периода в истории Юго-Западного Крыма и характере его зависимости от империи Великих Комнинов. Очевидно, следует согласиться с А.И. Айбабиным в необходимости выделения особого трапезундского периода для истории Крыма, прежде всего, его юго-западных областей. В историографии, как уже говорилось, зависимость крымских центров в основном рассматривали как номинальную, ограниченную лишь регулярными выплатами дани, но это совершенно не так. Наш основной источник – «Синопсис чудес св. Евгения Трапезундского», составленный Иоанном Лазаропулом не позднее 1364 г. и сохранивший рассказ о трапезундско-сельджукской войне 1225–1230 гг. при Андронике I Гиде (1222–1235), причиной которой стал захват сельджуками корабля, перевозившего ежегодные подати (τὰ ἐπέτεια τέλη), собранные в Херсоне и Готии трапезундским государственным архонтом (δημοσιακοῦ ἄρχοντος) Алексеем Пактиаром и архонтами Херсона [56, p. 310–311], явно свидетельствует о прямом управлении Трапезундом своими заморскими владениями (ср.: [2, с. 62]). Трудно сказать, кем в данном случае являлся сам Алексей Пактиар – обычным фискальным чиновником империи, исходя из своего фамильного имени или прозвища («Пактиар», от греч. πάκτον – дань; другую версию предлагает Р.М. Шукуров – от персидского bakhtiyār, то есть «удачливый», «богатый», и, таким образом, рассматривает Алексея Пактиара как чиновника трапезундского фискального ведомства персидского происхождения, но христианина по вероисповеданию [57, p. 95; 41, с. 394]), направленного в Херсон только для сбора налогов с местного населения [56, p. 436], или все же полноценным правителем города в это время, ввиду того что институты городского самоуправления в административной системе Трапезундской империи так и не сложились [18, с. 202]. Также с учетом традиционно ограниченных военных ресурсов самой империи (мобилизационный максимум ее армии составлял около 4 тысяч человек [18, с. 189]) невозможно предполагать наличие крупных трапезундских сухопутных и военно-морских сил, размещенных на постоянной основе в Херсоне и Готии в качестве крепостных гарнизонов либо мобильных воинских контингентов. Скорее, Великие Комнины в этом плане должны были опираться на ополчения местных жителей или, что более правдоподобно, на отряды профессиональных военных наемников.

Вероятно, Горный Крым с Херсоном были подчинены Трапезундом вскоре после падения и распада Византии в апреле – мае 1204 г., скорее всего, в течение лета этого года. По крайней мере, в Partitio Romaniae, договоре о разделе территории Византийской империи между крестоносцами, составленном в октябре 1204 г., их уже не было [40, с. 78–79]. К тому же вторая половина 1204 г. являлась наиболее успешной для военной экспансии царевичей Великих Комнинов – Алексея I (1204–1222) и его брата Давида, вдоль побережья Южного Понта, вплоть до Пафлагонии и Вифинии. Начиная с лета 1205 г. такие территориальные приобретения были уже для империи невозможны ввиду принявшей ожесточенный характер никейско-трапезундской войны за наиболее крупные крепости Вифинии и Пафлагонии и почти синхронного нападения сельджуков на сам Трапезунд в 1205–1206 гг. (о событиях ранней (периода 1204–1208 гг.) военной истории Трапезундской империи и ее противостоянии с Никейской империей, латинянами и сельджуками см.: [40, с. 77–82; 18, с. 115–124]).

Мы не можем быть уверенными в том, что кроме Херсона и Готии под сюзеренитетом Трапезунда в 1204 г. оказались и другие приморские области Крыма, хотя это было бы логичным с учетом стратегической важности обладания Сугдеей и Боспором для установления полного контроля за ситуацией в регионе. Пожалуй, на такую возможность указывает лишь один источник – письмо 1219 г. Иоанна Апокавка, митрополита Навпакта в Эпире, адресованное никейскому патриарху Мануилу I Сарантину (1217–1222), в котором сообщается об изгнании деспотом Давидом Великим Комниным рукоположенных этим

патриархом епископов с церковных кафедр в Амастриде (события до 1212 г., когда Давид уже умер), а также в Херсоне, Боспоре и Сугдофуллах в Крыму [9, с. 275]. Однако других надежных данных о подчинении Восточного Крыма Трапезундской империей в начале XIII в. у нас нет.

По свидетельству Ибн ал-Биби (умер в 1272 г.), при иконийском султане Ала ад-Дине Кай-Кубаде I (1219–1237), вероятнее всего, вскоре после того, как около 1228 г. им был в очередной раз отбит у Трапезунда порт Синоп, Сугдея была также захвачена сельджуками в результате специальной экспедиции во главе с сельджукским наместником Кастамона беглербегом Хусам ад-Дином Чупаном (Чобаном) (текст отрывка источника см.: [45, с. 54–58]; мы принимаем датировку этих событий по Р.М. Шукурову, как наиболее логичную с точки зрения общего анализа сельджукско-трапезундских отношений этого времени, хотя в историографии она обычно дискуссионна и варьируется в пределах от 1217 до 1228 г.: [42, с. 448; ср.: 24; 26, с. 85–96; 54; 13; 4, с. 49–50]). Эта зависимость продолжалась до прихода в Крым монголов в 1239 г., о чем сообщает приписка Судакского синаксаря от 26 декабря этого года [59, σ. 120, αρ. 10]. Таким образом, если подчинение Сугдеи Трапезундской империи и имело место в действительности, то его следует поместить во временном промежутке между 1204 и 1228 годами. Еще меньше данных о политико-административном статусе Боспора в данный период времени. В единственном письменном источнике по его истории для начала XIII в. – «Аланском послании» никейского епископа Феодора, составленном в 1225 г. по итогам миссии на Северный Кавказ через Херсон, Готию и Боспор, упоминается некий безымянный архонт Боспора (то есть правитель в самом общем смысле слова), который запретил пребывание епископа и его спутников в городе [20, с. 19–20] (о дате составления и содержании Послания см.: [15, с. 264–275; 4, с. 50–53]). Но был ли этот архонт самостоятельным правителем или же наместником Трапезунда в регионе, остается не ясным.

Письмо Иоанна Апокавка представляется также важным в связи с борьбой между Никеей и Трапезундом за подчинение крымских церковных кафедр в период разделения Византии. Вместе с «Аланским посланием» епископа Феодора оно свидетельствует о том, что в период подчинения Крыма Трапезунду его церковные округа также находились под юрисдикцией трапезундских митрополитов. Эта ситуация, очевидно, продолжалась вплоть до 1261 г., когда была восстановлена Византия и подтвержден статус никейского патриарха в качестве главы византийской церкви. В обмен на свое согласие митрополит Трапезунда получил исключительные права, сравнимые с привилегиями глав сербской, болгарской и русской церквей – право его выборов местными иерархами, и его собственное право рукополагать местных епископов, о чем сообщается в синодальной грамоте никейско-константинопольского патриарха Никифора II (1260–1261) от 1 января 1261 г. ([18, с. 232–234, 270]; текст грамоты см.: [53, p. 153–155, no. 1351]). Тем не менее, несмотря на возвращение под контроль Константинополя архиепископий Крыма после 1261 г. и их быстрое возвышение до статуса митрополий – не позднее 1275 г., когда был рукоположен митрополит Сугдеи Феодор [53, p. 212, no. 1424], местные иерархи и в дальнейшем продолжали часто ориентироваться на позицию Трапезунда в различных церковно-политических вопросах.

К сожалению, археологические и иные вещественные источники почти ничего не дают для изучения повседневной жизни заморских провинций Трапезунда в Таврике. У нас нет примеров трапезундского происхождения предметов одежды, оружия, импортной керамики XIII в., происходящих из Крыма. В наиболее полной сводке трапезундских монет с территории полуострова (всего 291 экземпляр), опубликованной В.В. Гурулевой, большинство из них относится к концу XIII – XIV в. [52]. Это и не удивительно, так как собственное монетное обращение было налажено империей лишь при Мануиле I Великом Комнине (1238–1263) [30, с. 160–161]. С правлением этого императора связан клад из 35 монет из кораблекрушения в Новосветовской бухте, хотя его издатель и настаивает на более поздней (1277 г.) датировке данного подводно-археологического комплекса [14, с. 142–143, 166; 12]. Как уже говорилось, известны три печати трапезундских императоров

из Херсонеса [35, с. 201, 205, № 7–9], но все они датируются временем, когда приморские области полуострова уже не входили в состав Трапезундской империи. В этой связи несколько преждевременным выглядит утверждение В.Л. Мыца о строительстве в 20–30-е гг. XIII в. 24–25 укреплений-исаров в Горном Крыму силами местного населения и под контролем трапезундской администрации, среди которых названы Фуна, Керменчик, Сююрю-Кая, Сандык-Кая, Чоргунский исар, Камара, Кала-Фатлар, Кокия-Исар, Сарджик, Исар-Кая и др. [26, с. 96–107]. Проблема заключается в том, что на большинстве из этих памятников серьезные археологические исследования никогда не проводились. Лишь две крепости – Исар-Кая и Чоргунский исар – попадают под критерии возведения и функционирования в XIII в. [21; 29]. Но как увязать их атрибуцию с трапезундским строительством, является методической загадкой. Таким образом, и эта, безусловно, интересная гипотеза остается пока без должной аргументации.

А.И. Айбабин считает, что трапезундский период в истории Готии и Херсона завершается в связи с завоеванием Горного Крыма монголами в ходе похода Ногая 1299 г. [3, с. 506]. Мы не можем согласиться с этим заключением, так как финансовые и людские ресурсы Трапезунда вряд ли позволяли ему в течении целого столетия удерживать здесь свою власть. По сути, ключевым условием для стабильных коммуникаций с Крымом являлось обладание или хотя бы контроль империи над портом и крепостью Синоп на южном Понте. С утратой таких возможностей участь заморских владений Трапезунда была бы предрешена.

В исследованиях Р.М. Шукурова детально рассмотрена хронология длительной борьбы Трапезундской империи за Синоп в XIII в. [40, с. 115–188; 42, с. 439–457]. Установлено, что последний трапезундский период в его истории датируется 1254–1265 годами. В 1277 г. Георгий I Великий Комнин (1266–1280) в союзе с мамлюкским султаном Бейбарсом попытался разрушить гегемонию монголов в Анатолии и захватить Синоп, но уже безрезультатно. После этого, начиная с императора Иоанна II (1280–1297), Трапезунд отказывается от своих претензий на Синоп и постепенно превращается в региональное государство с интересами исключительно в пределах Юго-Восточного Понта. Бороться за Крым в этой ситуации уже не имело смысла. В 1282 г., находясь в Константинополе, Иоанн II заключил династийный союз с византийским императором Михаилом VIII Палеологом и впервые назвал себя не «царь и автократор ромеев», как было принято в Трапезунде ранее, но лишь «василевс и автократор всего Востока, иверов и Ператии», то есть Заморья (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς, Ἰβήρων καὶ Περατείας) [17, с. 158; 18, с. 240]. При этом, как уже было отмечено, реальной властью над иверами и центральными областями Анатолии он никогда не обладал. Следовательно, данная владетельская формула, сохранявшаяся в титулатуре Великих Комнинов до второй половины XIV в., всегда носила исключительно символический характер, очевидно, как и в отношении Крымского Заморья.

Таким образом, с учетом имеющейся источниковой базы, верхнюю границу трапезундского периода в истории Юго-Западного Крыма сейчас лучше ограничить событиями 1265 г., когда Трапезунд окончательно утратил свой контроль над районом Синопа и, соответственно, морскими коммуникациями, которые связывали его с южным побережьем Крымского полуострова.

Об историческом контексте похода эмира Ногая и дате включения Крымской Готии в состав Улуса Джучи. Из новой даты завершения трапезундского периода в истории Юго-Западного Крыма следует новая научная проблема – аргументированная дата подчинения этой части полуострова монголами. Для нас очевидно, что большого временного разрыва между ними быть не могло. Уход трапезундской администрации должен был спровоцировать вторжение монголов и привести к полной смене политической системы управления регионом. Поэтому дату начала золотоордынского периода в истории Горного Крыма следует искать в событиях, максимально приближенных к 1265 году. Однако следует признать, что это заключение противоречит существующим в историографии подходам, предлагающим три варианта хронологии включения Юго-Западного Крыма в состав Улуса Джучи – по завершении Западного похо-

да монголов 1236–1242 гг. или же в результате походов эмира Ногая 1278 либо 1299 годов.

Как показал в специальном исследовании А.И. Айбабин, версия о подчинении Херсона и Крымской Готии монголами в конце 30-х – начале 40-х гг. XIII в., основанная на информации ряда поздних авторов XVI–XVIII вв. о походе хана Шибана, сводного брата Бату, против вилайета Крым и Кафы и трудной осаде крепости Кырк-Ор (либо Мангуп), совершенно невозможна, так как она вступает в противоречие с основными источниками по истории полуострова этого времени (Ибн ал-Асиром, Рашид-ад-Дином, Гийомом де Рубруком), которые ограничивали владения Бату в Таврике по завершении его Западного похода степью и Восточным Крымом с центром в Судаке [3; 4, с. 55–65]. Мы присоединяемся к этой точке зрения, тем более что до 1265 г. юго-западные области Крымского полуострова находились в составе Трапезундской империи. Как уже говорилось, поход 1278 г. нам также не подходит для решения данной научной проблемы, так как, по сути, это сконструированное историческое событие, которого никогда не было. Остается для рассмотрения поход Ногая 1299 г., который является единственным крупным вторжением монголов в горную часть Крыма, зафиксированным для XIII в. в письменных источниках. Однако достаточно ли этого для таких выводов?

Признать поход 1299 г. в качестве рубежного между трапезундским и золотоордынским периодами в истории Горного Крыма мешают два недавно опубликованных источника. Во-первых, письмо францисканского кустодия Газарии Ладислава от 10 апреля 1287 г. о том, что в это время в городе Кырк-Ор (Керквети) уже находился золотоордынский правитель по имени Молдай, господин этой области; здесь же в присутствии армянских и греческих священников была крещена по католическому обряду старшая жена Ногая, «императрица Яйлак», и построен католический храм в честь Девы Марии [38; 39, с. 123–130]. Во-вторых, результаты археологических исследований княжеского дворца 1425–1475 гг. на Мангупе, на месте которого выявлен выразительный культурный слой поселения золотоордынского периода. Начало его формирования датируют монеты времени хана Менгу-Тимура (1266–1282) [28, с. 185–198]. Значит, культурный слой на открытом участке золотоордынского поселения в центральной части Мангупской крепости начинает формироваться уже в конце 1260-х или в 1270-е годы. Таким образом, с учетом важного значения Кырк-Ора и Мангупа-Феодоро для истории всего Юго-Западного Крыма, подчинение региона монголами произошло задолго до событий 1299 года. К тому же, из письма францисканца Ладислава 1287 г. следует, что к этому времени он уже давно являлся частью личного улуса ордынского эмира Ногая.

По данным археологических источников, подчинение Юго-Западного Крыма монголами в конце 60-х – 70-е гг. XIII в. носило в целом военный характер, но, по всей видимости, не повсеместно. Известны шесть примеров слоев пожаров на крупных памятниках региона, археологически датированных в пределах второй половины XIII века. В трех случаях их хронология уточняется монетами, подтверждающими нашу версию рассматриваемых событий – иперперами никейских императоров Иоанна III Ватаца (1222–1254) (Алушта) [23, с. 124–125] и Феодора II Ласкариса (1254–1258) (Эски-Кермен) [1, с. 217], и медной монетой монгольского хана Берке (1257–1266) 1259 г. выпуска (Бакла) [33, с. 22]. Вероятно, к этому же времени относятся слои разрушений с пожарищами в Партените и крепости Исар-Кая [36, с. 272; 21], но, ввиду отсутствия в них монет, это не более чем предположение. Напротив, почти эталонный слой пожара XIII в. на территории Херсонеса, который был выявлен повсеместно на различных участках городища (см., например: [34]) и, как правило, синхронизировался со слоями разрушений на Эски-Кермене, Бакле и в Алуште, на самом деле датируется монетой хана Токты (1291–1313) и, следовательно, относится к более позднему времени [32, с. 446]. Его надежно следует соотносить с последствиями разрушительного похода Ногая в 1299 году. Слоя пожара XIII в. совсем нет на Мангупе, где, как уже говорилось, культурный горизонт золотоордынского времени начинает формироваться с 1260–1270-х годов. Значит, характер и условия подчинения монголами горных районов Крыма после ухода отсюда трапезундской администрации могли быть различными.

О походе Ногая 1299 г. следует сказать особо, так как ввиду новых обстоятельств и хронологии монгольского завоевания Крымской Готии его исторический контекст оказывается совершенно иным, чем это было принято считать ранее. Общим фоном этого похода, безусловно, являлось открытое военное противостояние эмира Ногая и хана Токты в борьбе за верховную власть в западных улусах Золотой Орды. Для крымской части конфликта провоцирующим фактором стало убийство Актаджи (Караджи), внука Ногая, жителями одного из крупных центров Юго-Восточного Крыма – Каффы, Солхата или Судака, который выполнял здесь функции баскака [37, с. 111–112 (Бейбарс), 382–383 (Ибн Халдун)]. В ответ подчиненный Ногаю эмир Моджи совершил карательный поход против многих городов полуострова, в том числе Кырк-Ора и Сару-Кермана (Херсона), о чем сообщает тот же египетский историк Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури (около 1247–1325 гг.), современник этих событий ([37, с. 112]; см. также об этом: [31, с. 75–83]). Скорее всего, упомянутый выше мощный слой пожара второй половины XIII в. на Херсонесском городище связан именно с этими событиями.

В свое время, анализируя поход Ногая в общем контексте истории Крымского улуса Золотой Орды, М.Г. Крамаровский справедливо заметил, что его не следует рассматривать в качестве рубежного события, приведшего к подчинению монголами до этого независимых Готии и Херсона. По его мнению, это не более чем эпизод в борьбе различных монгольских элит за распределение доходов внутри отдельной ордынской провинции [19, с. 513]. Не случайно тот же Бейбарс подчеркивал направленность репрессий сподвижников Ногая против мусульманских, аланских и франкских купцов в Каффе [37, с. 112], а ал-Муфаддаль (около 1341 г.) и Ибн ад-Давадари (умер после 1335 г.), разделяя жителей Судака на сторонников и противников Ногая, видели причину карательной акции всемогущего эмира в его стремлении избавиться от традиционного распределения доходов от местной торговли между четырьмя монгольскими «царями» [37, с. 195–196 (ал-Муфаддаль); 16, с. 96 (Ибн ад-Давадари); 31, с. 77]. Среди этих «царей», видимо, подразумевался и хан Токта.

Результаты исследования. Трапезундский период в истории Крыма необходимо датировать 1204–1265 годами. Горные и приморские области полуострова были подчинены Трапезундской империей, скорее всего, летом – осенью 1204 г., когда она достигла значительных территориальных приобретений в Южном и Северном Причерноморье. Основу территории трапезундской заморской провинции всегда составляли области Юго-Западного Крыма, но до 20–30-х гг. XIII в. в ее состав также входили Сугдея и Боспор. Около 1228 г. Сугдея была завоевана сельджуками. После вторжения монголов в 1239 г. восточные области полуострова превратились в территориальное ядро формирующегося Крымского улуса Золотой Орды. С этого момента владения Трапезунда в регионе окончательно оказались ограниченными Херсоном и Готией.

На протяжении всего периода зависимости от Трапезунда горные и приморские области Таврики находились под прямым управлением имперской администрации, что нашло отражение в регулярном налогообложении местного населения, подчинении крымских епархий юрисдикции трапезундских митрополитов и, вероятно, размещении в наиболее важных городах и портах провинции воинских контингентов и подразделений военного флота. Контроль над морскими коммуникациями между Крымом и Южным Понтом являлся важнейшим условием для сохранения присутствия империи на полуострове. После завоевания сельджуками крепости Синоп в 1265 г. таких возможностей у Трапезунда уже не было.

Уход трапезундской администрации из Юго-Западного Крыма после 1265 г. спровоцировал быстрое военное вторжение монголов в Готию. Именно эти события являются рубежными для начала золотоордынского периода в истории региона. В таком случае поход эмира Ногая против населения Херсона и Готии в 1299 г. должен рассматриваться как один из эпизодов перманентной борьбы различных монгольских элит за распределение доходов и верховную власть в Крымском улусе Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // Античная древность и средние века. 2014. Т. 42. С. 215–227.

2. Айбабин А. И. Крымская Готия в первой половине XIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 56–68. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.4

3. Айбабин А. И. О дате подчинения Готии татаро-монголам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 493–512. DOI: 10.37279/2413-189X

4. Айбабин А. И. Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века // Город на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время / ред. А. И. Айбабин. Симферополь: Антиква, 2022. С. 7–85.

5. Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас. I. Об этнической принадлежности семьи // Историко-филологический журнал. 1987. № 3 (118). С. 190–200.

6. Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас. II. Гаврасы Малой Азии и Западной Армении (XI–XIII вв.). Еще раз о цатах (армянах-халкедонитах) // Историко-филологический журнал. 1987. № 4 (119). С. 181–193.

7. Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас. III. Гаврасы Западной Армении по армянским источникам XIII века. IV. Гаврасы Северо-Восточной Армении в XII–XIII вв. // Историко-филологический журнал. 1988. № 1 (120). С. 163–177.

8. Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. [Вып. I] / ред. С. П. Карпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 8–172.

9. Васильевский В. Г. Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 233–299.

10. Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. Феодор Гавра и его печати // Античная древность и средние века. 2020. Т. 48. С. 254–269. DOI: 10.15826/adsv.2020.48.016

11. Гончаров Е. Ю. Восточная нумизматика Херсона (вторая половина XII – первая половина XV в.) // Причерноморье в средние века. Вып. VII / ред. С. П. Карпов. СПб.: Алетейя, 2009. С. 118–132.

12. Дергачева Л. В., Зеленко С. М. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 425–439.

13. Джанов А. В. Походы сельджукских войск на Сугдак и в Киликию в правление Ала ад-Дина Кайкубада I // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 46–78.

14. Зеленко С. М. Подводная археология Крыма. Киев: Стилос, 2008. 272 с.

15. Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Яз. слав. культуры, 2003. 376 с.

16. История Казахстана в арабских источниках. Т. 3: Извлечения из сочинений XII–XVI вв. / ред. А. К. Муминов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 272 с.

17. Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 154–164.

18. Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2017. 744 с.

19. Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2003. Вып. X. С. 506–532.

20. Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора «Аланское послание» // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1898. Т. 21. С. 15–27.

21. Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // Советская археология. 1987. № 2. С. 228–245.

22. Мыц В. Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Международная конференция «Византия и Крым» (г. Севастополь, 6–11 июня 1997 г.). Симферополь: [б.и.], 1997. С. 65–67.

23. Мыц В. Л., Адаксина С. Б. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // Stratum plus. 1999. № 6. С. 123–127.

24. Мыц В. Л. К датировке похода эмира Хусам ад Дина Чобана на Судак // Античная древность и средние века. 1999. Вып. 30. С. 176–186.

25. Мыц В. Л. Херсон, Климаты Готии и Трапезундская империя. Завоевание Юго-Западной Таврики монголами в XIII в. // История Севастополя в трех томах. Т. I. Юго-Западный Крым с древнейших времени до 1774 г. / ред. В. Н. Захаров, В. В. Хапаев. Севастополь: Альбатрос, 2021. С. 502–524.

26. Мыц В. Л. Крым в XIII–XV вв.: историко-археологическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. Т. 1. Казань, 2023. 937 с.

27. Нарожный Е. И. Русско-ордынский поход против «Сланного ясского города Дедякова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2 / ред. И. М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 154–162.

28. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Душенко А. А. Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.

29. Неделькин Е. В., Гинькут Н. В. Археологические исследования крепости Чоргунский Исар (Юго-Западный Крым) в 2019 году // Археология

Евразийских степей. 2022. № 6. С. 268–292. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.268.292

30. Пономарев А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 672 с.

31. Порсин А. А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.

32. Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2: Византийский город. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2008. 544 с.

33. Рудаков В. Е. Материалы XII–XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 12. С. 20–30.

34. Седикова Л. В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 402–458. DOI: 10.37279/2413-189X

35. Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 201–213.

36. Тесленко И. Б., Паршина Е. А., Александрова И. А. Археологические комплексы и керамические находки XII–XIII вв. из раскопок средневекового Партенита (по материалам исследований 1985–1988 гг.) // История и археология Крыма. 2020. Вып. XII. С. 269–290.

37. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. ИАН, 1884. 564 с.

38. Хаутала Р. Письмо Ладислава, францисканского кустодия Газарии (Каффа, 10 апреля 1287 года) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 193–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199

39. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

40. Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб.: Алетейя, 2001. 448 с.

41. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 631 с.

42. Шукуров Р. М. Трапезундская империя и Восток // Карпов С. П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2017. С. 436–493.

43. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). Материалы и исследования по археологии СССР, № 17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 256 с.

44. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

45. Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. 1927. Т. 25. С. 53–76.

46. Actes de Dionysiou / éd. par N. Oikonomidès. Paris: P. Lethielleux, 1968. 250 p. (Archives de l'Athos; 4).

47. Bartikian H. Les Gaurades à travers les sources arméniennes // L'Arménie et Byzance. Histoire et culture. Paris: Sorbonne Publ., 1996. P. 28–39.

48. Bryer A. Byzantine Family: The Gabrades, c. 979 – c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal. 1970. Vol. XII, no. 2. P. 164–187.

49. Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D. A Byzantine Family: The Gabrades. An Additional Note // Byzantinoslavica. 1975. T. XXXVI, fasc. 1. P. 38–45.

50. Bryer A., Dunn A., Nesbitt J. Theodore Gabras, Duke of Chaldia (+1098) and the Gabrades: Portraits, Sites and Seals // Byzantium, State and Society. In Memory of N. Oikonomides / ed. by A. Avramea, A. Laiou, E. Chrysos. Athens: Institute of Byzantine Studies Publ., 2003. P. 51–70.

51. Feldman A. Local Families, Local Allegiances: Sigillography and Autonomy in Eleventh-Twelfth Century Black Sea // Byzantine and Modern Greek Studies. 2018. Vol. 42 (2). P. 202–218.

52. Guruleva V.V. Trebizond Coins in Crimea // Travaux et Mémoires. 2010. T. 16. P. 401–412.

53. Laurent V. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. I, Fasc. 4: Les Regestes de 1208 à 1309. Paris: Inst. fr. d'ét. byz., 1971. 636 p.

54. Peacock A. C. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of Ālā' al-Dīn Kayqubād // Journal of the Royal Asiatic Society. 2006. Vol. 16, № 2. P. 133–149.

55. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / eds. E. Trapp, R. Walter, H.-V. Beyer. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–2001. T. 1–12, add. 1–2.

56. Rosenquist J. O. The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. Uppsala: Dept. of Classical Philology Uppsala University, 1996. 650 p.

57. Shukurov R. M. Trebizond and the Seljuks (1204–1299) // Mésogeios. 2005. Vol. 25–26. P. 71–136.

58. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America Publ., 1936. 292 p.

59. Νυσταζορούλου Μ. Γ. Η εν τη Ταυρική Χερσονήσω πόλις Σουγδαία από του ΙΓ΄ μέχρι του ΙΕ΄ αιώνος. Αθήναι: Υπηρεσία Αρχαιοτήτων και Αναστηλώσεως, 1965. 188 σ.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. O date razrusheniya gorodishcha na plato Eski-Kermen [On the Date of the Destruction of the Site on the Plateau of Eski-Kermen]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2014, vol. 42, pp. 215-227.

2. Aibabin A.I. Krymskaya Gotiya v pervoy polovine XIII veka [Crimean Gothia in the First Half of the 13th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 56-68. DOI https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.4

3. Aibabin A.I. O date podchineniya Gotii tatarо-mongolam [On the Date When the Mongol Tatars Subjugated Gothia]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], 2020, iss. XXV, pp. 493-512. DOI: 10.37279/2413-189X

4. Aibabin A.I. Evolyutsiya gorodov na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka [The Evolution of Cities on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages]. Aibabin A.I., ed. *Gorod na Vnutrenney gryade Krymskikh gor v Srednie veka i Novoe vremya* [City on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Times]. Simferopol, Antiqua Publ., 2022, pp. 7-85.

5. Bartikian R.M. O vizantiyskoy aristokraticheskoy semye Gavras. I. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti semyi [On the Byzantine Aristocratic Family of Gabras. 1. On the Ethnicity of the Family]. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal* [Historical and Philological Journal], 1987, no. 3 (118), pp. 190-200.

6. Bartikian R.M. O vizantiyskoy aristokraticheskoy semye Gavras. II. Gavrasy Maloy Azii i Zapadnoy Armenii (XI–XIII vv.). Eshche raz o tsatakh (armyanakh-khalkedonitakh) [On the Byzantine Aristocratic Family of Gabras. 2. The Gabrades of Asia Minor and Western Armenia (11th – 13th Centuries). Once Again About the Tsats (Armenian Chalcedonians)]. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal* [Historical and Philological Journal], 1987, no. 4 (119), pp. 181-193.

7. Bartikian R.M. O vizantiyskoy aristokraticheskoy semye Gavras. III. Gavrasy Zapadnoy Armenii po armyanskim istochnikam XIII veka. IV. Gavrasy Severo-Vostochnoy Armenii v XII–XIII vv. [About the Byzantine Aristocratic Family of Gabras. 3. The Gabrades of Western Armenia According to Armenian Sources of the 13th Century. 4. The Gabrades of Northeastern Armenia in the 12th – 13th Centuries]. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal* [Historical and Philological Journal], 1988, no. 1 (120), pp. 163-177.

8. Bogdanova N.M. Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantiyskogo goroda [Cherson in the 10th – 15th Centuries. Problems of the History of the Byzantine City]. Karpov S.P., ed. *Prichernomorye v sredniye veka. Vyp. I* [The Black Sea in the Middle Ages. Vol. I]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1991, pp. 8-172.

9. Vasilievsky V.G. Epirotica saeculi XIII. Iz perepiski Ioanna Navpaktskogo [Epirotica Saeculi XIII. From the Correspondence of John of Navpaktos]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1896, vol. 3, pp. 233-299.

10. Vinogradov A.Yu., Chkhaidze V.N. Feodor Gavra i ego pechati [Theodore Gabras and His Seals]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 254-269. DOI: 10.15826/adsv.2020.48.016

11. Goncharov E.Yu. Vostochnaya numizmatika Khersona (vtoraya polovina XII – pervaya polovina XV v.) [Eastern Numismatics of Cherson (Second Half of the 12th – First Half of the 15th Centuries)]. Karpov S.P., ed. *Prichernomorye v sredniye veka. Vyp. VII* [The Black Sea in the Middle Ages. Vol. VII]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2009, pp. 118-132.

12. Dergacheva L.V., Zelenko S.M. Monety Trapezunda s korablekrusheniya XIII veka v bukhte poselka Novyj Svet [Coins of Trebizond from a 13th Century Shipwreck in the Bay of the village of Novy Svet]. *Sugdeyskiy sbornik*, 2008, iss. III, pp. 425-439.

13. Dzhanov A.V. Pokhody seldzhukskikh voysk na Sugdak i v Kilikiyu v pravlenie Ala ad-Dina Kaykubada I [The Campaigns of the Seljuk Troops to Sugdak and Cilicia during the Reign of Ala ad-Din Kayqubad I]. *Sugdeyskiy sbornik*, 2008, iss. III, pp. 46-78.

14. Zelenko S.M. *Podvodnaya arkheologiya Kryma* [Underwater Archaeology of Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2008. 272 p.

15. Ivanov S.A. *Vizantiyskoe missionerstvo. Mozhno li sdelat iz «varvara» khristianina?* [Byzantine Missionary Activity. Can a "Barbarian" Be Turned into a Christian?]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2003. 376 p.

16. Muminov A.K., ed. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. T. 3: Izvlecheniya iz sochineniy XII–XVI vv.* [The History of Kazakhstan in Arabic Sources. Vol. 3: Extracts from Works of the 12th – 16th Centuries]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. 272 p.

17. Karpov S.P. Trapezundskaya imperiya v vizantiyskoy istoricheskoy literature XIII–XV vv. [The Empire of Trebizond in Byzantine Historical Literature of the 13th – 15th Centuries]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1973, vol. 35, pp. 154-164.

18. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Empire of Trebizond]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2017. 744 p.

19. Kramarovsky M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. [Jochids and Crimea: The 13th – 15th Centuries]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2003, iss. X, pp. 506-532.

20. Kulakovsky Yu.A. Episkopa Feodora «Alanskoe poslanie» [Bishop Theodore's "Alanian Epistole"]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities], 1898, vol. 21, pp. 15-27.

21. Myts V.L. Srednevekovoe ukreplenie Isar-Kaya [The Medieval Fortress of Isar-Kaya]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1987, no. 2, pp. 228-245.

22. Myts V.L. O date gibeli vizantiyskogo Khersona: 1278 g. [About the Date of the Fall of Byzantine Cherson: 1278]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Vizantiya i Krym» (g. Sevastopol, 6–11 iyunya 1997 g.)* [International Conference "Byzantium and Crimea" (Sevastopol, June 6–11, 1997)]. Simferopol, s.n., 1997, pp. 65-67.

23. Myts V.L., Adaksina S.B. Nakhodki zolotykh vizantiyskikh monet iz raskopok Alustona [The Findings of Golden Byzantine Coins from Aluston Excavations]. *Stratum plus*, 1999, no. 6, pp. 123-127.

24. Myts V.L. K datirovke pokhoda emira Khusam ad Dina Chobana na Sudak [To the Dating of the Campaign of Emir Khusam ad Din Choban to Sudak]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 1999, iss. 30, pp. 176-186.

25. Myts V.L. Kherson, Klimaty Gotii i Trapezundskaya imperiya. Zavoevanie Yugo-Zapadnoy Tavriki mongolami v XIII v. [Cherson, the Gothic Climates, and the Empire of Trebizond. The Mongol Conquest of South-Western Taurica in the 13th Century]. Zakharov V.N., Khapaev V.V., eds. *Istoriya Sevastopolya v trekh tomakh T. I. Yugo-Zapadnyy Krym s drevneyshikh vremen do 1774 g.* [The History of Sevastopol in Three Volumes. Vol. 1. Southwestern Crimea from Ancient Times to 1774]. Sevastopol, Albatros Publ., 2021, pp. 502-524.

26. Myts V.L. *Krym v XIII–XV vv.: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie: dis. ... d-ra ist. nauk. T. 1* [Crimea in the 13th – 15th Centuries: Historical and Archaeological Research. Dr. hist. sci. diss. Vol. 1]. Kazan, 2023. 937 p.

27. Narozhnyy E.I. Russko-ordynskiy pokhod protiv «Slannogo yasskogo goroda Dedyakova» v kontekste politicheskoy obstanovki na Severnom Kavkaze [Russian-Ordynsky Campaign Against "The Glorious Jassky City of Dedjakov" in the Context of Political Situation in the North Caucasus]. Mirgallev I.M., ed. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Vyp. 2* [Golden Horde Civilization. Iss. 2]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2009, pp. 154-162.

28. Naumenko V.E., Gertsen A.G., Dushenko A.A. *Dvortsovyy kompleks Mangupskogo gorodishcha: istoriya izucheniya, stratigrafiya, khronologiya* [Palace Complex of the Mangup Fortress: History of Study, Stratigraphy, Chronology]. Simferopol, Antikva Publ., 2023. 500 p.

29. Nedelkin E.V., Ginkut N.V. Arkheologicheskie issledovaniya kreposti Chorgunskiy Isar (Yugo-Zapadnyy Krym) v 2019 godu [Archaeological Studies of the Chorgunskiy Isar Fortress (South-Western Crimea) in 2019]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2022, no. 6, pp. 268-292. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.268.292

30. Ponomarev A.L. *Evolyutsiya denezhnykh sistem Prichernomorya i Balkan v XIII–XV vv.* [Evolution of the Currencies: The Black Sea Region and the Balkans in the 13th – 15th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2011. 672 p.

31. Porsin A.A. *Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri «Zubdat al-fikra»* [The History of the Golden Horde in the Late 13th – Early 14th Centuries in the Work of Rukn ad-Din Baybars al-Mansuri "Zubdat al-fikra"]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. 276 p.

32. Romanchuk A.I. *Issledovaniya Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. T. 2: Vizantiyskiy gorod* [Research of Chersonesos-Cherson. Excavations. Hypotheses. Problems. Vol. 2: The Byzantine City]. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2008. 544 p.

33. Rudakov V.E. Materialy XII–XIII vv. iz raskopok posada Baklinskogo gorodishcha (raskopki 1973 g.) [Materials from the 12th – 13th Centuries from the Excavations of the Settlement of Bakla (Excavations of 1973)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquities and the Middle Ages], 1975, iss. 12, pp. 20-30.

34. Sedikova L.V. Keramicheskiy kompleks XIII v. iz sloya razrusheniya usadeb 2 i 3 v kvartale L Khersonesskogo gorodishcha [A Thirteenth-Century Pottery Assemblage from the Destruction Layer of Urban Houses 2 and 3 in Quarter L of Ancient Chersonese]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archeology, History and Ethnography of Tauria], 2018, iss. XXIII, pp. 402-458. DOI: 10.37279/2413-189X

35. Sokolova I.V. Vizantiyskie pechati VI – pervoy poloviny IX v. iz Khersonesa [Byzantine Seals of the 6th – First Half of the 9th Centuries from Chersonesos]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1991, vol. 52, pp. 201-213.

36. Teslenko I.B., Parshina E.A., Aleksandrova I.A. Arkheologicheskie kompleksy i keramicheskie nakhodki XII–XIII vv. iz raskopok srednevekovogo Partenita (po materialam issledovaniy 1985–1988 gg.)

[Archaeological Assemblages and Ceramic Finds of the 12th – 13th Centuries Excavated at Medieval Partenit]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2020, iss. XII, pp. 269-290.

37. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. T. 1: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1: Extracts from the Works of Arabs]. Saint Petersburg, Tip. IAN, 1884. 564 p.

38. Hautala R. Pismo Ladislava, frantsiskanskogo kustodiya Gazarii (Kaffa, 10 aprelya 1287 goda) [A Letter of Ladizlaus, the Franciscan Custodian of Gazaria (Caffa, April 10, 1287)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2017, vol. 5, no. 1, pp. 193-199. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.193-199

39. Hautala R. *V zemlyakh «Severnoy Tartarii»: Svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341)* [In the Lands of "Northern Tartary": Information from Latin Sources About the Golden Horde During the Reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019. 976 p.

40. Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)* [The Grand Comnenoi and the Orient (1204–1461)]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 448 p.

41. Shukurov R.M. *Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461)* [Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2017. 631 p.

42. Shukurov R.M. Trapezundskaya imperiya i Vostok [The Empire of Trebizond and the East]. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Empire of Trebizond]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2017, pp. 436-493.

43. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.). Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, № 17* [The Medieval Chersonesos (12th – 14th Centuries). Materials and Research on the Archeology of the USSR, no. 17]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 256 p.

44. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii materialnoy kultury* [The Medieval Crimea. Essays on the History and History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 232 p.

45. Yakubovsky A.Yu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. [The Story of Ibn al-Bibi About the Campaign of the Asia Minor Turks Against Sudak, the Polovtsians and the Russians at the Beginning of the 13th Century]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1927, vol. 25, pp. 53-76.

46. Oikonomidès N., ed. *Actes de Dionysiou*. Paris, P. Lethielleux, 1968. 250 p. (Archives de l'Athos; 4).

47. Bartikian H. Les Gaurades à travers les sources arméniennes. *L'Arménie et Byzance. Histoire et culture*. Paris, Sorbonne Publ., 1996, pp. 28-39.

48. Bryer A.A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979 – c. 1653. *University of Birmingham Historical Journal*, 1970, vol. XII, no. 2, pp. 164-187.

49. Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D. A Byzantine Family: The Gabrades. An Additional Note. *Byzantinoslavica*, 1975, t. XXXVI, fasc. 1, pp. 38-45.

50. Bryer A., Dunn A., Nesbitt J. Theodore Gabras, Duke of Chaldia (+1098) and the Gabrades: Portraits, Sites and Seals. Avramea A., Laiou A., Chrysos E., eds. *Byzantium, State and Society. In Memory of N. Oikonomides*. Athens, Institute of Byzantine Studies Publ., 2003, pp. 51-70.

51. Feldman A. Local Families, Local Allegiances: Sigillography and Autonomy in Eleventh-Twelfth Century Black Sea. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2018, vol. 42 (2), pp. 202-218.

52. Guruleva V.V. Trebizond Coins in Crimea. *Travaux et Mémoires*, 2010, t. 16, pp. 401-412.

53. Laurent V. *Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. I, fasc. 4: Les Regestes de 1208 à 1309*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1971. 636 p.

54. Peacock A.C. The Saljūq Campaign Against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of Ālā' al-Dīn Kayqubād. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2006, vol. 16, no. 2, pp. 133-149.

55. Trapp E., Walter R., Beyer H.-V., eds. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Vienna, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–2001, T. 1–12, add. 1–2.

56. Rosenquist J.O. *The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154*. Uppsala, Dept. of Classical Philology Uppsala University Publ., 1996. 650 p.

57. Shukurov R.M. Trebizond and the Seljuks (1204–1299). *Mésogeios*, 2005, vol. 25-26, pp. 71-136.

58. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., Medieval Academy of America Publ., 1936. 292 p.

59. Nystazopoulou M.G. *Ē en tē Taurikē Xersonēsō polis Sougdaia apo tou 13 mechri tou 15 aiōnos* [The City of Sougdeia in the Taurian Peninsula from the 13th to the 15th Centuries]. Athens, Ypēresia Archaiotētōn kai Anastēlōseōs Publ., 1965. 188 p.

Information About the Author

Valerii E. Naumenko, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Prosp. Vernadskogo, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314

Информация об авторе

Валерий Евгеньевич Науменко, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, byzance@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-2590-6314

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.7

UDK 75.052(477.75)+72.684(477.75)
LBC 63.3(0)4

Submitted: 19.05.2025
Accepted: 30.09.2025

PAINTINGS IN THE TOWER CHURCH OF THE SIUREN FORTRESS: NEW MATERIALS

Yuri M. Mogarichev

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation;
Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Russian Federation

Alena S. Ergina

Saint Petersburg State Art and Industrial Academy named after A.L. Stieglitz, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The defensive line of the Siuren fortress (mountainous southwestern Crimea) consists of two curtain walls and a round tower between them. In the 13th – 15th centuries, a church was built on the second floor of the tower, the walls and dome of which were completely covered with fresco paintings. *Methods.* In the 19th and early 21st centuries, the Siuren fortress was studied by Peter Keppen, Aleksey Uvarov, Gregory Karaulov, Dmitry Strukov, Evgeniy Veymarn, Nikolay Repnikov, Oleg Dombrovsky, and the authors of this publication. *Analysis.* The murals of the Tower church of the Siuren fortress were lost in the early 21st century. It can only be reconstructed using the available fragmentary descriptions and images that had been made in the 19th and first half of the 20th centuries. The archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences contain an unpublished report by Dmitry Strukov. He visited Siuren' fortress and made the description of the murals that survived at that time. Four unknown watercolors by the artist are also presented: plans, sections of the Tower church, and fragments of the murals. *Results.* The watercolor drawings of murals allow us to clarify the attribution and to get an idea of the color scheme of the murals. The plans and sections made by Dmitry Strukov allow us to correlate architecture and fragments of paintings in the interior of the Tower church. *Funding.* The study was conducted by Yu.M. Mogarichev as part of the State Task assigned to Sevastopol State University: "Formation and functioning of settlement structures and population of Crimea from the Middle Ages to the modern period based on the archeological sources and interdisciplinary studies (FEFM-2024-0014)".

Key words: Byzantium, Crimea, "cave cities", Siuren fortress, frescoes, Dmitry Strukov.

Citation. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. Paintings in the Tower Church of the Siuren Fortress: New Materials. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 95-109. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.7

УДК 75.052(477.75)+72.684(477.75)
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 19.05.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

РОСПИСИ ЦЕРКВИ В БАШНЕ СЮЙРЕНЬСКОЙ КРЕПОСТИ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Юрий Миронович Могаричев

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация;
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
г. Симферополь, Российская Федерация

Алена Сергеевна Ергина

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* На втором этаже башни Сюйреньской крепости в XIII–XV вв. находилась церковь, стены и купол которой были покрыты фресковой росписью. *Методы.* В XIX – начале XXI в. со-

© Могаричев Ю.М., Ергина А.С., 2025

хранившиеся сюжеты стенописи изучали ряд отечественных авторов. *Анализ.* В архиве Института истории материальной культуры РАН сохранился отчет Д.М. Струкова о посещении Сюйрени и описание видимых на тот момент росписей. Отчет дополнен четырьмя ранее неизвестными акварельными листами. На первом представлены рисунки крепостных сооружений. На втором планы и разрезы сюйреньской башни. На третьем и четвертом художник запечатлел различимые тогда фрагменты стенописи. *Результаты.* Рисунки Д.М. Струкова позволяют уточнить атрибуцию стенописи и получить представление о ее цветовом решении. Планы и разрезы дают представление о синтезе архитектуры и фрагментов росписей. Изображения помогают понять расположение каждого сюжета. Они дополняют уже известные зарисовки стенописи церкви сюйреньской башни и более емко отражают расположение этих фрагментов во внутреннем пространстве. *Вклад авторов*. Ю.М. Могаричевым подготовлены разделы об историографии и особенностях памятника. А.С. Ергиной исследовались искусствоведческие аспекты. *Финансирование*. Исследование выполнено (Ю.М. Могаричев) в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур и населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям (FEFM-2024-0014)».

Ключевые слова: Византия, Крым, «пещерные города», Сюйреньская крепость, фрески, Д.М. Струков.

Цитирование. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Росписи церкви в башне Сюйреньской крепости: новые материалы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 95–109. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.7

Введение. Сюйреньская крепость площадью 1,7 га, находится на окруженной скальными обрывами оконечности мыса Куле-Бурун (Башенный мыс) (Горный Юго-Западный Крым). Самым известным памятником Сюйреньской крепости является ее оборонительная линия, состоящая из двух куртин, соединяющихся под тупым углом и круглой баши между ними (рис. 1, 2). Двухэтажная башня диаметром 8 м достигала высоты 10 м. Она была сложена из обработанных известняковых блоков в перевязь со стеной. С ее восточной стороны были устроены сводчатые ворота, шириной 3,2 м, а с западной калитка. Межэтажные перекрытия были деревянными. В нижнем этаже башни находились бойницы, а на втором, в XIII–XV вв. была устроена церковь, стены и купол которой были полностью покрыты фресковой росписью (см., например: [8, с. 178–187]). В настоящее время купол верхнего этажа разрушен, а фрески практически полностью уничтожены (рис. 3).

Методы. Первое подробное описание памятника принадлежит П.И. Кеппену, который отмечал: «Ликов Святых нельзя уже видеть большею частию по тому, что штукатурка обвалилась; но облачения, писанные коричневою краскою, еще явственны. Живопись находилась над всеми тремя окнами, а изображения составляли как бы полосу, в коей один образ от другого отделялся рамкою или чертами; средний образ, сколько я мог распознать, представлял Успение Пресвятые Богородицы (если не положение во гроб Спасителя). Сверх того и в нише левого... окна, на уцелевшей штукатурке видна плохая же Византийская живопись, а вверху, по средине, написан осмиконечный крест и при нем, отчасти под титлами, IC, XC, HI, KA, да сверх того буквы Ф. Р. (обе дважды) X, и Iω» [6, с. 291–293].

В 1848 г. на Сюйреньскую крепость обратил внимание А.С. Уваров. В его неопубликованном очерке о «пещерных городах» Крыма (в 2019 г. рукопись была издана одним из авторов настоящей публикации, см.: [8]) описание рассматриваемых росписей во многом повторяет кеппеновское. Новым является замечание: «Свиток бумаги с поперечными полосками вместо букв. Женщины молящиеся, у купели видны две молящиеся женщины» [8, с. 182–183]. По поручению исследователя, сопровождавшим его художником М.Б. Вебелем были выполнены рисунки как крепостных сооружений, так и различаемых тогда фрагментов стенописи, вошедшие в так называемый «Неизданный альбом А.С. Уварова». Впоследствии на основе рисунков были изготовлены литографии.

На первом листе (Таб. LIII) (рис. 1) представлен общий вид сюйреньских укреплений (башни и части оборонительной стены) с внутренней стороны крепости, выполненный в технике печатной графики – хромолитографии. Второй лист (Таб. LXIV) (рис. 2), выполнен в технике гравюры. Он содержит несколько черно-белых изображений: крепостные во-

рота, план и вид башни с внешней стороны крепости, рисунок Хризмы, имевшийся в замке одного из окон, план мыса Куле-Бурун.

Наибольший интерес представляет лист (Таб. XL) (рис. 4), названный автором «Сюйрен и Черкес-Кермен. Остатки стенной живописи». Изображения выполнены в монохромном решении: охрой залиты светлые плоскости, а английской красной – темные. Верхний и нижний фрагменты – копии сохранившейся тогда стенописи Сюйрени. Верхний – мало информативный, соответственно, по нему невозможно провести атрибуцию сюжетов. На нижнем можно разобрать изображение двух святых, предположительно, пророков. Один из них с развернутым свитком. Далее следует многофигурная композиция – Рождество Христово. Завершает ряд еще одно изображение святого.

В 1870 г. в Новороссийском календаре на 1871 г. было опубликовано описание Сюйреньской крепости авторства Г.Э. Караулова. В отношении росписей исследователь указал: «Это явно священные изображения, писанные по извести живыми и ясными красками и принадлежат, по видимому, к лучшей эпохе византийской живописи. Вокруг плафона ясно можно разглядеть только одну фигуру с ореолом над головою. Как кажется, это фигура Божией Матери. Затем следующая фигура, кажется, Спасителя, тоже с ореолом над головою, обозначается довольно отчетливо; но судить о значении всех прочих фигур и украшений трудно, так как обвалившаяся штукатурка унесла все верхние их части <...> Но стан, руки, ноги и платье сохранились хорошо, почти у всех этих фигур Лица всех фигур, которые можно разглядеть, а равно и открытые части тела, то есть шея, руки и ноги – весьма правильного и хорошего рисунка; тоже самое должно сказать и обо всех драпировках. Краски хорошо сохранились только темно-коричневая, желтоватая и красноватая». Он так же видел изображение восьмиконечного креста и монограммы IC XC NI KA «но перед N тут стоит еще Р, или Ф, а затем только Н, и, нам кажется, еще другие буквы или украшения, которых нельзя распознать» [5, с. 6–7]. Свою статью Г.Э. Караулов дополнил черно-белыми зарисовками укрепления и сюжетов росписей (рис. 5).

Рисунок стенописи черно-белый и передает сохранившиеся на момент обследования фрагменты стенописи. Верхнее изображение – Хризма, обозначена автором как «Надпись на своде одного из окон». Рисунок ниже отображает фрагменты стенописи верхнего регистра башни и носит наименование «Живопись, сохранившаяся на своде Сюйреньской башни». Первые два фрагмента – изображения пророков, далее показана композиция Рождества Христова. Затем следуют еще три композиции, которые по указанному изображению сложно атрибутировать.

Е.В. Веймарн и Н.И. Репников указывали на приоритет зарисовок М.Б. Вебеля над рисунком Г.Э. Караулова [1, с. 121]. По их замечанию: «В настоящее время от бывшей росписи сохранились ничтожные фрагменты в куполе и нишах окон. На пятах свода уцелел остаток полосы нижних частей; единоличных фигур и отдельных композиций, написанных на синем фоне. Они отдалены друг от друга широкими киноварными рамками». Они различали среди росписей: «изображения пророков, один из них – с развернутым свитком», «композицию рождества Христова на фоне горного пейзажа. В пещере – лежащая на ложе богоматерь у яслей. На переднем плане у купели – две фигуры служанок. С краю направо – согбенная фигура сидящего Иосифа. Далее, в специальном обрамлении – низ прямоличной фигуры в пышно орнаментированном одеянии. Еще дальше шла, по-видимому, композиция Благовещения. Фигуры архангела и богоматери в рост. От остального сохранились столь незначительные остатки, что установить по ним изображение невозможно. В нишах окон по местам уцелели жалкие остатки орнаментальных росписей. В юго-восточной нише окна замечаются контуры фигур двух ангелов в рост с рипидами, а в замке арки написан большой восьмиконечный крест с соответствующими буквами». Исследователи датировали фрески XII–XIII вв. и считали, что они идентичны стенописи пещерных храмов Эски-Кермена [1, с. 121–122].

Замечания Е.В. Веймарна и Н.И. Репникова о степени сохранности росписей подтверждает фотография 1920-х гг. из собрания Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева (рис. 6). На ней отчетливо просматриваются фрагменты композиции Рождества Христова.

В 1939–1940 гг. в неизданных «Материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма» Н.И. Репников относил сюйренъские изображения уже к XIII–XIV вв. [10, л. 249].

О.И. Домбровский в знаковой монографии «Фрески средневекового Крыма» указал на обрушение в 1949 г. большей части стен и купола башни: «В настоящее время <...> от композиции Рождества осталась лишь часть возлежащей фигуры богоматери с совершенно утраченным ликом. Еле различимы теперь фигуры служанок у купели, исчезла вся верхняя часть согбенной фигуры Иосифа. Не менее пострадала и композиция Благовещения. Изображения в нише окна... полностью утрачены». Исследователь осторожно датировал росписи XIII вв. [4, с. 56–57]. По его мнению, «фрески Сюйренъской капеллы и храма в селе Верхоречье (созданы в XIV в. по О.И. Домбровскому) кажутся близкими в некоторых чертах, в том числе и колорите. Однако последнее нельзя утверждать категорически: обе росписи пострадали от пожара» [4, с. 57].

Впоследствии различные авторы, анализируя росписи церкви сюйренъской башни, как правило основывались на указанных работах (см., например: [8, с. 186–187]).

Анализ. Как уже отмечалось, росписи к настоящему времени утрачены. Соответственно их реконструкцию возможно выполнить только по имеющимся, часто фрагментарным, описаниям и изображениям XIX – первой половины XX века. Поэтому ввод в научный оборот ранее неизвестных или неопубликованных источников, несомненно, поможет в изучении стенописи церкви сюйренъской башни.

В этой связи обратимся к архивным документам Д.М. Струкова (1828–1899). В 1868 г. художник познакомился в «Записках Одесского общества истории и древностей» с чертежами и описаниями ряда пещерных храмов Инкермана, заинтересовался ими и в том же году выехал в Крым для археологических изысканий. В Инкермане он выявил и описал ряд церквей. Результаты своей работы ему удалось представить Александру II и получить средства для дальнейших исследований. На эти деньги Д.М. Струков обследовал пещерные сооружения Инкермана, Чилтер-Мармары, Мангупа, Тепе-Кермена, Чуфут-Кале. На Первом Археологическом съезде в Москве (март 1869 г.) он сделал доклад о крымских пещерных храмах. Впоследствии художником было опубликованы несколько исследований, в которых он изложил свои научные представления [12–14]. В 1885 г. Д.М. Струков в третий раз, теперь уже на средства Министерства двора (150 руб.), ездил в Крым для корректировки и дополнения «прежних трудов». Им был составлен отчет о поездке и передано 32 новых рисунка в дар библиотеке Императорской Археологической комиссии [11, л. 20] (подробнее об исследованиях Д.М. Струкова см.: [2, с. 160–161; 7, с. 18–19]).

В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) сохранился отчет Д.М. Струкова о посещении (вероятнее всего, во время третьей поездки) Сюйрени: «Дальше за 12 верст отправился в Сюрень, где на необитаемой высокой скале стоят остатки древней крепости и башни См. рис. 8 и 9. Способом кладки по моему мнению одновременной с древними башнями, находящимися на Кавказе в Абхазии, которая относится к концу V века, башня круглой формы. При входе направо лестница в стене ведшая во второй этаж, в настоящее время, пола, разделяющего оба этажа нет, но признаки существования пола есть, во втором этаже помещался храм, от коего сохранились остатки фресковой живописи из чего более (сохранились) над окном изображение креста с греческими буквами [IC XC HI KA] См рис. 10 и над корнизом остатки образа Знамения Рождества Христова древней редакции, что мною нарисовано См. рис 10 ...Св. Пахомия явление ангела рис. 11, Царь Давид, Прор. Исайя» [3, л. 23]. Как видим, представленное описание стенописи достаточно краткое. Однако в том же архиве сохранились и указанные Д.М. Струковым детально исполненные акварельные листы, которые представляют несомненный интерес.

Рассмотрим их.

Лист 8 (по вышеприведенному описанию Струкова) [11, л. 96] (рис. 7).

Лист размером 350 × 400 мм назван автором «Сюрень». Изображения скомпонованы в горизонтальном формате и исполнены акварелью в технике гризайль. Художник использовал лишь два оттенка коричневого: заливки общих объемов архитектуры выпилены холодным оттенком (умброй), а детали и более

глубокие тени – теплым (марсом коричневым). На листе изображена башня Сюйреньской крепости в двух ракурсах.

Первое изображение (слева) – вид на башню Сюйреньской крепости и примыкающие к ней куртины со стороны ворот (с востока). Близ прямоугольного входа в башню для более точного отображения масштаба Д.М. Струков изобразил стаффаж – фигуру человека в полный рост. Выше входа, на уровне второго этажа виден оконный проем (он практически такого же размера как дверь на первом этаже). По обе стороны от него еще два узких оконных проема.

Второе изображение (справа) – вид на башню Сюйреньской крепости с противоположной стороны (с запада). Правее башни на фоне остатков оборонительной стены, как и на предыдущем рисунке, стаффаж – фигура человека в полный рост. Во втором ярусе башни показаны два узких арочных оконных проема.

Оба изображения достаточно точно передают масштаб башни и оборонительных стен. Особое внимание Струков уделил технике кладки фортификационных сооружений и конструктивным особенностям дверных и оконных проемов.

Лист 9 (по Струкову) [11, л. 97] (рис. 8).

Лист размером 350 × 400 мм, как и предыдущий, озаглавлен автором «Сюрень». Изображения здесь расположены в вертикальном формате и представляют собой планы и разрезы сюйреньской башни в разных ракурсах. Лист цветной, выполнен в карандаше с акварельными вставками: акварелью залиты толщины стен, а также вписанные в архитектуру сюжеты стенописи верхнего регистра второго этажа башни.

На листе представлено три сюжета: верхний – вертикальный разрез башни; средний – план второго этажа; нижний – вертикальный разрез первого этажа.

Наибольший интерес представляет первое (верхнее) изображение. Оно передает внутренний объем сюйреньской башни. Из рисунка следует, что в верхней части откоса центрального оконного проема второго этажа на момент обследования художником памятника еще сохранялись фрагменты стенописи. Росписи видны и в верхнем регистре второго этажа: от основания купола башни по периметру идет орнаментальный фриз, а над ним пять композиций. Орнаментальная полоса и каждая из композиций не более 10 мм. Они цветные, но рассмотреть подробное композиционное решение не представляется возможным.

Таким образом, рассматриваемый лист дает возможность понять, как стенопись располагалась во внутреннем пространстве башни.

Лист 10 (по Струкову) [11, л. 98] (рис. 9).

Лист размерами 350 × 400 мм выполнен акварелью в цвете. Здесь помещены четыре фрагмента стенописи. Авторское заглавие: «Сюрень. Над окнами».

Верхний ряд – фрагменты сюжета из двух фигур и рисунки двух крестов. Первые два изображения (две фигуры и крест) объединены и, как отмечалось в характеристике предыдущего листа (Л. 9), располагались в верхней части откоса окна. В центре над окном – Хризма, процветший восьмиконечный крест с монограммой Христа – IC XC HI KA. Он цвета красной охры на светлом фоне. Из его нижней части, полукруглого основания, прорастают тонкие стебли закручивающиеся к концу. Крест изображен во всю высоту отведенного для него квадрата. Отметим, такой же тип монограммы Христа представлен в конхе ниши апсиды пещерной церкви Южного монастыря Мангупа, датирующегося, вероятно, первой половиной XV в. [9, с. 55, 208]. Слева от Хризмы Д.М. Струков изобразил композицию «Явление ангела святому Пахомию», а именно момент явления ангела Пахомию Великому. Фигура ангела с крыльями и нимбом, предположительно, первоначально была в полный рост (нижняя часть композиции не передана художником, возможно из-за утраты изображения на момент зарисовки). Святой представлен в жесте моления. Цвет одежд обеих фигур воспринимается серым. Лишь при детальном рассмотрении можно отметить, что фигура ангела залита охристым оттенком с включениями зеленых теней, а в решении силуэта фигуры Пахомия использована заливка красным. Этот оттенок совпадает с цветом Хризмы. Обе фигуры показаны темными силуэтами на локальном светло-голубом фоне.

Явление ангела Пахомию Великому в византийском искусстве было одной из самых распространенных композиций, указывающих на монастырский характер храма и его

росписей. Наибольшая популярность данной композиции приходится на вторую половину XIII – начало XV в. [15, с. 145, 147].

Сюжет правее от Хризмы, на момент обследования памятника Струковым уже был утрачен.

В этом же ряду, как отмечалось, изображен еще один восьмиконечный крест. Вверху его монограмма Христа – IC XC. От центральной части креста исходят волнообразные полосы в диагональные направления. Крест и его обрамление показаны охрой.

Изображения отделены друг от друга зеленой линией, окантованной тонкой белой, а затем красной полосой.

Нижний ряд – орнаментальный фриз, который отделял (рис. 8) нижний регистр второго этажа без росписей от верхнего с имевшимися там фрагментами фресок.

Лист 11 (по Струкову) [11, л. 99] (рис. 10).

Лист размерами 350 × 400 мм озаглавлен автором «Сюрень. В куполе под карнизом покрыто слоем вековой пыли, рисовано с низу». Изображения расположены в горизонтальном формате и представляют собой небольшие акварельные этюды. Размер каждого 5–8 см.

Верхний ряд. Вверху слева, по версии Д.М. Струкова, изображен пророк Исайа (см. ранее представленный отчет о посещении художником Сюйрени). Ниже пророка показаны две фигуры (общий размер сюжета – 8 см), между которыми расположен некий предмет, который сложно идентифицировать. Обе фигуры представлены на синем фоне и стоят на поземе зеленого цвета. Левая фигура меньшая по размерам. Ее нижнюю часть Д.М. Струков представил серым силуэтом. Правая – в полный рост в светлом хитоне и красном плаще.

Правее (фигура с развернутым свитком), вероятно изображен Царь Давид. Размер композиции – 8 см. Царь написан в полный рост в светлом, красно-оранжевом платье и багряном плаще, красных штанах и сине-серых сапогах.

Еще правее многофигурная композиция (16 см) Рождества Христова. Богородица представлена на ложе. Она одета в синий хитон, красную накидку и красный плащ. Нимб светлой охры и сливается со светлым фоном над фигурой Богоматери. Далее следует изображение скалы с пещерами арочной формы. В ближней к изображению Богородицы пещере небольшого размера изображены светлыми силуэтами две небольшие фигуры служанок – первый силуэт залит охрой, а второй – красным. В следующей пещере, более крупной по размерам, светлым силуэтом выделена мужская фигура (Иосиф) залитая красно-оранжевым цветом.

В нижнем ряду представлен сюжет Знамение. Богоматерь с воздетыми руками помещена в круг. Она в синей одежде с красным мафорием. На груди Богородицы медальон внутри которого изображен Спас Эммануил в синем платье и красном плаще на свето-желтом фоне. Медальон очерчен синей полосой. Вокруг медальона Д.М. Струков представил растительный орнамент цвета охры. Далее просматривается босая фигура в зеленой одежде с посохом в полный рост на темно-сером поземе. Все сюжеты в листе объединены ярко-красной линией по низу и отделены друг от друга зелеными линиями.

Результаты. Рисунки Д.М. Струкова выполнены в цвете акварелью, что позволяет не только уточнить атрибуцию, но и получить представление о цветовом решении стенописи. Планы и разрезы позволяют просмотреть синтез архитектуры и фрагментов росписей и понять расположение каждого сюжета во внутреннем пространстве башни. Они представляют новые, не известные по иным источникам, сведения об иконографической программе росписи церкви. Центральным в ряду композиции основания свода башни является образ Знамения. Левее от него следует композиция Рождества Христова, еще левее – два изображения пророков, первым из которых, предположительно, является пророк Исаия, а фигура в богатых одеждах со свитком – царь Давид. Правее от Знамения изображение святого в зеленом одеянии с посохом, после которого, по мнению Е.В. Веймарна и Н.И. Репникова, следует композиция Благовещения [1, с. 120]. Ниже изображений – орнаментальная полоса из зигзагов состоящие из треугольных элементов синего цвета и круглых – красного.

Стенопись откоса центрального окна: Хризма в замке окна, левее – Явление ангела святому Пахомию. Изображения правее от Хризмы не сохранились. Предположительно, откосы всех окон были декорированы. Все замки откосов арочных окон-бойниц содержали изображения Хризм, которые носили не только декоративную, но и семантическую функцию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Сюйреньская крепость. Рис. М. Вебеля (1851–1853 гг.). Из «Неизданного альбома А.С. Уварова»
Fig. 1. Siuren Fortress. Drawings by M. Vebel (1851–1853). From the “Unpublished Album of A.S. Uvarov”

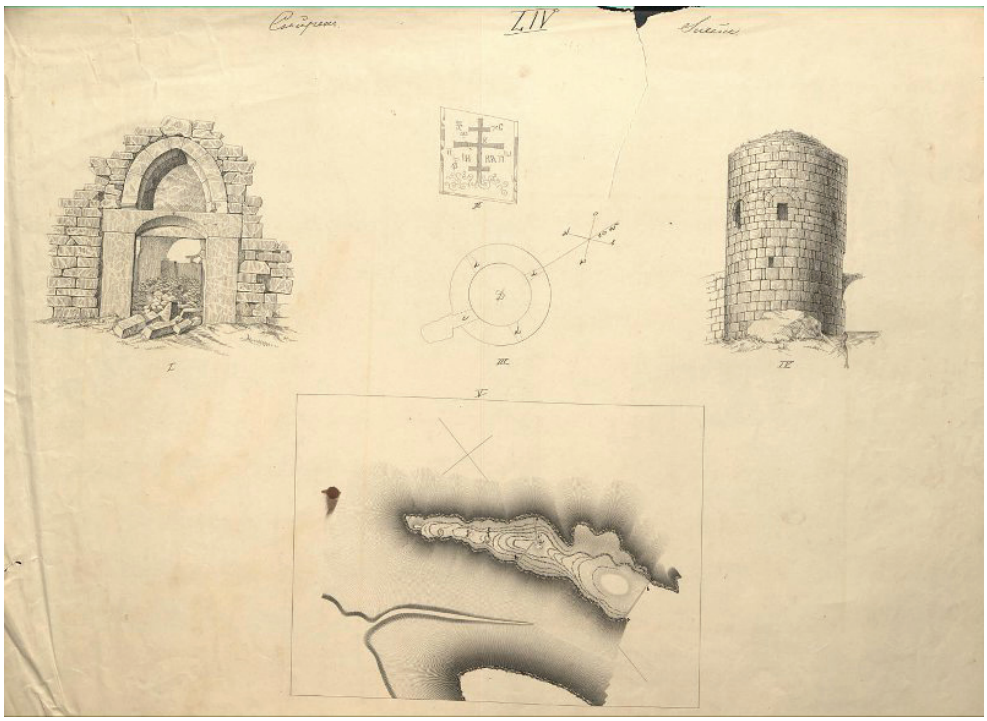

Рис. 2. Рисунки фрагментов оборонительной системы и план Сюйреньской крепости. Рис. М. Вебеля (1851–1853 гг.). Из «Неизданного альбома А.С. Уварова»
Fig. 2. Fragments of the defensive system and a plan of the Siuren fortress. Drawings by M. Vebel (1851–1853). From the “Unpublished Album of A.S. Uvarov”

Рис. 3. Современное состояние росписей в церкви на втором этаже башни Сюйреньской крепости
Fig. 3. Remains of paintings in the church on the second floor of the tower of the Siuren fortress. Current state

Рис. 4. Изображение фресковых росписей из средневековых церквей Крыма. Рис. М. Вебеля (1851–1853 гг.). Из «Неизданного альбома А.С. Уварова». Вверху и внизу росписи из церкви в Сюйреньской башне. Посередине фреска из храма «Трех всадников» (Эски-Кермен)

Fig. 4. Paintings from medieval churches of Crimea. Fig. by M. Vebel (1851–1853). From the "Unpublished Album of A.S. Uvarov". At the top and bottom are paintings from the church in the Siuren Tower. In the middle is a fresco from the Temple of the Three Horsemen (Eski-Kermen)

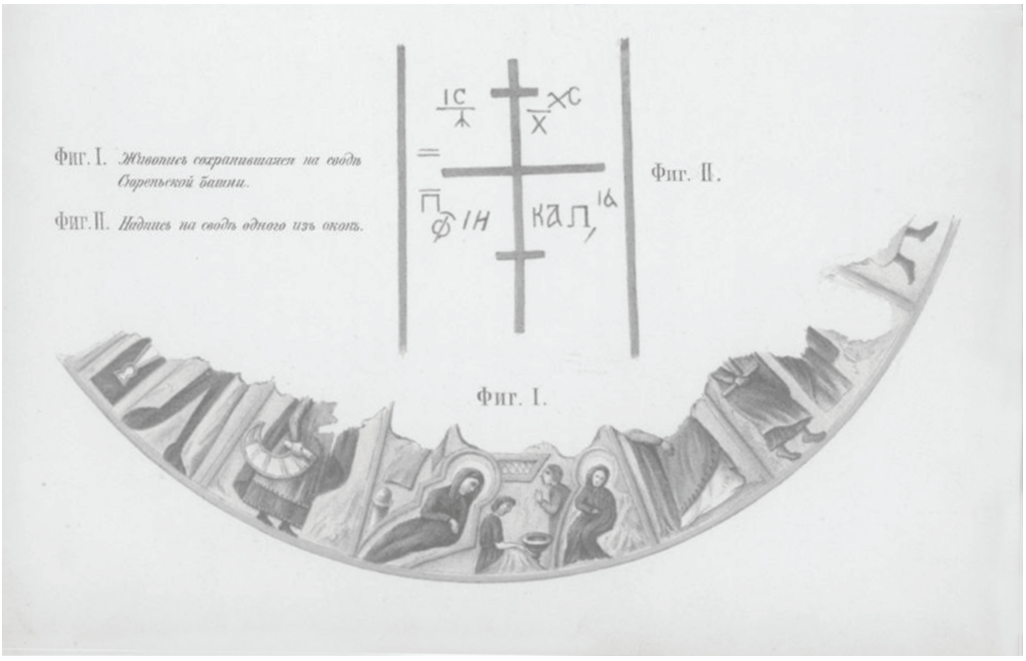

Рис. 5. Росписи церкви на втором этаже Сюйреньской башни по Г.Э. Караулову
Fig. 5. Paintings of the church on the second floor of the Siuren Tower. Drawings by G.E. Karaulov

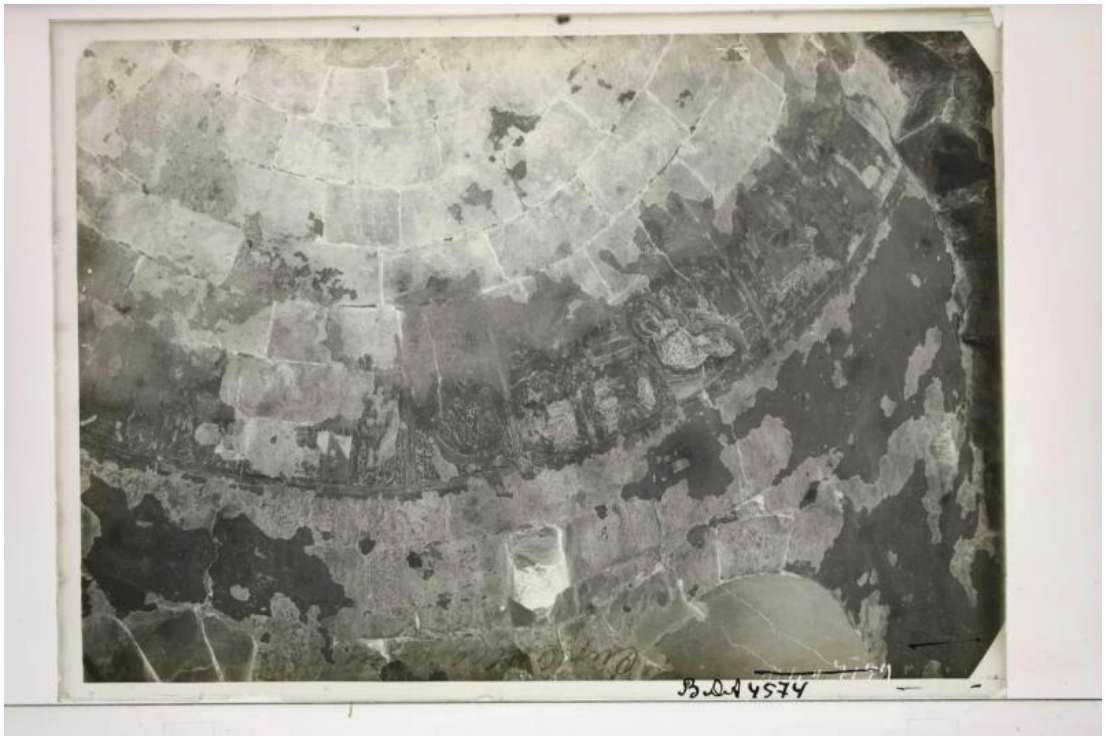

Рис. 6. Остатки росписей в церкви на втором этаже башни Сюйреньской крепости. Фото 1920-х годов. Стекло, черно-белый негатив (Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. Инв. № 1-4574. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14148664)
Fig. 6. Fragments of paintings in the church on the second floor of the tower of the Siuren fortress. Photo. 1920s. Glass, black-and-white negative (The A.V. Shchusev State Research Museum of Architecture. Inv. no. 1-4574. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14148664)

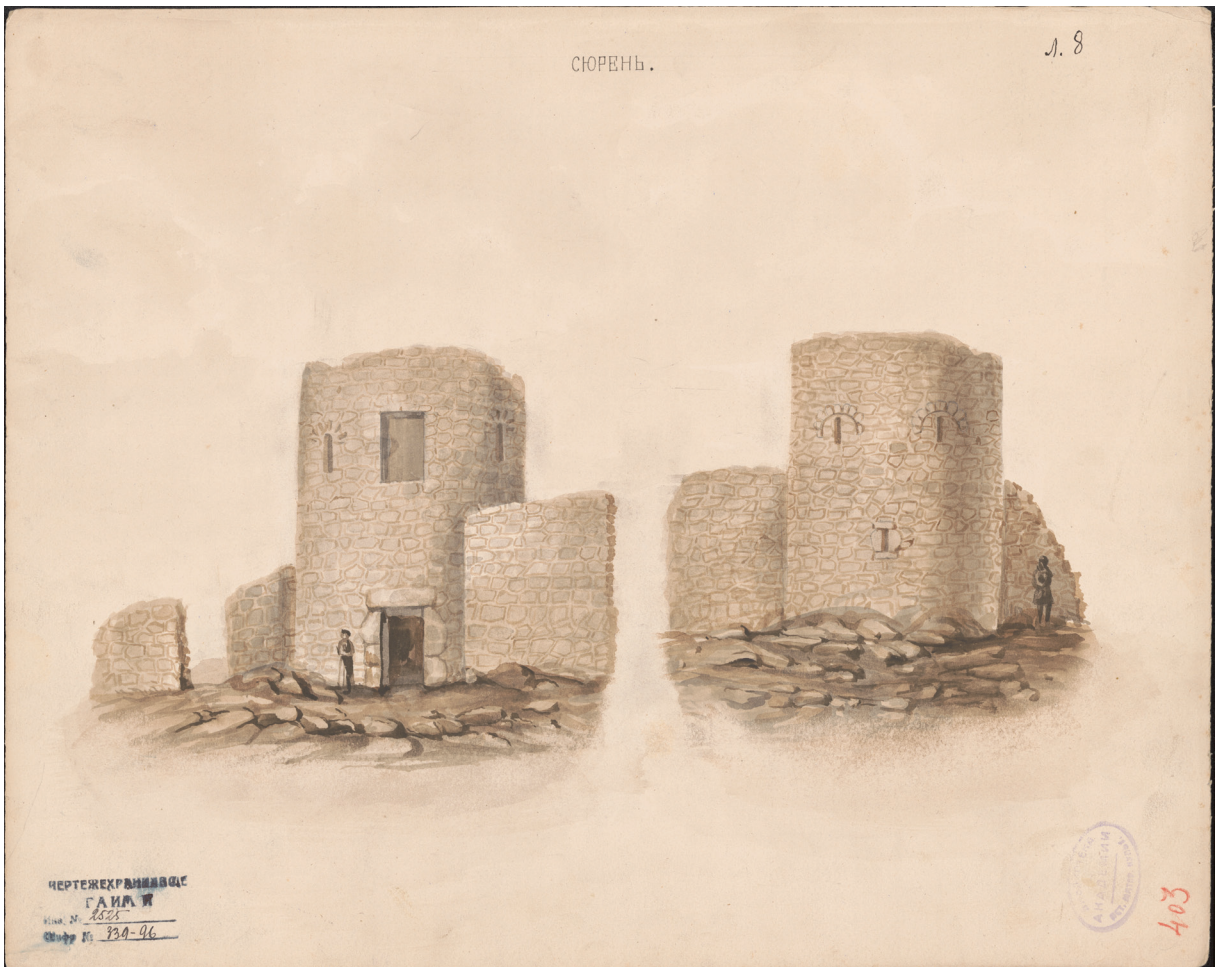

Рис. 7. Оборонительные сооружения Сюйреньской крепости по Д.М. Струкову
Fig. 7. Defensive structures of the Siuren fortress by D.M. Strukov

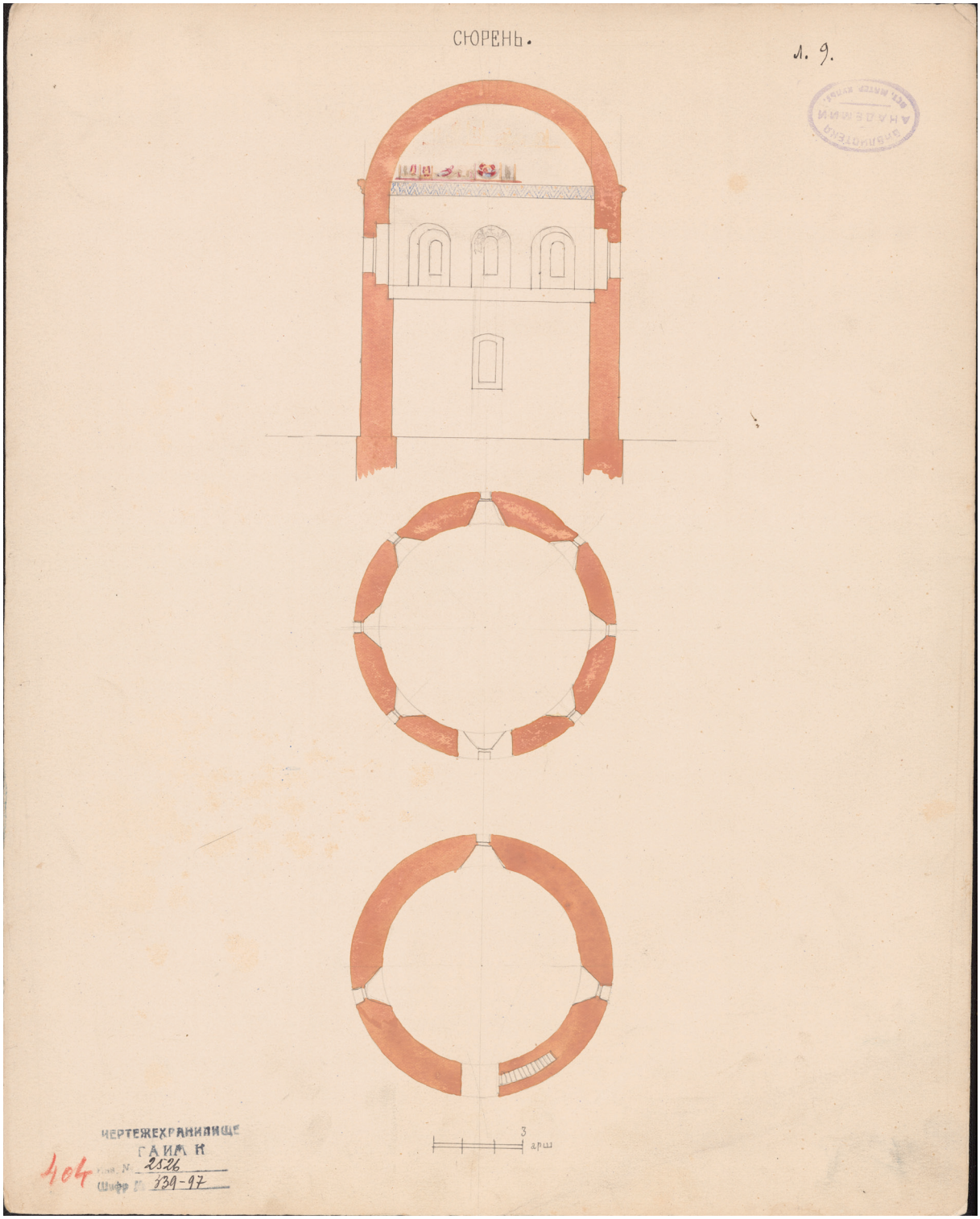

Рис. 8. Планы и разрез Сюйреньской башни по Д.М. Струкову
Fig. 8. Plan and sections of the Siuren tower by D.M. Strukov

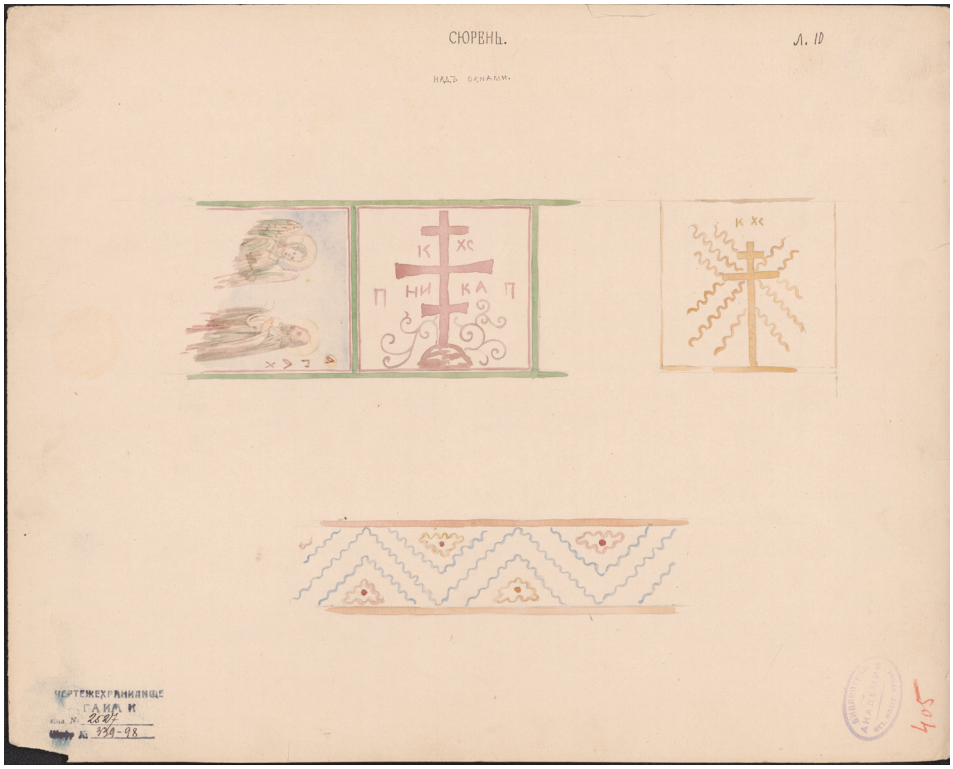

Рис. 9. Фрагменты росписей церкви на втором этаже башни Сюйреньской крепости по Д.М. Струкову
Fig. 9. Fragments of paintings in the church on the second floor of the tower of the Siuren fortress by D.M. Strukov

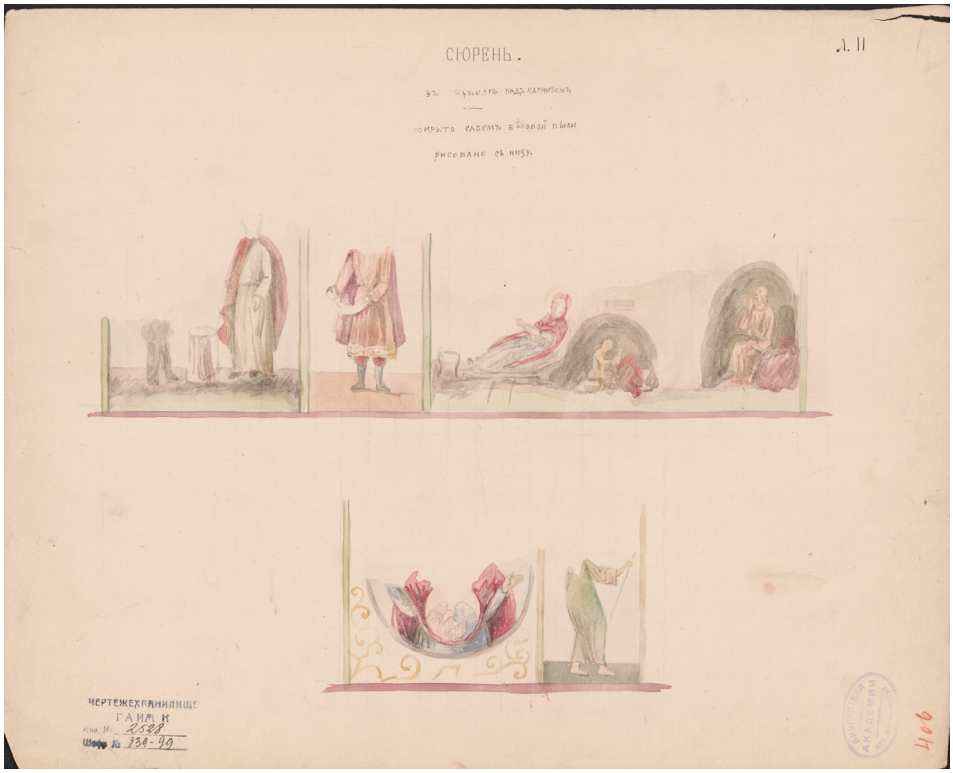

Рис. 10. Фрагменты росписей церкви на втором этаже башни Сюйреньской крепости по Д.М. Струкову
Fig. 10. Fragments of paintings in the church on the second floor of the tower of the Siuren fortress by D.M. Strukov

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Е. В., Репников Н. И. Сюйренское укрепление // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 117. С. 115–125.

2. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К истории изучения пещерных церквей Мангупа: об идентификации «церкви Струкова» // История и археология Крыма. 2016. Вып. IV. С. 157–175.

3. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках художника Д.М. Струкова в губерниях: Московской, Владимирской, Смоленской, Ярославской, Тульской, Калужской и Кубанской // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. 87 л.

4. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 110 с.

5. Караулов Г. Э. Древнее Сюйреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь на 1871 г. Одесса: Тип. П. Францова, 1870. С. 3–24.

6. Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1837. 411 с.

7. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 5–132.

8. Могаричев Ю. М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 344 с.

9. Могаричев Ю. М., Ергина А. С. Монументальная живопись средневековой Таврики (пещерные церкви). Симферополь: Антиква, 2024. 276 с.

10. Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 10. Д. 1. 387 л.

11. Струков Д. М. Древние христианские памятники Тавриды. 1886 // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Р-I. Шифр № 339. 109 л.

12. Струков Д. М. О древнехристианских памятниках в Крыму. М.: Печ. С.П. Яковлева, 1872. 14 с.

13. Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде. М.: Унив. тип., 1876. 51 с.

14. Струков Д. М. О доисторических памятниках Тавриды. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1879. 20 с.

15. Царевская Т. Ю. Роспись ц. Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси 2-й пол. XIV в. М.: Сев. паломник, 2007. 612 с.

REFERENCES

1. Veymarn E.V., Repnikov N.I. Syuyrenskoe ukreplenie [Siuren' Fortress]. *Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury* [Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture], 1935, iss. 117, pp. 115-125.

2. Gertsen A.G., Mogarichev Yu.M. K istorii izucheniya peshchernykh tserkvey Mangupa: ob identifikatsii «tserkvi Strukova» [On the History of Research of the Cave Churches of Mangup: An Identification of the "Strukov's Church"]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], 2016, iss. IV, pp. 157-175.

3. Delo Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii o raskopkakh khudozhnika D. M. Strukova v guberniyakh: Moskovskoy, Vladimirskoy, Smolenskoy, Yaroslavskoy, Tulskoy, Kaluzhskoy i Kubanskoy [The Case of the Imperial Archaeological Commission on the Excavations of the Artist D.M. Strukov in the Provinces of Moscow, Vladimir, Smolensk, Yaroslavl, Tula, Kaluga and Kuban]. *Nauchniy arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Scientific Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 1, inv. 1, d. 87. 87 l.

4. Dombrovskiy O.I. *Freski srednevekovogo Kryma* [The Frescoes of Medieval Crimea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966. 110 p.

5. Karaulov G.E. Drevnee Syuyrenskoe ukreplenie i bashnya na Belbeke [The Ancient Siuren' Fortress and Tower on the Belbek River]. *Novorossiyskiy kalendar na 1871 g.* [Novorossiysk Calendar for 1871]. Odessa, Tip. P. Franzova, 1870, pp. 3-24.

6. Keppen P.I. *O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On Antiquities of Southern Coast of Crimea and Taurica Mountains. Crimea Compilation]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1837. 411 p.

7. Mogarichev Yu.M. Peshchernye sooruzheniya srednevekovykh gorodishch Yugo-Zapadnogo Kryma (voprosy klassifikatsii, khronologii, interpretatsii) [The Cave Constructions of Medieval Hillforts of South-West Crimea: Problems of Classification, Chronology and Interpretation]. *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu* [Problems of the "Cave Town" History in Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., 1992, pp. 5-132.

8. Mogarichev Yu.M. *«Peshchernye goroda» Gornoy Yugo-Zapadnoy Tavriki v opisanii A.S. Uvarova* ["Cave Cities" of the Mountain South-Western Taurica in the Description of A.S. Uvarova]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2019. 344 p.

9. Mogarichev Yu.M., Ergina A.S. *Monumentalnaya zhivopis srednevekovoy Tavriki (peshchernye tserkvi)* [Monumental Painting of

Medieval Taurica (Cave Churches)]. Simferopol, Antikva Publ., 2024. 276 p.

10. Repnikov N.I. Materialy k arkheologicheskoy karte Yugo-Zapadnogo nagorya Kryma [The Matters on Archeological map of Southwest Plateau of Crimea]. *Nauchniy arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Scientific Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 10, d. 10. 387 l.

11. Strukov D.M. Drevnie khristianskie pamyatniki Tavridy. 1886 [Ancient Monuments of Christianity in Taurida. 1886]. *Nauchniy arkhiv Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Scientific Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], r-I, code no. 339. 109 l.

12. Strukov D.M. *O drevne-khristianskikh pamyatnikakh v Krymu* [About Ancient Christian Monuments in Crimea]. Moscow, Pech. S.P. Yakovleva, 1872. 14 p.

13. Strukov D.M. *Drevnie pamyatniki khristianstva v Tavride* [Ancient Monuments of Christianity in Taurida]. Moscow, Univer. tip., 1876. 51 p.

14. Strukov D.M. *O doistoricheskikh pamyatnikakh Tavridy* [About Prehistoric Monuments of Taurida]. Moscow, Tip. M.N. Lavrova i K°, 1879. 20 p.

15. Tsarevskaya T.Yu. *Rospis ts. Feodora Stratilata na Ruchyu v Novgorode i yeye mesto v iskusstve Vizantii i Rusi 2-y pol. XIV v.* [The Painting of the Church of Theodore Stratelates on the Stream in Novgorod and Its Place in the Art of Byzantium and Rus' in the Second Half of the 14th Century]. Moscow, Sev. Palomnik Publ., 2007. 612 p.

Information About the Authors

Yuri M. Mogarichev, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Area, Sevastopol State University, Prosp. Yuriya Gagarina, 13, 299028 Sevastopol, Russian Federation; Head of the Department of Humanity and Social Science, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Lenina St, 15, 295000 Simferopol, Russian Federation, mogara@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6057-2316

Alena S. Ergina, Candidate of Sciences (Art History), Head of the Department of Training Highly Qualified Personnel, Associate Professor, Department of Painting, Saint Petersburg State Art and Industrial Academy named after A.L. Stieglitz, Solyanoy Lane, 13, 191028 Saint Petersburg, Russian Federation, yergina.alyona@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7988-0415

Информация об авторах

Юрий Миронович Могаричев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, просп. Юрия Гагарина, 13, 299028 г. Севастополь, Российская Федерация; заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, ул. Ленина, 15, 295051 г. Симферополь, Российская Федерация, mogara@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6057-2316

Алена Сергеевна Ергина, кандидат искусствоведения, начальник отдела подготовки кадров высшей квалификации, доцент кафедры живописи, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Соляной пер., 13, 191028 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, yergina.alyona@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7988-0415

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.8

UDC 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4+281.911+282
LBC 63.3(0)4

Submitted: 10.05.2025
Accepted: 10.10.2025

POPE LEO THE GREAT AND THE ECCLESIASTICAL JURISDICTION OF ROME OVER EASTERN ILLYRICUM ACCORDING TO THE *COLLECTIO THESSALONICENSIS*

Mikhail V. Gratsianskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The *Collectio Thessalonicensis* is a collection of documents compiled in the 9th century, which contains four letters of Pope Leo the Great (440–461) to Anastasius of Thessalonica and the episcopate of Eastern Illyricum. The correspondence took place in the 40s of the 5th century and reveals the policy of the Roman See in relation to this region. The aim of this article is to reconstruct the policy of Pope Leo the Great in relation to the Churches of Illyricum, aimed at consolidating over them the ecclesiastical authority of the See of Thessalonica and the supreme ecclesiastical jurisdiction of the Roman See. *Methods*. The work is based on the application of the historical-critical method of processing the text data of the sources used in the original Latin. *Analysis.* The article analyses in detail the content of three letters of Pope Leo – XXIII–XXV, according to the modern critical edition. The fourth letter, XXVI, has survived only partially and does not contain any significant information on the topic of interest to us. The studied letters are consistently analysed in order to identify the peculiarities of Pope Leo's relations, on the one hand, with the primate of Thessalonica, Anastasius, and on the other hand, with the metropolitans and bishops of the provinces of Eastern Illyricum. In order to illustrate observations and conclusions, the article provides extensive translations and commentaries on excerpts from the studied letters, and an assessment of other available translations is given. *Results.* The letters of Pope Leo the Great studied in this work represent an important and, in fact, the final stage in the formation of the jurisdiction of the Roman See in Eastern Illyricum. The studied letters clearly demonstrate that the Metropolitan of Thessalonica had the power of a regional primate, personally delegated to him by the Pope, which is contrary to the general church practice of that time. Leo's letters reflect the final stage of the transformation of the conciliar court in Eastern Illyricum into an ecclesiastical tribunal limited in the number of its members and headed by the Metropolitan of Thessalonica. The Papal See is designated in them for the first time as the highest appellate instance for Eastern Illyricum in matters of the episcopate. The provincial council now appears to be only the first instance for considering the case of the provincial episcopate: the second appears to be the Primate of Thessalonica, and the third is the Roman See. *Funding.* The research is carried out within the project "Black Sea Region and the Mediterranean World during Periods of Crisis and Changes in the Middle Ages", funded by the Russian Science Foundation (no. 22-18-00167-П).

Key words: Late Antiquity, *Collectio Thessalonicensis*, Eastern Illyricum, Thessalonica, Roman See, Pope Leo the Great, Anastasius of Thessalonica, ecclesiastical court, ecclesiastical jurisdiction.

Citation. Gratsianskiy M.V. Pope Leo the Great and the Ecclesiastical Jurisdiction of Rome over Eastern Illyricum According to the *Collectio Thessalonicensis*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 110-123. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.8

© Грацианский М.В., 2025

УДК 94(495).01+262.5+262.12+262.13+281.1+281.4+281.911+282
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 10.05.2025
Дата принятия статьи: 10.10.2025

ПАПА ЛЕВ ВЕЛИКИЙ И ЦЕРКОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ РИМА НАД ВОСТОЧНЫМ ИЛЛИРИКОМ ПО ДАННЫМ «ФЕССАЛОНИКСКОГО СОБРАНИЯ»

Михаил Вячеславович Грацианский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* «Фессалоникское собрание» – составленная в IX в. подборка документов, в которой содержатся четыре послания папы Льва Великого (440–461) к Анастасию Фессалоникскому и епископату Восточного Иллирика. Переписка имела место в 40-е гг. V в. и раскрывает политику римской кафедры в отношении этого региона. Целью данной статьи является реконструкция политики папы Льва Великого в отношении иллирийских Церквей, направленная на закрепление над ними церковной власти престола Фессалоники и высшей церковной юрисдикции римского престола. *Методы.* Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источников, используемых в оригинале на латинском языке. *Анализ*. В статье подробно анализируется содержание трех писем папы Льва – XXIII–XXV, согласно современному критическому изданию. Четвертое письмо, XXVI, сохранилось лишь частично и не содержит сколько-нибудь существенной информации по интересующей нас теме. Изучаемые письма последовательно анализируются с целью выявления особенностей отношений папы Льва, с одной стороны, с предстоятелем Фессалоники Анастасием, а с другой – с митрополитами и епископами провинций Восточного Иллирика. В статье для наглядности наблюдений и выводов даются пространные переводы и комментарии к отрывкам изучаемых писем, а также оценка других имеющихся переводов. *Результаты*. Изученные в данной работе письма папы Льва Великого представляют собой важный и фактически завершающий этап становления в Восточном Иллирике юрисдикции римской кафедры. Изученные письма наглядно демонстрируют, что фессалоникский митрополит имел власть регионального примаса, лично делегированную ему папой, что идет вразрез с общецерковной практикой того времени. Послания Льва отражают завершающий этап преобразования соборного суда в Восточном Иллирике в ограниченный по составу церковный трибунал во главе с фессалоникским митрополитом. Папский престол в них впервые обозначается как высшая апелляционная инстанция для Восточного Иллирика по делам епископата. Провинциальный Собор оказывается теперь лишь первой инстанцией по рассмотрению дела провинциального епископата: второй оказывается фессалоникский примас, третьей же – римский престол. *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках научного проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья», поддержанного Российским научным фондом (№ 22-18-00167-П).

Ключевые слова: поздняя Античность, «Фессалоникское собрание», Восточный Иллирик, Фессалоника, римская кафедра, папа Лев Великий, Анастасий Фессалоникский, церковный суд, церковная юрисдикция.

Цитирование. Грацианский М. В. Папа Лев Великий и церковная юрисдикция Рима над Восточным Иллириком по данным «Фессалоникского собрания» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 110–123. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.8

Введение. В составе коллекции папских писем, известной как «Фессалоникское собрание» [23, S. 766–767; 17, S. 771–887; 29; 30; 21, p. 40–41; 18, p. 81–83, 106 *et passim*; 12, p. 41–206; 3], сохранился целый ряд посланий римского папы Льва Великого (440–461): это послания с XVII по XXVI, согласно принятому в современном издании счету [16, p. 46–63]. При этом послания с XVII по XXII совершенно не затрагивают проблему Иллирика. Их включение в состав коллекции было вызвано, очевидно, другим мотивом: в этих письмах идет речь о возвышении константинопольской кафедры на Вселенском соборе в Халкидоне в 451 году. Они наглядно свидетельствуют о противодействии папы Льва этому возвышению и его неприятии соборного решения о предоставлении столичному престолу равной чести с римским престолом и второго места после него. Эта мера хорошо согласуется с общим замыслом составления «Фессалоникского собрания» в IX в.: с одной стороны,

потребностью доказать наличие власти римской кафедры в Иллирике V в., а с другой – продемонстрировать отсутствие каких-либо прав на этот регион у константинопольской по причине отсутствия у нее соответствующий «чести» и вытекающих из последней прерогатив. Данная мотивация, безусловно, характеризует «Фессалоникское собрание» как полемический документ эпохи противостояния между Римом и Константинополем по поводу влияния в новокрещенной Болгарии.

Таким образом, вопросу политики Льва в отношении Церквей Иллирика оказываются посвящены письма с XXIII по XXVI, которые и станут предметом анализа в настоящей статье [1]. Следует отметить при этом, что, пожалуй, важнейшее и наиболее информативное послание Льва Великого Quanta fraternitati, адресованное Анастасию Фессалоникскому, сохранилось вне «Фессалоникского собрания» и было проанализировано нами в рамках особой статьи [7]. Это послание является последним в череде переписки Льва с епископатом Восточного Иллирика, в силу чего анализ предшествующих этапов политики понтифика в отношении этого региона представляется не менее актуальным. Как следствие, целью данной статьи является реконструкция политики папы Льва Великого в отношении иллирийских Церквей, направленная на закрепление над ними верховной юрисдикции римского престола.

Методы. Работа основана на применении историко-критического метода обработки данных текста источников, используемых в оригинале на латинском языке.

Послание Coll.Thess. XXIII *Omnium quidem*

Анализ. Возврат к теме Иллирика в письмах Льва Великого, содержащихся в «Фессалоникском собрании», мы видим вновь, начиная с XXIII послания коллекции – письма, направленного понтификом Анастасию Фессалоникскому 12 января 444 года [2].

Послание Льва к Анастасию Фессалоникскому в целом не представляет каких-либо новых распоряжений в отношении Церквей Иллирика в сравнении с посланиями предшествующих понтификов, представленных в «Фессалоникском собрании»[3], однако содержит некоторые важные дополнительные нюансы. Также оно является ярким свидетельством самосознания папства в период локального пика его общецерковного влияния в понтификат Льва Великого. Именно это заявляется понтификом в начале послания после того, как Лев, следуя эпистолографическому этикету, заявляет, насколько важным и приятным для него делом является чтение писем коллег-священников: «Но еще бóльшее чувство для нас заключается в том, в чем мы, поставленные в известность о положении Церквей, с учетом нашей должности побуждаемся к бдительности в осуществлении попечения, чтобы, как было угодно Богу, будучи поставлены на вышке [4], как в виде нашего голоса подавать собственное согласие текущим делам, так и исправлять применением средств сдерживания то, что из-за некоего похищения, как мы усматриваем, претерпело лишение...» (Sed maior nobis in his esse videtur affectio, in quibus de statu ecclesiarum certiores effecti, ad exercendae sollicitudinis vigilantiam officii nostri consideratione conpellimur, ut in speculis quemadmodum Dominus voluit constituti et pro voto nostro currentibus rebus nostrum commodemus adsensum, et ea quae depravari aliqua usurpatione perspicimus, adhibitae cohercitionis remediis corrigamus... [16, XXIII, p. 53.7–54.14]) [5].

Далее Лев приводит фразу, дающую важные сведения о порядке взаимоотношений между епископами Рима и Фессалоники: «Таким образом, после того, как прошение твоей любви известило нас..., чтобы и тебе так же, как твоим предшественникам, в Иллирике наряду с нашим заместительством ради соблюдения правил нами был предоставлен авторитет, [мы], предоставляя согласие, принуждаем нашим побуждением, чтобы не происходило никакого нарушения и никакого небрежения в отношении управления Церквами, расположенными в Иллирике, которые мы поручаем твоей любви вместо нас, следуя примеру святой памяти Сириция, который святой памяти Анисию, твоему предпредшественнику, имевшему тогда заслуги перед апостольским престолом, и подтвердившему [их] последующими делами, тогда впервые с определенным смыслом поручил, чтобы тот приходил на помощь Церквам, расположенным в той провинции, дабы они, как он хотел, придерживались дисциплины» (Postquam

itaque nobis petitio tuae dilectionis innotuit..., ut tibi quoque a nobis, sicut decessoribus tuis, per Illyricum cum nostra vice propter custodiam regularum auctoritas praestaretur, praebentes assensum, nostra adhortatione conpellimus, ut nulla dissimulatio, neglegentia nulla proveniat circa ecclesiarum regimen per Illyricum positarum, quas dilectioni tuae vice nostra committimus, beatae recordationis Siricii exemplum secuti, qui sanctae memoriae Anysio, praedecessori tuo, bene de apostolica sede tunc merito, et rebus post sequentibus approbato, certa tum primum ratione commisit, ut per illam provinciam positis, quas ad disciplinam teneri voluit, ecclesiis subveniret [16, XXIII, p. 54.16–28]) [6].

Важным в этом письме является упоминание «прошения» Анастасия Фессалоникского о предоставлении полномочий, из чего делается однозначный вывод о том, что полномочия фессалоникского предстоятеля в отношении Иллирика не мыслились как имманентно принадлежащие кафедре столицы префектуры, а рассматривались как личное пожалование со стороны папы лично фессалоникскому предстоятелю [7]. Этот вывод вполне согласуется с тем наблюдением, что во всех предыдущих письмах римских пап в адрес иллирийских епископов никогда не шла речь о правах фессалоникской кафедры, но всегда указывались конкретно Руф или Анастасий как носители прерогатив первенствующего епископа Иллирика [8]. При этом напрашивается и другое любопытное наблюдение: возобновление «примациальных» прерогатив фессалоникского епископа происходило каждый раз при смене понтификата, будь то в Риме или в Фессалонике. После смерти в 434 г. Руфа Фессалоникского папа Ксист (Сикст) III (432–440) уже в 435 г. возобновляет полномочия для его преемника Анастасия, что отражено в письмах к Перигену Коринфскому и членам предстоящего в Фессалонике Собора (первое послание не датировано, второе написано 6 июля 435 г.) [16, XIV, p. 41–43]. Папа Лев вступил на кафедру в сентябре 440 г., после чего, как это явствует из послания Анастасия Фессалоникского, в какое-то неопределенное время последний направляет «прошение» о повторном предоставлении ему полномочий. Ответ Льва заметно задерживается, и проходит почти три с половиной года, прежде чем Анастасий получает свое утверждение [9]. Упоминание Львом прошения со стороны Анастасия указывает на то, что инициатива в получении подтверждения своих прав к этому времени уже, по-видимому, исходила от фессалоникских предстоятелей. Можно предполагать задержку со стороны папы, в то время как Анастасий свой запрос мог послать своевременно: скорее всего, сразу после получения общительного послания и синодики о поставлении Льва. С другой стороны, и Анастасий, получивший до этого утверждение со стороны Ксиста, мог не торопиться с возобновлением своих прерогатив, однако к подаче прошения его могла побудить необходимость обратиться к новому римскому понтифику с каким-либо делом [10].

Существенным представляется также и свидетельство Льва о том, что традиция взаимных отношений Рима и Фессалоники восходит ко временам Сирициия и Анисия. При этом показательно, что Лев не пытается утверждать, что Анисий получил ровно те же полномочия, что впоследствии Руф и Анастасий, и прибегает в данном случае к достаточно обтекаемым фразам. Это вполне наглядно подтверждает свидетельство «Фессалоникского собрания» о содержании отношений Анисия и Сирициия, представленных в письме под номером III [16, III, p. 19], и говорит в пользу того, что в настоящем формате отношения Рима и Фессалоники восходят только ко времени Руфа и Иннокентия, когда последний впервые, с неясным основанием, наделяет фессалоникского митрополита личными прерогативами в отношении Иллирика [5].

Личный и условный характер предоставления привилегий Лев подчеркивает тем, что говорит о достойном и правильном осуществлении предшественником Анастасия своих полномочий, и добавляет: «Ведь пожалованная вещь как способствует чести того, кто хорошо действует и то, что соответствует священническому авторитету, вполне добросовестно исполняет, так и оказывается в тягость тому, кто не пользуется врученной ему властью с той распорядительностью, с какой должен» (Ut enim bene agenti, et quae sacerdotali auctoritati conveniunt sollertius exequenti, ad honorem proficit res tributa, ita huic oneri esse cognoscitur, qui commissa sibi potestate qua debet moderatione non utitur [16,

XXIII, p. 54.33–36]) [11]. Получается, что Лев вполне предусматривает возможность отнятия врученных полномочий в том случае, если бенефициар станет ими злоупотреблять: такой подход был бы совершенно невозможен, если бы привилегии были связаны с престолом, в каковом случае объем привилегий совершенно не был привязан к личности конкретного держателя.

Далее Лев дает Анастасию пространные указания по поводу соблюдения элементарных канонов, касающихся личности, статуса и морального облика тех, кто выступает кандидатом во епископство и в клир. Особенно настойчивыми оказываются предписания на счет брака духовенства [16, XXIII, p. 55.40–61]. Завершается этот блок наставлений повторением прерогативы фессалоникского епископа одобрять всякого кандидата во епископы [16, XXIII, p. 55.61–63].

Как уже было указано выше, повышенное внимание в этом письме уделяется митрополитам, которым даже адресовано следующее письмо Льва. В настоящем послании впервые обозначаются санкции за поставление восточно-иллирийского митрополита без ведома фессалоникского предстоятеля: в том случае, если вопреки папскому наставлению митрополит будет поставлен без ведома (praeter notitiam) Анастасия, он «не познáет никакого утверждения своего статуса у нас» (nullam sibi apud nos status sui esse noverit firmitatem) [16, XXIII, p. 55.63–56.67]. Данное замечание вводит новый и чрезвычайно любопытный мотив: выясняется, что Лев претендует на утверждения митрополичьих поставлений в Иллирике [12]. Это вызывает дальнейшие вопросы: идет ли речь об обычной практике, согласно которой все иллирийские митрополиты, поставленные фессалоникским, должны были затем утверждаться римским епископом, или Лев предусматривает возможность вмешательства в случае, если провинциальный митрополит выкажет пренебрежение фигурой фессалоникского «примаса»? В любом случае мы имеем дело с симптоматичной и весьма масштабной претензией: как известно, утверждение митрополитов в Восточной Римской империи было прерогативой императора.

Это предписание венчается следующим пунктом: «Каждому в отдельности митрополиту так вручается эта власть, чтобы он в своих провинциях имел право рукоположения, [а] митрополиты, как мы желаем, чтобы таким [же образом] поставлялись тобой, однако на основе зрелого и основательного суждения. Ведь хотя всех одобренных и угодных Богу предстоятелей подобает посвящать, однако мы желаем, чтобы выдающееся положение имели те, кто, как мы будем знать, будут предстоять сосвященникам, которые к ним относятся» (Singulis autem metropolitanis sicut potestas ista committitur, ut in suis provinciis ius habeant ordinandi, ita eos metropolitanos a te volumus ordinari, maturo tamen et decocto iudicio. Quamvis enim omnes antistites probatos et Deo placitos deceat consecrari, hos tamen praecellere volumus, quos praefuturos his qui ad se pertinent consacerdotibus noverimus [16, XXIII, p. 56.67–73]) [13]. Особое положение митрополитов явно является той причиной, которая заставляет Льва претендовать на утверждение их поставлений.

Далее следует напоминание епископам неукоснительно являться на Соборы, причем указывается на желательность большого представительства епископата (collatio frequentior) на этих мероприятиях, после чего дается предписание о соборном рассмотрении дел, в котором встречается важный, не представленный в более ранних папских письмах в Иллирик нюанс: «Если возникнет какое-нибудь бóльшее дело, которому твое братство, там председательствующее, не сможет дать определение, отправленное тобою донесение да запросит нас, чтобы мы по откровению Бога, – благодаря милосердию Которого, как мы исповедуем, мы – те, кто мы есть, – отписали то, на что Он Сам нас вдохновит, дабы отстоять... для нашего судопроизводства согласно преданию старого учреждения и почтению к апостольскому престолу для нашего расследования [14]. Ведь как мы хотим, чтобы ты исполнял свой авторитет вместо нас, так же и за нами сохраняем то, что там уладить не получится, или [если] кто-то заявит апелляцию» (Si qua vero causa maior evenerit, quae a tua fraternitate illic praesidente non potuerit definiri, relatio tua missa nos consulat, ut revelante Domino, cuius misericordia profitemur esse quod sumus, quod ipse nobis aspiraverit, rescribamus, ut cognitioni nostrae pro traditione veteris instituti et apostoli-

cae sedis reverentia nostro examini... vindicemus. Ut enim auctoritatem tuam vice nostra exercere te volumus, ita nobis quae illic componi non potuerint, vel qui vocem appellationis emiserit reservamus [16, XXIII, p. 56.67–73]) [15].

Если первая часть пассажа вполне стандартна и только лишь несколько более подробно описывает возможную ситуацию возникновения «бóльшего дела», то заключительная часть заслуживает особого внимания: Рим сохраняет за собой право обжалования приговоров фессалоникского предстоятеля и его Собора на основании апелляций, подаваемых из Восточного Иллирика, причем из контекста ясно, что речь идет не о тех делах, которые оказываются превышающими компетенцию Фессалоникского Собора, но именно о тех, по которым последний вынес решение, оставившее одну из сторон недовольной. В сущности, эта фраза весьма наглядно иллюстрирует, что перспективы окончательного разрешения серьезного дела внутри Иллирика тем самым сводились на нет, а структура подсудности оказывалась чрезвычайно осложненной [7, с. 25–31].

Этот фрагмент завершается требованием довести все вышесказанное до сведения митрополитов, а также сообщением о том, что папа направил последним особое послание, «чтобы они знали, что апостольским приговорам следует подчиняться и повиноваться нам тогда, когда они в силу нашего делегирования станут подчиняться твоему братству в соответствии с тем, что мы написали» (...ut noverint apostolicis oboediendum esse sententiis, et tunc se nobis parere, cum fraternitati tuae ex nostra delegatione coeperint secundum ea quae scripsimus oboedire [16, XXIII, p. 57.96–99]).

Указанный пассаж примечателен тем, что впервые во всей корреспонденции по делам Иллирика римский папа открыто употребляет термин, описывающий принцип передачи власти, которой он наделяет фессалоникского предстоятеля, – delegatio. Употребление данного термина, в частности, демонстрирует, что Лев Великий мыслил в категориях римского права и совершенно не гнушался использования светской потестарной терминологии в делах церковного управления. Delegatio – в римском праве и административной практике принцип передачи властных полномочий от лица, имеющего maius imperium, к нижестоящему, обладающему minus imperium, причем это не в последнюю очередь касалось именно судебных полномочий при рассмотрении первичных исков и апелляций [25, S. 97–100; 19; 20, S. 188–189, 439–443, 529–532]. Фактически это подтверждает уже на терминологическом уровне сделанное нами при изучении письма папы Иннокентия к Руфу наблюдение, согласно которому римский епископ полагал, что у него имеется понимаемая в совершенно светском духе полнота юрисдикции, которую он считал возможным делегировать на «более низкие» уровни [5, с. 22–23].

Завершает Лев свое послание указанием на необходимость привести в соответствие с римской практикой обычай Церквей в Иллирике рукополагать по воскресеньям только епископов, каковое требование также является весьма наглядной иллюстрацией того, что фактически Лев выказывал претензию на всесторонний диктат в делах иллирийских Церквей [16, XXIII, p. 57.99–109].

Письмо Coll.Thess. XXIV *Omnis admonitio*

Следующее сохранившееся в «Фессалоникском собрании» окружное послание Льва Великого адресовано уже всем митрополитам Иллирика [10, с. 121–123]: специфика адресата, как было уже сказано, делает это письмо единственным в своем роде. В сущности, в силу особенностей местной церковной организации, подобное послание можно было бы ожидать в пределах юрисдикции Антиохийской Церкви [16]. Имеется целый ряд посланий императоров к митрополитам восточной части Империи с повелением прибыть на Вселенский собор, однако правоустанавливающих, догматических или дисциплинарных посланий в адрес какого-либо круга митрополитов сохранившиеся церковно-исторические источники, по нашим наблюдениям, не содержат. Тем самым, послание Льва, к рассмотрению которого мы приступаем, является уникальным документом, поскольку оно как раз содержит целый ряд правоустанавливающих и дисциплинарных положений.

С учетом того, что предыдущее послание представляло собой, как мы показали, возобновление папой личных властных прерогатив фессалоникского предстоятеля, напрашивается

вопрос, не является ли и послание митрополитам таким же стандартным окружным посланием, сопровождающим и доводящим до сведения первенствующих епископов Иллирика возобновление личных прерогатив их «примаса». Наиболее близким по смыслу и содержанию посланием будет письмо XII «Фессалоникского собрания» папы Ксиста к Собору, которому предстояло собраться в Фессалонике [16, XII, p. 37–38], однако из его содержания не следует, что оно было адресовано специально к митрополитам, даже несмотря на то, что тема прав иллирийских митрополитов в нем специально поднималась [16, XII, p. 38.18–27]. Именно письмо Льва, таким образом, впервые фиксирует особый интерес к политике в отношении провинциальных предстоятелей Иллирика. Это выглядит вполне естественным, ибо введение в регионе сверхпровинциальной церковной власти затрагивало именно прерогативы предстоятелей провинциального уровня, бывших, согласно канонам, апелляционной судебной инстанцией для городского клира и единственной – для епископата.

Уже в начале письма, после первых обусловленных этикетом назидательных высказываний, Лев переходит к характеристике положения «апостольского престола» по отношению к иллирийским митрополитам: «Итак, да будет для вашей любви, о дражайшие братья, приятным и радостным [17] наставление, которое, как вы знаете, при сохранении благодати любви исходит от авторитета апостольского престола [18]. И да не поверите вы, что у вас хоть сколько-то умалятся [19] права, если увидите, какие принимаются меры в отношении как настоящих, так и нынешних дел, чтобы не открылся доступ незаконным присвоениям [20]. Ведь более предусмотрительно противостоять похищениям, прежде чем на них покусятся, нежели воздавать за то, что было похищено [21]. И поскольку на все Церкви простирается наша забота в силу того, что этого от нас требует Господь, Который вручил первенство апостольского чина блаженнейшему апостолу Петру в качестве вознаграждения за его веру [22], на твердыне его основания ставя Вселенскую Церковь, то необходимость попечения, которое мы имеем, мы соединяем с теми, кто связан с нами любовью коллегии [23]» (Sit itaque dilectioni vestrae, fratres karissimi, dulcis et iucunda praeceptio, quam de sedis apostolicae auctoritate, servata caritatis gratia, manare noscatis, nec vobis aliquid iuris credatis imminui, si tam praesentibus quam futuris rebus videatis, ne illicitis praesumptionibus reseretur aditus, praecaveri. Cautius enim <est> usurpationibus antequam temptentur obsistere, quam quae usurpata fuerint vindicare. Et quia per omnes ecclesias cura nostra distenditur, exigente hoc a nobis Domino, qui apostolicae dignitatis beatissimo apostolo Petro primatum, fidei suae remuneratione, commisit, universalem Ecclesiam in fundamenti ipsius soliditate constituens, necessitatem sollicitudinis quam habemus, cum his qui nobis collegii caritate iuncti sunt, sociamus [16, XXIV, p. 57.10–58.22]).

Итак, папа Лев не скрывает, что вводимые им меры приводят на самом деле к уменьшению прав местных митрополитов, однако пытается их уверить, что это делается для их же блага с целью пресечения неких неназванных «похищений». Главное же, что делает этот пассаж безусловно эпохальным в истории папства, это первое в папских документах прямое приложение к апостолу Петру термина «первенства» в контексте иллюстрации особых полномочий «апостольского престола». Здесь следует оговориться, что в контексте папских посланий до этого времени мы только один раз имеем дело с приложением к римскому престолу понятия «первенство» (в варианте principatus), однако в контексте писем папы Бонифация из «Фессалоникского собрания», имеющих явные признаки интерполяций [16, X, p. 36.38].

Именно первенство Петра в чине апостолов является основой Вселенской Церкви и того, что на нее всю распространяется «забота» римского престола: таким образом, эта фраза оказывается ключевым звеном в логической цепи, обосновывавшей то, что уже вскоре на Халкидонском соборе сама Римская Церковь будет объявлена «Вселенской Церковью города Рима», а вставка в 6-й никейский канон «Римская Церковь всегда имела первенство (primatum)» получит петринологическое основание [2]. Следует зафиксировать, что окончательное нумерическое оформление первенствующего положения римской кафедры происходит именно в понтификат папы Льва, когда для «вселенского»

церковно-политического положения Рима начинает применяться нумерическое измерение, а Рим прилагает к своей титулатуре эпитет «вселенский» [1].

В сущности, тем самым базовые основы папской идеологии оказываются окончательно проговоренными и, как следствие, именно на этом завершающем этапе конструирования властной идеологии папа Лев переходит к практическому применению идейных постулатов с целью их конвертации во властные прерогативы на «тестовой» территории Восточного Иллирика – «тестовой» в силу того, что по свидетельству самого папы Льва, приведенному в процитированном выше фрагменте, его аппетиты однозначно простирались на все Церкви. То есть он фиксирует, что модель, аналогичную той, что внедрялась в Иллирике, он был готов распространить на всю «Вселенскую Церковь».

Далее Лев сообщает митрополитам, что поручил Анастасию замещать его (vicem nostram), следуя примеру своих предшественников, и призывает его слушаться. Однако сразу после этого Лев четко демонстрирует митрополитам, «кто в доме хозяин»: «Ведь не столько ему будет выказываться подчинение, сколько нам, которые, как известно, вручили ему это вместо нашего попечения в этих провинциях» (Non enim tam illi obtemperabitur quam nobis, qui hoc illi pro nostra sollicitudine per illas provincias cognoscimur commisisse [16, XXIV, p. 58.27–29]).

Тем самым очевидно, что возвышение фессалоникского первенствующего было для Льва способом опосредованного подчинения иллирийского епископата [24]. Здесь можно задать вопрос, ставили ли перед собой такую же цель предшествующие папы и ставилась ли она изначально. В папских посланиях в Иллирик прослеживается определенное развитие и этапность в конструировании роли и детализации функций общеиллирийского «примаса»: то, что при папе Иннокентии выглядит как попытка поддержать церковно-политическое значение в регионе нового гражданско-административного центра, имеющего сверхпровинциальный статус, при Льве выглядит уже как попытка прямого подчинения региона папскому управлению через превращение фигуры «примаса» в декоративную посредством внедрения практики прямых апелляций на решения его Собора в Рим.

Дальнейший текст письма касается предписаний относительно брака духовенства, которые повторяют то, что Лев уже говорил в послании к Анастасию, затем он вновь напоминает о необходимости являться по вызову на Собор и подчеркивает полномочия своего заместителя в отношении суда, на котором он должен выступать как «предстоятель» (praesul). Он же составляет по необходимости донесение (relatio) папе. Митрополиты поставляют епископов своих провинций после консультаций с Анастасием, сам Анастасий поставляет митрополитов. Он также должен докладывать в Рим о «состоянии Церквей», подчиненных митрополитам (de statu ecclesiarum vestrarum). Апелляции или «более тяжелые дела» (causae graviores) следует «его донесением» (sub ipsius relatione) направлять папе, чтобы дело «согласно церковному обычаю получило завершение» (secundum ecclesiasticum morem... finiantur) у него [16, XXIV, p. 59.45–69; 10, с. 122–123].

Последнее указание как будто бы свидетельствует о том, что подача апелляции не рассматривается Львом как неограниченное и автоматическое право, коль скоро она должна сопровождаться «донесением» от самого судьи. Следует ли понимать здесь «relatio», которое должен был предоставить фессалоникский митрополит, как разрешение на подачу апелляции? По нашему мнению, такое понимание не является обязательным. Согласие судьи на подачу апелляции на его решение представляется юридическим нонсенсом. Впрочем, с другой стороны, подача апелляции на приговор Собора во главе с фессалоникским митрополитом производится лицом, находящимся по отношению к последнему в состоянии определенного подчинения. Тем самым теоретически разрешение на подачу апелляции могло и требоваться. Типологически схожий пример, по нашему мнению, представляет собой изученное нами дело Антонина Фуссальского [6]. По этому делу блаженный Августин сообщает, что Антонин допустил нарушение принятого канонического порядка: будучи недоволен приговором местного Собора, он вознамерился подать апелляцию в Рим. Для этого он должен был получить разрешение примаса Нумидии, однако, понимая, что тот не сочтет подачу апелляции обоснованной и

откажется выдать разрешение, обманом заявил примасу, что хочет поехать в Рим совсем по другому делу, после чего смог получить разрешение на поездку. В итоге римский епископ вмешался в это дело, что запустило процесс его повторного рассмотрения.

Пример Антонина Фуссальского вполне наглядно демонстрирует, что ради вмешательства в дела той или иной Церкви римский епископ вполне мог пренебречь установленными процедурами: отсутствие разрешения со стороны местного примаса в принципе не препятствует принятию дела римской кафедрой к рассмотрению. Тем самым апелляции со стороны Иллирика, вне зависимости от того, поддерживает их иллирийский «примас» или нет, вполне могли приниматься римской кафедрой в производство: иллюстрацией этого является апелляция, поданная в 531 г. папе низложенным митрополитом Лариссы – столицы провинции Фессалия и, как известно, не имевшая поддержки со стороны фессалоникского митрополита [4].

С другой стороны, если в канонах Африканских Церквей имеется правило, специально предусматривающее получение рекомендательных писем (epistulae formatae) «первенствующего» теми, кто намеревается ехать в Рим, то Лев в данном случае говорит, что отправка в Рим апелляции из Иллирика должна сопровождаться «донесением» (relatio) фессалоникского митрополита. «Донесение» или «доклад» – отнюдь не то же, что «рекомендательные письма». Принимая во внимание другие ситуации, в которых римские епископы требовали от своих контрагентов присылки «докладов» по поводу происходивших у них дел, если те, в конце концов, так или иначе затрагивали Рим, мы можем сделать вывод, что папа Лев в данном случае не пытался ограничить подачу апелляции епископами Иллирика: апелляция подавалась свободно, однако в таком случае фессалоникский митрополит должен был представить полный отчет об обстоятельствах дела и сути принятых решений.

Письмо Coll.Thess. XXV *Grato animo*

От января 446 г. сохранилось послание папы Льва, вновь адресованное иллирийским митрополитам, которые в этот раз названы поименно: это митрополиты Скодры, Диррахия и Лариссы в провинциях Превалитана, Новый Эпир и Фессалия [25]. В отличие от предыдущего послания к иллирийским митрополитам, оно демонстрирует подчеркнутый интерес именно к провинциальному уровню управления и представляет особую важность в плане дальнейшего выяснения видения римским епископом его прерогатив в Восточном Иллирике.

Открывает послание указание папы на получение писем своего корреспондента, направленных в ответ на предшествующее послание папы к митрополитам, основное содержание которого Лев затем кратко пересказывает, чтобы показать, что корреспондент с ним согласился. Подчеркнув, что предложенный им порядок церковного устройства направлен на достижение согласия среди епископов и прекращение разногласий, Лев далее указывает на необходимость совместного действия: «Братья, приглашенные для завершения наибольших дел, которые внутри своих провинций не могут быть окончены, если не удерживаются никакой тяжкой нуждой, да не откажутся от братского усердия в деле церковной пользы, тем более, что наше управление предусмотрело, чтобы не часто и не по легким делам объявлялась необходимость собраться вместе, и присутствия двух-трех епископов от каждой провинции да будет достаточно [26], дабы легким оказалось для немногих то, что было бы для многих тяжким; и так усердием любви будет произведено, что священническое рассмотрение благодаря откровению Духа постановит то, что может относиться к церковной дисциплине. Да будет знать твоя любовь, что мы, желая справедливым пресечением исправить неповиновение некоторых, определили, чтобы всякого, кто, не будучи удерживаем никакой нуждой тела либо причиной, в духе гордыни захочет слишком часто избегать братского собрания, ... [27] следует осудить» (Invitati fratres in causis maximis, et quae intra provincias suas finiri nequeant, terminandis, si nulla gravi necessitate retinentur, fraterno se studio pro Ecclesiae utilitate non denegent, maxime cum moderacio nostra providerit, ut non frequens, nec pro levibus causis conveniendi necessitas indicatur, et binos ternosve episcopos de singulis provinciis adesse sufficiat, ut leve fiat paucis, quod multis esset onerosum, atque ita efficiatur

studio caritatis, ut sacerdotalis tractatus ea quae ad disciplinam possunt ecclesiasticam pertinere sancto sibi Spiritu revelante constituat. Id enim nos, volentes quorundam inoboedienciam iusta coercitione corrigere, tua noverit dileccio definisse, ut quisquis superbo animo, cum nulla corporis vel causae fuerit necessitate detentus, fraternum saepius voluerit vitare conventum, ...est iudicandum) [16, XXV, p. 60.19–61.32]).

Прежде всего заметим, что впервые в письмах римских епископов, пусть и косвенно, упоминается возможность рассмотрения церковных дел на провинциальном уровне. Это не является доказательством того, что ранее римские епископы такую возможность отрицали: мы лишь отмечаем, что раньше они о ней не заговаривали. Это, впрочем, могло вызвать определенную тревогу среди митрополитов. В сущности, то, что в ответ на послание митрополитов папа об этом впервые заговаривает, может служить признаком того, что они рассматривали меры римского епископа как направленные на ограничение их прав. В силу этого Лев вынужден подчеркивать, что речь идет только о тех делах, которые нельзя решить на уровне провинции, называя эти дела «наибольшими» (maximae causae), при том, что ранее в его терминологии присутствовало только унаследованное от папы Иннокентия выражение «бóльшие дела» (maiores causae).

Необходимость подробно говорить о причинах и устройстве иллирийских Соборов также была явно вызвана тем, что митрополиты проявляли определенное недовольство этим институтом. Именно поэтому Лев оговаривает, что Соборы проводятся не часто и присутствие на них должно быть небольшим. При этом оказывается, что самим митрополитам на Соборах быть не обязательно, что, конечно же, представляется удивительным, поскольку наиболее естественными участниками подобных Соборов являются, безусловно, сами митрополиты. Кроме того, – и это важно подчеркнуть, – римский епископ прямо указывает, что этот механизм предусмотрен им самим («наше управление предусмотрело») и, по сути, сам римский епископ пытается решать, кто, когда и в каком количестве должен прибывать на восточно-иллирийские Соборы.

Далее Лев переходит к обличению митрополита провинции Ахея, который, согласно донесениям Анастасия Фессалоникского, часто совершал в своей провинции «незаконные и запрещенные постановлениями отцов и нашими указаниями поставления» (illicitas et constitutis patrum nostrisque auctoritatibus interdictas ordinaciones), а также поставил вопреки воле жителей епископа для города Феспии [28]. Этот эпизод Лев комментирует следующим образом: «...мы не дозволяем того, чтобы какому-либо вообще митрополиту было разрешено только по своему разумению, без согласия клира и народа поставлять кого-либо священником, но да поставит он во главе Церкви Божьей того, кого изберет согласие всего города» (...nulli prorsus metropolitano hoc licere permittimus, ut suo tantum arbitrio, sine cleri et plebis assensu, quemquam ordinet sacerdotem, sed eum Ecclesiae Dei praeficiat, quem totius civitatis consensus elegerit [16, XXV, p. 61.38–41]).

Именно в этом эпизоде наглядно проявляется проблематичность вводимых римскими епископами постановлений, явно ущемлявших прерогативы местных митрополитов. Очевидно, что под незаконными поставлениями Лев имеет в виду поставления в пределах Ахеи епископов без консультаций с фессалоникским «примасом», однако само требование согласовывать с последним кандидатур епископов было изначально неканоническим и незаконным, а с другой стороны – весьма сильно усложняло и удорожало процедуру выбора новых епископов, в силу того, что их кандидатура должна была почему-то согласовываться с митрополитом отдаленной для большинства иллирийцев провинции – Македонии. В то время как неотъемлемое каноническое право провинциальных митрополитов утверждать кандидатуры своих епископов и непосредственно затем проводить рукоположение было по необъясненным причинам попрано. Сам Лев ссылается при этом на «постановления отцов», но, как это практически всегда бывает в папских посланиях, не указывает, на какие конкретно [29].

Затем Лев в своем послании грозит карами за эти и подобные нарушения, выставляя себя самого в качестве того, кто определяет, что достойно похвалы, а что наказания [16, XXV, p. 61.41–47]. После чего он напоминает митрополитам правило, согласно которому

один епископ не может принять к себе клирика другой Церкви без разрешения ее архиерея, ссылаясь при этом на «авторитет канонов» (canonum auctoritas) [16, XXV, p. 61.47–54] [30]. В завершении письма, помимо общих фраз, Лев сообщает, что Анастасию Фессалоникскому он написал «полнее то, что следует соблюдать», о чем тот, в свою очередь, будет должен оповестить самих митрополитов [16, XXV, p. 62.55–65].

Результаты. Изученные в данной работе письма папы Льва Великого представляют собой важный и фактически завершающий этап становления в Восточном Иллирике юрисдикции римской кафедры. Наряду с посланием Льва Quanta fraternitati, не содержащимся в «Фессалоникском собрании», они дают характеристику региональной церковно-политической и церковно-административной системы: больше папских документов в адрес епископата Иллирика не сохранилось, а сама система фактически завершила свое существование с началом «Феликианской схизмы» в 484 году. Изученные письма наглядно демонстрируют, что фессалоникский митрополит имел власть регионального примаса, лично делегированную ему папой и не основанную на правах и положении его кафедры, что идет вразрез с общецерковной практикой, согласно которой права региональных первенствующих были проекцией традиционного статуса их кафедр, а последний – традиционного статуса городов. Помимо этого, послания отражают завершающий этап преобразования соборной системы и, в частности, соборного суда в Восточном Иллирике в ограниченный и собираемый по необходимости трибунал во главе с фессалоникским епископом. Папский престол в письмах Льва впервые недвусмысленно обозначается как высшая апелляционная инстанция для Восточного Иллирика: предусматривается процедура подачи апелляций в Рим на решения фессалоникского церковного трибунала по делам епископата. Лев выставляет себя поборником прав провинциальных митрополитов и их соборов, однако в отличие от предшествующей системы провинциальный Собор оказывается теперь лишь первой инстанцией по рассмотрению дела провинциального епископата; второй оказывается фессалоникский примас, третьей же – римский престол.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский перевод посланий, выполненный Д.А. Грунюшкиной и Г.Е. Захаровым, представлен в следующем издании: [11]. Для достижения целей настоящего исследования мы пользуемся собственным переводом пассажей послания, отмечая причины, по которым мы не склонны во всех частях использовать переводы Д.А. Грунюшкиной и Г.Е. Захарова. В целом отметим, что мы стремимся делать перевод, максимально близкий тексту оригинала.

[2] Кратко о его содержании см.: [10, с. 120–121; 13, S. 453].

[3] К примеру, Иннокентия и Бонифация. См. о них: [5; 8].

[4] Как образ, так и само выражение, представляются заимствованными из письма папы Целестина к епископам Вьеннской и Нарбоннской провинций. Помимо конкретного цитирования, Лев также воспроизводит общий смысл фразы Целестина. Ср.: Nec silere possumus, cum hoc, ut ab illicitis revocemus aliquos, officii nostri provocemur instinctu; in speculis a Deo constituti, ut vigilantiae nostrae diligentiam comprobantes, et quae coercenda sunt resecemus, et quae observanda sunt sanciamus [28, col. 430].

[5] Изложение данного пассажа Д.А. Грунюшкиной, по нашему мнению, представляет собой не перевод, а лишь приблизительный парафраз. Ср.: [11, с. 157].

[6] Перевод данного пассажа Д.А. Грунюшкиной представляется нам не совсем точным в ряде моментов. Ср.: [11, с. 158]. В частности, перевод «auctoritas» как «власть» мы считаем достаточно проблематичным без специальных оговорок, хотя и признаем, что вполне адекватного перевода этого специфического римского термина быть не может.

[7] Ш. Пьетри отмечает это еще применительно к Бонифацию и Руфу: [27, p. 1109, № 2].

[8] Тем самым мы не можем согласиться с мнением П.И. Лепорского, высказанным уже по поводу письма Иннокентия к Руфу от 412 г.: «Мало того, что она давала ему возможность, невзирая на личные заслуги Руфа, признать за ним те права, которыми владели его предшественники, но, – что всего главнее, – с провозглашением ее, указанные права представлялись уже не временною принадлежностью того или другого епископа, а постоянной прерогативой кафедры, каковою должны отныне пользоваться и все будущие епископы» [10, с. 65].

[9] Ср.: «В то же время и при последующих папах процедура подтверждения сохранилась. Свт. Лев не делал этого в течение трех лет, и Анастасию Фессалоникийскому пришлось напомнить папе о себе...» [9, с. 83].

[10] П.И. Лепорский утверждает, что Лев не забыл об иллирийском «викариатстве», однако сам ждал какого-нибудь связанного с Иллириком повода, чтобы обратиться к Анастасию и утвердить права последнего. См.: [10, с. 119, примеч. 2]. Это представляется менее вероятным, поскольку Лев указывает, что Анастасий именно «известил» его о принятом обычае подтверждения примациальных прав при смене понтификата. Размышления Лепорского об ослаблении в это время идеи «викариатства» у Анастасия Фессалоникского представляются нам необоснованными: [10, с. 118–119].

[11] Перевод данного пассажа Д.А. Грунюшкиной довольно небрежен в отношении терминологии. Ср.: [11, с. 158]. К примеру, слово auctoritas в данном случае оставлено без перевода. В ряде мест перевод заменен толкованием (к примеру, «res tributa» – «переданные ему полномочия»; вместо «врученная власть» («comissa potestas») – «делегированная власть»).

[12] Перевод Д.А. Грунюшкиной – «пусть знает, что мы не считаем его статус подтвержденным», – по нашему мнению, затемняет этот смысл, не давая понять, что папа претендовал на акт утверждения. См.: [11, с. 159].

[13] Перевод Д.А. Грунюшкиной в значительно мере представляет собой парафраз этого пассажа, для придания ясности которому автор вводит целый ряд отсутствующих в оригинале слов и терминов: к примеру, «кандидаты», «юрисдикция» и др. Ср.: [11, с. 159–160].

[14] Перевод Д.А. Грунюшкиной не учитывает, что фраза содержит лакуну и не является полной. Ср.: [11, с. 160].

[15] Перевод Д.А. Грунюшкиной в целом игнорирует наличие в отрывке важных административных и юридических понятий (causa maior, definire, relatio, cognitio, auctoritas). Ср.: [11, с. 160].

[16] Нам, впрочем, такие послания неизвестны.

[17] В переводе Г.Е. Захарова: «будет принято вашей любовью как приятное и благотворное». Слово «принято» в тексте отсутствует; у «iucundus» отсутствует значение «благотворный» (было бы «salubris»). Ср.: [11, с. 155]. Ср. перевод П.И. Лепорского: «...да будет вам сладко и приятно наставление, которое с любовию идет к вам от ап. престола» [10, с. 121–122]. Этот перевод не отличается особой точностью, однако правильно передает синтаксическую конструкцию фразы и использованные эпитеты.

[18] В переводе Г.Е. Захарова «пользующимся [соответствующим] правом и следующим закону любви». Из присутствующих в переводе слов только «любви» находит себе однозначное соответствие в оригинальном тексте («servata caritatis gratia»). Ср.: [11, с. 155].

[19] В переводе Г.Е. Захарова – «нарушены», но это не тот смысл, который вкладывает Лев. Ср.: [11, с. 155]. «Нарушение» прав и «уменьшение» прав – принципиально разные последствия.

[20] У Г.Е. Захарова довольно странный перевод: «избежать воплощения беззаконных устремлений». Ср.: [11, с. 155]. В латинском тексте находит себе соответствие только слово «беззаконных».

[21] В переводе Г.Е. Захарова в пределах одного предложения «usurpationibus» и «usurpata» переведены разными словами: «злоупотребления» и «беззакония». Ср.: [11, с. 155].

[22] В переводе Г.Е. Захарова – «за его краткое исповедание веры». Ср.: [11, с. 155]. В данном случае нам неясно, куда подевался перевод слова «remuneratione», и какие отсутствующие в оригинальном тексте слова переводит словосочетание «краткое исповедание».

[23] Термин «collegium» мы оставляем без перевода, поскольку он свидетельствует о восприятии Львом епископата как единой коллегии или корпорации в римском смысле. См. о них: [24; 15; 26].

[24] Ср.: [10, с. 122]. Лепорский не делает такого вывода.

[25] О нем кратко см.: [10, с. 124–125; 13, S. 453].

[26] Хотя еще совсем недавно он выступал за необходимость «collatio frequentior» – «достаточно многочисленного собрания». Ср.: [16, XXIII, p. 56.80].

[27] В тексте присутствует лакуна.

[28] Θεσπιαί – город в Фессалии близ Фив. О нем см.: [22, S. 275].

[29] Под «постановлениями отцов» следует, видимо, понимать каноны Никейского собора, однако поскольку под их видом в Риме подавались правила Сардикийского собора, затруднительно уяснить, что конкретно папами подразумевается под этим понятием.

[30] Никейские каноны (15 и 16) содержат запрет на переход епископов и клириков из одной церкви в другую, а также запрет на принятие перешедших пресвитеров или диаконов в другой церкви. См.: [14, p. 27–28].

REFERENCES

1. Gratsianskiy M.V. Borba rimskogo papy Lva Velikogo za tserkovnoe pervenstvo v kontekste vostochnykh soborov i imperatorskoy tserkovnoy politiki [The Struggle of Pope Leo the Great for Primacy in the Context of the Eastern Councils and the Church Policy of the Emperors]. *Vizantiiskii vremennik*, 2018, vol. 102, pp. 46-70.

2. Gratsianskiy M.V. Chetvertyy Vselenskiy sobor i problema pervenstva rimskogo yepiskopa

[The Fourth Ecumenical Council and the Issue of the Primacy of the Bishop of Rome]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 255-271. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.20

3. Gratsianskiy M.V. Akty 531 g. kak obramleniye "Fessalonikskogo sobraniya": ekklesiologicheskiye i kanonicheskiye aspekty dela Stefana Larisskogo [The Acts of 531 as a Framework for Collectio Thessalonicensis: Ecclesiological and Canonical Aspects of the Case of Stephanus of Larissa]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumani-tarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series 2: History; History of Russian Orthodox Church], 2020, vol. 92, pp. 19-38. DOI: 10.15382/sturII202092.19-38

4. Gratsianskiy M.V. Yurisdiktsiya konstanti-nopolskogo patriarkha v Vostochnom Illirike po dannym "Fessalonikskogo sobraniya" [Jurisdiction of the Patriarch of Constantinople in Eastern Illyricum According to Collectio Thessalonicensis]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, no. 1 (196), pp. 11-28. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.001

5. Gratsianskiy M.V. Vopros delegirovaniya polnomochiy v poslanii papy Innokentiya I k Rufu Fessalonikskomu [The Issue of Delegating Prerogatives in the Letter of Pope Innocent I to Rufus of Thessalonica]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta, Seria I. Bogoslovie. Filosofia. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2021, vol. 97, pp. 11-32. DOI: 10.15382/sturI202197.11-32

6. Gratsianskiy M.V. Problema apellyatsiy k rimskoy kafedre v pismakh blazhennogo Avgustina o dele Antonina Fussalskogo [The Problem of Appeals to the Roman See in the Letters of Blessed Augustine on the Case of Antoninus of Fussala]. *Nasledie blazhennogo Avgustina v patristicheskom i neopatristicheskom kontekste* [The Legacy of St. Augustine in Patristic and Neopatristic Contexts]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2023, pp. 89-144.

7. Gratsianskiy M.V. Poslanie papy Lva Velikogo Quanta fraternitati kak proekt podchineniya Rimu pomestnykh Tserkvey [The Letter of Pope Leo the Great Quanta fraternitati as a Project for the Subjugation of Local Churches by Rome]. *Vizantiiskii vremennik*, 2024, vol. 108, pp. 15-33. DOI: 10.55959/0132-3776-2025-108-15-32

8. Gratsianskiy M.V. Poslaniya papy Bonifatsiya I k illiriyskim episkopam ot 422 g. v sostave «Fessalonikskogo sobraniya»: ikh sostav i soderzhanie [The Letters of Pope Boniface I to the Illyrian Bishops of 422 Within the Collectio Thessalonicensis: Their Composition and Contents]. *Vizantiiskii vremennik*, 2025, vol. 109.

9. Zakharov G.E. Ekklesiologicheskiye osnovaniya i istoricheskiye istoki Fessalonikskogo vikariata [Ecclesiological Foundations and Historical Origins of the Vicariate of Thessalonica]. Zakharov G.E., Anashkin A.V, eds. *Ekkleziologicheskaya traditsiya i tserkovnaya organizatsiya Illirika v kontse IV – pervoy polovine V v. Issledovaniya i perevody* [Ecclesiological Tradition Ecclesiastical Organization of Illyricum at the End of the 4th – the First Half of the 5th Centuries. Studies and Translations]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2022, pp. 69-114.

10. Leporskiy P. *Istoriya Fessalonikskogo ekzarkhata do vremeni prisoedineniya k Konstantinopolskomu patriarkhatu* [The History of the Exarchate of Thessalonica Until Its Integration into the Patriarchate of Constantinople]. Saint Petersburg, Tipografiya M.I. Akinfiyeva i N.V. Leonteva, 1901. xiv, 352 p.

11. Zakharov G.E., Grunyushkina D.A., Anashkin A.V, eds. Pisma rimskikh pap kontsa 4 – pervoy poloviny 5 v. k illiriyskim episkopam [Letters of the Roman Popes of the Late 4th – First Half of the 5th Century to the Bishops of Illyricum]. Zakharov G.E., Anashkin A.V, eds. *Ekkleziologicheskaya traditsiya i tserkovnaya organizatsiya Illirika v kontse IV – pervoy polovine V v. Issledovaniya i perevody* [Ecclesiological Tradition Ecclesiastical Organization of Illyricum at the End of the 4th – the First Half of the 5th Centuries. Studies and Translations]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 2022, pp. 115-172.

12. Betti M. *The Making of Christian Moravia (858–882). Papal Power and Political Reality.* Leiden; Boston, Brill, 2014. xiii, 251 p.

13. Caspar E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Vol. 1.* Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. xv, 633 S.

14. Alberigo G., ed. *Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. Vol. 1.* Turnhout, Brepols Publishers, 2006. xiv, 371 p.

15. Cotter W. The Collegia and Roman Law: State Restrictions on Voluntary Associations, 64 BCE – 200 CE. Kloppenborg J.S., Wilson S.G., eds. *Voluntary Associations in the Graeco-Roman World.* London; New York, Routledge, 1996, pp. 74-89.

16. Silva-Tarouca C., ed. *Epistularum Romanorum Pontificum ad vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis.* Romae, Pontificia Universitas Gregoriana, 1937. xiii, 87 p. (Textus et

documenta in usum exercitationum et praelectionum academicarum; 22).

17. Friedrich J. Über die Sammlung der Kirche von Thessalonich und das päpstliche Vikariat für Illyricum. *Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Jahrgang 1891.* München, Verlag der Königlichen Akademie, 1892, S. 771-887.

18. Jasper D., Fuhrmann H. *Papal Letters in the Early Middle Ages.* Washington, The Catholic University of America Press, 2001. vii, 225 p.

19. Jones A.H.M. The Imperium of Augustus. *Journal of Roman Studies,* 1951, vol. 41, pp. 112-119.

20. Kaser M., Hackl K. *Das römische Zivilprozessrecht. 2. Auflage.* München, Verlag C.H. Beck, 1996. XXXIV, 712 S.

21. Kéry L. *Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140). A Bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature.* Washington, DC, The Catholic University of America Press, 1999. ix, 311 p.

22. Koder J., Hild F. *Hellas und Thessalia.* Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 316 S. (Tabula Imperii Byzantini; 1).

23. Maassen F. *Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters. Bd. 1.* Gratz, Leuschner & Lubensky, 1870. LXX, 981 S.

24. McCready W.O. Ekklēsia and Voluntary Associations. Kloppenborg J.S., Wilson S.G., eds. *Voluntary Associations in the Graeco-Roman World.* London; New York, Routledge, 1996, pp. 59-73.

25. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Abt. 1.* Leipzig, Verlag von S. Hirzel, 1874. XIV, 697 S.

26. Perry J.S. *Collegia* and Their Impact on the Constitutional Structure of the Roman State. Du Plessis P.J., Ando C., Tuori K., eds. *The Oxford Handbook of Roman Law and Society.* Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 137-147.

27. Pietri Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440).* Rome, École française de Rome, 1976. xiii, 1792 p. (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome; 224).

28. Sancti Coelestini papae Epistulae et decreta. Migne J.-P., ed. *Joannis Cassiani opera omnia.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 417-566. (Patrologiae cursus completus. Series Latina; vol. 50).

29. Schwartz E. Die sogenannte Sammlung der Kirche von Thessalonich. *Festschrift Richard Reitzenstein zum 2. April 1931 dargebracht von Ed. Fraenkel und anderen.* Leipzig; Berlin, Teubner, 1931, S. 137-159.

30. Streichhan F. Die Anfänge des Vikariates von Thessalonich. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*, 1922, Bd. 12, Nr. 1, S. 330-384.

Information About the Author

Mikhail V. Gratsianskiy, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre of Byzantine and the Black Sea Region Studies, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovsky, 27, Bld. 4, 119192 Moscow, Russian Federation, gratsianskiy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6981-3216

Информация об авторе

Михаил Вячеславович Грацианский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в Средние века, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, корп. 4, 119192 г. Москва, Российская Федерация, gratsianskiy@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6981-3216

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.9

UDC 94«04/14»:929.651
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 04.06.2025
Accepted: 30.09.2025

NOTITIAE EPISCOPATUUM OF THE METROPOLIS OF RHOSIA

Andrey Yu. Vinogradov

Orthodox St. Tikhon's University for Humanities, Moscow, Russian Federation;
HSE University, Moscow, Russian Federatio

Abstract. *Introduction.* For the first time, the author provides a comprehensive analysis of ancient lists of bishoprics that were part of the Metropolis of Rhosia, allowing a preliminary reconstruction of their genesis and evolution. *Analysis and results.* The earliest list, in *Notitia episcopatuum* 13 (1170s), was formed gradually in three steps, from 1026 onwards. But already in the middle or second half of the 12th century, the same list acquired a different order of sees in the Early Variant of the Novgorod Recension (before 1157–1165 or 1198). In connection with the creation of the Metropolis of Mikra Rhosia by the Patriarch in 1304, *Notitia episcopatuum* 17 arose, where the Russian bishoprics were divided, respectively, between Megale and Mikra Rhosia. The bishoprics of the latter were inserted in blocks into the old list of the Novgorod Recension in its Late Variant (probably around 1420). In another way, they were united at the same time with the bishoprics of Megale Rhosia in the Nikonovskaya Variant of the Moscovite Recension (probably around 1398). The Prosopographical Recension, which divided these bishoprics again but in a different way, probably arose in connection with the election of Gregory Tsamblak in 1415. Finally, in the Isidoros Variant of the Moscovite Recension, created probably around 1437, the list of the Nikonovskaya Variant was edited, primarily by excluding the non-existing "Dnieper" bishoprics. When the new list was created, the order of the bishoprics changed depending on the church and political situation. *Funding*. The article is written within the framework of the research project "Authority and Sacrament: The Antimension as a Legal Document and a Reflection of Church–State Relations in the 12th – 19th Centuries" with the support of the Orthodox St. Tikhon's University for Humanities and the Living Tradition Foundation.

Key words: Notitiae episcopatuum, Patriarchate of Constantinople, Metropolis of Rhosia, church administration, metropolitan Isidoros.

Citation. Vinogradov A.Yu. Notitiae Episcopatuum of the Metropolis of Rhosia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 124-139. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.9

УДК 94«04/14»:929.651
ББК 63.3(0)4-92

Дата поступления статьи: 04.06.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

ПЕРЕЧНИ ЕПИСКОПИЙ МИТРОПОЛИИ РОСИИ

Андрей Юрьевич Виноградов

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые проводится комплексный анализ самых древних перечней русских епархий, входивших в митрополию Росии, который позволяет предварительно реконструировать их генезис и эволюцию. Самый ранний перечень в Notitia episcopatuum 13 (1170-е гг.), складывался поэтапно, в три стадии, начиная с 1026 года. Однако уже в середине – второй половине XII в. тот же перечень обрел иной порядок кафедр в Раннем изводе Новгородской редакции (до 1157–1165 или 1198 гг.). В связи с созданием митрополии Малой Росии в 1291/2 или 1299/1300 г. возникла Notitia episcopatuum 17, где русские епископии были разделены, соответственно, между Великой и Малой Росией. Епископии последней были блоками вставлены в верхнюю половину старого перечня Новгородской редакции в ее Позднем изводе (вероятно, ок. 1420 г.). Другим путем они были объединены тогда же с великоросскими в Никоновском изводе Московской редакции (вероятно, ок. 1398 г.). Просопографическая редакция, снова разделившая эти епархии, но по-иному, возникла, вероятно, в

© Виноградов А.Ю., 2025

связи с поставлением Григория Цамблака в 1415 году. Наконец, в Исидоровском изводе Московской редакции, созданном, вероятно, ок. 1437 г., перечень Никоновского извода был отредактирован, прежде всего, за счет исключения старых «днепровских» кафедр. При создании нового перечня порядок епископий менялся в зависимости от церковно-политической конъюнктуры. *Финансирование*. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Власть и Таинство: антиминс как правовой документ и отражение церковно-государственных отношений в XII–XIX вв.» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и фонда «Живая Традиция».

Ключевые слова: Notitiae episcopatuum, Константинопольский патриархат, митрополия Росии, церковное управление, митрополит Исидор.

Цитирование. Виноградов А. Ю. Перечни епископий митрополии Росии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 124–139. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.9

Введение. Перечни епископий, в том числе русских [1], ценнейший источник не только по истории Церкви, но и по исторической памяти средневековых обществ: далеко не всегда они отражают современную им ситуацию, но постоянно транслируют реалии прошлого или даже создают собственную картину христианского мира. Кроме того, они дают нам представление о титулатуре епископов, которая для домонгольской Руси лишь редко может быть восстановлена по таким источникам, как акты, печати и надписи на антиминсах. К сожалению, комплексно были исследованы только самые ранние перечни епископий митрополии Росии, преимущественно новгородские, да и то лишь по публикациям, без обращения к рукописям [2]. Между тем лишь привлечение всего доступного материала позволяет верно оценить происхождение и эволюцию перечней.

Методы. Для этого необходимо классифицировать все опубликованные и неизданные перечни, чьи архетипы возникли до середины XV в., когда исчезла митрополия Росии, разделить их на редакции и изводы и установить их источники и взаимоотношения между ними. На момент написания статьи нами было выявлено 58 греко- и русскоязычных перечней ее епископий. Среди них мы выделили 5 основных редакций, которые можно обозначить как Notitia episcopatuum 13, Новгородскую, Notitia episcopatuum 17, Московскую и Просопографическую. В свою очередь, перечни Новгородской редакции разделяются на Ранний и Поздний изводы (= редакции 1–2 и 3 у Т.В. Гимона [2], не учитывающего почти всю остальную традицию перечней), а Московской – на Никоновский и Исидоровский (см. таблицу).

Анализ. *Notitia episcopatuum 13.* Составление Notitia episcopatuum 13 [13, p. 367], одной из всего двух, дающих перечень русских епископий, датируется концом правления императора Мануила I Комнина, то есть 1170-ми годами. Формирование приведенного в ней перечня русских епископий было тщательно проанализировано А.В. Назаренко [6, с. 172–206], который выявил здесь три слоя, дающих название епископий последовательно в gen. pl. (α΄ ὁ Πελογράδων, β΄ ὁ Νευογράδων, γ΄ ὁ Τζερνιγόβων, δ΄ ὁ Πολοτζίκων), gen. sing. (ε΄ ὁ τοῦ Βλαδιμοίρου, ς΄ ὁ Περισθλάβου, ζ΄ ὁ τοῦ Σούσδαλι, η΄ ὁ Τουρόβου) и nom. sing. (θ΄ τὸ Κάνεβε, ι΄ τὸ Σμολίσκον, ια΄ ἡ Γάλιτσα). Первая группа состоит из епископий, образованных в конце X в. – 1020-х гг.: Белгород (после 991 г.), Новгород (конец X в.), Чернигов и Полоцк (ок. 1026 г.?). Во вторую входят епископии, созданные при Ярославе Владимировиче, вероятно, в 1051 г.: Владимир-Волынский, Переяславль Русский, Суздаль (куда епископ Ростова переместился не позднее 1147 г., как показывает антиминс Нифонта Новгородского и Нестора Суздальского) и Туров. Наконец, третью образуют Канев (куда, вероятно, ок. 1144 г. была перенесена образованная еще до 1072 г. кафедра Юрьева), Смоленск (1136 г.) и Галич (между 1158 и 1165 гг.).

Поэтапное формирование перечня русских епископий в Notitia 13, начиная со времени ок. 1026 г., указывает на то, что это самый ранний случай его кодификации, произведенной в Константинополе, и что он пополнялся в два этапа: между 1051 и 1072 гг. и в 1170-е годы. Вместе с тем такой характер перечня, ставящий во главу угла типичный для нотиций принцип древности кафедр, не обяза-

тельно отражает реальную их иерархию. Так, перечисления русских архиереев в летописях («Повести временных лет» и Киевском своде), хотя в общем и соответствуют этому порядку кафедр, иногда дают иную последовательность (ПСРЛ, т. 2, стб. 199, 202, 340–341, 627–628). В 1089 г. епископ Черниговский стоит на последнем месте (после Белгорода и Ростова), а в 1091 г. – на предпоследнем (после Переяславля и Владимира-Волынского, но перед Юрьевым), что можно объяснить лишь недавней ликвидацией митрополии в Чернигове и падением статуса новой его епископии. В 1147 г. понятно отнесение в конец перечня Новгорода и Смоленска, так как далее следует речь их иерархов, не согласных с остальными участниками собора – епископами Черниговским, Белгородским, Переяславским, Юрьевским и Владимирским. Однако, если перестановка местами двух последних кафедр, возникших одновременно (ср. Переяславль и Владимир-Волынский в 1089 г.), выглядит допустимой, то выдвижение на первое место Чернигова может быть как следствием лидерской роли Онуфрия Черниговского на соборе 1147 г., так и отражением перестройки в иерархии русских кафедр. О последней может говорить и порядок перечисления русских епископов в 1182 г., где Туров стоит выше Полоцка.

Новгородская редакция. В пользу такого предположения говорит и порядок русских кафедр в Новгородской редакции перечней. Самая архаичная форма ее Раннего извода представлена перечнем в сборнике из Библиотеки Замойских в Варшаве (BOZ 124, л. 100), последней четверти XV в.[2] (Зам), и перечисляет те же кафедры, что и Notitia 13 (кроме Турова и Галича), но в ином порядке: Новгород, Чернигов, Переяславль, Белгород, Владимир-Волынский, Юрьев, Ростов, Полоцк, Смоленск. Последний, как указал еще Я.Н. Щапов, введший этот список в оборот [11, с. 139–140] (ср.: [2, с. 45–47]), дает terminus post quem для создания перечня – 1136 г., а вот отсутствие Галицкой епископии можно считать как terminus ante quem – 1157–1165 гг. (см. выше), так и случайным пропуском, ведь здесь нет и Туровской кафедры, точно просуществовавшей до 1194 года [3].

В перечне из статьи 6597 г. в Новгородской I летописи младшего извода (Н1Л) (ПСРЛ, т. 3, с. 164) и сборнике середины XVI в. РГБ Вол. 551, лл. 249об. (Вол551), к кафедрам Зам добавлены Тверь и Рязань, что указывает на создание этого варианта после 1270-х гг., когда возникла Тверская епископия (и до 1440-х гг., когда появились первые списки этой летописи). Впрочем, последняя кафедра явно представляет собой одиночную вставку в более ранний перечень, заканчивавшийся на основанной в 1198 г. Рязанской епископии [4], так как до 1270-х гг. возникли еще кафедры в Суздале (1214 г.), Перемышле (ок. 1220 г.), Холме (вскоре после 1219 г.) и Сарае (1261 г.), а пропущенные в Зам Туров и Галич не были здесь восстановлены (ср.: [2, с. 45–47]). Таким образом, мы видим две стадии формирования Раннего извода: первую между 1136 и 1157–1165 или 1198 гг. и вторую после 1157–1165 или 1198 гг. (с одной поздней (XIV в.?) добавкой значимой для Новгорода Тверской кафедры). Однако на обеих стадиях порядок епископий явно отличался от Notitia 13: выше Белгорода стоят Новгород, Чернигов и Переяславль (а последний – и выше Владимира, как в статье 1091 г.), а Юрьев оказывается выше Ростова (как в летописной статье 1147 г.) и даже Полоцка.

Впрочем, выше Белгорода, как мы видели, здесь стоит не только Чернигов, как в статье 1147 г., но и Переяславль, чье место в той соответствует перечню Notitia 13 (после Белгорода и Чернигова), а не Новгородской редакции. Следовательно, нельзя утверждать, что создание иного порядка русских кафедр относится ко времени до 1147 года. С другой стороны, этот новый порядок, возможно, начал складываться еще в конце XI в. (ср. летописную статью 1091 г.), а оформился между 1147 и 1157–1165 или 1198 гг., в виде как в Зам. Здесь старый порядок епископий, основанный на древности их создания, был окончательно заменен на новый, отражающий также церковно-политическое значение русских кафедр. Не случайно на первом месте среди них оказалась Новгородская, единственная на Руси постоянная почетная архиепископия, подтвержденная в этом статусе как раз в 1165 г. (ПСРЛ, т. 3, с. 219). Одновременно в новом перечне хорошо заметно значение южнорусских кафедр (Чернигова, Переяславля, Белгорода, Владимира-Волынского и

Юрьева), преимущественно «днепровских», из-за чего в самом конце оказались Ростов, Полоцк и Смоленск (впрочем, уже стоявший там по старшинству основания).

«Лакуны» Раннего извода Новгородской редакции были восполнены в Позднем, текст которого содержат летописи, причем как из Новгородско-Софийской группы, под 6395 г. (Софийская первая, Новгородские четвертая (Н4Л), пятая и по списку Дубровского (НЛД), Первая выборка Новгородской Карамзинской), так и зависимые от них московские (Ермолинская (под 6530 г.), Типографская, Симеоновская и Русский хронограф (РХ), в приложениях) и западнорусская (Слуцкая (Слуц), под 6496 г.) (ПСРЛ, т. 4, с. 16; т. 6, стб. 20–21; т. 18, с. 22; т. 23, с. 19; т. 22.1, с. 463–464; т. 24, с. 233; т. 25, с. 463; т. 35, с. 79; т. 42, с. 27; т. 43, с. 17). Его приводят также исторические сборники первой половины XVI в. РНБ Пог. 1577, л. 15об.–16об. (Пог1577) и XVII–XVIII вв. ГИМ Хлуд. 79 (Хл79), л. 315об.–316, РГБ Муз. 3841, л. 21–21об. (Муз3841) и А. Н. Поп. 32, л. 112об. (Поп32) и синодик Ярославского Спасского монастыря 1636–1640 гг. (ЯМЗ 15458, л. 1–1об.). От содержащегося в них перечня немного отличаются варианты в сборниках ГИМ Барс. 1395, л. 60–60об., конца XV в. (Барс1395), и РГБ Вол. 529, л. 695об.–696, второй половины XVI в. (Вол529), где переставлены местами Туров и Ростов, Полоцк и Смоленск, Коломна и Самбор (в Вол529 – Боровск); в Хронографе 1493 г. по списку Беляева (ХрБел) (ПСРЛ, т. 27, с. 296), где вместо Юрьева стоит Севск; в списке Русского хронографа РГБ Виф. 34.1, л. 62, 1670-х гг. (РХВиф), где опущен Ростов, Пермь поставлена перед Сараем и добавлены Брянская и Каменская епископии; в сборнике БАН Плиг. 45, л. 164, конца XVI в., где поменяны местами Юрьев и Ростов и опущен Суздаль; в неизвестном списке (Сел), который был использован в начале XVIII в. Н. Селлием и в котором Коломна стояла перед Сараем, а Самбор опущен. Особенно примечателен западнорусский архиерейский служебник конца 1570-х гг. БАН Плиг. 11, где приведены сразу три перечня: «изъ евангеліа Володимерского», совпадающий с основным вариантом извода, «с лѣтописца Тверского» (ПлТв), где есть епископии Черниговская и Брянская [5], Переяславская и Смоленская, Переяславля Нижнего (после Белгородской), Галилейская (вместо Галицкой), Туровская и Пинская [6] (перед Ростовской), Полоцкая и Витебская (перед Тверской) и Боровская (вместо Самборской), и «с книги князя Ярославіча» (ПлЯр; обрывается на Галиче), где к Чернигову точно так же добавлен Брянск, Переяславль назван Великим, Владимир – Литовским (с уточнением, что Владимир «на Москвѣ» – это митрополия), а Галич – Московским.

Поздний извод повторяет структуру Раннего в версии Н1Л (что указывает на его возникновение именно в Новгороде), но с существенными дополнениями: Галич вставлен перед Юрьевом, после которого помещены Перемышль, Луцк, Холм и Туров, а после Рязани добавлены Суздаль, Сарай, Коломна, Самбор и Пермь. Последняя группа явно выстроена в порядке возникновения кафедр: Суздаль (1214 г.), Сарай (1261 г.), Коломна (1350 г.), Самбор (дата неизвестна [7]) и Пермь (1383 г.), что дает terminus post quem для создания Позднего извода (его terminus ante quem – создание первых списков в 1470-е гг. или общего источника Софийской I и Новгородской IV летописей в 1430-е гг.). Средняя же группа, с одной стороны, непосредственно примыкает к вышеупомянутой группе южнорусских епископий, а с другой, не следует хронологическому принципу: кафедра в Перемышле была создана ок. 1220 г., а в следующим за ним Луцке до 1288 г., но в указанном далее Холме – вскоре после 1219 г., в последнем же Турове – вообще в 1051 году. Столь «механическая» вставка этой группы, вкупе с нехронологическим местом старой южнорусской кафедры в Галиче, указывает скорее на попытку встроить в существующий порядок епископий перечень отсутствовавших там южнорусских (и одной западнорусской) кафедр, возникших преимущественно в XIII веке.

Notitia episcopatuum 17. Такой отдельный перечень кафедр Южной и Западной Руси обнаруживается в двух приложениях к Notitia episcopatuum 17 [12, p. 403], которые связывают его создание с указом императора Андроника II (ок. 1304 г.) о разделении митрополии Росии на Великую и Малую Росию [8]. В число епископий последней вошли Галич, Владимир-Волынский, Перемышль, Луцк, Туров,

Холм, Смоленск и Белгород-Днестровский. Очевидно, что этот перечень построен не по хронологическому принципу: между возникшими до конца XII в. (но в иной последовательности) кафедрами Галича, Владимира-Волынского, Турова и Смоленска помещены созданные позднее епископии Перемышля, Луцка и Холма, расставленные тоже не по хронологии (см. выше). Весь порядок перечисления городов (кроме последнего и очень периферийного Белгорода-Днестровского) выстроен здесь скорее по географическому принципу: с юга (Галич, Владимир-Волынский, Перемышль, Луцк) на север (Туров, Холм, Смоленск) [9]. Таким образом, «аномальное» распределение южнорусских кафедр в Позднем изводе Новгородской редакции объясняется, скорее всего, адаптацией их перечня из Notitia 17 – обратное влияние маловероятно по причинам как текстологическим (бóльшая сложность вычленения, чем вставки), так и историческим (влияние патриаршей канцелярии на Новгород, но не наоборот).

Не менее важен для нас в Notitia 17 и перечень епископий Великой Росии: Великий Новгород, Чернигов, Суздаль, Ростов, Великий Владимир, Переяславль Русский, Белгород близ Киева, Юрьев, Полоцк, Рязань, Тверь, Сарай. Мы видим здесь набор кафедр на конец XIII в., когда и возникла эта нотиция: последние по времени создания в ней – Тверь (1270-е гг.) и Сарай (1261 г.). Перечень этот по набору кафедр, опять же, почти совпадает с Поздним изводом Новгородской редакции без епископий Малой Росии (добавлен только Великий Владимир, то есть Владимир-на-Клязьме [10]), но демонстрирует существенные различия в их порядке. Последние три кафедры в нем – это поздние епископии, причем Рязань стоит, в отличие от Новгородской редакции, выше Твери, как и следует по хронологии, хотя последняя помещена перед возникшим чуть раньше Сараем. Зато Суздаль вместе с Ростовом и Владимиром-на-Клязьме оказались в верхней части перечня, между Черниговом и Переяславлем, оттеснив вниз кафедры из старой «днепровской» группы (кроме Чернигова; Полоцк остался на том же месте внизу перечня «старых» епископий), возможно, как наследники старой Ростово-Суздальской кафедры, стоявшей примерно на этом месте в Notitia 13. В любом случае это обстоятельство указывает на возросшее значение епископий Северо-восточной Руси, куда как раз в 1299 г. переехал митрополит Росии, причем именно во Владимир-на-Клязьме, который в Notitia 17 единственный упомянут в первый раз.

Таким образом, Notitia 17 разделила прежний перечень русских кафедр, возникших на конец XIV в., на два: Великой и Малой Росии. Второй был сформирован заново, скорее всего, по географическому принципу, а вот первый явно опирался на более ранний, близкий к промежуточной стадии Новгородской редакции (после включения в нее Сарая, но до Коломны и Самбора), однако чуть более исправный (с хронологически точным местом Рязани). Не совсем ясно, впрочем, когда был повышен статус кафедр Северо-восточной Руси: в самой Notitia 17 или в ее несохранившемся источнике (отличном тогда от Новгородской редакции), ведь значение городов этого региона усилилось еще с 1170-х гг., когда его кафедра, судя по печати Леонтия II, временно получила даже статус почетной архиепископии.

Московская редакция. Московская редакция перечней русских епископий представлена двумя изводами: Никоновским и Исидоровским. По возрасту списков второй опережает первый, однако ряд обстоятельств указывает на то, что в Никоновском изводе отразился более ранний вариант. Это неудивительно, так как более ранние документы из митрополичьего архива были доступны составителю Никоновской летописи [3], где и содержится древнейший список данного извода (Ник) (ПСРЛ, т. 9, с. XXI).

Он включает в себя следующие кафедры: архиепископии «Великого Новгорода и Пскова» и Чернигова и епископии Ростовскую, Суздальскую, Рязанскую, Тверскую, Смоленскую, Владимиро-Волынскую, Луцкую, Полоцкую, Подольскую, Туровскую, Переяславскую, Сарскую и Подонскую, Холмскую, Самборскую, Белгородскую, Коломенскую и Пермскую. Этот перечень отразился в той же Никоновской летописи в следующем непосредственно далее перечне епископов по кафедрам (Ник') (ПСРЛ, т. 9, с. XXI–XXIII), где после Новгородской архиепископии вставлена Казанская, Белгород стоит перед Туровом, а перед Луцком

сохранился Юрьев, и в зависящем от него сборнике РГБ Муз 5408а, л. 20–21, середины XVIII в. (Муз5408а), где опущены также блоки Полоцк – Туров (включая Белгород) и Холм – Самбор. В списке Никоновской летописи Акад XIV (АкадXIV) и в Степенной книге (СК) (ПСРЛ, т. 21.1, с. 1) после Черниговской архиепископии также вставлена «Казанская и Болгарская», а Ростов назван архиепископией. Впрочем, очевидно, что последние два варианта перечня Никоновского извода возникли не ранее 1555 г., когда была учреждена Казанская кафедра, сразу занявшая высокое место.

Порядок кафедр в Никоновском изводе стоит ближе к Notitia 17, чем к Новгородской редакции. Это видно, в частности, из совпадения в них первых четырех кафедр (только в Никоновском Ростовская стоит выше Суздальской, что может быть связано с возобновлением последней лишь в 1347 г.). Однако далее он опускает группу южно- и западнорусских кафедр еще ниже, чем в Notitia 17, – на место после Рязани и Твери. Впрочем, и в этой группе порядок кафедр сильно отличается и от Notitia 17, и от Новгородской редакции: во-первых, они разбиты на две неравные части Сарайской епископией; во-вторых, из «новых» кафедр (откуда исчезла Перемышльская, зато появилась загадочная Подольская [11]) Луцкая и Подольская вставлены в первую часть, а Холмская и Самборская – во вторую; в-третьих, они помещены среди «старых» кафедр (из них пропала Галицкая, а в Ник – еще и Юрьевская), чей порядок демонстрирует предпочтение западнорусских (Смоленской, Полоцкой и Туровской) и волынских (Владимирской и Луцкой) епископий «днепровским» (Переяславской и Белгородской). Завершается Никоновский извод, как и Поздний извод Новгородской редакции, Коломенской и Пермской епископиями, что не удивительно, учитывая их самое позднее происхождение.

Одновременно это завершение перечня дает также terminus post quem – 1383 год. Поскольку же после этого новых русских кафедр до создания Ник основано не было, то terminus ante quem пока остается открытым (см. ниже), однако возможно, что перечень епископий Малой Росии был заимствован и сюда, и в Поздний извод Новгородской редакции не напрямую из Notitia 17, а из промежуточного источника, где добавлен Самбор. Зато понятна стратегия создателя перечня, который разделил его на блоки: начало из Notitia 17 с продолжением из других старых кафедр северо-востока Руси; запад Руси и Волынь; юг Руси, разбитый надвое Сараем; две самые поздние кафедры северо-востока. В результате этого, в противоположность Новгородской редакции, старые кафедры Московской Руси оказались здесь выше всех епископий Великого княжества Литовского и Польши, что указывает на составление перечня Никоновского извода на территории именно первой.

Другой извод Московской редакции фиксируется впервые в автографе митр. Исидора в рукописи Vat. slav. 14, л. 212, на греческом языке, однако в переводе со славянского (на что указывает необычная форма топонимов, например, ὁ Τορόβισκου (< Туровский), ὁ Σαρίσκου (< Сарский), ὁ Σαμπορίσκου (< Самборский)). Вскоре он, очевидно, благодаря своему официальному для митрополии статусу, попадает, с небольшим предисловием, в конвой известного с 1470-х гг. антиисидоровского перечня «Митрополите Русьскыя земля», представленного списками конца XV (РГБ Троиц. 408, л. 3, 397об.–398) и XVI в. (ГИМ Хлуд. 79, л. 16, ИРЛИ Перетц 54, л. 34–34об., РГБ Вол. 623, л. 266–266об., РНБ Пог. 1571 (Пог1571), л. 116, РГАДА Маз. 616, л. 207об.–208). Воспроизводится он и в сборниках XVI в. (РГАДА Маз. 1065, л. 359об. (Маз1065), РГАДА МГАМИД 365, л. 349, РГБ Троиц. 72, л. 18 (Тр72), в котором Подольская епископия заменена на Полоцкую). Еще один сборник, РНБ Сол. 860/970, л. 90–90об., последней четверти XVI в. (Сол860), добавляет Казанскую кафедру после Новгородской. Внутри Исидоровского извода Московской редакции можно выделить также отдельный тип, который возник не позднее второй половины XV в. и который представлен тремя свидетелями текста. В сборнике конца XV в. (РГАДА Тип. 387, л. 230об. (Тип387)), Владимирском летописце (ГИМ Син. 793, л. 261) и Уваровской летописи (ГИМ Син. 645, л. 4об.–5) пропущена Подольская епископия, Перемышльская превращена в Переяславскую, а Сарская – в Сарбскую (Сербскую). Кроме того, в первом Самборская кафедра была заменена на Смоленскую, а в последних двух

добавлены, из Позднего извода Новгородской редакции, кафедры Белгородская, Галичская, Юрьевская (после Переяславля), Холмская поставлена перед Сарбской, а Коломенская – перед Самборской и Сарайской.

В перечне Исидоровского извода перечислены следующие кафедры (без указания их статуса): Новгородская, Ростовская, Черниговская, Суздальская, Полоцкая, Рязанская, Смоленская, Тверская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Подольская, Туровская, Перемышльская, Сарская, Холмская, Самборская, Коломенская, Пермская. Находясь ближе всего к Никоновскому изводу Московской редакции, этот перечень демонстрирует две основные особенности в наборе и порядке кафедр. Во-первых, опущен на одну ступень Чернигов, но зато подняты Полоцк (на пять мест) и Смоленск (на одно). Во-вторых, из перечня исчезли три древние «днепровские» кафедры, оттесненные вниз уже в Никоновском изводе: Юрьев (как в Ник), Переяславль (вместо него появился Перемышль) и Белгород. И если перемена мест кафедр обычна почти для всех редакций и изводов (см. выше), то отказ от упоминания сразу трех древних епископий указывает на серьезную реформу перечня [12]. Исчезновение известий о Юрьевской кафедре после 1231 г., о Белгородской – после 1345 г. и о Переяславской – после 1261 г. (ср.: [4, с. 107–109, 337–338]) говорит в пользу того, что целью этого предприятия было приведение перечня епископий в согласие с реальным положением дел в митрополии Росии. Реформу эту можно отнести к началу реального правления митр. Исидора (1437–1441 гг.): примечательно, что как раз в 1437 г. он заместил вдовствовавшую уже 11 лет Пермскую кафедру. Перечень, составленный на русском и переведенный на греческий для митр. Исидора, опирался при этом на Никоновский извод, который в таком случае следует датировать промежутком времени между 1383 и 1437 годами.

Просопографическая редакция. Наконец, может быть выделена еще одна редакция, где перечень епископий инкорпорирован в перечень русских иерархов, как в Ник’ и Муз5408а (а также в поздних синодиках). Она функционирует как продолжение перечня епископий Позднего извода Новгородской редакции в уже известных нам памятниках: Русском хронографе (РХ’), Хронографе 1493 г. по списку Беляева (ХрБел’) (ПСРЛ, т. 22.1, с. 464–465; т. 27, с. 296–297), сборниках БАН Плиг. 45, л. 164–165об. (Пл45’) и РНБ Пог. 1577, л. 16об.–19 (Пог1577’). Другой извод, по-разному сокращающий и переставляющий кафедры, представлен синодиками: Торжества Православия и обычными (например, Ярославского Спасского монастыря, л. 2об.–5об. (СинЯСп’)). Третий извод, помещающий Коломну после Твери, формируют тот же Владимирский летописец и сборники конца XVI – начала XVII в.: ИРЛИ Перетц 54, л. 35–35об. (Пер54; Переяславль перед Черниговом, и нет Юрьева) РНБ Соф. 1418, л. 346-349, и ГИМ Хлуд. 79, л. 317–322об. (Хл79’), где текст этой редакции присоединяется к перечню «Митрополите Русьскыя земля». В сборнике конца XVI в. РНБ Сол. 860/970, л. 90–90об., есть лишь великорусские кафедры (плюс Казань).

Сам набор имен здесь совпадает с Ник’ и Муз5408а и восходит к общему источнику, хотя и в последних, и в списках данной редакции местами добавляются более поздние великорусские иерархи. Сопоставление перечней, самый «архаичный» из которых – СинЯСп’, показывает, что перечисление Новгородских иерархов заканчивалось изначально на Геннадии (1484–1504), Ростовских – на Тихоне (1489–1503), Суздальских – на Нифонте (1484–1508), Коломенских – на Герасиме (1481–1489), Тверских – на Вассиане (1477–1508), Рязанских – на Симеоне (1481–1496), Сарских – на Силуане (1493–1496), Пермских – на Филофее (1471–1501). Таким образом, общий протограф великорусской части перечня восходит ко времени ок. 1496 года. Однако последние имена южно- и западнорусских владык во всех этих перечнях относятся ко времени ок. 1415 г.: Герасим Владимиро-Волынский, Дионисий Луцкий, Евфимий Туровский и Исаакий Черниговский. Следовательно, протограф этой части перечня был создан в 1410-е гг., что уже отмечалось для Ник’ [7, с. 91, примеч. 54].

Такое же разделение на Великую и Малую Русь демонстрирует и порядок кафедр в данной редакции, совершенно иной, чем в Ник’: Новгород и Псков, Ростов, Суздаль, Коломна, Тверь, Рязань, Сарай, Пермь; Чернигов, Переяславль, Смоленск, Владимир-Волынский, Юрьев, Луцк, Белгород, Туров. Это

членение напоминает концепцию Notitia 17, однако состав групп здесь совсем другой: Чернигов, Переяславль и Белгород примыкают к малорусским епископиям. Итак, здесь вполне мог отразиться раздел русских кафедр при одном из следующих созданий Галицко-Литовской митрополии, причем упоминание Пермской епископии ограничивает его временем после 1383 г. (ср. ниже).

В порядке же кафедр обеих групп перечень Просопографической редакции с Поздним изводом Новгородской, к которому он примыкает, роднит лишь помещение Твери перед Рязанью. В остальном он стоит ближе к Никоновскому изводу Московской редакции, но с одним важным изменением: Коломенская епископия поставлена на необычно высокое, четвертое место, что противоречит всей иерархической традиции и указывает, видимо, на первичность варианта с Коломной после Твери и Рязани, как в третьем изводе [13].

Данная редакция получила самое широкое распространение в Московской Руси и подвергалась модификациям в поминальных перечнях синодиков, причем как обычных XVII в., так и Торжества Православия: Успенского собора Московского кремля конца XV в. (ГИМ Син. 667, л. 39об.–41), где Коломна стоит после Твери, а Рязань – на месте Перми; ок. 1503 г. (РГАДА Мазур. 289, л. 149–149об., где нет Новгорода, Твери и Рязани, а Пермь удвоена; Св. Софии Новгородской 1532 г. (РНБ Соф. 1058, л. 22об.–23об.), где нет Рязани, Коломны и Сарая; Вологодского сборника 1580-х гг. (РНБ Пог. 1596, л. 162об.–164) и Ростовского собора 1641 г. (РГБ Шиб. 99, л. 28об.–32), где после Суздаля повторен Новгород, добавлен Владимир-на-Клязьме, пропущена Рязань, а Сарай стоит перед Коломной.

Заключение. Генезис и эволюция перечней русский епископий может быть предварительно реконструирован следующим образом.

Самый ранний перечень, в Notitia episcopatuum 13 (1170-е гг.), складывался постепенно, из трех хронологических групп: конца X в. – 1020-х гг. (Белгород, Новгород, Чернигов и Полоцк), ок. 1051 г. (Владимир-Волынский, Переяславль, Ростов-Суздаль и Туров), ок. 1072 г. – середина XII в. (Юрьев-Канев, Смоленск и Галич). Однако уже в середине – второй половине XII в. на Руси тот же перечень обрел иной порядок кафедр: в Раннем изводе Новгородской редакции, возникшем до 1157–1165 или 1198 гг., на первом месте оказался Новгород, за которым следовала группа южнорусских епископий (в том числе опустившаяся ниже Белгородская), и лишь в самом конце списка оказались кафедры северо-востока и запада Руси (Ростов, Полоцк и Смоленск).

В связи с созданием митрополии Малой Росии, произошедшей ок. 1304 г., возникла Notitia episcopatuum 17, где русские епископии были разделены, соответственно, на велико- и малорусские. В первой «реформированный» перечень был снова изменен (причем, возможно, еще раньше) за счет повышения мест кафедр Северо-восточной Руси (Ростова, Суздаля и Владимира-на-Клязьме); во второй же порядок перечисления городов построен не по хронологическому, а по географическому принципу: от южной группы к северной. В таком же порядке (только без Белгорода-Днестровского, но с Самбором, что, возможно, указывает на некоего посредника) эти епископии Малой Росии были блоками вставлены в верхнюю половину старого перечня Новгородской редакции в ее Позднем изводе [14], оформившемся между 1383 г. (как показывают стоящие на последних местах Коломна, Самбор и Пермь) и 1430-ми годами. Новый перечень в новгородских летописях, Типографской и РХВиф был присоединен к переводу Notitia episcopatuum 16, выполненному при митр. Фотии (1408–1431) [8, с. 162–167; 9, с. 165, примеч. 48], что следует тогда связывать с упразднением Литовской митрополии в 1420 г. (впрочем, перевод этой нотиции могут сопровождать и перечни других редакций: Исидоровской (Маз1065, Пог1571) и Просопографической (Пер54, Хл79’)).

Другим путем, но примерно тогда же, судя по именам части иерархов в их перечне, епископии Малой Росии были объединены с великорусскими в Никоновском изводе Московской редакции, созданном между 1383 и 1437 годами. В начале здесь стоят старые кафедры Великой Росии (те же, что в Notitia 17, плюс Рязань и Тверь), а далее старые епископии запада Руси (Смоленская, Полоцкая и Туровская) и Волыни (Владимирская) стоят выше старых «днепровских» (Переяславской и Белгородской), причем между ними вставлены

новые кафедры Малой Росии (Луцкая, Подольская и Холмская), и все завершается теми же новыми кафедрами, что и в Позднем изводе Новгородской редакции. В Просопографической редакции, созданной также после 1383 г., перечень Никоновского извода был снова разделен между Великой и Малой Росией, но в последнюю включены теперь также Чернигов, Переяславль и Белгород. Наконец, в Исидоровском изводе Московской редакции, созданном, вероятно, ок. 1437 г., перечень Никоновского извода был отредактирован, прежде всего, за счет исключения уже не функционировавших старых «днепровских» кафедр (Юрьева, Переяславля и Белгорода).

Следует отметить важное различие между перечнями: если обычно они стремятся актуализировать набор и порядок епископий, то Поздний извод Новгородской редакции, Notitia 17, Никоновский извод Московской и Просопографическая редакция редакции носят, напротив, отчасти «антикварный» характер, включая Юрьевскую, Белгородскую и Переяславскую епископии, которые на момент их составления уже давно не функционировали. Кроме того, в двух случаях мы наблюдаем конкуренцию перечней, созданных одновременно, но по разным принципам. В одном случае это принципы хронологический (основанный на порядке возникновения епископий) в Notitia 13 и хронологическо-иерархический (учитывающий церковно-политическое значение кафедр) в Раннем изводе Новгородской редакции. А в другом случае это подходы консервативный (отражающий старый порядок кафедр середины – второй половины XII в.) в Позднем изводе Новгородской редакции и инновативный (опирающийся на реформу перечня в конце XIII в.) в Никоновском изводе Московской редакции.

С точки же зрения исторического контекста, перечни русских епископий можно разделить на две группы. Одни перечни пополнялись постепенно, в несколько стадий: две (Поздний извод Новгородской редакции – окончательно к 1420 г.) или даже три (Notitia 13), на основе предшествующих текстов. Другие перечни формировались также на основе предшествующих, но одномоментно, и здесь важно выявление конкретных исторических обстоятельств этого момента. Для Notitia 17 это было решение об отделении митрополии, а для Исидоровского извода Московской редакции – по всей видимости, деятельность канцелярии митр. Исидора ок. 1437 г. по установлению реального состава русских епископий под его властью.

Сложнее выявить такие обстоятельства для трех других случаев. Для Раннего извода Новгородской редакции, сложившегося между 1136 и 1157–1165 или 1198 гг., резкое повышение статуса южнорусских кафедр в ущерб западу и северо-востоку Руси говорит в пользу политических причин такой перестройки иерархии и вряд ли могло быть связано с Новгородом (вопреки [2, 49–50]). Лучше всего оно представимо для времени правления в Киеве (без чьей санкции вряд ли бы произошло) потомков Мстислава Владимировича, связанных с Южной Русью, или черниговских Ольговичей. За последних говорит резкое возвышение Чернигова (после своего «падения» в 1089–1091 гг.). С другой стороны, помещение сразу после Новгорода, единственной устойчивой архиепископии XII в., Чернигова и Переяславля может отражать их статус как бывших титулярных митрополий, а блок доминирующих в перечне южнорусских кафедр совпадает с набором епископов, поддержавших в 1147 г. избрание Клима Смолятича.

Для перечня Никоновского извода Московской редакции, возникшего между 1383 и 1437 гг., как и для Позднего извода Новгородской редакции, примечательно возвращение в число русских епископий кафедр Малой Росии. Оно могло иметь место только вскоре после ликвидации раскола в митрополии Росии ок. 1398 г. или в 1420 г., так как оба эти перечня составлены после создания Пермской епископии в 1383 г., что исключает их связь с другими прекращениями деятельности «альтернативной» митрополии: вскоре после 1329 г., в 1347 г. и в 1361 года.

Наконец, для Просопографической редакции, созданной после 1383 г., показательно включение во вторую, «малорусскую» группу кафедр Чернигова, который даже в разделенном перечне Notitia 17 относился к Великой Росии. Единственный известный нам случай выхода Чернигова из ее состава – это упомянутый выше [15] перечень участников Новогрудского собора 1415 г., поставившего «альтернативного» митрополита Григория Цамблака: они представляли Чернигов, По-

лоцк, Луцк, Владимир-Волынский, Галич, Смоленск, Холм и Туров. Важный аргумент в пользу этого – факт возникновения перечня малорусских епископов Просопографической редакции именно в 1410-е гг. (см. выше). Если ее создание действительно было спровоцировано событиями 1415 г., тогда послуживший для нее основой (см. выше) Никоновский извод Московской редакции следует связывать скорее с расколом ок. 1398 года.

Таким образом, в отличие от отдельных копий перечней русских епископий, которые зачастую воспроизводили ситуацию далекого прошлого, протографы их редакций и изводов отражают изменение ситуации и приходятся на ключевые события в церковной и политической истории Руси: окончание войны между сыновьями Владимира Святославича в 1026 г. (первая стадия Notitia 13), канонические кризисы 1051–1052 гг. (вторая стадия Notitia 13) и 1147–1169 гг. (третья стадия Notitia 13 и, возможно, Ранний извод Новгородской редакции). В дальнейшем это оказывались преимущественно кризисные моменты для единства митрополии Росии: первое отделение митрополии Малой Росии ок. 1304 г. (Notitia 17), ее ликвидация ок. 1398 г. (Никоновский извод Московской редакции), раскол 1415 г. (Просопографическая редакция), воссоединение митрополии Росии в 1420 г. (Поздний извод Новгородской редакции) и попытка митр. Исидора реформировать церковное управление после предыдущего кризиса в 1437 г. (Исидоровский извод Московской редакции).

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю за ценные советы, замечания и помощь Е.В. Акельева, С.Г. Жемайтиса, Т.Б. Карбасову, Д.В. Каштанова и А.Е. Тарасова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хотя некоторые из них с течением времени стали архиепископиями, мы избегаем здесь обобщающего термина «епархия», так как в собственном смысле слова ἐπαρχία – это греческий перевод латинского provincia, что соответствует в административной структуре Константинопольского патриархата митрополии.

[2] Соседние перечни митрополитов Киевских и архиепископов Новгородских отражают ситуацию на время ок. 1326 г. (см.: [2, с. 47]).

[3] В Позднем изводе (см. ниже), который в своей основе может отражать перечень Раннего без лакун, две эти кафедры стоят не по хронологическому порядку: Галич между Владимиром и Юрьевом, а Туров после Юрьева и более поздних Перемышля, Луцка и Холма и до Ростова и Полоцка (как в летописной статье 1182 г.).

[4] Нехронологическое помещение Твери перед Рязанью может отражать иерархию кафедр в XIV в., как то показывает их порядок в записи митр. Феогноста 1334 г.: Новгород, Ростов, Тверь, Рязань; впрочем, в записи 1330 г. выше Рязани стоит и Сарай [1, с. 451–452].

[5] Черниговская кафедра была перенесена в Брянск до 1335 г. [1, с. 452], откуда и появилось двойное название епископии.

[6] Ср. перечень православных епископов у Матфея Меховского (1518 г.): «Во-первых, Холмский, затем во владениях литовцев – Владимирский, или Брестский; третий Пинский, или Туровский, четвертый Полоцкий, пятый Луцкий, шестой Смоленский» [5, с. 78]. Отметим, что этот порядок не соответствует ни одному из греческих или русских перечней (см. ниже).

[7] Время появления Самборской епископии, само существование которой дискуссионно, остается неизвестным, однако она упоминается также в Никоновском изводе Московской редакции, что указывает на ее заимствование из более раннего общего источника-перечня (см. ниже), а ее место перед или после Коломенской говорит в пользу возникновения около середины XIV в. (возможно, в связи с попытками создания Литовской митрополии), но не ранее 1347 г., так как ее нет в патриаршей грамоте этого года [14, p. 237–238]. С другой стороны, в правой грамоте самборского старосты Сташка Давыдовского 1422 г. владыка Илия носит титул «Перемышльского и Самборского», что указывает, вероятно, на уже случившееся к этому моменту присоединение Самборской кафедры к Перемышльской.

[8] Примечательно, что упомянутые здесь кафедры в Суздале и Владимире-на-Клязьме, с одной стороны, потеряли статус епископии в 1299 г., а с другой, никогда не существовали параллельно. Совершенно ошибочна датировка нотиции 1347 г. [10, с. 487].

[9] Более хронологическим выглядит перечень кафедр Малой Росии в вышеупомянутой патриаршей грамоте 1347 г.: «Галич, Владимир, Холм, Перемышль, Луцк и Туров», и особенно в ставленнических записях митр. Феогноста (1328, 1331 (две), 1332 и 1335 гг.): Владимир, Галич, Перемышль, Холм (в 1331 (однажды) и 1332 гг. поменяны местами), Луцк и Туров, где в начале стоят старые Владимирская и Галицкая,

а затем Перемышльская, Холмская и Луцкая, основанные в таком порядке в XIII в. [1, с. 451–452]. Напротив, в посланиях патр. Филофея (1371 г.) епископии Малой Росии приводятся в разном порядке, и хронологическом (Владимир, Перемышль, Холм, Луцк), и нехронологическом (Холм, Туров, Перемышль, Владимир) [12, p. 579, 583], как и в постановлении Новогрудского собора 1415 г. (Полоцк, Чернигов, Луцк, Владимир, Смоленск, Холм, Туров) и перечне его участников по большинству рукописей (Чернигов, Полоцк, Луцк, Владимир, Галич, Смоленск, Холм, Червен, Туров) и по списку Н (Владимир, Смоленск, Чернигов, Полоцк, Луцк, Галич) (ПСРЛ, т. 11, с. 267). Как общую для всех них тенденцию отметим преимущественное помещение Владимира в начало перечня, а Луцка и Турова – в его конец, что показывает его иерархический, а не хронологический характер.

[10] Поскольку в XIII в. кафедры в Суздале и Владимире-на-Клязьме никогда не функционировали параллельно, здесь отразилось скорее перемещение центра созданной в 1214 г. Владимиро-Суздальской епископии между двумя этими городами или, менее вероятно, зарождающаяся митрополичья область.

[11] В Подолье известна только католическая Каменецкая епископия, основанная ок. 1375 г., однако наши сведения о православной иерархии здесь в XIV–XV вв. довольно скудны. Примечательно, что Подольская епископия сохраняется в перечне кафедр и после реформы митр. Исидора (см. ниже).

[12] Единственная аналогия такой реформе перечня находится в приложении XVII в. к Русскому хронографу, где перечисляются иерархи времен Ивана IV: архиепископы Новгорода и Пскова; Казанский, Астраханский и Свияжский; Ростовский и Ярославский; Полоцкий и Великолукский; епископы Вологодский и Великопермский; Суздальский и Тарусский; Смоленский и Брянский; Рязанский и Муромский; Тверской и Кашинский; Коломенский и Каширский; Сарский и Подонский; Юрьева Ливонского и всея земли Лифляндския (ПСРЛ, т. 22, с. 465).

[13] Впрочем, существуют и перечни с другим порядком иерархов, отражающим их более позднюю иерархию: в синодике Торжества Православия 1613 г. (РГБ Троиц. 740, л. 122об.–126) и Сибирском начала XVIII в. (ГИМ Увар. 370/1, л. 94–94об.) и Астраханском середины XVIII в. (ГИМ Увар. 372/1, л. 34об.–35), синодиках Крутицкого архиерейского дома 1667–1672 гг. (ГИМ Щук. 136, л. 28–36), синодике 1670-х гг. (РГБ Унд. 155, л. 35об.) и Троице-Сергиева монастыря ок. 1790 г. (РГБ Троиц. Ризн. 29, л. 10–10об.). Перечень в сборнике конца XVI в. (ГИМ Чуд. 236, л. 191–191об.) отражает постановления Московского собора 1589 г., разделившие все кафедры на митрополии, архиепископии и епископии.

[14] О том, что в Новгороде долгое время мало интересовались новыми «периферийными» епископиями XIII в., говорит вставка в перечень Н1Л только Твери.

[15] См. примеч. 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводная таблица перечней русских епископий

Summary table of lists of Russian bishoprics

Notitia 13	Ранний извод Новгородской редакции	Поздний извод Новгородской редакции	Notitia 17	Просо-пографическая	Никоновский извод Московской редакции	Исидоровский извод Московской редакции
Белгород	Новагородьская архиепискупья	Великаго Новагорода [и Пскова add. РХ ПлТв ПлЯр Пл45] архиепископиа	1. Великий Новгород	Архиепископи Новаграда [Великаго Н. Пер54 СинЯСп’] и Пскова [от. СинЯСп’]	1. Великаго Новагорода и Пскова архіепископіа	1. Новгородскаа [Казанскаа add. Сол860]
Новгород	также [таже Зам] Черниговьская	Черниговьская [и Брянская add. ПлТв ПлЯр Слуц] епископья	2. Чернигов	–	2. Черниговская архіепископіа [Каз. и Болг. add. АкадXIV СК]	2. Ростовскаа
Чернигов	Переяславльская	Преславьская [и Смоленскаа add. ПлТв]	3. Суздаль	Ростовскыи	3. Ростовская [архіепископіа add. АкадXIV СК]	3. Черниговскаа [от. Сол860’ Пог1596]
Полоцк	Белгородьская	Белогородчкая [Пероясловля Нижняго add. ПлТв]	4. Ростов	Суздальстіи [от. ХрБел’; Переславстіи add. Хл79’]	4. Суждальская	4. Суждальскаа
Владимир	Володимерьская	Володимирьская [от. Н4Л; Пер. Вол529; Литовскаго Володимеря, а на Москвѣ Володимеръ то митрополия ПлЯр]	5. Великий Владимир	–	5. Рязаньская	5. Полотскаа [от. Сол860’ Пог1596]
Пере-яславль	–	Галичьская [от. Н4Л; Галилейскаа ПлТв; Московского Галича add. et expl. ПлЯр]	6. Переяславль Русский	–	6. Тферскаа	6. Рязаньскаа [Володимерскому Пог1596],
Суздаль	Юрьевьская	Юрьевская [от. Поп32; Ростовъская Пл45; Севьская ХрБел].	7. Белгород близ Киева	–	7. Смоленскаа	7. Смоленскаа
–	–	Перемышлеская	8. Юрьев	–	8. Воло-димерскаа [Юр. add. Ник1 Муз5408а]	8. Тферскаа
–	–	Лученская	9. Полоцк	–	9. Лучскаа	9. Володимерскаа
–	–	Холъмьская [от. НЛД Муз3841]	–	–	10. Полоцкая [от. Муз5408а]	10. Лучскаа
–	–	–	–	–	11. Подольская [от. Муз5408а; Бел. add. Ник1]	11. Подолскаа [от. Тип387; Полотьцкая Тр72]
Туров	–	Туровьская	–	–	12. Туровскаа [от. Муз5408а]	12. Туровскаа,

Продолжение таблицы

Cotinuation of Table

Notitia 13	Ранний извод Новгородской редакции	Поздний извод Новгородской редакции	Notitia 17	Просо-пографическая	Никоновский извод Московской редакции	Исидоровский извод Московской редакции
Канев	Ростовьская	Ростовська [om. РХВиф; Р., Т. Барс1395 Вол529 ПлТв; и Пінская add. ПлТв]	–	–	13. Переяславская	13. Перемышльскаа [В. – П. om. Сол860’ Пог1596; Переславскаа Тип387]
Смоленск	Полотьская	Полоческая [Р., П. om. Поп32; Волотская Пл45; и Витебскаа add. ПлТв]	–	–	–	–
Галич	Смоленьская [expl. Зам]	Смоленьская [om. Вол529 ПлТв; С., П. Барс1395]	–	Коломенскыи [К., С. СинЯСп’]	–	–
–	Тфѣрьская	Тверьская	10. Рязань	Тферьскіе	–	–
–	Рязаньская	Рязаньская	11. Тверь	Рѣзанстіи [Р., Т., К. Пер54 Хл79]	–	–
–	–	Суздальская [Юрьевская add. Пог1577]	–	–	–	–
–	–	Сараиская [Боровскаа add. ПлТв]	12. Сарай	Сарскіе [om. Пл45’ Хл’]	14. Сарская и Подонская	14. Сарскаа [Сербьская Тип387]
–	–	–	13. Галич	Пермскіе [П., Т. et expl. СинЯСп’; Сусдальскіи add. et des. Хл79’]	15. Холмьская	15. Холмскаа
–	–	Коломьская	14. Владимир	Черниговскіе	16. Самборскаа	16. Самборскаа [Х., С. om. Сол860’; Смоленскааа Тип387]
–	–	–	15. Перемышль	Преславстіи [П., Ч. Пер54]	17. Бѣлогородцкая [om. Ник; Х. – Б. om. Муз5408а]	–
–	–	Самборьская [om. ПлТв; С. (Боровск. Вол529), К. Барс1395 Вол529; К., Сар. Сел]	16. Луцк	Смоленскыи	18. Коломенска	17. Коломенскаа [К., Сар. Пог1596]
–	–	Перьмская [П., Сар.– Сам. РХВиф]	17. Туров	Володимерскіи	19. Пермьскаа	18. Пермьскаа [и Вологодскому add. Пог1596]
–	–	[Брянская, Каменьская add. РХВиф]	18. Холм	Юрьевскіи [om. Пер54]	–	–
–	–	–	19. Смоленск	Лучьскіе	–	–

Окончание таблицы

End of Table

Notitia 13	**Ранний извод Новгородской редакции**	**Поздний извод Новгородской редакции**	**Notitia 17**	**Просо-пографическая**	**Никоновский извод Московской редакции**	**Исидоровский извод Московской редакции**
–	–	–	19. Белгород-Днестровский	Бѣлогородцкіи	–	–
–	–	–	–	Туровскіи [om. Пл45’; Новопросве-щеннаго и богоспасаемого града Казани add. РХ’]	–	–

Примечание. Русские тексты даны по древнейшему списку редакции или извода, греческие – в переводе.
Note. Russian texts are given according to the oldest recension or variant; Greek texts are in translation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильевский В. Г. Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в ватиканском греческом сборнике // Журнал министерства народного просвещения. 1888. Ч. 255, [№ 2], Февраль. С. 445–464.

2. Гимон Т. В. Новгородский перечень русских епископий // Книга картины земли. М.: Индрик, 2014. С. 40–50.

3. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. 313 с.

4. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 4. СПб.: Тип. ИАН, 1866. [4], 386, XI с.

5. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / пер. С. А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. X, [2], 288 с.

6. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.

7. Плугин В. А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV вв. // История СССР. 1978. № 4. С. 73–93.

8. Тарасов А. Е. Статьи Алфавитной Синтагмы на Руси в древнейший период (первая половина XV в.) // Slověne. 2025. Т. 14, № 1. С. 143–177.

9. Турилов А. А. Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2. С. 147–175.

10. Успенский Б. А. Из истории русской культуры. Т. 2, Кн. 1. М.: Яз. рус. культуры, 2002. 944 с.

11. Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. Ч. 2. М.: [б. и.], 1976. 201 с.

12. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / ed. F. Miklosich, I. Müller. Vol. 1. Vindobonae: C. Gerold, 1860. VIII, 607 p.

13. Darrouzès J. Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris: Institut français d'études byzantines, 1981. xvi, 521 p.

14. Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1, Fasc. 5 / éd par J. Darrouzès. Paris: Institut français d'études byzantines, 1977. XIX, 602 p.

REFERENCES

1. Vasilevskiy V.G. Zapisi o postavlenii russkikh episkopov pri mitropolite Feognoste v vatikanskom grecheskom sbornike [Records of the Ordination of Russian Bishops Under Metropolitan Theognostos in the Vatican Greek Collection]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshheniya*, 1888, pt. 255, no. 2, February, pp. 445-464.

2. Gimon T.V. "Novgorodskiy perechen" russkikh episkopiy [Novgorod List of Russian Bishops]. Dzhakson T.N., Podosinov A.V., eds. *Kniga kartiny zemli* [The Book of the Picture of the Earth]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 40-50.

3. Kloss B. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vv*. [The Nikon Code and the Russian Chronicles of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 313 p.

4. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi. T. 4* [The History of the Russian Church. Vol. 4]. Saint Petersburg, Tip. IAN, 1866. 4, 386, XI p.

5. Matvey Mekhovskiy. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [A Treatise on the Two Sarmatians]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1936. X, 2, 288 p.

6. Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus i slavyane* [Ancient Russia and the Slavs]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2009. 528 p.

7. Plugin V.A. Nereshennye voprosy russkogo letopisaniya XIV–XV vv. [Unresolved Issues of Russian Chronicling of the 14th – 15th Centuries]. *Istoriya SSSR*, 1978, no. 4, pp. 73-93.

8. Tarasov A.E. Statyi Alfavitnoy Sintagmy na Rusi v drevneyshiy period (pervaya polovina XV v.) [The Alphabetical Syntagma Articles in Rus' in the Early Period (First Half of the 15th Century]. *Slověne*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 143-177.

9. Turilov A.A. Yuzhnoslavyanskie perevody XIV–XV vv. i korpus perevodnykh tekstov na Rusi [South Slavic Translations of the 14th – 15th Centuries and the Corpus of Translated Texts in Russia]. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2010, no. 1-2, pp. 147-175.

10. Uspenskiy B.A. *Iz istorii russkoy kultury. T. 2, Kn. 1* [From the History of Russian Culture. Vol. 2, Pt. 1]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 2002. 944 p.

11. Shhapov Ya.N. *Vostochnoslavyanskie i yuzhnoslavyanskie rukopisnye knigi v sobraniyakh Polskoy Narodnoy Respubliki. Ch. 2* [East Slavic and South Slavic Handwritten Books in the Collections of the Polish People's Republic. Pt. 2]. Moscow, s.n., 1976. 201 p.

12. Miklosich F., Müller I., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, vol. 1. Vienna, C. Gerold, 1860. VIII, 607 p.

13. Darrouzès J. *Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1981. xvi, 521 p.

14. Darrouzès J., ed. *Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1, fasc. 5*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1977. XIX, 602 p.

Information About the Author

Andrey Yu. Vinogradov, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Leading Research, Center for Liturgical and Patristic Studies, Orthodox St. Tikhon's University for Humanities, Likhov Lane, 6, Bld. 1, 127051 Moscow, Russian Federation; Professor, HSE University, Staraya Basmannaya St, 21/4, Bld. 3, 105066 Moscow, Russian Federation, auvinogradov@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-9516-6534

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр литургических и патристических исследований, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов пер., 6, стр. 1, 127051 г. Москва, Российская Федерация; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 3, 105066 г. Москва, Российская Федерация, auvinogradov@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-9516-6534

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.10

UDC 371.2:27-36
LBC 86.372.11-3

Submitted: 28.05.2025
Accepted: 03.10.2025

"AUGUSTINE AGREED WITH OUR TEACHERS": INTERPRETATIONS OF SAINT AUGUSTINE'S TRIADOLOGY IN BYZANTINE ANTI-LATIN POLEMIC

Petr A. Pashkov

Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article explores the reception of Saint Augustine's triadology in Greek-language polemical literature from the 7th to the 15th centuries. The problem of the reception of Latin thought in Byzantium represents one of the most pressing areas of contemporary Byzantine studies. The research focuses on how Byzantine theologians interpreted Augustine's Trinitarian doctrine in comparison with Eastern Orthodox theology. *Methods and materials.* The analysis is based on a corpus of Byzantine anti-Latin polemical writings spanning from Patriarch Photius to Gennadios Scholarios. The study employs diachronic comparative-historical and source-critical methods, alongside theological approaches, including systematic reconstruction and comparative theological analysis. The principal primary sources include key Byzantine texts addressing the Filioque question, as well as the Greek translation of Augustine's De Trinitate prepared by Maximos Planoudes in the late 13th century. *Analysis.* Earlier Byzantine theologians demonstrated limited awareness of Augustine's works and showed general reluctance to attribute authoritative weight to his testimony. A more nuanced approach is present in St. Maximus the Confessor's letter to Marinus, which proposed a conceptual distinction between the Latin *procedere* and the Greek ἐκπορεύεσθαι. This interpretation allowed for a more nuanced understanding of the Spirit's procession "through the Son," without implying dual hypostatic origination. The translation of De Trinitate by Planoudes expanded the Byzantine engagement with Augustinian thought. In the 14th – 15th centuries, under the influence of Palamite theology, Byzantine authors began to reinterpret Augustine's triadology in a way compatible with Orthodox doctrine. *Results.* The reception of Augustine's Trinitarian teaching in Byzantium evolved from rejection to reinterpretation. By the Palamite period, Byzantine thinkers had developed a coherent hermeneutic that allowed Augustine's teaching on the Filioque to be understood within an Orthodox framework: the Holy Spirit originates from the Father alone, yet is manifested through the Son as the common gift of both. *Funding*. The research was carried out with funds of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 24-78-10165, https://rscf.ru/project/24-78-10165/.

Key words: Greek-Latin polemics, Council of Ferrara-Florence, Filioque, Blessed Augustine, Maximus the Confessor, Mark of Ephesus.

Citation. Pashkov P.A. "Augustine Agreed with Our Teachers": Interpretations of Saint Augustine's Triadology in Byzantine Anti-Latin Polemic. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 140-149. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.10

УДК 371.2:27-36
ББК 86.372.11-3

Дата поступления статьи: 28.05.2025
Дата принятия статьи: 03.10.2025

«АВГУСТИН БЫЛ С НАШИМИ УЧИТЕЛЯМИ СОГЛАСЕН»: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРИАДОЛОГИИ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА В ВИЗАНТИЙСКОЙ АНТИЛАТИНСКОЙ ПОЛЕМИКЕ

Петр Алексеевич Пашков

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается рецепция триадологии святого Августина в грекоязычной полемической литературе VII–XV веков. Проблема восприятия латинской мысли в Византии является одной из наиболее актуальных тем современной византинистики. Исследование сосредоточено

© Пашков П.А., 2025

на том, как византийские богословы истолковывали триадологическое учение Августина в сопоставлении с восточнохристианским богословием. *Методы и материалы.* Анализ основан на корпусе византийских антилатинских полемических сочинений от св. патриарха Фотия до Геннадия Схолария. В исследовании применяются диахронный сравнительно-исторический и источниковедческий методы, а также методы теологические, включающие систематическую реконструкцию и сравнительно-богословский анализ. В число основных источников входят ключевые византийские тексты, посвящённые вопросу Filioque, а также греческий перевод трактата Августина De Trinitate, выполненный Максимом Планудом в конце XIII века. *Анализ.* Ранние византийские богословы имели ограниченное представление о сочинениях Августина и, как правило, не придавали его свидетельствам авторитетного значения. Более дифференцированный подход наблюдается в послании святого Максима Исповедника к Марину, где предлагается концептуальное различие между латинским *procedere* и греческим *ἐκπορεύεσθαι*. Это толкование позволило по-новому понять «исхождение» Духа «через Сына» – в смысле, не подразумевающем двойного ипостасного происхождения. Перевод De Trinitate, выполненный Планудом, значительно расширил представление византийцев об учении св. Августина. В XIV–XV вв. под влиянием паламитского богословия византийские авторы начали реинтерпретировать триадологию Августина в духе православного вероучения. *Результаты.* Рецепция триадологического учения Августина в Византии прошла путь от неприятия к богословскому переосмыслению. Опираясь на паламитский богословский синтез, византийские мыслители выработали целостную герменевтику, позволявшую истолковать учение Августина о Filioque в православных категориях: Святой Дух исходит от одного только Отца, но является миру через Сына как общий дар Отца и Сына. *Финансирование*. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10165, https://rscf.ru/project/24-78-10165/.

Ключевые слова: греко-латинская полемика, Ферраро-Флорентийский собор, Filioque, блаженный Августин, Максим Исповедник, Марк Евгеник.

Цитирование. Пашков П. А. «Августин был с нашими учителями согласен»: интерпретации триадологии блаженного Августина в византийской антилатинской полемике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 140–149. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.10

Введение. Проблема восприятия латинской мысли в Византии представляет собой одно из наиболее актуальных направлений современной византинистики. В последние десятилетия исследователи отказываются от представления о византийской мысли в позднейший период существования Восточной империи как «герметичном» мире, изолированном от латинской традиции. Особую значимость вопрос о греко-латинских культурных и интеллектуальных связях приобретает в связи со спором об исхождении Св. Духа – как известно, именно вопрос о том, исходит ли Дух только от Отца или от Отца и Сына, составлял важнейшее богословское содержание греко-латинской полемики. Вместе с тем, несмотря на существование множества исследований, посвященных вопросу о Filioque, в русскоязычной науке отсутствуют исследования, в которых была бы представлена в обобщенном виде картина византийской рецепции богословия блаженного Августина в связи с этим богословским спором. Шагом к созданию такой работы является настоящая публикация; этим определяется ее актуальность и новизна. Цель данной работы – системная реконструкция (в диахронии) интерпретаций учения блж. Августина об исхождении Св. Духа у византийских церковных писателей IX–XV веков.

Методы и материалы. Настоящее исследование проведено на материале корпуса византийских антилатинских полемических сочинений от св. патр. Фотия до (частично) Геннадия Схолария. Реконструкция подходов византийских мыслителей к триадологии блж. Августина в контексте спора о Filioque произведена с использованием методов диахронического сравнительно-исторического анализа, источниковедческого метода и совокупности теологических методов, включая методологию системной реконструкции с последующим применением метода компаративного теологического анализа.

Анализ. Уже в «золотой век» патристики между греко- и латиноязычным миром существовал коммуникативный разрыв. Формально признавая авторитет латинских святых отцов, византийцы знакомились с верой западной ча-

сти христианского мира почти исключительно через посредство кратких вероисповедных текстов, в первую очередь папских посланий. Ограниченность византийского богословского кругозора особенно ощущалась в случае с наследием блж. Августина: вплоть до IX в. творения блаженного Августина были известны в основном по флорилегиям [1, p. 37–76; 4, p. 726–734]; на греческий язык был переведен только один небольшой его трактат – «О деяниях Пелагия» [14, p. 572].

Положение дел начало меняться в связи со спором об исхождении Святого Духа. Византийские полемисты, начиная со свт. Фотия, могли настаивать, что у грекоязычных святых отцов ясно выражено представление, что только Отец является в Троице «причиной» (αἰτία) бытия двух других ипостасей. Но и их оппоненты апеллировали к наследию святых – западных учителей Церкви, учивших, что «Spiritus Sanctus a Patre Filioque procedit». Латинские полемисты, таким образом, ставили византийцев перед выбором: «...Либо [латинские учителя Церкви] благочестиво учили, и те, кто считает их отцами, должны быть согласны с их мнением, либо нужно отвергать вместе с мнением и их как зачинателей злочестивых догматов» [17, col. 344]. Исключение святого Августина или Иеронима из числа учителей Церкви было для ромеев немыслимым (только в XX в. чрезвычайно оригинальный мыслитель – священник Иоанн Романидис – мог предлагать «официально осудить сочинения Августина, а затем объяснить причины этого европейцам» [33, σ. 342]). Следовательно, византийским богословам было необходимо предложить такую интерпретацию сочинений блж. Августина, которая позволила бы, признавая его святость, не делать тех выводов, которые делали позднейшие латинские церковные писатели.

Сам св. Фотий, патр. Константинопольский, имевший крайне ограниченное представление о латинской богословской мысли, считал Filioque не более, чем досадной ошибкой отдельных церковных деятелей. В отношении высказываний западных учителей Церкви об исхождении Св. Духа «и от Сына» св. Фотий допускал следующие ходы мысли:

1. Считать эти изречения подложными [17, col. 352].

2. Признать, что упомянутые святые ошибались по неведению [17, col. 348] или «по икономии» [17, col. 352–353].

3. Отвергнуть их, поскольку сторонников учения об исхождении Св. Духа от одного Отца среди святых было значительно больше [12, col. 146–147].

Проблемой предложенного св. Фотием решения – «стратегии отрицания» – было то, что оно не учитывало степени распространенности Filioque на Западе: признанные Востоком святые, в особенности блж. Августин, говорили об исхождении Святого Духа слишком много и слишком подробно, чтобы их рассуждения можно было бы отмести как ошибки по недомыслию или подлоги.

Хотя именно св. Фотий традиционно считается первым из крупных антилатинских полемистов, первый спор по вопросу об исхождении Св. Духа между представителями христианского Востока и Запада развернулся задолго до него. Свидетельством об этом споре является Opusculum 10 прп. Максима Исповедника – выдержка из сохранившегося фрагментарно его послания к пресвитеру Марину. Из письма, написанного в 645/646 г. [24, p. 53–55], следует, что несколько ранее папа Римский Феодор (первым из римских понтификов) направил на Восток послание с исповеданием веры, которое включало в себя упоминание об исхождении Св. Духа и от Сына. Это вызвало возмущение со стороны византийской иерархии, в ту эпоху монофелитской. Прп. Максим, стремясь защитить Римскую Церковь от возможных нападок, дал ортодоксальное толкование латинской формуле «a Patre Filioque procedere».

«…[римляне] привели единодушные свидетельства Римских отцов, а также Кирилла Александрийского, из составленного им трактата на Евангелие от Иоанна. Посредством этих [речений] они показали, что не делают Сына причиной Духа Святого (οὐκ αἰτίαν τὸν Υἱὸν ποιοῦντας τοῦ Πνεύματος), ибо признают Отца единственной причиной Сына и Духа (μίαν γὰρ ἴσασιν Υἱοῦ καὶ Πνεύματος αἰτίαν τὸν Πατέρα), Одного – по рождению, Другого – по исхождению. Но они хотят указать, что [Дух] выступает (πρόεισι) через [Сына], и тем самым сделать очевидным единство и неотличимость сущности» [15, col. 136]. Толкование прп.

Максим сопроводил замечанием о затруднительности перевода терминологии с одного языка на другой [15, col. 136].

Предложенная св. Максимом интерпретация латинских текстов представляла собой набросок, а не развернутую систему, и была сформулирована на материале отдельных отрывков и цитат. Тем не менее можно говорить о том, что в письме к Марину изложены основные принципы согласования греческой и латинской триадологии:

1. Латинская триадологическая терминология не имеет прямых эквивалентов в греческом языке.

2. Отец есть единственная причина (αἰτία) бытия Сына и Св. Духа.

3. Сын связан со Св. Духом, но эта связь отлична от образа получения Св. Духом ипостасного бытия (τὸ ἐκπορεύεσθαι).

Несмотря на свою оригинальность (или именно из-за нее), послание к Марину не сразу стало авторитетным текстом. Как и св. Фотий, последующие полемисты либо оспаривали подлинность текстов латинских святых, писавших об исхождении Св. Духа и от Сына, либо попросту признавали их ошибочными (иногда и в целом принижая авторитет этих авторов). Характерным примером может служить митр. Никейский Евстратий (писал около 1112–1113 гг.), который характеризовал «Августина, Амвросия и Ипполита» как «тех, кто у латинян исследовал догматы... частным образом и поодиночке» и потому «уклонился от должного» [29, σ. 67]. Даже более резко высказывался Михаил Глика: «Когда [отцы] согласны с истиной, Августин устыдится, Амвросий замолчит» [32, σ. 341]. Блж. Августин здесь представал не только не авторитетом, но скорее одним из оппонентов, которых нужно было заставить «замолчать» и «постыдиться».

На этом фоне выделялся трактат блж. Феофилакта, архиеп. Охридского, «О том, в чем обвиняются латиняне» (создан, вероятно, ок. 1112 г.; нельзя исключать и датировку ок. девяностого года XI столетия [8, p. 114]) с его попыткой интерпретации латинской триадологии:

«Ты мне скажешь, что и сам знаешь, что Отец – причина бытия Духа (αἴτιος τοῦ εἶναι τῷ Πνεύματι) по образу исхождения (κατὰ τὸν τρόπον τῆς ἐκπορεύσεως) точно так же, как и Сына – по образу рождения, а об исхождении Духа от Сына говоришь не в этом значении, а в смысле излияния и раздаяния. <...> Бедность речи и скудость латинского языка вынуждают тебя [выражаться таким образом]. <...>. Тогда я всюду готов позволить тебе употреблять те выражения, которые есть в твоем языке, <...> но только с надлежащим предварительным разъяснением, чтобы слушатели не оставались в неведении о том, что за одним словом стоит двоякий смысл. Но в Символе возвещай исхождение только от Отца; ибо здесь мы исповедуем свою веру, и это исповедание должно быть чистым, светлым и простым (таково ведь и то, во что мы верим), свободным от смешения, темноты или многозначности» [8, p. 257].

Несмотря на отсутствие у блж. Феофилакта прямых ссылок на послание к Марину, как кажется, начальная часть цитируемого фрагмента («εἰδέναι καὶ ὡς αἴτιος τοῦ εἶναι τῷ Πνεύματι ὁ Πατὴρ κατὰ τὸν τρόπον τῆς ἐκπορεύσεως, ὥσπερ κατὰ τὸν τῆς γεννήσεως τῷ Υἱῷ») представляет собой парафраз текста прп. Максима («μίαν γὰρ ἴσασιν Υἱοῦ καὶ Πνεύματος τὸν Πατέρα αἰτίαν· τοῦ μὲν κατὰ τὴν γέννησιν· τοῦ δέ, κατὰ τὴν ἐκπόρευσιν»). Развивая эту мысль далее, Феофилакт также опирается на Исповедника (хотя у него присутствует характерное снисходительное отношение к латинскому языку, которого у прп. Максима не заметно): в латинском языке отсутствует ясное разграничение терминологии для «исхождения» как получения бытия и «раздаяния» даров Духа Святого, и потому на латинском языке допустимо говорить об «исхождении» Духа и от Сына при правильном понимании этого исхождения и признания Отца единственной «причиной» бытия двух других ипостасей.

Все упомянутые выше авторы не рассматривают конкретных текстов ни при отрицании авторитета латинских учителей Церкви, ни при попытках интерпретации их позиции. Разумеется, эта ситуация со временем, пусть и медленно, менялась, особенно в связи с интенсификацией греко-латинских культурных связей в эпоху Комнинов, однако знание латинской патристики в Византии оставалось фрагментарным. Уже в XIII столетии Димитрий Торник, высокопоставленный чиновник Никейской империи, в одном из

полемических текстов пытался предложить опровержение Filioque через выражение блж. Августина Spiritus a Patre principaliter procedit [28, σ. 933] – в использованном Торником переводе principaliter было передано как πρωτοτύπως: «Если же Дух первичным образом (πρωτοτύπως) исходит от Отца, – как учит тебя Августин, великий для твоего Святейшества [папы Римского], да и для нас, <...> то от Сына Он вовсе не исходит, потому что исхождение от Отца не несовершенно, а значит в исхождении от Сына для совершенства и не нуждается» [5, p. 195]. Торник уже не позволял себе выражений в духе «Августин постыдится», однако и его прочтение богословия блж. Августина исходило из единственного выражения, взятого вне контекста.

Даже в ходе споров о Лионской унии (1274–1282) участники полемики практически не ссылались на тексты латинских святых. В том числе и Иоанн Векк, униатский патриарх Константинопольский, ограничивался лишь общим указанием на авторитет западных учителей Церкви, без обращения к конкретным текстам [16, p. 109]. Характерно, что и патр. Григорий Кипрский – его наиболее значимый богословский оппонент, предложивший свой оригинальный вариант трактовки вопроса об исхождении Св. Духа, также ни разу не упоминал св. Августина в своих сочинениях. Причиной такого положения вещей оставался, по-видимому, языковой барьер.

Ситуацию изменил перевод Максимом Планудом трактата «О Троице» блж. Августина, созданный после 1274 г., в связи с Лионской унией [6, p. 15]. Перевод Плануда стал импульсом для более глубокой рецепции учения блж. Августина у последующих поколений богословов [1]. Тем не менее тенденция к отвержению авторитета блж. Августина в какой-то степени продолжала сохраняться, так что возникала нужда в защите его статуса как учителя Церкви как такового. Так, рукопись Vat. gr. 606. Fol. 312v-313r (XIV в.) содержит составленную Димитрием Кидонисом небольшую подборку цитат из Деяний Соборов, подтверждающих авторитет святителя. Характерен заголовок флорилегия: «Наглядное доказательство относительно Августина, что Соборы провозглашают его в высшей степени выдающимся учителем и святым» [21, S. 2–4].

Впрочем, несмотря на эти колебания, к середине XIV в. трактат «De Trinitate» в греческом переводе был в целом «усвоен» византийскими богословами и стал использоваться в том числе и в богословских сочинениях, которые не имели непосредственного отношения к антилатинской полемике. Подробное рассмотрение всех случаев обращения византийских церковных писателей к блж. Августину выходит за рамки настоящей публикации, но достаточно заметить, что в ходе паламитских споров к «De Trinitate» обращались и свт. Григорий Палама (см.: [7, p. 63–80]), и его впоследствии анафематствованный оппонент, Григорий Акиндин [3, p. 189; 28, σ. 403]. Прямые, хотя и без указания источника, заимствования из трактата «О Троице» присутствуют в описании Духа Святого как Любви Отца и Сына в «150 Главах» св. Григория [25, p. 120–122; 28, σ. 929]. Однако Палама предлагал для этого августиновского образа прочтение в духе византийской ортодоксии: если Дух Святой есть любовь Отца и Сына, это означает, что Он имеет бытие от Отца и почивает в Сыне как единосущный Ему. Дух как общая любовь Отца и Сына для свт. Григория сближался с Божественной энергией, нетварным действием Святого Духа.

Тогда же, в середине XIV в., была сформулирована «каноническая» византийская интерпретация триадологии Св. Августина. Еще Варлаам Калабрийский в своей полемике против Filioque в 30-е гг. этого столетия ограничивался, как ранее Димитрий Торник, указанием на слова блж. Августина об исхождении Св. Духа «κυρίως ἐκ τοῦ Πατρός» [7, p. 664] и вообще не обнаруживал (вопреки мнению некоторых современных исследователей [22, p. 194, 195]) особенного интереса к наследию латинского учителя Церкви. Однако несколько позже послание прп. Максима Исповедника к Марину стало основой для нового прочтения западной патристики.

Собственно, уже в XIII в. константинопольский богослов иеромонах Иерофей обратился к посланию «Ad Marinum» для объяснения святоотеческих текстов, которые казались благоприятными для униатов [31, σ. 144–145], однако в тот момент его интерпретация не получила всеобщего признания даже среди противников унии. В середине

XIV в. тот же подход применил архиеп. Нил Кавасила, сподвижник свт. Григория Паламы и соавтор документов паламитского Собора 1351 г.; его влияние сделало послание к Марину настоящим «ключом» к ортодоксальному истолкованию филиоквистских выражений «Римских отцов» (то есть в первую очередь блж. Августина, единственного доступного византийцам в достаточном объеме автора):

«Если кто-то слышит, что Римские отцы учили, что Дух исходит также и от Сына, это не следует понимать в том смысле, что Сын является причиной [бытия Духа], но только в том значении, что Отцы говорили о Его выступании (προϊέναι) через Сына» [11, p. 379–381].

Более подробное обоснование для прочтения текстов блж. Августина в духе Кавасилы разрабатывал Иосиф Вриенний – крупный антилатинский полемист рубежа XIV–XV веков. Рассуждая о словах «Римских отцов» об исхождении Св. Духа и от Сына, он подчеркивал, что это «...выражение используется не с тем, чтобы указать на беспричинное существование и выступание, но на выступание к нам (ὡς ἡμᾶς) для раздаяния [даров Духа Святого]» [30, σ. 198–199].

Вриенний сознавал, что творения блж. Августина содержат множество благоприятных с точки зрения современных ему латинян высказываний (см.: [28, σ. 933]). Исходя из послания к Марину, он считал эти выражения следствием ограниченности латинского богословского языка:

«Из-за ограниченности языка у италийцев нет ни существительного “исхождение” (ἐκπόρευσις), ни глагола (ῥῆμα) “исходить” (ἐκπορεύεσθαι). Поэтому вместо того, чтобы сказать “исхождение”, они говорят “выступление” (πρόοδος, processio), а вместо “исходит” – “выступает” (πρόεισι, procedit)» [30, σ. 205–206].

Греческий язык позволял рассуждать более точно: «У нас применительно ко Святому Духу слова “выступление” и “исхождение”, равно как и “выступать” и “исходить” соотносятся так же, как род и вид, общее и частное (τὰ κοινὰ πρὸς τὰ ἴδια), все вообще и каждое в отдельности (τὰ καθόλου πρὸς τὰ καθ’ ἕκαστα). “Выступление” – это общее [понятие]. Так, и Великий Дионисий говорит о “выступлении Богоначалия” [26, p. 126], и Августин [пишет], что “послание Божественного Лица бывает от всей Троицы”[2], а раньше них Господь сказал: “Я и Отец придем” (см.: Ин. 4:23). “Исхождение” же – это частное [понятие], поскольку и относится оно только к ипостасному бытию Духа. Глагол “выступает” (πρόεισι) чаще применяется ко всем дарам Духа вообще, но иногда и к Его исхождению, и много к чему еще. Но вот “исходит” (ἐκπορεύεται) применительно к Духу используется только как термин, обозначающий [ипостасную] особенность Духа» [30, σ. 206].

Древние латинские святые, по мнению Вриенния, использовали слово «procedit» и для обозначения ипостасной особенности Св. Духа, и для обозначения Его действий и дарований, однако «позднейшие [латиняне], встречая это выражение, но не сознавая, что именно у [бывших прежде] иногда означает слово “выступает”, решили, что это выражение имеет только тот смысл, [который греки вкладывают в слово] “исходит”» [30, σ. 207].

Все эти соображения Вриенний подкреплял ссылкой на характерное для блж. Августина понятие о Св. Духе как о «даре Отца и Сына» [30, σ. 341–343]. Он подчеркивал, что для блж. Августина с понятием об исхождении Св. Духа была неразрывно связана идея Его дарования (цитируя слова святого о том, что Дух «так исходил, что Ему предстояло быть дарованным» [28, σ. 379]). Дух, по Августину, имеет бытие, чтобы быть дарованным, и является в вечности «даром», даже если даруется впоследствии во времени (здесь Иосиф мог усматривать параллели с паламитским учением о предвечном бытии нетварных Божественных энергий, которые во времени лишь проявляются). Однако «дарует», согласно «De Trinitate», Святого Духа как дар в том числе и Сам Святой Дух (эти слова тоже цитируются Вриеннием [28, σ. 951]). От Самого Себя Дух как ипостась иметь бытие («исходить» в греческой терминологии) не может. Остается заключить, что блж. Августин, говоря об «исхождении» / «выступании» Святого Духа, подразумевает не только третью ипостась Троицы как таковую, но и Ее благодатные дарования («энергии»). Дары благодати, в свою очередь, и вправду исходят (или «выступают») от Отца через Сына или от Отца и Сына во Святом Духе и являются общим проявлением всей

Троицы. Византийскому же «исхождению» в смысле образа получения Св. Духом ипостасного бытия у Августина соответствует «началообразное исхождение» (ἀρχοειδῶς ἐκπορεύεσθαι; principaliter procedere). Именно механическое соотнесение «позднейшими латинянами» глагола procedere с тем комплексом представлений, который греки обозначали термином ἐκπορεύεσθαι, и создало, по мнению Вриенния, Filioque как еретическое учение.

Итогом развития всей византийской полемической традиции по вопросу о Filioque стала дискуссия, проходившая на Ферраро-Флорентийском соборе с 26 февраля по 24 марта 1439 г., а затем, вплоть до начала лета, за кулисами собора. Во время публичной дискуссии в центре внимания находились тексты греческих святых отцов. Большой объем латинских патристических свидетельств (использовались тексты святых Августина, Илария, Амвросия, Григория Двоеслова, Дамаса и т. д.) в поддержку Filioque был приведен провинциалом доминиканского ордена Джованни ди Монтенеро лишь на последнем этапе дискуссии [9, p. 393–396]. Это выступление произвело значительное впечатление на византийскую делегацию. Среди ромеев возникло разделение во мнениях: митрополит Виссарион Никейский и ряд других архиереев считали доказанным, что западное учение об исхождении Св. Духа «и от Сына» является святоотеческим, в то время как свт. Марк Евгеник и другие полагали, что «лучше умереть, чем сделаться латинянами», то есть принять догматы Римской церкви [9, p. 400].

Обе «партии» внутри греческой делегации верили в принцип «συμφωνία τῶν διδασκάλων», «согласия учителей»: были убеждены, что греческие и латинские святые отцы не могут содержательно друг другу противоречить [2, p. 10–11]. Но поскольку тринитарная терминология, используемая для описания исхождения Святого Духа, была на Востоке и на Западе очевидно разной, было необходимо предложить гармонизацию двух традиций. Вариантов согласования было предложено два: первый принадлежал митр. Виссариону Никейскому, второй – свт. Марку Евгенику.

Виссарион утверждал, что тексты латинских отцов об исхождении Св. Духа являлись более однозначными, и потому греческая традиция должна быть истолкована исходя из латинской [2, p. 19]. Интерпретацию латинской патристики на основании послания прп. Максима к Марину Виссарион подверг критике. Он считал сомнительной саму подлинность послания, хотя в рамках спора и соглашался допустить, что оно является аутентичным [2, p. 43]. Однако, по мнению Виссариона, термин «выступать» (προϊέναι) в письме используется вместо «исходить» (ἐκπορεύεσθαι), а не наоборот. Следовательно «выступать через Сына» значит «исходить через Сына (δι’ Υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι), то есть через Него иметь бытие». Это, по мнению Виссариона, «было бы невозможно, если бы Сын также не был причиной бытия Святого Духа (τοῦ Πνεύματος ὑπάρξεως αἰτία)» [2, p. 46–47]. Примирить этот вывод с прямым заявлением прп. Максима, что Сын не должен считаться «причиной» Св. Духа, Виссарион пытался при помощи выделения двух типов причинности – первичной (ἀρχοειδής καὶ προκαταρκτική) и вторичной причины (основания для такого выделения в текстах самого прп. Максима неочевидны) [2, p. 43]. Такое прочтение, очевидно, опиралось на блж. Августина: термин ἀρχοειδής αἰτία отсылает к августиновскому выражению «ἀρχοειδῶς ἐκπορεύεσθαι». Если прежние византийские авторы предлагали читать блж. Августина через прп. Максима, Виссарион, напротив, интерпретировал прп. Максима исходя из текстов западного святителя.

Традиционная византийская точка зрения на Ферраро-Флорентийском соборе была представлена свт. Марком Евгеником, митр. Эфесским. В своих попытках систематически рассмотреть вопрос о Filioque святитель принимал августиновскую терминологию, объединяя рождение Сына и исхождение Св. Духа в общую категорию «процессий» (πρόοδος, аналог латинского processio) [9, p. 254]. Аналогичный ход мысли присутствовал в «De Trinitate», где утверждалось, что Сын «изошел» от Отца «как рожденный», а Дух – «как дарованный» [28, σ. 375]. Таким образом, именно «дарованность» как уникальное качество Духа латинский учитель в этом фрагменте сополагал с «рожденностью» Сына. Это позволяло свт. Марку предположить, что для блж. Августина особенностью Св. Духа

является получение бытия от Отца таким образом, чтобы быть даром Сына (точнее, общим даром Родителя и Рожденного), освящающим мир. А если так, заключал св. Марк, в тех контекстах, в которых речь идет о том, что Дух Святой «a Patre Filioque procedit», Августин имеет в виду не исхождение как образ получения бытия Святым Духом, а «раздаятельное исхождение» – явление и разделение благодатных дарований, в котором Сын принимает участие в силу единства сущности. Весь этот ход мысли святитель основывал на послании прп. Максима Исповедника к Марину. Наиболее ясным образом такую интерпретацию Евгеник выразил в своих «Силлогических главах об исхождении Святого Духа»:

«Именование “Сын” обозначает две вещи: и отношение (σχέσιν) к Отцу, по которому Сын имеет бытие от Него, и единосущие (τὸ ὁμοούσιον) Ему, поскольку всякий сын единосущен отцу. Точно так же и слово “рождение” в достаточной мере показывает и причину (αἰτία), от которой Сын имеет бытие, и единосущие. Однако с именованиями “Святой Дух” и “исхождение” дело обстоит не так. Но когда мы слышим “Дух Отца”, мы мыслим о некоем даре Отца, который достигает нас, освящает нас и действует в нас, потому что и Господь говорит: “Дух Отца вашего, Который говорит в вас” (Мф. 10:20). Поэтому Тот же Дух называется также “Духом Сына”, поскольку Он есть общий дар (κοινὸν δῶρον ἀμφοῖν) обоих, как говорит и блаженный (μακάριός) Августин.

Когда же мы слышим “Дух, исходящий от Отца”, на основании этих слов мы познаем и причину, от которой Он имеет бытие, и саму ипостась, но не единосущие [Духа Отцу]; ибо ни слово “Дух”, ни слово “исхождение” этого смысла не имеют. Поэтому богословы, когда хотят просто показать причину, от которой Дух имеет бытие, говорят: “Дух, исходящий от Отца”; это выражение они переняли у Самого Господа и не богословствуют неполно или пренебрегая ближайшей причиной (да не будет такой нелепости!). А когда они желают одновременно показать и единосущие, тогда добавляют “через Сына” и говорят: “исходящий от Отца через Сына”, словно говоря: “Исхождение следует мыслить не без Сына, не иноприродно по сравнению [с рождением] Сына (ἑτεροφυῶς παρὰ τὸν Υἱόν), но вместе с рождением”. <...> Поэтому и божественный Максим говорит: “[Дух] неизреченно исходящий через Сына рожденного”, – и не добавил бы “рожденного”, если бы не хотел, чтобы мыслили именно так. А что и прочие отцы имели ту же мысль, свидетельствует тот же Максим в послании к Марину...» [19, p. 97–98].

На основании того же послания к Марину свт. Марк пытался вести и дискуссию со сторонниками унии на завершающих этапах Ферраро-Флорентийского собора. Евгеник к этому моменту относился к оппонентам с недоверием, поскольку латинская сторона еще во время споров о прибавлении к Символу веры, несколько раз использовала подложные или искаженные тексты в своей аргументации [3]. Поэтому св. Марк считал возможным доверять только тем текстам латинских учителей Церкви, которые переводились на греческий язык целиком или были одобрены Вселенскими Соборами и древними святыми отцами, в первую очередь тем же прп. Максимом в его послании к Марину [13, p. 394].

После собора ту же позицию, что и св. Марк, защищал и его брат, Иоанн Евгеник, в своем «Антирретике» против итогового определения Ферраро-Флорентийского собора: «...вышеупомянутое послание божественного Максима со всей возможной ясностью обличает латинян в том, что они дерзнули на новшество, а теперь клевещут и возводят напраслину на учителей, которые жили в их [странах], выворачивая сообразно со своими целями сказанное теми в добром и здравом смысле» [23, p. 89]. Дополнительного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи, заслуживает выдающийся последователь св. Марка – Геннадий Схоларий; однако в рамках настоящего исследования можно отметить, что и он, опираясь на послание к Марину, утверждал: «сам Августин был с нашими учителями согласен» [10, p. 83].

Результаты. С точки зрения византийских писателей, опиравшихся на послание прп. Максима Исповедника к Марину, богословский язык латинской патристики сам по себе не являлся еретическим. Ересью Filioque становилось из-за соотнесения «позднейшими латинянами» глагола procedere с тем, что

греки обозначали термином ἐκπορεύεσθαι (в смысле образа получения ипостасного бытия Св. Духа). В восточной патристике ипостасную особенность Сына и Св. Духа составлял различный образ получения бытия от Отца – «рождение» и «исхождение» соответственно, – причем образ различия был непостижим. Позднейшее латинское богословие предполагало, что Дух отличается от Сына именно тем, что Сын имеет бытие от Отца, а Дух – от Отца и Сына [20, p. 189–190]. Опираясь на августиновское понятие о Св. Духе как «общем даре Отца и Сына», Иосиф Вриенний и св. Марк Евгеник доказывали, что у блж. Августина исхождение Св. Духа отличается от рождения Сына тем, что исхождение есть «образ получения ипостасного бытия от Отца с тем, чтобы быть даром Сына (или общим даром Отца и Сына)».

Содержательная оценка этого прочтения – задача отдельного исследования. Тем не менее нельзя не отметить методологическую значимость такого подхода: византийские мыслители не считали возможным отрицать авторитет западной патристики и вполне осознавали своеобразие латинского богословского языка. Для богословов XIV–XV вв. августиновское понятие о Св. Духе как «даре» оказалось созвучно паламитской концепции нетварных Божественных энергий. Поэтому особо перспективным при дальнейших исследованиях представляется поместить вопрос о Filioque у Св. Августина в контекст его учения о присутствии Бога в мире и о приобщении Божеству в сопоставлении с паламитским подходом к этой проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полный перечень переводов блж. Августина, выполненных в византийский период, см.: [18, p. 444–445].

[2] «ἡ τοῦ θείου προσώπου ἀποστολὴ ἀφ’ ὅλης ἐστὶ τῆς Τριάδος». Таких слов у блж. Августина нет, хотя можно увидеть прямое совпадение с Фомой Аквинским: «Если же ниспосылающее Лицо мыслится как начало следствия, через которое постигается посольство, то так вся Троица ниспосылает ниспосылаемое Лицо» [27, p. 454]. Смешение авторов объяснимо: в цитируемом фрагменте Аквинат комментирует слова Августина о посылании Св. Духа от Самого Себя (см. ниже).

[3] Среди прочего униатский архиепископ Родосский Андрей Хрисоверг представил в искаженном виде и то самое послание к Марину и был «пойман за руку» переводчиком [9, p. 132].

REFERENCES

1. Altaner B. Augustinus in der griechischen Kirche bis auf Photius. *Historisches Jahrbuch*, 1952, vol. 71, pp. 37-76.

2. Candal E., ed. *Bessario Nicaenus. Oratio dogmatica de unione*. Roma, Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1958. xci, 98 p. (Concilium Florentinum Documenta et Scriptores; vol. 7, fasc. 1).

3. Canellas J.N., ed. *Gregorii Acindyni Rufutationes duae operis Gregorii Palamae.* Turnhout; Leuven, Brill, 1995. cxc, 485 p. (Corpus Christianorum Series Graeca; vol. 31).

4. Crostini B. Augustine in the Byzantine World to 1453. *The Oxford Guide to the Reception of Augustine. Vol. 2*. Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 726-734.

5. Darrouzès J., ed. *Georges et Dèmètrios Tornikès. Lettres et discours*. Paris, Éditions de Centre national de la recherche scientifique, 1970. 381 p.

6. Demacopoulos G.D., Papanikolaou A., eds. *Orthodox Readings of Augustine.* New York, St. Vladimir’s Seminary Press, 2008. 314 p.

7. Fyrigos A. *Barlaam Calabro. Opere contro i Latini.* Citta del Vaticano, Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1998. xxxvi, 772 p. (Studi e testi; 347).

8. Gautier P., ed. *Theophylacte d’Achrida. Discours, traités, poésies*. Thessalonique, Association de Recherches byzantines, 1980. 418 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; vol. 16/1).

9. Gill J., ed. *Acta Graeca Concilii Florentini*. Roma, Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1953. xci, 492 p. (Concilium Florentinum Documenta et Scriptores; vol. 5, 2 fasc.).

10. Jugie M., ed. *Oeuvres completes de Gennade Scholarios. T. 3*. Paris, Maison de la Bonne Presse, 1930. lii, 547 p.

11. Kislas Th., ed. *Nil Cabasilas. Sur le Saint-Esprit.* Paris, Cerf, 2001. 494 p.

12. Laourdas B., Westerink L.G., eds. *Photii patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. Vol. 3*. Leipzig, Teubner, 1985. xv, 182 p.

13. Laurent V., ed. *Les «Mémoires» du grand ecclésiarque de l’Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438–1439)*. Paris, Éditions de Centre national de la recherche scientifique, 1971. xxv, 715 p. (Concilium Florentinum Documenta et Scriptores; vol. 9).

14. Malavasi G. The Greek Version(s) of Augustine’s De gestis Pelagii. *Zeitschrift für Antikes Christentum*, 2017, vol. 21, pp. 559-572.

15. Migne J.-P., ed. *Exemplum epistoli Maximi Confessoris ad dominum Marinum.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 133-137. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 91).

16. Migne J.-P., ed. *Joannis Becci De unione Ecclesiarum.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 16–157. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 141).

17. Migne J.-P., ed. *Photii patriarchae Constantinopolitani De processione Spiritus Sancti mystagogia.* Paris, J.-P. Migne, 1865, cols. 280-400. (Patrologiae cursus completus. Series Graeca; vol. 102).

18. Nichols A. The Reception of St Augustine and His Work in the Byzantine-Slav Tradition. *Angelicum*, 1987, vol. 64, no. 3, pp. 437-452.

19. Petit L., ed. *Marci Eugenici metropolitae Ephesi opera antiunionistica*. Roma, Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1977. 214 p. (Concilium Florentinum Documenta et Scriptores; vol. 10, fasc. 2).

20. Pohle J. *Dogmatic Theology: The Divine Trinity.* Saint Louis, Herder, 1912. 295 p.

21. Rackl M. Die griechischen Augustinusübersetzungen. *Miscellanea Francesco Ehrle: Scritti di storia e paleografia I. Per la storia della teologia e della filosofia*, 1924, vol. 1, pp. 1-31.

22. Romanides J. Notes on the Palamite Controversy and Related Topics, pt. 1. *The Greek Orthodox Theological Review*, 1961, vol. 6, no. 2, pp. 186-205.

23. Rossidou-Koutsou E., ed. *John Eugenikos' Antirrhetic of the Decree of the Council of Ferrara-Florence.* Nicosia, Research Center of the Monastery of Kykkos, 2006. 153 p.

24. Sherwood P. *An Annotated Date-List of the Works of Maximus the Confessor*. Rome, "Orbis Catholicus"; Herder, 1952. viii, 64 p.

25. Sinkewicz R., ed. *Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters*. Toronto, Pontifical Institute of Medieval Studies, 1988. 288 p.

26. Suchla B.R., ed. *Corpus Dionysiacum I*. Berlin; New York, De Gruyter, 1990. xxix, 238 p.

27. Thomas Aquinas. *Pars Prima Summae Theologiae a quaestione I ad quaestionem XLIX*. Romae, Typographia Polyglotta, 1888. xv, 509 p. (Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici opera omnia jussu Leonis XIII P. M. edita; t. 4).

28. *Augoustinou Peri Triados biblia pentekaideka, aper ek tēs Latinōn dialektou eis tēn Ellada metēnenge Maximos Planoudēs* [On the Trinity, Fifteen Books, Translated from Latin into Greek by Maximos Planoudes]. Athens, Kentron Ekdoseōs Ergōn Ellēnōn Syggrafeōn Publ., 1995. clix, 1056 p.

29. Dēmētrakopoulos A., ed. *Eustratiou mētropolitou Nikaias pros tous legontas, hoti ek tou Patros kai ek tou Huiou to Pneuma to hagion ekporeuetai* [Of Eustratios, Metropolitan of Nicaea, to Those Who Say that the Holy Spirit Proceeds from the Father and the Son]. Leipzig, Othonos Vigandou, 1866, pp. 47-71. (Ekklēsiastikē Bibliothēkē; 1).

30. Eugenios Bulgarēs, ed. *Iōsēph Monachos tou Bryenniou Ta eurethenta* [The Discovered Works of Hieromonk Joseph Bryennius], vol. 1. Leipzig, Breitkopf, 1768. xlvi, 500 p.

31. Ioannidēs N.Ch., ed. *O Hieromonachos Hierotheos (13 ai.) kai to anekdoto syngraphiko ergon tou* [The Hieromonk Hierotheos (13th c.) and His Unpublished Writings]. Athens, Kyriakidi Publ., 2003. 275 p.

32. Michaēl tou Glykā. *Eis tas aporias tēs Theias Graphēs* [On the Difficulties of the Holy Scripture]. Athens, Sakellariou Publ., 1906. 496 p.

33. Romanidēs I. *Dogmatikē kai Symbolikē Theologia tēs Orthodoxou Katholikēs Ekklēsias* [Dogmatic and Symbolic Theology of the Orthodox Catholic Church], vol. 1. Athens, Pounara Publ., 1999. 356 p.

Information About the Author

Petr A. Pashkov, Candidate of Sciences (Theology), Associate Professor, Department of Ancient Languages and Ancient Christian Literature, Orthodox St. Tikhon University for the Humanities, Likhov Lane, 6, 127051 Moscow, Russian Federation, petrpashkov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5056-5267

Информация об авторе

Петр Алексеевич Пашков, кандидат теологии, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов пер., 6, 127051 г. Москва, Российская Федерация, petrpashkov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5056-5267

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.11

UDC 930.271(100):726.7
LBC 63.229(0)4

Submitted: 25.06.2025
Accepted: 22.08.2025

AN UNEXPECTED EPIGRAPHIC FIND IN THE ATHONITE MONASTERY OF VATOPEDI AND ITS COMPARATIVE STUDY [1]

Dimitrios Liakos

Ephorate of Antiquities of Chalkidiki and Mount Athos, Ministry of Culture, Polygyros, Greece

Abstract. The author focuses upon an inscription revealed in the circular baseline of the dome in the Catholicon (the cathedral church) of the monastery of Vatopedi at Mount Athos. Athanasius, who is mentioned in the inscription, can be identified with the abbot Athanasius recorded in the documents from 1020 until 1048. This recently uncovered dedicatory inscription and the similar in structure inscription on the pavement of the Catholicon of the monastery of Iviron are important examples promoting church officials in donation or renovation of the Catholicons in the flourishing Athos during the eleventh century. Through targeted expressions containing the quotations of psalms, the patron's images are constructed, and their reputation after their death is strengthened. The discovery of the inscription is extremely important, the evidence undoubtedly shedding light on the early architectural history of the Catholicon. The latter has been thoroughly documented, but its study continues to be of interest to researchers until today.

Key words: Mount Athos, monastery of Vatopedi, Athanasius, St Athanasius the Athonite, Catholicon, dome, *opus sectile*, monastery of Iviron.

Citation. Liakos D. An Unexpected Epigraphic Find in the Athonite Monastery of Vatopedi and Its Comparative Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 150-162. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.11

УДК 930.271(100):726.7
ББК 63.229(0)4

Дата поступления статьи: 25.06.2025
Дата принятия статьи: 22.08.2025

НЕОЖИДАННАЯ ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ НАХОДКА В АФОНСКОМ ВАТОПЕДСКОМ МОНАСТЫРЕ И ЕЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ [1]

Димитриос Льякос

Эфорат древностей Халкидики и Горы Афон, Министерство культуры, г. Полигирос (Полийирос), Греция

Аннотация. Рассматривается надпись, обнаруженная в окружности основания купола Кафоликона (соборной церкви) Ватопедского монастыря на Афонской Горе. Афанасия, упомянутого в надписи, можно отождествить с игуменом Афанасием, который фиксируется в документах с 1020 по 1048 год. Эта недавно обнаруженная посвятительная надпись по своей структуре похожа на надпись на полу Кафоликона Ивирского монастыря. Обе надписи являются важными примерами, побуждающими церковных служителей к пожертвованиям или обновлению кафоликонов на процветающем в XI в. Афоне. С помощью целенаправленных высказываний, содержащих цитаты псалмов, конструируются образы покровителей, а их репутация после кончины укрепляется. Открытие надписи являет собой чрезвычайно важное свидетельство, несомненно проливающее свет на раннюю архитектурную историю Кафоликона. Последний тщательно документирован, но его изучение продолжает привлекать исследователей и по сей день.

Ключевые слова: Гора Афон, Ватопедский монастырь, Афанасий, Св. Афанасий Афонит, католикон, купол, *opus sectile*, Ивирский монастырь.

Цитирование. Льякос Д. Неожиданная эпиграфическая находка в Афонском Ватопедском монастыре и ее сравнительное изучение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 150–162. – [На англ. яз.]. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.11

© Liakos D., 2025

Introduction. Until recently Athonite epigraphy had received very little attention from scholarship [12, pp. 279-282]. Although the fundamental corpus of the pioneer Byzantinists G. Millet, J. Pargoire, and L. Petit [15] appeared at a very early stage of Athonite studies, knowledge of the Byzantine and post-Byzantine Athonite inscriptions had been minimal and not on secure footing. Just recent years have witnessed a veritable surge of interest in Byzantine and post-Byzantine inscriptions of Mt. Athos. Following the first contribution of G. Millet, J. Pargoire, and L. Petit, some scholars did attempt to approach the subject, either dealing with already published inscriptions or presenting unknown material [2]. In my recent papers I studied in detail the role and function of some Byzantine and early post-Byzantine dedicatory inscriptions on Athos, through the selection of unknown items and the reconsideration of published material [12; 8; 10]. In a very recent essay, two well-known dedicatory inscriptions from the monasteries of Megiste Lavra and Vatopedi were re-examined in depth [21, pp. 128-140].

The middle Byzantine dedicatory inscriptions on Mt. Athos. Research on the Byzantine dedicatory inscriptions in Mt. Athos has to deal with the reality of a lack of material. Due to irretrievable losses of buildings and artifacts as well, the number of Byzantine dedicatory inscriptions is extremely scarce. So, little is known about patronage activity in the Byzantine era, due to the paucity of epigraphic material concerning the building history of almost all monasteries. It is noteworthy indeed, with regard to what is known about patrons, that in all cases our knowledge is boosted by documents. The few Byzantine dedicatory inscriptions are of particular interest for the study of Athonite patronage; the most important ones are the patron's invocation in the door lintel of the Catholicon (cathedral church) of the old monastery (nowadays cell) of Trochalas [12, pp. 284-285], the epigram composed for the bell tower and the *phiale* [3] in Lavra [8, p. 161; 21, pp. 128-140], and the inscription of the Catholicon of Pantocrator [8, pp. 160-161].

The emergence of coenobitic monasticism after the foundation of Lavra was to take on wider dimensions during the eleventh century through activities linked directly with donations and patronage of emperors and upper-class persons [11; 10]. However, the Middle Byzantine epigraphic testimonies from Mt. Athos are too few, and they are not commensurate with the growing increase in patronage and building development of the monastic complexes at the time Mount Athos experienced prosperity with the foundation of numerous monasteries, especially in the eleventh century.

The revealed dedicatory inscription in the monastery of Vatopedi. This paper focuses upon the evidence of an inscription revealed in the circular baseline of the dome in the Catholicon of the monastery of Vatopedi (Fig. 1); recent conservation works on the frescoes of the Catholicon brought to light many significant elements for its painted decoration. Earlier frescoes' layers have been revealed, along with a painted inscription in the circular baseline of the central dome. The beginning of the inscription in the west part of the circular baseline has been lost. The inscription – with several effaced letters – is partially preserved: *ΤΗC ΚΑΙ* in the north part of the circular baseline, *CΑΛΕΥΘΗCΕΤΑΙ Ω ΕΘΕΜΕΛΙΩΤΟ* in the east part (Fig. 2), and *ΔΕ Ο ΤΟΙΟΥΤΟC ΝΕΟC ΥΠΟ ΑΘΑΝΑCΙΟΥ ΤΟΥ ΟCΙΟΤΑΤΟΥ* in the south part of the circular baseline (Figs. 3, 4, 5, and 6). The dedicatory inscription can be restored as follows (Fig. 7): *[ἐγὼ ἐστερέωσα τοὺς στύλους αὐ]τῆς καὶ [εἰς τὸν αἰῶνα οὐ] σαλευθήσεται [---] ᾧ ἐθεμελίωτο δὲ ὁ τοιοῦτος νεός ὑπὸ Ἀθανασίου τοῦ ὁσιοτάτου*.

Who is Athanasius mentioned in the inscription? The monastic tradition speaks of three aristocrats from Adrianople, Nicolaus, Athanasius, and Antonius, who arrived on Mt. Athos in order to cloister and, following the encouragement of St. Athanasius the Athonite, settled in a ruined monastery, which they rebuilt [7, pp. 210-213]. This episode, however, is not mentioned in the two *Vitae* of St. Athanasius. Regardless, the names mentioned in the tradition are also mentioned in written sources, albeit from differing time periods; all three were abbots of the monastery. In the first known mention of the monastery of Vatopedi, in a document from 985, Nicolaus is designated as abbot [3, no. 7.5, 63]. A few decades after Nicolaus, the energetic abbot Athanasius is mentioned in written sources from 1020 until 1048 [3, no. 24.24; 2. no. 4.41]. The abbot Antonius is mentioned in documents of the next century, in particular of 1142 [1, no. 3.43].

Therefore, Athanasius, who is recorded in the inscription, can be identified with the abbot Athanasius mentioned in the documents from 1020 until 1048. Besides, as the archaeological research has shown, Athanasius was buried in a tomb in the Catholicon [19, pp. 143-146].

It is noteworthy indeed that the inscription refers to the construction of the church (*ὁ τοιοῦτος νεός*) under Athanasius. The use of the Homeric word *νέος*, meaning church (*ναός*), is remarkable. Of interest for the presentation of the patron is the epithet accompanying his name. The epithet *ὁσιοτάτου* indicates that Athanasius was dead at the time the inscription was written. On the basis of the documents, it seems that Athanasius died around or after the middle of the eleventh century. Therefore, the inscription on the dome was composed at that period, after Athanasius' death.

Athanasius was an active patron involved in the early history of Vatopedi. The crucial topic that the inscription concerns is the period of the construction of the Catholicon, as it clearly stated that Athanasius built the church. Therefore, the construction of the Catholicon should be placed between 1020 and 1048, at the time Athanasius was mentioned as the abbot of the monastery, yet it seems that he was dead at the time the inscription was written.

The inscription likely implies that another earlier church existed, yet it is obscure whether it is the early Christian basilica partially unearthed some decades ago under the Catholicon [18] or another church. It is undoubted that the monastery of Vatopedi was built on the location of a pre-existing establishment; the early Christian Basilica and other buildings, which are currently being excavated around the Catholicon (Fig. 8), are parts of it.

Mindful of the typological similarities that the Catholicons of Iviron [13, p. 287] and Vatopedi have, as well as the revealed dedicatory inscription in the dome of the Catholicon in Vatopedi, it seems that the Catholicon of Iviron, whose nucleus was built in the last twenty years of the tenth century [16], was the model for that of Vatopedi.

The inscription on the copper ring around the central *omphalion* [4] of the pavement of the Catholicon in Iviron, first published by Millet, Pargoire, and Petit [15, p. 70, no. 231], has recently attracted the attention of the author [10, pp. 187-188]; it reads as follows (Fig. 9): *Ἐγὼ ἐστερέωσα τοὺς στύλους αὐτῆς καὶ εἰς τὸν αἰῶνα οὐ σαλευθήσεται Γεώργιος μοναχὸς ὁ Ἴβηρ καὶ κτήτωρ*. This *opus sectile* [5] pavement of the Catholicon was constructed around the mid-eleventh century as part of the renovations commissioned by George Agiorites, as its abbot (1045–1056). The patron George (*Γεώργιος μοναχὸς ὁ Ἴβηρ καὶ κτήτωρ*) cited in the inscription is George I, who carried out renovations to the Catholicon during his highly creative office as abbot of the monastery (from 1019 until 1029), according to the Vita of George Agiorites. Therefore, the donor activity recorded in the inscription concerns an earlier phase of the Catholicon, carried out under the patronage of George I [10, p. 188].

It has been claimed with reservations by P. Mylonas that the inscription (which mentions George I) is a later copy of a pre-existing one from an earlier pavement created by George I, who carried out renovations in the Catholicon as abbot between 1019 and 1029 [9, p. 42]. It is a fact that similar examples of donor inscriptions that appear to copy earlier ones are encountered in Mt Athos. I just mention the inscription on the outer west wall of the main church of the chapel of Sts Anargyroi in Vatopedi (overpainted in 1847), which seems to copy that of an earlier painting layer, financed by the Serbian despot John Unglesis (1365–1371) [8, pp. 165-166].

Also, the removed inscription of the church of the cell (and early monastery) of St. John the Forerunner, a dependency of the monastery of Docheiari. It was rebuilt in 1695 under the former abbot (*προηγούμενος*) Anastasius, seems to copy in the first part of the text) the original inscription of the church of the old monastery, founded, as it is stated, during the reign of Andronicus II Paleologus: *Κατά τά ϛωγ΄ ἐκτίσθει κ(αὶ) / ἀνιστορίθει ὁ θεῖος οὗτος κ(αὶ) πάν/σεπτος ναὸς τοῦ θείου καὶ ἐνδόξου προφήτου / Προδρόμου κ(αὶ) Βαπτιστοῦ Ἰω[ά]ννου· ἐπὶ τῆς βα/σιλείας τοῦ πανευσεβεστάτου βασιλέως / Ἀνδρονίκου τοῦ Παλεολόγου· νῦν δὲ ἐ/κ βάθρων ἀνεκενίσθη διὰ συνδρομῆς / κ(αὶ) ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου προηγουμένου Ἀνα / στασίου ἐκ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Δοχιαρίου· δικαίβον / τος κυροῦ Βαρθολομαίου μοναχοῦ ἐν μηνὶ Μαίω / ἔτους, ζϛγ· ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ αχϠε* [12, pp. 301-303].

As for the donor activity recorded in the inscription on the pavement of the Catholicon

in Iviron, I am in favor of another interpretation. The commemoration of George I could reflect the posthumous restoration of his memory and the recognition of his patronage in a later period under George Agiorites, at the time the accusations against George I of conspiracy against the emperor Romanus III Argyrus (1028–1034) had been dropped. It was for this reason that, shortly before the middle of the eleventh century, the remains of George I were removed from Monovata, where he had been exiled, and reburied in a tomb in the lite of the Catholicon. The memory of George I was strongly revered in the monastery after the mid-eleventh century thanks to George Agiorites [10, pp. 187-188].

Conclusions. Therefore, the mid-eleventh-century inscription on the pavement of the Catholicon in Iviron states its renovation occurred some years earlier, under George I, during his office as abbot (1019–1029) [9, p. 42]. From this point of view and on the basis of the available evidence this dedicatory inscription is a unique example in Mt Athos to my knowledge. In other words, there is an interaction between the inscription and the collective monastic memory, since the text vitalizes and restores the significant role of an earlier abbot and patron, who was unfairly accused of conspiracy.

The aforementioned dedicatory inscriptions in Vatopedi and Iviron appear to have strong similarities in their structure. The phrase *Ἐγὼ ἐστερέωσα τοὺς στύλους αὐτῆς*, common to both texts, comes from Psalm 74: …*διότι ἐγὼ ἰδιοχείρως ἐστερέωσα τοὺς στύλους καὶ τὰ θεμέλιά τας*... In addition, the phrase *καὶ εἰς τὸν αἰῶνα οὐ σαλευθήσεται* comes from Psalm 111: …*εἰς τὸν αἰῶνα οὐ σαλευθήσεται, εἰς μνημόσυνον αἰώνιον ἔσται δίκαιος*... As many other known ones, they reproduce quotations from the psalter [17, p. 152].

The majority of the Byzantine inscriptions on Athos occur at the interior, chiefly on the wall paintings. Although the practice of dedicatory texts on pavements and domes is rather scarce, the position of the inscriptions in the dome of the Catholicon in Vatopedi and in the pavement of the Catholicon in Iviron is entirely suited to their content meaning. Both aimed to accentuate the symbolic value of these architectural elements, since they symbolize the celestial (the dome) and the earthly (the pavement). In analogous cases, another common text to appear on door lintels is the citation of Psalm 117, 20: *Αὕτη ἡ πύλη τοῦ Κυρίου δίκαιοι εἰσελεύσονται ἐν αὐτῇ* [4, pp. 225-226; 5, passim].

The aforementioned dedicatory inscriptions memorialize the donation or the renovation of Catholicon in middle Byzantine Athos, bespeak the important role of the abbots, and carry the stamp of their personalities. Especially, the recent finding in Vatopedi seems to be the earlier dedicatory inscription related to the construction of the Catholicon of a large coenobium. It occupied the second position in the Athonite hierarchy, as it is stated in the Typikon of Constantine IX Monomachus (1045) [14, p. 157]. Along with the invocation of the founder of the old monastery of Trochalas on the door lintel, which comes from the Catholicon (late tenth-early eleventh century) [12, pp. 284-285], they appear to be the only known middle Byzantine dedicatory inscriptions that state named founders of Athonite churches. A later known example mentions upper-class patrons coming from the Catholicon of Pantocrator, built in 1362–1363 under the eminent dignitaries John Primicerius and Alexius Stratopedarches [8, pp. 160-161].

Dedicatory inscriptions create the ideological context that the patrons aspire to promote for themselves through sponsoring the monastic foundations. Our knowledge on the role of church officials and especially of abbots in Middle Byzantine Athonite patronage is also confirmed by the aforementioned epigraphic testimonies. Especially, the case of inscription in Vatopedi offers valuable documentation of the participation of the abbot Athanasius in the construction of the Catholicon; his substantial role in the constructional history of the monastery was until now unknown from other sources.

Despite the similarities that both inscriptions have in their structure, there is a difference in content. The inscription in the dome of the Catholicon inVatopedi refers to its founding under the abbot Athanasius, while the other one on the pavement of the Catholicon in Iviron states its renovation carried out earlier under George I.

All in all, the recently uncovered dedicatory inscription of the monastery of Vatopedi and the inscription on the Catholicon of the monastery of Iviron are important examples of promoting church officials in the donation or renovation of the Catholicons in the flourishing Athos during the

eleventh century. Through targeted expressions containing psalms, the patron's images are constructed, and their reputation after their death is strengthened.

ACKNOWLEDGEMENTS

I wish to express my deepest gratitude to Abbot Archimandrite Ephrem for granting me permission to publish photographs of the inscription. The drawing of the inscription published here was drawn by Nikolaos Stoumpos, conservator of artworks (Ministry of Culture / Greece).

NOTES

[1] The scientific editing is realized by Yury Vin.

[2] Here follows a selection of notable entries from the varied bibliography [13, pp. 266-267; 20, pp. 184-189; 6, pp. 29-35; 12; 8; 21, pp. 128-140].

[3] Phiale – a shallow bowl at the entrance in a church, which means for water utilized in liturgical and ceremonial using (*Editor*).

[4] Diminutive form, see "omfalos" – literally "the navel," the sacred symbol of the creation at the central point of the church (*Editor*).

[5] Opus sectile – the ancient mosaic technology of laying out polished color ashlars (*Editor*).

APPLICATION

Fig. 1. Monastery of Vatopedi; Catholicon (photo by D. Liakos, 2018)

Fig. 2. Monastery of Vatopedi; Catholicon; dedicatory inscription; detail 1 (photo by D. Liakos, 2024)

Fig. 3. Monastery of Vatopedi; Catholicon; dedicatory inscription; detail 2 (photo by D. Liakos, 2024)

Fig. 4. Monastery of Vatopedi; Catholicon; dedicatory inscription; detail 3 (photo by D. Liakos, 2024)

Fig. 5. Monastery of Vatopedi; Catholicon; dedicatory inscription; detail 4 (photo by D. Liakos, 2024)

Fig. 6. Monastery of Vatopedi; Catholicon; dedicatory inscription; detail 5 (photo by D. Liakos, 2024)

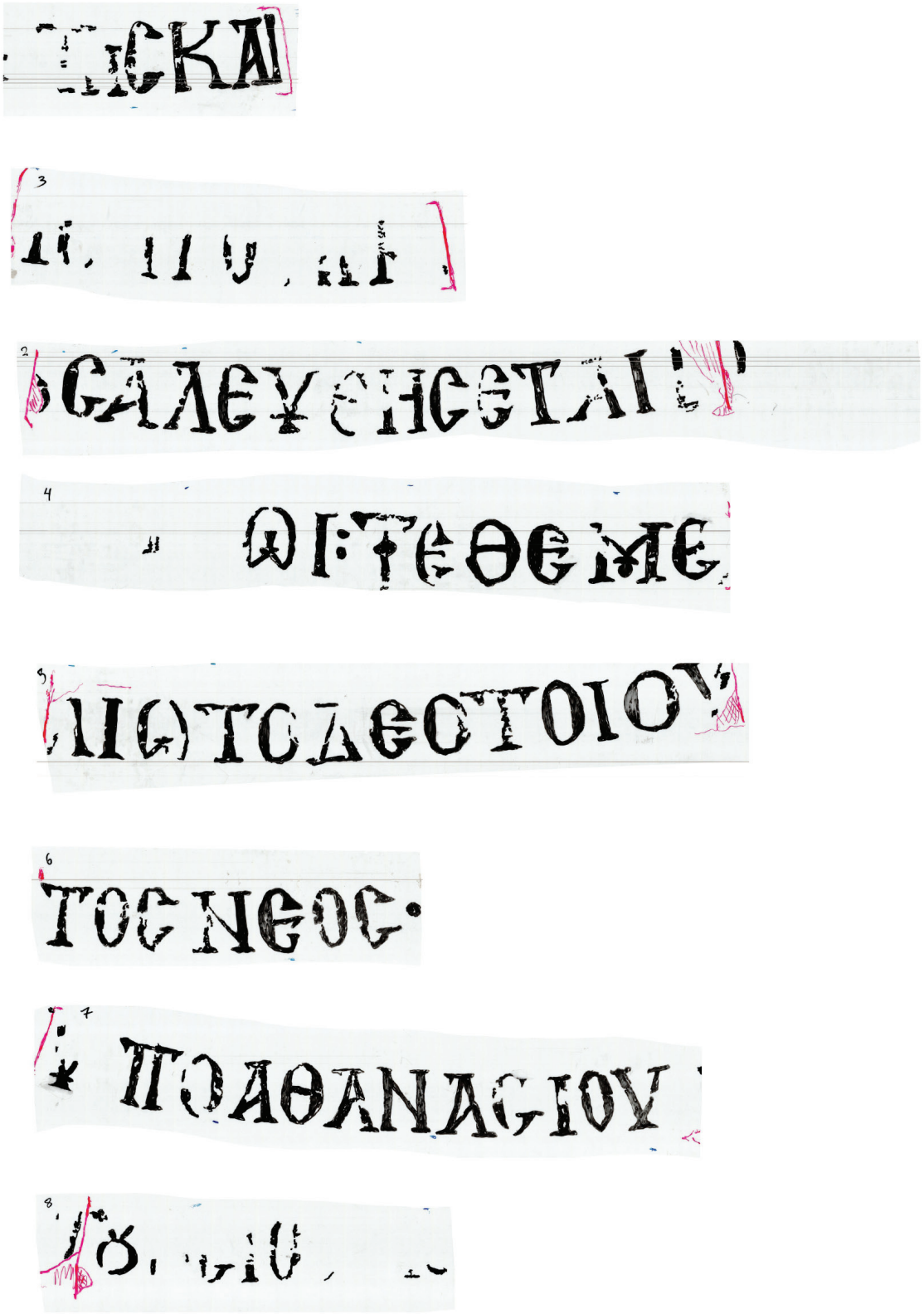

Fig. 7. Monastery of Vatopedi; Catholicon; dedicatory inscription; drawing (by N. Stoumpos)

Fig. 8. Monastery of Vatopedi; part of an early middle-Byzantine building near Catholicon (photo by D. Liakos, 2025)

Fig. 9. Monastery of Iviron; Catholicon; opus sectile pavement; dedicatory inscription (photo by D. Liakos, 2008)

REFERENCES

1. Kravari V., ed. *Actes de Pantocrator. Texte*. Paris, P. Lethielleux, 1991. xvi, 232 p.

2. Lemerle P., Dagron G., Ćirković S., eds. *Actes de Saint-Pantéléèmôn. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 1982, xii, 238 p.

3. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Métrévéli H., eds. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 vols. Vol. 1.* Paris, P. Lethielleux, 1985, xiv, 318 p.

4. Feissel D. La Bible dans les inscriptions grecques. Mondésert C., ed. *Bible de tous les temps. In 4 Vols. Vol. 1. Le monde grec ancient et la Bible*. Paris, Beauchesne, 1984, pp. 223-231.

5. Felle A.-E. *Biblia Epigrafica. La Sacra Scrittura nella documentazione epigrafica dell'orbis christianus antiquus (III–VIII secolo)*. Bari, Edipuglia, 2006, 677 p., xv ill. (Inscriptiones Christianae Italiae, Subsidia, vol. V).

6. Hostetler B. *The Art of Gift-Giving: The Multivalency of Votive Dedications in the Middle Byzantine Period. A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts*. Tallahassee, FSU, 2009. viii, 65 p.

7. Lampros S. Τα Πάτρια του Αγίου Όρους [The Homelands of Mont Athos]. *Νέος Ελληνομνήμων* [Neos Hellenomnemon], 1912, T. 9, τχ. 3, σ. 209-244.

8. Liakos D. Byzantine and Post-Byzantine Athonite Dedicatory Inscriptions in Historical and Archaeological Context. Moutafov E., Erdeljan J., eds. *Текстове. Надписи. Образи. Изкуствоведски четения, 2016* [Texts. Inscriptions. Images. Art Readings, 2016]. Sofia, Institute of Studying of Art. BAS, 2017, vol. 1, pp. 159-186.

9. Liakos D. The Byzantine Opus Sectile Floor in the Katholikon of Iveron Monastery on Mount Athos. *Зограф* [Zograf], 2008, iss. 32, pp. 37-44.

10. Liakos D. Κτητορική δραστηριότητα και δωρεές έργων τέχνης στο Άγιον Όρος (10ος–16ος αιώνας): η «εικόνα» των επιγραφών [The Founding Activity and Art Donations in Mount Athos (The 10th – 16th Centuries)]. *10 Διεθνές Επιστημονικό Εργαστήριο της Αγιορειτικής Εστίας, 27.-29. Νοέμβριος 2020, Θεσσαλονίκη. Πρακτικά* [Tenth Scientific Workshop of Mount Athos Center, 27–29 November 2020, Thessaloniki. Proceedings]. Thessaloniki, Mount Athos Center, 2021, pp. 185-202.

11. Liakos D. Mount Athos with Shine: Luxury Artworks and Their Patrons (10th – 15th Centuries). *Hilandarski Zbornik.* Beograd, SANU, 2021, book 15, pp. 7-21.

12. Liakos D. Unpublished Byzantine and Post-Byzantine Inscriptions on Mount Athos. Stavrakos Chr., ed. *Inscriptions in the Byzantine and Post-Byzantine History and History of Art. Proceedings of the International Symposium "Inscriptions: Their Contribution to the Byzantine and Post-Byzantine History and History of Art" (Ioannina, June, 26–27, 2015).* Wiesbaden, Harrassowitz Verl., 2016, pp. 279-319.

13. Mamaloukos S. *Το καθολικό της μονής Βατοπεδίου. Ιστορία και αρχιτεκτονική. Διδακτορική διατριβή. Εθνικό Μετσόβιο Πολυτεχνείο (ΕΜΠ). Τμήμα Αρχιτεκτόνων. Σχολή Αρχιτεκτόνων Μηχανικών. Σπουδαστήριο της ιστορίας αρχιτεκτονικής* [The Catholicon of the Monastery of Vatopedi. The History and Architecture. PhD Thesis. National Technical University. Faculty of Architecture. School of Architecture. Seminar of History of Architecture]. Athens, 2001, vol. 1. 372 p.

14. Meyer Ph. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Grösstentheils zum ersten male herausgegeben.* Leipzig, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1894. viii, 303 p.

15. Millet G., Pargoire J., Petit L. *Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Athos.* Première partie. Thessalonikē, Agioreithikē Estia, 2004. 192 p., 11 pl. (Athōnika analecta, t. 1).

16. Mylonas P. Παρατηρήσεις στο καθολικό Ιβήρων. *Πέμπτο Συμπόσιο Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής Αρχαιολογίας και Τέχνης. Πρόγραμμα και περιλήψεις ανακοινώσεων. Θεσσαλονίκη, 7, 8 και 9 Ιουνίου 1985. Μέγαρο της Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών* [Observations on the Catholic Church of Iveron. Fifth Symposium on Byzantine and Post-Byzantine Archaeology and Art. Program and Abstracts of Presentations. Thessaloniki, 7, 8 and 9 June 1985. Building of the Society for Macedonian Studies]. Athens, Archaeological Christian Society, 1985, pp. 66-68.

17. Pallis G. Messages from a Sacred Space: The Function of the Byzantine Sanctuary Barrier Inscriptions (9th – 14th c.). Berti I., Bolle K., Opdenhoff F., Stroth F., eds. *Writing Matters. Presenting and Perceiving Monumental Texts in Antiquity and the middle Ages.* Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2017, pp. 145-158.

18. Papaggelos I., Plataniotis L. Η υπό το καθολικό της μονής Βατοπεδίου βασιλική [The Basilica Under the Catholicon of Vatopedi Monastery]. Korres M., Mamaloukos S., Zampas K., Mallouchou-Tufano F., eds. *Ήρως Κτίστης. Μνήμη Χαράλαμπου Μπούρα. In 2 Vols. Vol. 2* [Iros Ktistis. In memory of Charalampos Bouras. In 2 Vols. Vol. 2.]. Athens, Melissa, 2018, pp. 363-370.

19. Pazaras Th.N. *Μελέτες για τα βυζαντινά γλυπτά του Αγίου Όρους* [Studies on the Byzantine Sculptures of Mount Athos]. Thessaloniki, S. Giakhoudēs & Sia, 2014. 448 p., 28 ill.

20. Rhoby A. *Byzantinische Epigramme auf Stein nebst Addenda zu den Bänden 1 und 2.* Wien, Verl. der ÖAW, 2014. 765 S., 139 Pl. (Hörandner W., Rhoby A., Paul A., eds. Byzantinische Epigramme in

inschriftlicher Überlieferung, Bd. 3/1; Österreichische Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., Denkschriften 474. Bd.; Rapp Cl., Gastgeber Chr., ed. Veröfentlichungen zur Byzanzforschung, Bd. 35).

21. Zarras N., *Ideology and Patronage in Byzantium. Dedicatory Inscriptions and Patron Images from Middle Byzantine Macedonia and Thrace.* Turnhout, Brebols, 2023. 176 p., 44 ill.

Information About the Author

Dimitrios Liakos, Doctor of Sciences (History), Archaeologist, Ministry of Culture, Ephorate of Antiquities of Chalkidiki and Mount Athos, Constantinoupoleos, 5, 63100 Polygyros, Greece, liakos712003@yahoo.gr, https://orcid.org/0009-0007-9966-5991

Информация об авторе

Димитриос Льякос, доктор исторических наук, археолог, Министерство культуры, Эфорат древностей Халкидики и Горы Афон, ул. Константинопольская, 5, 63100 г. Полигирос (Полийирос), Греция, liakos712003@yahoo.gr, https://orcid.org/0009-0007-9966-5991

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.12

UDC 94(495).03+355.48+355.233.23
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2025
Accepted: 18.12.2025

CHAROS AND THEOTE: THE DIVINE AND THE CTHONIAN IN ACRITIC SONGS OF THE 10th – 12th CENTURIES

Evgeny V. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. In this paper, we examine a very interesting object given to Charos by God himself at a critical moment in battle. In six Cypriot songs (first described by G. Saunier in 1972), this object is called the word θεότη. The θεότη is rare and complex. It apparently has Platonic roots, as it appears in one work of Plutarch. This word is present in the New Testament (Colossians 2:9) and plays a crucial role in the formulation of the Orthodox Christological concept. It is remarkable how this complex and rich word entered "popular" Byzantine culture and became the weapon of Charos. In our view, the word θεότη itself is clear evidence of the transformation of Christian concepts in the folklore environment. *Methods and materials.* We analyze Cypriot folk songs based on general hermeneutic approaches as formulated by Hans-Georg Gadamer. Our goal is to reconstruct the hidden content of Akritian songs from the 10th to 12th centuries and to seek a correct interpretation of the mythological context of Byzantine folklore. *Analysis*. It is important to note that the word θεότη appears in the poems of Andreas Sklentzas (late 15th century), an author familiar to Joannes Picator. The word θεότη appears in a fascinating context in Andreas Sklentzas. In his Hymn to the Virgin Mary, he calls the Mother of God "the castle of divinity" (κάστρον τῆς θεότης) and "the lamp of beauty" (καντήλα τς ὀμορφιᾶς). In the Hymn to Mary Magdalene, Peter and John, running to the tomb of Jesus Christ, not only saw divinity – the θεότη – but also two pure, shining angels (δύο ἀγγέλους ἔκλαμπρους). In our opinion, it is precisely the brilliance of divinity that explains this strange object – the θεότη – in the hands of Charos. *Results*. Byzantine folklore returns even such a complex theological term as θεότη to an archaic context. Θεότη, as the "personal deity" of the Church Fathers and theologians, does not fit into a magical worldview and is simplified to a "bright object" that becomes the weapon of Charos.

Key words: Charos, θεότη, Akritas, Byzantine folklore, divinity, "lower world", everyday history.

Citation. Stelnik E.V. Charos and Theote: The Divine and the Cthonian in Acritic Songs of the 10th – 12th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 163-168. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.12

УДК 94(495).03+355.48+355.233.23
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 18.12.2025

ХАРОС И THEOTE: БОЖЕСТВЕННОЕ И ХТОНИЧЕСКОЕ В АКРИТСКИХ ПЕСНЯХ X–XII ВЕКОВ

Евгений Викторович Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Сюжет схватки культурного героя Акрита (Дигениса) со смертью в лице Хароса является ключевым для византийского фольклора. Возникнув, вероятно, в IX в. в Малой Азии, эта мифологическая сцена стала общей для всех акритских песен. Сюжет борьбы со Смертью имеет многочисленные варианты и ответвления. В этой схватке каждый, казалось бы, незначительный элемент или нюанс может иметь ключевое значение для правильного прочтения повседневного религиозного переживания византийского времени. В данной работе мы рассматриваем очень интересный предмет, который в критический момент схватки Харосу дает сам Бог. Этот предмет в шести кипрских песнях (впервые описанных Г. Сонье в 1972 г.) называется θεότη. Θεότη – редкое и сложное слово. Оно, видимо, имеет платонические корни, так как встречается в одной работе Плутарха. Это слово присутствует в Новом завете (Послание к Колоссянам 2:9) и играет важнейшую роль в формулировании ортодоксальной христологической концепции. Удивительно, как

© Стельник Е.В., 2025

это сложное и наполненное слово попало в «народную» византийскую культуру и стало оружием Хароса. На наш взгляд само слово θεότη является ярким свидетельством трансформации христианских понятий в фольклорной среде. Из всего сложного богословского контекста магическое народное сознание смогло усвоить только внешнюю часть божественности, а именно яркий свет и блеск, которые сопровождают явление Бога или его ангелов. Поэтому, на наш взгляд, θεότη в руках Хароса это не что иное как яркий блестящий предмет (это может быть икона или молния), который поражает жертву своим губительным ярким светом.

Ключевые слова: Харос, θεότη, Акрит, византийский фольклор, божественность, «нижний мир», повседневная история.

Цитирование. Стельник Е. В. Харос и theote: божественное и хтоническое в акритских песнях X–XII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 163–168. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.12

Введение. В шести кипрских народных песнях традиционный сюжет схватки Акрита и бога смерти Хароса приобретает весьма неожиданный поворот [17, p. 135]. Всесильный Харос не может одолеть Акрита, захваты которого оказываются исключительно крепкими. Тогда Харос вырывается из рук Акрита и просит помощи у самого Господа (как вариант: поднимается на небо за помощью Бога). Находясь на грани поражения, Харос широко раскидывает руки и жалуется Господу на свое бессилие: Акрит оказывается слишком силен для неумолимого и коварного бога Смерти [26, σ. 302]. Жалобы Хароса вызывают неудовольствие Бога, ведь он послал его не для того, чтобы он боролся с Акритом, а чтобы забрал душу героя. Более того, чтобы спасти ситуацию, Бог дает Харосу особый предмет – θεότη, с помощью которого Харос быстро побеждает Акрита. Иногда просто при виде этого предмета Акрит сдается сам.

Методы. Анализ кипрских народных песен мы проводим, опираясь на общие подходы герменевтики, как они были сформулированы Х.-Г. Гадамером. Наша задача заключается в реконструкции скрытого содержания акритских песен X–XII вв., в поиске корректной интерпретации мифологического контекста византийского фольклора.

Анализ. Включенность архаичного хтонического Хароса в православную картину мира сама по себе не нова. Похожее вмешательство Бога в схватку Акрита и Хароса можно также найти в цикле песен «Харос и пастух». Здесь Господь отдает строгий приказ (πρόσταγμα) Харосу забрать душу у архонта [26, σ. 303, 305]. Этот приказ Бог отдает настолько сурово, что его невозможно ослушаться [26, σ. 306]. В песне «О Константине» повествуется о том, как Харос стоит у самих ног Господа, который сидит в кресле и ведет книгу живых и мертвых. Еще живого Константина Бог почему-то записывает к мертвым [25, σ. 239] (в других песнях, книгу живых и мертвых могут вести три ангела [25, σ. 240]). Переписать эту запись в книге невозможно, и Константину теперь не остается ничего другого как умереть.

Иногда сам Харос описывается как ангел Господа: он теряет свой характерный черный цвет и приобретает ослепительно белые одежды [26, σ. 305]. Харос угрожает Акриту (Константину, Янису) теперь не один, а вместе с архангелом Михаилом [11, p. 224] и пророком Ильей [25, σ. 223]. Характерно, что в поствизантийской поэме Иоанна Пикатора «Rima therenatika» (XVII в.) Харос даже жалуется, что он вынужден быть злым и сожалеет о своих жертвах, но он не может ослушаться приказов сурового Бога [8, S. 38]. Здесь мы наблюдаем эволюцию представлений о Харосе, связанную с постепенным глубоким проникновением православного мировоззрения в повседневные представления византийцев, когда архаичный бог Смерти уже не может сосуществовать с христианским Богом, который в итоге подчиняет своей власти Хароса. Харос из ужасного и кровожадного хтонического образа превращается в «дедушку Хароса» [3, с. 160], помощника в лечении болезней [13, p. 103], крестного для детей [13, p. 102] и даже в святого [13, p. 101]. Интересно, что Харос, теряя свои архаичные и хтонические черты, как бы передает их православному Богу, который представляется в ветхозаветных образах, ментально близких к византийскому фольклору.

Интерес в этих шести кипрских песнях вызывает загадочный предмет θεότη, с помо-

щью которого Харос побеждает такого сильного Акрита. Г. Сонье, первый исследователь, который обратил внимание на θεότη (1972), считал, что это слово проникло в византийский фольклор из «научной» литературы [17, p. 135]. Это слово носит не свойственный для акритских песен абстрактный характер и само по себе является, по его мнению, признаком переработки изначального фольклорного сюжета [17, p. 135]. Тем не менее θεότη достаточно рано проникло в акритские песни и было известно и понятно слушателям песен. Но что же означает это слово? Что это за предмет? Г. Сонье обращает внимание, что θεότη может в одном из вариантов означать самого Бога [17, p. 135], являясь результатом трансформации слова Θεός. Однако здесь перед нами явное искажение. В более поздней работе (2003) Г. Сонье понимает θεότη как «божественный предмет» [19, p. 54], но ясности что это за предмет не появляется.

Важно обратить внимание, что θεότη совсем не характерный предмет в руках Хароса. Оружие Хароса – это всегда определенная концепция смерти.

В акритских песнях практически всегда Харос вооружен обычным византийским оружием X–XII вв.: это кинжал / длинный нож (μάχαιρα) или меч (σπαθί, ξίφους) [9, p. 221]. Это оружие позволяет Харосу легко извлекать душу, которая выходит сама вместе с кровью из перерезанного горла несчастной жертвы [26, σ. 305]. Жизнь в этом смысле связана напрямую с движением крови, столь важным для традиционного сельского общества. Более того, истечение кровью героя превращает акт смерти, по замечанию Ж. Дю Булей, в акт рождения, но наоборот [11, p. 232]. Не зря часто Харос дарит Акриту пред схваткой красную ленту, его прекрасной жене – черное платье [17, p. 335].

Иной контекст представляет собой лук в руках Хароса [26, σ. 294, 297]. Такая смерть – это уже не открытый и справедливый бой, а коварное нападение издалека, часто из засады. Харос, превратившись в ласточку, хитро пускает одну стрелу за другой в героя, попадая прямо в самое сердце [26, σ. 294]. Герой сначала бледнеет, а потом начинает болеть, так как жизненные силы покидают его с каждой попавшей стрелой. В такой ситуации бессильны даже самые искусные доктора. Такое понимание смерти исключает акт героической схватки со Смертью, но отражает представление о «зависти» Хароса к живым людям. Лук, как дистанционное оружие, отражает представление о «жадности и ненасытности», но и неотвратимости смерти.

Харос в этих контекстах носит четко выраженный хтонический характер, он – подземное существо, забирающее живых людей в «нижний мир», где властвует Земля-Ночь (Μαυρηγή или Μαύρη Παναγιά) – мать всех живущих людей, возвращающая с помощью верного слуги Хароса детей обратно в свое лоно [29, σ. 36].

Θεότη в руках Хароса – это явно абсолютно другая концепция смерти и умирания. Для выяснения этой концепции мы должны рассмотреть само слово.

Слово θεότη имеет платонический контекст. Это слово встречается у Плутарха (De Def. Orac. 10), у Лукиана Самосатского (Icarom. 9) и в романе Гелиодора (в цитировании Орибасия) [14, p. 669]. Как и все греческие существительные на της оно происходит от прилагательного, обозначает качество, а не сущность, и несет достаточно абстрактный характер. У античных авторов θεότη обозначает «божественность», «божественную природу» и «божественность как особое качественное состояние» [4, с. 778; 1, с. 603; 15, S. 1198; 6, p. 416].

В христианской литературе смысл этого непростого слова меняется. В Новом завете слово встречается один раз. Слово само по себе, по мнению Р.Ч. Тренча, исключительно редкое [22, p. 9]. У Апостола Павла в Послании к Колоссянам (2:9) θεότη дается в контексте сущностной полноты божественности Христа. Это полное и личностное воплощение божества, то есть Христос не просто носитель божественных качеств, а Бог в прямом, абсолютном смысле этого слова. В этом смысле полнота божества Иисуса явлена «телесно». То есть слово θεότη имеет четкие христологические значения [20, p. 36], что будет иметь далеко идущие исторические последствия в арианских и монофизистких конфликтах. У Августина Блаженного (De Civitate Dei contra paganos 7.1.) θεότη – это особое состояние божественного бытия, это божество в своей сущности, а не в качестве или в виде

атрибута. Это личное Божество Сына-Бога. В византийском словоупотреблении, по мнению И. Криараса, существительное женского рода θεότη понимается похожим образом, как то, что «относится к божественной природе», либо сама «божественная природа», «божественная сущность» [24, σ. 106, 175.].

Интересно, что Р.Ч. Тренч, комментируя разницу между словом θεότη и θειότης прибегает к достаточно яркой метафоре божественности Иисуса: «Это были не просто лучи божественной славы, которые озаряли Его, освещая Его личность на время и с великолепием, не принадлежащим Ему; но Он был и есть абсолютный и совершенный Бог» [22, p. 8].

Θεότη встречается 6 раз в Посланиях Василия Великого [7, p. 68, 86, 206, 234, 390, 402], 5 раз в сочинении Иоанна Дамаскина [12, p. 94, 224, 274, 318, 480], упоминается у Фотия [27]. Слово θεότη весьма особенное и возникает вопрос, как оно вообще оказалось в употреблении кипрских певцов народных песен. Возможно, ответ в том, что именно на Кипре сложилось настоящее сообщество «профессиональных» «народных» поэтов (ποιητάρηδες) [17, p. 142], которые могли вставить это «научное» слово для большего эффекта у аудитории.

Тем не менее θεότη встречается в стихах Андреаса Скленцаса (конец XV в.), автора, знакомого Иоанну Пикатору. Θεότη у Андреаса Скленцаса дается в очень интересном контексте. В Гимне Деве Марии он называет Богоматерь «замком божественности» (κάστρον τῆς θεότης) и «светильником красоты» (καντήλα τς ὀμορφιᾶς) [23, p. 129]. В Гимне Марии Магдалине Петр и Иоанн, прибежавшие к гробнице Иисуса Христа, не только увидели божественность – θεότη, но и двух чистых сияющих ангелов (δύο ἀγγέλους ἔκλαμπρους) [23, p. 121]. На наш взгляд, именно блеск божественности может дать объяснение этому странному предмету θεότη в руках Хароса.

Яркий блеск – традиционно одна из основных свойств божества в народном понимании [5, p. 160]. Блеск – это свойство небесного происхождения божества [5, p. 379].

Ветхозаветный Бог – это «блестящий и сверкающий Бог» [5, p. 380], служат такому божеству яркие ангелы, сотворенные из «огня и ветра», «сверкающие войны» [5, p. 379]. Ангелы в ветхозаветной традиции, которая так близка к византийскому фольклору, часто напрямую связывались со звездами и небесными светилами [21, p. 229] или даже молниями [2, с. 228].

Θεότη, как божественность, в конкретном и предметном фольклорном понимании кипрских песен может принимать вид яркого «божественного предмета».

Так, в одной из кипрских песен, опубликованных К. Хаджиоанну, рассказывается, что Харос приходит к своей жертве с иконой Господа в руках, от которой настолько яркий свет, что несчастный сразу умирает [28, σ. 138]. Иногда Харос, который обычно представляется как «черный всадник», внезапно превращается в очень яркое Солнце, двигающееся на Запад прямо через горы (цикл песен «спор Яниса с Солнцем») [18, p. 135, 140]. Иногда Харос описывается одетым в слишком яркие одежды [26, σ. 306], у него могут быть яркие золотые волосы [13, p. 100], которые блестят как солнце [26, σ. 306]. Важно обратить внимание, что взгляд у Хароса может быть такой же яркий как молния [25, σ. 248]. Этот блеск исключительно опасен для живых людей.

Выводы. Предмет θεότη представляет совершенно иную концепцию смерти, но от этого не менее архаичную. Харос в этом контексте персонаж небесного, божественного мира. Харос через предмет θεότη наделяется божественной энергией, но этот небесный мир только напоминает христианский. Загробный мир в византийском фольклоре может принимать своеобразный вид античного «солнечного сада» [10, S. 23]. Даже Гелиос в этом контексте может представляться богом Аида [16, p. 81], а Аполлон мог сеять смерть своим ярким светом [28, σ. 138]. А главное, что в этом варианте представлений сам Бог начинает принимать исключительно архаичные черты. Это, скорее, Бог Ветхого Завета, суровый, жестокий и неуклонный, не даром его в народных представлениях начинает уравновешивать добрая Богородица.

Византийский фольклор даже такой сложный богословский термин, как θεότη, возвращает в архаичный контекст. Θεότη как «личностное божество» отцов Церкви и богословов не укладывается в магическое мировоззрение и упрощается до «яркого предмета», который превращается в оружие Хароса.

REFERENCES

1. Veisman A.D. *Grechesko-russkiy slovar* [Greek-Russian Dictionary]. Moscow, Greko-lat.kab. Yu.A. Shichalina, 1991. 1370 p.

2. Glagolev A. *Vethozavetnoe bibleyskoe ucheniye ob angelah. Opyt bibleysko-bogoslovskogo issledovaniya* [The Old Testament Biblical Teaching on Angels: An Experiment in Biblical-Theological Research]. Kiev, tip. I.I. Gorbunova, 1900. 705 p.

3. *Grecheskie narodnye pesni* [Greek Folk Songs]. Moscow, Gos. Izd-vo khud. lit., 1957. 294 p.

4. Dvoretskiy I.Ch. *Drevnegrechesko-russkiy slovar. T. I* [Ancient Greek-Russian Dictionary. Vol. 1]. Moscow, Gos. Izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1958. 1143 p.

5. Alomia K. *Lesser Gods of the Ancient Near East and Some Comparisons with Heavenly Beings of the Old Testament*. Ann Arbor, MI University Microfilms International, 1989. 654 p.

6. Bailly A. *Abrégé du Dictionnaire Grec-Français*. Paris, Librairie Hachette, 1919. 1012 p.

7. Deferrari R.J., ed. Basil. *Letters. Volume I: Letters 1–58*. Cambridge, Harvard University Press, 1926. 432 p.

8. Beck H.-G. *Die Byzantiner und ihr Jenseits: Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität.* München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 71 S.

9. Birkenmeier J.W. *The Development of the Komnenian Army 1081–1180*. Leiden; Boston, Brill, 2002. 266 p.

10. Dieterich A. *Nekyia. Beiträge zur Erklärung der Neüestdeckten Petrusapokalypse*. Leipzig, Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1893. 238 S.

11. Du Boulay J. The Greek Vampire: A Study of Cyclic Symbolism in Marriage and Death. *Man*, 1982, vol. 17, iss. 2, pp. 219-238.

12. Woodward G.R., Mattingly, H., eds. John Damascene. *Barlaam and Ioasaph*. Cambridge, Harvard University Press, 1914. 636 p.

13. Lawson J.C. *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1910. 664 p.

14. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1901. 1774 p.

15. Pape W. *Handwörterbuch der griechischen Sprache: in vier Bänden. Bd. 1 (Alpha – Kappa)*. Braunschweig, u.a., 1842. 1336 S.

16. Rocco S. Sull'origine del mito di Caronte. *Rivista di Storia Antica e Scienze Affini: Diretta da Giacomo Tropea II (1896–1897)*. Roma, "L'erma" Di Bretschneider, 1972. pp. 73-81.

17. Saunier G. Le combat avec Charos dans les chansons populaires grecques. *Ellēnika*, 1972, vol. 25, no. 1, pp. 119-152; no. 2 (Meros deutero [The 2nd Part]), pp. 335-370.

18. Saunier G. Le pari de Yannis et du soleil. *Études rurales*, 1985, no. 97–98, pp. 133-151.

19. Saunier G. Quelques personnages de la poésie épique. *Les mythes et les légendes que partagent les peoples de l'Europe. Table ronde animée par Hélène Ahrweiler*. Paris, Université de l'Europe, 2004, pp. 52-59.

20. Strong J. *A Concise Dictionary of the Words in the Greek Testament; with their Renderings in the Authorized English Version*. New York, Eaton & Mains Cincinnati, Jennings & Grahan, 1890. 2425 p.

21. Stuckenbruck L. *Angel Veneration and Christology: A Study in Early Judaism and in the Christology of the Apocalypse of John*. Tübingen, J.C.B. Mohr, 1995. 348 p.

22. Trench R.C. *Synonyms of the New Testament.* London, Kegan, Paul, Trench, Trübner, 1894. 425 p.

23. Kakoulidi E.D. Poiēmata tou Andrea Sklentza. Kritikē ekdosē [The Poems of Andrew Sklentza. A Critical Edition]. *Ellēnika*, 1967, no. 20, pp. 107-145.

24. Kriaras E. *Leksiko tēs Mesaiōnikēs Ellēnikēs Dēmōdous Grammateias: 1100–1669. T. 7* [Dictionary of Medieval Greek Popular Literature: 1100–1669. Vol. 7]. Thessaloniki, s.n., 1980. 242 p.

25. Politis N.G. Akritika asmata. O thanatos tou Digenē [The Death of Digenes]. *Laographia* [Folklore], 1909, vol. 1, pp. 169-275.

26. Passow A., ed. *Tragoudia rōmaiika = Popularia carmina Graeciae recentioris* [The Roman Roman Tragedy = Popular Poems of Later Greece]. Lipsiae, B.G. Teubner, 1860. 650 p.

27. *Phōtios o Megas. Epistolē pros Boulgaron Ēgemona* [Photius the Great. Letter to the Bulgarian Ruler]. URL: https://www.myriobiblos.gr/texts/greek/fotios_metafrasi_7.html

28. Chatziioannou K. *Laographika Kuprou: dēmotika tragoudia, paroimies, mythoi, paramythia, paradoseis, deisidaimonies kai prolēpseis, ainigmata, ksorkia, leksilogio* [Folklore of Cyprus: Folk Songs, Proverbs, Myths, Fairy Tales, Traditions, Superstitions and Folk-Beliefs, Riddles, Spells, Vocabulary]. Lefkosia, Zaballe LTD Publ., 1984. 187 p.

29. Psychogiou E. *Maurē gē kai Elenē: Teletourgies thanatou kai anagennēsēs: Chthonia mythologika, nekrika drōmena kai moirologia stē sygchronē Ellada* [Black Earth and Helen: Rituals wof Death and Rebirth: Chthonic Mythological, Funeral Events and Obituaries in Modern Greece]. Athens, Akadēmia Athenōn Publ., 2008. 532 p.

Information About the Author

Evgeny V. Stelnik, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, analitika@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1097-1161

Информация об авторе

Евгений Викторович Стельник, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, analitika@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1097-1161

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.13

UDC 930.271(100):27-247
LBC 63.229(0)4

Submitted: 08.07.2025
Accepted: 03.10.2025

QUOTATIONS FROM THE GOSPEL OF MATTHEW ON THE IMAGES OF CHRIST (MATT. 11.28–30, 25.34) AND THEIR ACCENTUATION

Alexandra A. Evdokimova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract *Introduction*. The analysis of accentuated inscriptions showed that repeated texts reflect both the dialectal features of the author and the traditions of accentuation of individual words. Combinations of accentuation systems in a particular monument make it possible to clarify its origin, and in some cases, narrow down its dating. *Methodology*. Inscriptions with quotations were selected based on the degree of preservation of accentuation, which led to the collection of photographs from various Internet publications of travelers. The text from these photographs was compared with editions of the New Testament. *Materials*. The study was conducted on the basis of the corpus of Byzantine accentuated texts BGAT, which contains 19 inscriptions with a quotation from the Gospel of Matthew 11.28–30 and 6 with a quotation from the same 25.34. *Analysis and results*. Among the first group of monuments, there are mosaics, frescoes, and icons, the latter of which belong to the Cretan school. The second group contains only icons and frescoes from the 14th to 16th centuries, mainly from Kastoria, most of which are from the Deesis scene. Both quotations use a mixed system of accentuation. The accentuation of diphthongs varies: often the first element is marked, as in the Alexandrian system; sometimes this is explained by the consonantization of the second element. In cases where the author is unsure of the accentuation of a diphthong, the stress could be either on both elements or between them. Some words have their traditional accentuation; for example, the conjunction "κὰι" is often written with a grave accent on the first element of the diphthong. Some stress shifts in this selection can be explained by paleography, such as the acute accent over nu; others cannot. In cases where a vowel is lengthened or shortened due to an orthographic error, the authors changed the circumflex to a grave accent or vice versa, according to the assumed length. The abbreviations in the second quotation present a logical system of accentuation. This accentuation, combined with spelling errors in less frequent words, indicates that the authors wrote the quotations from memory. This fact is also indicated by a comparison with editions of the New Testament text that do not present such spelling variations, and those that do occur are not reflected in the analyzed quotations.

Key words: Byzantine epigraphy, quotations of the New Testament, Gospel of Matthew 11.28–30, Gospel of Matthew 25.34, Christ inscription, Greek accentuation, Byzantine Greek language, corpus BGAT (Byzantine Greek accentuated texts).

Citation. Evdokimova A.A. Quotations from the Gospel of Matthew on the Images of Christ (Matt. 11.28–30, 25.34) and Their Accentuation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 169-190. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.13

УДК 930.271(100):27-247
ББК 63.229(0)4

Дата поступления статьи: 08.07.2025
Дата принятия статьи: 03.10.2025

ЦИТАТЫ ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ НА ИЗОБРАЖЕНИЯХ ХРИСТА (МАТФ. 11.28–30, 25.34) И ИХ АКЦЕНТУАЦИЯ

Александра Алексеевна Евдокимова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. Анализ акцентуированных надписей показал, что повторяющиеся тексты отражают как диалектные особенности автора, так и традиции акцентуирования отдельных слов. Сочетания систем акцентуации в конкретном памятнике позволяют уточнить его происхождение, а в некоторых случаях сузить датировку. *Методика*. Надписи с цитатами отбирались по степени сохранности акцентуации, что привело к сбору фотографий из разных интернет-публикаций путешественников. Текст из этих фотографий

© Евдокимова А.А., 2025

сравнивался с изданиями Нового Завета. *Материал*. Исследование проводилось на базе корпуса византийских акцентуированных текстов BGAT, в котором содержится 19 надписей с цитатой из Евангелия от Матфея 11.28–30 и 6 с цитатой из него же 25.34. *Результаты*. Среди первой группы памятников встречаются как мозаики, так и фрески и иконы, более поздние из них относятся к Критской школе. Во второй группе только иконы и фрески XIV–XVI вв., в основном Касторьи, из которых большая часть из сцены Деисуса. В обеих цитатах использована смешанная система акцентуации. Акцентуация дифтонгов варьируется: часто маркируется первый элемент, как в александрийской системе, иногда это объясняется консонантизацией второго элемента. В случае, если автор не уверен в акцентуации дифтонга, ударение могло быть либо на обоих элементах, либо между. Некоторые слова имеют традиционную для них акцентуацию, например, союз «κὰι» чаще пишется с грависом на первом элементе дифтонга. Некоторые сдвиги ударения в этой подборке можно объяснить палеографией, как акут над ню, другие нет. В случае произошедшего из-за орфографической ошибки удлинения или сокращения гласной авторы меняли циркумфлекс на гравис и акут или наоборот соответственно предполагаемой долготе. В сокращениях во второй цитате представлена логическая система акцентуации. Такое акцентуирование в сочетании с ошибками в орфографии в менее частотных словах свидетельствует о написании цитат авторами по памяти. На этот факт также указывает сравнение с изданиями текста Нового Завета, в которых не представлены такие вариации орфографии, а встречающиеся в них не находят отражения в анализируемых цитатах.

Ключевые слова: византийская эпиграфика, цитаты из Нового Завета, Евангелие от Матфея 11:28–30, Евангелие от Матфея 25:34, надписи на изображениях Христа, греческая акцентуация, византийский греческий язык, корпус BGAT (византийские греческие ударные тексты).

Цитирование. Евдокимова А. А. Цитаты из Евангелия от Матфея на изображениях Христа (Матф. 11.28–30, 25.34) и их акцентуация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 169–190. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.13

Введение. При сборе корпуса византийских акцентуированных текстов BGAT [4] одними из самых значимых источников оказались цитаты из литургических книг, которые представлены в разных памятниках византийской эпиграфики, а также подписи к фигурам как наиболее распространенные варианты повторяющихся текстов. После анализа таких текстов в разных регионах [2] и разных памятников с одинаковыми сюжетами [3; 5] мы обратились к исследованию бытования одного и того же акцентуированного текста в его диахронии, что позволило нам увидеть в том числе некоторые свидетельства перемещения артелей художников. В предыдущих исследованиях нами были затронуты два самых частотных текста из иконографии Деисуса: диалог Богородицы с Христом, начертанный на свитке Богородицы [6], цитата из Евангелия от Иоанна 8:12 на раскрытой книге в руках Иисуса Христа [7].

Материал. Сейчас же мы обратимся к другой группе цитат, также иногда встречающихся в иконографии Христа разных типов и в рамках Деисуса, из Евангелия от Матфея 11.28–30 и 25.34, начинающихся с «δεῦτε». В корпус BGAT на данном этапе вошло 19 акцентуированных надписей с первой цитатой на иконах, фресках и мозаике и 6 на иконах и фресках со второй, которые и будут рассмотрены нами в этой статье. Отбор надписей проводился по фотографиям не только в изданиях, где часто они либо плохого качества, либо представлены в маленьком размере, а по интернет-хранилищам, содержащим в том числе фотографии туристов.

Анализ. Первая фраза в первой цитате в большей части изданий имеет вид: «Δεῦτε πρός με πάντες οἱ κοπιῶντες καὶ πεφορτισμένοι, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς» [12–17; 20–23; 26; 29], в других версиях текст совпадает, но не содержит знаков акцентуации [1]. Вторая фраза, которая цитируется не во всех памятниках и обычно приводится неполностью, чаще представлена так [2]: «ἄρατε τὸν ζυγόν μου ἐφ’ ὑμᾶς καὶ μάθετε ἀπ’ ἐμοῦ, ὅτι πρᾴός εἰμι καὶ ταπεινὸς τῇ καρδίᾳ, καὶ εὑρήσετε ἀνάπαυσιν ταῖς ψυχαῖς ὑμῶν». Другая группа изданий предлагает такой же текст [12–15; 26; 29], только с «πραΰς» вместо «πρᾴός». Иные разночтения в вариантах без акцентуации следующие: «πραυς»[3] вместо «πραος», «μαθεται»[4] вместо «μαθετε», «ειμει»[5] вместо «ειμι», «ταπινος»[6] вместо «ταπεινος», «ευρησεται»[7] вместо «εὑρήσετε».

В Синайском кодексе IV в. представлена короткая версия, до «μαθετε». Таким образом, если текст воспроизводился не по памяти, а переписывался с какого-то из источников, ставших основной для этих изданий, то мы можем увидеть те же орфографические ошибки, которые были в указанных вариантах. Рассмотрим памятники, в которых данная цитата засвидетельствована с конца XII века.

1. Самый ранний акцентуированный пример использования этой цитаты в надписях – это икона Христа Человеколюбца (Φιλάνθρωπος) конца XII в. (рис. 1) из монастыря св. Неофита недалеко от Пафоса на о. Кипр [8, p. 32–33, № 5; 11, p. 161–162, fig. 53, 55]. Знаки акцентуации длинные, некоторые попадают сразу на две буквы. Надпись: Cr δεῦτε || πρός με || πα΄ντες || ὁι κοπι.||ωντες || κὰι πε||φορτισμ΄ε||νοι καγὼ αναπάυσω υμα˜ς. Циркумфлекс длинный и попадает на второй элемент дифтонга и на часть согласной в «δεῦτε». Акут смещен вправо и попадает на согласный в местоимении «πα΄ντες», циркумфлекс в местоимении «υμα˜ς» также оказывается при сдвиге вправо на согласной. Гравис в союзе «κὰι», густое придыхание в артикле «ὁι» и акут в глаголе «αναπάυσω» сдвинуты влево и оказываются на первом элементе дифтонга, как было в александрийской системе акцентуации. Часть знаков придыхания пропущена, а остальные знаки в рамках византийской системы акцентуации.

2. Фрагмент первой фразы представлен на иконе «Деисус и святые» (рис. 2) второй половины XIII в. из монастыря св. Екатерины на Синае [28, p. 16, fig. 11*a–c*]. Первая строка содержит лакуну, так как буквы закрыты пальцами руки Христа. Надпись: Δ[εῦ]||ται προ|| με π.΄||τες|| ὁι κο||πιόν||[τες]. На первой странице Евангелия акут стоит в местоимении «π.΄||τες» на месте альфы, которая пропущена. Подобное же использование акута на месте ударной гласной мы наблюдаем в граффити Афин [2]. В артикле густое придыхание на первом элементе дифтонга. В причастии «κο||πιόν||[τες]» акут над омикроном вместо циркумфлекса над омегой.

3. Икона Христа (XIII–XV в.), стоящего в полный рост с раскрытым евангелием, из монастыря св. Екатерины на Синае содержит только первую фразу из цитаты (рис. 3). Надпись: δέυτε || πρός μ^{ε} || π΄αντες|| ὁι κοπι||ο˜ντ᾽᾽(ες) || κ`(αι) πε||φορτ[ι]^{σ}||μενο[ι]. Акут вместо циркумфлекса на первом элементе дифтонга в «δέυτε» и густое придыхание в артикле «ὁι» также на первом элементе дифтонга. Циркумфлекс в причастии «κοπι||ο˜ντ᾽᾽(ες)» стоит над омикроном, написанном вместо омеги. Акут в местоимении сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной. В предлоге акут ровно над гласной.

4. Фреска Христа Спасителя в церкви св. Николая Орфаноса в Салониках 1310–1315 гг. [33, p. 16, 41, fig. 78, № IV. 23; 37, εικ. 15] тоже только с первой фразой цитаты (рис. 4). Надпись: δέυτε πρό(ς) || με πάν||τες ο΄ε/ι κο||πιωντες|| κ`(αι) πεφορ||τισμ΄ε||νοι κ᾽α||γὼ ἀνα||πάυσω || ὑμᾶς. Акут вместо циркумфлекса на первом элементе дифтонга «δέυτε», как и акут в глаголе «ἀνα||πάυσω». Густое придыхание между элементами артикля, в котором вместо эпсилона узкая нелунарная эпсилон (либо такое начертание йоты с черточками вверху и посередине). Часть знаков ударения со сдвигом влево между согласной и гласной.

5. Фреска Христа Милостивого (ἐλεήμων) 1316–1318 гг. (рис. 5) в иконостасе церкви св. Георгия в Старо-Нагоричино в Македонии [24, p. 81, fig. 28]. Надпись: [δ]έυτε || προ΄ς με|| πα΄ντες ο΄ι || κοπιόν||τες κ` πε||φορτισ||μνε΄[οι] και ἀναπάυσ^{ω} || [ύ]μα[ς]. Акут вместо циркумфлекса и на первом элементе дифтонга «[δ]έυτε». В артикле «ο΄ι» между элементами дифтонга густое придыхание. В причастии «κοπιόν||τες» вместо омеги омикрон, на котором акут. В глаголе «ἀναπάυσ^{ω}» также на первом элементе дифтонга акут.

6. Мозаика темплона с изображением Христа с подписью ζώντων (рис. 6) ок. 1315–21, в главной части церкви на левом столбе в Карийе Джами (в Хоре), Константинополь [27, v. 2, p. 328, fig. 186; 31, εικ. 174, σ. 223]. Надпись: δε˜υτε || πρός με || πα΄ντες || ο΄ι κοπι||ῶντ^{ες} κ`.|| πεφορ||τισμ΄εν^{οι} || κἀγ˜ω ἀ[ναπαύσω]. Циркумфлекс длинный и попадает сразу на два элемента дифтонга в «δε˜υτε», в артикле «ο΄ι» густое придыхание между двумя элементами дифтонга. Сдвиги ударения влево и вправо («πα΄ντες»), некоторые ударения ровно над гласными.

7. На фреске с изображением Христа Антифонитиса (рис. 7) 1345–1370 гг. из монастыря Святого Иоанна Предтечи близ Серр в Греции текст представлен в развернутом

варианте. Надпись: Cr δε῀υτε πρός|| με πα΄ντες|| ο΄ι κοπιῶν||τες κὰι πε||φορτισμε΄||νοι ||κἀγ῀ω ἀνα||παύσω ὑ||μα῀ς ἀρ΄ατε|| τὸν ζυγο΄ν|| μδ ἐφ᾽ ὑμὰς|| κ` μάθετε ἀπ᾽ό. Циркумфлекс между двумя элементами дифтонга в «δε῀υτε», написанных лигатурой, перед ним знак, похожий на точку, который можно интерпретировать как легкое придыхание над первым элементом. Густое придыхание в артикле «ο΄ι» также располагается между элементами дифтонга. Часть ударений сдвинута вправо, какие-то ровно над гласными, и только один акут влево «ἀρ΄ατε».

8. Фреска «Страшный Суд» (Второе пришествие) 1387/8 г. (рис. 8) на внешней стороне северной стены старого собора монастыря Великих Метеор в Греции [31, εικ. 221, σ. 269]. Надпись: Δεύτε || προς με|| πα΄ντες || ο΄ι κοπι||ῶντες|| κ/ ης φορ||τησμενει|| καγ`ω|| αναπα῎υ||σω ὑμάς. Акут вместо циркумфлекса на втором элементе дифтонга в «δεύτε», акут вместо густого придыхания в артикле «ο΄ι» между двумя элементами. В глаголе «αναπα῎υ||σω» циркумфлекс вместо акута и легкое придыхание на первом элементе дифтонга. Акут сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной в местоимении «πα΄ντες». А гравис в «καγ`ω» сдвинут влево и попадает между гласной и согласной, апостроф пропущен.

9. На фреске Христа Пантократора XIII–XV вв. (рис. 9) с поновлениями в 1503 г. в анклаве (Εγκλείστρα) монастыря Св. Неофита [11, p. 169, fig. 74-75] рядом с деревней Тала в Троодосе (9 км севернее Пафоса на Кипре) знаки акцентуации длинные. Надпись: Δε῀υτε πρός|| με πα΄ντες|| οι κοπιο΄ν||τες κ`(αι) πε||φορτισμ$^{\varepsilon}$||νη καγῶ|| ἀπάυσω || ὑμὰς. Циркумфлекс попадает на оба элемента дифтонга в «δε῀υτε». В причастии «κοπιο΄ν||τες» вместо циркумфлекса акут после омикрона, написанного вместо омеги. В глаголе «ἀπάυσω» сдвиг акута на первый элемент дифтонга, а остальные акуты со сдвигом вправо после ударной гласной. Знаки придыхания, там, где не пропущены, ровно над гласной. Гравис ровно над каппой в сокращении союза «κ`(αι)».

10. Икона Христа Всемогущего (Παντοδύναμης) XIV в. (рис. 10) из монастыря Дионисия на Афоне. Надпись: δε῀υτε πρός|| με πα΄ντες|| ο΄ι κοπιω῀ν||τες κὰι πε||φορτισμέ||νοι [8] καγὼ|| ἀναπάυσω|| ὑμᾶς ἀ΄ρα||τε τὸν ζυ||γο΄ν μδ ἐφ᾽ ὑ||μᾶς κὰι μά||θετε ἀπ᾽ ἐμ῀δ. Все знаки ударения длинные. Циркумфлекс на обоих элементах дифтонга «δε῀υτε», как и густое придыхание в артикле «ο΄ι». В союзе κὰι гравис на первом элементе дифтонга, а в глаголе «ἀναπάυσω» акут. В местоимении «πα΄ντες», в «ἀ΄ρα||τε» и в существительном «ζυ||γο΄ν» акуты сдвинуты вправо и попадают между гласной и согласной, как и циркумфлекс в причастии «κοπιω῀ν||τες». А в местоимениях циркумфлексы сдвинуты влево и также оказываются между гласной и согласной «ὑ||μ῀ας» и «ἐμ῀δ».

11. Икона Христа Зоодотиса (Жизнеподателя) XV в. (рис. 11) из Кокино Хорьо, около г. Ханьи на Крите хранится в монастыре Хриссопиги, размером 101,5 × 63 см [10, № 130]. Надпись: δε΄υ$^{\tau}$ε προς || με πα΄ν$^{\tau}$ες || ο΄ι κοποι||ω῀ντες κὰι || πεφορ||τισμέν||οι καγὼ || ἀναπα῀υ||σω ἡμ῀α||ς. Акут вместо циркумфлекса между двумя элементами дифтонга в «δε΄υ$^{\tau}$ε», как и густое придыхание в артикле «ο΄ι», как и в глаголе «ἀναπα῀υ||σω». Акут в местоимении «πα΄ν$^{\tau}$ες» сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной, как и циркумфлекс в причастии «κοποι||ω῀ντες». Гравис сдвинут влево и попадает на первый элемент дифтонга в союзе «κὰι». Циркумфлекс в местоимении «ἡμ῀α||ς» сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной.

12. Критская икона второй половины XV в. «Христос Пантократор» (рис. 12) авторства Андреаса Рицоса [10, № 140] из монастыря Топлу (Toplou) о. Крит, размером 95 × 70 см. Надпись: δε῀υτε πρ^{ος} || με πα΄ντες || ο΄ι κοπιω῀ν||τες κὰι πε||φορτισμ΄ε||νοι κἀγὼ` || ἀναπαύσω || ὑμ῀ας ἀ΄ρα||τε το`ν ζυ||γο΄ν μδ ἐφ᾽ ὑ||μᾶς κὰι μά||θετε απ᾽ ἐμ῀δ. Циркумфлекс сдвинут влево на первый элемент дифтонга «δε῀υτε», как и гравис в союзе «κὰι» оба раза. Акут в местоимении смещен вправо на пробел между гласной и согласной «πα΄ντες», «ἀ΄ρα||τε», «ζυ||γο΄ν», как и циркумфлекс в причастии «κοπιω῀ν||τες» и гравис в артикле «το`ν». Густое придыхание «ο΄ι» между обоими элементами дифтонга. В причастии «πε||φορτισμ΄ε||νοι» акут сдвинут влево на пробел перед гласной, как и циркумфлекс в местоимении «ὑμ῀ας». Циркумфлекс в местоимении «ἐμ῀δ» на пробеле и на лигатуре диграфа.

13. Икона Христа Спасителя на троне 1430 г. (рис. 13), с поновлениями в 1830 г. (Ευρετήρια Ρόδου: Εικόνες, Κειμήλια: 4051), хранится в музее Эфорат древностей Додека-

неса (Εφορεία Αρχαιοτήτων Δωδεκανήσου). Надпись: δ˜ευτε πρός || με πα΄ντες || ο΄ι κοπ῾ω˜ν||τες κὰι πε||φορτισμέν^{οι} || κἀγὼ ἀναπα˜υ||σω ὑμᾶς ἄ[ρα]||τε τὸν ζυγ[ὸν] || μου ἐφ᾽ ὑμᾶς || κ`(αι) μάθετε ἀπ᾽ε||μ˜δ ὅτι πρᾶος ἐι|| κὰι ταπεινὸς. Циркумфлекс сдвинут влево и находится над первым элементом дифтонга в «δ˜ευτε». В местоимении «πα΄ντες» акут сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной, как и циркумфлекс в «κοπ῾ω˜ν||τες». Густое придыхание в артикле «ο΄ι» и циркумфлекс в глаголе «ἀναπα˜υ||σω». Гравис в союзе «κὰι» сдвинут влево на первый элемент дифтонга. Циркумфлекс в местоимении «ε||μ˜δ» ровно над диграфом, написанном в виде лигатуры. Остальные знаки акцентуации поставлены в рамках византийской системы акцентуации.

14. Фреска Деисуса 1514 г. (рис. 14) из церкви Богородицы или Архангела Михаила в Галате на Кипре с Христом на троне с подписью «ὁ σοτη΄ρ τδ κόσμδ» [16, p. 91, fig. 40; 32, σ. 51]. Надпись: δεῦτε|| προ΄ς με|| παντ||ὲς ἐι|| κο^{πι}ωντ||ὲς κὰι|| πεφόρ||τησμένι. Придыхание внутри слова после гласной на втором элементе дифтонга в «δεῦτε», придыхание в артикле на первом элементе дифтонга, в котором вместо «οι» написано «ἐι». Вместо циркумфлекса в «δεῦτε» использован акут. В союзе «κὰι» гравис на первом элементе дифтонга. В причастии два акута на предударном, 4 слоге от конца, и на ударном слоге. Первый выглядит меньшим по размеру и сочетает в себе функции переноса.

15. Икона Христа Пантократора (рис. 15) 1535–1545 гг., размером 163 × 125 см, из иконостаса кафоликона Иверского монастыря также относится к критской школе и принадлежит авторству Феофана Критского [25, № 2.41, p. 111–112; ср. 35]. Надпись: Δε˜υτε π^{ος}΄ρ|| με πα΄ντε^{ς} || οἱ κοπιῶν||τες κὰ^{ι} πε||φορτισμ^{ε}΄||νοι, κα᾽γὼ || ἀναπάυσω || ὑμα˜ς ἀ΄ρα||τε το`ν ζυγόν || μδ ἐφ᾽ὑμ$^{α˜ς}$|| κα`ι μάθε||τε απ᾽ἐμ˜δ. Циркумфлекс между двумя элементами дифтонга в «δε˜υτε». В лигатурном написании предлога «π^{ος}΄ρ» акут между двумя согласными. Акут в местоимении «πα΄ντε^{ς}» сдвинут вправо и оказывается ровно над согласным ню. Гравис сдвинут влево и написан над первым элементом дифтонга в союзе «κὰ^{ι}» на первой странице. В причастии «πε||φορτισμε΄||νοι» акут написан после эпсилона, надписанного над мю. После причастия стоит запятая. Апостроф в «κα᾽γὼ» сдвинут вправо и попадает между гласной и согласной. Легкое придыхание также сдвинуто вправо и оказывается после гласной в глаголе «ἀναπάυσω», а акут сдвинут влево и попадает на первый элемент дифтонга. Акут в «ἀ΄ρα||τε» сдвинут вправо и попадает на согласный ро. Циркумфлекс в местоимении между гласной и согласной «ὑμα˜ς» оба раза. Гравис в союзе «κα`ι» сдвинут влево и оказывается между элементами дифтонга на второй странице. Апострофы в «απ᾽ ἐμ˜δ» и «ἐφ᾽ ὑμ$^{α˜ς}$» также сдвинуты влево и попадают на согласный пи и фи соответственно. Циркумфлекс в местоимении «ἐμ˜δ» над диграфом, написанном в виде лигатуры.

16. Икона Христа Пантократора из Великой лавры 1535 г. (рис. 16) также авторства Феофана Критского [9, fig. 45]. Надпись: δε˜υτε πρός || με πα΄ντες || ο΄ι κοπ῾ω˜^{ν}τες || κὰι πεφορτισ||με΄νοι καγὼ || ἀναπα˜υσω || ὑμα˜ς ἄρα||τε τον ζϋγον μδ || ἐφ ὑμᾶς || κὰι μάθε[ται] || ἀπ᾽᾽εμου|| τι πραος. Часть знаков длинная, циркумфлекс попадает сразу на оба элемента дифтонга «δε˜υτε». Акут в местоимении «πα΄ντες» сдвинут вправо и попадает на согласный. Густое придыхание в артикле «ο΄ι» сдвинуто влево и оказывается между элементами дифтонга, как и циркумфлекс в глаголе «ἀναπα˜υσω». Циркумфлекс в причастии «κοπ῾ω˜^{ν}τες» и в местоимении «ὑμα˜ς» сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной, как и акут в «πεφορτισ||με΄νοι». Гравис в союзе «κὰι» сдвинут влево и находится над первым элементом дифтонга. Трема над юпсилоном между двух согласных в существительном «ζϋγον». Остальные знаки в рамках византийской системы акцентуации.

17. Фреска «Великий Деисус» (рис. 17) XVI в. из монастыря Дионисия на Афоне [1, ил. 20, с. 75]. Надпись: δε˜υτε πρ`ος || με π΄αντες || ο΄ι κοπιω˜ν||τες κ` πεφορ||τι΄σμ΄ενοι || καγο ἀναπαυ||σω ὑμᾶς || ἀ΄ρατε τὸν || ζυγο΄ν μδ || ἐφ᾽ ὑμᾶς. Циркумфлекс длинный и стоит над эпсилоном и левой частью юпсилона, то есть фактически над первым элементом дифтонга в «δε˜υτε», густое придыхание в артикле «ο΄ι» также между двумя элементами. Гравис в предлоге «πρ`ος» сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной, как и акут в местоимении «π΄αντες». Циркумфлекс в причастии «κοπιω˜ν||τες» сдвинут вправо и на-

ходится между гласной и согласной. В другом причастии «πεφορ||τι΄σμ΄ενοι» один акут на заударном слоге сдвинут вправо и попадает на сигму, а над ударной гласной сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной. Акут сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной в «ἀ΄ρατε», как и в «ζυγο΄ν». Над некоторыми словами знаки не сохранились, а над некоторыми они написаны в рамках византийской системы акцентуации.

18. Критская икона Христа Пантократора (рис. 18) хранится в Афинах, в музее Византийского и христианского искусства (3-й период, из Кандии, 1584–1593 гг.), авторства Михаила Дамаскина, содержит обе фразы из первой цитаты. Надпись: δε῀υτε πρ΄ο^{ς} || με πάντες || ο΄ι κοπϊω῀ν||τες κ`(αι) πεφορ||τισμ$^{ε}$΄νοι κἀγὼ || ἀναπα΄υσω ὑμας || ἀ΄ρατε τ`ο^{ν} ζυ||γο΄ν μδ ἐφ᾽ὑμ^{ᾶς} || κ`(αι) μάθετε || απ᾽ ἐμ῀δ ὅτι πρᾶ||ο$_{ς}$ εἰμ΄ι κ`(αι) ταπ^{ει}||νός τῆ καρδία. Циркумфлекс между элементами дифтонга в «δε῀υτε», как и густое придыхание в артикле «ο΄ι». Акут в предлоге «πρ΄ος» сдвинут влево и попадает на согласный ро. В причастии «κοπϊω῀ν||τες» трема над йотой перед гласной, а циркумфлекс сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной.

19. Критская икона Христа (Φοβερός Κρητής) XVI–XVIII вв. из храма св. Георгия (рис. 19) сейчас хранится в византийском музее Касторьи [36, εικ. 1, σ. 267–269]. Надпись: δ΄ευτε πρ΄ο^{ς} με || πα΄ντες ο΄ι κο||πιω῀ντες || κ`(αι) πεφορ||τισμε΄νοι || κἀγ`ω ἀναπ΄αυ||σω ὑμ῀ας ἀ΄ρατε || τ`ον ζυ||γο΄ν μδ || ἐφ᾽ὑμᾶς κ`(αι) || μάθετε ἀπ᾽ ἐ||μ῀δ ὅτι πρ῀αος || εἰμὶ κ`(αι) ταπεινὸ[ς]. Акут вместо циркумфлекса сдвинут влево и оказывается вперед дифтонгом в «δ΄ευτε», как и в глаголе «ἀναπ΄αυ||σω». Густое придыхание в артикле «ο΄ι» между элементами дифтонга. Акут в предлоге «πρ΄ος» сдвинут влево и попадает на согласный ро, как и акут в «ἀ΄ρατε». В местоимении «πα΄ντες» акут сдвинут вправо и оказывается над согласным ню. В причастии «κοπιω῀ν||τες» циркумфлекс сдвинут вправо и оказывается между гласной и согласной, как и акут в «πεφορ||τισμε΄νοι». В местоимении «ὑμ῀ας» дважды циркумфлекс длинный и попадает на гласный и на пробел перед ним. В союзе «κἀι» гравис на первом элементе дифтонга. Остальные знаки стоят в рамках византийской системы акцентуации.

Другой тип цитат, также начинающихся с «δεῦτε» из Евангелия от Матфея 25.34. Большая часть изданий [12–15; 18–23; 26; 29] предлагает следующий текст: «τότε ἐρεῖ ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ πατρός μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου»[9]. Такой же текст, но без знаков акцентуации представлен в Textus Receptus [17], и с сокращением «$\overline{\text{πρς}}$» в Codex Sinaiticus IV в. (ок. 360 г.), в Codex Alexandrinus V в., в Codex Washingtonianus IV–V вв. также использовано это сокращение, но текст приводится не полностью. В Codex Vaticanus IV в. текст такой же, кроме сокращения «δεξιω$\overline{\text{}}$». А в Codex Bezae Cantabrigensis V в. использован вариант с заменой йоты на дифтонг: «υμειν» вместо «ὑμῖν».

1. Фреска «Предста Царица одесную Тебе»[10] (рис. 20) 1383–1384 гг. в церкви Святого Афанасия ту Музаки [30, εικ. 67, σ. 227] в Касторье. Надпись: Cr δευτ^{αι}|| οι εὐλο||γημέν^{οι} || τ^{δ} π(ατ)ρ(ο)ς΄ μο^{ῦ}|| κληρονο||μ΄ισατάι|| την υτι||μ΄(ασ)μ΄εν[ην]. Акут над первым элементом дифтонга вместо циркумфлекса в «δέυτ^{αι}». Акцентуация причастия «εὐλο||γημένη» использована в рамках византийской системы акцентуации. Логическая система акцентуации в сокращении «π(ατ)ρ(ο)ς΄» с акутом над сигмой. В местоимении «μο^{ῦ}» вместо циркумфлекса стоит акут ровно над вторым элементом дифтонга. В оставшихся глаголе и причастии акуты сдвинуты влево и оказываются между гласной и согласной. В глаголе вместо эпсилона написан в окончании дифтонг «αι» с маркировкой первого элемента точкой. Колон отсутствует.

2. Фрагмент иконостаса с изображением Деисуса (рис. 21), вторая половина XIV в. в церкви Панагии Теоскепасти (Богородицы Укрытой Богом), деревня Калопанайотис (Kalopanagiotis), Кипр [8, p. 88–89, № 31]. Надпись: δεύτε || οἱ ἐυλο||γημ΄ενη || τ῀δ π(ατ) ρ(ο)΄ς || μδ· κλη||ρονομη||σατε·` τ` ||ητοιμ῀()||μένη· || ὑμι`ν· || βασιλέι||αν ἀπο κ$^{α}$||ταβολη`ς. Акут вместо циркумфлекса на втором элементе дифтонга в «δεύτε». Легкое придыхание в артикле между элементами дифтонга «οἱ». Легкое придыхание в причастии «ἐυλο||γημ΄ενη» на первом элементе дифтонга, а акут также сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной. Циркумфлекс в артикле «τ῀δ» оказывается над диграфом, написанном в

виде лигатуры. Логическая система ударения представлена в сокращении «π(ατ)ρ(ο)΄ς» и акут стоит между ро и сигмой. В причастии «ητοιμ˜()||μένη» акут ровно над гласной, а придыхание опущено. Акут сдвинут влево на первый элемент дифтонга в существительном «βασιλέι||αν». В предлоге «ἀπο» вместо легкого придыхания использован гравис. Гравис в существительном «κα||ταβολη`ς» сдвинут вправо и находится между гласной и согласной. В местоимении «ὑμι`ν» легкое придыхание ровно над гласной, над ню точка, которая может быть сдвинутым грависом, использованном вместо циркумфлекса, а над йотой, написанной вместо эты, знак долготы. Трижды использован колон: после местоимения «μδ», после причастия «ητοιμ˜()||μένη» и после местоимения «ὑμι`ν». В конце первой страницы некоторый полустертый знак с грависом над ним.

3. Фреска «Царь царем» (рис. 22) 1483 г. старого собора (алтарь нового храма Преображения) в Великих Метеорах (Преображенский монастырь) кроме знаков акцентуации содержит разные знаки сокращения [30, εικ. 104, σ. 243]. Надпись: Δεὑτε || ο΄ι ἐυλο||γημ΄εν΄οι || τ˜δ πρς || μδ κλη||ρονο||μήσατ`(ε)|| τ(ην) ητοιμ(ασ)||μ΄εν(ην) ὐ||μ(ην) βασι[λεία]. Легкое придыхание над первым элементом дифтонга, акут вместо циркумфлекса на втором в «δὲύτε». Густое придыхание в артикле между элементами дифтонга «ο΄ι». Легкое придыхание в причастии «ἐυλο||γημ΄εν΄οι» над первым элементом дифтонга, а акут сдвинут влево и оказывается между гласной и согласной, как и в следующем пассивном причастии «ητοιμ(ασ)||μ΄εν(ην)». При этом знак, похожий на длинный акут, в конце строке является избыточным, так как окончание надписано над согласным. Циркумфлекс в артикле «τ˜δ» сдвинут влево и оказывается между диграфом, написанным в виде лигатуры, и согласным. Притяжательное местоимение «μδ» оставлено без ударения, как и сокращение «π(ατ)ρ(ό)ς», над которым над всеми буквами знак сокращения. Густое придыхание в местоимении «ὐ||μ(ην)» ровно над гласной. Колон не используется.

4. Фреска Деисуса (рис. 23) 1485 г. из храма Св. Николая Эвпраксии в Касторье [30, εικ. 103, σ. 242; 34, εικ. 186] содержит близкий вариант текста к предыдущему, в том числе по палеографии. Надпись: Δὲύτε || ο΄ι ἐυλο||γημ΄εν΄οι || τ˜δ π(ατ)ρ(ό)ς || μδ κλη||ρονο||μ΄ησατ`(ε) || τ(ην) ητοι||μασμ$^{\varepsilon}$΄||ν(ην) ὑμ˜(ην). Легкое придыхание над первым элементом дифтонга, акут вместо циркумфлекса на втором в «δὲύτε». Густое придыхание в артикле между элементами дифтонга «ο΄ι». Циркумфлекс в артикле «τ˜δ» сдвинут влево и оказывается между диграфом, написанным в виде лигатуры, и согласным. Акут в глаголе «κλη||ρονο||μ΄ησατ`(ε)» сдвинут влево и попадает между гласной и согласной, как и в причастии «ἐυλο||γημ΄ε$^{\nu}$΄(οι)», где легкое придыхание оказывается между гласной и согласной.

5. Икона Христа Спасителя (Червен Христос) иконописца Иоана Зографа из села Грамуста (рис. 24) датируется первой третью XVI в. и происходит из церкви св. Иоанна в Канео (Охрид). Сейчас хранится в галерее икон в Охриде. Надпись: Δε˜υτε ο΄ι || ἐυλογει||μ΄ενοι τ$^{\delta}$|| π(ατ)ρ(ο)ς΄ μου· || κληρο||νομε΄ι||σατε τ`'|| ἡτημα||σμ΄ενοι|| ἡμη`ν βα[σιλειαν]. Циркумфлекс между двумя элементами дифтонга в «δε˜υτε», как и густое придыхание в артикле «ο΄ι». Легкое придыхание в причастии «ἐυλογει||μ΄ενοι» на первом элементе дифтонга, а в глаголе акут между элементами «κληρο||νομε΄ι||σατε». Логическая система ударения в сокращении «π(ατ)ρ(ο)ς΄» с акутом над сигмой. Остальные акуты сдвинуты влево на пробел между гласной и согласной, а гравис вправо и оказывается над согласной ню. Колон после «μου».

6. Икона Христа Пантократора (рис. 25) XV–XVI вв., из церкви Санта Марии в Малиграде, сейчас хранится в Национальном музее византийского искусства в г. Корча, Албания. Надпись: Cr δεϋτε || υ εβλογημε||ν[υ/οι] τδ? πατρὸς|| μου κληροι||νομ`ησετε|| την ετημα[σμένην]. Вместо циркумфлекса в «δεϋτε» использована трема, над вторым слогом знак, похожий на циркумфлекс. Такой же знак встречается и в третьей строке ближе к ее концу и на другой странице трижды, все разы над тау. Написание причастия «εβλογημε||ν[υ/οι]» отличается от предыдущих памятников, так как в этом варианте произошла фиксация на письме консонантизации второго элемента дифтонга. Придыхания отсутствуют.

Результаты. Таким образом, первую цитату мы проиллюстрировали 19 памятниками, а вторую всего 6, большая часть которых относится к Северной Греции. Среди первой

группы памятников встречаются как мозаики, так и фрески и иконы, более поздние из них относятся к Критской школе. Во второй группе только иконы и фрески XIV–XVI вв., из которых большая часть из сцены Деисуса. В обеих цитатах «δε῀υτε» представлено в трех вариантах: 1) с циркумфлексом, который смещен влево, либо между элементами дифтонга, либо на первом из них; 2) с акутом вместо циркумфлекса, также со сдвигом; 3) с акутом на втором элементе и легком придыхании на первом. Артикль «οʹι» чаще всего пишется с густым придыханием между элементами дифтонга. В первой цитате глагол «ἀναπαΐυσω» также пишется в трех вариантах: с акутом между элементами дифтонга, на первом элементе дифтонга или перед ним. Вполне вероятно, такое написание говорит не только о дани традиции александрийской системы акцентуации, но и о консонантизации второго элемента дифтонга. Во второй цитате использование знака легкого придыхания на первом элементе дифтонга в причастии «ἐυλο||γημένη» доказывает консонантизацию второго элемента, что и представлено в написании этого слова в последней надписи. В обеих цитатах союз «κὰι» пишется либо в сокращении с сохранением грависа после каппы, либо с грависом на первом элементе дифтонга. В причастии «κοπιω῀ν||τες» чаще циркумфлекс сдвинут вправо, однако, есть примеры, где омега заменена на омикрон, а циркумфлекс соответственно на акут. Этому соответствует и замена грависа на циркумфлекс в первой цитате в «κἀγὼ», где апостроф мог либо опускаться, либо повторяться дважды, один раз как апостроф, а второй раз избыточно в функции легкого придыхания над альфой. В этих памятниках также наблюдается использование легкого придыхания внутри слова, чаще всего на дифтонгах, обычно на первом элементе. Сдвиг ударения вправо в «ἀΐρατε» в первой цитате по своему типу похож на такой же сдвиг в лексеме «ἅγιος», многократно представленный в различных памятниках (см.: [5]). В других словах также могут встречаться сдвиги вправо или влево, попадающие на пробелы между гласной и согласной или на согласный, в случае сдвигов вправо. Трема вместо ударения использована только в одном памятнике со второй цитатой. Логическая система ударения представлена в сокращениях во второй цитате. Орфография второй цитаты содержит больше вариаций, связанных с процессом монофтонгизации дифтонгов и итацизмом. Таким образом, в этих цитатах оказывается смешанная система акцентуации, нет ни одного памятника, акцентуированного в рамках только византийской системы. Почти во всех случаях позиция дифтонга или диграфа оказывается маркирована, чаще в рамках александрийской системы, либо, в случае сомнений автора, между элементами. Также наблюдаются слова со сдвигами ударения влево или вправо, некоторые из которых можно объяснить палеографией, как акут над ню, другие нет. Скорее всего, такое небрежное акцентуирование в сочетании с ошибками в орфографии в менее частотных словах свидетельствует о том, что цитаты чаще писались авторами по памяти и в процессе самодиктовки, то есть без подглядывания в письменный источник. На этот факт также указывает сравнение с существующими изданиями текста Нового завета, в которых не представлены такие вариации орфографии, а встречающиеся в них, не находят отражения в анализируемых цитатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] [22], Codex Sinaiticus ок. 360 г., Codex Vaticanus IV в., Codex Ephraemi Rescriptus ок. 450 г., Codex Bezae Cantabrigensis нач. V в., Codex Washingtonianus IV–V веков.

[2] [18–23], в [17] нет знаков акцентуации, а остальные слова выглядят также.

[3] Codex Vaticanus IV века.

[4] Codex Ephraemi Rescriptus ок. 450 г., Codex Bezae Cantabrigensis нач. V в., Codex Washingtonianus IV–V веков.

[5] Ibid.

[6] Codex Washingtonianus IV–V веков.

[7] Codex Vaticanus IV в., Codex Ephraemi Rescriptus V в., Codex Bezae Cantabrigensis нач. V в., Codex Washingtonianus IV–V веков.

[8] Над дифтонгом в этом слове и над каппой в следующем следы знаков, которые могли быть невмами или показывать движение тона.

[9] Синодальный перевод: Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».

[10] Вариант 3-фигурного Деисуса был популярен во 2-й половине XIV века. См.: https://www.pravenc.ru/text/2660720.html.

ПРИЛОЖЕНИЕ

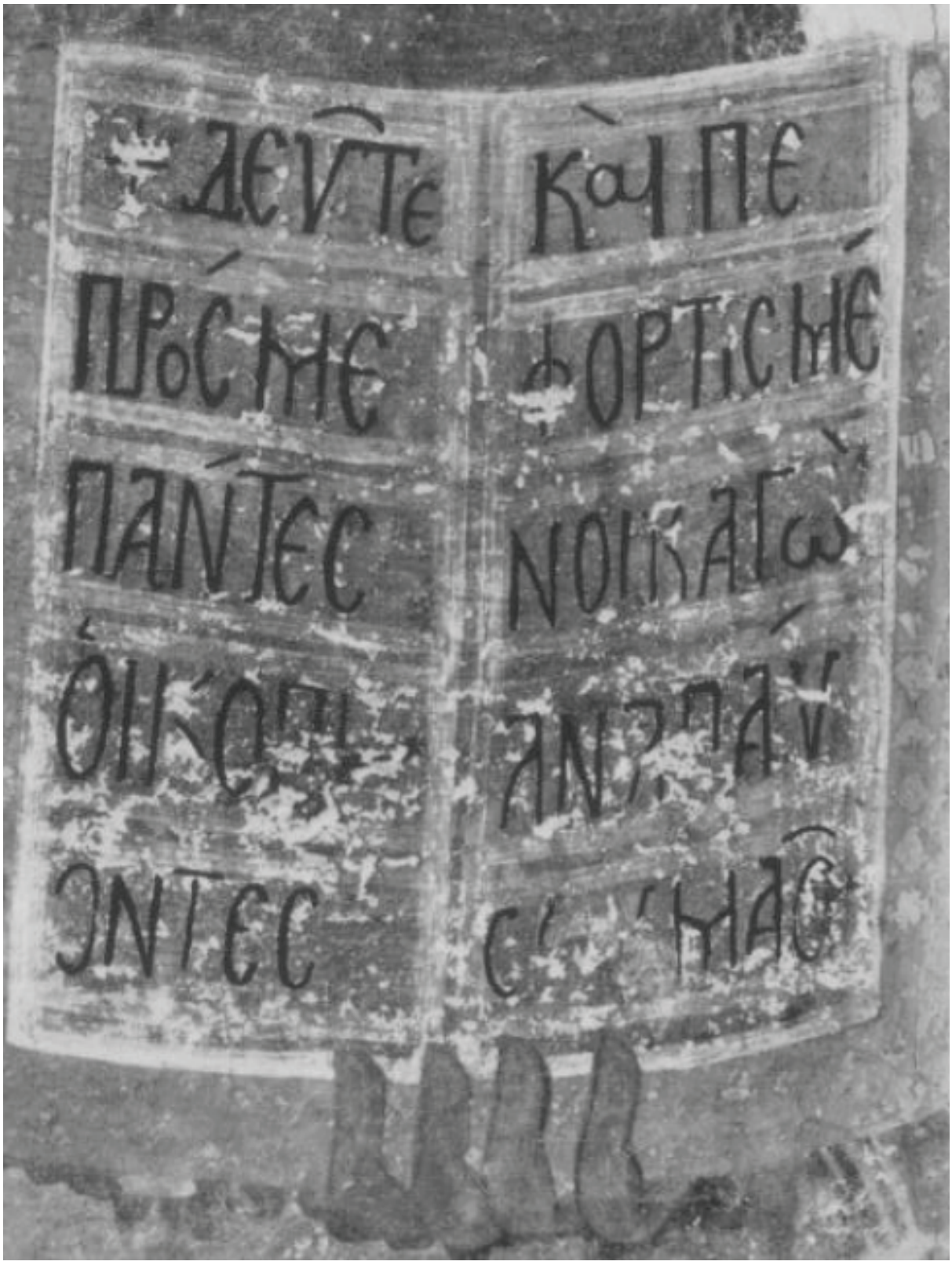

Рис. 1. Икона Христа Человеколюбца конца XII в. из монастыря св. Неофита (взято из издания)

Fig. 1. Icon of Christ the Lover of Mankind, end of the 12th cent. from Saint Neophyte's monastery (from the publication)

Рис. 2. Икона «Деисус и святые» 2-й половины XIII в. из монастыря св. Екатерины на Синае (прорисовка автора). Princeton Work № 709, Michigan Inv. № 1177

Fig. 2. Icon “Deesis and saints” of the 2nd half of 13th c. from Saint Catherine’s monastery in Sinai (author’s drawing from a photograph in the publication). Princeton Work no. 709, Michigan Inv. no. 1177

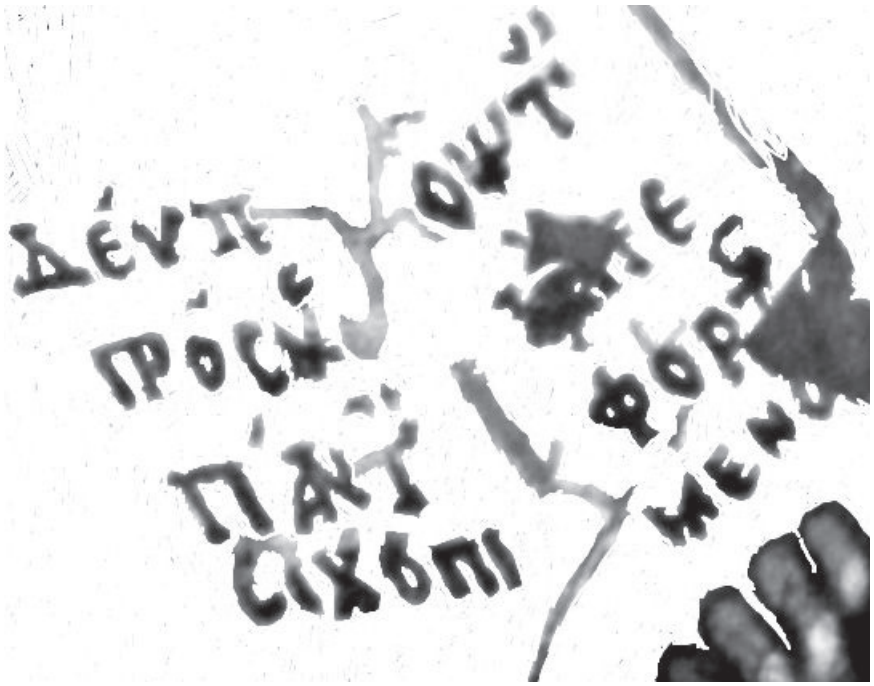

Рис. 3. Икона Христа (XIII–XV вв.) из монастыря св. Екатерины на Синае (прорисовка автора). Princeton Work № 251, Michigan Inv. № 311, https://ru.pinterest.com/pin/306737424604247777/

Fig. 3. Icon of Christ (13th – 15th cent.) from Saint Catherine’s monastery in Sinai (author’s drawing). Princeton Work no. 251, Michigan Inv. no. 311, https://ru.pinterest.com/pin/306737424604247777/

Рис. 4. Фреска Христа Спасителя из церкви св. Николая Орфаноса в Салониках 1310–1315 гг. (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ed/Thessaloniki%2C_Agios_Nikolaos_Orfanos.jpg, https://diomedes2.livejournal.com/715425.html, фотография туриста)

Fig. 4. Fresco of Christ Savior from the church of Saint Nicholas Orphanos in Thessaloniki, 1310–1315 (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ed/Thessaloniki%2C_Agios_Nikolaos_Orfanos.jpg, https://diomedes2.livejournal.com/715425.html, photography by a tourist)

Рис. 5. Фреска Христа Милостивого 1316–1318 гг. из церкви св. Георгия в Старо-Нагоричино в Македонии, https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2a/Church_of_Saint_George_in_Staro_Nagorichino%2C_iconostase_with_Mary_and_Saint_George.jpg

Fig. 5. Fresco of Christ the Merciful, 1316–1318, from the Church of St. George in Staro Nagorichino in Macedonia, https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2a/Church_of_Saint_George_in_Staro_Nagorichino%2C_iconostase_with_Mary_and_Saint_George.jpg

Рис. 6. Мозаика с изображением Христа ок. 1315–1321 гг., Карийе Джами, Константинополь (взято из издания)
Fig. 6. Mosaic depicting Christ, c. 1315–1321, Kariye Cami, Constantinople (from the publication)

Рис. 7. Фреска Христа Антифонитиса 1345–1370 гг. из монастыря Святого Иоанна Предтечи близ Серр в Греции (фото, https://www.flickr.com/photos/142275543@N05/53956165724/in/album-72177720319885992)
Fig. 7. Fresco of Christ Antiphonitis, 1345–1370, from the Monastery of St. John the Baptist near Serres in Greece (photo, https://www.flickr.com/photos/142275543@N05/53956165724/in/album-72177720319885992)

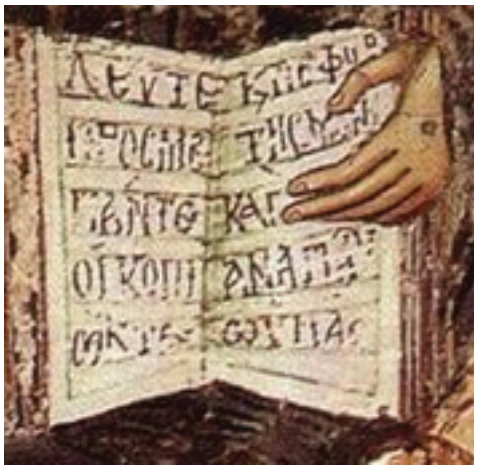

Рис. 8. Фреска 1387/8 г. «Страшный Суд» собора монастыря Великих Метеор в Греции (взято из издания)
Fig. 8. Fresco, 1387/8, “The Last Judgment”, in the cathedral of the Great Meteora Monastery in Greece (taken from the publication)

Рис. 9. Фреска Христа Пантократора XIII–XV вв. из монастыря Св. Неофита (взято из издания)

Fig. 9. Fresco of Christ Pantocrator, 13th – 15th centuries, from the Monastery of St. Neophytos (from the publication)

Рис. 10. Икона Христа Всемогущего XIV в. из монастыря Дионисия на Афоне (https://i.pinimg.com/736x/87/4c/1d/874c1d9157c899ddd11f8c4d97d79c8a.jpg, https://icoana.wordpress.com/2016/01/25/teofan-cretanul/)

Fig. 10. Icon of Christ Almighty, 14th century, from the Dionysios Monastery on Mount Athos (https://i.pinimg.com/736x/87/4c/1d/874c1d9157c899ddd11f8c4d97d79c8a.jpg, https://icoana.wordpress.com/2016/01/25/teofan-cretanul/)

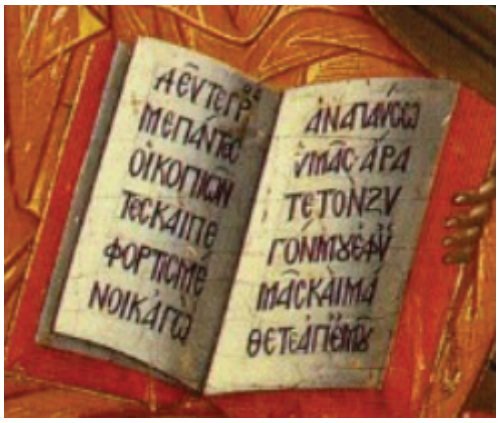

Рис. 11. Икона Христа Зоодотиса XV в. из Кокино Хорьо (взято из издания)

Fig. 11. Icon of Christ Zoodotis, 15th century, from Kokino Chorio (from the publication)

Рис. 12. Икона 2-й половины XV в. «Христос Пантократор» из монастыря Топлу (https://saintpaulsicons.com/product/christ-pantocrator-a-ritzos-cretan-15th-c-cj823/)

Fig. 12. Icon of Christ Pantocrator, 2nd half of the 15th century, from the Toplou Monastery (https://saintpaulsicons.com/product/christ-pantocrator-a-ritzos-cretan-15th-c-cj823/)

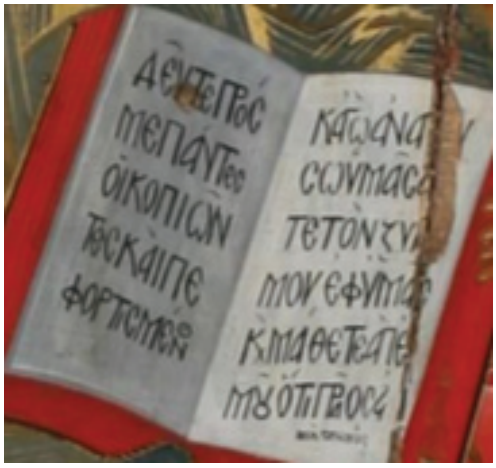

Рис. 13. Икона Христа Спасителя на троне 1430 г. в музее Эфорат древностей Додеканеса (https://nationalarchive.culture.gr/en/exhibits/explore/view?id=731029)

Fig. 13. Icon of Christ the Savior on the throne, 1430, in the museum of the Ephorate of Dodecanese Antiquities (https://nationalarchive.culture.gr/en/exhibits/explore/view?id=731029)

Рис. 14. Фреска Деисуса 1514 г. из церкви Богородицы или Архангела Михаила в Галате (взято из издания)

Fig. 14. Fresco of the Deesis, 1514, from the Church of Our Lady or Archangel Michael in Galata (from the publication)

Рис. 15. Икона «Христос Пантократор» 1535–1545 гг. из иконостаса кафоликона Иверского монастыря (https://www.pravenc.ru/data/945/336/1234/i400.jpg, из статьи в православной энциклопедии)

Fig. 15. The icon “Christ Pantocrator”, 1535–1545, from the iconostasis of the Iveron Monastery’s catholicon (https://www.pravenc.ru/data/945/336/1234/i400.jpg, from an article in the Orthodox Encyclopedia)

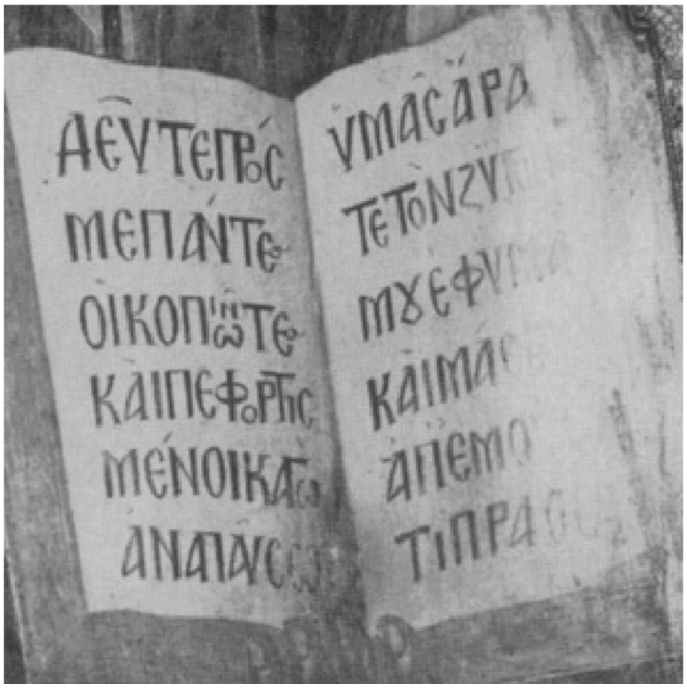

Рис. 16. Икона Христа Пантократора из Великой лавры 1535 г. (взято из издания)
Fig. 16. Icon of Christ Pantocrator from the Great Lavra, 1535 (from the publication)

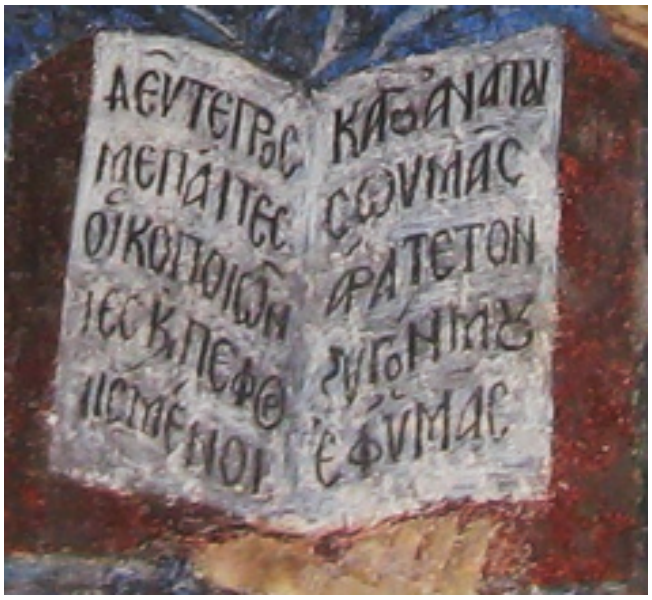

Рис. 17. Фреска «Великий Деисус» XVI в. из монастыря Дионисия на Афоне (https://athosweblog.com/wp-content/uploads/2010/11/img_3534-dionysiou-fresco-above-the-entrance.jpg)
Fig. 17. Fresco “The Great Deesis”, 16th century, from the Dionysios Monastery on Mount Athos (https://athosweblog.com/wp-content/uploads/2010/11/img_3534-dionysiou-fresco-above-the-entrance.jpg)

Рис. 18. Критская икона Христа Пантократора из Афин, Византийский и Христианский музей (© Ministry of Culture and Sports, Byzantine and Christian Museum, http://iakm.gr/agia/Page?lang=en&name=enotita&id=504&sub=670)

Fig. 18. Cretan icon of Christ Pantocrator from Athens, Museum of Byzantine and Christian Art (© Ministry of Culture and Sports, Byzantine and Christian Museum, http://iakm.gr/agia/Page?lang=en&name=enotita&id=504&sub=670)

Рис. 19. Критская икона Христа (Φοβερός Κρητής) XVI–XVIII вв. из храма Св. Георгия (https://1zoom.club/17239-vizantijskij-muzej-kastorii.html)

Fig. 19. The Cretan icon of Christ (Φοβερός Κρητής) from the 16th – 18th centuries from the Church of St. George (https://1zoom.club/17239-vizantijskij-muzej-kastorii.html)

Рис. 20. Фреска «Предста Царица одесную Тебе» 1383–1384 гг. в церкви Св. Афанасия ту Музаки (https://www.flickr.com/photos/139456657@N07/49453604712/in/album-72157712868275702)

Fig. 20. Fresco “The Queen stands at Your right hand”, 1383–1384, in the Church of St. Athanasius tou Mouzaki (https://www.flickr.com/photos/139456657@N07/49453604712/in/album-72157712868275702)

Рис. 21. Деисус 2-й половины XIV в. в церкви Панагии Теоскепасти, деревня Калопанайотис, Кипр (https://cojo.ru/wp-content/uploads/2022/12/zhivopis-vizantii-ikonopis-1.webp)

Fig. 21. Deesis, 2nd half of the 14th century, in the church of Panagia Theoskepasti, Kalopanayiotis village, Cyprus (https://cojo.ru/wp-content/uploads/2022/12/zhivopis-vizantii-ikonopis-1.webp)

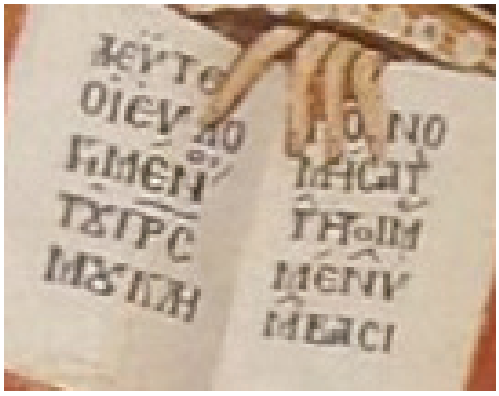

Рис. 22. Фреска «Царь царем» 1483 г. старого собора в Великих Метеорах (https://saintkosmas.org/dormition/lesson-for-children)

Fig. 22. Fresco “The King of the King” from 1483 in the old cathedral in Great Meteora (https://saintkosmas.org/dormition/lesson-for-children)

Рис. 23. Фреска Деисуса 1485 г. из храма Св. Николая Эвпраксии в Касторье (https://bg.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Saint_Nicolas_of_Eupraxia_Church_Panagia_Paraklisis_1485-1486.jpg, фото туриста)

Fig. 23. Fresco of the Deesis, 1485, from the Church of St. Nicholas Eupraxia in Kastoria (https://bg.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Saint_Nicolas_of_Eupraxia_Church_Panagia_Paraklisis_1485-1486.jpg, photography by a tourist)

Рис. 24. Икона Христа Спасителя (Червен Христос) 1-й трети XVI в. из церкви Св. Иоанна в Канео (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jesus_Saviour_Ioan_Kaneo_Icon.jpg, фотография туриста)

Fig. 24. Icon of Christ the Savior (Christ the Red One), 1st third of the 16th century, from the Church of St. John in Kaneo (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jesus_Saviour_Ioan_Kaneo_Icon.jpg, photography by a tourist)

Рис. 25. Икона Христа Пантократора XV–XVI вв. из церкви Санта Марии в Малиграде (https://fotoload.ru/foto/879000/, фотография туриста)

Fig. 25. Icon of Christ Pantocrator, 15th – 16th centuries, from the Church of Santa Maria in Maligrad (https://fotoload.ru/foto/879000/, photography by a tourist)

REFERENCES

1. Dachev M. *Bogorodichna ikonographiya* [The Iconography of the Theotokos]. Sophia, Center for Semiotic and Cultural Studies, 2022. 288 p. (Poreditsa "Atoniada" [Athoniada Library Series]; vol. 8).

2. Evdokimova A.A. Dialog vizantiyskoy i alexandriyskoy sistem aktsentuatsii v grecheskikh graffiti iz raznykh balkanskikh pamyatnikov [Dialogue of Byzantine and Alexandrine Accentuation Systems in Greek Graffiti from Different Balkan Monuments]. *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obtshestvakh na Balkanakh* [The Balkan Thesaurus: Communication in Complex Cultural Societies in the Balkans]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, 2019, pp. 31-37. (Balkanskie chteniya [The Balkan Readings]; vol. 15).

3. Evdokimova A.A. Sistemy aktsentuatsii v grecheskikh nadpisyakh s povtoryayushchimsya tekstom v Gruzii i drugikh regionakh Vizantii [Accentuation Systems in Greek Inscriptions with Repeated Text in Georgia and Other Regions of Byzantium]. *Byzantino Caucasica. T. 2*. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2022, pp. 41-54.

4. Evdokimova A.A. Korpus aktsentuirovannykh vizantiyskikh pismennykh pamyantikov i metody ego razmetki [Corpus of Accentuated Byzantine Written Monuments and Methods of Its Markup]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2023»* [Computer Linguistic and Intellectual Technologies. Proceedings of the Scientific Conference "Dialogue 2023"]. Moscow, RGGU Publ., 2023, pp. 1-11.

5. Evdokimova A.A. Nadpisi na ikonakh i freskakh svyatykh voinov i ikh aktsentuatsiya [Inscriptions on Icons and Frescoes of Holy Warriors and Their Accentuation]. *Pod omoforom pervozvannogo: ot apostola Andreya k andreyevskomu flagu* [Under the Omophorion of the First-Called: From the Apostle Andrew to the St. Andrew's Flag]. Simferopol, IT Arial, 2024, pp. 33-38.

6. Evdokimova A.A. Sistemy aktsentuatsii v nadpisyakh Paraklesisa na svitke Bogomateri [The Accentuation Systems in the Paraklesis Inscriptions on the Scroll of the Mother of God]. *Vizantiya v kontexte mirovoy kultury. Trudy gosudarstvennogo Ermitazha* [Byzantium in the Context of World Culture. Proceedings of the State Hermitage Museum], vol. 121. Saint Petersburg, Publishing of the State Hermitage Museum, 2024, pp. 316-333.

7. Evdokimova A.A. Aktsentuatsiya v tsitate iz Evangeliya ot Ioanna 8:12 na materiale vizantiyskikh pamyatnikov [Accentuation in the Quotation from the Gospel of John 8:12 based on Byzantine Monuments]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2026 (in print).

8. Papageorghiou A., Tsitselis K., Mouriki D., eds. *Byzantine Icons from Cyprus: Catalogue of the Exhibition at the Benaki Museum*. Athens, Benaki Museum, 1976. 157 p.: ill (part col.).

9. Chatzidakis M. Recherches sur le Peintre Théophane le Crétois. *Dumbarton Oaks Papers*, 1969, vol. 23/24, pp. 309-352.

10. Borboudakis M., ed. *Icons of the Cretan School (From Candia to Moscow and Saint Peterburg). Exhibition Catalogue*. Heraklion, 13th Ephorate of Byzantine Antiquities of Crete, 1993. 592 p.

11. Mango C., Hawkins E.J.W. The Hermitage of St. Neophytos and Its Wall Paintings. *Dumbarton Oaks Papers*, 1966, vol. 20, pp. 119-206.

12. *Nestle-Aland Novum Testamentum Graece*. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 2012. 898 p.

13. Tischendorf C. von, ed. *Novum Testamentum Graece*. Editio Octava. Lipsiae, Giesecke & Devrient, 1869−1872. 800 p.

14. Nestle E., ed. *Novum Testamentum Graece*. New York; Chicago; Toronto, Fleming H. Revell Company, 1904. 730 p.

15. *SBL Greek New Testament (SBLGNT)*. Atlanta, Georgia, Society of Biblical Literature; Bellingham, Washington, Logos Bible Software. 2010. 516 p.

16. Stylianou A., Stylianou Ju.A. *The Painted Churches of Cyprus: Treasures of Byzantine Art*. Nicosia, A.G. Leventis Foundation, 1997. 527 p.

17. Elzevir A., Elzevir B., eds. *Textus Receptus*. Lugduni Batavorum, Ex officina Elzeviriani, 1624. 863 p.

18. Estienne (Stephanus) R., ed. *Textus Receptus*. Lutetia, Exofficina Roberti Stephani typographi Regii, Regiis typis, 1550. 203 p.

19. Scrivener F.H.A., ed. *Textus Receptus 1894*. London, Bibles.org.uk, 2001–2005. 734 p.

20. Beza Th., ed. *Textus Receptus*. Geneva, Symptibus Haered eust. Vignon, 1598. 596 p.

21. Pickering W.N., ed. *The Greek New Testament According to Family 35*. S.l., s.n., 2020. 563 p.

22. Robinson M.A., Pierpont W.G., eds. *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform 2005*. Southborough, Mass., Chilton, 2005. 588 p.

23. *The New Testament Text of the Greek Orthodox Churches*. Constantinople, Ek tou Patriarchikou Typographeiou, 1904. 622 p.

24. Todić B. *Serbian Medieval Painting: The Age of King Milutin*. Belgrade, Draganić, 2000. 391 p.

25. Karakatsanis A.A., ed. *Treasures of Mount Athos. Catalogue of the Exhibition at the Museum of Byzantine Culture*. Thessaloniki, Greek Ministry of Culture, 1997. 698 p.

26. Tregelles S.P. *The Greek New Testament, Edited from Ancient Authorities, with their Various Readings in Full, and the Latin Version of Jerome.* London, Bagster; Stewart, 1870. 937 p.

27. Underwood P.A. *The Kariye Djami. Vol. 1*. London, Routledge & K. Paul, 1967. 321 p.; vol. 2–3. 553 pl.

28. Weitzmann K. Fragments of an Early St. Nicholas Triptych on Mount Sinai (Pl. 1–10). *Deltion tēs Christianikēs Archaiologikēs Etaireias* [Bulletin of the Christian Archaeological Society], 1966, vol. 4, pp. 11-23. DOI: https://doi.org/10.12681/dchae.751

29. Westcott B.F., Hort F.J.A. *The New Testament in the Original Greek*, *Vol. 1: Text*. Cambridge, Macmillan, 1881. 324 p.; vol. 2: *Introduction* and *Appendix.* 188 p.

30. Drakopoulou E. *Ē polē tēs Kastorias tē byzantinē kai metabyzantinē epochē (12os–16os ai.). Istoria – Technē – Epigrafes* [The City of Kastoria, Byzantine and post-Byzantine. History – Art – Inscriptions]. Athens, Christian Archaeological Society, 1997. 249 p.

31. Vafeiadis K. *Ysterē Byzantinē Zōgraphikē. Chōros kai morphē stēn technē tēs Konstantinoupoleōs 1150–1450* [Late Byzantine Painting. Space and Form in the Art of Constantinople 1150–1450]. Athens, s.n., 2015. 397 p.

32. Konstantoudaki-Kitromilidou M., Myriantheus D. *Oi naoi tēs Panagias Podythou kai tēs Theotokou (ē tou archangelou) stē Galata* [The Churches of Panagia Podythou and the Theotokos (or the Archangel) in Galata]. Nicosia, Politistiko idryma Kyprou Publ., 2012. 92 p.

33. Xyggopoulos A. *Oi toichografies tou agiou Nikolaou Orphanou* [The Frescoes of Saint Nicholas Orphanos]. Thessaloniki; Athens, Ministry of Culture and Sports, 1964. 44 p., 190 il.

34. Pelekanidis St. *Kastoria. I. Byzantinai Toichografiai, Pinakes* [Kastoria. I Byzantine Frescoes, Paintings]. Thessaloniki, Etaireia Makedonikōn Spoudōn Publ., 1953. 262 p.

35. Tsigaridas E.N. Nea stoicheia tēs kallitechnikēs drastēriotētas tou Theophanē tou Krētos stēn Iera Monē Ibērōn [New Elements of the Artistic Activity of Theophanes of Crete in the Holy Monastery of Iberon]. *Mnēmē Manolē Andronikou* [In Memory of Manolis Andronikos]. Thessaloniki, Etaireia Makedonikōn Spoudōn Publ., 1997, pp. 371-374, figs. 1-10.

36. Tsigaridas E.N. Eikones tēs Krētikēs Scholēs stēn Kastoria [Icons of the Cretan School in Kastoria]. *Deltion tēs Christianikēs Archaiologikēs Etaireias* [Bulletin of the Christian Archaeological Society], 2014, vol. 35, pp. 267-304.

37. Tsitouridou A. *O zōgraphikos diakosmos tou Agiou Nikolaou Orphanou stē Thessalonikē. Symbolē stē meletē tēs Palaiologeias zōgraphikēs kata ton prōimo 14o aiōna* [The Painted Decoration of Agios Nikolaos Orphanos in Thessaloniki. A Contribution to the Study of Palaeologan Painting in the Early 14th Century]. Thessaloniki, Kentro Byzantinōn Ereunōn, 1986. 459 p.

Information About the Author

Alexandra A. Evdokimova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Department of Applied Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, B. Kislovsky Lane, 1, Bld. 1, 125009 Moscow, Russian Federation, ae@iling-ran.ru, https://orcid.org/0000-0002-6557-2064

Информация об авторе

Александра Алексеевна Евдокимова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики, Институт языкознания РАН, пер. Б. Кисловский, 1, стр. 1, 125009 г. Москва, Российская Федерация, ae@iling-ran.ru, https://orcid.org/0000-0002-6557-2064

www.volsu.ru

ВИЗАНТИЯ И ВОЙНА

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.14

UDC 94(495)+94(363.6)
LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 17.04.2025
Accepted: 30.09.2025

MILITARY UNIT OF THE SCYTHAE IUSTINIANI: TIME AND CIRCUMSTANCES OF ITS FORMATION

Andrey D. Nazarov

Ural State Forest Engineering University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Evidence of the military unit of the *Scythae Iustiniani* has been preserved in papyrus documents of the 6th century from Thebais. The presented article is intended to answer the questions of when and for what purpose this military unit was created. *Analysis.* The prevailing opinion among researchers is that the *Scythae Iustiniani* originally consisted of captive Italian Ostrogoths who were deported by the Byzantine authorities to Egypt. Nevertheless, in Byzantine ethnography of the 6th century, Goths who lived in Western Europe could not be called "Scythians." It may be asserted that the inhabitants of Thrace, where communities of barbarian immigrants lived in the 5th and 6th centuries, were enrolled into this *numerus*. The author suggests that its formation took place in 541. In this year, Emperor Justinian I sent Belisarius to the East with a large army. The task of the general was to fight the Iranian Great King Khosrow I Anushirvan, who had previously invaded Syria. New Byzantine military units that received the title *Iustiniani* were among the force subordinated to Belisarius. *Results.* The original personnel of the *Scythae Iustiniani* included soldiers who had previously served in the *foederati* detachments and took part in the wars in Mesopotamia, Africa, and Italy during 526–540. After the end of the hostilities that Belisarius led against the Persians in 541, several units from the army subordinated to him were sent to Thebais. Among them was the *Scythae Iustiniani*, for whom this province subsequently became a permanent base.

Key words: Eastern Roman empire, Byzantium, Byzantine army, Goths, Late Antique Egypt, Justinian the Great.

Citation. Nazarov A.D. Military Unit of the Scythae Iustiniani: Time and Circumstances of Its Formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 191-200. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.14

УДК 94(495)+94(363.6)
ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 17.04.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ SCYTHAE IUSTINIANI: ВРЕМЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ФОРМИРОВАНИЯ

Андрей Дмитриевич Назаров

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В папирусных документах VI в. из Фиваиды сохранились свидетельства об армейской части *Scythae Iustiniani*. Представленная статья призвана ответить на вопрос, когда и с какой целью она была сформирована. *Анализ.* Среди исследователей преобладает мнение о том, что *Scythae Iustiniani* первоначально состояли из пленных италийских остготов, которые были депортированы византийскими властями в Египет. Тем не менее в византийской этнографии VI в. готы, жившие в Западной Европе, не могли именоваться «скифами». Существуют основания полагать, что в этот нумер были зачислены обитатели Фракии, где в V–VI вв. проживали общины варварских иммигрантов. Автор выдвигает предположение,

© Назаров А.Д., 2025

что его формирование было осуществлено в 541 году. Именно в этом году Юстиниан I отправил на Восток Велисария со значительными силами. Задача военачальника заключалась в ведении боевых действий против шаханшаха Хосрова I Ануширвана, который перед этим вторгся в Сирию. В подчинении у Велисария находились в том числе новые армейские части, получившие титул *Iustiniani*. *Результаты.* В первоначальный состав *Scythae Iustiniani* вошли бойцы, которые ранее служили в отрядах федератов и принимали участие в войнах в Месопотамии, Африке и Италии в 526–540 годах. После окончания боевых действий, которые Велисарий вел против персов в 541 г., несколько войсковых частей из подчиненных ему сил было отправлено в Фиваиду. Среди них находились и *Scythae Iustiniani*, для которых эта провинция стала местом постоянного базирования.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Византия, византийская армия, готы, позднеантичный Египет, Юстиниан I Великий.

Цитирование. Назаров А. Д. Войсковая часть Scythae Iustiniani: время и обстоятельства формирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 191–200. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.14

Введение. Исследователями неоднократно отмечалось, насколько важное значение отводилось переселенцам-готам при комплектовании армейских подразделений Восточной Римской империи. В частности, специалисты обращались к изучению функций и значения федератов в войнах эпохи Юстиниана I (527–565). Создавались такого рода отряды из располагавшихся во Фракии объединений иммигрантов, главным образом восточногерманского происхождения [20, S. 67–110; 21, p. 35–127; 33, S. 69–90]. Между тем существуют основания утверждать, что готы служили не только в таких формированиях. Так, в фиваидских папирусах упоминается об армейской части *Scythae Iustiniani*. Сам факт ее существования привлек внимание А. Маджару, чья публикация посвящена войсковым частям ранневизантийской армии, в названиях которых есть указания на Скифию, в том числе Малую, либо Дакию [23, p. 385]. Впрочем, работа румынского исследователя носит в большей мере реферативный характер, хотя и опирается на широкий круг источников. Кроме того, собственные версии касательно времени возникновения *Scythae Iustiniani* были предложены К. Цукерманом, Б. Пальме, А.-М. Кайзер [18; 25, p. 259; 39, p. 163]. Тем не менее ни одну из них нельзя назвать в полной мере убедительной как минимум по той причине, что выводы указанных специалистов сделаны без должного учета военной и внешней политики Юстиниана I.

Методы. Цель настоящего исследования – определить, когда и при каких обстоятельствах был сформирован нумер *Scythae Iustiniani*. Ее достижение невозможно без обращения к политической истории Византии в годы властвования Юстиниана I, поскольку новые армейские формирования, как правило, создаются для решения конкретных задач, связанных с внешней экспансией государства и обеспечением внутренней безопасности. Информация нарративных источников о войнах эпохи Юстиниана I позволит установить время создания *Scythae Iustiniani*. Кроме того, опираясь на современные знания о принципах византийской этнографии, следует определить происхождение первоначального личного состава интересующей нас воинской части.

Анализ. Войсковая часть *Scythae Iustiniani* упоминается в нескольких папирусах из Антеополя (совр. Кав эл-Кебир), изданных Ж. Масперо (по изд.: [26]). Известен документ, который приблизительно датируется 551–552 гг., где она указывается с титулом ‘Юстинианова’ (Σκ[ύ]θ(αις) [Ἰου]σ[τ]ινιανοῖς) (P. Cair. Masp. I, no. 67057. 8). Можно утверждать, что *Scythae Iustiniani* были сформированы в годы правления Юстиниана I. Продолжая обзор источников, содержащих информацию об упомянутом отряде императорской армии, необходимо назвать оксиринхские папирусы № 1920 и № 2046, первый из которых датируется 563 г., тогда как второй – 564 г. (P. Oxy. XVI, no. 1920. 3; no. 2046. 10–11, 17–19, 34) (по изд.: [36]). Что интересно, в последнем документе указан числившийся в рядах *Scythae Iustiniani* обладатель германского имени – Фреда (Φρεδᾶς) [34, S. 93].

Еще один из такого рода источников, датируемый маем–июлем 567 г., сообщает о Мене, пагархе Антеополя и викарии армейских частей *Scythae* и *Macedoni* (Μηνᾶ παγάρχο(υ)

καὶ χειρὶ τοῦ βικαρίο(υ) τῶν στρατιωτῶν Σκυθῶν καὶ τῶν Μακεδόνων) (P. Cair. Masp. I, no. 67002. 12). Кроме того, папирус, созданный между 567 и 570 гг., упоминает некоего «воина нумера благороднейших *Scythae*» (ὁ στρ(ατιώτης) \τοῦ ἀριθμοῦ/ τῶν γενναιοτ(άτων) Σκυθ[ῶν]) (P. Cair. Masp. I, no. 67009. 21). Сохранился также документ, дата создания которого точно не известна. В нем, в частности, сообщается о Нарсе, драконарии *Scythae* (Ναρσῆ δρακο(ναρίου) τῶν Σκυθῶν) [11, p. 181.10]. Антропоним является иранским, при этом он был достаточно широко распространен в Армении [17, S. 221–225].

По мнению К. Цукермана, которое позднее было поддержано Е.А. Мехамадиевым, нумер *Scythae Iustiniani* первоначально состоял из италийских остготов [3, с. 77; 39, p. 163]. Такая позиция встретила возражения со стороны М.М. Казанского, утверждающего, что в «скифах» VI–VII вв. нужно видеть, прежде всего, гуннов, булгар или авар [1, с. 213, примеч. 6]. Развивая эту мысль, следует подчеркнуть, что этникон Σκύθαι в древнегреческой и византийской классификации народов использовался для обозначения общностей, живших севернее и северо-восточнее Дуная, то есть в Великой Скифии [5; 6, с. 142; 7, с. 66].

Под такое определение могли подходить и готы, и аланы, и гунны. Например, у Приска Панийского «царями скифов» названы гуннские предводители Аттила и Бледа (Prisc. fr. 2) (по изд.: [28]). В этом контексте интересно свидетельство Иордана о том, что первоначально готы расселились на «земле Скифии» (*in Scythiae solo*) (Iord. Get. 38) (по изд.: [16]). Речь шла о событиях II в. н. э., когда упомянутый народ мигрировал в Повисленье. Тот же Иордан писал о том, как Амалы верно служили Аттиле. Он добавил, что до смерти последнего «какое-либо скифское племя» (*gens aliqua Scythica*) не могло освободиться из-под власти гуннов (Iord. Get. 253).

Возникает вопрос, могли ли именовать «скифами» тех готов, которые обосновались на Западе? Сидоний Аполлинарий в панегирике западноримскому императору Авиту (455–456) назвал «скифами» сражавшихся против Аэция в 420-х гг. вестготов, а затем и гуннов (Sid. Carm. VII. 230–231, 246–248) (по изд.: [35]). Значит, для Сидония вестготы продолжали оставаться «скифами», хотя они уже давно проживали в Галлии, а не Великой Скифии. Известно сообщение Приска, сохранившееся у Иоанна Антиохийского, в котором как «скифы» предстали обладатели восточногерманских имен Оптила и Травстила [34, S. 178, 237], убившие западноримского императора Валентиниана III в 454 г. (Ioann. Ant. fr. 224. 4 = Prisc. fr. 30) (по изд.: [14]). Этими случаями известные нам обозначения готов, проживавших на Западе, как «скифов» исчерпываются.

Иордан упоминал об общих «древних скифских поселениях» (*antiquas <…> Scythicas sedes*) визиготов и остроготов (или же вестготов и остготов), разделившихся впоследствии (Iord. Get. 246). Прокопий Кесарийский отметил, что некогда «скифами» именовались современные ему визиготы, вандалы и др. (Proc. BG. IV. 5. 5–6) (по изд.: [29]). Однако ни тот, ни другой не использовали этот этноним в отношении италийских остготов, которым уделено немало внимания в их трудах. Таким образом, сообщения Сидония Аполлинария и Приска Панийского о готах-«скифах» на Западе являются, скорее, исключением из общего правила.

Архаизированный этноним употреблен упомянутыми авторами исходя из того, что в Великой Скифии обитали предки современных им готов, без строгой привязки к текущему месту обитания. К тому же Сидоний и Приск жили и творили в V веке. В последующие же времена связь вестготов, равно как и остготов, со «скифами» осталась достоянием прошлого. Сведения Иордана и Прокопия Кесарийского позволяют опровергнуть версию К. Цукермана о том, что в составе *Scythae Iustiniani* первоначально находились остготы. О пребывании последних в Египте известно благодаря как тому же Прокопию, так и сведениям папирологии, однако нет никаких оснований связывать их со *Scythae Iustiniani* (Proc. BG. IV. 27. 1–28) [38, p. 27–28].

Далее следует проанализировать упоминания о «скифах», проживавших в Восточной Римской империи в конце V – первой трети VI века. Как писал Иоанн Малала, на подавление мятежа исавров 492–497 гг. были отправлены военачальники «с войском скифов и отрядом готов и бессов» (μετὰ πλήθους Σκυθῶν καὶ Γοτθικῆς καὶ Βεσσικῆς χειρός) (Malal. XVI. 3) (по изд.: [15]). Комита федератов Виталиана, предводителя восстания против императора

Анастасия I 514–515 гг., Марцеллин Комит назвал скифом, тогда как псевдо-Захария Митиленский – готом (Marc. Com. s. a. 514; Zach. VII. 13) (по изд.: [13; 24]).

Согласно Иоанну Малале, под началом Виталиана находились готы, гунны и скифы (Malal. XVI. 16). Феофан Исповедник же писал, что в его войске было множество гуннов и булгар (Theoph. AM 6006) (по изд.: [37]). На момент начала упомянутого мятежа военным магистром Фракии был «скиф» Алатар (Ioann. Ant. fr. 242. 6). Уже в 528 г. Юстиниан I отправил в Боспор армию со вспомогательным отрядом скифов (μετὰ βοηθείας Σκυθικῆς πολλῆς) (Theoph. AM 6020). В том же году на Восток был послан Помпей во главе армии, в которой скифы были вместе с иллирийцами, исаврами, фракийцами (Malal. XVIII. 26).

Как видно, этноним «скифы» не всегда служил зонтичным термином для обозначения жителей Великой Скифии и выходцев из нее. Он мог упоминаться в едином семантическом ряду с этнонимами «готы», «гунны», «бессы» и др. Так или иначе, «скифами» в приведенных случаях называли тех, кто проживал во Фракии, варианты с варварами Италии и северного Иллирика исключаются ввиду отсутствия контроля империи над этими регионами в указанное время. Возвращаясь к мятежу Виталиана, как писал Иоанн Антиохийский, опорой его стали отряды, размещенные в Скифии и Фракии (Ioann. Ant. fr. 242. 1. Cf.: Theoph. AM 6005). Первый из приведенных хоронимов, надо полагать, обозначал восточноримскую провинцию Малая Скифия (*Scythia Minor*), которая являлась частью диоцеза Фракия, хотя по какой-то причине соседняя Вторая Мезия не была указана.

Следует отметить, что на этих территориях обитало немало переселенцев из *barbaricum*. В 488 г. часть остготов отказалась уходить на Апеннинский полуостров вместе с Теодорихом Амалом, оставшись во Фракии (Proc. BP. I. 8. 3; Idem. BG. I. 16. 2). М.М. Казанский, опираясь на данные археологии, установил, что в VI в. множество варваров было размещено в пограничных гарнизонах на Балканском полуострове [19, p. 116–117]. Возможно, под «скифами» Иоанн Малала подразумевал отряды федератов. Постановление, изданное Юстином I и Юстинианом I в 527 г., как раз гласит, что в них числились готы (Cod. Iust. I. 5. 12. 17) (по изд.: [10]). Прочие этнонимы, упомянутые Малалой, вероятно, служили для обозначения формирований с иным статусом: от наемных контингентов до регулярных частей. Впрочем, после подавления восстания Виталиана федераты были переведены на постоянное довольствие, хотя и оставались обособлены от *comitatenses* [33, S. 72–74] (ср.: [20, S. 74–94; 21, p. 92]).

Что касается непосредственно нумера *Scythae Iustiniani*, его перевод в Фиваиду, как считает Б. Пальме, был осуществлен около 533 г. [25, p. 259]. А.-М. Кайзер же утверждает, что *Scythae Iustiniani* вместе с *Numidiae Iustiniani* и *Bis Electi Iustiniani* были сформированы Юстинианом I в 536/537 году. Эта мера связывается с подготовкой экспедиции в Египет под командованием Нарсеса Камсаракана, целью которой было уничтожение языческих храмов на острове Филы близ острова Элефантина [18]. Тем не менее такое суждение довольно спорно, так как создание нескольких новых воинских формирований для единичной полицейской операции видится чрезмерным решением.

Кроме того, А.-М. Кайзер, по всей видимости, считает, что все вышеупомянутые нумеры создавались из военнопленных. *Numidiae Iustiniani* вполне могли быть маврами (берберами), захваченными в плен в Африке. Название *Bis Electi Iustiniani* (букв. ‘Юстиниановы дважды избранные’) не дает явного указания на первоначальный этнический состав армейской части. Возможно, в ней находились воины, выведенные из уже существовавшего к тому времени формирования императорской армии и зачисленные в новое. Эти бойцы стали своеобразным «ядром» нумера, к которому также были добавлены новобранцы. Подобная практика имела место в IV в.[1], и не исключено, что она продолжила существование в последующие столетия.

Между тем Прокопий Кесарийский писал, что Юстиниан I распорядился включить сдавшихся на милость победителя в 534 г. вандалов в пять кавалерийских отрядов (οἱ καταλόγοι ἱππικοί), после чего перевел их на Восток (Proc. BV. II. 14. 17; Idem. BG. III. 3. 10). Известно, что в войске Велисария, отправленном против шаханшаха Хосрова I Ануширвана в 541 г., состояли готы, мавры, которые, вероятно, числи-

лись в *Numidiae Iustiniani*, и вандалы (Proc. BP. II. 18. 24–25). Такое свидетельство означает, что в этой армии находились солдаты, взятые в плен в ходе кампаний в Африке и Италии 533–540 годов. При этом исключается вероятность, что в *Scythae Iustiniani* служили варвары из Среднего Подунавья, которые были привлечены в императорскую армию перед началом боев против остготов в Далмации в 536 г. [31, p. 23–25]. Все же такие силы должны были подчиняться военному магистру Иллирика Мунду, павшему в бою в том же году, и его преемникам.

Как представляется, новые части с титулом *Iustiniani* создавались из воинов, находившихся ранее в распоряжении Велисария, включая пленных, накануне упомянутой кампании против Ирана в 541 году [2]. Сделано это было, вероятно, из-за нехватки военных ресурсов, которая обозначилась перед лицом угрозы со стороны державы Сасанидов. К тому же после завоевания Африки и Италии начальство оставило в этих регионах гарнизоны, что, конечно, привело к распылению военных сил империи. Видится вполне вероятным, что хотя бы часть бойцов, зачисленных в *Scythae Iustiniani*, первое время находилась в отрядах федератов и сражалась на византийско-персидской войне 526–532 годов. Прокопий Кесарийский подробно описал кампании Велисария на Востоке 530–531 гг., однако отдельно о готах в составе византийский армии он не сообщал.

Тем не менее, согласно «Пасхальной хронике», готы под началом Велисария приняли участие в подавлении восстания «Ника» 13–18 января 532 г. (Chron. Pasch. 621) (по изд.: [9]). Упомянутый полководец появился в Константинополе после своего смещения с поста военного магистра Востока в 531 году. Позднее в столицу империи вернулась и экспедиционная армия, что связывается с завершением активной фазы византийско-персидского конфликта 526–532 годов. Византийские готы, несомненно, принимали участие в кампаниях против вандалов в 533–534 гг. и остготов в 535–540 годах. Вслед за захватом Равенны в 540 г. они вместе с Велисарием должны были покинуть Апеннинский полуостров и принять участие в триумфе по случаю победы над варварскими королевствами.

В том же 540 г. в Сирию вторглась иранская армия, в связи с чем Юстиниан I оказался вынужден отправить крупное войско на Восток. На наш взгляд, именно тогда власти создали *Scythae Iustiniani*. Название формирования указывало на присутствие в его составе переселенцев из-за Дуная или, скорее, их потомков, в том числе готов, гуннов и др. Связывать наименование части с Малой Скифией вряд ли оправдано. Обитатели этой провинции могли находиться в ней, равно как и жители остальной Фракии, однако это не более, чем совпадение. Нельзя, впрочем, исключать вероятность дополнительного набора в императорскую армию в византийских провинциях Нижнего Подунавья в 540–541 годах. В таком случае новобранцы примкнули к «ядру» старших товарищей, как это было, по высказанному выше предположению, с *Bis Electi Iustiniani* [3].

При этом армию, прибывшую из Италии в 540 г., разделили на две половины. Одна из них под началом Велисария была отправлена в Месопотамию. К ней, помимо уже существовавших и недавно сформированных частей, были присоединены отряды, выделенные из гарнизонов византийского Востока (Proc. BP. II. 19. 33–34). Другая же группировка, которой командовал Валериан, перебазировалась к Феодосиополю (совр. Эрзерум), откуда вторглась в Персармению (Proc. BP. II. 24. 13–15). Что интересно, в последней армии находились командиры, которые во время конфликта между Велисарием и Нарсесом в Италии встали на сторону последнего [4].

Отдельно надо оговориться, что часть федератов осталась в Африке даже после вторжения Велисария на Апеннинский полуостров, то есть они не были монолитным корпусом [20, S. 92–93; 33, S. 88]. Передислокация *Bis Electi Iustiniani*, *Numidiae Iustiniani* и *Scythae Iustiniani* в Фиваиду была осуществлена уже после окончания боевых действий на Востоке в 541 году. Разумеется, отнюдь не все новые отряды армии, возглавляемой Велисарием, отправились в Египет. Например, в папирусах отсутствуют упоминания о вандалах, которые, скорее всего, были размещены на границе с Ираном. Следует заметить, что при Юстиниане I активно шло распределение частей мобильных армий по провинциальным городам. Такая политика, согласно утвержде-

нию К. Кена, обусловливалась стремлением императора обеспечить гарнизоны опытными солдатами, способными отразить набеги соседей [20, S. 20]. Фиваиде же угрожали кочевники-блеммии.

Остается напоследок привести надгробную эпитафию из Эдфу (античный Аполлонополь Великий), опубликованную Г. Лефевром [30, p. 101, no. 559] [5]: † Ὑπὲρ μνύ|σεως τοῦ μ|ακάριου Ῥίγι|μερ στρ(ατηγοῦ) Σκύ|θ(ου) ἐκοιμύθη.

Лексема μνύσεως являет собой искаженную форму μήνυσις «оповещение» (*gen. sg.* μηνύσεως), приведенную в родительном падеже единственного числа [22, p. 962]. Интерпретация одного из сокращений в эпитафии Ригимера, которую предложил Г. Лефевр, вызывает сомнения. Восстановление фрагмента надписи «στρ. Σκύθ.» как «στρ(ατηγοῦ) Σκύθ(ου)» представляется необоснованным. Скорее всего, «στρ.» следует расшифровывать как «στρ(ατιώτου)». Все же общее командование местным гарнизоном осуществлял не военный магистр или же стратиг, а дукс Фиваиды, который состоял в подчинении у военного магистра Востока [25, p. 256].

Действительное имя усопшего определяется как ‘Рикимер’ (*Ricimer*, Ῥίκιμερ). Таким образом, при фиксации этого антропонима на надгробии произошла замена одного взрывного согласного на другой: глухого κ на звонкий γ. В позднеантичную эпоху в том или ином виде имя ‘Рикимер’ встречалось у франков, свевов и вестготов [34, S. 189–192] [6]. Нельзя исключать, что таким именем нарекали тех готов, которые в V–VI вв. обитали в Подунавье, учитывая, что вестготы были родственны им в культурном отношении. Германская этимология антропонима сомнений не вызывает, однако определение этнической идентичности Ригимера, упокоившегося в Фиваиде, предстает нерешаемой задачей.

Отсутствие артикля τῶν перед «Σκύθ.» не дает возможности заявить, что речь в надписи шла о *Scythae Iustiniani*. Имеет смысл напомнить, что грамматическая конструкция τῶν Σκυθῶν использовалась в процитированных выше папирусах. Нельзя исключать, что покойный действительно состоял в упомянутой армейской части, однако доказать это невозможно. Так что здесь, скорее, отражена этническая идентичность покойного. Что интересно, на стеле был употреблен экзоним, ведь «скифами» готов называли в греко-латинской традиции. Проще говоря, варварские переселенцы и их потомки могли воспринять то обозначение самих себя, которое использовалось византийскими властями. Остается привести перевод надписи из Эдфу с учетом предложенной коррективы: «† В память о блаженном Ригимере, воине-скифе. Он покоится [здесь]».

Результаты. Таким образом, войсковая часть *Scythae Iustiniani* первоначально состояла не из италийских остготов, а варваров, обитавших в диоцезе Фракия. В ее состав, по всей вероятности, были приняты бойцы, уже имевшие боевой опыт, и вместе с ними новобранцы. *Scythae Iustiniani*, а также *Numidiae Iustiniani* и *Bis Electi Iustiniani* были сформированы в 541 году. Эти войсковые части, находясь под началом Велисария, приняли участие в боевых действиях против сасанидского Ирана. Вслед за окончанием войны перечисленные отряды были передислоцированы в Фиваиду.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: [2, с. 302–304].

[2] Можно провести аналогию с предоставлением титула *Honoriani* новым войсковым частям Западной Римской империи, создававшимся в 396–407 годах. Такое название они получили в честь императора Гонория [32].

[3] Есть основания полагать, что в дальнейшем практика присвоения новым формированиям императорской армии титула *Iustiniani* продолжила существование. Примером служит наименование нумера *equites Persoiustiniani*, первоначальный состав которого состоял, скорее всего, из пленных персов, сдавшихся Велисарию в том самом 541 г. [4, с. 205].

[4] Подробнее о разногласиях между Велисарием и Нарсесом, имевших место в Италии в 538–539 гг., см.: [27, p. 112–121].

[5] См. также иллюстрацию, демонстрирующую надгробие с цитируемой надписью: [12, p. 227].

[6] Надо отметить, что присутствие франков в Египте фиксируется в одном из папирусов VI в. из Гермополя (совр. эл-Ашмунейн). При этом если Р. Бэгнолл и Б. Пальме считают, что в упомянутом документе шла речь о старой армейской части, появившейся в Египте при Диоклетиане (284–305), то Н. Андервуд склонен полагать, что франками были прибывшие из Галлии телохранители местного землевладельца или функционера [8, p. 4–7; 38, p. 34–37].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казанский М. М. Юстиниан I и древности италийских остроготов в Крыму // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2018. № 10. С. 211–220.

2. Мехамадиев Е. А. Военная организация поздней Римской империи в 253–353 гг.: эпоха Константина I Великого и его династии (306–353). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. 424 с.

3. Мехамадиев Е. А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в.: административно-территориальный и социальный аспекты развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 453 с.

4. Назаров А. Д. Персидские иммигранты в вооруженных силах ранней Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 201–210. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.15

5. Шувалов П. В. Западные скифы и Скифия в географическом и риторическом пространствах I–VII вв. н. э.: к постановке вопроса об исследовании гео-этнических контекстов (структурированный обзор основных источников) // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.) / под ред. А. И. Иванчика, В. И. Мордвинцевой. М.; Симферополь: Т. В. Зуева, 2017. С. 79–119.

6. Шукуров Р. М. Земли и племена: византийская классификация тюрок // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163.

7. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 631 с.

8. Bagnall R. S., Palme B. Franks in Sixth-century Egypt // Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 1996. Bd. 11. P. 1–10.

9. Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum: in 2 vols. Vol. 1 / rec. L. Dindorf. Bonnae: Ed. Weber, 1832. 744 p.

10. Corpus iuris civilis: in 3 vols. Vol. 2: Codex Iustinianus / rec. P. Krueger. Berolini: Weidmann, 1906. 1182 p.

11. Fournet J. L., Gascou J. Papyrus inédits d'Edfou de la collection de l'Ifao // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1998. T. 98. P. 171–196.

12. Gayet A. L'Art copte: école d'Alexandrie, architecture monastique, sculpture, peinture, art somptuaire. P.: E. Leroux, 1902. 334 p.

13. Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta: in 2 t. T. 2 / ed. E. W. Brooks. Louvain: L. Dourbecq, 1953. 233 p.

14. Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia / rec. S. Mariev. Berolini; Novi Eboraci: W. de Gruyter, 2008. 610 p.

15. Ioannis Malalae Chronographia / rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci: W. de Gruyter, 2000. 592 p.

16. Iordanis De origine actibusque Getarum // Iordanis Romana et Getica / ed. Th. Mommsen. Berolini: Weidmann, 1882. P. 53–138.

17. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg: N. G. Elwert, 1884. 526 S.

18. Kaiser A. M. Flavius Athanasius, Dux et Augustalis Thebaidis – A Case Study on Landholding and Power in Late Antique Egypt. URL: https://iowp.univie.ac.at/sites/default/files/IOWP_Kaiser_FlaviusAthanasius_v01.pdf

19. Kazanski M. Les Goths (Ier–VIIe après J.–C.). P.: Errance, 1991. 148 p.

20. Koehn C. Justinian und die Armee des frühen Byzanz. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2018. 318 S.

21. Laniado A. Ethnos et droit dans le monde protobyzantin, V^{e}–VIe siècle: fédérés, paysans et provinciaux à la lumière d'une scholie juridique de l'époque de Justinien. Genève: Lib. Droz, 2015. 350 p.

22. Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. 8th ed. N. Y.; Chicago; Cincinnati: American Book Company, 1901. 1790 p.

23. Madgearu A. "Scythian" and "Dacian" Military Men in Egypt, Palestine and Italy in the 6th – 7th Centuries // ΑΝΤΙΧΑΡΙΣΜΑΤΟΣ ΕΠΙΣΦΡΑΓΙΣΙΣ: Юбилеен сборник в чест на 70-годишнината на проф. д. и. н. Иван Йорданов. Шумен: Научен център по византинистика, 2019. P. 380–392.

24. Marcellini v. c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII // Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII : in 3 t. T. 2 / ed. Th. Mommsen. Berolini: Weidmann, 1894. P. 109–161.

25. Palme B. The Imperial Presence: Government and Army // Egypt in the Byzantine World, 300–700 / ed. by R. S. Bagnall. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 244–270.

26. Papyrus grecs d'époque byzantine: en 3 t. T. 1 / éd. par J. Maspero. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1911. 352 p.

27. Parnell D. A. Justinian's Men: Careers and Relationships of Byzantine Army Officers, 518–610. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 239 p.

28. Priscus: Text and Translation // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus: in 2 vols. Vol. 2 / ed. by R. C. Blockley. Liverpool: F. Cairns, 1983. P. 222–400.

29. Procopius. History of the Wars: in 5 vols. Vol. 1 / with an English transl. by H. B. Dewing. L.: W. Heinemann, 1914. 600 p.; Vol. 2 / with an English transl. by H. B. Dewing. L.: W. Heinemann, 1916. 496 p.; Vol. 3 / with an English transl. by H. B. Dewing. L.: W. Heinemann, 1919. 458 p.; Vol. 4 / with an English transl. by H. B. Dewing. L.: W. Heinemann, 1924.

496 p.; Vol. 5 / with an English transl. by H. B. Dewing. L.: W. Heinemann, 1928. 456 p.

30. Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Égypte / éd. par G. Lefevbre. Le Caire: Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1907. 214 p.

31. Sarantis A. War and Diplomacy in Pannonia and the Northwest Balkans during the Reign of Justinian: The Gepid Threat and Imperial Responses // Dumbarton Oaks Papers. 2009. Vol. 63. P. 15–40.

32. Scharf R. Aufrüstung und Truppenbenennung unter Stilicho. Das Beispiel der Atecotti-Truppen // Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 1995. Bd. 10. S. 161–178.

33. Scharf R. Foederati. Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung. Wien: A. Holzhausen, 2001. 164 S.

34. Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg: C. Winter, 1911. 309 S.

35. Sidoine Apollinaire: en 2 t. T. 1 / texte étab. et trad. par A. Loyen. P.: Les belles lettres, 1960. 250 p.

36. The Oxyrhynchus Papyri: in 87 parts. Part 16 / ed. with transl. and notes by B. P. Grenfell, A. S. Hunt, H. I. Bell. L.: Egypt Exploration Fund, 1924. 369 p.

37. Theophanis Chronographia: in 2 vols. Vol. 1 / rec. C. de Boor. Lipsiae: B.G. Teubner, 1883. 510 p.

38. Underwood N. When the Goths Were in Egypt: A Gothic Bible Fragment and Barbarian Settlement in Sixth-century Egypt // Viator: Medieval and Renaissance Studies. 2014. Vol. 45, iss. 1. P. 25–38.

39. Zuckerman C. L'armée // Le monde byzantine: en 2 t. T. 1 / sous la dir. de C. Morrisson. P.: Presses universitaires de France, 2006. P. 143–180.

REFERENCES

1. Kazanski M.M. Yustinian I i drevnosti italiyskikh ostrogotov v Krymu [Justinian I and Antiquities of Italian Ostrogoths in Crimea]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomorya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], 2018, no. 10, pp. 211-220.

2. Mekhamadiev E.A. *Voennaya organizatsiya pozdney Rimskoy imperii v 253–353 gg.: epoha Konstantina I Velikogo i ego dinastii (306–353)* [A Military Organization of the Late Roman Empire in 253–353: The Epoch of Constantine the Great and His Dynasty (306–353)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2019. 424 p.

3. Mekhamadiev E.A. *Voennaya organizatsiya Vizantiyskoy imperii v VII – pervoy polovine IX v.: administrativno-territorialnyy i sotsialnyy aspekty razvitiya* [A Military Organization of the Byzantine Empire from the 7th to the First Half of the 9th Century: Administrative-Territorial and Social Aspects of Development]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2020. 453 p.

4. Nazarov A.D. Persidskiye immigranty v vooruzhennykh silakh ranney Vizantii [Persian Immigrants in the Armed Forces of Early Byzantium]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 201-210. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.6.15

5. Shuvalov P.V. Zapadnye skify i Skifiya v geograficheskom i ritoricheskom prostranstvakh I–VII vv. n.e.: k postanovke voprosa ob issledovanii geo-etnicheskikh kontekstov (strukturirovannyy obzor osnovnykh istochnikov) [Western Scythians and Scythia in the Geographical and Rhetorical Spaces of the 1st to 7th Century CE: To Raise a Question of the Study of Geo-ethnic Contexts (Structured Review of the Main Sources)]. Ivanchik A.I., Mordvintseva V.I., eds. *Krymskaya Skifiya v sisteme kulturnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v. n.e.)* [Crimean Scythia in the System of Cultural Relations Between East and West (3rd Century BCE to 7th Century CE)]. Moscow; Simferopol, T.V. Zueva Publ., 2017, pp. 79-119.

6. Shukurov R.M. Zemli i plemena: vizantiyskaya klassifikatsiya tyurok [Lands and Tribes: Byzantine Classification of the Turks]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2010, vol. 69 (94), pp. 132-163.

7. Shukurov R.M. *Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461)* [Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2017. 631 p.

8. Bagnall R.S., Palme B. Franks in Sixth-century Egypt. *Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. 1996, Bd. 11, pp. 1-10.

9. Dindorf L., ed. *Chronicon Paschale ad exemplar Vaticanum. In 2 Vols. Vol. 1*. Bonnae, Ed. Weber, 1832. 744 p.

10. Krueger P., ed. *Corpus iuris civilis. In 3 Vols. Vol. 2: Codex Iustinianus*. Berolini, Weidmann, 1906. 1182 p.

11. Fournet J.L., Gascou J. Papyrus inédits d'Edfou de la collection de l'Ifao. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*, 1998, t. 98, pp. 171-196.

12. Gayet A. *L'Art copte: école d'Alexandrie, architecture monastique, sculpture, peinture, art somptuaire*. Paris, E. Leroux, 1902. 334 p.

13. Brooks E.W., ed. *Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta: In 2 t. T. 2.* Louvain, L. Dourbecq, 1953. 233 p.

14. Mariev S., ed. *Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 2008. 610 p.

15. Thurn I., ed. *Ioannis Malalae Chronographia*. Berolini; Novi Eboraci, W. de Gruyter, 2000. 592 p.

16. Iordanis De origine actibusque Getarum. Mommsen Th., ed. *Iordanis Romana et Getica*. Berolini, Weidmann, 1882, pp. 53-138.

17. Justi F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, N.G. Elwert, 1884. 526 S.

18. Kaiser A.M. *Flavius Athanasius, Dux et Augustalis Thebaidis – A Case Study on Landholding and Power in Late Antique Egypt*. URL: https://iowp.univie.ac.at/sites/default/files/IOWP_Kaiser_FlaviusAthanasius_v01.pdf

19. Kazanski M. *Les Goths (Ier–VIIe après J.–C.)*. Paris, Errance, 1991. 148 p.

20. Koehn C. *Justinian und die Armee des frühen Byzanz*. Berlin; Boston, W. de Gruyter, 2018. 318 S.

21. Laniado A. *Ethnos et droit dans le monde protobyzantin, V^{e}–VIe siècle: fédérés, paysans et provinciaux à la lumière d'une scholie juridique de l'époque de Justinien*. Genève, Lib. Droz, 2015. 350 p.

22. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. New York, Chicago, Cincinnati, American Book Company, 1901. 1790 p.

23. Madgearu A. "Scythian" and "Dacian" Military Men in Egypt, Palestine and Italy in the 6th–7th Centuries. *ANTICHARISMATOS EPISPHRAGISIS: Yubileen sbornik v chest na 70-godishninata na prof. d.i.n. Ivan Yordanov* [ANTICHARISMATOS EPISPHRAGISIS: Anniversary Collection in Honor of the 70th Anniversary of Prof., Dr. Hab. Ivan Jordanov]. Shumen, Nauchen tsentŭr po vizantinistika, 2019, pp. 380-392.

24. Marcellini v. c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII. Mommsen Th., ed. *Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII: in 3 t. T. 2*. Berolini, Weidmann, 1894, pp. 109-161.

25. Palme B. The Imperial Presence: Government and Army. Bagnall R.S., ed. *Egypt in the Byzantine World, 300–700.* Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 244-270.

26. Maspero J., ed. *Papyrus grecs d'époque byzantine: en 3 t. T. 1*. Le Caire, Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1911. 352 p.

27. Parnell D.A. *Justinian's Men: Careers and Relationships of Byzantine Army Officers, 518–610*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 239 p.

28. Priscus: Text and Translation. Blockley R.C., ed. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. In 2 Vols. Vol 2*. Liverpool, F. Cairns, 1983, pp. 222-400.

29. Dewing H.B., ed. *Procopius. History of the Wars*. *In 5 Vols. Vol. 1*. London, W. Heinemann, 1914. 600 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 2*. London, W. Heinemann, 1916. 496 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 3*. London, W. Heinemann, 1919. 458 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 4*. London, W. Heinemann, 1924. 496 p.; Dewing H.B., ed. *Vol. 5*. London, W. Heinemann, 1928. 456 p.

30. Lefevbre G., ed. *Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Égypte*. Le Caire, Imprimerie de l'Institut français d'archéologie orientale, 1907. 214 p.

31. Sarantis A. War and Diplomacy in Pannonia and the Northwest Balkans during the Reign of Justinian: The Gepid Threat and Imperial Responses. *Dumbarton Oaks Papers*, 2009, vol. 63, pp. 15-40.

32. Scharf R. Aufrüstung und Truppenbenennung unter Stilicho. Das Beispiel der *Atecotti*-Truppen. *Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*, 1995, Bd. 10, S. 161-178.

33. Scharf R. *Foederati. Von der völkerrechtlichen Kategorie zur byzantinischen Truppengattung*. Wien, A. Holzhausen, 2001. 164 S.

34. Schönfeld M. *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. Heidelberg, C. Winter, 1911. 309 S.

35. Loyen A., ed. *Sidoine Apollinaire: en 2 t. T. 1*. Paris, Les belles lettres, 1960. 250 p.

36. Grenfell B.P., Hunt A.S., Bell H.I., eds. *The Oxyrhynchus Papyri. In 87 Parts. Part 16*. London, Egypt Exploration Fund, 1924. 369 p.

37. Boor de C., ed. *Theophanis Chronographia. In 2 Vols. Vol. 1*. Lipsiae, B.G. Teubner, 1883. 510 p.

38. Underwood N. When the Goths Were in Egypt: A Gothic Bible Fragment and Barbarian Settlement in Sixth-Century Egypt. *Viator: Medieval and Renaissance Studies*, 2014, vol. 45, iss. 1, pp. 25-38.

39. Zuckerman C. L'armée. Morrisson C., ed. *Le monde byzantine. In 2 Vols. Vol. 1*. Paris, Presses universitaires de France, 2006, pp. 143-180.

Information About the Author

Andrey D. Nazarov, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of Social and Humanities Disciplines, Ural State Forest Engineering University, Siberian Highway, 37, 620100 Yekaterinburg, Russian Federation, andrey.nazarov451@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8519-9191

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Назаров, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Уральский государственный лесотехнический университет, Сибирский тракт, 37, 620100 г. Екатеринбург, Российская Федерация, andrey.nazarov451@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8519-9191

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.15

UDC 94(495).03+355.48+355.233.23
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2025
Accepted: 18.12.2025

CITIES IN THE WARFARES AND MILITARY ORGANIZATION OF LATE BYZANTIUM

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The rise to power of the Palaiologos dynasty necessitated a new approach to the organization of the armed forces, which were to become the primary instrument for restoring the greatness of the Byzantine Empire. Generalization of the military practice during the first years of Michael VIII's reign allows us to assume that the recapture of the capital and the conquest of lands, in the Balkans and the Peloponnese, as well as the islands, from a military-strategies view, were aimed at restoring of resource and material base of the defensive system and were ensuring control over sea and land possessions. The purpose of the study is to determine the importance of cities and fortified villages in the warfare and military organization of late Byzantium during the restoration of the empire and the formation of a governance system adequate to current factors. *Methods.* The traditional forms of the empire's border maintenance security included fortification. However, its elements, organizational mechanisms, and operational priorities were not unchangeable and depended on a variety of conditions. It should be noted that the subject of our research was limited to the institutional organizational aspects of the topic and focused on the military-historical reconstruction of the warfare. The priority of narrative sources is dictated by the chosen subject area. *Analysis and results.* To achieve the research objective, an analysis of warfare was carried out. The results suggest that the main purpose of the military operations that were organized in the early Paleologian period in all theaters was the conquest of fortresses, cities, and fortified villages. The defense capability of the empire was ensured by strengthening the network of garrisons. In the context of increasing trends in the decentralization of the military organization's management system, which was created on the basis of elements of the theme system, cities and fortified villages became centers of recruitment and material support for military contingents and garrisons. The narrative sources were written by contemporaries of the events and allowed us to characterize the main measures aimed at strengthening the defense capability of the fortification lines and the network of garrisons.

Key words: History of Byzantium, early Palaeologian period, military organization, theme, fortification.

Citation. Zolotovskiy V.A. Cities in the Warfares and Military Organization of Late Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 201-221. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.15

УДК 94(495).03+355.48+355.233.23
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 18.12.2025

ГОРОДА В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ И ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Золотовский В.А., 2025

Аннотация. После прихода к власти новой династии Византия оказалась перед необходимостью выбора подхода к организации вооруженных сил, позволяющей реализовывать планы Михаила Палеолога по возращению величия империи. Анализ военных действий первых лет правления императора позволяет предположить, что приоритетные военно-политические задачи не ограничивались простым расширением территорий. Отвоевание столицы, захват земель на Балканах и Пелопоннесе, а также завоевание островов с военно-стратегической точки зрения были направлены на восстановление ресурсной и материальной базы оборонительной системы, обеспечивающей контроль над морскими и сухопутными владениями. Цель исследования – определить место городов и укрепленных поселений

в военных действиях и военной организации поздней Византии в период восстановления империи и формирования системы управления, адекватной новым военно-политическим условиям. Анализ военной практики показал, что основной целью кампаний, организованных в раннепалеологовский период на всех театрах военных действий, был захват крепостей, городов и укрепленных поселений. Основной задачей было обеспечение обороноспособности империи за счет укрепления цепи гарнизонов. В ходе исследования было установлено, что в условиях усиливающихся тенденций децентрализации системы управления военной организацией, созданной на основе элементов фемного строя, города и укрепленные поселения становились центрами комплектования и материального обеспечения воинских контингентов и гарнизонов. На основе сведений современников событий были выделены и охарактеризованы основные мероприятия, направленные на усиление обороноспособности фортификационных линий и цепи гарнизонов.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, военная организация, фемы, фортификация.

Цитирование. Золотовский В. А. Города в военных действиях и военной организации поздней Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 201–221. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.15

Введение. После прихода к власти новой династии Византия оказалась перед необходимостью выбора подхода к организации вооруженных сил, позволяющей реализовывать планы Михаила Палеолога по возращении величия империи. Анализ военных действий первых лет правления императора позволяет предположить, что приоритетные военно-политические задачи не ограничивались простым расширением территорий. Отвоевание столицы, захват земель на Балканах и Пелопоннесе, а также завоевание островов с военно-стратегической точки зрения были направлены на восстановление ресурсной и материальной базы оборонительной системы, обеспечивающей контроль над морскими и сухопутными владениями. В этой связи очевидным является вопрос выявления ключевого фактора организационного, военно-политического и экономического характера, оказавшего прямое влияние на выбор направлений и форм ведения боевых действий.

Цель исследования – определить место городов и укрепленных поселений в военных действиях и военной организации поздней Византии в период восстановления империи и формирования системы управления, адекватной новым военно-политическим условиям. Достижение поставленной цели предполагает последовательное раскрытие следующих вопросов: определение места фортификационных линий и цепей гарнизонов в военной стратегии; выявление связи городов и укрепленных поселений с военной организацией, раскрытие их функций и характеристика мероприятий, направленных на усиление обороноспособности фортификационной системы.

Методы и методология. К традиционным формам обеспечения безопасности рубежей империи, прежде всего, следует относить систему фортификации. Однако ее элементы, механизмы организации и приоритетные задачи функционирования не являются неизменными и зависят от множества условий. Следует отметить, что предмет изыскания ограничен институциональными организационными аспектами темы и ориентирован на военно-историческую реконструкцию военных действий. Избранная нами предметная область обусловила приоритетное значение нарративных источников. Вместе с тем она определила исключение из задач исследования вопросов технического характера, связанных с развитием теории и практики полиоркетики и фортификационного дела, требующих специального комплексного изучения. Кроме того, за границами нашего внимания остались проблемы правовой природы строительства фортификационных сооружений на частновладельческих и монастырских землях, поскольку представленная актовыми материалами информация имеет частный бессистемный характер и не позволяет сделать обобщающие выводы.

Анализ. Изыскания в сфере материального обеспечения и факторов усиления

обороноспособности Византии должны быть прямо связаны с формой ведения, а также пространственной обусловленностью стратегии военных действий. Специальное значение в этом вопросе имеет транспортная сеть, а также естественные условия, определившие устройство и расположение оборонительной системы.

Особое географическое расположение империи сделало возможным определение ее границ естественными преградами: горными грядами, долинами, бассейнами рек. Контроль над этими естественными рубежами империи являлся главной стратегической задачей ромейских государей. В периоды обострения отношений с соседями в построении оборонительной системы главное внимание уделялось захвату и обеспечению безопасности проходов через естественные преграды, а также установлению контроля над транспортными коммуникациями. В этой связи на пограничной территории создавалась фортификационная система в виде особых оборонительных линий, состоящих из связанных между собой гарнизонов. Центром управления такими территориями с основой на военные и невоенные ресурсы становились укрепленные города и поселения [64, p. 15; 81, S. 194]. С целью раскрытия их значения в выборе направлений военной действий нами были проанализированы основные военные кампании периода правления Михаила VIII и Андроника II.

Учитывая специфику ведения войны, обусловленную характером военной организации и системой военного управления противников, основная роль отводилась боевым действиям, целью которых были нейтрализация угрозы столице империи. Кроме того, решалась стратегическая задача по обеспечению безопасности территорий, позволяющих контролировать сухопутные и морские пути, связывающие западные и восточные владения империи. В этой связи в ходе восстановления империи Михаил Палеолог столкнулся с необходимостью выбора адекватного средства повышения обороноспособности государства. Реваншистские планы противников, представлявшие реальную угрозу безопасности западных владений и столицы, обусловили сосредоточение всех ресурсов на европейском направлении. Приоритетной целью ведения вооруженной борьбы стало расширение территорий империи с последующим укреплением старых или созданием новых крепостей, составлявших основу западной сети гарнизонов, служивших действенным препятствием на пути продвижения врага по византийским владениям. Захваченные крепости были усилены и включены в систему обороны рубежей империи Михаила Палеолога, составившую продолжительную болгаро-сербо-эпирскую линию фортификационной системы [1].

Стратегическое значение оборонительной системы обусловило необходимость включения в ее состав: крупных городов – πόλις [53, sec. 45[115], 53[6], 78[27], 85[23]; 54, vol. 2, p. 647[10], 653[11], 672[18], 703[11-12], 727[6, 24]; 57, vol. 1, p. 272[12-13], 451[1-2], 541[19]; vol. 2, p. 188[17], 329[9-10]]; средних по численности и площади укрепленных мест и крепостей – πολίχνιον [53, sec. 11[4], 11[38], 33[39], 44[76], 64[57], 76[22]; 76, vol. I, p. 213[16]; 54, vol. 2, p. 615[21-22], 639[5], 814[19]; 57, vol. 2, p. 226[17]], πόλισμα [57, vol. 1, p. 327[16-17], 451[1], 462[7], 470[23], 474[1], vol. 3, p. 310 [21-22]], φρούριον [53, sec. 22[38], 24[24], 30[21], 33[36], 56[37], 72[45], 83[22]; 76, vol. I, p. 97[25], 99[8,10], 167[11], 169[2], 171[24], 173[3, 25-26, 28], 227[2, 5], 307[29]–309[3, 6]; vol. II, p. 421[22]–423[6], 449[15, 17], 635[25-28]–637[5] etc.; 54, vol. 2, p. 633[2-3], 634[6]; 37, № 100.4; № 111.11–12; № 141.8; № 153.21], κάστρον [53, sec. 22[26], 68[60]; 76, vol. I, p. 99[8]; vol. I, p. 393[25]; 32, № 12.3, № 18.17, № 45.24, № 46.22, № 47.23; 36, № 60.2, 5; № 68.62, 68; 37, № 79.2; № 81.A.2; № 82.2, 23; № 97.16, 17, 20, 21; № 98.10; № 102.47, 49 ; 33, № 18.13, 19.13, 23.40, 41], ἄστυ [53, sec. 22[50], 24[2], 30[20-21], 30[29], 33[6], 36[15], 36[41], 36[55], 41[10], 43[28], 43[22], 43[84], 47[16], 47[23]], κωμόπολις [53, sec. 44[76]], ὀχυρώτατον [53, sec. 57[13]] [2].

В период правления Михаила VIII ***военные действия на западном направлении***, носившие наступательный характер, предпринимались с целью предотвращения формирования врагами империи опорных пунктов. В рамках решения этой стратегической задачи при подготовке к взятию Константинополя в середине 1259 г. состоялась битва при Пелагонии. В этой связи наибольший интерес для нас представляют боевые действия, приведшие не только к повышению общей обороноспособности империи на западных рубежах, но и обеспечившие необходимые условия возвращения контроля над фортификационной линией обороны Константинополя. В рамках подго-

товки к решающему сражению, продвижение эпирской армии в 1258 г. было остановлено на р. Вардар войсками Иоанна Палеолога, расквартированными в укрепленных поселениях на ее берегах [53, p. 139, 150; 76, vol. I, p. 283[30]–285[1,3-4]; 54, vol. 1, p. 71[1-10]]. Одновременно с действиями Михаила II Ангела в Македонии воинские контингенты его союзника Манфреда Сицилийского овладели крепостями в Эпире по Адриатическому побережью [31, t. III, № III, p. 239] [3]. В ответ на действия противников, весной 1259 г. никейские войска севастократора Иоанна Палеолога, доукомплектованные силами гарнизонов Македонии и Фракии, в результате непродолжительной кампании захватили Охрид и Девол, а также несколько расположенных рядом македонских и эпирских крепостей. Уже к лету этого года бóльшая часть территорий Эпира перешла под контроль империи [53, p. 176[14-16], 178[13-16]] (также см.: [72, S. 69]).

Создав необходимый плацдарм, никейская армия, усиленная наемниками и фемными контингентами из Вифинии [4], а также гарнизонами фем Македонии и Фракии, начала постепенное продвижение к расположению сил противника. Противостояние армий противников завершилось победой войск Михаила Палеолога в открытом полевом сражении, произошедшем вблизи Прилепа, в местечке Борилла Логос [53, p. 180[17-18]]. После этой битвы и краткосрочной экспедиции на Восток [76, vol. I, p. 141[1-10]], Иоанн Палеолог продолжил первую западную войну новой династии. Основной целью вооруженной борьбы было усиление обороноспособности системы линейной фортификации, представленной цепью крепостей, в состав которой входили заградительные сооружения. В результате успешных боевых действий никейские войска продвинулись вглубь Эпира, установив контроль над следующими населенными пунктами: «τὰ Κάνινα φρούριον, αἱρεῖ δὲ καὶ τὸ περὶ τὰ Βελλάγραδα καὶ Πόλογον καὶ Κολώνειαν, χειροῦται δὲ καὶ Καστορίαν καὶ Πελαγονίαν καὶ Δεύρας, Τζέρνικόν τε καὶ Διάβολιν καὶ τὴν Πρίλαπον, Βοδεινά τε καὶ Βόστρον, ἔλλιμνον νῆσον, Πέτραν, Πρέσπαν τε καὶ Στερίδολα καὶ Ἀχρίδαν καὶ τὰ Ἰλλυριῶν ὀχυρώματα, καὶ ἕως Δυρραχίου φθάνει τὸ δόρυ κινῶν προσβάλλει δὲ καὶ Πάτρᾳ καὶ Τρίκκῃ» [76, vol. I, p. 151[9-14]].

Нейтрализация сил Михаила Эпирского и Гийома Виллардуэна, а также восстановление обороноспособности империи позволили Михаилу Палеологу перейти к достижению главной цели – завоеванию Константинополя. В начавшейся долгосрочной кампании армия вновь была сосредоточена на захвате крепостей, но уже с целью создания необходимого плацдарма, позволяющего обеспечить соответствующее сосредоточение сил и средств. Летом 1260 г. никейские войска захватили Силимврию, а также все близлежащие к Константинополю крепости, за исключением Афамия [76, vol. I, p. 157[8-11]]. С аналогичными целями была организована экспедиция к Галатее [54, vol. 1, p. 78].

Еще одним направлением, обеспечивающим возможность захвата Константинополя и усиления его безопасности со стороны южных сухопутных и морских противников, была Морея, подготовку к военным действиям в которой Михаил Палеолог начал сразу победы в Пелагонии. Каждая из крепостей имела стратегическое значение в составе фортификационной системы империи. При этом часть из них входила во вторую оборонительную линию столицы, оборудованную еще в XII веке [5].

Фактически сразу после возвращения Константинополя византийские армия и флот начали организацию кампаний, направленных на обеспечение безопасности столицы. В этом вопросе особое место занимали морские владения империи, включенные в систему укреплений, расположенных на пути вражеского флота к столице [79, p. 692]. Так, по данным ромейских источников, летом 1262 г. греческий флот под командованием Филанфропина захватил ряд островов и городов [6], усилив тем самым пассивную безопасность прибрежной зоны византийских владений. Несмотря на военные успехи предшествующего периода, оборонительная линия на юго-западном направлении была временно восстановлена только после перехода под контроль Михаила VIII Лаконии, Монемвасии, Мэны, Мистры, Ираклиона и Кинстерны [76, vol. I, p. 123[22-26]]. Однако уже через несколько месяцев противоборство с Ахайей возобновилось в Лаконии [83, line 4515–4524; 46, p. 59]. Несмотря на усиление войск севастократора Константина Палеолога, паракимомена Макрина и великого

доместика Алексея Фила [76, vol. I, p. 273[1-10]], турецкими наемниками, переброшенными из восточных фем ромейскими контингентами [76, vol. I, p. 273[1-3]], перенаправленными в Монемвасию на кораблях македонскими отрядами [61, p. 494] [7], а также флотом под командованием Филанфропина [8], начавшаяся весной 1263 г. кампания закончилась неудачей. Создание плацдарма в укрепленных поселениях Хельмоса [9], закрепление в Мистре [46, p. 61; 16, с. 23–24], организация византийскими войсками двух последовательных экспедиций к столице Ахайи – Андравиде [58, p. 116; 83, line 4664, 5016–5052] и осады Никли [83, line 5084–5098], не помогли империи – ромейские контингенты были разгромлены а полководцы пленены [83, line 4709, 4848–4855] [10].

Особое значение цепь крепостей имела в обеспечении обороноспособности империи в сложных географических условиях Балканского полуострова. Прежде всего это проявилось в интенсивности военных действий на болгарском театре. Формально решение пограничного вопроса обеспечивалось заключенным летом 1256 г. «Регинским миром»[11]. Акрополит, принявший участие в организованной на следующий год проверке состояния пограничных владений перечислил все посещенные им города и поселения: Сервия, Диррахий, Косторин, Охрид, Албанон, Мати (Матит), Дебер, Кичево, Преман, Пресик и Сидерокастрон [53, p. 149[7-22], 150[1-6]] [12].

Условия возвращения Константинополя определили начало нового этапа противоборства Византии и Болгарии [53, p. 190[4-7]; 54, vol. I, p. 83[3-12]; 76, vol. I, p. 191[12-21]], целью которого вновь стало установление контроля над системой укреплений. Согласно сообщению Пахимера, еще до 1263 г. в нарушение Регинского мира болгарские войска вытеснили ромеев до стен Адрианополя. Все остальные земли на северо-запад контролировались Болгарией [76, vol. I, p. 279[9-10]].

Обеспечение безопасности приграничных с Болгарией владений осуществлялось специальными военными экспедициями. В результате первого похода войска Михаила Главы Тарханиота освободили Филиппополь, крепость Стенимах (Στενίμαχον φρούριον) и регион к югу от Хемуса (ἔξω τοῦ Αἵμου). Мица получил Месемврию и Анхиал [13]. Следующий поход Михаила Главы завершился захватом важнейших крепостей черноморского побережья Фракии, районов Загора и Пловдива[14] – Врисис, Скопье, Петры, Агафополь, Созополь, Дебент, Русокастро [15]. Месемврия была возвращена под контроль империи [76, vol. II, p. 451[12-18]]. В этой связи следует отметить, что, согласно В.Н. Златарскому, «византийца присоединили и целята нечаиньшка верша, коята била вън от Стара планина, т.е. Съернена гора»[16]. Данное предположение соответствует сообщению Мануила Фила, который, повествуя о событиях восстания Ивайло, упоминул о сражениях не только у крепостей – Пиргицион, Сотир, Ктения и Этос, Вердица, Монглизион, Крин [69, poem 237, p. 250–251, line 223–239], но и у лежащих по южному склону Съерненой горы крепостей [69, poem 237, p. 248, line 169]: «Βερῤῥὼ δὲ Κώλιναν ἐκ Βεανίτζης, Τὰ δύσμαχα φρούρια τῶν ἀλλοτρίων» [69, poem 237, p. 248, line 169, p. 251, line 237–238] [17].

Перенесение Карлом Анжуйским военно-политического противоборства с империей из Мореи к островам Эгеиды и в западную и центральную область Балканского полуострова, обусловило начало новых кампаний на западном театре военных действий. Проведя в осенне-зимний период 1274 г. два успешных рейда в Албании, завершенных захватом порта Бутринто и Белграда, Михаил Палеолог направил все усилия на захват двух стратегически важных крепостей на Адриатике – Диррахия и Авлона.

Параллельно с этим [18] в ходе реализации совместной операции сухопутных сил под командованием деспота Иоанна Палеолога и Алексея Каваллария и всего ромейского флота под командованием протостратора Филанфропина [76, vol. II, p. 421[4, 12-16]; 77, № 29751] Византии подчинились города Фессалии и Эпира [76, vol. II, p. 421[3-7], 403[11-15]]. В результате был восстановлен контроль над сухопутной линией крепостей.

Обороноспособность морских берегов, равно как и безопасность морских путей, была усилена во второй половине 70-х гг. XIII в. благодаря успешным действиям наемника Ликарио [19]. Его морским и сухопутным силам удалось вернуть под контроль империи важнейшие крепости Эвбеи – Каппы, Ларме-

ны, Клисуры и Мандучо; острова Скопелос, Скирос, Скэфос, Амогос, Киос, Серифос, Астипалос, Санторин и Ферасия, Сталимене (о. Лемнос), Наксос [20].

Очередная угроза безопасности Византии на болгарском направлении возникла в ходе развернувшегося летом 1277 г. в Тырновской державе «восстания Ивайло». Захваченный Тырновский престол был атакован с двух сторон: по старопланинской территории продвигалась ромейская армия, а по Добруджинской равнине начали вторжение татары [21]. Имперский корпус Михаила Главы, преодолевая старопланинскую защитную систему выдвинулся по направлению к Тырново через Петриг, Овег и Преслав [24, с. 564]. Данные Пахимера об этой экспедиции явно указывают на то, что по пути войска Тарханиота должны были закрепиться в Галате, Анхиале и Месемврии. Их фортификационные сооружения были необходимы для обеспечения поддержки сухопутного войска военно-морскими силами. Через них экспедиционный корпус получал необходимое снабжение подкреплением и снаряжением. Учитывая географию региона, следующими на пути к столице Болгарии были завоеваны Эмон, Вич и Варна. Таким образом, византийские войска открыли проход к Тырново через Великий Преслав. Завершился поход беспрепятственным проникновением войск Главы в болгарскую столицу [76, vol. II, p. 565$^{23-26}$].

Следующая кампания, направленная на усиление цепи крепостей на балканском театре, была связана с кратковременным вторжением противника в Македонию. После победы в 1280 г., одержанной над сербскими войсками, выступившими против империи под руководством Котеници (Κοτεανίτζης), «разорившего земли до Серр» [76, vol. II, p. 599$^{21-23}$], ромеями, находившимися под командованием порфирородного Константина [76, vol. II, p. 599$^{19-21}$], были завоеваны Моровист, Скопье, Славица, с храбростью взяты и Пианц, окрестности Стромона и плодородные места около Струмицы, и Деври [22].

Начиная с периода правления Андроника II экономические функции города, пригорода и сельских территорий претерпели существенные изменения [70, p. 466–470, 478–481]. Однако в силу особенностей развития общества их значение в политике только усиливалось (например, см.: [89, σ. 269–274]), что предопределило сохранение их роли в военной организации, военной практике и стратегии боевых действий. Так, уже в 1283 г. [76, vol. III, p. 19$^{19-20}$–21$^{1-3}$] именно за счет важнейшей крепости Димитриады, перешедшей под управление Византии, была ликвидирована угроза власти императора над Фессалией исходившая от Михаила Ангела [76, vol. III, p. 81^{1}–83^{27}; 62, p. 38; 73, p. 31]. Восстановление власти над регионом стало возможным не только за счет дипломатических усилий [76, vol. III, p. 83^{34}–85^{5}], но и посредством усиления обороноспособности фортификационной линии [76, vol. III, p. 83$^{24-27}$].

Византийско-болгарское противоборство продолжилось в XIV в. Инициатива военных действий, начавшихся в 1304 г. [23], исходила от Феодора Святослава, который, по словам Пахимера, «возгордясь, нападал на соседние Хемосу крепости... так же он нападал и на другие...»: «Ἐν τούτῳ δὲ καὶ Ὀσφεντίσθλαβος τῶν Βουλγάρων ὡς εἴπῃ τις, βασιλεύς, εἴτε διὰ τὴν ἐκ τοῦ κράλη Σερβίας τῆς ἰδίας ἀδελφῆς διὰ τὸ τοῦ βασιλέως κῆδος παρόρασιν, εἴτε δι᾽ αὐτὴν αὖθις καὶ τὸν ἐπ᾽ αὐτῇ γαμβρὸν τὸν δεσπότην ἐπεσχημένον ἐξ αἰτιῶν ὧν ἐλέχθησαν παρακεκνισμένος, εἴτε καὶ διὰ τὴν τῶν ἡμετέρων δυνάμεων ἐξασθένησιν τῶν βασιλικῶν καταφρονή σας πραγμάτων καὶ οἷον τῆς τύχης τῶν Ῥωμαίων κατεπαρθείς, ἐξ αὐτῆς ὡς εἶχε κατατρέχει τὰ κατὰ τὸν Αἷμον φρούρια. Καὶ πλὴν ὀλίγων τὰ μὲν κατὰ κράτος ᾕρει, τὰ δὲ καὶ δι᾽ ὁμολογίας προσήγετο · προσδόκιμος δ᾽ ἦν καὶ τοῖς λοιποῖς προσβαλεῖν, εὐκολίᾳ καιροῦ βαρβαρικὴν συμμίξας αὐθάδειαν» [76, vol. IV, p. 445$^{21-29}$]. Раскрывая фразу Пахимера о захвате «крепостей по Хемосу», можно с уверенностью предположить, что военные действия велись в регионе причерноморской Фракии – под угрозой были города-крепости Ктения, Росокастро, Созополь, Месемврия, Анхиал и Агафополь: «Ἠσθένουν δ᾽ αὖθις τὰ κατὰ δύσιν καὶ κακῶς εἶχον ἐξ Ὀσφεντισθλάβου, Ἐλτιμηρῆ πρὸς αὐτὸν ἀποκλίναντος. Καὶπειδήπερ τὰ κατὰ τὸν Αἷμον ἐδῄουν καξ ὁμολογίας τὰ πλεῖστα ᾕρουν, Κτένια καὶ Ῥωσόκαστρον καὶ ἄλλ᾽ ἄττα πλεῖστα, ἤδη δὲ καὶ τὰ κατὰ Σωζόπολιν

καὶ Μεσέμβρειαν, Ἀγαθόπολίς τε καὶ Ἀγχίαλος ἐκραδαίνετο καὶ τοῖς ἑτοίμως ἐφῆκεσαν προσχωρήσουσιν, ἐν ἀπόροις ἦν ὁ κρατῶν, καὶ προκαταλαβεῖν τὴν ἐς τὰ πρόσω ἔφοδον ἔσπευδε» [76, vol. IV, p. 489[8-14]].

Спустя почти два десятилетия занявший в 1322 г. Тырновский престол Георгий II Тертер начал долгосрочную кампанию по захвату византийских крепостей с завоевания Пловдива [57, vol. 1, p. 170[4]] и грабежей пригорода Адрианополя [24]. В последующие годы гражданской войны империя подчинила болгарские крепости по линии Месемврия – Стилбнос – Копсис [57, vol. 1, p. 172[7-18]].

Все ***военные действия на восточном направлении*** носили характер специальных экспедиций, имевших главной целью выдворение за пределы империи группировок противников и обеспечение усиления обороноспособности фортификационных линий, представленных цепью укрепленных городских и сельских территорий и сетью гарнизонов.

Перенесение столицы в отвоеванный Константинополь, а также разбойный характер действий разрозненных турецких отрядов [55, p. 157] позволили Михаилу VIII перейти к обеспечению безопасности малоазийских территорий посредством новой системы обороны. Основываясь на данных о целях восточных экспедиций императорской армии [76, vol. I, p. 289[20-21], 291[13-14]; vol. II, p. 591[29]–593[5], 633[13-17], 635[23-33], 637[1-3]], можно с уверенностью утверждать, что основой новой восточной военной стратегии было поддержание в функциональном состоянии оборонительной линии Сангарий – Меандр, составлявшей пограничные с турками рубежи [25]. Малоазийская линия обороны создавалась как система акритских поселений и постов наблюдения, усиленная новыми фортификационными сооружениями и пунктами, формирующая сеть гарнизонов, укомплектованных стратиотами и апелатами [26].

Георгий Пахимер сообщает, что сразу же по окончании успешной эпирской кампании 1263 г. [49, p. 92, 149, 154] Иоанн Палеолог направил восточный корпус в Малую Азию [76, vol. I, p. 285[19-21]]. На протяжении следующего года армия севастократора освободила долину Меандра, города Траллы и Магедон от турецких отрядов [76, vol. I, p. 289[20-21], 291[1-9]]. Вторая экспедиция Иоанна Палеолога на восток в 1264 г. также была организована по окончании его западных походов [76, vol. I, p. 317[8-17]; 48, p. 92]. В конце 1270-х гг. после стабилизации внутриполитической ситуации в сельджукском государстве, разбойничьи вылазки турецких группировок закончились опустошением этих земель и разрушением городов [76, vol. I, p. 591[29]–593[4]] [27]. Обострение положения привело к смене принципов оборонительной стратегии. Михаил VIII самолично возглавил последний за период его правления восточный поход [76, vol. II, p. 623[13-15]], организованный в 1280 г. с целью проведения соответствующих фортификационных мероприятий р. Сангарий [28]. Аналогичные действия проводились одновременно по р. Меандр силами Андроника II [76, vol. II, p. 593[14]–595[11]] [29].

Предпринятые меры стабилизовали положение лишь на несколько лет. В ходе усиления самостоятельности турецких эмиратов, сформировавших сильные и хорошо организованные армии, они приступили к территориальной экспансии. В результате уже к концу XIII – началу XIV вв. Византия потеряла значительную часть территорий [30]. Временная стабилизация положения Византии на Западе позволила автократору обратить внимание на восточные владения империи. Не добившись существенных результатов повторением мероприятий своего отца [62, p. 76–79] [31], Андроник II изменил тактику. В 1293 г. император передал малоазийские земли, за исключением Ионийского побережья [32], под управление пинкерна Алексея Филанфропина (ἠγεμών) (дука фемы Фракисион), назначив его командующим армией [76, vol. III, p. 237; 62, p. 76, note 82]. Пинкерн оправдал надежды Андроника II. Под его руководством в 1293–1295 гг. ромейская армия нанесла несколько сокрушительных ударов по турецким формированиям и вернула земли в долине р. Меандра под контроль империи [76, vol. III, p. 239[8-10], 241[35-36], 243[1-2]; 54, vol. 1, p. 196; 26, с. 101–102] [33].

Дальнейшие действия на восточном театре военных действий связаны с неудачным походом Михаила IX и алан, принятых в 1301 г. на службу василевсом. Выступившее против отрядов Османа объединенное ромейско-аланское войско великого этериарха Музалона, в 1302 г. [76, vol. IV, p. 358, note 40; 62, p. 90–91, note 14] понесло сокрушительное поражение

в первом же столкновении с противником и было вынуждено отступить к Никомидии [76, vol. IV, p. 359[4-7], 365[8-32], 367[1-19]] [34]. Аналогичная участь постигла и войско Михаила IX, организовавшего экспедицию к югу от Магнисии против турок эмирата Ментеше [76, vol. IV, p. 339[29-30], 343, 345, 347, 349, 351]. Слабость византийской армии на Востоке привела к захвату в 1304 г. Эфеса отрядами Сасы-бея и Айдыноглу Мехмед-бея [65, p. 20–25; 86, S. 39-41]. К 1305 г. турецкие войска завоевали практически все западное малоазийское побережье, за исключением Адрамиттия и генуэзской Фокеи [65, p. 24, 50]. Неспособность ромеев противостоять турецкой экспансии вынудила Андроника II нанять многочисленную компанию каталонских наемников, в задачи которых входило освобождение византийских крепостей Анатолии и Вифинии и усиление их обороноспособности [76, vol. IV, p. 635[18-20]].

Единичные экспедиции, организованные для сокрушения полевых армий противника на западном театре боевых действий, также завершались боестолкновениями у крупнейших городов. Очевидно, на принятие таких решений оказывали влияние два основных условия. Прежде всего, в случае организации дальней военной экспедиции, осуществляемой в рамках долгосрочной военной кампании на конкретном театре военных действий, ромейские города использовались как форпосты. Крепостные стены, наличие вблизи с крупным городом укрепленных поселений, обеспечивали возможность безопасного сбора дополнительных воинских контингентов, необходимого вооружения, а также запасенной заблаговременно провизии. Это позволяло действовать на отдаленных театрах военных действий даже в случае дезорганизованности служб тылового обеспечения. Кроме того, проведение решающего полевого сражения вблизи городов, создавало условия более безопасного лагерного постоя.

Указанная тактика использовалась при организации долгосрочной кампании по отвоеванию Константинополя. Как мы уже упоминали, на первом этапе кампании, войдя во Фракию для формирования военно-оперативного пространства, никейцы отвоевали Силимврию, а также все близлежащие к Константинополю крепости, за исключением Афамия [76, vol. I, p. 157[8-11]]. Занятые пункты не только ограничивали материальную базу и оборонительный потенциал противника, но становились плацдармом для обеспечения эффективной разведывательной деятельности, нанесения перманентных ударов по опорным пунктам латинян с целью их истощения [35], а также, возможно, ослабления бдительности обороняющихся. Повторное размещение в 1261 г. никейских войск Алексея Стратигопула на лагерный постой у Силимврии по завершении непродолжительного марша [76, vol. I, p. 191[24-27]; 54, vol. 1, p. 83[19]], позволило провести доукомплектование, усилить материально-техническое обеспечение, организовать соответствующие разведывательные мероприятия и, как результат, завершить кампанию отвоеванием столицы [36].

Очевидно, что обозначенные выше задачи в истории противостояния латинян и ромеев в начале 1280-х гг. решала крепость Белград (Берат). По данным Пахимера, Карл прибыл в Канину, игравшую роль плацдарма, с тремя тысячами конных и пеших воинов для последующего продвижения к Фессалонике и далее к столице Византии. Отправным пунктом кампании должен был стать именно Белград, являвшийся последней целью Карла Анжуйского на пути к Константинополю [76, vol. II, p. 641[22-26]].

Результат. Ведение большинства военных кампаний с целью захвата городов было связано не только с их военно-техническим назначением, а также ролью в экономической и административной жизни государства, но и их прямым отношением к формирующейся в начале палеологовского периода системе военной организации, комплектования и снабжения вооруженных сил. Именно в этой связи мероприятия по усилению обороноспособности сети гарнизонов и линии крепостей завершали практически каждую военную кампанию или экспедицию. Прежде чем оценивать эти мероприятия в контексте изучаемой темы необходимо выявить специфику системы военной организации в срезе механизма комплектования и обеспечения, а также конкретизации военных обязанностей, которые лежали в их основе.

Проблема специфики материального обеспечения и принципов комплектования, а

также управления вооруженными силами Византии палеологовского периода неоднократно попадала в поле зрения авторов как специальных, так и общих работ по истории Византии. При этом само содержание проблемы раскрывалось через анализ особенностей фемного строя и роли института пронии в военной организации. В частности, ряд исследователей предположили сохранение фемной системы как основы военной организации [20, с. 2, 7, 13, 22–23, 29; 47, p. 130sq.; 38, p. 125-127, 137, 163; 50, p. 95–102; 8; 9]. Другие же обосновывали концепцию преобразования системы комплектования вооруженных сил с основой на институт пронии [15; 74, esp. p. 355–360; 44, esp. p. 347–348; 43, bes. S. 270–271; 45, esp. p. 164–169, 182–184, 186, 189, 238–239; 87, σ. 21–23, 28–32; 60, p. 75–82, 101–118, 216].

Поскольку глубокий анализ двух противоположных направлений в историографии не входит в рамки предметного поля нашего исследования, считаем необходимым лишь отметить, что вторая из представленных концепций, ориентированная на понимание условий комплектования и содержания кавалерийских контингентов, фактически оставляет без внимания вопрос организации и обеспечения службы пехотных подразделений. Вместе с тем военно-административный аспект представленных подходов определенным образом может прояснить вопрос о порядке и условиях формирования полевых армий и гарнизонов.

Раскрытие роли и места укрепленных городов и гарнизонной службы в системе военной организации палеологовского периода должно быть основано на понимании системы комплектования и военного управления. В этой связи особого внимания заслуживают сохранившие свое научное значение в вопросах изучаемой темы концепции, противоположные друг другу в выводах о системе управления на макроуровне и близкие в понимании региональной военно-административной системы.

Прежде всего следует отметить точку зрения Э. Арвейлер, предположившей сохранение в поздний период традиционной структуры фемной организации, при незначительными по сравнению с XII в. [37] территориальными изменениями [38, p. 127, 137, 163]. В результате дробления фем на малые административно-территориальные формирования, их основной структурной единицей стали катепанства, не имевшие специального органа управления и состоявшие из городов с прилегавшими к нему землями [38, p. 125–126]. При этом города находились под контролем дуки, который управлял фемой через кастрофилаксов и прокафименов. В обязанности последних входили управление городским отрядом милицейского контроля и командование гарнизоном [38, p. 127].

С другой стороны, представляет интерес мнение Л. Максимовича о том, что, из-за усилившейся тенденции к дроблению провинциальной организации [15, с. 26–27, 30], фемы были заменены катепаникионами во главе с кефали [15, с. 31, 42, 50]. Кефали, как орган власти, контролирующий комплектование и обеспечение местных контингентов, посредством прямого руководства кастрофилаксами осуществлял общее командование регулярными войсками, состоявшими прежде всего из гарнизона [15, с. 89, 106, 109–110].

Результаты проведенного исследования позволяют признать обоснованным вывод обоих авторов о децентрализованном характере военного управления, который, в контексте развития системы комплектования и командования вооруженными силами, стал дополнительным определяющим военную политику фактором. В этой связи, возвращаясь к основным положениям, представленных нами в предшествующих работах, в контексте предмета настоящего исследования, сделаем следующие замечания.

Придерживаясь ранее нами высказанного суждения, отметим, что фемная система в раннепалеологовский период оказывала прямое влияние на выбор направлений развития военной политики и общеимперской военной практики. Выступая в данных вопросах определяющим фактором, она как институциональное явление была основой системы управления организацией вооруженных сил на провинциальном уровне. Это проявилось в сохранении главных принципов функционирования провинциальной администрации, выраженном в традиционном наделении конкретных лиц высшими гражданскими (преимущественно фискальными) и военными полномочиями (командование отрядами, обеспечение безопасности).

Нарративные источники и акты содержат упоминания о главах фемной администрации, наделенных как военными, так и гражданскими функциями. Здесь следует подчеркнуть, что в ряде случаев на должности кефали и дуки назначались военачальники, наделенные титулами, официально связанными с военно-командными полномочиями: Иоанн Палеолог – протосеваст, протовестиарий, паниперсеваст, кесарь [54, vol. I, p. 394; 57, vol. 1, p. 211, 214; 77, № 21435], Феодор Хумн – великий стратопедарх [54, vol. 1, p. 408–409; 57, vol. 1, p. 268], Сиргианн Палеолог Филанфропин – пинкерн, мегадука [69, vol. 1, poem 71, p. 244–245; vol. 2, poem 96, p. 147; 54, vol. 1, p. 497–498], Иоанн Тарханиот – доместик [31, t. V, № XXI, p. 119], Андреа Мориско – адмирал, логофет стратиотикона [57, vol. 2, p. 556, 573, 583, 607], Дука Нестонг – великий этериарх [77, № 20725]. Упомянутые нами полководцы названы в источниках стратигами и архонтами, главами [54, vol. 1, p. 186–191; 76, vol II, p. 417[21-26]; vol. III, p. 93[2-6], 121[9]–123[9], 203[31-32], 205[1-2]; vol. IV, p. 469[6-12], 471[16-20], 489[22]–491[4]], стратигами и игемонами [76, vol. III, p. 203[31]–205[5], 237[12-18], 285[12-22], vol. IV, p. 379[9-15, 21-23]], стратигами и апографевсами конкретных территорий (обзор встречающихся упоминаний см.: [15, с. 66–69]), названия которых совпадают с наименованием фем, известных со времен Комнинов [38]. Не ставя перед собой задачу конкретизации частных аспектов службы каждого из упомянутых полководцев, остановимся на предположении о том, что так поименованы главы воинских формирований городов или фем – кефали и дуки соответственно.

Особенности системы управления и обеспечения гарнизонной и пограничной службы позволяет установить анализ реформы акритской службы. Помимо стратиотов, живших во всех провинциях империи, восточные рубежи Византии охраняли акриты [39], занимавшие промежуточное положение между войском и гражданским населением. Пограничники использовались в военных операциях на обширной территории – от Никеи до Магнисии и Филадельфии [76, vol. I, p. 99[14], 193[18], 222[15]]. Они составляли контингент крепостных гарнизонов, вооруженный луками [76, vol. I, p. 261[23-24]], хорошо обученных и эффективно использовавших знание местности в боях [76, vol. I, p. 261[23-33], 263[1-11], 263[15-26]].

Акритов, переведенных в ходе реформы на более профессиональную основу, под управление и на обеспечение прониаров, на время западных кампаний, мобилизовывали и включали в состав полевой армии. Возможно, именно из числа этих акритов и пополнялись гарнизоны отвоеванных городов. После завершения крупномасштабных военных действий на западе малоазийские части возвращались в свои фемы, в то время как фракийцы и македонцы распускались по домам или распределялись по гарнизонам [76, vol. I, p. 121[21-22], 151[9-14], 285[3-4], 295[13-15]; vol. III, p. 83[20-28]] [40]. Основываясь на представленной нами концепции реформы акритской службы, можно предположить, что палеологовская модернизация фемной в основе военной организации, в части системы управления выражалась в наделении прониаров правом попечения и командования стратиотским ополчением на востоке [41].

Помимо фемных формирований гарнизонная служба обеспечивалась наемными контингентами. Эта практика имеет глубокую традицию. Чаще всего гарнизонная служба становилась одним из направлений военной деятельности наемников-кочевников [27; 17, с. 24, 32; 18, с. 177–178]. В изучаемый период они использовались как в Константинополе [76, vol. I, p. 253[7-9]], так и в гарнизонах Малой Азии [76, vol. IV, p. 379[14-15]]. Компенсировать недостаток ромейских гарнизонов должны были наемники-латиняне. К примеру, Пахимер, описывая события Каталонской кампании, сообщает о намерении Рожера де Флора усилить обороноспособность гарнизонов восточных крепостей, оставляя в каждой из них небольшой отряд своих воинов [76, vol. IV, p. 635[19-21]].

Проведенный анализ позволяет предположить, что фемные провинциальные контингенты от начала комплектования до ведения военных действий находились под полным контролем провинциальной администрации, реализованной в безусловной связи с территориальной принадлежностью и сохранением традиций военно-территориального управления, в лице дуки и кефали. Важнейшей обязанностью стратиотов и прониаров было участие в формировании военного ополчения

и несении воинской службы. Из числа местных стратиотов, проживающих в городской округе и на землях, связанных с укрепленными поселениями, формировались гарнизоны. Очевидно, что дополнительные функции, закрепленные за центрами фем были связаны с несением гарнизонной службы, обеспечением провизией, материальным снабжением войск и содержания боевых подразделений на время расквартирования.

Контроль и руководство реализацией этих задач, в зависимости от региона, возлагались на главу провинациальной или местной администрации. При этом их исполнение, безотносительно региональной специфики системы военно-территориального управления, соответствующим образом перераспределялось на жителей городов и сельских поселений, являвшихся основой «провинциальной административной сети» и находившихся под управлением кефали [41, p. 275–297, esp. 279–297; 42, p. 175–209; 60, p. 157–196, esp. p. 169]. В этой связи показательны результаты просопографического исследования, проведенные А. Кондояннопулу [88, σ. 319-323]. Полагаем, что упоминаемые в источниках случаи сбора налогов в фемах с последующей передачей денег на выплаты жалованья местным стратиотам (например, см.: [76, vol. I, p. 33[20, 6-9], vol. IV, p. 681[5-12]; 54, vol. 1, p. 138[10-12]]) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что конфликты, возникавшие между центральной властью и провинциями на фоне фискальных мероприятий [42], порождались, в том числе, закрепленной за дуками и кефали обязанностью содержать фемные контингенты.

Состояние военного управления, комплектования и материального обеспечения городов как основных элементов оборонительной системы определяет и их ***функции*** в военной организации. В виду темпов изменения границ Византии, а также сохранения фемного строя как основы военной организации, воссоздание традиционных механизмов и форм оперативного и тылового обеспечения в пределах восстанавливаемой в раннепалеологовский период империи было фактически невозможно. Безусловно, все указанные вопросы прямо связаны с соответствующими механизмами материального обеспечения вооруженных сил. Воины-стратиоты в действовавшей системе получали оплату только на период мобилизации. Традиционно выплаты жалованья обозначались следующими терминами: ῥόγα – прямые денежные выплаты; σιτηρέσια – продовольственный паек или деньги на покупку продовольствия, ὀψώνια – деньги на закупку товаров, продовольствия. При этом часть расходов на содержание малых гарнизонов и патрулей, а также их размещение в виглах компенсировалась средствами, получаемыми от взимания с крестьянских домовладений виглиатикона [40, № 58.49; № 72.68] (также см.: [35, Appendice, line 15, 18, 30, 38, 46, 62, 73]).

Таким образом, выплаты воинам были прямо связаны с потребностями войска в продовольствии. Если в казне не хватало средств, императоры прибегали к сбору добровольных пожертвований жителей [76, vol. IV, p. 629[7-18]] или же организовывали сбор экстраординарных налогов для пополнения казны и выплаты жалования стратиотам [76, vol. IV, p. 681[2-7]]. Анализ источников позволяет предположить, что снабжение продовольствием и ряд иных видов материального обеспечения формально находились в ведении казны. Однако на практике они являлись повинностью, возложенной на население городов и укрепленных поселений как мест дислокации и обеспечения контингентов.

Полагаем, что среди наиболее распространенных терминов, обозначавших продовольственную повинность для военных нужд, были ψωμοζημία и σιταρκία. Если ψωμοζημία известна со средневизантийского периода как обязательства, связанные с принудительными поставками войскам и хранения различных видов пищевых и питьевых продуктов [34, № 10.61; 40, № 72.65], то ситаркия (как следует из источников, имперская подать (имперский налог)) [43], согласно мнению Н. Икономидиса, появилась в империи в XIII в. [75, p. 1037] [44]. Ситаркия заменила ранее существовавшую обязанность доставлять продукты в форме натуральной подати, и взымалась с городского населения как обязательная и предназначенная для обеспечения крепости продовольствием [75, p. 1037].

Снабжение войск в поздний период производилось и другим, более традиционным для империи способом. По данным Скутариота,

для создания продовольственных резервов Иоанн Ватац приказал собрать все необходимое, выращенное в империи и императорском домене, включавшая зерно, мясо, сало, масло и т. д. [82, p. 286[4]]. Пахимер использовал термин ситаркия как обозначения формирования припасов, сообщая о том, что Иоанн Ватац «ὅπλοις καὶ σιταρκίαις ἐπετείοις ὠχύρου» крепости Триполи в Малой Азии [76, vol. IV, p. 477[2-3]] [45].

Проведение аналогичных мероприятий характерно и для правления Палеологов. Самый яркий пример относится ко времени сразу после отвоевания Константинополя. С целью усиления обороноспособности возвращенной столицы было восполнено продовольствие на складах, увеличены запасы соленого мяса, сыра, фуража для лошадей [76, vol. I, p. 251[19-26]]. Для увеличения самодостаточности в пределах города располагалось многочисленное стадо коров, расширялись пахотные угодья [46]. Кроме того, в повествованиях о военных событиях периода правления первых Палеологов, Пахимер неоднократно сообщал о требованиях императоров к заготовке продовольствия городами [76, vol. I, p. 99[4-10]; 139[7-8]; vol. II, p. 469[1-8], 637[3-5]; vol. IV, p. 663[16-18], 687[24-27], 689[9-13]]. Создание запасов провизии и ее хранение в условиях крупномасштабных кампаний было одной из основных функций городов в военной практике [47].

Децентрализация системы материального обеспечения византийских контингентов, вместе с невозможностью удовлетворения потребности войск в продовольствии через повинности, возложенные на население (ситаркия), а также необходимостью сокращения расходов на содержание войска в походах вынуждали военачальников организовывать реквизиции. В этих условиях именно города становились источниками провианта для воинских контингентов, находящихся в дальних экспедициях. Так, войска великого стратопедарха Иоанна Синадина и великого коноставла Михаила Каваллария, направленные в 1277 г. на подавление мятежа Иоанна Ангела, «устремились на крепость Фарсалу... [чтоб] набрать припасы в крепости (ἐφ' ᾧ σιταρκοῖεν τοὺς ἐν τῷ φρουρίῳ), напали исподтишка на незаконнорожденного Иоанна» [76, vol. II, p. 527[1-5]]. Повествуя о втором походе к Димитриаде, осуществлённом протовестиарием Михаилом Тарханиотом, Пахимер сообщает о том, что после расположения лагерем у крепости, часть войск была направлена на изъятие провианта [76, vol. III, p. 83[20-27]]. Поясняя причины нехватки денег в казне в период войны двух Андроников, Кантакузин акцентирует внимание на том, что крестьяне как основные налогоплательщики оставляли свои деревни, которые постоянно подвергались ограблению как со стороны войск Андроника II, так и гарнизонами, посылавшимися для их защиты [57, vol. I, p. 136[24]–137[9]].

Реквизиции продовольствия и фуража в городах, пригородах и сельской местности в палелоговский период становились одним из важнейших, а иногда и единственным [59, esp. p. 164, 174], источником обеспечения принятых на службу наемных контингентов. Большинство этих случаев относится к началу XIV в. и связано с действиями турок, алан и каталонцев [48]. В отдельных случаях, как, например, при принятии на службу алан, когда империя должна было обеспечить их военным снаряжением и транспортом, такие реквизиции носили официальный характер. По сообщению Пахимера, Андроник II выделил им не только принадлежащих стратиотам лошадей, но и передал продовольствие, собранное в Македонии и Фракии [76, vol. IV, p. 339[8-10]], а также выплатил жалованье вождям (мегистанам) алан, в том числе за счет опсония [76, vol. IV, p. 339[10-12]] [49].

Отметим, что, учитывая традиции централизованной системы управления в Византии, в том числе в вопросах материального снабжения и тылового обеспечения [19, с. 48–50, 77–80, 130–137; 3], можно было бы предположить ее сохранение в рамках организации снабжения фемных контингентов в палеологовское время. Действительно, согласно трактату Псевдо-Кодина, в системе военно-административно управления, существовали должности стратопедарха и великого стратопедарха, которые формально были назначены к обеспечению контроля за снабжением воинов надлежащим довольствием в системе провинциального и центрального управления [78, p. 137, 139, 154[20-27], 165[16-27]] [50]. Однако приведенные ранее примеры источников и форм материального обеспечения свидетельствуют о ее связи с прямой личной обязанностью конкретных полководцев, а также городов и

поселений, вошедших в пространство военных кампаний. Таким образом, представляется очевидным, что именно на фемной основе, лишенной в изучаемый период централизованной системы управления, обеспечивалась гарнизонная служба, включающая в себя не только собственно воинскую службу, но и обязанность по сбору провианта и иных материальных ресурсов, необходимых для ведения обороны во время осады.

Роль городов и укрепленных поселений в военной политике раннепалеологовского периода прямо связана с их военно-техническими функциями и местом в военной организации. Обороноспособность цепи гарнизонов обеспечивалась не только материальным потенциалом самой фортификационной системы.

Фортификационные мероприятия, реализуемые в целях решения задач по удержанию, или захвату крепостей и последующего усиления их обороноспособности, проводились как после отвоевания их у противника в рамках окончания наступательных операций, определяемых общей стратегией активной обороны на западе, так и в ходе восточных экспедиций, обусловленных необходимостью поддержания надлежащего состояния крепостей и укрепленных местностей. В этой связи, особое значение придавалось знаниям, накопленным византийской полиоркетикой. Прежде всего, это выражалось в организации и технологии строительства новых стен [84, p. 376[343-349, 350-352, 363-36]], усилении уже существующих оборонительных сооружений [84, p. 370[263-285], 378[378-380, 389-393]], использовании протейхизмы [84, p. 374[317-320]], а также заготовки воды, провианта и усилении самих гарнизонов [84, p. 368[256]–370[258], 372[293-297], 376[352-353]]. Согласно традиции [84, p. 362151–364182) при осаде и обороне городов использовали осадные и метательные орудия. Чаще всего они обозначались в нарративных источниках общим термином τὸ μηχάνημα [76, vol. I, p. 309[7]; vol. II, p. 465[17], 571[29], 643[16]] или специальным техническим – πετροβόλον μηχάνημα [76, vol. I, p. 173[14-15]; vol. II, p. 467[7]; vol. III, p. 267[7, 12]; vol. IV, p. 483[30], 485[6], 541[25-27]]. Кроме того, в осадных действиях применялись известные классической византийской полиаркетике и навмахике передвижные башни – ἡ ἑλέπολις, покрытые кожей [76, vol. IV, p. 665[22-24]; vol. III, p. 239[17-20]].

Согласно данным современников, к общим мероприятиям по усилению обороноспособности цепи гарнизонов, отдельных городов и поселений относятся увеличение гарнизонов за счет пополнения, сбора и заготовки запасов провизии. Фактически, общим местом в характеристике этих мероприятий в источниках является простое, никак не конкретизированное упоминание об укреплении городов и поселений. Отметим, что авторы этих сообщений немногословны и использовали в своих описаниях самые общие выражения. Именно в такой форме, подчеркивая проведение мероприятий по увеличению запасов провизии и фуража, а также численности гарнизонов, сообщает Пахимер в изложении событий экспедиций Иоанна Палеолога после сражения у Пелагонии [76, vol. I, p. 141[1-10], 271[13-17], vol. II, p. 421[19-23]]. Приграничные оборонительные пункты были усилены и в период сдерживания болгарской угрозы, исходившей от отрядов мятежника Ивайло [76, vol. II, p. 551[24-26]].

В отдельных случаях под влиянием географических и военно-политических факторов, связанных, в том числе, с характером боевых действий противников, объемом военной угрозы и количеством их вооруженных сил, фортификационные мероприятия могли иметь специальный характер. В этой связи общим местом являлось возведение новых фортификационных сооружений. Чаще всего современники сообщают об увеличении высоты и толщины крепостных стен, постройке новых крепостей, башен, рытье рвов и возведении валов. Так, в ходе второго эпирского похода Иоанн Палеолог подчинил и обустроил захваченные земли, «возвел крепости и установил сторожевые посты» [76, vol. I, p. 153[3-4]].

Михаил Палеолог провел комплекс мер по усилению обороноспособности Константинополя после его освобождения. Первоочередной задачей стало восстановление крепостных стен и сооружений со стороны суши [76, vol. I, p. 219[20-21], 223[3-4]]. Одновременно с этим была укреплена линия морской обороны, пострадавшая от природного воздействия [51]. Учитывая тактику штурма 1204 г., Михаил Палеолог увеличил высоту стен, используя менее сложные к применению высокие деревянные щиты (кровли), усиленные огнезащитным покрытием [76, vol. II, p. 251[8-9, 26], 253[1-4], 469[15-26]].

Последняя восточная экспедиция Михаила VIII в 1280 г. была направлена на создание фортификационной линии, представленной рвами, валами, крепостными стенами и засеками [76, vol. II. p. 623 [13-15]] [52]. По сообщению Пахимера, в ходе начавшейся кампании весной 1281 г. ромеи провели значительную фортификационную работу [76, vol. II. p. 633 [13-17]]. Во многих местах возможного перехода через реку по приказу императора были установлены засеки [76, vol. II, p. 635[23-33]–637[1-3]]. По берегам реки Сангарий были укреплены или возведены стены, оснащенные малыми крепостями [76, vol. II, p. 637[4-6]]. Вместе с походом Михаила VIII в 1280 г. была организована экспедиция Андроника II [76, vol. II, p. 593[4-11]]. Войска молодого императора, продвигаясь по реке Меандр, также обустраивали оборонительные укрепления и при необходимости создавали новые [53]. Такие масштабные мероприятия, требовавшие значительного времени и существенных затрат людских ресурсов, завершились лишь в 1282 году.

Последующее обострение ситуации на восточных рубежах было обусловлено потерей функциональности большей части фортификационной системы, возведенной Михаилом VIII. Данные Пахимера об изменениях во второй половине 90-х гг. XIII в. берегов рек [76, vol. IV, p. 363[9-25], 365[1-2]; 13, с. 291], которые являлись пограничными линиями и несли в себе все вышеперечисленные фортификационные сооружения, позволяют предположить, что именно природные факторы сделали неэффективными элементы пассивной обороны, составлявшие основу оборонительной стратегической концепции Византии на восточном фронте. Окончательное разрушение этих укреплений стихией в последующем, по мнению Пахимера, сделало византийские границы совершенно беззащитными перед турецким вторжением, усилившимся в связи с укреплением власти турецких эмиров [76, vol. IV, p. 365[2-8]; 13, с. 291].

Широкий перечень фортификационных мероприятий был предпринят в 1285 г. частью войск протовестиария Михаила Тарханиота, расположенных лагерем у Димитриады в ожидании начала боев с армией Михаила Ангела [76, vol. III, p. 83[20-24]]. Воины отдельной группировки войск Михаила Главы, задействованной в фортификационных работах, возвели вокруг Димитриады двадцать четыре деревянные башни, усиленные двойным рвом, один из которых был наполнен водой [76, vol. III, p. 83[24-27]].

Особый интерес вызывает масштабная постройка новых линий фортификации из оборонительных стен «τεῖχος», связывающих между собой отдельно стоящие обустроенные сторожевые посты – виглы (βίγλας) и «крепостные» башни (πύργος). Самый яркий пример крупномасштабных фортификационных работ связан с возведением у Христополя в 1308 г. длинной стены, преграждавшей каталонцам пусть к отступлению на Восток. Как сообщает Григора, по распоряжению Андроника II у Христополя «от моря до вершины близлежащей горы» была возведена длинная стена с целью воспрепятствовать возвращению каталонской компании во Фракию, или же ее последующему передвижению в Македонию: «πέμψας γὰρ πρῶτον μὲν τὸ περὶ τὴν Χριστούπολιν μακρὸν ἔκτισε τεῖχος ἀπὸ θαλάσσης μέχρι τῆς τοῦ παρακειμένου ὄρους ἀκρωνυχίας· ὡς ἄβατον εἶναι τὸ χωρίον καθάπαξ μὴ βουλομένῳ τῷ βασιλεῖ τοῖς τ᾽ ἐκ Μακεδονίας ἐς Θρᾴκην ἐθέλουσι διαβαίνειν, τοῖς τ᾽ ἀπὸ Θρᾴκης ἐς Μακεδονίαν» [54, vol. I, p. 246[2-6]] [54]. Очевидно, что охарактеризованные нами мероприятия по строительству и усилению оборонительных укреплений, требовавшие использования больших объемов материальных ресурсов, осуществлялись за счет средств, получаемых от взимания кастроктисии, являвшейся обязательной податью [40, № 72. 66; 60, p. 160], освобождение от которой было проявлением величайшей милости императора [29, с. 46; 85, esp. σ. 44–45, 49–57; 40, № 58.46].

В завершение отметим, что особое распространение в практике постройки оборонительных сооружений получили пирги, возводимые как часть комплекса укреплений в сельских владельческих и монастырских территориях. Как показали результаты изысканий Ю.Я. Вина, защитное назначение отдельных или объединенных стенами пиргов, возведенных на светских сельских землях не вызывает вопросов [4, особ. с. 204–205, 207–208, 215–217]. Однако в отношении монастырской фортификации, следует признать обоснованным суждение К. Смирлиса о том, что время, условия и характер таких построек

определить не представляется возможным [81, S. 193–195]. Из общих выводов следует согласиться также с мнением о том, что пирги как дополнительные к крепостям, усиливающие оборонительные линии сооружения [81, S. 193], получают массовое распространение в поздний период [63, p. 103; 81, p. 196–197]. Полагаем, что выделенные тенденции также являются следствием изменений в системе военного управления и обеспечения обороноспособности империи, вынуждающей крупных землевладельцев брать на себя обязательства по усилению защиты и безопасности собственных территорий.

Выводы. Подводя общие итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Выбор цели военных кампаний на всех театрах был обусловлен особым военно-стратегическим значением укрепленных городов и поселений. Они являлись базовым средством обеспечения обороны рубежей и усиления безопасности владений. Особое значение городов и укрепленных поселений, составлявших единую систему обороны, очевидно, определяло пространственную организацию и выбор направлений военных действий.

Структурные изменения в военной организации привели к необходимости создания новой системы обороны границ, позволяющей оперативно реагировать на вражеские вторжения, не дожидаясь вооруженной поддержки из столицы. При нападении противника безопасность территорий обеспечивалась местными контингентами, формируемыми в административных центрах и осуществлявшими оборону конкретных городов, в том числе силами соседних укрепленных пунктов общей административно-территориальной единицы. Значение укрепленных городов и поселений усиливалось тем, что в условиях децентрализации системы управления именно они становились определяющим элементом состояния системы фортификационных линий, комплектования и обеспечения сети гарнизонов и имперской полевой армии. Этот же фактор обусловил роль провинциальных структур в проведении общих и усилий центральной власти в организации специальных мероприятий по укреплению обороноспособности рубежей империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Относительно аналогичного процесса создания трех схожих линейных оборонительных систем вдоль границы с Болгарией см.: [22, с. 19–20].

[2] Обоснование правомерности использования данных терминов и классификации византийских городов в указанный период см.: [25, с. 133, прим. 13, 14, с. 132–134]. Дополнительно см.: [60, p. 157–158, 163].

[3] В территорию входили: Диррахий, Белград, Авлон, близлежащие горы [31, t. III, № III, p. 240].

[4] Согласно данным источников, успех никейской армии был обеспечен участием в сражениях многочисленных отрядов прославленных вифинских лучников [53, p. 180[13-15]; 68, S. 40; 83, line 3591].

[5] Подробнее об этом см.: [79, p. 692–693].

[6] Именно под командованием протостратора Филанфропина [76, vol. I, p. 27311] императорский флот захватил Наксос, Парос, Кос, Каристос и Орей укрепив оборону островов крепостями [76, vol. I, p. 271[13-17]].

[7] Традиционная для империи техника перемещения войск [76, vol. I, p. 271[22-26]].

[8] Согласно Пахимеру, имперский флот был включен в стратегическую операцию после захвата островов Парос, Наксос, Кос, а также эвбейских городов Каристос и Ореос [76, vol. I, p. 271[13-17]]. По прибытию к Пелопоннесу флот был пришвартован у подконтрольного империи южного побережья Лаконии [76, vol. I, p. 273[10-11]].

[9] События нашли отражение в латинских источниках [58, p. 116; 83, line 4675–4677].

[10] В своем сообщении о кампании Константина Пахимер упомянул о том, что его отряды проявили мужество в боях с противником. После отбытия севастократора, командование войсками было передано оставшимся полководцам [76, vol. I, p. 275[16-27]]. Сражение в труднопроходимом месте у Макриплаги описано в «Морейской хронике» [83, line 5372–5411, 5457–5465]. О пленении Фила и Макрина сообщает Пахимер [76, vol. I, p. 275[27], 277[12-14]].

[11] О договоре см.: [23].

[12] Уточняя местонахождение Сидерокастрона, Т. Томоски указал, что вероятно Демир Хисар – это клисура, расположенная в районе между Дебером и Прилепом [28, с. 41–43].

[13] «καὶ ἡλίσκετο μέν Φιλιππούπολις, ἐκρατεῖτο δὲ Στενίμαχος φρούριον, καὶ ἅπας ὁ Ἔξω τοῦ Αἵμου Ζυγὸς συγκατείχετο. Ἑάλω δέ, τοῦ Μυτζῆ διδόντος, ὡς λεχθήσεται, καὶ Μεσέμβρεια μεγάλη πόλις, καὶ Ἀγχίαλος συνηλίσκετο» [76, vol. I, p. 279[18-21]]. По мнению Д. Ангелова, болгар-

ские войска продвигались по дороге Пиргица – Факия – Виза – Константинополь [1, с. 152].

[14] Описание устройства и расположения этих крепостей см.: [1, с. 153–155].

[15] Данные Фила, позволяющие уточнить хронологию событий, определенным образом указывают на то, что во время похода Месемврия была захвачена после Скопье [69, vol. I, poem 237, p. 245–247, line 123–165].

[16] По мнению ученого, Пахимер, описывая события, имел в виду не Съернену гору, а возвышение, находящееся южнее, входившее в один горный комплекс Хемус [6, с. 505–506].

[17] Описывая походы отрядов мятежников по балканским землям, Фил указывает, что ими была уничтожена так называемая Загора. Очевидно, что в этом случае речь шла об уничтожении активной линии обороны Бошор во Фракии. В. Гюзелев полагает, что в 1278 г. византийцы захватили эти крепости, сделав их базой для действий против Болгар [5, с. 52–53].

[18] Придерживаемся традиционной датировки [46, p. 127; 66, p. 243; 52, p. 282–285], в отличие от А. Файе, датировавшего стратегическую операцию 1273 г. [49, p. 202].

[19] Ликарио – один из правителей Эвбеи, владевший замком, расположенным недалеко от Каристоса. Краткую справку о нем см.: [77, N 8154].

[20] По сообщению Григоры, Ликарио захватил Лемнос, Хиос, Родос и поработил практически всех латинян архипелага: «προσειλήφει δὲ καὶ τὰς ἐν Αἰγαίῳ νήσους μικροῦ πάσας, Λῆμνον καὶ Χίον καὶ Ῥόδον καὶ ὅσαι Λατίνοις ἐδούλευον» [54, vol. 1, p. 98[15-17]]. Подробнее о действиях войск Ликарио рассказывает Санудо [58, p. 123–124, 127].

[21] Татарские отряды были остановлены при Доростоле лично Ивайло [24, с. 569, 571].

[22] «Εὐτζάπολιν δὲ συλλαβὼν Μοροβίσδου,
Σκόπιά τε Σθλάβιτζαν ἐξ εὐανδρίας,
Καὶ τὸν Πίαντζον καὶ τὸ περὶ τὸν Στρόμον,
Καὶ τὸν περὶ Στρούμμιτζαν ἄφθονον τόπον
Αἱρεῖ, κεφαλὰς ὑπὸ γῆν ἀλλοτρίων,
Πτέρνη παρ αὐτῶν ἀσφαλῶς τηρουμένη,
Καὶ τῆς νίκης ἔπαθλον ἡ Δεῦρις πόλις» [69, vol. 2, poem 237, p. 254, line 306–312].

[23] Вопросы хронологии событий двух болгарских экспедиций в Византии имеют дискуссионный характер [10, с. 185; 21, с. 204; 30, с. 5; 62, p. 160–161].

[24] В частности, Кантакузин сообщает, что после захвата Пловдива Георгий II Тертер организовал грабительское нападение на Адрианополь: «ἀφικομένου δὲ μετὰ τὴν εἰρήνην εἰς Διδυμότειχον τοῦ νέου βασιλέως, ὁ Τερτερὴς ἀποστείλας στρατιὰν, τὰ περὶ τὴν Ἀδριανούπολιν κατέδραμε πολίχνια καὶ ἐληΐσατο» [57, vol. 1, p. 170[14-17]].

[25] Об эффективности линейной фортификационной системы, созданной на востоке, свидетельствуют данные восточного автора, отметившего сложность продвижения войск Османа из-за многочисленных крупных и малых крепостей по реке Сангарий и по всей территории Вифинии [56, p. 83–84]. К.Фосс отметил особое стратегическое назначение в оборонительной концепции империи малоазийских крепостей: Триполис [51, S. 301], Табала [51, S. 302–303], Магнисия [51, S. 307–308], Нимфей [51, S. 311–312], Асар – Кисар [51, S. 315], укрепленной линии Каистр [51, S. 313–314]. Подробнее см.: [51].

[26] По тексту Пахимера см. [76, vol. I, p. 27[24]–29[1], 31[10-13], 187[4-7], 275[1-3], 289[20-21]; vol. II, p. 635[23-33], 637[1-6]; vol. IV. p. 363[9-14], 363[24-25], 593[11-16], 635[18-24], 657[25-28]].

[27] О разрушенном городе на берегу Меандра сообщает Пахимер [76, vol. II, p. 593[11-14]].

[28] А. Файе выделил три отдельные кампании Михаила Палеолога: первая датирована исследователем ранней осенью 1280 г., вторая – весной 1281 г., третья – летом 1282 г. [49, p. 242–247].

[29] О масштабности и эффективности созданных Михаилом и Андроником укреплений, в частности, свидетельствуют данные Пахимера, явно указавшего на взаимосвязь разрушения укреплений по р. Меандр и р. Сангарий и проникновения армий турецких эмиров Ментеше, Эртогрула, Сасы-бея в Византию [13, с. 291].

[30] Э. Арвейлер считает, что захват Константинополя в 1261 г. стал отправной точкой в череде событий, определивших потерю Византией малоазийских территорий [39, p. 230]. По ее мнению, полная переориентация внешней политики империи на западное направление в период правления Михаила VIII, требовавшая сосредоточения основных военных и невоенных ресурсов, определила судьбу «византийской Малой Азии». Отсутствие должного внимания к восточным противникам позволило не только усилиться отдельным малоазийским эмиратам, но расширить их территории. В результате в первые двадцать лет XIV в. Эгейское побережье и Лидия были практически полностью завоеваны эмиром Саруханом, а Ионическое побережье с большей частью Смирны и г. Эфес отошли к Айдыноглу [39, p. 210].

[31] Исследователь восстановила причины, ход и идеологическое обоснование одного из походов императора, основываясь на анализе письменного наследия Феодора Метохита [62, p. 78–79, note 87–93].

[32] Эта территория и фема Неокастрон были подконтрольны протовестиарию Ливадарию [76, vol. III, p. 237].

[33] Об уточнении датировки событий, см.: [14].

[34] Х. Иналджик датировал сражение у Бафии летом (вероятно, 27 июля) 1301 г. По мнению исследователя, сражение произошло у крепости Койан-Хисари. Действия армии Османа ученый объяснил не стремлением к захвату территорий с целью распространения ислама, а экономическим и военным приоритетом Никеи, необходимой для обеспечения безопасности эмирата, ввиду расположения города на стратегически важном пути передвижения военных сил и торговых караванов по Малой Азии [56, p. 93–94, 97].

[35] Как сообщает Акрополит, поход на Галату закончился продлением соглашения о мире с латинянами еще на один год. При этом автор указал, что это соглашение «довел[о] их (латинян. – *В. З.*) до крайне тяжелого положения» [53, p. 186[21-22]].

[36] Подробнее, см.: [2].

[37] Об этом, см.: [80].

[38] Об объединении этих функций в институте провинциального управления см.: [79, p. 234; 67, p. 234].

[39] Акрит (ἀκρίτης) – собственно «пограничный воин». В отдельных пассажах употребляется в значении стратига пограничной фемы или области (от греческого ἄκρα – «край», «граница»). В последнем значении употребляли слово в военных наставлениях [12, с. 166[29]].

[40] Пахимер прямо сообщает о применении восточных войск на западном театре военных действий, характеризуя состав войска Иоанна Палеолога [76, vol. II, p. 403[9-16]].

[41] Подробнее, см.: [7].

[42] Об этом: [38, p. 125–127; 62, 187sq.; 45, p. 79sq].

[43] «Ἡ βασιλεία μου ἀποχαρίζεται... τὸ επικείμενον αὐτῷ χάριν σιταρκίας ὑπέρπυρον ἓν καὶ διορίζεται... μηδόλως ἀπαιτεῖσθαι τοῦτο παρὰ τῶν κατὰ καιροὺς ποιουμένων τὴν τῆς σιταρκι-΄ας ἀπαίτησιν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς Σμύρνης δικαίῳ τοῦ δημοσίου» [31, t. IV, № VIII, p. 45]. В простагме император освобождает от ситаркии в размере трех номизм хиосский Νέα μονή: «ὡς καὶ τὰ ἐπικείμενα αὐτῇ τρία νομίσματα ὑπὲρ τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας χάριν τῶν ἐξ ἀγορασίας περιελθόντων τῇ τοιαύτῃ μονῇ χωραφίων» [31, t. V, № VII, p. 13].

[44] О месте ситаркии в податной системе Поздней Византии см.: [11, с. 120, 122, 132, 142, 148]. Справку о понимании ситаркии позднего периода, см.: [88, σ. 239, № 1050].

[45] Также об аналогичном мероприятии Иоанна III Ватаца см.: [76, vol. I, p. 187[12-16]].

[46] Пахимер указал, что земли были распределены между людьми, ранее жившими у моря, телематариями и монастырями [76, vol. I, p. 221[18-24]].

[47] Пахимер прямо указывает на то, что собранные припасы служили для обеспечения гарнизона крепости [76, vol. I, p. 99[6-11]].

[48] Например, см.: [76, vol. III, p. 257[11-15]; vol. IV, p. 341[4-5], 437[6–29], 457[22]–459[16-19], 479[23-28], 481[1-4], 547[30-32], 549[1-3]].

[49] Об опсонии как виде солдатского жалованья и продовольственной пошлины, взимаемой за рыбную ловлю, см.: [71, p. 1529].

[50] Отметим, что из упомянутых в источниках великих стратопедархов, только Иоанн Синадин [76, vol. II, p. 527[8-10]], Ливадарий [76, vol. III, p. 257] и Андроник Палеолог [57, vol. I, p. 146[4]–149[2]] лично принимали участие в обеспечении снабжением воинов и организации фортификационных мероприятий.

[51] Пахимер, в частности, сообщает, что разрушения были столь велики, что император опасался вторжения латинян [76, vol. II, p. 469[6]–469[12]].

[52] Как мы уже упоминали, А. Файе выделил три отдельные кампании Михаила Палеолога [49, p. 242–247]. В то же время, следуя данным Пахимера, М. Бартусис указывал на проведение двух экспедиций в районе бассейна р. Сангарий, в перерыве между которыми император отбывал в столицу [45, p. 64]. Полагаем, что, учитывая цель и территорию действий, уместнее говорить об одном восточном военном походе, в рамках которого последовательно было организовано несколько кампаний.

[53] Потребность в периодическом обновлении элементов линейной фортификационной системы подтверждается сообщением Пахимера о разрушении крепостей и засек по берегам в периоды разливов рек. Перевод указанного пассажа с подробным комментарием был осуществлен Д.А. Коробейниковым [13, с. 288, прим. 6].

[54] О строительстве стены в одном из стихотворений упоминает Мануил Фил:

«Καὶ τεῖχος αὐτοῖς ἐμποδὼν στήσας μέγα,
Μή τις καθ᾽ ἡμῶν δυσμενὴς ἐπιτρέχοι,
Μᾶλλον δὲ τοῖς χάραξι τοῦ μεταιχμίου
Παντὸς κεφαλὴν δυσμενοῦς διακλάσας,
Πῶς οὐχὶ κἀμοῦ τοὺς δριμεῖς εἴρξεις πόνους
Τὸ κέρδος ἐνθεὶς καὶ χρυσοῦν τεῖχος κτίσας» [69, vol. II, poem 207, p. 219, line 20–25].

REFERENCES

1. Angelov D., Cholpanov B. *Bulgarska voenna istorija prez srednovekovieto: X-XV vek.* [Bulgarian Military History through the Middle Ages: 10th – 15th Centuries]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences, 1994. 329 p.

2. Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A. Vzyatie Konstantinopolya v 1261 g.: sluchaynost ili zakonomernost? [The Recapture of Constantinople in 1261:

An Accident or a Pattern?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 270-283. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20

3. Borovkov D.S. *Sistema materialnogo snabzheniya i tylovogo obespecheniya vizantiyskih vooruzhennyh sil v IX–XI vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The System of Material Supply and Logistics of the Byzantine Armed Forces During the 9th – 11th Centuries. Cand. Hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 278 p.

4. Vin Yu.Ya. Ukreplennye sela srednevekovoy Vizantii: gorod ili derevnya? [Fortified Villages of Mediaeval Byzantium: Town or Village?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 194-223. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.17

5. Gyuzelev V. Yambol v epokhata na Pervata i Vtorata bulgarska derzhava [Yambol in the Period of the First and Second Bulgarian Power]. *Istoriya na grad Yambol* [History of Yambol City]. Sofia, Izd-vo na Otechestveniya front, 1976, pp. 43-69.

6. Zlatarskiy V.N. *Istoriya na balgarskata derzhava prez srednite vekove. T. III: Vtoro balgarsko tsarstvo. Balgariya pri Asenevtsi (1187–1280)* [History of the Bulgarian Power During the Middle Ages. The Second Bulgarian Empire. Bulgaria Under the Asen Dynasty (1187–1280)]. Sofia, Nauka i iskusstvo Publ., 1972. 656 p.

7. Zolotovskiy V.A. K istorii vizantiyskoy armii v XIII v. Reforma akritskoy sluzhby Mikhaila VIII Paleologa [To a History of the Byzantine Army in 13th Century. The Reform of Akrites (Frontier Guards) Service During Michael VIII Paleologean's Board]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshhestvennye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences], 2009, no. 6, pp. 66-70.

8. Zolotovskiy V.A. Proniya v voennoy organizatsii Vizantii rannepaleologovskogo vremeni. Chast 2 [Pronoia in the Military Organization of the Byzantine Empire at Early Palaeologian Period. Part 2]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 2, pp. 40-51. DOI: DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.3

9. Zolotovskiy V.A. Femnaya sistema i provintsialnye vooruzhennye sily Vizantii rannepaleologovskogo perioda (1259–1328) [The Theme System and Byzantine Provincial Armed Forces at the Early Palaeologian Period (1259–1328)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 231-244. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.18

10. Irechek K. *Istoriya na bulgarite. Popravki i dobavki ot avtora* [History of the Bulgarians. Corrections and Additions by the Author]. Sofia, BAN, 1939. 348 p.

11. *Kazhdan A.P. Agrarnye otnosheniya v Vizantii XIII–XIV vv.* [Agrarian Relations During 13th – 14th Centuries of Byzantium]. Moscow, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1952. 244 p.

12. Litavrin G.G., ed. *Kekavmen. Sovety i rasskazy: Pouchenie vizantijskogo polkovodcza XI veka* [Kekavmen. Advice and Stories: The Teachings of the Byzantine Commander of the 11th Century]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2003. 711 p.

13. Korobeynikov D.A. Iz «Syngraphikon historion» Georgiya Pakhimera [From "The History" of George Pachymeres]. *Vizantiiskii vremennik*, 2000, vol. 59 (84), pp. 288-292.

14. Lysikov P.I. Pisma Maksima Planuda k Alekseyu Filanfropinu i Melkhisedeku Akropolitu: problemy istochnikovedeniya v kontekste voenno-politicheskoy situatsii v Vizantii v kontse XIII veka [The Letters of Maximos Planudes to Alexios Philanthropenos and Melchisedek Akropolites: The Problems of Source Studies in the Context of the Politico-Military Situation in Byzantium in the Late 13th C.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 271-287.

15. Maksimović L. *Vizantijska provincijska uprava u doba Paleologa* [Byzantine Provincial Administration in the Paliologian Period]. Belgrade, In-t vizantovediya Serbskoy akad. nauk, 1972. 199 p.

16. Medvedev I.P. *Mistra: ocherki istorii i kultury pozdnevizantijskogo goroda* [Mystra: Essays on the History and Culture of the Late Byzantine City]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Branch 1973. 163 p.

17. Mokhov A.S. Komandniy sostav vizantiyskoy armii v pravlenie Konstantina VIII [The Commanding Staff of the Byzantine Army During the Reign of Constantine VIII]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1997, vol. 28, pp. 19-33.

18. Mokhov A.S. Komandnyy sostav vizantiyskoy armii v XI v.: pravlenie Romana III Argira (1028–1034) [The Commanding Staff of the Byzantine Army in the 11th Century: The Reign of Roman III Argyrus

(1028–1034)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 2000, vol. 31, pp. 173-197.

19. Mokhov A.S. *Vizantiyskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitiye voyenno-administrativnyh struktur* [The Byzantine Army in the Middle of the 8th – Middle of the 9th Century: The Development of Military-Administrative Structures]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. feder. un-ta, 2013. 278 p.

20. Mutafchiev P. Voynishki zemi i voynitsi v Vizantiya prez XIII–XIV v. [Soldiers Lands and Soldiers in Byzantium During the 13th – 14th Centuries]. *Spisanie na Balgarska Akademiya na naukite* [Journal of the Bulgarian Academy of Sciences]. Sofia, 1923, vol. 27, pp. 1-113.

21. Mutafchiev P. *Istoriya na bulgarskiya narod. T. 2* [History of the Bulgarian People. Vol. 2]. Sofia, Hemus, 1943. 329 p.

22. Ovcharov D.S. *Vizantiyski i balgarski kreposti V–X vek* [Byzantine and Bulgarian Fortresses]. Sofia, BAN, Arheolog. in-t s museyem, 1982. 368 p.

23. Petkova I. K voprosa za balgarsko-nikeyskiya miren dogovor ot 1256 g. [On the Issue of the Bulgarian-Nicaea Peace Treaty of 1256]. *Trudove na Veliko-Tirnovskiya Universitet «Kiril i Metodiy». Istoricheski fakultet. Veliko Tirnovo* [Works of Veliko Tarnovo University "Cyril and Methodius". History Department]. Veliko Tarnovo, Un-t Sv. Kirilla i Mefodiya, 1979, pp. 61-80.

24. Petrov P. Bolgaro-vizantiyskie otnosheniya prez vtorata polovina na XIII v., otrazeni v poemata na Manuil Fil. Za voennite podvizi na izvestniya chutoven protostrator [Bulgarian-Byzantine Relations in the Second Half of the 13th Century, Reflected in the Poem by Manuel Phil. About the Military Exploits of the Famous Heard Protostrator]. *Izvestiya na Instituta za bulgarska istoriya*, 1956, vol. 6, pp. 545-576.

25. Plyakov Z. Aspekty tipizatsii vizantiyskikh gorodov v XIII–XIV vv. [The Aspects of the Typification of Byzantine Cities During the 13th – 14th Centuries]. *Bulgarian Historical Review*, 1997, vol. 25/2-3, pp. 132-137.

26. Radić R. Vizantiyskiy voyskovođa Aleksiy Filantropin [The Byzantine Commander Aleksei Philanphropin]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 1998, t. XXXVII, pp. 97-109.

27. Seren E.A. Bitva pri Dirrakhii – klyuch k balkanskoy operatsii normannov protiv Vizantii (18 oktyabrya 1081 g.) [The Battle of Dyrrhachium – The Key to the Balkan Operation of the Normans against Byzantium (October 18, 1081)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1999, vol. 30, pp. 169-175.

28. Tomoski T. Beleshki po povod voeniot pokhod na Andronik III vo Makedoniya vo 1330 g. [Notes on the Occasion of Andronikos' Military Campaign in Macedonia in 1330]. *Godishen zbornik na filozofskiot fakultet na Universitetot vo Skopje* [Annual Collection of the Faculty of Philosophy of the University in Skopje], 1964, t. 16, pp. 41-44.

29. Khvostova K.V. Nekotorye voprosy istorii immunitetnyh gramot makedonskih monastyrey v XIV v. [Some Issues of the History of the Immunity Charters of the Macedonian Monasteries in the 14th Century]. *Vizantiiskiy vremennik*, 1961, vol. 19, pp. 38-59.

30. Tsvetkova B. Balgaro-vizantiyskite otnosheniya prez tsaruvaneto na Teodor Svetoslav [Bulgarian-Byzantine Relations During the Reign of Teodor Svetoslav]. *Izvestie na seminarite pri IFF na Universitet «Kliment Oxridski»* [News at the Seminary at the IFF at the Sofia University "St. Kliment Ohridski"], 1948, vol. III/1-2, pp. 3-25.

31. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi*. T. III. Vindobonae, C. Gerold, 1865. 393 p.; T. IV. Vindobonae, C. Gerold, 1871. 441 p.; T. V. Vindobonae, C. Gerold, 1887. 479 p.

32. Zivojinovic M., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Chilandar. Texte. Vol. 1*. Paris, P. Lethielleux, 1998. XX, 363 p.

33. Lefort J., ed. *Actes d'Esphigménou*. *Texte*. Paris, P. Lethielleux, 1973. XIV, 250 p.

34. Lemerle P, ed. *Actes de Kutlumus*. *Texte*. Paris, P. Lethielleux, 1988. 478 p. (Archives de l'Athos; t. 2/2).

35. Kravari V., ed. *Actes du Pantocrator*. Paris, P. Lethielleux, 1991. 232 p. (Archives de l'Athos; t. 17)

36. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopedi. Texte. Vol. 1*. Paris, P. Lethielleux, 2001. XIX, 475 p.

37. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopedi. Texte. Vol. 2.* Paris, P. Lethielleux, 2006. XVIII, 525 p.

38. Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) particulièrement au XIII-e siecle. *Ahrweiler H. Byzance: les pays et les territories*. London, Variorum Reprints, 1976, pp. 1-204.

39. Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient. *Actes du XIV-e congrès international des études Byzantines. Vol. 1*. Bucarest, 6-12 septembre 1971. Bucuresti, Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1974, pp. 209-230.

40. Lefort J., Oikominides N., Papachryssanthou D., eds. *Actes D'Iviron. T. 3. De 1204 à 1328*. Paris, P. Lethielleux, 1994. 412 p. (Archives de l'Athos ; t. 18).

41. Asdracha C. Les Rhodopes dans la deuxième moitié du XIIIe siècle: prosopographie. *Revue des études byzantines*, 1973, vol. 31, pp. 275-297.

42. Asdracha C. Les Rhodopes au XIVe siècle. Histoire administrative et prosopographie. *Revue des études byzantines*,1976, vol. 34, pp. 175-209.

43. Bartusis M. A Note on Michael VIII's 1272 Prostagma for His Son Andronikos. *Byzantinische Zeitschrift*, 1988, Bd. 81, S. 268-271.

44. Bartusis M. The Kavallarioi of Byzantium. *Speculum*, 1988, vol. 63, pp. 343-350.

45. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.

46. Chapman C. *Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin (1261–1282)*. Paris, E. Figuière, 1926. 204 p.

47. Charanis P. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later. *Byzantinoslavica*, 1951, vol. XII, fasc. 1-2, pp. 94-153.

48. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1980, t. 38, pp. 5-103.

49. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1981, t. 39, pp. 145-249.

50. Ferjančić B. Quelques significations du mot stratiote dans les chartes de Basse Byzance. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Collection of Works of Institute of Byzantine Studies], 1982, t. 21, pp. 95-102.

51. Foss C. Late Byzantine Fortifications in Lydia. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1982, Bd. 32/2, S. 297-318.

52. Geanakoplos D. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations.* Cambridge, HUP, 1959. XII, 434 p.

53. Heisenberg A., ed. Georges Acropolites. Historia. *Georgii Acropolitae opera. Vol. 1*. Stuttgart, In aedibus B.G. Teubneri, 1903, pp. 1-198.

54. Schopen L., Bekker I., eds. *Gregoras Nicephorus. Historia Romana. In 3 Vols.* Vol. 1. Bonn, Weber, 1829. 568 p.; Vol. 2. Bonn, Weber, 1830. pp. 571-1146; Vol. 3. Bonn, Weber, 1855. 567 p.

55. Hopwood K.R. The Byzantine-Turkish Frontier, c. 1250–1300. *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. Wien, 1999, pp. 153-161.

56. Inalcik H. Osman Ghazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus. Zachariadou E.A., ed. *The Ottoman Emirate: 1300–1389.* Rethymnon, Crete University Press, 1993, pp. 77-99.

57. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum.* Vol. I. Bonna, Weber, 1828. 560 p.; Vol. 2. Bonn, Weber, 1831. 615 p.

58. Hopf C., ed. *Istoria del regno di Romania sive Regno di Morea composla per Marino Sanudo. Chroniques Gréco-Romanes.* Berlin, Weidmann, 1973, pp. 99-170.

59. *Kyriakidis S.* The Division of Booty in Late Byzantium (1204–1453). *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 2009, Bd. 59, S. 163-175.

60. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Boston, Brill, 2011. 272 p.

61. Polidori-Galvani F.L., ed. La Cronique des Venéciens de maistre Martin da Canal. *Archivio storico Italiano*, 1845, t. VIII, pp. 229-798.

62. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328.* Cambridge, Harvard Univ. Pr., 1972. XII, 390 p.

63. Lefort J. Habitat fortifiés en Macédoine orientale au Moyen Âge. *Castrum I. Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Actes recueillis et publ. par André Bazzana, Pierre Guichard et Jean-Michel Poisson*. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1983. 224 p. pp. 99-103.

64. Lefort J., Martin J.M. L'organisation de l'espace rural: Macédoine et Italie du Sud (X–XIIIe siècle). Kravari V., Lefort J., Morrisson C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 11-26.

65. Lemerle P. *L'Emirat D'Aydin Byzance et L'Occident.* Paris, Presses universitaires de France, 1957. 276 p.

66. Longnon J. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, Payot, 1949. 363 p.

67. Magdalino P. *The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180.* Cambridge, Cambridge University Press, 1993. XIX, 557 p.

68. Treu M., ed. Manuelis Holoboli Orationes. *Programm des Königlichen Victoria-Gimnasiums zu Potsdam, Ostern, 1906/1907. Bd. 2*. Potsdam, s.n., 1907, S. 30-98.

69. Miller E., ed. *Manuelis Philae carmina ex codicibus escurialensibus, florentinis, parisinis et vaticanis.* Vol. I. Parisius, Typ. imperialis, 1855. 460 p.; Vol. II. Parisius, Typ. imperialis, 1857. XX, 496 p.

70. Matschke K.-P. The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth–Fifteenth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington (D.C.), Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 463-495.

71. McGeer E. Opsonion. *The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3*. New York; Oxford, Oxford University Press, 1991, p. 1529.

72. Nicol D. The Date of the Battle of Pelagonia. *Byzantinische Zeitschrift*, 1956, Bd. 46, S. 68-71.

73. Nicol D.M. *The Despotate of Epiros, 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages.* Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1984. XIII, 297 p.

74. Oikonomidès N. A propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats. *Travaux et Mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 353-371.

75. Oikonomides N. The Role of the Byzantine State in the Economy. *The Economic History of Byzan-*

tium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 3. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 973-1058.

76. Failler A., Laurent V., eds. *Pachymérès Georges. Relations historiques.* Vol. I. Liv. I–III. Paris, Les belles lettres, 1984. 325 p.; Vol. II. Liv. IV–VI. Paris, Les belles lettres, 1984, pp. 328-667; Vol. III. Liv. VII–IX. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. 305 p.; Vol. IV. Liv. X–XIII. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306-727.

77. Trapp E., Walther R., Beyer H.-V., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.

78. Verpeaux J., ed. *Pseudo-Kodinos. Traite des offices*. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.

79. Şesan M. *Impărţirea administrativă a imperiuli bizantin în timpul Comnenilor şi Angelilor (1081–1204).* Cernăuţi, Tipografia Mitropolitul Silvestru, 1942. 698 p.

80. Şesan M. Les themes Byzantins àl'époque des Comnènes et des Anges (1081–1204). *Revue historique du sud-est européen*, 1978, vol. XVI/1, pp. 47-51.

81. Smyrlis K. Estate Fortifications in Late Byzantine Macedonia: The Athonite Evidence. *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land. Leben im Byzantinischen Reich*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, S. 189-205.

82. Heisenberg A. ed. Theodorus Scutariota. Historia. Additamenta ad Georgii Acropolitae historiam. *Georgii Acropolitae opera. Vol. 1*. Stuttgart, In aedibus B.G. Teubneri, 1903, pp. 275-302.

83. Schmitt J., ed. *The Chronicle of Morea. To Chronikon tou Moreōs*. London, Methuen & Co., 1904, XCII, 640 p.

84. Dennis G., ed. *The Taktika of Leo VI*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. 690 p. (Corpus fontium historiae Byzantine; vol. XLIX).

85. Trojanos S. Kastroktisia. *Byzantina*, 1969, vol. 1, pp. 39-57.

86. Wittek P. *Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13-15. Jahrhunderts*. Istanbul, Universum Druckerei, 1934. XIV, 192 S.

87. Karagiannopoulos I. *Symbolē sto problema tēs stratiotikēs «pronoias» kata tēs epochē tōn Palaiologōn* [Contributing to the Problem of Soldier "Pronoia" During the Period of Paleologos]. Thessalonica, Editions Vania, 1998. 50 p.

88. Kontogiannopoúlou A. *Ē esoterikē politikē tou Andronikou II Palaiologou (1282–1328). Dioikese – Oikonomia* [The Domestic Policy of Andronikos II Palaiologos (1282–1328). Administration – Economics]. Thessaloniki, Kentro Byzantinon Ereunon Publ., 2004. 351 p. (Byzantina keimena kai meletai [Byzantine Texts and Studies]; vol 36).

89. Kontogiannopoulou A. Poleis kai politikē antiparathesē sto Byzantio ton 14o aiōna [Cities and Political Confrontation in Byzantium in the 14th Century]. *Praktika diethnous epistēmonikou symposiou pros timēn tou omotimou kathēgētē Geōrgiou Belenē, Thessalonikē, 4–7.10.2017* [Proceedings of the International Symposium in Honor of Emeritus Professor George Velenis, Thessaloniki, 4–7/10/2017]. Athens, s.n., 2021, pp. 269-274.

Information About the Author

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4259-8851

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-4259-8851

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.16

UDC 94“1305/1309”:323.22
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2025
Accepted: 10.11.2025

A VIEW FROM THE CAPITAL: THE CATALAN REVOLT (1305–1309) THROUGH THE EYES OF THE LATE BYZANTINE COURT POET [1]

Pavel I. Lysikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. This article analyzes one of the most undervalued sources for the history of the Catalan presence in Byzantium in the early 14th century: the poems of the court poet Manuel Philes. Although Philes' poems have been repeatedly used to study various political themes related to the reign of Emperor Andronikos II Palaiologos (1282–1328), this work represents, as far as we know, the first dedicated study of this issue. Our objective is to determine the significance of the poet's literary heritage as a source for the history of the revolt of the Catalan Company (1305–1309). *Methods and materials*. The subject of this study is 10 poems written by the poet and dedicated to events that are relevant to the internal conflict under consideration. Although they are clearly not full of specific historical information, they provide data that can be used for dating and clarifying or confirming information provided by other sources. The principles of the hermeneutic method allow us to give a holistic interpretation of these poems that form our understanding of the subject under study. *Analysis and results*. Philes' works are particularly significant in the study of the final period of the Catalan revolt (1307–1309) due to the general lack of source material that covers it. The poet belonged to the emperor's inner circle and, therefore, could have had firsthand information. Moreover, he presumably expressed the general opinion and sentiment within the Byzantine elite regarding the Catalan presence in the empire, a sentiment confirmed by the surviving works of other intellectuals. Philes' poems, coupled with evidence contained in parallel sources, allow us to form a more comprehensive picture of the state of Byzantium in times of internal political crisis caused by the Catalan revolt.

Key words: Byzantium, early Palaiologan period, Andronikos II Palaiologos, Manuel Philes, Catalan revolt.

Citation. Lysikov P.I. A View from the Capital: The Catalan Revolt (1305–1309) Through the Eyes of the Late Byzantine Court Poet. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 222-235. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.16

УДК 94“1305/1309”:323.22
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ВЗГЛЯД ИЗ СТОЛИЦЫ: КАТАЛОНСКИЙ МЯТЕЖ 1305–1309 гг. ГЛАЗАМИ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ПРИДВОРНОГО ПОЭТА [1]

Павел Иванович Лысиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из наиболее недооцененных источников по истории каталонского присутствия в Византии в начале XIV в. – стихотворений придворного поэта Мануила Фила. Несмотря на тот факт, что стихотворения Фила неоднократно привлекались к изучению различных политических сюжетов, хронологически относящихся ко времени правления императора Андроника II Палеолога (1282–1328), данная работа представляет собой, насколько нам известно, первое специальное исследование указанного вопроса. Наша задача заключается в определении значения литературного наследия поэта как источника по истории мятежа Каталонской компании (1305–1309). Предметом исследования выступают 10 стихотворений поэта, посвященные событиям, имеющим отношение к рассматриваемому внутреннему конфликту. Несмотря на то что они явно не изобилуют конкретно-исторической информацией, посредством них мы получаем данные, которые можно использовать для датировки и уточнения или подтверждения сведений других источников. Особое значение произведения Фила приобретают в рамках изучения заключительного периода каталонского мятежа (1307–1309), что связано с общим недостатком освещающего его источникового материала. Поэт входил в круг приближенных императора, следовательно, мог располагать

© Лысиков П.И., 2025

информацией, получаемой «из первых рук». К тому же он, следует полагать, выражал общее мнение и настроение внутри византийской элиты относительно каталонского присутствия в империи, что подтверждается дошедшими до нас сочинениями других интеллектуалов. Стихотворения Фила вкупе со свидетельствами, содержащимися в параллельных источниках, позволяют сформировать более целостное представление о состоянии византийского государства в условиях внутриполитического кризиса, вызванного каталонским мятежом.

Ключевые слова: Византия, раннепалеологовский период, Андроник II Палеолог, Мануил Фил, каталонский мятеж.

Цитирование. Лысиков П. И. Взгляд из столицы: каталонский мятеж 1305–1309 гг. глазами поздневизантийского придворного поэта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 222–235. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.16

Введение. Мятеж каталонских наемников, поступивших на службу к византийскому императору Андронику II Палеологу (1282–1328) в сентябре 1303 г. и вскоре развязавших вооруженный конфликт со своим нанимателем (1305–1309), представляет собой один из наиболее значимых эпизодов политической истории Византии начала XIV в., оказавший существенное влияние на внешне- и внутриполитическое положение империи. Это доказывает тот факт, что события византийско-каталонского конфликта оказались отражены в большом объеме разнородного источникового материала как византийского, так и невизантийского (в основном западного) происхождения. Ранее, в статье, опубликованной в «Вестнике» два года назад, мы уже обращались к малоизученному в данном отношении источнику – эпистолярию патриарха Константинопольского Афанасия I (1289–1293, 1303–1309) [4]. Предметом настоящего изыскания выступает еще один, несомненно, также обделенный вниманием исследователей каталонского мятежа, источник – поэтические сочинения Мануила Фила. Наша задача заключается в определении значения литературного наследия придворного поэта как источника по истории мятежа Каталонской компании на основе подробного анализа содержания его стихотворений.

Общий обзор историографии темы. Историография вопроса включает в себя два основных аспекта. Первый аспект связан с поэтическим наследием Мануила Фила, которое стало интересовать ученых еще на рубеже XIX–XX веков. Впрочем, изначально отношение к поэзии Фила было достаточно скептическим. Так, основатель немецкого византиноведения К. Крумбахер крайне негативно охарактеризовал литературные достоинства произведений поэта, окрестив его «бедным, но требовательным литературным дилетантом» (dürftig, aber anspruchsvoll litterarisch Dilettant) [15, S. 779], а Х.М. Лопарёв, согласившись со своим коллегой и современником в отношении содержательно пустых, «напыщенно-льстивых» сочинений Фила, представителя периода упадка византийской поэзии, при этом отметил, что определенной исторической ценностью они всё же обладают [3, с. 7–10]. В частности, русский византинист подробно исследовал содержание стихотворения *P237*, посвященного подвигам византийского полководца Михаила Тарханиота Главы [29, № 27504]: его значение как источника по истории византийско-болгарских отношений во второй половине XIII – начале XIV в. было оценено Х.М. Лопарёвым достаточно высоко [3, с. 13–46]. Отметим, что в историографии литературного наследия поэта *P237* в целом уделено много внимания: в последующие годы оно по крайней мере еще трижды становилось предметом специального изучения [14; 8; 6]. Тем не менее в XX в. поэзия Фила нечасто удостаивалась такой чести (библиографию см.: [29, № 29817]); если же говорить об исследовании сочинений поэта с точки зрения их конкретно-исторического содержания (исключая *P237*), то здесь мы вообще ограничимся упоминанием едва ли не единственной работы [35]. В первой четверти XXI в. ситуация существенно изменилась, что связано в первую очередь с научной деятельностью австрийской византинистки К. Кубины, посвятившей Филу множество статей [16; 17; 19; 20] и монографию [18]. Работы К. Кубины, а также специальные статьи М. Баццани [9; 10], М.С. Меньшиковой [5], Д. Плешака [28],

посвященные анализу композиции, литературного стиля, жанровых, лингвистических и художественных особенностей творчества Фила, представили более адекватную и объективную его оценку: был уничтожен, как нам кажется, окончательно, образ «поэта-просителя» – выразителя упадка поздневизантийской поэзии, замененный многогранной, разносторонней, содержательно глубокой фигурой византийского интеллектуала, оставившего множество разножанровых сочинений, большинство из которых еще только предстоит изучить, мастерски применявшего широкий спектр художественных приемов, умело адаптируя их под требования жанра, формы, цель, контекст. Что же касается интересующей нас темы, поэзия Фила действительно бедна фактической информацией: намеки на конкретные исторические события, встречающиеся в его стихотворениях, становятся ясны только после обращения к сведениям других источников. Впрочем, функции и цель сочинений поэта были иными и не сводились к передаче знаний о человеке или событии будущим поколениям. Следовательно, и уточнение контекста написания тех или иных стихотворений в ряде случаев может оказаться бессмысленным и даже неоправданным.

Второй аспект относится, собственно, к конфликту между Византией и наемным каталонским войском. Несмотря на тот факт, что сочинения Фила в основной массе были опубликованы на заре становления византиноведения как научной дисциплины, их значение как источника, содержащего в себе сведения о событиях каталонского присутствия в империи, продолжает оставаться недооцененным и в настоящее время. На это еще в середине прошлого столетия посетовал И. Шевченко, насколько нам известно, первым обратив внимание на достаточно частое упоминание этнонима «сицилийцы» в стихотворениях поэта, которым, по его мнению, здесь обозначались каталонские наемники [2]. В общей сложности он привлек информацию 4 стихотворений Фила [31, p. 145, 153, notes 46–49]. За прошедшее с публикации работы американского византиниста время ситуация кардинально не изменилась: специалисты, занимавшиеся изучением истории каталонского мятежа, неизменно игнорировали сочинения поэта. В качестве исключения снова, как и в нашей предыдущей работе [4, с. 285сл.], следует указать монографию А. Лайу, которая в рамках исследования каталонского мятежа привлекла сведения, также содержащиеся в 4 стихотворениях Фила [22, p. 168, 175, 221, 223]. Совокупно И. Шевченко и А. Лайу изучили 6 сочинений поэта, в которых так или иначе фигурирует тема каталонского присутствия в империи; кроме того, содержание еще одного стихотворения (*F44*) было подробно рассмотрено Н. Икономидисом [27, p. 165]. Таким образом, новизна представленной работы определяется отсутствием специального исследования, посвященного литературному наследию византийского поэта с целью определения его значения как источника по истории византийско-каталонского конфликта, которое бы позволило более подробно проанализировать содержание указанных выше и еще ряда стихотворений, безусловно, заслуживающих внимание, поскольку их автор являлся современником и даже участником описанных в них событий.

Методы и материалы. Предметом нашего исследования выступают **10** разножанровых стихотворений византийского придворного поэта в правление нескольких императоров-Палеологов Мануила Фила (о нем см.: [29, № 29817]). 9 из них написаны либо непосредственно в период византийско-каталонского конфликта, либо, возможно, несколько позже, но так или иначе затрагивают события 1305–1309 гг., в то время как еще одно достаточно объемное стихотворение (*F44*) относится к сюжету, выходящему за хронологические рамки каталонского мятежа, но тем не менее связано с ним содержательно. Все рассматриваемые поэтические сочинения Фила, исходя из критического анализа их содержания, можно поместить в хронологические рамки с 1305 по 1313 г. (ниже мы остановимся подробнее на датировке каждого стихотворения). К исследованию привлекается также ряд других стихотворений Фила, имеющих косвенное отношение к византийско-каталонскому конфликту или связанных с рассматриваемыми сочинениями общими персонажами.

Репрезентативные данные, на основании которых мы уточняем датировку и исторический контекст стихотворений Фила, предлага-

ют главным образом сочинения византийского историка, церковного и государственного деятеля в правление Андроника II Георгия Пахимера [13, vol. IV] и каталонского хрониста, казначея наемной «компании» Рамона Мунтанера [17 (старокат.) = 27 (англ. пер.)]. Сведения, содержащиеся в историческом труде византийского ученого Никифора Григоры [26], привлекаются для датировки и контекстуализации сочинений Фила, написанных после ухода каталонцев в Македонию, поскольку этот этап византийско-каталонского конфликта не освещен Пахимером (его сочинение завершается летом 1307 г.) и скупо изложен покинувшим «кочующее войско» летом 1307 г. Мунтанером. Кроме того, с этой же целью мы обращаемся за необходимой информацией к целому ряду источников различных видов, в том числе и невизантийского происхождения: актовому материалу (по изд.: [7]), «посольской речи» ученого-филолога Фомы Магистра [37] (после 1310 г.), а также агиографическому источнику – Житию сербского архиепископа (во время каталонского мятежа – игумена афонского монастыря Хиландар) Данило II [1], написанному после 1337 г. на церковнославянском языке и предоставляющему ценные сведения о разорении каталонцами Македонии и последующих событиях.

Интерпретация произведений Мануила Фила, от результатов которой напрямую зависит реконструкция, идентификация упомянутых в них событий, следовательно, и контекстуализация и датировка источника, основана на принципах герменевтической методологии. Они позволяют учесть различные аспекты целостного толкования текста рассматриваемых стихотворений, в том числе контекст их написания, положение автора и его близость к описываемым событиям, используемый языковой инструментарий (словоупотребление, художественные приемы), отражающий их восприятие и понимание самим автором и т. д.

Анализ. *Каталонцы в этнонимии Мануила Фила*. Каталонцы обозначаются Филом почти исключительно как «сицилийцы» (Σικελοί, Σικελιῶται; также производным от него прил. Σικελικός) [25, p. 53, nota ad carm. 44; 24, vol. II, *P14*, lemma; *P18*, p. 59[6]; 25, *M44*, p. 52[7, 14], 55[80]; 24, vol. II, *P171*, p. 193[6]; 25, *M61*, p. 79[5]] и редко (в двух сочинениях) – как «итальянцы» (Ἰταλοί) [24, vol. II, *P214*, p. 226[11]; *P207*, p. 218[10]]. Как мы уже упоминали в предыдущей статье, подобные обозначения каталонские наемники получили вследствие их участия в длительной анжуйско-арагонской войне на стороне короля Сицилии Фредерика (Федериго) II, завершившейся незадолго до их прибытия в империю, в 1302 г., однако во втором случае этот факт может объясняться еще проще, поскольку итальянцами византийцы зачастую называли людей с Запада в целом [4, с. 287–290]. Связь каталонцев с Сицилией также акцентируется Филом посредством более замысловатых выражений: он характеризует опустошение, которое произвели наемники во Фракии и Македонии как последствия «взбурлившего / поднявшегося пламени из Этны» (τὴν ἀναζέσασαν / ἀρθεῖσαν ἐξ Αἴτνης φλόγα) [24, vol. II, *P207*, p. 219[33]; *P214*, p. 227[22]] и «этнийского кипения и сурового пламени безмерной дерзости» (τὴν... Αἰτναίαν ζέσιν καὶ τὴν ἀπηνῆ τῆς θρασύτητος φλόγα) [25, *M44*, p. 52[18–19]]. В отношении союзников «компании» – тюрок и туркопулов – поэт использует также традиционный для византийских источников этноним «персы» (Πέρσαι; чаще производное от него прил. Περσικός) [25, *M44*, p. 52[5, 15]; 24, vol. II, *P18*, p. 59[7]; *P214*, p. 226[13]; vol. I, *F44*, p. 222[42], 224[85]].

Стихотворения Фила о мятеже Каталонской компании. Все сочинения Фила, которые так или иначе упоминают о событиях, связанных с византийско-каталонским конфликтом, будут проанализированы нами в предполагаемом хронологическом порядке их написания. Придерживаясь традиционного в историографии литературного наследия поэта обозначения его сочинений, мы будем указывать их следующим образом: *P*/*V*/*F* (то есть Codex Parisinus, Codex Vaticanus и Codex Florentinus соответственно) с добавлением номера (арабскими цифрами) стихотворения в издании Э. Миллера [24, vol. I; vol. II], а также *M* с добавлением номера стихотворения в издании Э. Мартини [25].

V30. Небольшое стихотворение, состоящее всего из 10 стихов; по классификации К. Кубины, отнесено к жанру энкомия [18, S. 114, 321]. Впервые опубликовано во втором томе издания Э. Миллера по рукописи Codex Vaticanus [24, vol. II, *V30*, p. 288], впрочем, без

леммы, которая была восстановлена Э. Мартини по найденной им рукописи Codex Taurinensis [25, p. 53, nota ad carm. 44].

Датировка. Без восстановленного заголовка (εἰς τὴν τοῦ Σικελιώτου καίσαρος ἐκείνου σφαγὴν[,] αὐθωρόν) контекстуализация стихотворения была бы невозможна, поскольку его текст совершенно обезличен и не содержит каких-либо датирующих признаков. «Кесарь-сицилиец» – это, несомненно, Рожер де Флор, получивший указанный титул 10 апреля 1305 г. (дат.: [13, vol. IV, p. 570, note 82]). Учитывая, что в лемме речь идет об убийстве (σφαγή) де Флора, *terminus post quem* для источника – 30 апреля 1305 г. (дат.: [22, p. 146; 12, p. 66sq.]). Уточняющее наречие в значении обстоятельства времени – αὐθωρόν, то есть букв. «сразу», «тотчас» – указывает на то, что стихотворение было написано вскоре после получения в столице известий об убийстве в Адрианополе вождя Каталонской компании. Впрочем, не следует забывать, что отнесение заголовков к авторству Фила является спорным вопросом, поскольку они могли быть добавлены в текст переписчиками и, возможно, имеют более позднее происхождение [17, p. 158].

Анализ. Стихотворение отражает реакцию поэта на известие о гибели лидера наемников. Некий земледелец срезал мечом как серпом колос (аллюзия на убийство де Флора), взращенный проливным, обильным кровью, дождем на дурной земле из чуждого семени. Фил просит земледельца «всеобщей радости» (χαρμονῆς παγκοσμίου) растереть колос в порошок, чтобы ни одно его семя не упало на землю и не взрастило нового «разрушителя мира» (κοσμοφθόρος; в источнике – κοσμοφόρος; конъектура по: [25, p. 51, nota ad carm. 44]). Х.-Ф. Байер предложил остроумную идентификацию упомянутого в тексте убийцы каталонского вождя, названного Филом букв. «земледельцем» (γεωργός), с вождем аланских наемников, имя которого передано Пахимером как Γεωργοῦς [3] [11, с. 274сл.]. Согласно историку, именно аланы, с самого начала конфликтовавшие с каталонцами в вопросе размеров жалованья, а затем вступившие с ними в открытое столкновение, в результате которого погиб сын аланского вождя [13, vol. IV, p. 463[30]–465[28]], оказались главными вдохновителями и непосредственными исполнителями убийства Рожера де Флора [13, vol. IV, p. 575[6–16]] (см. также: [23, p. 353 = 34, p. 73–74]). Идентификация немецкого специалиста была поддержана составителями PLP [29, № 29817] (в числе которых был и сам Х.-Ф. Байер), а также К. Кубиной [18, S. 114]. Так или иначе, она может быть поставлена под сомнение, поскольку образ земледельца фигурирует и в другом стихотворении Фила (*P171*), в котором поэт восхищается военными успехами Сенахирима Ангела и сравнивает его действия с работой крестьянина (об этом ниже).

P14. Самое объемное из всех рассматриваемых нами стихотворений Фила (состоит из 590 стихов) относится к жанру парамититикоса, или «утешительной речи» [18, S. 59, 314]. Опубликовано Э. Миллером по Парижскому кодексу [24, vol. II, *P14*, p. 34–58]. Между стихами 24 и 25 в Афинском кодексе добавлен еще один стих (опубликован Г. Папазоглу среди прочих разночтений: [36, σ. 185]).

Датировка. Снова, как и в предыдущем стихотворении, наиболее ценной для нас его частью выступает лемма, поскольку она позволяет установить точный контекст и приблизительное время написания источника: утешительное стихотворение адресовано василевсу (Андронику II), «после того как сицилийцы напали на Фракию» (τῶν Σικελιωτῶν τὴν Θρᾴκην ἐπιδραμόντων), то есть явно после убийства де Флора, когда между наемниками и византийцами начался открытый конфликт, и, скорее всего, после поражения войска Михаила IX в битве при Апросе (последняя треть июня 1305 г., датировка: [12, p. 71–73], реконструкция: [2]), которое открыло для каталонцев возможность беспрепятственно грабить византийскую территорию.

Анализ. Не имеет смысла пересказывать содержание стихотворения полностью, поскольку репрезентативных данных оно предлагает немного. Отметим, что в тексте, как и в лемме, также имеется указание на каталонцев, однако менее очевидное: наемников Фил единожды обозначает как «западные грабители» (οἱ ἑσπερινοὶ ἅρπαγες), тогда как в дальнейшем изложении он больше не делает акцент на их происхождении, называя их «врагами» (ἐχθροί) [24, vol. II, *P14*, p. 52[456], 53[487], 54[497]], «чужеземцами» (ἀλλόθροοι) [24, vol. II, *P14*, p. 53[488]], «разбойни-

ками» (ὁδοστάται) [24, vol. II, *P14*, p. 53[490]], «зверями» (θῆρες) [24, vol. II, *P14*, p. 52[456]], «негодяями» (πονηροί) [24, vol. II, *P14*, p. 52[459]], «роем угнетателей» (ἑσμὸς τῶν κακούντων) [24, vol. II, *P14*, p. 53[476]], «бессердечными» (ἀκάρδιοι) [24, vol. II, *P14*, p. 53[489]] и т. д. По словам поэта, они похитили скот (κἂν βοῦς συληθῇ, κἂν ὀρεὺς, κἂν ἀρνίον, / κἂν ἵππος ἢ σῦς ἐκ νομῆς πολυτρόφου), зерно (добавлено Г. Папазоглу: ἢ σπέρμα λεπτὸν ἀπὸ γῆς πυροτρόφου), виноград (ἢ βότρυς ἢ ῥὰξ ἐκ τοσαύτης ἀμπέλου) [24, vol. II, *P14*, p. 35[26]], что хорошо известно из целого ряда сообщений Пахимера о преступлениях наемников на византийской территории (см., например: [13, vol. IV, p. 643[19–24], 665[5–7], 669[13–18]]) (и подтверждается сведениями Мунтанера: [23, p. 365 = 34, p. 93]). Посредством многочисленных аллюзий на Евангелия и обилия художественных приемов поэт взывает к заступничеству Христа, чтобы тот пришел на помощь к императору, сражался вместе с ним, «обагрил его неприятельской кровью как василевсовой порфирой и притупил ему терновый венец, сокрушив тяжелые стрелы (его) страдания» (τοῖς αἵμασι τῶν ἐναντίων / ὡς βασιλικὴν βάψον αὐτὸν πορφύραν · / ἄμβλυνον αὐτῷ τῶν ἀκανθῶν τῷ στέφει / τὰ πυκνὰ τιτρώσκοντα τῆς λύπης βέλη) [24, vol. II, *P14*, p. 51[425]–54[499]]. Стихотворение написано в период, когда византийцы, потерпев ряд поражений от каталонцев, самым тяжелым из которых стал разгром в битве при Апросе, фактически лишились возможности противостоять «компании» открыто и перешли к оборонительным действиям, пользуясь тем, что наемники испытывали очевидные трудности с захватом хорошо укрепленных городов. Контекст определил и общий тон источника, в котором обращение к Христу звучит как жест последней надежды в условиях, когда у императора не осталось средств для сопротивления противнику.

P18. Также достаточно объемное стихотворение (176 стихов) представляет собой посольское донесение («пресвевтикос») о плавании в Грузию. Опубликовано Э. Миллером по рукописи Codex Parisinus [24, vol. II, *P18*, p. 59–65].

Датировка. Стихотворение достаточно точно датируется зимой 1305/1306 гг., на что указывают два свидетельства: 1) сообщение о факте отправления посольства в Грузию в сочинении Пахимера [13, vol. IV, p. 653[5–6], 681[32]–683[2]] (датируется, исходя из общей хронологии кн. XIII труда историка) и 2) строки самого Фила, согласно которому, послы возвратились в Константинополь «в условиях зимнего течения» (τῇ χειμερινῇ τῆς ῥοῆς περιστάσει) [24, vol. II, *P18*, p. 65[163]]. Датировку см. также: [30, Nr. 2292].

Анализ. Стихотворение полностью посвящено описанию посольства в Грузию («к кельтам», εἰς Κελτούς) (об этом см.: [3, с. 10–12; 22, p. 175]), отправленного Андроником II с целью заключения военного союза и получения военной помощи в виде «кельтских лучников» (Κελτοὺς τοξότας), чтобы с ними «совместно сражаться против Запада» (συμμαχεῖν πρὸς ἑσπέραν). Речь идет о событиях каталонского мятежа, на что прямо указывают следующие строки поэта: «поскольку сицилийская возбудилась спесь вследствие военного союза с *нашими* персами» (курсив наш. – *П. Л.*) (τῆς Σικελικῆς ἐνταθείσης ὀφρύος / ἐκ τῆς καθ᾽ ἡμῶν Περσικῆς ὁμαιχμίας) [24, vol. II, *P18*, p. 59[6–7]]. Сочетание ἐκ τῆς **καθ᾽ ἡμῶν** Περσικῆς ὁμαιχμίας (выделено нами. – *П. Л.*), которое встречается также в *M44* (см. ниже), вероятно, указывает на туркопулов, христианизированных турок, являвшихся частью византийских вооруженных сил в правление первых Палеологов, но дезертировавших в битве при Апросе и затем присоединившихся в каталонцам (о туркопулах: [32, p. 105–131, esp. 122–128]). Следует отметить, что это не первое посольство, в котором участвовал Фил в правление Андроника II, что лишний раз свидетельствует о его близости к императору и императорскому двору. Впрочем, ни посольство византийцев в Грузию, ни ответное посольство в столицу, предпринятое летом 1306 г. под руководством представителя грузинской знати, военачальника Хацикиса (Хачи́ка, Χατζίκης) (см.: [29, № 30721]), о котором мы также знаем из сочинения Пахимера [13, vol. IV, p. 683[2–5]] (оно и предлагает основания для датировки) и еще одного стихотворения Фила (*P199*) [24, vol. II, *P199*, p. 210–211], не принесли результатов [24, vol. II, *P199*, p. 210[13–16]], и помощи со стороны своих несостоявшихся союзников Византия так и не получила.

Содержание *P18* было подробно рассмотрено еще Х.М. Лопарёвым [3, с. 10–12]; впрочем, автор не понял его контекст («против

Византии восстала Сицилия»), хотя и соотнес с известными из нарративного материала событиями. Верно контекстуализировали и датировали стихотворение И. Шевченко и А. Лайу [31, p. 153, note 48; 22, p. 175]. Предлагаемые им сведения имеют к нашей теме косвенное отношение, тем не менее оно позволяет точно датировать упомянутое посольство в Грузию и установить его цель, то есть конкретизировать содержание мероприятия, направленного на борьбу с каталонцами в ходе наиболее сложного для империи этапа конфликта с наемниками.

M44. Достаточно объемное стихотворение (102 стиха), опубликованное сначала Э. Миллером (*P204*) по Парижскому кодексу (первые 15 стихов вместе с леммой) [24, vol. II, *P204*, p. 216–217], а затем полностью и под другим заголовком – Э. Мартини по рукописи Codex Taurinensis [25, *M44*, p. 51–56].

Датировка. Стихотворение практически полностью посвящено осаде Адрианополя каталонцами – событию, которое датируется на основании общей хронологии кн. XIII сочинения Пахимера (а также датирующих указаний, содержащихся в гл. 19) концом весны / началом лета 1306 г. [22, p. 168 and note 36] (или даже точнее – июнем / июлем 1306 г. [13, vol. IV, p. 664, note 53]) [4].

Анализ. Стихотворение посвящено событиям осады Адрианополя каталонским войском и «адресовано» Богородице, спасшей город от захвата противниками. По тону *M44* сильно отличается от *P14*, что вполне объяснимо: начиная с самого начала конфликта византийцам удалось нанести каталонцам первое существенное поражение, и строки Фила полны радости и надежды на скорое изгнание противника за пределы Византии. В тексте упоминаются как каталонцы («сицилийцы»; чтобы подчеркнуть их кровожадность, поэт прибегает к игре слов – τὸ τῆς Σκύλλης (= Σικελίας. – *П. Л.*) γένος [25, *M44*, p. 53[28]], то есть «племя Скиллы», чудовища из древнегреческой мифологии), так и их союзники персы (возможно, туркопулы, см. выше). Фил сообщает о том, что наемники напали на аланов, ранее совершивших клятвопреступление, «убежав от императорского светоча» (τὴν βασιλικὴν ἐκφυγόντες λαμπάδα), то есть изменив василевсу, и направлявшихся «на запад» (εἰς τὴν ἑσπέραν), разбили их и захватили добычу, женщин и детей [25, *M44*, p. 53[24–33]]. На обратном пути (в Галлиполи) они решили осадить «прекрасный город Адриана»: поэт упоминает о неудачной вылазке византийцев [25, *M44*, p. 54[37–38]], поджоге городских стен [25, *M44*, p. 54[39–41]], безуспешной попытке штурма города с помощью передвижных лестниц (κλίμακας ὑποπυργίους). Дым от огня обратился против «кровожадных угольщиков» (τοὺς αἱμοχαρεῖς ἀνθρακεῖς), и в конечном итоге каталонцы, вынужденные сражаться ночью и отгоняемые дымом, сожгли лестницы, и город был спасен, за что Фил благодарит Богородицу-заступницу и просит ее и впредь хранить Адрианополь и прогонять «грозных западных волков» (τῆς ἑσπέρας τοὺς βαρεῖς λύκους) [25, *M44*, p. 54[44–56], 55[78–83, 88–99]]. Анализируя это стихотворение, А. Лайу пришла к выводу о заимствовании поэтом описания осады Адрианополя из сочинения Пахимера [22, p. 353]. Хотя известно, что Фил и Пахимер были хорошо знакомы и даже более того – поэт называл историка своим учителем [29, № 29817], факт заимствования явно следует поставить под вопрос: на момент совершения описанных событий оба автора находились в кругу наиболее приближенных к императору людей, следовательно, могли располагать одной и той же информацией, поступавшей в столицу извне.

P214. Небольшое стихотворение (36 стихов) опубликовано Э. Миллером [24, vol. II, *P214*, p. 226–227]. По Афинскому кодексу Г. Папазоглу восстановил отсутствовавшее в рукописи Codex Parisinus окончание леммы [36, σ. 179], указывающее на то, что стихотворение было написано по заказу супруги Исаакия Рауля (о нем см.: [29, № 24122]).

Датировка. Поскольку какие-либо надежные датирующие признаки в стихотворении отсутствуют, можно лишь предполагать, что оно было написано, вероятнее всего, после ухода каталонцев из Фракии в Македонию (лето 1307 г.). Датировка условна, поскольку в целом *P214* могло быть составлено и после того, как каталонцы окончательно покинули территорию Византии и ушли в Фессалию (весна 1309 г.). Тем не менее одно из указаний поэта в тексте сочинения всё же может свидетельствовать в пользу первой точки зрения, в связи с чем мы хронологически помещаем ее именно сюда.

Анализ. Стихотворение посвящено Господу Христу Всемогущему, благодаря заступничеству которого византийцам удалось преодолеть каталонскую угрозу. Фил пишет о совместном нападении «итальянцев» и «персов», которые «совсем недавно (ἄρτι, что и дает основание для осторожной датировки источника) окружали город (очевидно, Константинополь. – *П. Л.*)» [24, vol. II, *P214*, p. 226[11–14]]. Фраза ἐκ τῆς **παρ᾽ ἡμῖν** Περσικῆς ὁμαιχμίας (выделено нами. – *П. Л.*), почти идентичная сочетаниям, встречающимся в *P18* и *M44*, вновь может указывать на туркопулов. Город был спасен, и «поднявшееся пламя из Этны» погашено вследствие Божественного вмешательства (через посредство императора, прибегнувшего под защиту Христа). Поэт просит Господа и впредь помогать византийцам, оберегать государство для его «авсонархов» (τοῖς Αὐσονάρχαις), то есть императоров, охранять управляемые ими города и уничтожать врагов, «с разинутой пастью» (τοὺς χαίνοντας ἐχθρούς) [24, vol. II, *P214*, p. 226[15]–227[30]].

M20. Совсем небольшое стихотворение (12 стихов), опубликованное Э. Мартини по Туринскому кодексу [25, *M20*, p. 30–31]. Относится к жанру пропемптикона, или «прощальной речи» [18, S. 64, Anm. 140; 309].

Датировка. Стихотворение написано после ухода каталонцев в Македонию (лето 1307 г.), поскольку персонаж, которому оно адресовано, согласно Пахимеру, до этого находился во Фракии (в частности, руководил обороной Адрианополя [13, vol. IV, p. 665[10–14]]) и, очевидно, был назначен принять командование византийским войском в Македонии, когда каталонское войско покинуло Галлиполи и отправилось на запад.

Анализ. Одно из целого ряда стихотворений Фила, адресованных великому стратопедарху Сенахириму Ангелу [29, № 25146] (как минимум 15, из которых только 3 могут подлежать датировке и контекстуализации, см. также: [5, с. 122–124]). Стихотворение посвящено отплытию адресата в Фессалонику (его титул (на основании которого мы можем идентифицировать персонажа) и место назначения мы узнаем только из леммы [25, p. 30, nota ad carm. 20]). Поэт убежден, что «варвары» (судя по контексту, каталонцы и их союзники, но в тексте отсутствуют какие-либо этнонимы) будут желать смерти, поскольку против них отплывает великий стратопедарх [25, *M20*, p. 31[9–10]]. В то же время Фил обещает, что будет следить за успехами адресата и радоваться, получая от него благоприятные известия [25, *M20*, p. 31[11–12]].

P207. Объемное стихотворение (100 стихов) опубликовано Э. Миллером по рукописи Codex Parisinus [24, vol. II, *P207*, p. 218–222]. По Афинскому кодексу Г. Папазоглу восстановил лемму, в которую в том числе добавился отсутствовавший в парижской рукописи номен адресата – Ангел [36, σ. 183]. Относится к жанру стихотворного письма [18, S. 318].

Датировка. *P207* и *P171* связаны содержательно, имея в основе один и тот же сюжет – победы адресата «повсюду на западе» (то есть в Македонии). Таким образом, последовательность написания обоих сочинений могла быть и обратной. Во всяком случае, они были составлены явно не ранее 1308 г., на который приходятся основные боевые действия «компании» в Македонии, или даже позже, после ухода каталонцев с территории Византии.

Анализ. Фил восхищается полководческим искусством великого стратопедарха. В ходе боевых действий «на западе» адресат разгонял «рой варваров» и «сдерживал дерзкий марш итальянцев» (σοβῶν τὸν ἐσμὸν τακτικῶς τῶν βαρβάρων, / καὶ τῶν Ἰταλῶν τὸν θρασὺν εἴργων δρόμον). Ангел «учреждал разрушенные города» (καθιστῶν συγχυθείσας τὰς πόλεις), побеждал врагов «с широко разинутой пастью» (τοὺς περιχαίνοντας ἐχθρούς) (ср. с *P214*) и воздвиг «стену великую у них на пути» (τεῖχος αὐτοῖς ἐμποδὼν στήσας μέγα), чтобы препятствовать нападениям неприятелей на византийцев, а в случае нападения – чтобы они разбили о нее свои головы [24, vol. II, *P207*, p. 219[18–26]]. О постройке длинной стены у Христуполя «от моря до вершины близлежащей горы» (ἀπὸ θαλάσσης μέχρι τῆς τοῦ παρακειμένου ὄρους ἀκρωνυχίας) с целью отрезать путь «компании» обратно во Фракию сообщается сразу в нескольких параллельных источниках [26, p. 246[2–6]; 1, с. 354] (см. также: [33, S. 192, s.v. Akontisma; 351sq., s.v. Christupolis]; что характерно, в числе источников не упомянуто *P207*), но не указывается, кто именно руководил ее воздвижением. Адресат погасил «взбурлившее пламя из Этны», которое

«неудержимо расплылось до нас и сожгло едва ли не всякую область» (μέχρις ἡμῶν εἰσρυεῖσαν ἀσχέτως, / καὶ πάντα μικροῦ πυρπολήσασαν τόπον) [24, vol. II, *P214*, p. 219[33–36]]. Свидетелем подвигов Ангела являются и восток [5], и запад, и всякий враг, «если незаметно убежал» от адресата, и, конечно, сами византийцы, за которых сражался полководец [24, vol. II, *P214*, p. 220[63]–221[66]].

P171. Небольшое стихотворение (17 стихов), опубликованное Э. Миллером по Парижскому кодексу [24, vol. II, *P171*, p. 193–194]. По Афинскому кодексу Г. Папазоглу восстановил окончание леммы, в котором снова сообщается номен адреса – Ангел [36, σ. 180]. Относится к жанру стихотворного письма [18, S. 318].

Датировка. Как и *P207*, это стихотворение следует датировать тем же временем – 1308 г. или, возможно, даже позже, поскольку оба сочинения поэта связаны друг с другом содержательно.

Анализ. Фил сообщает о том, что ранее отправленный «на запад» василевсом адресат (Сенахирим Ангел) избавил византийцев от «варварского холода, излившегося... из туч клятвопреступного и пагубного сицилийского ливня» (οἰχήσεται γὰρ ὁ κρυμὸς τῶν βαρβάρων / ῥυεὶς καθ᾽ ἡμῶν ἐκ νεφῶν ψευδορκίου / καὶ Σικελικῆς δυσμενοῦς ἐπομβρίας) [24, vol. II, *P171*, p. 193[4–6]], намекая на нарушение клятвы верности императору ранее поднявшими мятеж каталонцами. Поэт намерен и в дальнейшем прославлять победы великого стратопедарха, действия которого он сравнивает с работой земледельца (ἀνὴρ γεωργός), только Ангел поражает мечом врагов, а земледелец – серпом «в летнюю пору» молодой урожай [24, vol. II, *P171*, p. 194[15–17]]. Подобная художественная параллель уже встречалась ранее, см. *V30*.

M61. Стихотворение, состоящее из 52 стихов, опубликовано впервые Э. Мартини по Туринскому кодексу [25, *M61*, p. 79–81].

Датировка. Исходя из содержания стихотворения, можно сделать вывод, что оно написано явно после ухода каталонцев из Македонии, то есть *terminus post quem* – весна 1309 года.

Анализ. Стихотворение посвящено монастырю Хортаит близ Фессалоники, какое-то время назад сожженному каталонцами, но в то время, когда Фил писал эти строки, уже вновь заселенному и восстановленному монахами. Поэт упоминает о нападениях каталонцев на Фракию, прибегая к художественному сравнению их с огнем, «разворошенным из сицилийского угля» (τῶν Σικελικῶν ἐκτιναχθὲν ἀνθράκων) и устремившимся во Фракию, «словно на дрова» (ὡς εἰς ὕλην), и о «смертельном удушье», которое они вызывали у многих византийцев (παρεῖχε πολλοῖς τῆς σφαγῆς τὴν ἀγχόνην) [25, *M61*, p. 79[4–12]]. Хортаит «по-иудейски» поджег некий молодой «израильтянин» (Ἰσραηλίτης νέος), поскольку это якобы должно было удержать войско противника от нападения на город. Подойдя к монастырю, неприятели, «чуть не плача», увидели «безобразный пепел и прах», оставшийся от него, а их «сатрап» (σατράπης, здесь – военачальник; возможно, намек на тюрок / туркопулов, но иных доказательств нет) был вынужден «наполнять последними головешками погребальную урну» (τὴν κάλπιν ἐγχεῖν τοῖς δαλοῖς τοῖς ἐσχάτοις) [25, *M61*, p. 79[13]–80[26]]. Факт нападения каталонцев на Хортаит не упомянут ни в одном параллельном источнике; хотя известно, что «компания» в течение 1307–1308 гг. действительно подходила к Фессалонике [20, p. 245[18–20]] (см. также: [23, p. 384 = 34, p. 125; 1, с. 354]), но неясно, был ли город подвергнут осаде, учитывая характер его оборонительных укреплений. Византийцы неоднократно уничтожали собственные поселения, чтобы они не достались каталонцам (см.: [13, vol. IV, p. 643[24–28], 653[3–5], 665[7–9]]). Сожжение монастыря – действительно малоизвестный эпизод истории каталонского мятежа и самого Хортаита, поскольку он ускользнул даже от внимания составителей нового тома TIB, посвященного южной части Македонии [33, S. 345–347, s.v. Chortaïtu].

F44. Объемное произведение (100 стихов), опубликованное Э. Миллером по Флорентийскому кодексу [24, vol. I, *F44*, p. 220–225]. По классификации К. Кубины, относится к жанру эпиватория, или «встречающей речи» [18, S. 61, 300], однако эпиватирием, на наш взгляд, оно не является, о чем мы подробно скажем в *Анализе*.

Датировка. Датировка стихотворения возможна во многом благодаря лемме, которая и предлагает важную датирующую информацию. Поскольку в ней говорится о поражении, нанесенном варварам («персам» в тексте, то есть тюркам) у Эгоспотам и Сики (подробнее

о топонимах ниже), можно с высокой долей уверенности поместить написание сочинения под 1313 г., то есть после разгрома тюркского войска Халила на Галлипольском п-ове.

Анализ. Стихотворение посвящено победе византийцев над тюрками на р. Эгоспотам (ἐν Αἰγὸς Ποταμοῖς, совр. Джумали-Дере (Каракова-Дере) на Галлипольском п-ове [21, S. 241sq., s.v. Aigospotamos]) и «в Сики» (ἐν τῇ Συκῇ, вернее «Сиках» (Συκαί), то есть Пере, генуэзском предместье Константинополя [21, S. 664sq., s.v. Sykai]), на что указывает лемма [6]. Боевые действия велись во Фракии, о чем прямо сообщается в тексте: «и теперь снопы из трупов имеет Фракия, / наполненная (ими) от твоей (то есть императора. – *П. Л.*) успешной пахоты» (καὶ νῦν ἔχει δράγματα νεκρῶν ἡ Θρᾴκη / πλησθεῖσα τῆς σῆς εὐτυχοῦς γεωργίας) [24, vol. I, *F44*, p. 221[23–24]]. Разорвав варварскую тучу «на кровавые дожди», василевс собрал урожай, отсеяв «рассеченные серпом могущества» «неприятные» колосья [24, vol. I, *F44*, p. 221[17–22]] (обратим внимание, что Фил снова (ср. *V30*, *P171*) сравнивает убийство противников на поле боя с уборочными работами; далее он делает это еще раз: «виноград Агари не был собран мечом» василевса (τῆς Ἄγαρ τὴν ἄμπελον / τῇ σῇ, βασιλεῦ, μὴ τρυγηθῆναι σπάθῃ), но «пропитанные кровью» ягоды были им раздавлены [24, vol. I, *F44*, p. 221[25]–222[31]]). Были захвачены «непреклонные сатрапы» персов, «печально слизывающие пыль с ног» императора (λείχοντας οἰκτρῶς τῶν ποδῶν σου τὴν κόνιν) [24, vol. I, *F44*, p. 224[77–78]]. Как, на наш взгляд, верно определил Н. Икономидис, события, описанные в стихотворении, имеют отношение к конфликту византийцев с тюрками Халила, бывшими союзниками каталонцев во время мятежа [7]. Пути «компании» и тюрок (и туркопулов) разошлись, по версии Григоры, после того как каталонцы приняли решение уйти из империи в Фессалию, то есть весной 1309 г. [26, p. 248[5]–249[2]], по версии Мунтанера – только после битвы с войском герцога Афинского Готье V де Бриенна (15 марта 1311 г.) [23, p. 399 = 34, p. 130] (что, по-видимому, вернее, поскольку из сочинения Григоры известно, что тюрки разоряли Фракию в течение «без малого» двух лет [26, p. 262[20–24]]). *Terminus ante quem* для стихотворения установлен достаточно жестко, поскольку его предлагает юридический источник – хрисовул Андроника II в пользу афонского монастыря Хиландар от октября 1313 г., в котором также упоминаются эти события [7, [Acte] 29, p. 203–208]. Окончательное поражение тюркам византийцы нанесли только при поддержке сербов и генуэзцев, о чем сообщают сразу несколько источников [26, p. 263[10]–269[22]; 23, p. 399 = 34, p. 130–131; 7, [Acte] 29, p. 206[33]–207[109]; 1, с. 354–355] [8]. Пленных тюрок генуэзцы отвезли в Перу, и часть из них передали в руки василевса, с чем и связано упоминание в лемме второго топонима (Н. Икономидис предположил, что пленные тюрки были вырезаны в Пере [27, p. 165], что объясняет использование Филом гл. аор. мед. мн. ч. ἀπώλοντο (букв. «уничтожились») в отношении обоих топонимов).

К. Кубина определила жанр стихотворения как эпиватирий, указав на то, что после победы над тюрками император вернулся в город в триумфальном шествии [18, S. 236], однако источник, насколько он может быть понят нами, не содержит подобной информации. В тексте говорится лишь о том, что «вчера» (χθές) император (очевидно, Андроник II) прошел пешком из дворца (ἐξ ἀνακτόρων), предположительно, к монастырю Одигон (локализация: [13, vol. III, p. 256, note 88]) (напротив, К. Кубина посчитала, что это была церковь Богородицы во Влахернском дворце и, таким образом, василевс начал путь от Большого дворца [18, S. 257], хотя, скорее всего, речь идет как раз о Влахернском дворце), где воздал почести Богородице и помолился ей о будущих победах над варварами [24, vol. I, *F44*, p. 224[79–85]]. Как известно, Андроник II и ранее совершал подобные пешие ходы (ἐξ ἀνακτόρων πεζῇ, к примеру: [13, vol. III, p. 255[28]–257[5]]). Кроме того, интерпретация стихотворения, предложенная австрийской исследовательницей, лишена какого-либо событийно-хронологического контекста (о чем она прямо и сообщает: [18, S. 256sq.]), хотя еще в конце прошлого века он был установлен Н. Икономидисом и обоснован с учетом данных всех имеющихся в распоряжении исследователя источников. Таким образом, эпиватирием *F44*, несомненно, не является.

Заключение. Поэтическое наследие Мануила Фила насчитывает порядка 25 тыс.

стихов [18, S. 8]. Стихотворений, так или иначе тематически связанных с событиями каталонского присутствия в империи, фактически немного, но при этом совокупно они составляют значительную долю в общем объеме творчества поэта (1196 стихов). Не исключено, что к 10 рассмотренным нами сочинениям следовало бы добавить множество других поэтических произведений Фила, но мы не имеем на это права, учитывая характер содержащейся в них информации. Явное преобладание формы над содержанием, свойственное византийской литературе в целом, крайне затрудняет процесс понимания стихотворений поэта и идентификации упоминаемых в них событий. Тем не менее, несмотря на то что поэзия Фила явно не изобилует конкретно-исторической информацией, из нее мы всё же можем получить репрезентативные данные и использовать их для датировки и уточнения или подтверждения сведений других источников. Полагаем, вполне обоснованно разделение всех стихотворений Фила, содержательно связанных с византийско-каталонским конфликтом, на две группы, исходя из времени их написания и значимости для исследователя:

1. Стихотворения, написанные в период от убийства Рожера де Флора (30 апреля 1305 г.) до ухода каталонцев в Македонию (лето 1307 г.). К этой группе относятся 4 стихотворения (*V30*, *P14*, *P18*, *M44*). Предлагаемые ими данные или несущественны, или фактически дублируют сведения других источников, прежде всего сочинения Пахимера. Особняком в этой группе стоит *P18*, поскольку о византийском посольстве в Грузию, если исключить указанное стихотворение, нам известно лишь то, что оно существовало и завершилось безрезультатно. Впрочем, информацию, содержащуюся в *P18*, также едва ли можно назвать значимой в рамках исследования проблематики каталонского мятежа.

2. Стихотворения, написанные после ухода каталонцев в Македонию (лето 1307 г.). К этой группе относятся оставшиеся 6 стихотворений (*P214*, *M20*, *P207*, *P171*, *M61*, *F44*). Сочинение Пахимера завершилось вскоре после того, как наемники оставили территорию Фракии и ушли на запад, а изложение труда Мунтанера стало очень беглым и лишенным конкретики, поскольку летом 1307 г. хронист покинул ряды «компании» и вернулся на Сицилию. Таким образом, стихотворения Фила в условиях практического отсутствия нарративного материала, который выступал бы в роли центрального источника информации по событиям 1307–1309 гг. (с большой натяжкой к таковому можно отнести труд более позднего историка Григоры, но лишь потому, что он в той или иной степени хронологически последователен), становятся не дополнительным, а просто одним из нескольких современных источников разных видов (нарративных, юридических, делопроизводственных, риторических, агиографических и пр.). Именно благодаря Филу мы можем восстановить *cursus honorum* великого стратопедарха Сенахирима Ангела, под руководством которого византийцам удалось завершить изгнание противника за пределы империи, и уточнить некоторые детали каталонского присутствия в Македонии (строительство стены у Христуполя, сожжение монастыря Хортаит и др.). Особняком в этой группе стоит *F44*, так как оно написано уже после завершения византийско-каталонского конфликта, связано с ним лишь косвенно и в целом не предлагает нашему вниманию какие-то действительно значимые сведения, неизвестные из параллельных источников.

Еще раз подчеркнем, что мы имеем дело с одним из современников – свидетелем и даже непосредственным участником – рассматриваемых событий (их круг следует признать весьма ограниченным), оставившим после себя пригодный для исследования источниковый материал, в котором он отразил в том числе свое восприятие конфликта империи с опасным и опытным в военном деле противником. Как и прочие представители византийской интеллектуальной элиты, чьи сочинения дошли до нас и могут быть использованы для реконструкции событий каталонского мятежа, в своих стихотворениях Фил создал крайне негативный, преувеличенно уродливый образ врага, зачастую отказывая ему в наличии человеческих качеств. Поэт умело использовал имевшиеся в его арсенале художественные приемы с целью выразить свое отношение к каталонцам и их союзникам, на протяжении нескольких лет разорявших территорию Византии. Следует думать, что Фил, будучи приближен к императору, не столько озвучивал

свою личную позицию, сколько выражал общее мнение и настроение внутри византийской элиты относительно каталонского присутствия в империи (что подтверждается сохранившимися сочинениями других интеллектуалов начала XIV в., к примеру, патриарха Афанасия I или Фомы Магистра). Тем не менее этот факт нисколько не умаляет значение литературного наследия поэта в рамках исследования нашего вопроса, поскольку его сочинения вкупе со свидетельствами, содержащимися в других источниках, позволяют сформировать более целостное представление о состоянии византийского государства в условиях затяжного и имевшего далеко идущие политические, экономические и социальные последствия для империи конфликта с каталонскими наемниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья была представлена в виде доклада на XVII Международном Византийском семинаре «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (г. Судак, 28 мая – 1 июня 2025 г.).

[2] «Этот источник (стихотворения Мануила Фила. – *П. Л.*) был оставлен без внимания историками Каталонской компании» (this source has been neglected by the historians of the Catalan Company) [31, p. 153, note 49].

[3] У Мунтанера вождь аланов назван Жиргоном (Girgon) [23, P. 353 = 34, p. 73–74].

[4] Неудачная для каталонцев осада Адрианополя Мунтанером не упоминается.

[5] М. С. Меньшикова перевела употребленный здесь Филом хороним (?) ἀνατολή как «Анатолия» [5, с. 124], то есть Малая Азия, что вполне логично, поскольку именно так византийские авторы обозначали территории империи, расположенные за Босфором. Тем не менее у нас отсутствует информация о том, что Ангел принимал участие в военных действиях на востоке империи, хотя, безусловно, эту возможность нельзя исключать: учитывая общий характер источников, хорошо известный *cursus honorum* Ангела ограничивается периодом с 1305 по 1311 г., см.: [29, № 25146].

[6] Указание на последний топоним со свойственной Филу игрой слов, возможно, имеется в самом тексте, где Сики используется в своем прямом значении – «фиговое дерево» (надежд) (τὴν συκῆν τῶν ἐλπίδων), которое император предоставил потомкам [24, vol. I, *F44*, p. $222^{32–33}$]. Впрочем, без леммы это упоминание явно осталось бы незамеченным.

[7] Халил ([29, № 30401]: ошибочно назван вождем туркопулов) не упомянут у Пахимера, что затрудняет идентификацию тюрок под его руководством (следовательно, и определение времени, с которого начался их союз каталонцами). Возможно, речь идет о тюркском контингенте численностью ок. 2 тыс. чел., прибывшем в империю летом / осенью 1305 г. по соглашению «компании» с Мехмедом Айдыноглу (οἱ περὶ Ἀτίνην Πέρσαι) [13, vol. IV, p. $643^{16–18}$].

[8] Интересно, что, согласно Григоре, византийское войско возглавлял некий Фил Палеолог, или Иоанн Фил Палеолог, в начале 1310-х гг. носивший титул великого приммикирия, а затем протостратора: [29, № 29815]. Впрочем, характер его родственных связей с поэтом не выяснен. В посвященном «протостратору Филу» *P5* Мануил Фил упоминает об убийстве «варваров» и называет адресата «спасителем фракийского рода» (τοῦ Θρᾳκῶν σῶτερ γένους) [24, vol. II, *P5*, p. $12^{5–6}$, 13^{11}], что в целом может быть отсылкой к его участию в битве с тюрками Халила.

REFERENCES

1. Daničić Đ., ed. *Arhiepiskop Danilo i drugi. Zivoti kraljeva i arhiepiskopa srpskih* [Archbishop Daniel and Others. The Lives of the Serbian Kings and Archbishops]. Zagreb, S. Galc, 1866. XV, 386 p.

2. Zolotovskiy V.A. Vooruzhennye sily Vizantii v nachale XIV v. (printsipy komplektovaniya i boevoe primenenie na primere bitvy pri Aprose) [Armed Forces of Byzantium in the Beginning of 14th Century (Principles to Complete Army and Fighting Employment on the Basis of an Example – The Battle at Apros]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 324-341.

3. Loparev Kh. *Vizantiyskiy poet Manuil Fil k istorii Bolgarii v XIII–XIV v*. [Byzantine Poet Manuel Philes on the History of Bulgaria in the 13th – 14th Centuries]. Saint Petersburg, Tip. IAN, 1891. 54 p.

4. Lysikov P.I. Tserkov i vnutrenniye konflikty v Vizantii: katalonskoye prisutstviye v imperii v nachale XIV v. v pismakh patriarkha Afanasiya I [The Church and Internal Conflicts in Byzantium: The Catalans' Presence in the Empire in the Early 14th Century According to the Correspondence of Athanasios I, Patriarch of Constantinople]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 284-302. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.21

5. Menshikova M.S. Manuil Fil i Andronik II: pridvornyy poet v gore i radosti [Manuel Philes and

Andronicus II: A Byzantine Poet in Foul and Fair]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 2016, vol. 100, pp. 106-128.

6. Petrov P.H. Balgaro-vizantiyskite otnosheniya prez vtorata polovina na XIII v., otrazeni v poemata na Manuil Fil "Za voennite podvizi na izvestniya chutoven protostrator" [Bulgarian-Byzantine Relations in the Second Half of the 13th C. Reflected in the Poem of Manuel Philes "On the Military Deeds of the Famous Glorious Protostrator]. *Izvestiya na Instituta po balgarska istoriya*, 1956, vol. 6, pp. 545-576.

7. Živojinović M., Kravari V., Giros C., eds. *Actes de Chilandar. Vol. I. Des origines à 1319*. Paris, P. Lethielleux, 1998. xx, 363 p.

8. Alexander P.J. Manuel Philes' Poem on the Protostrator Michael Glabas (App.). Alexander P.J. A Chrysobull of the Emperor Andronicus II Palaeologus in Favor of the See of Kanina in Albania. *Byzantion*, 1940/1941, vol. 15, pp. 204-207.

9. Bazzani M. Livelli di stile e significato nella poesia di Manuele File. Rigo A., Babuin A., Trizio M., eds. *Vie per Bisanzio. VII Congresso Nazionale dell'Associazione Italiana di Studi Bizantini. Venezia, 25–28 novembre 2009. T. 1*. Bari, Pagina soc. coop., 2013, pp. 145-155.

10. Bazzani M. The Art of Requesting in the Poetry of Manuel Philes. Rhoby A., Zagklas N., eds. *Middle and Late Byzantine Poetry: Texts and Contexts*. Turnhout, Brepols Publ., 2018, pp. 183-207.

11. Beyer H.-V. Über die wahrscheinliche Identität des Autors der „Version breve des Relations historiques de Georges Pachymeres" mit Manuel Philes. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2006, vol. 37, pp. 269-306.

12. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymérès (livres VII–XIII). *Revue des études byzantines*, 1990, t. 48, pp. 5-87.

13. Failler A., ed. *Georges Pachymérès. Relations historiques. T. III. Liv. VII–IX*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. XXIV, 305 p.; *T. IV. Liv. X–XIII*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306-727.

14. Jireček C. Die bulgarischen Burgen bei Manuel Philes (Anh.). Jireček C. Die christliche Element in der topographischen Nomenclatur der Balkanländer. *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*, 1897, Bd. 136, S. 77-85.

15. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). 2. Aufl*. München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchh. (O. Beck), 1897. XX, 1193 S.

16. Kubina K. Manuel Philes and the Asan Family. Two Unedited Poems and Their Context in Philes' Œuvre (Including Editio Princeps). *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 2013, Bd. 63, S. 177-198.

17. Kubina K. Manuel Philes – A Begging Poet? Requests, Letters and Problems of Genre Definition. Rhoby A., Zagklas N., eds. *Middle and Late Byzantine Poetry: Texts and Contexts*. Turnhout, Brepols Publ., 2018, pp. 147-181.

18. Kubina K. *Die enkomiastische Dichtung des Manuel Philes: Form und Funktion des literarischen Lobes in der frühen Palaiologenzeit*. Berlin; Boston, De Gruyter, 2020. XII, 389 S.

19. Kubina K. Eight Unedited Poems to His Friends and Patrons by Manuel Philes. *Byzantinische Zeitschrift*, 2020, Bd. 113, H. 3, S. 879-904.

20. Kubina K. Functions of Letters in Verse and Prose. A Comparison of Manuel Philes and Theodore Hyrtakenos. Kubina K., Riehle A., eds. *Epistolary Poetry in Byzantium and Beyond. An Anthology with Critical Essays*. New York; London, Routledge, 2021, pp. 78-90.

21. Külzer A. *Ostthrakien (Eurōpē)*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2008. 782, 2 S., 73 Taf. (Tabula Imperii Byzantini; Bd. 12).

22. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1972. xii, 390 p.

23. Soldevila F., Bruguera J., Teresa Ferrer i Mallol M., eds. *Les quatre grans Cròniques*. III. *Crònica de Ramon Muntaner*. Barcelona, S.A. de Litogr., 2011. 507 p.

24. Miller E., ed. *Manuelis Philae carmina ex codicibus escurialensibus, florentinis, parisinis et vaticanis. Vol. I*. Parisius, Typ. imperialis, 1855. 460 p.; *Vol. II*. Parisius, Typ. imperialis, 1857. XX, 496 p.

25. Martini Ae., ed. *Manuelis Philae carmina inedita ex cod. C VII 7 Bibliothecae nationalis taurinensis et cod. 160 Bibliothecae publicae cremonensis*. Neapolis, Typi academici, 1900. XV, 240 p.

26. Schopen L., ed. *Nicephori Gregorae Byzantina historia. Vol. I*. Bonna, Weber, 1829. C, 568 p.

27. Oikonomides N. The Turks in Europe (1305–13) and the Serbs in Asia Minor (1313). Zachariadou E., ed. *The Ottoman Emirate (1300–1389). Halcyon Days in Crete I: A Symposium Held in Rethymnon 11–13 January 1991*. Rethymnon, Crete Univ. Press, 1993, pp. 159-168.

28. Pleshak D. Narrating Loyalty in George of Pisidia and Manuel Philes. Kubina K., ed. *Poetry in Late Byzantium*. Leiden; Boston, Brill, 2024, pp. 147-167.

29. Trapp E. et al., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit: CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.

30. Dölger F., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des Östromischen Reiches von 565–1453. Bd. 4. Regesten von 1282–1341*. München; Berlin, Verl. C.H. Beck, 1960. xxx, 165 p.

31. Ševčenko I. The Imprisonment of Manuel Moschopoulos in 1305. *Speculum*, 1952, vol. 27, no. 2, pp. 133-157.

32. Shukurov R. *The Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden; Boston, Brill, 2016. XIV, 513 p.

33. Soustal P., Pulz A., Popović M.St. *Makedonien, südlicher Teil. Bd. 1–2*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2022. 1287 S., XCIX Taf., 3 K. (Tabula Imperii Byzantini; Bd. 11).

34. Hughes R.D., Hillgarth J.N., eds. *The Catalan Expedition to the East: From the Chronicle of Ramon Muntaner*. Barcelona, Barcino; Woodbridge, Tamesis Books, 2006. 163 p.

35. Tinnefeld F. Pachymeres und Philes als Zeugen für ein frühes Unternehmen gegen die Osmanen. *Byzantinische Zeitschrift*, 1971, Bd. 64, H. 1, S. 46-54.

36. Papazoglou G.K. O kōdikas Metochiou 351 kai ta poiēmata tou Manouēl Philē [The Codex of Metochiou 351 and Manuel Philes' Poems]. *Klēronomia* [Heritage], 1985, vol. 17, no. 2, pp. 176-186.

37. Theodoulou rētoros tou Magistrou Presbeutikos pros ton basilea Andronikon ton Palaiologon [Presbeutikos to the Emperor Andronikos Palaiologos by the Rhetor Theodoulos Magistros]. Boissonade J.F., ed. *Anecdota graeca e codicibus regiis. Vol. 2*. Hildesheim, Georg Olms Verlagsbuchh., 1962, pp. 188-211.

Information About the Author

Pavel I. Lysikov, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lysikov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7484-798X

Информация об авторе

Павел Иванович Лысиков, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lysikov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-7484-798X

www.volsu.ru

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО И ОБЩЕСТВО

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.17

UDC 94(100)
LBC 63.3(0)4-99

Submitted: 05.05.2025
Accepted: 07.11.2025

"NOMOI" OF PROCOPIUS

Vadim V. Serov

Altai State University, Barnaul, Russian Federation;
Barnaul Orthodox College, Barnaul, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* There are some unexplored themes in the historiography of Procopius' heritage. One of them is related to his notion of a "law." The history of the studies of that could be named "Procopius' jurisprudence" knows until now just two themes: first, the legal education level of Procopius, and second, the depth of his acquaintance with Justinianic laws. *Methods and materials.* The problem is that Procopius used the word "law(s)" in different plots in different ways. This article attempts to identify and classify all instances of the term "nTmoj" used by the Early Byzantine historian. *Analysis and results.* The conducted study revealed the following main varieties in Procopius' understanding of the "law": a) law as an abstraction involved in the world order; b) laws as a set of norms and regulations necessary for the society; c) law as a means of punishment for certain violations and crimes against authority; and finally, d) law as an ingrained custom. In addition to that, Procopius demonstrated by his use of the word the presence in sixth-century Byzantium of two linguistic spaces where the term "law" was not understood in the same way: firstly, the professional legal field, and, secondly, the space of the residential, not special verbal turnover.

Key words: Procopius' heritage, concept of a "law", legislation, law enforcement, jurisprudence.

Citation. Serov V.V. "Nomoi" of Procopius. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 236-243. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.17

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4-99

Дата поступления статьи: 05.05.2025
Дата принятия статьи: 07.11.2025

«ЗАКОН» У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Вадим Валентинович Серов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация;
Барнаульская православная духовная семинария, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В историографии так называемой «прокопианы» еще встречаются темы, требующие новых исследовательских усилий. Одной из таких тем, некогда затронутых, но оставшихся не вполне разработанными, является представление Прокопия Кесарийского о законах. *Цель и методы.* В трудах Прокопия слово «закон» в его классической форме встречается неравномерно и в различном смысловом контексте. В настоящей статье предпринята попытка выявить все случаи употребления ранневизантийским историком термина νόμος и классифицировать их в соответствии с тем смыслом, который он всякий раз в него вкладывал. *Анализ и результаты.* Исследование обнаружило следующие основные разновидности понимания Прокопием «закона»: закон как абстракция, участвующая в поддержании миропорядка; законы как совокупность норм и требований, необходимых человеческому обществу; закон как средство наказания за конкретные правонарушения и преступления перед властью; закон как обычай. Кроме того, использованием слова «закон» Прокопий продемонстрировал наличие в Византии VI в.

© Серов В.В., 2025

двух пространств, в которых данный термин понимался по-разному – профессионального юридического и общеупотребительного, «рыночного».

Ключевые слова: труды Прокопия Кесарийского, понятие «закон», законодательство, правоприменение, юриспруденция.

Цитирование. Серов В. В. «Закон» у Прокопия Кесарийского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 236–243. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.17

Введение. Одним из первых обратившихся к теме «законов» у Прокопия Кесарийского был, по-видимому, Б.А. Панченко [7, с. 360–368]. В источниковедении второй половины XIX в. обсуждалась проблема авторства «Тайной истории», и использование в ней термина «закон» выступило дополнительным обоснованием идентификации рассматривавшегося исторического источника. Несмотря на то что Б.А. Панченко лишь прикоснулся к тематике законов у Прокопия, ему удалось обозначить целый спектр включенных в нее вопросов и тем самым начертить вектор будущих исследований. Однако в рамках постепенно сложившегося в историографии направления, которое можно было бы назвать «правоведением Прокопия», до сих пор рассматривались лишь две темы: во-первых, юридическое образование этого историка и, во-вторых, степень его знакомства с юстиниановым законодательством.

Вопрос о том, был ли Прокопий Кесарийский профессиональным юристом, в современной византинистике решается в основном положительно, хотя абсолютно твердых оснований к данному выводу не подведено [1], и он, таким образом, еще может быть уточнен или даже пересмотрен.

Тема использования Прокопием некоторых настоящих постановлений императора Юстиниана для иллюстрации своих замечаний и обоснования выводов относительно разных направлений имперской политики во многом исчерпана ввиду ограниченности материала для углубленного предметного исследования [7, с. 309–310; 13; 14].

Таким образом, более чем столетнее изучение «правоведения Прокопия» дало в целом позитивные, но весьма скромные результаты, которые позволяют констатировать, во-первых, очевидный факт знакомства Прокопия Кесарийского с конкретными императорскими постановлениями, и, во-вторых, наличие ряда не до конца решенных или совершенно не изученных вопросов, требующих, тем не менее, рассмотрения для более полного понимания этой сферы деятельности ранневизантийского историка.

К числу неизученных можно отнести вопрос о том, что Прокопий понимал под «законом», и какие термины использовал для его обозначения.

Цель и методы. Определение понятию «закон» (lex, νόμος [15, p. 69]) в юстиниановскую эпоху дано в Дигестах [2] и Институциях Юстиниана [3]. В его основу было положено древнее римское представление о суверенитете народа и соответствующих полномочиях власти, которой этот народ повиновался сознательно и добровольно [3, с. 82–83, 88]. С данной точки зрения законом можно называть всякую юридическую норму, не вызывавшую отторжения у большинства населения, которое, впрочем, и в случае неприятия того или иного «закона» продолжало именовать всякое предписание этим же словом, тогда как специалисты-правоведы дифференцировали законы в зависимости от их происхождения, суровости и сферы применения [1, с. 178–203]. Все разновидности того, что называлось «законами», маркировались добавлением имен, определений и обстоятельств, известных и понятных юристам и, очевидно, малосущественных для обыденного восприятия. Вероятно, единственным основанием как-то различать градации правовых норм и вытекавших из них санкций для жителя империи, не обремененного высшим профессиональным образованием, выступал субъект законоприменения, олицетворявшийся фигурами или институтами власти. В тех же упомянутых юридических источниках, обслуживавших в общем потребности повседневной судебной практики, представлена упрощенная дифференциация правовых норм, посредством

которой происходила первичная сортировка процессуальных материалов и обвиняемых в судах. Так, в Институциях, помимо самого общего деления права на писаное и неписаное, выделены «законы, плебисциты, сенатусконсульты, императорские указы, эдикты магистратов, ответы юристов» (Inst. Just., 1.2.3), а также прочно устоявшиеся обычаи (Inst. Just., 1.2.9). Знакомые и понятные всякому грамотному обывателю перечисленные специальные термины в повседневном обиходе вне сферы профессионального юридического словоупотребления заменялись словами lex и νόμος как более привычными и удобными. Прокопий, писавший для такого рода публики, должен был иметь представление об особенностях бытования юридической лексики в широкой читательской массе, составлявших норму, которую не могли не учитывать также и юристы, и судьи среднего и низового уровней, работавшие с людьми. В этой связи интерес представляет не столько глубина проникновения Прокопия в сознание ординарного потребителя, ибо это видно невооруженным глазом, сколько его знакомство с профессиональным правоведческим пониманием «закона» и его типологических разновидностей, а также, соответственно, то, насколько сведущим в правоведении можно считать самого историка. Отсюда целью настоящего исследования является характеристика манеры употребления автором «Тайной истории», «Войн» и «Построек» Юстиниана терминов, отвечавших понятию «закона», принятому в юридических источниках юстиниановской эпохи.

Анализ. «Закон» в самом общем смысле (как совокупность правовых норм, законодательство, а также право как таковое) встречается в трудах Прокопия чаще всего и обозначается словами νόμος и, реже, νόμιμα. Отношение ритора-историка к законам любого государственного устройства вполне традиционно, так как демонстрирует некоторые положения, свойственные еще древнегреческой философии, усвоенные впоследствии римскими правоведческими школами. Главное из этих положений называет законы опорой общественного порядка и средством исправления человеческой природы [4, с. 188–205]. Прокопий в соответствии с римской традицией конкретизирует данное, прежде весьма абстрактное, понимание законов, на примерах показывая, что закон может и должен обеспечивать правильное течение всех сфер жизни граждан, их политическую и экономическую безопасность внутри государства [4]. Обычно в таких случаях он помещает понятие «закона» вообще или всей совокупности «законов» между другими столь же общественно значимыми продуктами политического разума – верой в божество, частной собственностью и системой обязательств [5]. «Закон», таким образом, приобретает свойства абстрактного целого, состоящего из вполне конкретных частностей.

Примечательной особенностью употребления абстрактного понятия закона является наличие нескольких форм словесного его обозначения. У Прокопия это «закон» (напр.: H.a., 11.1; 13.23; 16.22; 27.2; B.V. II.15.24; B.G. IV.30.6), «законы» (напр.: H.a., 29.15; B.V. II.19.3; B.G. II.7.8; IV.30.5), а также не очень четко контекстуально идентифицируемый термин νόμιμα, который в его трудах то выступает в качестве синонима слова νόμοι [6], то обозначает законы высшего порядка, обретенные человечеством еще в догосударственный период его развития [7], а также некий правопорядок (например: H.a., 30.28; B.P. II.23.12; B.V. II.5.24; B.G. III.8.17; 40.9), то есть и сферу практического правоприменения, и право как таковое, включающее в себя и законы, и обычаи, и этические нормы. В целом термин νόμιμα Прокопием толкуется даже более широко, чем абстрактный закон, хотя иногда в контексте совпадает с ним по значению, а иногда может суживаться до размеров одной из сфер права. Его использование параллельно с другими обозначениями общего порядка объясняется, на наш взгляд, отсутствием у Кесарийца прочных знаний, дававшихся в системе высшего юридического образования, которое уравнивало латинский термин ius и греческий δίκαιον [15, p. 37]. Возможно также, Прокопий жертвовал правилами использования терминологии в угоду своему стремлению придерживаться древнегреческой традиции, не знавшей римского права со всеми его точными терминами или же не считавшей нужным учитывать его существование [8]. Жанровая принадлежность произведений Прокопия и избранный

им стиль [11] вполне могли побудить его отказаться от строгого соответствия понятиям позднеримской юридической науки, или, во всяком случае, не придерживаться их принципиально.

Подобный подход отмечается при описании разных субъектов законодательной и законоприменительной практики. Так, например, Прокопий нередко использовал слова νόμος и νόμοι применительно к правовым нормам варваров, которые с точки зрения классической теории права греков и римлян не были способны выработать законы уровня leges и νόμοι: персы (B.P. I.4.33; 5.1; 5.8; 6.13; 11.3; 11.35; 18.52–53; 23.4; B.P. II.28.26), вандалы (B.V. I.9.10, 21; II.9.21), маврусии (B.V. I.25.4–5; II.11.18), остготы (B.G. I.1.27; 2.17), лангобарды (B.G. III.35.13), герулы (B.G. II.14.2, 7), бриттии (B.G. IV.20.20). Стоит, правда, оговориться, что в абсолютном большинстве фрагментов с описанием варварских законов Прокопий использует узкое понятие термина «закон», обозначающее конкретную норму для определенной ситуации. Таковой может быть переведен как «обычай», а не «закон», особенно если речь идет о народах, пользовавшихся неписаным правом [9]. Однако согласно классификации, разработанной юстинианновской юриспруденцией и известной, вероятно, Прокопию, такого рода обычаи составляли право наряду с «настоящими» законами и приравнивались к последним, хотя и обозначались другим термином – mores (Inst. Just., 1.2.9), соответствовавшим греческим τρόπος и ἦθος. Прокопий, если бы он следовал классической трактовке понятия варварских законов, пользовался бы любым из греческих обозначений «обычая», а не термином «закон», но он предпочитал этот последний, хотя не отказывался и от первых [10]. В этом он, впрочем, вполне соответствовал правоведческой традиции юстинианновского времени, которая признавала за любым народом право формулировать свои собственные законы (Inst. Just., 1.2.1). Соответственно, по Прокопию, законы имелись у всех народов и, даже заметно отличаясь своеобразием, выполняли те же функции, что и римские законы у римлян [11], являясь гарантией порядка и процветания, что делает «законы» признаком любого человеческого сообщества вне зависимости от уровня его экономического и политического развития. При этом историк несколько отличает законоподобные установления разных не-римлян (иногда откровенно называемых им «варварами»[12]) от законов, свойственных всем людям вообще [13]; эти природные права человека, по-видимому, ассоциировались у Прокопия с абстрактной справедливостью, являвшейся величайшей ценностью повсюду [14].

Одно из конкретных проявлений идеи «закона» в общественной жизни для нашего автора – обеспечение справедливых судебных решений (H.a., 8.11; 13.21; 27.33; De aed., 1.1.10); для этого законы должны быть правильными, то есть полезными большинству граждан (H.a., 11.1; 13.20; De aed. 1.1.10). В этом своем качестве римские законы постклассического и юстинианновского периодов развития римского права обретали изначальный юридический смысл и предназначение – быть выражением воли народа, сформулированной должностным лицом (Inst. Just., 1.2.4). Властные полномочия, которые при этом доставались обладателям высших магистратур, должны были, по убеждению Прокопия, уравновешиваться их честностью и профессиональными способностями (H.a., 20.15, 17, 20; B.G. II.6.17). Следуя данной логике, можно было надеяться на то, что все ранневизантийские администраторы уровней от правителя провинции вплоть до самого василевса имели законченное юридическое образование. Прокопий не развивает эту тему в своих произведениях, хотя и порицает тех архонтов, которые не вникли в смысл понятий права и закона [15].

Сюжетов, где рассматривается действие конкретных законов или узаконенных обычаев, тоже немало. Прокопий упоминает о юридических нормах, с которыми так или иначе работали следующие администраторы: эпарх (префект) Константинополя (H.a., 9.3), квезитор (H.a., 20.11), квестор (B.P. I.24.16), руководители всех финансовых ведомств (H.a., 19.8), стратиг (магистр войск) (B.V. I.12.10), сам василевс (например: H.a., 9.51; 11.24; 21.16; 27.26; 28.7; 29.19; B.P. I.11.11). При этом законодателем выступает исключительно император (например: H.a., 11.34; 13.20; 14.9–10, 20; 25.16–17, 21; 28.9), а все прочие

занимаются трактовкой и применением существующих установлений в соответствии с установками юстинианового права, действуя как назначенные им судьи. Даже сенат, который когда-то давно тоже располагал функцией законодательной инициативы и правом выносить решение по важнейшим вопросам в сфере публичного права [16], в VI в. трансформировался в тень былого могущества, переданного автократору и его бюрократии.

Автору «Тайной истории», однако, известны такие разновидности «закона», как сенатусконсульт (δόγμα) и императорские указы (γράμματα) (H.a., 6.12; 8.29). В подобном качестве они были перечислены и в Институциях Юстиниана (Inst. Just., 1.2.3). При этом присутствующие в данном официальном перечне эдикты магистратов в трудах Прокопия не упоминаются вовсе, что может быть объяснено и его знанием истории права, в ходе которой единственным источником законов оказался император, что отчетливо просматривается в «сенаторской» сюжетной линии. Имперским магистратам («архонтам») оставалось действовать в сжатых рамках – «согласно закону» (νόμωι) или «совсем не по закону» (οὐδενὶ νόμωι), – в соответствии с политической конъюнктурой текущего момента и внутренними моральными ориентирами.

Перечисленные случаи употребления слова «закон» в произведениях Прокопия Кесарийского составляют основу его понимания того, что выражалось термином νόμος, однако не исчерпывают всех его оттенков. Выше уже говорилось о замене «номосом» слов, обозначавших некоторые общественно признанные явления, которые не рассматривались юстиниановской юриспруденцией в качестве синонимов термина lex, хотя и составляли вместе с последним «общенародное» право (Inst. Just., 1.2.1, 9). У Кесарийца немного примеров такого рода, но они имеют немаловажное значение в реконструкции его картины мира законов.

Эти явления возникали в однородной социальной среде или на относительно замкнутом пространстве, формируя некую внутреннюю правовую норму, иногда оформляемую в императорском законодательстве в виде реминисценции или рескриптом. У Прокопия это преимущественно военная сфера – офицерский корпус (B.V. II.9.15; 28.7), солдатская среда (H.a., 24.2, 27; B.P. I.9.7), правила ведения войны (B.P. I.18.52–53; B.V. II.6.27; B.G. I.2.26; III.16.9; 17.5; De aed., 4.1.7). Прочие случаи единичны [17].

Почему Прокопий заменял словом νόμος другие слова, явно более подходящие для описываемых явлений, не вполне ясно. Наиболее вероятным кажется предположение о том, что этот ранневизантийский литератор отказывался быть профессиональным юристом в сюжетах, упоминавших какие бы то ни было правовые нормы, и не использовал всякий раз только наиболее подходящие для них термины, предпочитая универсальное обиходное слово «закон» различным «обычаям», «предписаниям» и «нормам», особенно тогда, когда и сам не точно понимал, о каком правовом феномене рассказывает [18]. Наличие юридического образования не гарантировало его обладателю способности отличать законы, обычаи и морально-этические предписания, выходившие за рамки постклассического римского права. И если некоторые необъяснимые тогдашними знаниями природные явления можно было для красоты слога сравнить с неотвратимостью идеальной юстиции, чтобы продемонстрировать естественность происхождения и применения человеческих законов (H.a., 9.25; B.G. IV.6.30), то, например, различные религиозные установления, бывшие для верующих несомненным законом, Прокопий иным словом, нежели νόμος, называть не решался [19] не потому, что они прямо соответствовали этому понятию, но либо из уважения к чувствам верующей аудитории, либо потому, что сам был искренне верующим человеком.

Рассмотренными сюжетами в основном исчерпывается перечень случаев использования в трудах Прокопия из Кесарии слова «закон» (νόμος) и одной из его производных – νόμιμα, иногда обозначавшей множество законов, не совпадавшее с понятием «право». Незатронутым остался массив родственных «закону» понятий δίκη, δίκαια с их производными, а также все, помимо νόμιμα, слова, однокоренные с νόμος. Его комплексный анализ с учетом результатов уже проделанного исследования позволил бы выявить прочие

особенности отношений Прокопия со сферой права. Однако это – тема уже новой работы.

Результаты. Итогом же проделанного исследования стало выявление определенной специфики обращения Прокопия с термином «закон» (νόμος, νόμοι, и, с подачи Б. Панченко, некоторым образом – νόμιμα), заключавшейся в целом в объединении официального юридического и общеупотребительного его понятий.

Официально установленное определение закона основывалось на классическом понимании данного феномена, которое увязывалось с представлением о народе как источнике легитимной власти и поддержке ее решений. Популярное же понимание того, что есть закон, было более расплывчатым, но одновременно и приближенным к окружающим реалиям: закон – это то, чего требует власть во всех ее проявлениях, и то, что нельзя не выполнить без негативных последствий.

Прокопий был знаком с обеими трактовками понятия «закон», но в своих литературных произведениях больше ориентировался на народное понимание закона. Поэтому слово «закон» у него приобретает универсальное звучание, обозначая сразу несколько понятий: законы вообще или законодательство как опора общественного порядка; юридическая норма, регулирующая определенный вид отношений и применяемая по конкретному поводу специальными администраторами; узаконенные временем или властью, но не обязательно записанные обычаи.

Причиной такого отношения к рассматриваемому термину, вероятно, было не только стремление историка соответствовать уровню широкой читательской аудитории. Очень может быть, что в более свободной трактовке понятия «закон» нашли отражение известные тенденции развития правоведения в VI в., в том числе – возраставшее влияние на постклассическую римскую юриспруденцию вульгаризованного и обычного права народов, оказавшихся в составе Ранневизантийского государства. Прокопий, бывший, как предполагается, выпускником кесарийской юридической школы, вполне осознанно мог выступить проводником этих новых идей [6, с. 112–113]. С данной точки зрения он является несомненным юристом и знатоком не только отдельных законов, но и самого права.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например: [12, p. 150; 14, p. 186–200]. Авторы в качестве аргументов приводят: знакомство Прокопия с содержанием отдельных законов, его асессорство, мнение Менандра, – ни один из которых не является исчерпывающим.

[2] [2, с. 107] (здесь и далее – общепринятая форма ссылки на источник: Dig., 1.3.1): «Закон есть общее для всех предписание..., обуздание преступлений..., гарантия государства».

[3] [5, с. 19] (здесь и далее – общепринятая форма ссылки на источник: Inst. Just., 1.2.4): «Закон есть то, что римский народ постановил по предложению должностного лица...».

[4] H.a., 11.1; 13.23; 16.22; 27.2; 29.15; 30.28 (здесь и далее используется издание: [17]; B.V. II.15.24; 19.3 (здесь и далее использовано издание: [20]); B.G. III.8.17; IV.30.5–6 (здесь и далее использовано издание: [18]); De aed., 1.10.7 (здесь и далее используется издание: [21]).

[5] Например: H.a., 13.23: «И пока он правил римлянами, ни вера в Бога, ни вероучение не оставались крепкими, закон не был прочным, дела – надежными, а сделка – действительной» (цит. по: [10, с. 298]; 27.2; B.G. II.7.8; IV.30.5.

[6] Например: B.P. I.11.3 (здесь и далее использовано издание: [19]); 11.35; B.V. I.12.10; De aed., 1.10.7.

[7] Например: H.a., 2.31: νόμιμα πάντων ἀνθρώπον.

[8] Слова νόμιμον, νόμιμα изредка встречаются и у философов (Платон [16, p. 9]: Plato, Nomoi. I.3: Κρητῶν νόμιμα), и у историков (Ксенофонт [22, IV.6]: νόμιμα, νομίμως) Древней Греции, а вот, например, римский историк, писавший по-гречески и о Древней Греции, – Плутарх – эти слова в своих текстах не использовал.

[9] Из перечисленных Прокопием к таким относились вандалы, маврусии, лангобарды, герулы и бриттии. Персы же и остготы пользовались писаным правом, притом последние – римским (B.G. II.6.17: «Таким образом, получив... власть над Италией, мы сохранили и законы, и политическое устройство ничуть не хуже, чем кто-либо из прежних императоров, и нет... ни одного закона..., который был бы издан Теодорихом или кем-то другим, получившим власть над готами» (цит. по: [9, с. 185]).

[10] Например: B.V. I.9.8; B.V. II.9.3; B.G. I.20.13 (τρόπος); H.a., 29.25; B.V. II.9.4; B.G. I.2.8 (ἔθος); De aed., 6.2.9 (ἦθος).

[11] B.P. I.11.18: «...и хотя законы у всех народов... во многом друг другу противоречат, в этом случае как у римлян, так и у варваров они сходны...» (цит. по: [10, с. 30]); B.G. II.14.2, 7; IV.30.5.

[12] B.G. I.2.17: βάρβαρον νόμον; III.16.9.

[13] H.a., 2.31: νόμιμα πάντων ἀνθρώπων; B.G. I.20.15; IV.20.20: νόμος ἀνθρώπων; ср.: Inst. Just., 1.2.1: omnes populi qui legibus et moribus reguntur... omnium hominum iure utantur.

[14] Например, B.G. I.7.15: ἐνδίκως ... ἄνθρωποι.

[15] В данной связи примечателен такой фрагмент из «Тайной истории» (H.a., 20.17): «Ему <Юнилу, назначенному квестором императорского двора> законы не были известны даже на слух, поскольку он не был даже ритором». Прокопий Кесарийский, сам будучи ритором, таким образом подсказывает читателю, что ритор – это не полноценный юрист, хотя мог быть вполне юридически образован, что позволяло ему вести деятельность в сфере правового оборота.

[16] H.a., 8.13: δόγμα ... τῆς συγκλήτου βουλῆς.

[17] H.a., 14.8: «Ибо сенат собирался лишь для вида и ради соблюдения древнего обычая (νόμου)»; B.P. I.21.11: «у римлян и персов издавна существует правило (νόμος) содержать за счет казны лазутчиков»; B.P. II.14.5: «кипарисы необыкновенной высоты, рубить которые было запрещено постановлением (νόμος) <вероятно, антиохийского совета>».

[18] Яркий пример тому – персидские «законы». Описывая случаи их применения, Прокопий, судя по всему, не был уверен в том, что в законодательных сводах Сасанидов имеются соответствующие записи, обладавшие силой римских leges. Все упомянутые им персидские законы не встречаются в законодательных источниках Позднесасанидского Ирана [8]. Речь в соответствующих фрагментах у Прокопия идет именно об обычаях, а не о законах.

[19] H.a., 1.16: Χριστιανοῖς νόμος; B.G. IV.12.8: Ῥωμαίοις Χριστιανοῖς νόμος; De aed., 5.8.8: Μωσέα φασὶ πρὸς τοῦ θεοῦ τοὺς νόμους.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.

2. Дигесты Юстиниана. Т. I / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.

3. Дождев Д. В. Римское частное право. М.: ИНФРА-М; Норма, 1996. 704 с.

4. Жданов П. С. Понятие «закона» в контексте греческого мировоззрения VI–IV вв. до н. э. // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 188–205.

5. Институции Юстиниана / под. ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. 400 с.

6. Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. 232 с.

7. Панченко Б. О Тайной истории Прокопия // Византийский временник. 1895. Т. II, вып. 2–3. С. 340–371; 1896. Т. III, вып. 2. С. 300–316.

8. Периханян А. Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений». Ереван: АН Армянской ССР, 1973. 609 с.

9. Прокопий из Кесарии. Война с готами / под ред. Е. А. Косминского. М.: АН СССР, 1950. 515 с.

10. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 1998. 544 с.

11. Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1985. 320 p.

12. Greatrex G. Lawyers and Historians in Late Antiquity // Law, Society, and Authority in Late Antiquity / ed. by R. Mathisen. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 148–161.

13. Kaldellis A. Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. 315 p.

14. Kruse M. Justinian's Laws and Procopius' Wars // Procopius of Caesarea: Literary and Historical Interpretations / ed. by Chr. Lillington-Martin, E. Turquois. L.: Routledge, 2017. P. 186–200.

15. Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto: Hakkert, 1974. 230 p.

16. Platonis leges et epitomis. T. I. Lipsiae: Weidmann, 1814. 536 p.

17. Prokop. Bd. I: Anekdota / hrsg. von O. Veh. München: Artemis Verlag, 1981. 337 S.

18. Prokop. Bd. II: Gotenkriege. Griechisch-Deutsch / hrsg. von O. Veh. München: Heimeran Verlag, 1978. 1288 S.

19. Prokop. Bd. III: Perserkriege / hrsg. von O. Veh. München: Ernst Heimeran Verlag, 1970. 588 S.

20. Prokop. Bd. IV: Vandalenkriege / hrsg. von O. Veh. München: Ernst Heimeran Verlag, 1971. 584 S.

21. Prokop. Bd. V: Bauten / hrsg. von O. Veh. München: Heimeran Verlag, 1977. 571 S.

22. Xenophon. Apologia Socratis // Xenophontis opera omnia. T. II / rec. E. Marchant. Oxford: Clarendon Press, 1901. P. 208–268.

REFERENCES

1. Bartoshek M. *Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Terms and Definitions]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 448 p.

2. Kofanov L.L., ed. *Digesty Yustiniana. T. I* [Digest of Justinian. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2002. 584 p.

3. Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Private Roman Law]. Moscow, INFRA-M Publ.; Norma Publ., 1996. 704 p.

4. Zhdanov P.S. Ponyatie «zakona» v kontekste grecheskogo mirovozzreniya VI–IV vv. do n.e. [The Concept "Law" in the Context of Greek Worldview

of the 6th – 4th Centuries BC]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2014, no. 3 (314), pp. 188-205.

5. Kofanov L.L., Tomsinov V.A., eds. *Institutsii Yustiniana* [The Institutions of Justinian]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 400 p.

6. Lipshits E.E. *Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv*. [Law and Justice in Byzantium in the 4th – 8th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 232 p.

7. Panchenko B. O Taynoy istorii Prokopiya [On the Secret History of Procopius]. *Vizantiiskiy vremennik* [Byzantina Chronika], 1895, vol. II, iss. 2–3, pp. 340-371; 1896, vol. III, iss. 2, pp. 300-316.

8. Perikhanian A.G. *Sasanidskiy sudebnik «Kniga tysyachi sudebnykh resheniy»* [The Book of a Thousand Judgments (A Sasanian Law-Book)]. Yerevan, AN Armyanskoy SSR Publ., 1973. 609 p.

9. Kosminskiy E.A., ed. *Prokopiy iz Kesarii. Voyna s gotami* [Procopius of Caesarea. Gothic War]. Moscow, AN SSSR, 1950. 515 p.

10. Litavrin G.G., ed. *Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* [Procopius of Caesarea. Persian War. Vandalic War. Secret History]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 544 p.

11. Cameron Av. *Procopius and the Sixth Century*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1985. 320 p.

12. Greatrex G. Lawyers and Historians in Late Antiquity. Mathisen R., ed. *Law, Society, and Authority in Late Antiquity*. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 148-161.

13. Kaldellis A. *Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2004. 315 p.

14. Kruse M. Justinian's Laws and Procopius' Wars. Lillington-Martin Chr., Turquois E. *Procopius of Caesarea: Literary and Historical Interpretations.* London, Routledge, 2017, pp. 186-200.

15. Mason H.J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis.* Toronto, Hakkert, 1974. 230 p.

16. *Platonis leges et epitomis. T. I*. Lipsiae, Weidmann, 1814. 536 p.

17. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. I: Anekdota*. München, Artemis Verlag, 1981. 337 S.

18. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. II: Gotenkriege. Griechisch-Deutsch*. München, Heimeran Verlag, 1978. 1288 S.

19. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. III: Perserkriege*. München, Ernst Heimeran Verlag, 1970. 588 S.

20. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. IV: Vandalenkriege*. München, Ernst Heimeran Verlag, 1971. 584 S.

21. Veh O., Hrsg. *Prokop. Bd. V: Bauten*. München, Heimeran Verlag, 1977. 571 S.

22. Xenophon. Apologia Socratis. Marchant E., ed. *Xenophontis opera omnia. T. II*. Oxford, Clarendon Press, 1901, pp. 208-268.

Information About the Author

Vadim V. Serov, Doctor of Sciences (History), Professor, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation; Barnaul Orthodox College, Yadrintseva Lane, 66, 656008 Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0348-5499

Информация об авторе

Вадим Валентинович Серов, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация; Барнаульская православная духовная семинария, пер. Ядринцева, 66, 656008 г. Барнаул, Российская Федерация, wseroff@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0348-5499

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.18

UDC 94(0):004
LBC 63.3(0)4-9

Submitted: 03.06.2025
Accepted: 24.10.2025

ACTES DE VATOPÉDI. No. 43. THE NETWORK ANALYSIS: GENERAL DELINEATION

Part 1

Yury Ya. Vin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dmitry E. Kondratiev

Moscow, Russian Federation

Abstract. In recent decades, world science has been overwhelmed by a wave of appeals from modern scientists to the concept of "network." It finds application in Byzantine studies. The main function of network analysis is recognized as visualization – the presentation of its results in graphical form. The network analysis of the Vatopedi act no. 43 is justified by a collection of 23 records on the purchase of land plots by the Vatopedi monastery at the beginning of the 14th century. Their alienation allows us to reveal, first of all, certain segments of the lives of contemporaries of the past era, in particular, information about covenantors and witnesses of transactions, as well as neighbors. The results obtained need attribution supported by the text of the document. Without implementation of the procedures of the authentication, the constructed graphs turn out to be just illustrations of disparate details of social organization. The network analysis of Vatopedi act no. 43 is based on a complex and systematic approach to the social activity of medieval villagers. All information about them is examined in a systematic correlation through reconstruction of an integral model of rural society. Its network analysis reveals comprehensive relations of instances which discover an existence of the socium. The network starts with the formalization of the content of the document under study and ends with the integration of information on a social nature. The structure of the analyzed document, the system of family and kinship relations of members of land transactions, and the distribution of land plots are represented as the network system. The social features, characterizing the positions of different representatives of the society and their social action, are similarly demonstrated. This problem relies on options of personal identification of the status of the most prominent members of the community. In the first part of the exploration the main result of the procedures of network analysis is the generalization of observations on separate notices, concerning over 125 villagers and monastery inhabitants. The information approach makes it possible to identify and integrate practically notifications about every person and object in the considered document. All information is placed in a systematic correlation with subjects of the activities, which are combined into an integral picture of medieval society, predetermined by the action of its members. Owing to the reconstruction of the network structure of the community under consideration, the selective nature of the historical description is replaced by an integrated representation of society. The studied document displays information, both directly recorded and newly discovered through network analysis. Therefore it is considered as an effective tool for scientific exploration. It consists of Introduction, exposing the tasks of studying Byzantine documentary heritage through the network approach to analysis, methodology, and characterization of the contents of the Vatopedi act no. 43. The most significant sections are "The Network Analysis. The Principals and Directions of Study," "The Personnels and Identification," "Topography," as well as Conclusions, where the total is reckoned up for the first part of the study. *Author's contrbution.* Yu. Vin – author of the idea and its development, formalization and analysis of the data; D. Kondratiev – information and system realization of the project, building of symbolic-analytic system and network analysis of graphs.

Key words: actes de Vatopédi, network analysis, social networks, graphs, visualization.

Citation. Vin Yu.Ya., Kondratiev D.E. Actes de Vatopédi. No. 43. The Network Analysis: General Delineation. Part 1. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 244-265. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.18

© Вин Ю.Я., Кондратьев Д.Е., 2025

УДК 94(0):004
ББК 63.3(0)4-9

Дата поступления статьи: 03.06.2025
Дата принятия статьи: 24.10.2025

ACTES DE VATOPÉDI. № 43. СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ: ОБЩИЙ АБРИС

Часть 1

Юрий Яковлевич Вин

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Дмитрий Евгеньевич Кондратьев

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В последние десятилетия мировую науку захлестнула волна, поднятая обращением современных ученых к понятию «сеть» (network). Сетевой анализ приобретает все большее распространение, находя приложение в византинистике. Главной функцией сетевого анализа признана визуализация – представление его результатов в графической форме. Сетевой анализ ватопедского акта № 43 оправдан собранием 23 записей о скупке в начала XIV в. афонским монастырем земельных участков. Их отчуждение позволяет раскрыть в первую очередь определенные сегменты жизни современников эпохи прошлого, в частности, сведения о контрагентах и свидетелях сделок, а также соседях. Полученные результаты нуждаются в атрибуции и удостоверении, подкрепляемом содержанием текста источника. Без проведения соответствующих процедур построенные графы оказываются всего лишь иллюстрациями разрозненных деталей общественного устройства. Сетевой анализ ватопедского акта № 43 опирается на комплексный и системный подход к общественной активности средневековых селян. Вся информация о них анализируется в системной корреляции, посредством реконструкции интегральной модели сельского сообщества. Его сетевой анализ раскрывает всеобъемлющую связанность отдельных аспектов существования социума. Сетевой анализ начинается с формализации содержания изучаемого документа и завершается интеграцией сведений социального характера. Структура документа, система семейно-родственных отношений участников заключенных поземельных сделок и дистрибуция земельных наделов представлены как сетевая система. Также раскрыты социальные признаки, характеризующие общественное положение различных представителей социума и их социальной активности. Она опирается на возможности персональной идентификации статуса наиболее видных членов сообщества. В первой части исследования главным результатом проведенных процедур сетевого анализа является обобщение наблюдений над разрозненными сведениями, касающимися свыше 125 селян и монастырских насельников. Информационный подход позволяет выявить и интегрировать сведения практически о каждом человеке и объекте в рассматриваемом документе. Все полученные сведения поставлены в системное соотнесение между собой и соединены в интегральную картину средневекового социума, предопределенную деятельностью его членов. Благодаря реконструкции сетевой структуры изучаемого сообщества выборочный характер исторического описания замещает интегрированная репрезентация социума. Она отображает документальные сведения, как непосредственно зафиксированные, так и вновь выявленные посредством сетевого анализа содержания. Поэтому он рассматривается как эффективный инструментарий научного исследования. Оно состоит из «Введения», раскрывающего задачи исследования византийского документального наследия посредством сетевого подхода к анализу, методологии и характеристики содержания ватопедского акта № 43. Принципиальным значением обладает раздел «Сетевой анализ. Принципы и направления исследования». Поставленным задачам отвечают разделы «Семейно-родственные связи», «Персоналии и идентификация», «Топография», а также «Выводы», где подведены итоги первой части исследования. *Вклад авторов*. Ю.В. Вин – автор идеи и ее разработка, формализация и анализ данных источника; Д.И. Кондратьев – информационно-системная реализация проекта, построение символьно-аналитической системы и сетевой анализ графов.

Ключевые слова: ватопедские акты, сетевой анализ, социальные сети, графы, визуализация.

Цитирование. Вин Ю. Я., Кондратьев Д. Е. Actes de Vatopédi. № 43. Сетевой анализ: общий абрис. Часть 1 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 244–265. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.18

…сеть стала новым понятием для описания общества.
Д.В. Мальцева

Введение. В последние десятилетия мировую науку захлестнула волна, поднятая обращением современных ученых к понятию «сеть» (network) [4, с. 42–62 и далее]. Само по себе указанное словоупотребление является своего рода их данью теории так называемого сетевого анализа, который своими корнями восходит к идеям корифеев социологии начала XX столетия, а с 70-х гг. прошлого века складывается в особое научное направление. Оставляя в стороне рассказ о зарождении методологии «сетевого анализа», обратимся непосредственно к настоящему времени. В наши дни опосредованный концептом «сеть» подход наделен предельно обобщенным смыслом. Он не позволяет, как считают некоторые современные специалисты, четко сформулировать теоретико-методологические критерии его отдельных направлений. Наиболее распространенной функцией сетевого анализа ныне стало выполнение процедур визуализации, то есть представления результатов качественного сетевого анализа в графической форме с помощью компьютера (см.: [9; 8, с. 11–12 и далее, особ. с. 182–193]; также см.: [13; 14; 7]). По существу, речь идет о некой разновидности семантического анализа. Он реализуется посредством реконструкции сетевой структуры понятий или их групп, которые призваны раскрыть предмет исследования (см.: [38]; там же указана основная литература). Его эффективность фактически предопределяет систематизация связей понятий или концептов, ставших объектами изучения. Оно само всецело зависит от правомерного научного обоснования и целевой ориентации отдельных аналитических процедур (подробнее см.: [36, p. 16–37, esp. p. 17 etc.]). Их актуальность, надо признать, становится очевидна не только в естественно-научных отраслях знаний, но и в гуманитарной науке. Прежде всего инновационные технологии, предусматривающие визуализацию изучаемых данных, реализуются в современных социальных науках, где сочетается методология и подходы социальных и семантических сетей [1]. Сетевые виды анализа в последнее время приобретают все большее распространение, находя приложение также в исторической науке [2].

Методология. В трудах некоторых ярких представителей современной византинистики, которые склонны к использованию инновационных методов и технологий, довольно ясно прослеживается интерес к изучению документальных материалов с использованием методов так называемого социального сетевого анализа (social network) и визуализации его результатов (например, см.: [32]). Для решения указанных задач предназначено свободное программное обеспечение «Гефи» (Gephi) [3]. Его используют, в частности, П. Гунаридис и Е. Мициу в связи с предпринятым ими переизданием актов Лемвиотисского монастыря. Их издатели, обратившись к методу визуализации данных монастырских актов, выдвинули на передний план машинный анализ сведений о лемвиотисских париках [33]. С этой научной инициативой, надо признать, вполне сопоставим аналогичный инновационный подход Ф. Кондюли (см.: [27]). В качестве примера названная византинистка выбрала сведения практика (поземельно-податной описи) 1348 г. афонского Ватопедского монастыря. Греческая специалистка предприняла попытку визуализировать в графической форме данные о соотнесении разбросанных в разных селениях земельных владений некоего Хрисоверга и членов его семейства, а также реконструировать социальные взаимосвязи держателей отдельных земельных участков [4].

Информационный подход к документальным свидетельствам о крестьянах монастырского поместья Вари опосредован графической визуализацией «социальной сети», реконструированной на основе фискального регистра Лемвиотисского монастыря, также как и графическая репрезентация взаимосвязей населения поместья Хрисоверга. Однако представленным примерам сетевого анализа, увы, недостает ни убедительного удостоверения использованных данных, ни их системного обоснования. В конце концов, в трудах П. Гунаридис и Е. Мициу, равно и Ф. Кондюли, под предлогом применения инновационного подхода и методов машинного процессинга, созданные графы воспроизведены в качестве иллюстраций. Они, как и любые другие фотографии, графики, таблицы и тому подобные приложения к текстам исследований, остаются всего лишь изобразительными средствами.

Названные их разновидности прилагаются к исследованию в качестве вспомогательных материалов. И потому сами по себе построенные графы без глубокой научной интерпретации и аналитического описания зафиксированных в них результатов не тождественны анализу.

В любом случае результаты проделанных визуализаций документальных данных, использованных названными византинистами документов, представляются инвариантом построения сетевой структуры в виде классических ребер – линий и их соединений – вершин. Надо признать, что сами по себе подобные графические изображения, представленные, допустим, Ф. Кондюли, с краткими пояснениями в тексте ее книги, остаются малоинформативны. В то же время воспроизводимые там рисунки, помимо личных имен акторов, как называются объекты сетевого анализа, и топонимов, лишены какой-либо иной атрибуции, оправдывающей актуальность визуализации (подробнее см.: [27, p. 213–214 etc.]). Для ясного понимания общей картины, которая состоит из вершин и ребер, бесспорно, требуется преодолеть явный недостаток сведений, положенных в основание представляемой схемы. Рисунки следует надлежащим образом атрибутировать и сопровождать хорошо проработанными разъяснениями. Они должны освещать не только результаты изысканий ученого, но и последовательное описание принципов и проделанных с информацией источника процедур. Именно системная интерпретация, раскрывая сюжет изучаемого источника, превращает иллюстрации в его анализ!

Словом, названные историки, как и многие другие гуманитарии, увлечены преимущественно построением графических изображений, нежели самим анализом данных изучаемых источников. Он для ученых-гуманитариев, да и не только для них, отождествляется, собственно говоря, с формами репрезентации. И потому на передний план выходит обоснование правомерного использования сетевого анализа. Для решения поставленной задачи обобщающей систематизации непосредственных связей аутентичных понятий или концептов византийских документов путем графических изображений авторы предлагаемого исследования используют свободную мультимодельную систему управления базами данных «Аранго» (ArangoDB) и информационную платформу «Цитоскейп» (Cytoscape). Первая из них опосредует хранение, визуализацию и анализ документов и графов [5], вторая – свободная библиотека для визуализации сетей в среде моделирования поддерживает сетевой анализ в онлайн-форме [6].

Какие бы технические параметры сетевого анализа не выдвигались вперед, главной задачей проводимого исследования является обоснование правомерного применения сетевого анализа. В качестве стандартных опций программное приложение «Арранго» предлагает, скажем, наиболее распространенные графические формы визуализации текстологических данных документальных источников. Ставшие объектом анализа сведения представляют древовидная «иерархия», циклический граф «круг» и «силовой алгоритм» (динамическая модель «ключ-значение»). Они выстраиваются названным программным приложением согласно заданным исследователем алгоритмам с учетом метаданных и анализируемых сведений изучаемых источников в автоматизированном режиме, то есть в сочетании с режимом ручного редактирования графов. Сказанное касается в первую очередь обобщающего синтеза совокупности сведений статистического и качественного характера, составляющих информационный массив документальных данных. И потому далее речь пойдет в первую очередь о возможностях приложения к византинистике сетевого анализа на примерах изучения документального наследия, опираясь на указанные программные средства анализа.

Ватопедские акты. Документ № 43

Объектом сетевого анализа авторы настоящего исследования предлагают избрать один из серии документов, которые представляют собой акты сделок продаж, дарений, обменов, произведенных в пользу крупного земельного собственника, в первую очередь монастырей. Нередко разнородные по своей структуре сведения о совершенных, как правило, мелкими держателями земли бывают объединены или скопированы вкупе, составляя один, общий для всех документ. В его разрозненных записях зафиксированы условия отчуждения

земельных владений отдельных контрагентов. Их сделки содержат сведения, которые прямо или косвенно свидетельствуют о массовидных отчуждениях земельных участков селян, как правило, мелких земельных собственников и крестьян монастырям, что подтверждают сборники актов продаж и дарений или их копий (например, см.: [17, № 43; 18, № 80; 16, № 109; 34, I.Auth. № 25 (20, № XIX); 19, № 16]; также см.: [11, с. 32–33; 28, p. 85]). Для подобных актов как продаж, так дарений и завещаний мелких землевладельцев характерен сжатый формуляр и скудость сведений о контрагентах сделки [28, p. 85–86]. Поэтому использование актов этой категории приобретает достаточную правомерность только после сопоставления всех сведений о каждом контрагенте, его соседях и всех свидетелях сделок, которые приводятся в различных записях документа. Необходимо особо отметить, что типичной чертой поземельных сделок являлась практически непременная причастность к ним членов семей и родственников землевладельцев. Они скрепляли своими подписями и крестами акты отчуждения земельных участков [10, с. 141–142; 11, с. 56–57]. Благодаря тому сведения о домочадцах и односельчанах, выступивших свидетелями сделок, делают возможным изучение как семейно-родственных отношений, так и норм общинного землепользования [28, p. 85–88].

Такого типа документом о сделках, заключенных преимущественно между Ватопедским монастырем и разными мелкими землевладельцами, является акт названного монастыря № 43 (подробнее см.: [17, p. 238–257, esp. p. 238–244]). Он включает 23 учетные записи сделок 1308–1312 гг., одна из них – повторная копия акта ранее сделанного отчуждения. Словом, рассказ о селянах, сведения о которых содержат записи указанного документа, явно недопустимо сводить к глухой отсылке на него, наподобие того, чем ограничился в своем труде о стратификации поздневизантийского общества Хр. Малатрас [31, p. 184]. И это несмотря на то, что большинство записей этого документа отображают яркую палитру повседневной жизни византийского селянина. Так, в некоторых из записей этого ватопедского сборника, засвидетельствовавшего уступки крестьянских наделов названному монастырю, прослеживаются явные негативно обусловленные посылки земельных отчуждений. Помимо их причин, лежавших по другую сторону набожности земледельцев, которые составляют основу формулярного мотива заключения большинства сделок отчуждения, ряд записей содержит объяснения прагматического характера (подробнее см.: [2]). В частности, выделяются несколько продаж 1309 года. Их совершили семьи с детьми или другими ближайшими родственниками, ясно выразив реальную мотивацию отчуждения принадлежащих им пахотных полей. К этому их хозяева «принуждены из-за нужды (неудовлетворительности) времени и голода» («βιαζόμενοι ὑπὸ τῆς ἐνδείας τοῦ καιροῦ καὶ τοῦ λιμοῦ»), поскольку земледельцы «не могут прожить» («μὴ ἔχοντες πῶς ζῆσαι»), потому что они даже не в состоянии «добыть ежедневного пропитания из-за установившейся силы голода» («διὰ τὸ μὴ εὐπορεῖν ἡμᾶς τῆς ἐφημέρου τροφῆς ἀπὸ τῆς ἐφεστώσης βίας τοῦ λιμοῦ») [17, № 43.VI.34–35 etc.; № 43.VII.41–43 etc.; № 43.VIII.50–51 etc.].

Сетевой анализ. Принципы и направления исследования

Обращаясь, собственно, к сетевому анализу, за что ратуют многие современные ученые, сведений рассматриваемого документа Ватопедского монастыря, следует наметить допустимые границы предмета исследования и его основных аспектов. Они предопределены содержанием изучаемого ватопедского акта и созданных на этой основе графических визуализаций результатов аналитических процедур. Все итоги их проведения в виде Сводной таблицы и графов, отображающих различные стороны содержания ватопедского документа, общедоступны в сети Интернет [7]. Наряду с Интегральным графом к разряду визуальных обобщений относится комплексная демонстрация сведений отдельных записей ватопедского акта № 43 и контрагентов, заключавших сделки с названным монастырем. Важнейшим компонентом обобщенных репрезентаций следует считать также демонстрацию сведений о соотнесении с документальными записями локаций отдельных отчуждаемых земельных участков. Максимально возможная атрибуция отдельных графических компонентов, как это показано на примере Интегрального гра-

фа и специальных его фрагментов, которые будут рассмотрены далее, превращает визуализацию результатов сетевого анализа в действенный аналитический инструментарий.

Разумеется, главное место в визуальном представлении собранных в указанном акте записей занимает раскрытие содержания каждой из заключенных в начале XIV в. сделок с недвижимостью в совокупности содержащихся в них сведений (серия «Запись»). Одновременно документальные записи, будучи проанализированы в проблемно-тематическом плане, позволяют сосредоточиться на освещении семейно-родственных связей контрагентов сделок (серия «Семья»). В то же самое время особое внимание уделено визуализации результатов анализа, которые аккумулируют совокупные сведения о наиболее ярких или, напротив, типичных персоналиях (серия «Персоналия»). Из этого ряда выделяются репрезентации, раскрывающие особенные черты и системы взаимных связей некоторых участников сделок, позволяющих производить их персональную идентификацию (серия «Идентичность»). В отдельное направление выделены сведения о местоположении земельных участков и локациях с фиксацией данных о свидетелях их отчуждения и соседях (серия «Топос»). Наиболее значимым направлением исследования, опосредованного сетевым подходом к содержанию изучаемого документа, надлежит считать анализ социальной структуры сельского сообщества (серия «Социум»). Прежде всего охват сведений, характеризующих социальные отношения, предопределяет перспективы дальнейшего применения сетевого анализа. И потому изыскания в сфере изучения социальности, как особый их аспект, необходимо сказать сразу, предусматривается выделить во вторую часть настоящей публикации.

Намечая общий абрис системного анализа ватопедского акта № 43, необходимо отметить, что характеристика отдельных проблемно-тематических сторон изучаемых записей опирается на двухуровневый подход к визуализации содержащихся в них сведений. Основу сетевого анализа составляет установление и фиксация непосредственных сведений, указанных в записях изучаемого документа, прежде всего степеней родства контрагентов сделок с членами семей и родственников, а также взаимосвязанность сведений о них с топографическими данными и локациями. Непосредственно указанные там сведения составляют первый уровень сетевого анализа (Уровень 1). Второй этап системного анализа реализуется путем выявления опосредованно соотносимых данных разных записей как результат сопоставления их содержания с учетом проблемно-тематической направленности анализа и категориальной разницы сопоставляемых параметров (Уровень 2).

Начальная систематизация вновь выявляемых данных документа предварена их сведением в интегральную таблицу (Таблица 1. Actes de Vatopédi. № 43. Сводная таблица выявленных данных) [12]. Включенные туда сведения систематизируются по проблемно-тематическим и категориальным показателям. Во главу угла поставлены имена собственные (личные) всех лиц, причастных к заключенным сделкам, включая собирательные имена. Они представлены в алфавитном порядке с присвоением идентифицирующего порядкового номера. Сообразно тому на второй позиции рассматриваемой таблицы фиксируются семейно-родственные связи так или иначе причастных к сделкам лиц. В таблице указаны как непосредственно обозначенные степени родства или свойства, так и, в соответствии со сведениями документа, проистекающие из них родственно-семейные взаимоотношения. Третий столбец таблицы отображает, опосредуя номером записи, данные о фактическом статусе участников сделок, в том числе их контрагентов, свидетелей и соседей. В четвертом столбце таблицы демонстрируются сведения о титулатуре и общественном статусе лиц, вовлеченных в совершение сделок как с Ватопедским монастырем, так и между самими контрагентами. Наконец, пятый столбец таблицы интегрирует сведения о местоположении земельных участков и обозначенной в ряде записей локации привлекаемых к участию в сделке свидетелей. Собранные табличные данные позволяют проводить их машинный анализ независимо от форм транскрипции и норм правописания внесенных в описанную структуру сведений. Таким образом таблица может рассматриваться в качестве «искусственного источника», как когда-то называли подобные построения, то есть банка данных результатов процессов

начальной систематизации и источника проведения семантического анализа.

Созданный на основе табличных данных Интегральный граф (Граф 001) представляет собой комплексную структуру. В ней сочетаются так называемые полноориентированные графы, прилагаемые в реконструкциях семейно-родственных отношений, и неориентированные графы, использованные для отображения поземельных и соседских отношений, а также фактов репрезентации свидетелей сделок и прочих их нюансов. Их визуализации становятся компонентами мультиграфовых изображений. На них многократно представлены вершины с несколькими так называемыми смежными ребрами, которые в ряде случаев отображают связи различного типа. Скажем, к таковым вершинам следует причислить соединения, характеризующие одновременно семейно-родственные и поземельные отношения (рис. 1).

Объем представленной в Интегральном графе информации требует графической и цветовой дифференциации анализируемых объектов, которые воспроизведены аналогичным образом и на других графах [8]. Интегральный граф позволяет характеризовать изучаемую проблему в целом и детально. Он построен из 180 вершин и 430 ребер и дуг (имеются в виду направленные ребра ориентированного графа). В их составе 25 вершин и 24 ребра отображают состояние записей документа; 139 вершин и 169 ребер и дуг фиксируют персональные связи участников сделок; наконец, 16 вершин и 28 дуг опосредуют топографические объекты. Так, 67 ребер соединяют вершины, обозначающие непосредственных контрагентов и членов семей произведенных земельных отчуждений; 155 ребер и дуг опосредуют семейно-родственные отношения, а также отношения свойства. В частности, прослеживаются связи родителей и детей, супругов, дядей и тетей, братьев, сестер, племянников и племянниц, равно как зятья и один внук. 99 соединений вершин указывают на свидетелей. Связи между участниками сделок и топографическими объектами определяют 54 ребра, из их числа 41 ребро отмечает соседей, 10 показывает локацию свидетелей, а одно – прежнего собственника земли. Благодаря графическим обозначениям объектами внимания становятся и внук одного из контрагентов, и писец документальной записи, и парик, обрабатывающий земельный надел собственника. Словом, научная значимость Интегрального графа обусловлена задачами проследить единовременно все объекты анализа и характер объединяющих их связей, выявленных при изучении рассматриваемого документа, в виде целостной картины.

Другим, обобщенно представляющим информацию изучаемого документа, графом является визуализация реестра записей и непосредственных, а также фактических контрагентов каждой из сделок (Граф 002). Как показывает графическое изображение, наверное, наиболее примечательными в указанном плане оправданно признать записи 43.09; 43.14; 43.23. Здесь зафиксировано отчуждение семейных держаний, поддержанное не только главами семей, но и их членами. Равным образом о семейных держаниях речь идет в записях 43.04 и 43.05, где решающая роль в принятии решения об отчуждении принадлежала очевидно сестрам Ирине и Зое под присмотром дяди названных сестер, тезке их отца, и тот, и другой носили имя Георгий (Графы 007, 008).

Третьим, обобщенно формализующим содержание ватопедского документа № 43, следует считать, как отмечено, граф, отображающий сопряжение записей и упоминаемых в них топографических объектов и описаний локаций (Граф 003). С этой точки зрения, разумеется, надлежит выделить записи, в которых упомянуты несколько топонимов, допустим, запись 43.21, с одной стороны. С другой стороны, нельзя не отметить особо топотесию Мелиссину, которая так или иначе фигурирует в восьми записях (43.5; 43.12; 43.13; 43.14; 43.15; 43.16; 43.22; 43.22bis). В то же время нужно обратить внимание на разницу наименований «Палеос пирг» (Старый пирг) (запись 43.04) и «Палеопирг» (записи 43.01; 43.02; 43.08). Это различие наименований так называемых жилых башен сразу же побуждает ставить вопрос о том, допустимо ли, вопреки мнению французских ученых, которое представлено в соответствующем пассаже далее, видеть в приводимых указаниях два разных объекта.

Как бы ни были значимы интегральные графы, без сомнения, наиболее важным компонентом сетевого анализа ватопедского документа № 43 являются графы, воспроиз-

водящие содержание его отдельных записей. Сразу же надо подчеркнуть, что практически все из ряда Графов 004–027, посвященных отдельным документальным записям, построены на принципе сетевого анализа их содержания с компонентами 2-го его уровня. Прежде всего в указанных графах отображены основные сведения каждой записи о контрагентах, совершавших отчуждение земельной недвижимости, о свидетелях описываемой сделки, локализации земельных участков и их соседях. Как правило, созданную таким образом картину обозначенных связей дополняют сведения о семейно-родственных связях непосредственных участников сделки с элементами сведений, почерпнутых в других записях. Одновременно, по возможности, интегрируются данные о свидетелях сделок и, в особенности, дополнительные сведения о соседях и смежных локациях (рис. 2). Поскольку все перечисленные дополнения атрибутированы указаниями на номера записей, откуда были почерпнуты соответствующие данные, практически все графы превращаются в своего рода инсталляции. Они, отталкиваясь от непосредственного содержания каждой соответствующей записи, демонстрируют результаты анализа ее содержания как пространственную и содержательную реконструкцию сведений не только отдельной записи, но и сопряженных с ней других записей (рис. 3).

В указанном плане, наверное, следует выделить весьма содержательные по характеру описанных сведений первые записи (43.01; 43.02) изучаемого документа. Опирающиеся на них Графы 004 и 005 фактически всесторонне охватывают разнотипные данные, представляя их в виде вполне ясной, благодаря сочетанию различных изобразительных средств, картине взаимосвязей социального, персонального и топографического характера. Разумеется, надо отметить и ряд последующих графов (например, Графы 006, 007), где интегрированные сведения о субъектно-объектных связях непосредственных участников сделок поземельных отчуждений рисуют целостную картину взаимоотношений селян.

Да и менее емкие по своему содержанию, на первый взгляд, записи второй половины изучаемого документа посредством изобразительных средств становятся довольно информативными репрезентациями, нацеленными на визуализацию результатов изучения документальных записей в виде развернутых топологических моделей. Они предназначены раскрыть основные направления функционирования общественной системы на примерах ее отдельных сегментов. В этом смысле, как отображение некой действительности, воспроизводящей историческое прошлое, практически могут быть отмечены все графы серии «Запись». Графы 021, 022, 023 являют собой символьно-графическую информацию. Здесь находят наглядное отображение в виде соответствующих связей – и семейно-родственные, и соседские, и социальные, а также административные аспекты взаимных отношений сразу нескольких групп жителей византийского села.

Семейно-родственные связи

Обращаясь к сетевому анализу проблемно-тематических аспектов содержания ватопедского акта № 43, на передний план оправданно выдвинуть графы, отображающие семейно-родственные отношения. Они освещены на примерах 12 специальных графов (серия «Семья»). В первом же примере (Граф 028) поименованы уже упомянутые сестры Ирина и Зоя. Здесь надо уточнить, что к моменту составления двух записей (43.04; 43.05) отец Ирины и Зои, Георгий, по всей видимости, уже ушел из жизни (2.010), а надзирал за поведением и жизнью племянниц их дядя, тезка первого, кир, иерей и хартофилакс епископии Иериссо (2.011). Поэтому, поставив отца сестер во главу угла, именно хартофилакса Георгия вполне уместно считать фактическим главой этой семейной группы. На графе, конечно, затруднительно отобразить хронологию происходивших тогда семейных событий. Однако их чреда не препятствует продемонстрировать отношения родства и свойства, которые восстановлены на основе документальных описаний. Правда, постигать их смысл удается не без труда, поскольку подлинные обстоятельства семейной жизни заретушированы продажами монастырю принадлежавших сестрам земельных участков.

В рассмотренном примере, как, впрочем, в десятке других, на передний план сетевого

анализа выходит задача реконструкции семейно-родственных связей согласно не всегда достаточно полным, скорее наоборот, их разрозненным упоминаниям. И хорошо, когда при отчуждении семейных имуществ их собственники и владельцы выставляют «кресты» – своеобразное удостоверение в Средневековье подлинности совершаемого акта. Иногда вслед за главой семьи это проделывают и другие ее члены, иногда они бывают упомянуты в тексте документа. Но в любом подобном случае сведения документов обычно далеко не исчерпывают тот информационный массив обозначений отношений родства и свойства. Достоверно судить о том позволяет ученому, пожалуй, его собственная осведомленность и эрудиция. Она воплощается в такого вида графических реконструкциях, являющих собой результат аналитической оценки сведений, которыми располагает историк (например, см.: Графы 029; 030; 031; 032; 033; 034; 035; 036; 037; 038; 039).

А подчас в решении проблем семейно-родственных отношений приходится доверяться даже интуиции. Так, контрагент продажи земельного участка, Георгий, называет себя зятем Драгонаса (2.021). По сути дела тем самым удостоверяется, как было принято в средневековой Византии, атрибуция самого Георгия, что отображено в Записи 43.17 (Граф 020). В то же время, как показывает этот граф со ссылкой на соответствующую запись, документ содержит сведения о Георгии Драгонасе, выступившем в качестве одного из свидетелей отчуждения пашенного поля (Запись 12). Лишь предположительно возможно идентифицировать эти два упоминания Драгонаса (2.020). Руководствуясь этой гипотезой, остается допустить, что Георгий, став зятем Драгонаса, оказался зятем своего тезки, что отмечено в виде предположения на указанных графах. Не будь их, сделанная атрибуция могла бы не состояться, а сведения о двух названных Георгиях просто бы затерялись в информационном массиве сведений общего характера.

Еще более гипотетичны оказываются предположения относительно структуры семьи и родственных связей Иоанна Феофилакта (2.055). Посвященная продаже их семейной недвижимости запись наряду с непосредственным контрагентом называет его брата Кириака, сестру Ирину, их племянника Николая, а также содержит глухую ссылку на других родственников (Запись 23). Тем самым этот акт оставляет нас в недоумении в решении вопроса о том, чьим сыном являлся племянник Николай – Кириака или Ирины, или какого-то иного родственника. Тогда соответственно надлежит допускать возможность реинтерпретации родственных статусов Кириака и Ирина в отношении названного племянника. На схеме же представленного Графа Николай идентифицирован, исходя из предположения того, будто он, представляя интересы одной из сторон в составе перечисленной семейной группы, являлся отпрыском неупомянутого прямо в документе лица, еще одного брата или сестры, допустим, ушедшего из жизни (Граф 027).

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что формирование системы личных имен, особенно в крестьянской среде, в рассматриваемый период истории средневековой Византии, как известно, еще не завершилось [9]. Тем не менее совпадение личных имен используется современными исследователями для персональной идентификации довольно широко. Достаточно сказать, что издатели изучаемого акта отождествили свыше двух десятков указанных здесь лиц с их упоминаниями или схожими по именам персоналиями в других афонских актах, в том числе упомянутого выше Георгия Драгонаса [17, p. 243]. В ряду прочих обращено внимание и на Димитрия, сына Николая Пехлабу (2.038). В этой связи уместно сказать о том, что подобные славянские по происхождению имена, изредка появлявшиеся в документах того времени, оказались для византийских чиновников непонятны и слишком сложны в транскрипции. Она в отношении данного имени не была устойчивой. Поэтому к числу поименованных селян оправданно присовокупить не только имя Михаила, сына Бесхлебу, как это сделали издатели документа, но также имя Мануила, сына Бехлебу, равным образом встречающееся в практиках Ивирского монастыря [21, № 70.139–141; № 75.240; № 79.211–212]. Эти факты Записи 43.21 отмечены ссылками на предполагаемых родственников не только в дополнениях к Сводной таблице выявленных данных, но и посредством двух кратных (соединяющих одни и те же вершины) ребер (рис. 4) в соответствующем графе (Граф 024).

Персоналии и идентификация

Именно в указанном свете надлежит представлять графические характеристики персоналий. Разумеется, наиболее полной информацией отличаются сведения о представителях господствующего класса и системы управления. С целью ясного отображения сведений о них применен двухуровневый подход к репрезентации персональных данных. На первом уровне, как было отмечено, отображаются непосредственные отсылки в записях документа на изучаемые персоналии. Второй уровень предопределен фиксацией опосредованных связей персоналий с окружающими их людьми и объектами. С этой точки зрения можно было бы анализировать сведения в первую очередь об Афанасии (2.007), ключнике Ватопедского монастыря. Он присутствовал лично при заключении 7 сделок, и в поле его зрения, согласно соответствующим записям, попало достачно большое число лиц, охватывающее селян, монахов, свидетелей и соседей (Графы 040, 041). Почти то же самое, наверное, можно повторить о Мине, монастырском экклессиархе (Графы 054, 055). Конечно, активное участие в проведении поземельных сделок принимали и другие священнослужители и носители чинов, такие как хартофилакс Георгий (2.011). Он отмечен не только в записях, составленных по поводу отчуждений, которые осуществили его племянницы Ирина и Зоя, но и в полдюжине других сделок. Потому персональные графы хартофилакса Георгия ничем не уступают вышеназванным монастырским клирикам в отображении связей с широким кругом контрагентов, свидетелей и соседей (Графы 042; 043).

И уже отдельно стоило бы рассказывать о Николае Мелиссиносе (2.113), сведения о котором, увы, не были учтены создателями просопографического лексикона Палеологовского времени в ряду прочих носителей этого патронима [10]. Французские же издатели рассматриваемого акта отнесли названного землевладетеля к разряду «нотаблей» Иериссо [17, p. 439]. Он оказался причастным к дюжине земельных отчуждений и десяткам своих современников – односельчан, соседей и свидетелей, монастырских насельников (Графы 056; 056a; 057; 057a). А пока остается предполагать, что с именем Николая Мелиссина, вероятно, связаны также неатрибутированные к его имени напрямую сведения о Мелиссиносе (2.097). Они равным образом представлены в двухуровневом режиме, умножая данные о названном «нотабле» или каком-то из его соименитых родичей (Графы 052; 053). И это тем вероятнее, потому что в окрестностях Иериссо находилась «родовая», судя по наименованию, топотесия Мелиссину. Ссылки на нее можно найти, по крайней мере, в семи записях (Графы 081; 082).

Наряду с описанными очевидный научный интерес представляют и другие графы, отображающие сведения о земельных владельцах, по всей вероятности, более скромного общественного положения, хотя и среди них известны иереи, папы и иные клирики. Все же наиболее примечательны фигуры тех землевладельцев, сделавших отчуждения, записи о которых сохраняли сведения о семьях и родственниках. Прежде всего хотелось охарактеризовать братьев Кормосов, Феодора и Константина. При этом о них допустимо рассказывать, начиная с освещения социальных позиций последовательно каждого из них. Раскрывающаяся картина различается, в особенности на первом уровне анализа, думается, весьма незначительно. Сюжет выстраивается сообразно числу представленных на соответствующих графах записях документа, где упомянуты названные братья. Правда, у Константина Кормоса получают графическое отображение сведения о членах его семьи и хорафии, который некогда принадлежал названному брату (Графы 050; 058). Этого, по сути дела, достаточно, чтобы на втором уровне представления поименованных персоналий картины их положения различались очевидным образом. Включив новые сведения о еще одной записи, а также информацию функционального и топографического характера, графические изображения побуждают исследователей вернуться к соответствующим текстам документа и ознакомиться с ними более внимательно (Графы 051; 059).

На этом фоне даже кажущиеся на первом уровне сетевого анализа самыми простыми конфигурации документальных свидетельств на втором его уровне, как показывают сведения о иерее Георгии, сыне Папаяны (2.028),

обращаются в довольно сложные структуры. Сообразно тому свидетель отчуждений недвижимости, отмеченный всего лишь в двух записях (43.14; 43.16), где зафиксированы сделки с земельными участками в топотесии Мелиссину, превращается в немаловажную персону. Названный свидетель выполняет свою функцию не просто с другими селянами. Среди них в Записи 43.16, надо обратить внимание, выделяется хартофилакс Георгий, а кроме того – упомянутый ранее Николай Мелиссинос (Графы 044; 045). К тому же, следует подчеркнуть, в отношении к иерею Георгию составители записей прилагают не обычный для подобных случаев титул «кир», а обращение «мой» – «мой иерей» (Графы 060; 097). Это обстоятельство нельзя никак игнорировать, имея в виду, как можно предположить, что речь идет о личном духовнике Николая Мелиссиноса.

Сразу же нужно обратить внимание, ранее то же самое обращение «мой» прилагается к иерею Георгию (2.009.01), выступившему в роли свидетеля наряду с Георгием хартофилаксом и Николаем Мелиссином, согласно Записи 43.15, при отчуждении хорафия (пашенного поля) в той же топотесии Мелисину (Граф 018). К сказанному остается прибавить, что, вероятно, названный иерей Георгий (2.009.02) при участии Георгия хартофилакса стал свидетелем сделки с еще одним хорафием, как об этом сообщает составитель Записи 43.16. Ситуацию осложняет процедура выставления под этой записью «крестов». Первым ставит крест непосредственный контрагент сделки Георгий Болгаропулос (2.017). Поэтому нельзя исключать того, что иерей Георгий, сын Папаяны (2.028), мог быть и духовником продавца хорафия. В то время второй крест под указанной записью отчуждения поля выставлен Георгием, зятем Георгия Булгаропула (2.014). А помимо упомянутого иерея Георгия, сына Папаяны, следует отметить Запись 43.23, где в ряду свидетелей назван также протогер (старец) Георгий Папаиоанн (2.029), с одной стороны. С другой – было бы ошибкой выпустить из вида свидетеля в сделке Константина Кормоса иерея Георгия (2.009.02), титулованного как «кир» (Запись 43.20).

Таковы документальные факты, которые позволяют перейти к процедурам персональной идентификации перечисленных иереев, носителей имени Георгий. Сведения о них выстраиваются в кустообразную структуру. В ее рамках рассматриваются Записи 43.14, 43.15, 43.16, 43.20, 43.23, которые составлены по поводу отчуждения хорафиев и иных земельных участков в топофесиях Мелиссину и Коракофолеасе. Главное место отводится выступавшему в качестве свидетеля иерею Георгию, зятю Георгия Болгаропула (2.014), с наглядной экспликацией дополнительных сведений о родстве, а также иерею Георгию (2.009.01). Однако названных иереев объединяет не степень родства, а предполагаемая функция духовника. Вместе с тем учитываются важные свидетельства ряда записей, которые оправдывают сопряжение названных персонажей с личностями Георгия, сына Папаяна, и в конечном итоге – с Георгием Папаиоанном (Граф 060). Правда, столь прямолинейное толкование родственных связей между фигурантами графа в случае их ошибочного понимания лишает возможности реинтерпретации нарисованной общей картины. Иначе говоря, противоречивость некоторых записей, в особенности отсутствие объективной возможности точной родственной идентификации личности зятя Георгия Болгаропула, предложенной в вышеуказанном графе, выдвигает на первый план иное графическое изображение связанности поименованных иереев Георгиев. Обрисованная во втором инварианте их связанности древовидная структура, опираясь на служебные функции иереев, независимо от допустимости отождествления каждого из Георгиев, опирается на понимание изменений общественных позиции на протяжении жизни Георгия Папаиоанна (Граф 061). Несомненно, нарисованная здесь общая картина гипотетических взаимосвязей рассматриваемой группы свидетелей более предпочтительна, чем однозначные объяснения (рис. 5).

Как бы ни были значимы рассмотренные сведения, вполне уместно вернуться к проблематике персоналий, обусловленных рядом носителей имени Кириакос. Разумеется, суть их связей заключается отнюдь не в названном имени, а в комплексе документальных записей, где оно фигурирует. В их ряду привлекают внимание ссылки, касающиеся клирика Кири-

акоса, сына Каланы (2.069). Его положение в качестве свидетеля, согласно анализу первого уровня (Граф 048), характеризуют 5 записей (43.15; 43.16; 43.18; 43.22; 43.22bis). Второй уровень сетевого анализа представляет его результаты в виде достаточно сложной несимметричной структуры контрагентов и свидетелей сделок. В переплетении их связей интересующее нас названное лицо практически становится малозаметным. В то же время наряду с ним под тем же именем выявляется намного более важный по своему статусу свидетель – Кириакос, кир, иерей и скевофилакс, то есть хранитель церковной утвари Ватопедского монастыря (2.067). Очевидно, даже краткое описание общественного статуса скевофилакса превосходит характеристику другого Кириакоса (2.066), контрагента сделки земельного отчуждения, достаточно подробно описанными в Записи 43.23 обстоятельствами для того, чтобы осветить семейно-родственные отношения землевладельца с его братом, сестрой и племянником.

Сколь бы ни были значимы вышеупомянутые лица, надлежит указать и на сведения о еще одном Кириакосе (2.068). Его общественная позиция зиждется на обозначении статуса названного лица в качестве соседа, упоминаемого в ряде сделок (Записи 43.10; 43.12; 43.14). И это становится правомерным поводом разъяснить, что в отличие от положения свидетелей, принципы анализа роли соседей иные, поскольку для их характеристики делается важная топографическая атрибуция. Сообразно тому первый уровень анализа положения названного Кириакоса соотносится с топотесиями Ахладос Мелиссину и Мелиссину (Граф 046). На втором уровне сетевого анализа, с учетом сообщения Записи 43.13 о ранее купленном монахами Ватопедского монастыря пашенном поле у Кириакоса, а главное сведений о названных топотесиях и других соседях, включая Кириакоса Лероменеоса, объектом изучения стали уже 9 документальных записей (43.05; 43.10; 43.12; 43.13; 43.14; 43.15; 43.16; 43.22; 43.22bis). К сожалению, неоднозначность сведений о четырех носителях имени Кириаков не позволяет проводить безапелляционные отождествления кого-либо из членов этой условной группы. В данном случае приходится ограничиться лишь разрозненными наблюдениями.

Топография

Вместе с тем в ходе анализа сведений о Кириакосах вызывают особенный интерес особенности общественных позиций наряду со свидетелями вышеотмеченного соседа. В отличие от свидетелей, положение которых опосредуется соотнесением их непосредственно с соответствующими документальными записями, представленные в них изредка имена соседей, как правило, сочетаются с указанными там топонимами земельных участков и пашенных полей. С большей или меньшей уверенностью можно говорить о том, что в ватопедском документе № 43 зафиксирован сравнительно узкий ареал локализации отчуждаемых земельных участков в ряде близко расположенных топотесиях Ахлада (Ахлада Мелессину), Еладиаба, Коракофолеас и примыкающих к ним административным районам (подробнее см.: [17, p. 30–31 etc.]). В этой связи вполне правомерен вопрос не только и не столько о пространственно-топографической их локализации, сколько дифференциация землевладений с точки зрения их распределения и сопряжения с системным контуром местного социума, то есть с системой социальных связей его членов. Так, среди прочих показаны порознь соседские связи, соотносимые с Палеопиргом и Палеос-пиргом (буквально старой «домашней башней»), хотя французские издатели документа практически без дополнительных пояснений отождествляют оба топонима (соответственно Графы 083, 084 и Графы 085, 086) [17, p. 30, 446].

Более внимательное ознакомление с местами расположения земельных наделов и их соседями обнаруживает, что в их ряду нередко находились как сам Ватопедский монастырь, так и другие церковно-монастырские учреждения или выступающие под их собирательными наименованиями монахи. Ясно, что они, «округляя» свои владения, стремились к приобретению в первую очередь земельных участков, непосредственно примыкавших к владельческим комплексам монастырей, или отстоящим от них на расстоянии, которое в ходе хозяйственной деятельности было возможно преодолеть без особых препятствий. Эта сторона содержания анализируемых записей наиболее наглядно выражена в ре-

презентациях первого уровня. Правда, даже если там представлены места расположения землевладений в так называемой топотесии или хорафии только в одной записи, на втором уровне анализа общая картина благодаря вторичным сведениям заметно усложняется (соответственно см.: Графы 067; 068; 073; 074; 077; 078; 081; 082; 085; 086; также см.: Графы 087; 088). Когда топоним оказывается зафиксирован в нескольких записях второй уровень анализа уподобляется графам со сложным контуром, обусловленным ссылками на контрагентов и свидетелей (соответственно см.: Графы 069; 070; 071; 072; 075; 076; 083; 084). Из общего ряда несомненно выделяется топотесия Мелиссину. Многократные сведения о ней на втором уровне сетевого анализа по абрису локальных связей напоминают самые сложные схемы (соответственно см.: Графы 079; 080) (рис. 6). Они лишь усугубляют проблему районирования. С ней связан и вопрос о возможных перемещениях населения. В частности, эту сторону повседневной жизни отображают два графа, которые могут служить изучению локальных миграций местных жителей. Иначе говоря, в данных примерах, содержащих сведения об обитателях Иериссо, фиксируются динамические процессы (Графы 093; 094). В данном случае следствием перемещения одного из обитателей Иериссо стало появление, согласно концепции издателей рассматриваемого документа, прозвания мигранта Георгия Кутрулиса «иериссиот», причисленного к «нотаблям» Иериссо (Граф 095) [17, p. 432].

Выводы. Проделанное посредством использования метода и процедур сетевого анализа изучение рассмотренного средневекового документа позволяет раскрыть в первую очередь определенные сегменты жизни современников эпохи прошлого. Полученные результаты, следует подчеркнуть, нуждаются в атрибуции и удостоверении, подкрепляемом содержанием текста изучаемого источника, а именно ватопедского акта № 43. Без проведения соответствующих процедур построенные графы оказываются всего лишь иллюстрациями разрозненных деталей общественного устройства. Они сами по себе не создают аналитических посылок исследования. Тем не менее оно может достигать вполне искомой глубины. Для этого требуется, конечно, комплексный и системный характер изучения документального наследия. Только в этом случае удается охватить не только очевидные, но и латентные аспекты информации, которые заключают в себе анализируемые сведения источника. В нашем случае сетевой подход к рассмотрению содержания ватопедского акта № 43 подкрепляет системный анализ различных сторон общественной активности средневековых селян. Ее сетевой анализ, будучи обращен на системное изучение различных сфер их деятельности, раскрывает всестороннюю связанность отдельных аспектов существования социума. В частности, благодаря системному сетевому анализу наглядно представлены родственно-семейные связи, опробована методология сетевого анализа общественных позиций и социальной идентификации отдельных персоналий, а также методика системной дистрибуции отчужденных землевладений, когда на передний план выдвинуты не пространственно-топографическое соположение земельных участков, а их распределение под углом рассмотрения системы социетарных связей.

Иными словами говоря, так называемый «сетевой анализ», будучи обоснован непосредственной информацией изучаемого документа, начинается с формализации его содержания и завершается интеграцией сведений социального характера. В ходе сетевого представления данных наглядно раскрыта структура документа, а вместе с ней система семейно-родственных отношений и свойства участников поземельных сделок, продемонстрированы процессы отчуждения земельных наделов в локально ограниченном регионе и структура социетарных признаков, характеризующих общественное положение представителей социума и их социальной активности, проделана опирающаяся на возможности персональной идентификации реконструкция общественных позиций участников поземельных сделок.

Главным результатом проведенного сетевого анализа стало обобщение наблюдений над разрозненными сведениями, касающимися отдельных селян и представителей системы управления. Информационный подход позволяет выявить и интегрировать сведения, как бы они не были общи, практически о каждом человеке и объекте, упомянутом в документе.

Все полученные тем самым сведения поставлены в системное соотношение между собой и соединены в интегральную картину повседневной активности членов средневекового социума, предопределенной характером их деятельности и общественного статуса. В особенности это касается, как было показано, процедур социальной идентификации и определения общественных позиций участников поземельных отчуждений. Благодаря реконструкции сетевой структуры изучаемого сообщества выборочный характер исторического описания замещается интегрированной репрезентацией всех компонентов социума сообразно с документальными сведениями, как непосредственно зафиксированными, так и вновь выявленными посредством сетевого анализа. Поэтому он, углубляя репрезенацию целостности отдельных нюансов анализа источника, превращается в эффективный инструментарий научного исследования. Оно будет продолжено во второй части как система визуализации в процессе сетевого анализа социетарных связей с целью раскрытия потенциала изучения социальных и межсословных отношений.

Окончание следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О применении сетевого семантического анализа в современных социальных науках подробнее см.: [37].

[2] Например, см.: [6, с. 203–256]; в ряду опубликованных здесь работ следует особо отметить [5]; также см.: [1].

[3] [25]; там же см. основную литературу; также см.: [26].

[4] См.: [27, p. 215, 217]; соответственно см.: Fig. 5.3. Relations between people and places…; Fig. 5.4. Interaction among people withe neiboring properties…; публикацию проанализированного акта см.: [18, № 98].

[5] [22]; там же см. основную литературу; также см.: [30].

[6] Первоначально информационная платформа «Цитоскейп» была разработана для проведения микробиологических исследований; в настоящее время «Цитоскейп» нашел применение в других научных областях [23]. Там же см. основную литературу. Также см.: [24].

[7] Результаты проделанных изысканий (табличные данные и графы) сосредоточены на вебсайте научно-исследовательского проекта «Экспертная система “Византийское право и акты”» в разделе «Сетевой анализ» [15; 12]. Экспонирование результатов сетевого анализа в электронной форме позволяет всем коллегам ознакомиться в свободном доступе с совокупностью материалов настоящего исследования, представленных в полном виде. В особенности это касается широкоформатных изображений, которые затруднительно воспроизвести иначе, чем в онлайн-формате. Прежде всего электронная форма визуализации предпочтительна для Интегрального графа и некоторых специальных графов, обобщенно представляющих сопутствующие сведения при освещении, скажем, статуса персоналий.

[8] Практически все вершины и соединяющие их ребра как Интегрального, так и большинства специальных графов сопровождают надписания их функционального предназначения. Говоря другими словами, всем вершинам, служащим для обозначения отдельных записей изучаемого документа, присвоен идентифицирующий номер, а для обозначения участников сделки и топонимов указаны их имена собственные, дополняемые при необходимости числовыми идентификациями. Специальные надписи используются также для функциональной идентификации соединяющих вершины ребер, в частности, для обозначения свидетелей и соседей. Для обозначения изучаемого документа и составляющих его записей использованы изображения вершин графа в форме квадратов и ребер сине-голубого цвета; все участники сделок и персоналии отмечены узлами в виде кругов красного цвета, как и ребра, обозначающие родственно-семейные связи участников сделок; связи контрагентов и свидетелей выделены ребрами лилового цвета; соседские отношения и локации обозначены ребрами коричневого цвета; топонимы обозначаются шестигранниками зеленого цвета. В ряде отдельных специальных графов цветовая гамма частично изменена. В первую очередь это касается обозначений семейно-родственных отношений, где дифференцируются отношения родства (красный цвет) и свойства (синий цвет). Также используется пунктирная графика для выделения связей, вновь выявленных в процессе анализа данных второго уровня.

[9] Подробнее см.: [3]; там же указана основная литература.

[10] См.: [35, № 1798–1825]. О Мелиссинах см.: [29].

ПРИЛОЖЕНИЕ

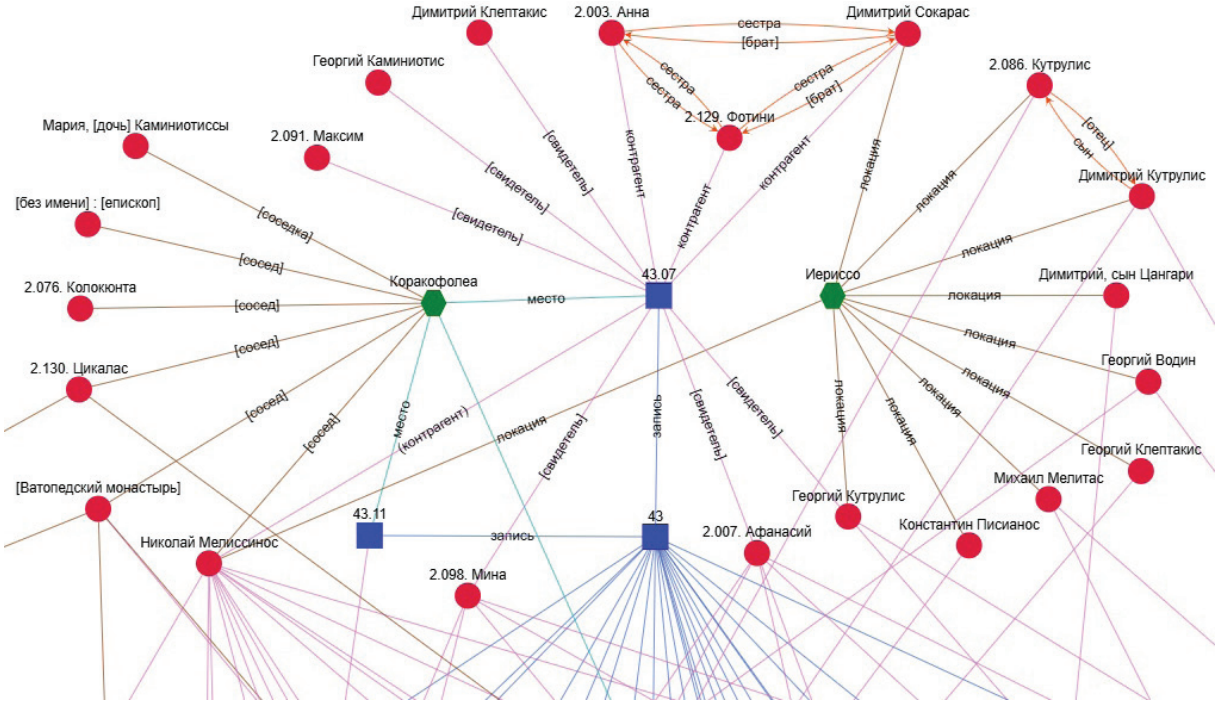

Рис. 1. Система визуализации локальных социетарных связей (вершины – ребра)

Fig. 1. A system for visualizing local societary connections (vertices – edges)

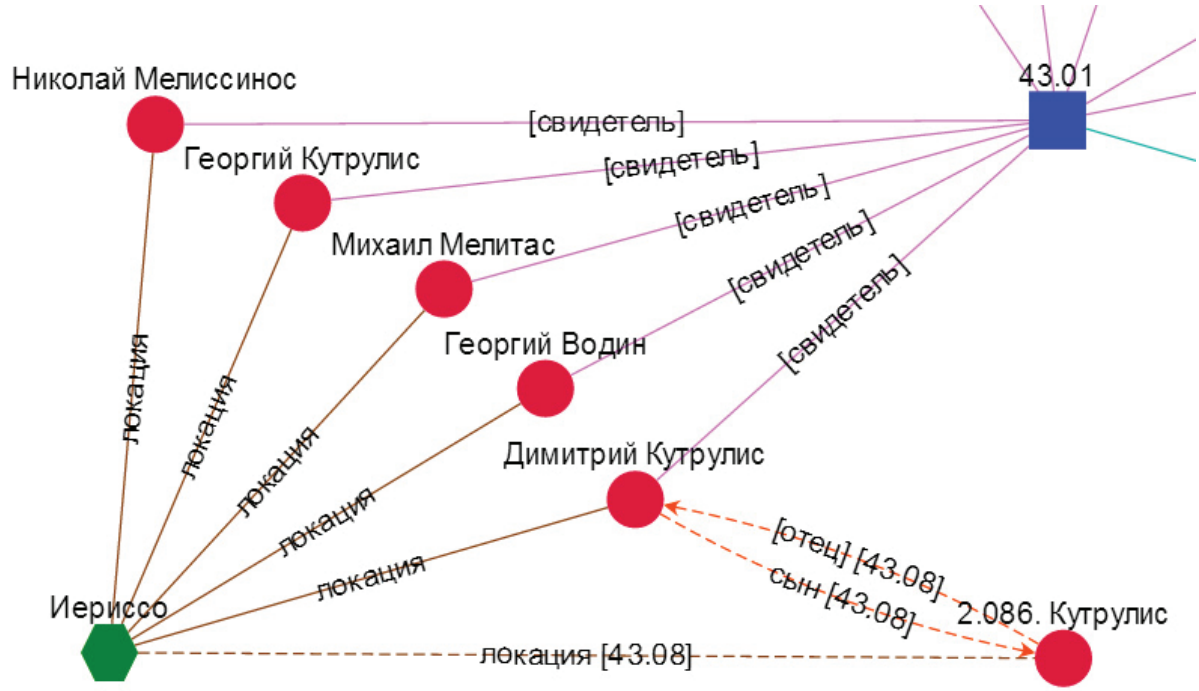

Рис. 2. Интеграция дополнительных сведений

Fig. 2. Integration of additional information

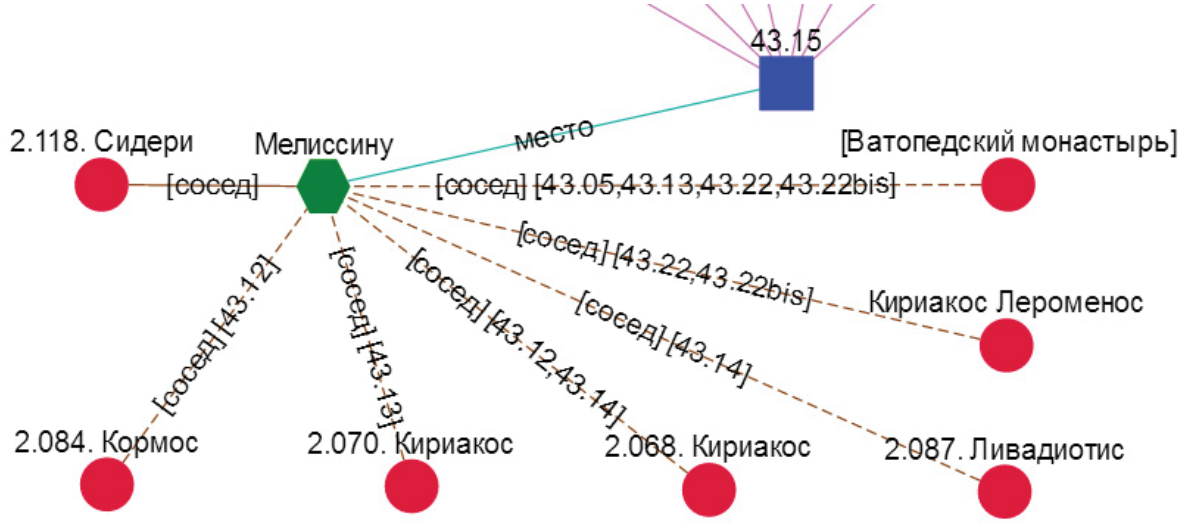

Рис. 3. Интеграция сведений разных записей
Fig. 3. Integration of information from different records

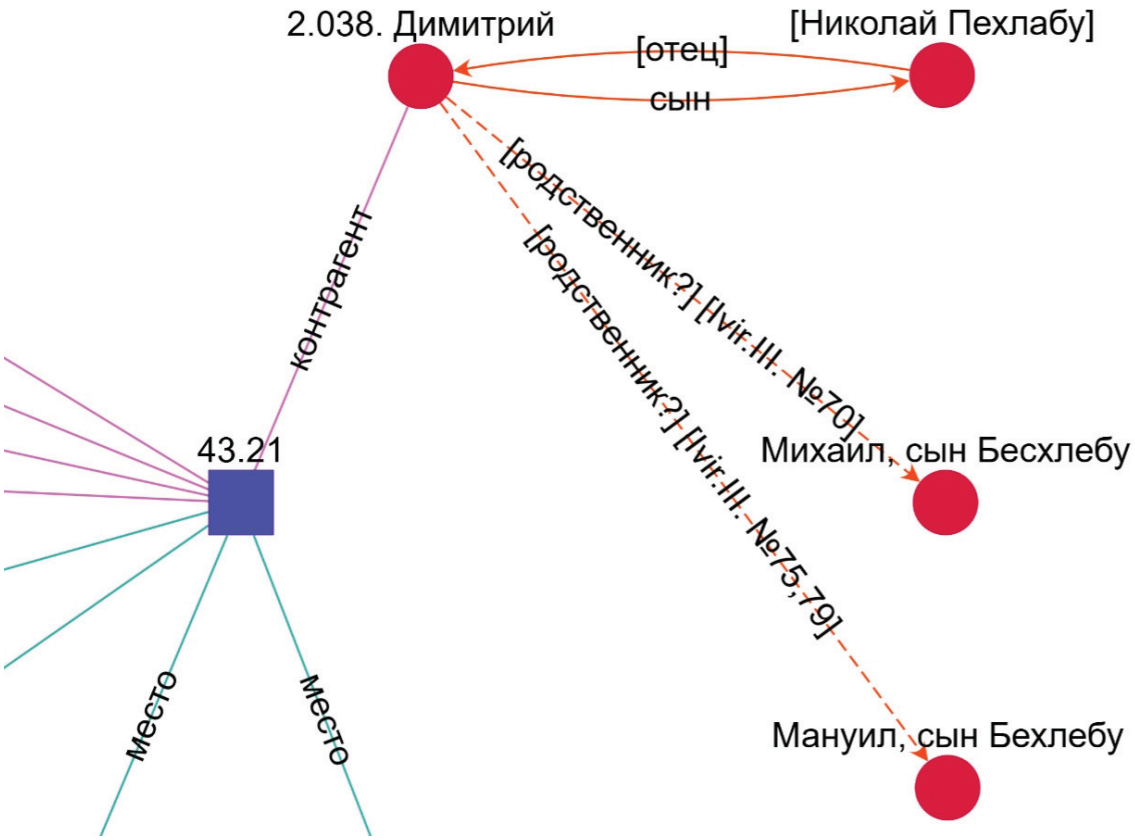

Рис. 4. Обозначение потенциальных родственных связей
Fig. 4. Designation of potential kindred relations

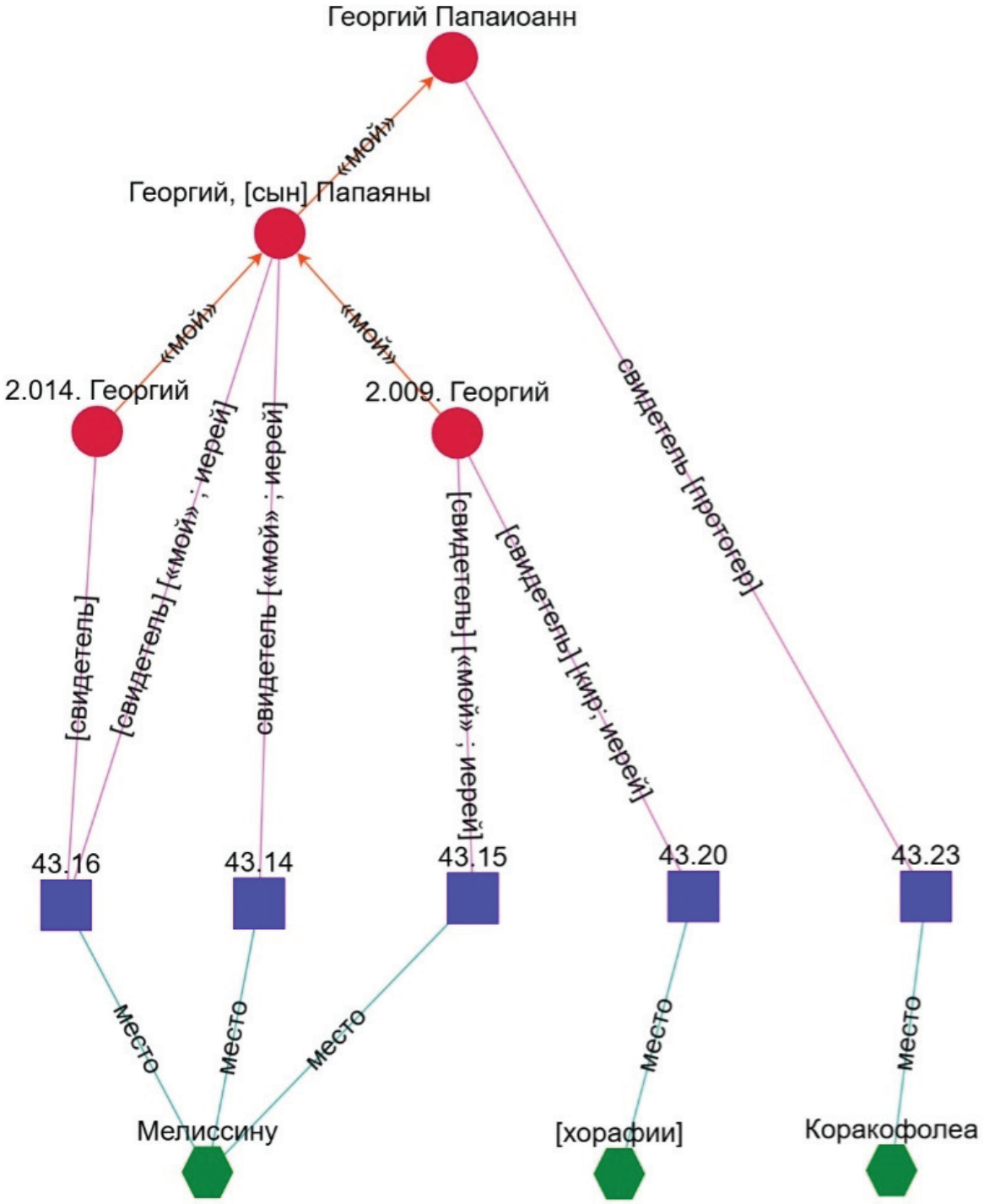

Рис. 5. Персональная идентификация
Fig. 5. Personal identification

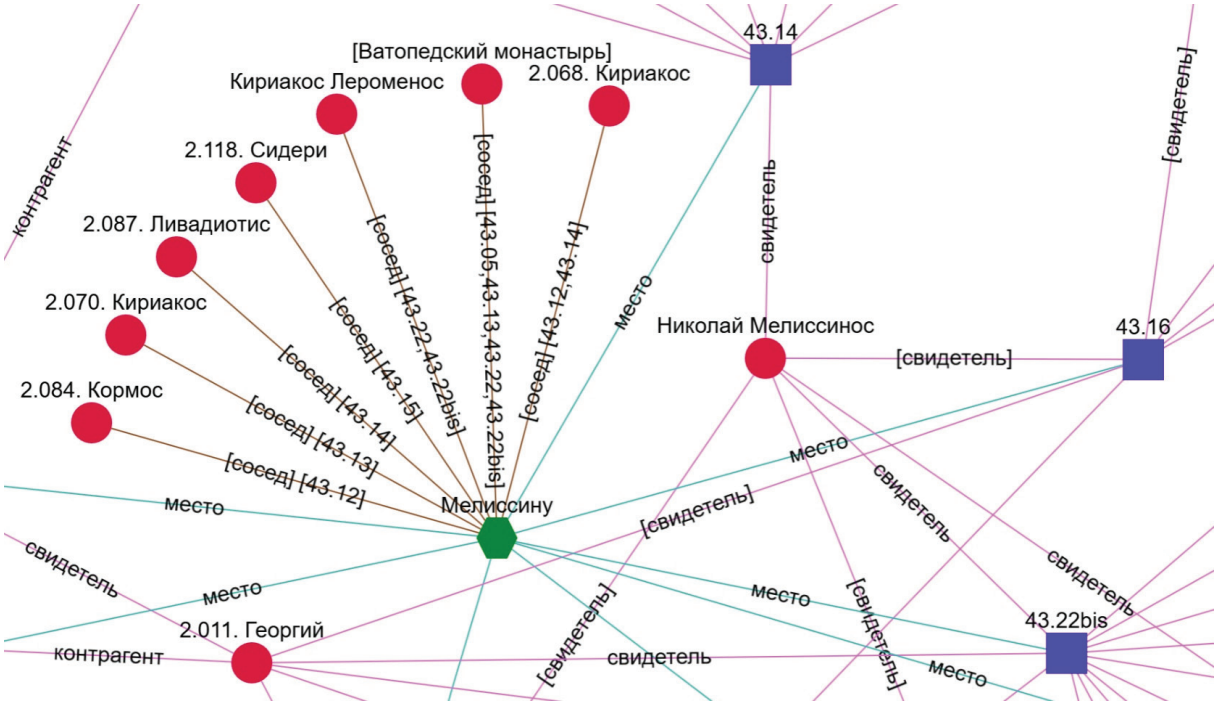

Рис. 6. Локальные связи

Fig. 6. Local connections

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородкин Л. И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро-макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110–124.

2. Вин Ю. Я. Мотивации актов поземельных отчуждений византийских крестьян // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2010. Вып. 33. С. 274–283.

3. Вин Ю. Я. Некоторые спорные проблемы изучения крестьянской антропонимики византийских актов XIII–XV вв. // Славяноведение. 2011. № 4. С. 54–64.

4. Вин Ю. Я. «Умные словечки» современных историков // Люди и тексты. Исторический альманах. М.: ИВИ РАН, 2025. С. 40–102.

5. Гарскова И. М. Методика сетевого анализа в исторических исследованиях: специфика проблематики и источниковой базы исследования // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии / отв. ред. И. М. Гарскова. М.: Макс Пресс, 2020. С. 217–229.

6. Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии / отв. ред. И. М. Гарскова. М.: Макс Пресс, 2020. 484 с.

7. Ким А. В. Методологический подход к изучению отношений в сети: качественный сетевой анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15, № 3. С. 11–30.

8. Мальцева Д. В. Сетевой подход в социологии: генезис идей и применение. Новосибирск: НГТУ, 2017. 219 с.

9. Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 3–14.

10. Медведев И. П. Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л.: Наука, 1979. С. 124–147.

11. Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л.: Наука, 1988. 262 с.

12. Сетевой анализ. Actes de Vatopédi. № 43. URL: https://www.byzlaw.ru/networks

13. Суслов С. И. История возникновения и становления сетевого анализа // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. 2017. Т. 25, № 2. С. 103–108.

14. Сушко В. А. История возникновения и методология сетевого анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Вып. 21, № 1. С. 161–181.

15. Экспертная система «Византийское право и акты». URL: https://www.byzlaw.ru

16. Actes de Chilandar. Première Partie, Actes Grecs / Publ. par L. Petit, B. Korablev // Византийский временник. 1911. T. XVII. Приложение I. III, 368 c.

17. Actes de Vatopédi. Texte / éd. dipl. par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros. Paris: P. Lethielleux, 2001. Vol. I: des origines a 1329. XX, 475 p.

18. Actes de Vatopédi. Texte / éd. dipl. par J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros, K. Smyrlis. Paris: P. Lethielleux, 2006. Vol. II: de 1330 a 1376. XVIII, 525 p.

19. Actes de Xéropotamou. Texte / ed. dipl. par J. Bompaire. Paris: P. Lethielleux, 1964. XIV, 298 p.

20. Actes de Zographou / Publ. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // Византийский временник. 1907. T. XIII. Приложение I. I, 213 p.

21. Actes d'Iviron. Texte / éd. dipl. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, V. Kravari, avec la collaboration d'H. Métrévéli. In 4 vol. Vol. 3. Paris: P. Lethielleux, 1994. XIV, 412 p.

22. ArangoDB // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/ArangoDB

23. Cytoscape // Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Cytoscape

24. Franz M., Lopes Chr. T., Huck G., Dong Yu., Sumer O., Bader G. D. Cytoscape.js: A Graph Theory Library for Visualisation and Analysis // Bioinformatics. 2016. Vol. 32, iss. 2 (January). P. 309–311.

25. Gephi // Wikipedia. The Free Encyclopedy. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Gephi

26. Introduction to Gephi (Network Vizualization Software) // Kateto.net. URL: http://www.kateto.net/wp-content/uploads/2012/12/COMM645%20-%20Gephi%20Handout.pdf

27. Kondyli F. Rural Communities in Late Byzantium. Resilience und Vulnerability in the Nothern Aegean. Cambridge: Cambr. Univ. Pr., 2022. XII, 290 p.

28. Kravari V. Les actes privés des monastères de l'Athos et l'unité du patrimoine familial // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter / hrsg. v. D. Simon. München: Oldenburg, 1992. S. 77–88.

29. Krsmanović B. Melissenos Family // Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού. Μικρά Ασία. Ταύρος: Ίδρυμα Μείζονος Ελληνισμού, 2003. URL: http://www.asiaminor.ehw.gr/l.aspx?id=7976

30. Lissandrini M., Brugnara M., Velegrakis Y. Beyond Macrobenchmark: Microbenchmark-Based Graph Database Evaluation // Proceedings of the Very Large Data Bases Endowment. 2018. Vol. 12, № 4. P. 390–403.

31. Malatras Chr. Social Stratification in Late Byzantium. Edinburgh: Edinburgh Univ. Pr., 2023. XX, 588 p.

32. Mitsiou E. Prosopography, GIS, and Networks of the 13th Century: New Tools and Methods // Источниковедение в современной медиевистике / отв.

ред. И. Г. Коновалова, Е. Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 240–243.

33. Mitsiou E. The Lembiotissa Cartulary // The Cartulary of Lembiotissa (Lembos) Monastery: Critical Edition and Commentary (s.a.) (Forthcoming) / ed. by P. Gounaridis, E. Mitsiou. URL: https://www.academia.edu/40027495/The_cartulary_of_Lembiotissa_Lembos_monastery_critical_edition_and_commentary_forthcoming_

34. Pavlikianov C. The Mediaeval Greek and Bulgarian Dokuments of the Athonite Monastery of Zographou (980–1600). Critical Edition and Commentary of the Texts. Sofia: "St. Kliment Ohridski" Univ. Pr., 2014. 912 p.

35. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. CD ROM-Version / Erst. von E. Trapp u. a. Wien: Verl. d. Osterreichisch. Akad. d. Wissensch., 2001. [6626 S.]

36. Segev E. How to Conduct Semantic Network Analysis // Semantic Network Analysis in Social Scienses / ed. by E. Segev. L.: Routledge, 2022. P. 16–37.

37. Segev E. Semantic Network Analysis: Summary and Conclusion // Semantic Network Analysis in Social Scienses / ed. by E. Segev. London: Routledge, 2022. P. 216–227.

38. Semantic Network Analysis in Social Scienses / ed. by E. Segev. L.: Routledge, 2022. XVI, 232 p.

REFERENCES

1. Borodkin L.I. Setevoy analisis v istoricheskikh issledovaniyakh: mikro-makropodkhody [The Network Analysis in Historical Studies: Micro-Macroapproaches]. *Istoricheskya informatika* [The Historical Information Sciences], 2017, no. 1, pp. 110-124.

2. Vin Yu.Ya. Motivatsii aktov pozemelnykh otchuzhdeniy vizantiyskikh krestyan [The Motivations of Acts of Land Alienations of Byzantine Peasants]. *Dialog so vremenem: almanakh intellektualnoy istorii* [Dialogue with Time: Intellectual History Review]. Moscow, 2010, iss. 33, pp. 274-283.

3. Vin Yu.Ya. Nekotorye spornye problemy izucheniya krestyanskoy antroponimiki vizantiyskikh aktov XIII–XV vv. [The Some Disputable Problems of Studying of Peasant Antroponymics in Byzantine Acts of the 13th – 15th Centuries]. *Slavyanovedenie* [The Slavic Studies], 2011, no. 4, pp. 54-64.

4. Vin Yu.Ya. «Umnye slovechki» sovremennykh istorikov [The Smart Words of Historians]. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy almanakh* [The People and Texts. Historical Miscellany]. Moscow, IVI RAN, 2025, pp. 40-102.

5. Garskova I.M. Metodika setevogo analiza v istoricheskikh issledovaniyakh: spetsifika problematiki i istochnikovoy bazy issledovaniya [The Methods of Network Analysis in Historical Studies: The Specificity of Problems and Source Base of Study]. Garskova I.M., ed. *Istoricheskie issledovaniya v kontekste nauki o dannykh: informatsionnye resoursy, analiticheskie metody i tsifrovye technologii* [The Historical Studies in the Context of the Science on Data: Information Resource, Analytical Methods and Digital Technologies]. Moscow, Max Press, 2020, pp. 217-229.

6. Garskova I.M., ed. *Istoricheskie issledovaniya v kontekste nauki o dannykh: informatsionnye resoursy, analiticheskie metody i tsifrovye technologii* [The Historical Studies in the Context of the Science on Data: Information Resource, Analytical Methods and Digital Technologies]. Moscow, Max Press, 2020. 484 p.

7. Kim A.V. Metodologicheskiy podkhod k izucheniyu otnosheniy v seti: kachestvennyy setevoy analiz [The Methodological Approach to Exploration of Relations at Network: Qualitative Network Analysis]. *Interaktsia. Intervyu. Interpretatsia* [Interaction. Interview. Interpretation], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 11-30.

8. Maltseva D.V. *Setevoy podkhod v sotsiologii: genezis idey i primenenie* [The Network Approach in Sociology: Genesis of Ideas and Application]. Novosibirsk, NGTU, 2017. 219 p.

9. Maltseva D.V. Setevoy podkhod kak fenomen sotsiologicheskoy teorii [The Network Approach as the Phenomena of Sociological Theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social Studies], 2018, no. 4, pp. 3-14.

10. Medvedev I.P. Diplomatika chastnogo vizantiyskogo akta [Diplomatics of Private Byzantine Act]. *Problemy istochnikovedeniya zapadnoevropeyskogo Srednevekovya* [The Problems of source Study of Westeuropean Middle Age]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 124-147.

11. Medvedev I.P. *Ocherki vizantiyskoy diplomatiki* (chastnopravovoy akt) [The Essays of the Byzantine Diplomatics (Civil Act)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 262 p.

12. *Setevoy analiz. Actes de Vatopédi. № 43* [The Network Analysis. Actes de Vatopédi. No. 43]. URL: https://www.byzlaw.ru/networks

13. Suslov S.I. Istoriya vozniknoveniya i stanovleniya setevogo analyza [The History of Origin and Formation of Network Analysis]. *Vlast. Obshchenationalnyy nauchno-politicheskiy zhurnal* [Power. National Scientific and Political Journal], 2017, vol. 25, no 2, pp. 103-108.

14. Sushko V.A. Istoriya vozniknoveniya i metodologia setevogo analiza [The History of Origin and Methodology of Network Analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, iss. 21, no. 1, pp. 161-181.

15. *Ekspertnaya sistema "Vizantiyskoye pravo i akty"* [Expert System "Byzantine Law and Acts"]. URL: https://www.byzlaw.ru

16. Petit L., Korablev B., eds. Actes de Chilandar. Première Partie, Actes Grecs. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronika], 1911, vol. XVII, Supplement I, III. 368 p.

17. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopédi. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 2001, vol. I: des origines a 1329. XX, 475 p.

18. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopédi. Texte.* Paris, P. Lethielleux, 2006, vol. II: de 1330 a 1376. XVIII, 525 p.

19. Bompaire J., ed. *Actes de Xéropotamou.* Texte. Paris, P. Lethielleux, 1964. XIV, 298 p.

20. Regel W., Kurtz E., Korablev B., eds. Actes de Zographou. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronika], 1907, vol. XIII, Supplement I, I. 213 p.

21. Lefort J., Oikonomidès N., Papachryssanthou D., Kravari V., eds., Métrévéli d'H. *Actes d'Iviron. Texte. In 4 Vols. Vol. 3.* Paris, P. Lethielleux, 1994. XIV, 412 p.

22. ArangoDB. *Wikipedia. The Free Encyclopedia.* URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/ArangoDB

23. Cytoscape. *Wikipedia. The Free Encyclopedia.* URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Cytoscape

24. Franz M., Lopes Chr.T., Huck G., Dong Yu., Sumer O., Bader G.D. Cytoscape.js: A Graph Theory Library for Visualisation and Analysis. *Bioinformatics*, 2016, vol. 32, iss. 2 (January), pp. 309-311.

25. Gephi. *Wikipedia. The Free Encyclopedia.* URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Gephi

26. Introduction to Gephi (Network Vizualization Software). *Kateto.net.* URL: http://www.kateto.net/wp-content/uploads/2012/12/COMM645%20-%20Gephi%20Handout.pdf

27. Kondyli F. *Rural Communities in Late Byzantium. Resilience und Vulnerability in the Northern Aegean.* Cambridge, Cambr. Univ. Pr., 2022. XII, 290 p.

28. Kravari V. Les actes privés des monastères de l'Athos et l'unité du patrimoine familial. Simon D., ed. *Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter.* München, Oldenburg, 1992, S. 77-88.

29. Krsmanović B. Melissenos Family. *Εγκυκλοπαίδεια Μείζονος Ελληνισμού. Μικρά Ασία. Ταύρος: Ίδρυμα Μείζονος Ελληνισμού* [Encyclopaedia of the Hellenic World. Asia Minor. Taurus, Athens. Foundation of the Hellenic World], 2003. URL: http://www.asiaminor.ehw.gr/l.aspx?id=7976

30. Lissandrini M., Brugnara M., Velegrakis Y. Beyond Macrobenchmark: Microbenchmark-Based Graph Database Evaluation. *Proceedings of the Very Large Data Bases Endowment,* 2018, vol. 12, no. 4, pp. 390-403.

31. Malatras Chr. *Social Stratification in Late Byzantium.* Edinburgh, Edinburgh Univ. Pr., 2023. XX, 588 p.

32. Mitsiou E. Prosopography, GIS, and Networks of the 13th Century: New Tools and Methods. Konovalova I.G., Kirillova E.N., eds. *Istochnikovedeniye v sovremennoy mediyevistike* [The Studies on the Sources in the Modern Mediaeval History]. Moscow, IVI RAN, 2022, pp. 240-243.

33. Mitsiou E. The Lembiotissa Cartulary. Gounaridis P., Mitsiou E., eds. *The Cartulary of Lembiotissa (Lembos) Monastery: Critical Edition and Commentary (s.a.) (Forthcoming).* URL: https://www.academia.edu/40027495/The_cartulary_of_Lembiotissa_Lembos_monastery_critical_edition_and_commentary_forthcoming_

34. Pavlikianov C. *The Mediaeval Greek and Bulgarian Documents of the Athonite Monastery of Zographou (980–1600). Critical Edition and Commentary of the Texts.* Sofia, "St. Kliment Ohridski" Univ. Pr., 2014, 912 p.

35. Trapp E., et al., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit.* CD ROM-Version. Wien, Verl. d. Osterreichisch. Akad. d. Wissensch., 2001. 6626 S.

36. Segev E. How to Conduct Semantic Network Analysis. Segev E., ed. *Semantic Network Analysis in Social Sciences.* London, Routledge, 2022, pp. 16-37.

37. Segev E. Semantic Network Analysis: Summary and Conclusion. Segev E., ed. *Semantic Network Analysis in Social Sciences.* London, Routledge, 2022, pp. 216-227.

38. Segev E., ed. *Semantic Network Analysis in Social Scienses*. London, Routledge, 2022. XVI, 232 p.

Information About the Authors

Yury Ya. Vin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 991119 Moscow, Russian Federation, hkn@igh.ras.ru, https://orcid.org/0000-0001-9904-4123

Dmitry E. Kondratiev, Master (Engineering and Technology), Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, bandey@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9561-1086

Информация об авторах

Юрий Яковлевич Вин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 991119 г. Москва, Российская Федерация, hkn@igh.ras.ru, https://orcid.org/0000-0001-9904-4123

Дмитрий Евгеньевич Кондратьев, магистр техники и технологий, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, bandey@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-9561-1086

www.volsu.ru

ПЕРИФЕРИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.19

UDC 94(497.2)«11/12»
LBC 63.3(4Бол)4

Submitted: 01.06.2025
Accepted: 01.10.2025

THE RENEWAL OF THE BULGARIAN TSARDOM AT THE TURN OF THE CENTURIES AND EMPIRES (1185–1207)

Dmitry I. Polyvyannyy

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The "renewal of the Bulgarian Tsardom" (after the Synodicon of the Bulgarian Church of 1211) in 1185–1207 by the brothers Peter, John, and Kaloyan, the founders of the Asens' dynasty, had opened the last stage in the history of medieval Bulgarian statehood, when the foundations of its territorial, political, and ecclesiastical system, as well as its cultural identity and status in the changed international landscape of Central and Southeastern Europe, were formed anew and determined the development of the Bulgarian Tsardom until the Ottoman conquest at the end of the 14th century. *Methods and materials*. The renewal events are often compressed by historians into the framework of "the Peter's and Asen's rebellion" (1185/1186–1190), while the reign of Kaloyan (1197–1207) is represented as a row of battles and diplomatic efforts to get his title "Tsar of Bulgarians" internationally recognized. The exaggerated attention to these two themes often subordinates the chronology of the events to the logic of the authors' concepts and limits the variety of the actors to the characters of the "first row." *Analysis and results*. The author's attention is focused, firstly, on the proclamation and formation of the Bulgarian Tsardom, considered in the context of the crisis of the Byzantine Empire under the dynasty of Angels (1185–1204), and, secondly, on the efforts to legitimatize the "renewed" Bulgarian state during the III and IV Crusades (1189–1190; 1202–1204), the capture of Constantinople, and the creation of the Latin Empire in 1204–1207. The author concludes that the successive policy conducted by Peter, John, and Kaloyan was based on the idea of the Bulgarian Tsardom as a timeless complex of political, ideological, and cultural values that determined the common goals of the brothers and their associates in the struggle against Byzantium and, after 1204, the Latin Empire. Combining these values with situational responses to the changes in the international landscape, the brothers adapted the strategic culture of the revived Bulgarian Tsardom elaborated by them to the new challenges.

Key words: Bulgarian Tsardom, John Asen, Peter, Kaloyan, Byzantium, Papacy.

Citation. Polyvyannyy D.I. The Renewal of the Bulgarian Tsardom at the Turn of the Centuries and Empires (1185–1207). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 266-276. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.19

УДК 94(497.2)«11/12»
ББК 63.3(4Бол)4

Дата поступления статьи: 01.06.2025
Дата принятия статьи: 01.10.2025

ОБНОВЛЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА НА СТЫКЕ ВЕКОВ И ИМПЕРИЙ (1185–1207)

Дмитрий Игоревич Полывянный

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация

Аннотация. *Введение*. «Обновление Болгарского царства» (согласно Синодику Болгарской церкви 1211 г.) в 1185–1207 гг. основателями династии Асеней братьями Петром, Иоанном и Калояном открыло последний этап в истории средневековой болгарской государственности, когда основы территориальной,

© Полывянный Д.И., 2025

политической и церковной системы, а также культурной самобытности и статуса Болгарии в изменявшемся международном ландшафте Центральной и Юго-Восточной Европы формировались заново и определяли развитие Болгарского царства до османского завоевания. *Методы и материалы*. В литературе эти события нередко сжимаются до «восстания Петра и Асеня» (1185/1186–1190), а правление Калояна (1197–1207) представляется чередой сражений и дипломатических усилий, направленных на международное признание его царского титула. Преувеличенное внимание к этим двум темам подчиняет хронологию событий логике авторских концепций и ограничивает разнообразие действующих лиц персонажами «первого ряда». *Анализ и выводы*. Внимание автора сосредоточено, во-первых, на провозглашении и становлении Болгарского царства, рассматриваемого в контексте кризиса Византийской империи при династии Ангелов (1185–1204), и, во-вторых, на попытках Асеней легитимизировать обновленное болгарское государство во время III и IV крестовых походов (1189–1190; 1202–1204), взятия Константинополя и создания Латинской империи в 1204–1207 годах. Автор приходит к выводу, что последовательная политика, проводимая Петром, Иоанном и Калояном, была основана на представлении о Болгарском царстве как вневременном комплексе политических, идеологических и культурных ценностей, определявшим общие цели братьев и их единомышленников в борьбе против Византийской, а затем – Латинской империй. В сочетании с ситуационным реагированием эти ценности составляли стратегическую культуру обновленного братьями Болгарского царства, адаптированную к новым вызовам.

Ключевые слова: Болгарское царство, Иоанн Асень, Пётр, Калоян, Византия, папство.

Цитирование. Полывянный Д. И. Обновление Болгарского царства на стыке веков и империй (1185–1207) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №6. – С. 266–276. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.19

Введение. Обновлением Болгарского царства в средневековой болгарской книжности именовался результат политики братьев Асеней – Белгуна (Иоанна), Феодора (Петра) и Иоанницы (Калояна), направленной против Византии, а затем – против созданной крестоносцами на ее месте Латинской империи. В Синодик болгарской церкви, принятый собором в Тырново в 1211 г. при племяннике Асеней царе Бориле (1207–1218) вошли возглашения вечной памяти «Иоанну Асеню царю Белгуну, освободившему от рабства греческого болгарский род; Феодору, нареченному Петром брату его и царю и Калояну царю, брату его, многие победы одержавшему над греками и франками» [6, с. 152–153]. В совокупности эти памяти подвели итоги первых двух десятилетий истории возобновленного Болгарского царства, особо выделив освободителя «болгарского рода» Иоанна и победителя в войнах с Византийской и Латинской империями Калояна. Феодор поминается под именем Петра, которым его нарекли при провозглашении царем согласно местной историко-апокрифической традиции, в которой царствование сына царя Симеона и внука крестителя Болгарии князя Бориса-Михаила Петра (927–969) представлялось временем обновления, мощи и расцвета Болгарского царства [3, с. 17–42; 26, p. 37–38].

Рассмотрение времени братьев Асеней по их царствованиям затруднено в связи с совместными правлениями Петра с Иоанном в 1186–1196 гг. и с Калояном в 1196–1197 гг. [4, с. 27–40, 40–42, 43–68]. Попытки разделить это время на периоды по содержанию и итогам событий также не ведут к успеху – их перекрывают мощные катаклизмы, связанные с упадком Византии при Ангелах, взятием Константинополя крестоносцами, разделом византийского наследства вождями IV крестового похода и борьбой Болгарского царства против Латинской империи.

В историографии времени первых Асеней существует тенденция «сжимать» события в несколько этапов, знаменующих важнейшие вехи обновления Болгарского царства. Это, например, касается создания институтов светской и духовной власти осенью 1186 – весной 1188 гг. и походов Исаака II Ангела против болгар в 1187–1188 и в 1190 годах. В изображении последующих событий собственно военная деятельность отодвигает на второй план закрепление ее результатов и последствий для формирования Болгарского царства и его легитимизации в изменявшемся международном порядке на юго-востоке Европы. Г. Николов обратился к болгарским участникам событий «второго» ряда – членам многочисленного клана Асеней [20, с. 70–190], а Б. Николова –

к духовным лицам, включая главу Болгарской церкви архиепископа Василия [21, с. 321–362]. Асени заслоняют не только своих соратников, но и стоявшего за ними мощного коллективного актора – приобретшую военный и политический опыт в империи Комнинов местную знать Паристриона, откуда вышли и первые государи обновляемого Болгарского царства, и его политическая элита [13, с. 501–503; 18, с. 366–369; 24].

Методы и материалы. В огромной разноязычной историографии, сложившейся почти за полтора столетия изучения движения Асеней, исследователи, в том числе современные, не раз рассматривали его как целенаправленную и последовательную деятельность по реализации некоего замысла, плана или программы. Так, И. Божилов представил как устойчивую модель исторического бытия средневековой Болгарии, которую Асени воссоздали применительно к условиям своего времени, «Царство болгар и греков» Симеона (893–927) [5, с. 131–215].

Византийские современники обновления Болгарского царства, наряду с военным делом («стратиотика»), выделяли интеллектуальную сторону войн – «стратегику» [9, с. 19]. В современной политической науке в схожем контексте пишут о «стратегической культуре» как «производном от исторического опыта, географии и политической культуры комплексе убеждений, установок и ценностей», который формирует мировоззрение лидеров и «коллективные предпочтения в отношении использования военных средств для достижения политических целей» [28, p. 6].

С поправкой на средневековую политическую действительность признаки стратегической культуры можно выявить в деятельности первых Асеней, вышедших из боляр – военно-политической элиты византийской фемы Паристрион, сформировавшейся в империи Комнинов ко второй половине XII века. Представляя себя преемниками аристократии Болгарского царства X–XI вв., знать исповедовала православие, нивелировавшее этнические различия в ее среде и обладала зачатками исторического сознания, поддерживаемого устными преданиями и отчасти письменной традицией. Ведущую роль играл сложившийся в рамках нескольких поколений опыт участия в войнах как на стороне Византии, так и против нее, а также мирного взаимодействия с византийскими властями в Паристрионе и Константинополе [13, с. 507–513; 24, p. 36–37].

Под этим углом зрения мы рассмотрим, во-первых, военно-политическое противостояние братьев с пребывавшей в прогрессирующем упадке Византийской империей Исаака II (1185–1195) и Алексея III (1195–1203), и, во-вторых, институционализацию Болгарского царства и его утверждение в международном порядке, сложившемся на юго-востоке Европы после III и IV крестовых походов. Не ставя задачей пересмотр хронологии болгаро-византийского противостояния от конфликта Иоанна и Петра с Исааком II Ангелом осенью 1185 г. до мирного договора Асеней с Алексеем III 1202 г. [26, p. 29–34; 27], мы предложим отдельные коррекции взаимосвязи и последовательности событий обновления Болгарского царства в 1185–1190 годах.

Анализ. ***Обновление Болгарского царства (1185–1202): содержание и взаимосвязи событий.*** Пребывание болгарских земель под властью Византии после их завоевания Василием II в 1018 г. не привело ни к искоренению памяти о Болгарском царстве среди новых подданных империи, ни к забвению ромеями их грозного соперника. Анна Комнина, и по отцовской, и по материнской линии породненная с болгарским царем Самуилом (978–1014), называла его «последним в болгарской династии» и сравнивала с Зедекией – последним царем Иудеи перед вавилонским пленением [2, с. 209; 8, с. 63] Мануил I Комнин (1147–1180) наряду с другими титулами именовался «василевсом болгар» и провозглашал, что его власть распространяется и на те народы, которые «отступились от нашей державы» [16, с. 48]. Этот принцип заведомо лишал отступников перспектив возвращения государственности, которой они обладали до завоевания империей.

Асени, по словам Никиты Хониата, который оставил наиболее подробные сведения о них, принадлежали к «миксоварварам» или «варварам Хема» [1] [9, с. 26], обладая в этом регионе значительным влиянием и ресурсами. К началу противостояния они владели неприступной горной крепостью Тырново, которая была «самой важной из крепостей Хема, окру-

женной прочными стенами, разделенной на две части течением реки и расположенной на вершине горы» [9, с. 29]. Хотя византийский историк не упоминает о Тырново как центре Асеней, ученые единодушно помещают ее начало именно здесь [26, p. 52–53].

Восток фемы Паристрион, где развернулось движение, помимо пахотных земель включал отгонные пастбища и поселения скотоводов-влахов. Их часть, опираясь на «многочисленные укрепления, возвышавшиеся на отвесных скалах» [9, с. 26], охраняла горные перевалы, связывавшие Тырново с черноморским побережьем и Дунаем сетью путей по обеим сторонам Хема. Военную мощь Асеней существенно усиливали куманы-половцы, со знатью которых они были породнены. В начале борьбы против Исаака II Ангела по источникам не просматриваются их связи с ромейской аристократией, сосредоточенной в Константинополе и крупных провинциальных центров, но позже такие связи были установлены, например, с выступившим против Исаака II Ангела влиятельным ромейским кланом Врана [26, p. 75–76].

Во второй половине XII в. социально-экономические интересы жителей Паристриона противоречили растущим налоговым аппетитам византийской администрации, сосредоточившейся на изъятии налогов и податей, а участие в войнах империи перестало приносить прежние выгоды местной знати [18, с. 363–374].

Причиной мятежа Асеней византийские авторы называют налог на скот, установленный к свадьбе Исаака II Ангела с дочерью венгерского короля Белы III (1172–1196) [8, с. 152–153; 9, с. 26], но повод к нему, видимо, дали более ранние события, прежде всего, война сицилийских норманнов против Византии и взятие ими Фессалоники 24 августа 1185 года. Известия о падении города св. Димитрия достигли Тырново с возвращением местных воинов, принимавших участие в его защите и принесших икону святого, которая вскоре прослыла чудотворной [9, с. 29]. Братья воздвигли «молитвенный дом» (εκτήριοις οἶκος) [9, с. 29], где собирались экзальтированные местные жители и паломники. Предположения, что Асени намеренно распускали слухи о ниспосланной им поддержке св. Димитрия, как и объяснение состава и действий участников молитвенных собраний – одни из наиболее значительных тем в историографии [14, с. 84, 96, 111, 120]. В дальнейшей борьбе Асеней слухи, распускаемые сторонами, играли весьма существенную роль [1, с. 43–47]. Хотя место собраний уверенно именуется в литературе храмом, Хониат мог иметь в виду под «молельным домом» и часовню. Это соответствовало бы как быстрым срокам возведения здания, так и экзальтации собравшихся в ней паломников, недопустимой при богослужении.

В сентябре 1185 г. Андроник I Комнин был свергнут и убит, а на императорский трон воссел Исаак II Ангел (1185–1195). Феодор и Иоанн Асени вскоре после этих событий прибыли в лагерь у Кипселы, где новый василевс готовил отпор норманнам. Братья обратились к Исааку II с просьбой, о сути которой также продолжаются споры ученых, но получили в грубой форме отказ, вызвавший негодование братьев, они «напрасно настаивая на своей просьбе... намекали на отделение от ромейского государства, которое совершат, возвратившись домой» [9, с. 29]. Иоанн был подвергнут прилюдному унижению дядей Исаака II севастократором Иоанном, приказавшим отхлестать его по щекам [9, с. 26].

Вернувшись в свою твердыню Тырново, оскорбленные братья приступили к подготовке мятежа против Исаака II Ангела. Версия Хониата, что Асени «заранее предвидели отказ и отправились к императору лишь для того, чтобы иметь благовидный предлог для своего участия в восстании», давно считается несостоятельной [18, с. 368–369]. На наш взгляд, маловероятно и предположение, что визит братьев к императору был своеобразной «разведкой» ситуации перед началом готовившегося мятежа [14, с. 62].

Возвращение Асеней в Тырново без ожидаемых результатов вызвало всплеск активности их подданных. Пассаж о провозглашении Петра царем, увенчанием его золотым венцом и обуванием в пурпурные сандалии в «Истории» Хониата продолжает предшествующее ему повествование о безумствах, творившихся вокруг часовни, и одновременно открывает повествование о восстании Асеней, когда «весь народ массово взялся за оружие» [9, с. 27].

После «коронации», аналогичной акту провозглашения царем Петром Деляна в

1040 г., Пётр предпринял поход на Преслав – столицу Болгарского царства при «старом» Петре. Не сумев взять город, войско «нового Петра» опустошило ромейские поселения к югу от Балканских гор и вернулось в Тырново с большой добычей и пленными [9, с. 29].

Поход на Преслав, несмотря на то что город не был взят, не только положил начало войне Асеней с Исааком II, но и обозначил их стратегическую цель – восстановление Болгарского царства. Видимо, намерения Асеней стали известны в Константинополе. Походы обидчика Асеней севастократора Иоанна, кесаря Иоанна Кантакузина и победителя норманнов Алексея Главы против Асеней не дали результатов, прежде чем на Тырново двинулся сам Исаак II [28, p. 180–187]. Братья были принуждены уйти за Дунай, откуда с половецкой подмогой осенью того же года «возвратились в свою родную Мисию» (в другой рукописи «Истории» Хониата дополнено: «Чтобы отвоевать родную им Загору, что и сделали с радостью» [9, с. 29, прим. 2]). По словам Хониата, на этот раз повстанцы ставили целью «объединить правлением мисян и болгар в одно царство, как это было в прошлом» [9, с. 29]. В дальнейшем собирание земель, входивших до византийского завоевания в царство Петра, а затем в царство Самуила, стало стратегической целью и содержанием деятельности Асеней.

В Константинополе с возвращением Исаака II из похода война с Асенями вошла в актуальную повестку. Особым достижением василевса в экфрасисе известного юриста и ритора Феодора Вальсамона было представлено возвращение иконы св. Димитрия, находившейся «во тьме мятежнической» в доме «отступника Славопетра» [9, с. 112; 14, с. 201–202, 305–308]. Хониат предварил рассказ о смещении Исаака II в 1195 г. написанной от имени Иоанна Асеня речью к своему войску, где обосновывал законность власти царя накопленным в битвах и походах опытом в противовес Исааку II, который «овладел скипетром игрой слепого счастья» и в войне с Асенями пренебрег заповедями Василия II [9, с. 29, 48].

Асени не оставили без внимания и церковный аспект восстановления Болгарского царства. На месте «молельного дома» через год был возведен каменный храм св. Димитрия, освящение престола которого на мощах солунского великомученика состоялось, вероятно, осенью 1187 г., и по значению не уступало царской прокламации Петра. Известно, что на протяжении долгого времени для помазания болгарских государей на царство использовалось священное миро от мощей св. Димитрия Солунского, а лик святого украшал печать «царя болгар» Калояна [14, с. 204–205].

С освящением престола храма св. Димитрия могло быть совмещено поставление архиереем новой епархии Загоры с центром в Тырново соратника Асеней иеромонаха Василия. По свидетельству архиепископа Димитрия Хоматиана, оно было канонически совершено митрополитом Бдина, входившего в диоцез Болгарской (Охридской) архиепископии, и двумя его викарными епископами-греками [10, с. 49, 134]. Хиротония Василия означала возобновление Болгарской церкви как института воссоздаваемого Асенями царства.

К Асеням вскоре перешел и Преслав, ставший «прототронной» кафедрой митрополита, канонически подчиненного архиепископу Загоры, и царской резиденцией Петра [9, с. 154; 21, с. 222]. Тырновград оставался столицей Болгарского царства, резиденцией Иоанна Асеня и местопребыванием кафедры новой Тырновской (Загорской) архиепископии во главе с архиепископом Василием.

Асени устояли перед новой попыткой Исаака II силой привести их к подчинению в 1187–1188 гг., когда, по выражению Хониата, василевс «не довел совершенное до конца», а его «дела пошли еще хуже» [9, с. 35]. Мирная передышка не была продолжительной, а следующий поход Исаака II на болгар в 1190 г. завершился разгромом его армии в одном из ущелий Хема и захватом императорского креста с частицами мощей. Реликвия хранилась в Тырново до середины XIII в. и выносилась во время церковных процессий на Крещение Господне [8, с. 153–154; 14, с. 238–239].

После 1190 г. стратегическая инициатива в продолжавшейся войне с Исааком II перешла к Асеням, и Иоанн успешно расширял территорию Болгарского царства, возвращая территории, находившиеся под властью Петра I и Самуила. Из его походов в Тырново доставлялись мощи святых, укреплявшие зна-

чение престольного града как общеболгарской столицы. Особое значение имело перенесение из Средца в Тырново мощей св. Иоанна Рильского, чье почитание было связано с памятью св. царя Петра – покровителя первопрестольного Преслава [3, с. 35–40].

После 1190 г. византийские источники видят в Иоанне главного «апостата», а болгарские памятники именуют его царем, но обстоятельства получения им царского титула неизвестны. Пётр, чьей резиденцией был Преслав, сохранял царский титул, и соцарствование братьев продолжалось до гибели Иоанна от рук его родственника Иванко в 1196 году.

Укрепление Болгарского царства происходило на фоне упадка империи Исаака II, и к концу его правления, завершившегося переворотом, приведшим к власти его брата Алексея III (1195–1204), Пётр и Иоанн, по словам Н. Хониата, «молились о том, чтобы долголетней была власть потомков рода Ангелов, что управляли Ромейским государством», поскольку те ничего с ними не могли поделать [9, с. 45]. Сознавая невозможность военной победы над Асенями, Алексей III сделал в отношениях с Болгарией ставку на организацию заговоров и убийств. В 1196–1197 гг. один за другим погибли от рук своих приближенных Иоанн и Пётр [9, с. 50–52; 20, с. 124–126], и на престол Болгарского царства вошел младший из братьев, после гибели Иоанна ставший соправителем Петра в Тырново. Именем, которое он носил, в Византии называли «величайшего из Комнинов» – василевса Иоанна II (1118–1143).

Калояну удалось привлечь на свою сторону часть противников его братьев, в 1202 г. завершить войну с Алексеем III Ангелом и разграничить владения Болгарского царства с владениями империи на северо-востоке и юге. В этом договоре, как и в перемирии, заключенном в 1188 г. [27, p. 191–192], нередко видят свидетельства «признания» Болгарского царства Византией, но сам термин «признание» не представляется нам применимым. Хотя столичный триумф Иоанна Цимисхия в 972 г. с ритуалом развенчания болгарского царя Бориса II [14, с. 130–131] и триумфальное шествие Василия II через Афины в Константинополь в 1018 г. были призваны унизить болгарских царей, они не «отменяли» само Болгарское царство. Образ ромеев и болгар под общим «ярмом» империи в грамотах Василия II Охридской архиепископии и упоминание Болгарского царства в титуле Мануила I Комнина свидетельствуют, что Ромейское царство не уничтожило субъектность покоренного ими государства, включив его в состав империи.

В письме папе Иннокентию III от 1203 г. Калоян упомянул, что император Алексей III предлагал ему царскую корону, а болгарской церкви – патриаршее достоинство [17, с. 319]. С болгарской стороны принятие этого предложения означало бы возвращение к прежней модели отношений с Константинополем, когда император ромеев мог даровать Болгарскому царству и церкви признание их достоинства, как мог и лишить его. Слабость Византии была для Тырново очевидной, и в изменявшейся обстановке требовался иной источник легитимности.

Между империями и церквями: Болгарское царство в поисках новой легитимности. Проблемы легитимности Болгарского царства в европейской политико-церковной системе стали актуальными еще при братьях Калояна. В мае 1189 г. через Балканы и Константинополь в Азию двинулось стотысячное войско императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы (1155–1190), и старшие братья стали искать поддержку новой силы, которую они, как и сербские жупаны, преждевременно сочли направленной против Константинополя. Пётр, которого, как писал хронист, «свои именовали императором Греции», с появлением войск Фридриха I в Нише предложил императору дать торжественную клятву в верности и предоставить в помощь крестоносцам сорок тысяч конников-куманов взамен подтверждения за ним «императорской короны Греческого королевства» [5, с. 164–165; 17, с. 241, 279]. Речь, видимо, шла о признании власти болгарских царей над территориями, которые они, помогая Фридриху I, могли отторгнуть от империи, а в идеале – над всем византийским Западом. Однако в планы крестоносцев война с Византией еще не входила, и просьбы братьев не привели к желаемому результату.

Гибель Фридриха I и неудача III крестового похода изменили соотношение сил империи и папства. Готовя новый крестовый поход, около 1199 г. папа Иннокентий III направил послания нескольким государям

юго-востока Европы – жупану Дукли Вукану, бану Боснии Кулину и царю болгар Калояну. По мнению Ф. Делл'Альо, целью понтифика было «оказание дипломатического давления на Константинополь, изолируя его с помощью враждебных политий и вмешательства в церковную организацию региона, где Рим традиционно не пользовался особенно сильным влиянием» [23, p. 12–13].

В первом письме Иннокентия III «благородному мужу Иоанникию», написанном в конце 1199 или в начале 1200 г., папа, готовя почву для дальнейшего развития контактов с Калояном, упомянул о его происхождении «из благородного рода города Рима» [17, с. 308–309]. Ответ на письмо, доставленное в Тырново греком-униатом из Бриндизи архипресвитером Домиником, был дан Калояном только через два года. Как отмечено в папских регистрах, письмо Калояна было написано на болгарском языке (bulgarico), с которого в Риме переведено на греческий, а затем – на латынь. Калоян благодарил папу за напоминание о «крови и отечестве нашем», подтвердив его сведениями о Петре и Самуиле, почерпнутыми из «наших книг» (позднее Калоян добавил к перечню имя Симеона и упомянул «других царей»). Царь писал, что установить контакты с Римом желали еще его «блаженной памяти братья», и сам он трижды пытался направить к папе посланцев, но «не смог довести дело до желаемого конца». Главное в письме составляла просьба Калояна удостоить его «короны и чести» (coronam et honorem), как «у наших древних царей», и просил в следующий раз направить в Тырново легата высокого ранга [17, с. 309–311]. Калоян со ссылкой «на наши старые книги» назвал имена «наших древних царей» (imperatores nostri veteres) Петра и Самуила и упомянул «других, кто предшествовал им в царствовании» (qui eos imperio precesserunt) [17, с. 310]. Видимо, титул «царь» переводился на греческий как «василевс», а затем на латынь – как «император».

В ответном письме папа писал, что слышал о происхождении предков Калояна от «знати римлян» (ex nobili Romanorum) и присовокуплял справку из регест своих предшественников об их связях с Болгарией, где были коронованы многие государи [17, с. 311–314]. Титулование Калояна «rex» в ответах папы, на наш взгляд, следует отнести на счет канцелярских традиций Латерана. Обратный перевод с латыни в Тырново «превращал» титул в царский.

Своей логикой и аргументацией послание папы подтверждало соответствие Калояна критериям, которые папы прилагали к претендентам на королевскую корону. На обращение за королевским титулом норманнского короля Сицилии Рожера II д'Отвиля (1130–1154) антипапа Анаклет II (1130–1138) ответил, что государь (dux) Сицилии и его потомки, происходя из древнего монаршего рода и имея предков-королей, имеют право на королевский титул [22, XXXIX, col. 715–716]. На мозаике в храме Санта-Мария-дель-Аммиральо (Марторана) в Палермо Рожер II представлен в образе василевса, коронуемого Христом, хотя греческая подпись называет его королем (РНΞ). Этот прецедент важен для понимания проблемы инвеституры и коронации Калояна, ставших центральным сюжетом его переписки с папой Иннокентием III. Царь боролся не за подтверждение титула, которым уже обладал, а за место своего царства в формировавшемся на Балканах новом международном порядке.

Второй план переписки Калояна с Иннокентием III составлял конфликт царя с венгерским королем Имре (1196–1204) [26, p. 118–119]. Царь избрал посланцем в Рим епископа Власия, поставленного на кафедру Браничево, видимо, собираясь использовать папскую инвеституру для закрепления своих прав на спорные с Венгрией области. Исполняя просьбу Калояна, в сентябре 1204 г. папа поручил кардиналу Льву урегулировать венгерско-болгарский спор посредничеством по пути в Тырново, где посланец папы должен был короновать Калояна «на своей, а не на чужой земле» [17, с. 357]. В конфликте за Белград и Браничево папа встал на сторону болгарского царя, написав Имре II что Калоян, как и его брат Пётр, «происходя из рода древних королей Болгарии, не захватывали, но возвращали земли своих предков, одерживая чудесным образом победы над великими государями и многими народами» [17, с. 53].

8 ноября 1204 г., в день св. архистратига Михаила, небесного покровителя первого болгарского государя – христианина князя

Бориса-Михаила, Калоян был коронован от имени папы кардиналом Львом и тырновским архиепископом Василием, днем ранее получившим папское помазание и архиерейское облачение. Корону и скипетр, полученные от Иннокентия III, дополняли знамя с крестом и двумя ключами – публичная репрезентация монаршего достоинства Калояна и принадлежности Болгарского царства к католической общности [17, с. 345–346], а также личный знак его владельческих прав на военную добычу [7, с. 88].

На наш взгляд, по сей день недооценен вклад в восстановление Болгарского царства архиепископа Василия, сподвижника Асеней с начала их борьбы против Византии. который закреплял политические и военные успехи Асеней установлением на отвоеванных землях епархий, возглавляемых его викариями. Василий был поставлен Иннокентием III архиепископом Тырновским, получив от папы архиерейский паллиум и статус примаса «всея Болгарии и Валахии» [17, с. 344]. К 1203 г., когда Иннокентий III подтвердил полномочия болгарских архиереев, в число центров епархий, находившихся под омофором тырновского архиепископа и примаса Болгарии, входили Бдин, Преслав, Ловеч, связанные с началом борьбы Асеней во главе с Петром за обновление Болгарского царства, а также Браничево, Вельбужд, Призрен и Скопле – центры областей, присоединенных к Болгарскому царству Иоанном и Калояном [12, с. 16; 21, с. 245–248, 264–271]. Кафедра архиепископа Василия, находившаяся в столице Асеней, стала ядром формирования церковной организации Болгарского царства и крупным православным центром, где покоились мощи особо почитаемого болгарами прп. Иоанна Рильского, епископов Илариона Могленского и Иоанна Поливотского, св. Михаила Воина из Потуки, св. Филофеи и св. императрицы Феофано [4, с. 66–70]. Накануне падения Константинополя патриарший статус тырновской кафедры был признан и находившимся в изгнании константинопольским патриархом Иоанном Каматиром [10, с. 49–50, 136].

Создание Латинской империи и избрание на ее престол Бодуэна Фландрского в ноябре 1204 г. поставили Болгарское царство перед новыми вызовами. Калоян пытался установить с крестоносцами личные контакты [15, с. 74–75], трижды безуспешно предлагал крестоносцам признать его права на часть Фракии в обмен на военную помощь, но получил отказ [12, с. 53–56]. Болгарский царь предупредил Иннокентия III о назревающем конфликте в связи с разделом византийских владений без учета его интересов и попросил о предварительном отпущении грехов на случай войны с крестоносцами [17, с. 359–360]. За поддержкой к болгарскому царю обратился и бывший византийский император Алексей III, войско которого оказало отпор латинянам во Фракии. Болгарский царь вступил в контакты с греческой аристократией Адрианополя и Филиппополя, также несогласной с разделом византийских владений вождями IV крестового похода, и отозвался на призыв о помощи.

Война началась в апреле 1205 г., и первое же сражение с войсками императора Бодуэна I под Адрианополем 14 апреля 1205 г. окончилось разгромом войск латинян и пленением их императора. Дальнейшие военные действия болгарского царя при участии половецких отрядов развивались вдоль важнейшего пути Via Egnatia, сопровождаясь разграблением греческих городов и угоном в Болгарию и половецкий плен их жителей. Несколько раз войско Калояна пыталось взять Фессалонику, в боях за которую в 1206 г. погиб ее самопровозглашенный король Бонифаций Монферратский, а его голова была отослана болгарскому царю [12, с. 73–79]. В начале 1207 г. Калоян принял предложение правившего в Никее Феодора Ласкариса объединить усилия в борьбе с латинянами. 25 мая 1207 г. Иннокентий III направил Калояну краткое письмо, пытаясь убедить его прекратить войну [17, с. 360]. В регестах папской канцелярии сохранилось недатированное письмо Калояна, где тот заявлял, что сражается под дарованным ему знаменем во славу св. Петра, против тех, кто узурпировал константинопольскую корону [11, с. 120; 25, col. CXLVII–CXLVIII]. Во время осады Фессалоники осенью 1207 г. при неясных обстоятельствах царь погиб. Распространявшийся греками слух о смерти Калояна от руки покровителя города, записанный Иоанном Ставракием в свод чудес св. Димитрия,

сказался на посмертной репутации царя в православном мире [1, с. 140–141].

Выводы. Итоги деятельности братьев Асеней подвели события, последовавшие после гибели Калояна. Власть в Болгарском царстве перешла к племяннику Асеней Борилу, дочь Калояна стала женой латинского императора Генриха Фландрского – брата погибшего в болгарском плену Бодуэна. Василий продолжал возглавлять болгарскую церковь как канонически поставленный архиерей и участвовал в соборе, созванном царем Борилом в 1211 г. в Тырново. На этом соборе был принят Синодик в неделю Православия – атрибут самостоятельной православной церкви, в текст которого вошли поминальные записи братьев Асеней. Царский титул болгарских государей не оспаривался соседями и противниками Болгарского царства, а его столица – Царьград Тырнов – стала одним из центров православного мира.

Старшим братьям Петру и Иоанну вместе, как и младшему – Калояну история отвела по одному десятилетию. В их общей деятельности стратегическая культура, основанная на военно-политическом опыте и бытовавших представлениях о Болгарском царстве, сочеталась с ситуационным реагированием на вызовы стремительно изменявшейся политической обстановки в юго-восточной Европе. Обострение внешнеполитических вызовов и внутренних противоречий в окружении Асеней в конечном счете стоило им жизней, но результаты их политики позволили посмертно достичь высшей в средневековой Европе степени монарших заслуг – основать династию, правившую в Болгарском царстве до его завоевания османами в конце XIV века.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Хониат и другие византийские авторы называют горную цепь Стара Планина с предгорьями и прилегающими равнинами, где началось выступление Асеней, «Хемос» (Αἶμος) или «Зигос» (Ζυγός). Во втором случае значение слова («цепь») создавало возможность для его обыгрывания как символа порабощения. В то же время, в грамотах императора Василия II Охридской (Болгарской) архиепископии (1018–1020), говорится об объединении бывшего царства Петра и Самуила «под одним ярмом» (ὑπὸ ζυγόν) с державой ромеев. См.: [18, с. 348–353; 19; 26, p. 67–68].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангелов П. Слуховете в средновековна България. София: Полис, 2019. 180 с.
2. Анна Комнина. Алексиада / пер. и комм. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 704 с.
3. Билярски И. Покровители на Царството. Св. Цар Петър и св. Параскева-Петка. София: Вулкан-4, 2004. 111 с.
4. Божилов И. Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София: Изд-во на БАН «Марин Дринов», 1994. 508 с.
5. Божилов И. Седем етюда по средновековна история. София: Анубис, 1995. 367 с.
6. Божилов И., Тотоманова А., Билярски И. Борилов Синодик. Издание и превод. София: ПАМ, 2012. 386 с.
7. Виллардуэн Ж. Взятие Константинополя / пер., статья и комм. М. А. Заборова. М.: Наука, 1993. 396 с.
8. Гръцки извори за българската история. Т. VIII. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1972. 322 с.
9. Гръцки извори за българската история. Т. X. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1978. 420 с.
10. Гръцки извори за българската история. Т. XIII. София: Изд-во на Българската академия на науките «Марин Дринов», 2023. 170 с.
11. Гюзелев В. Папство и българите през Средновековието. Съчинения в пет тома. Т. 3. София: Захарий Стоянов, 2013. 423 с.
12. Данчева-Василева А. България и Латинската империя (1204–1261). София: Изд-во на БАН, 1985. 206 с.
13. Димов Г. Балканският свят в епохата на Комнините (1081–1185) София: ИК Тендрил, 2023. 600 с.
14. Добычина А. С. Становление Второго Болгарского царства (1185–1204): власть и ее легитимация: дис. … канд. ист. наук. М., 2016. 320 с.
15. Клари Р. де. Завоевание Константинополя / пер., статья и комм. М. А. Заборова. М.: Наука, 1986. 179 с.
16. Кузенков П. В. Самоидентификация империи: версия Мануила I Комнина // Исторический вестник. 2020. Т. XXXI. С. 34–57.
17. Латински извори за българската история. Т. III. София: Издание на БАН, 1965. 408 с.
18. Литаврин Г. Г. Византия и славяне (сборник статей). СПб.: Алетейя, 1999. 608 с.
19. Маринов К. Щрихи към образа на планината Хемус: Nicetae Choniatae Historia, p. 368–398 (ed. van Dieten) // Севлиево през вековете. Исторически измерения, събития, личности. Севлиево: М-Прес, 2024. С. 25–42.

20. Николов Г. Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII – средата на XIII в.). София: ИК Гутенберг, 2011. 255 с.

21. Николова Б. Устройство и управление на Българската православна църква (IX–XIV век). София: Нов човек, 2017. 373 с.

22. Anacleti Antipapae Epistolae et Privilegia // Willelmi, Malmesburiensis monachi, opera omnia / acc. J.-P. Migne. P.: Imprimerie J.-P. Migne, 1855. Col. 689–732. (Patrologia cursus completus. Series Latina; Vol. 179).

23. Dall'Aglio F. Innocent III and South-eastern Europe: Orthodox, Heterodox, or Heretics? // Studia Ceranea. 2019. Vol. 9. P. 11–25. DOI: https://doi.org/10.18778/2084-140X.09.01

24. Dall'Aglio F. Paristrion as Centre and Periphery: from Byzantine Border Province to Heartland of the Second Bulgarian Tsardom // Studia Ceranea. 2022. Vol. 12. P. 29–50. DOI: https://doi.org/10.18778/2084-140X.12.12

25. Gesta Innocentii PP. III // Innocentii III, Romani pontificus, opera omnia. T. I / acc. J.-P. Migne. P.: Garnier Fratres, 1890. Col. XVII–CCXXVIII. (Patrologia cursus completus. Series Latina; Vol. 214).

26. Madgearu A. The Asanids: The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden; Boston: Brill, 2017. 399 p.

27. Ritter M. Die vlacho-bulgarische Rebellion und die Versuche ihrer Niederschlagung durch Kaiser Isaakios II. (1185–1195) // Byzantinoslavica. 2013. T. 71. P. 162–210.

28. Routledge Handbook of Strategic Culture / ed. by K. M. Kartchner, B. D. Bowen, J. L. Johnson. L.: Routledge, 2023. 570 p.

REFERENCES

1. Angelov P. *Sluhovete v srednovekovna Balgariya* [Rumors in Medieval Bulgaria]. Sofia, Polis Publ., 2019. 180 p.

2. Lyubarskiy Ya.N., ed. Anna Komnina. *Aleksiada* [Alexiade]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 704 p.

3. Biliarski I. *Pokroviteli na Tsarstvoto. Sv. Tsar Petier i sv. Paraskeva-Petka* [The Patrons of the Tsardom. St. Tsar Peter and Sv. Paraskeva-Petka]. Sofia, Vulkan-4 Publ., 2004. 111 p.

4. Bozhilov I. *Familiyata na Asenevtsi (1186–1460). Genealogiya i prosopografiya* [The Family of Asenides. Genealogy and Prosopography]. Sofia, Izd-vo na BAN; Marin Drinov Publ., 1994. 508 p.

5. Bozhilov I. *Sedem etyuda po srednovekovna istoriya* [Seven Etudes on the Medieval History] Sofia, Anubis Publ., 1995. 367 p.

6. Bozhilov I., Totomanova A., Biliarski I. *Borilov Sinodik. Izdanie i prevod* [The Synodicon of Boril. Edition and Translation]. Sofia, PAM, 2012. 386 p.

7. Villarduen Zh. *Vzyatie Konstantinopolya* [The Fall of Constantinople]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 396 p.

8. *Gratski izvori za balgarskata istoriya. T. VIII* [Greek Sources on Bulgarian History. Vol. 8]. Sofia, Izd-vo na Balgarskata akademiya na naukite, 1972. 322 p.

9. *Gratski izvori za balgarskata istoriya. T. X* [Greek Sources on Bulgarian History. Vol. 10]. Sofia, Izd-vo na Balgarskata akademiya na naukite, 1978. 420 p.

10. *Gratski izvori za balgarskata istoriya. T. XIII* [Greek Sources on Bulgarian History. Vol. 13]. Sofia, Izd-vo na Bŭlgarskata akademiya na naukite «Marin Drinov», 2023. 170 p.

11. Giuzelev V. *Papstvo i balgarite prez Srednovekovieto. Sachineniya v pet toma. T. 3* [The Papacy and the Bulgarians in the Middle Ages]. Sofia, Zakharii Stoianov, 2013. 423 p.

12. Dancheva–Vasileva A. *Balgariya i Latinskata imperiya (1204–1261)* [Bulgaria and the Latin Empire (1204–1261)]. Sofia, Izd-vo na BAN, 1985. 206 p.

13. Dimov G. *Balkanskiyat svyat v epokhata na Komninite (1081–1185)* [The Balkan World in the Comnenes' Epoque]. Sofia, IK Tendril, 2023. 600 p.

14. Dobychina A.S. *Stanovlenie Vtorogo Bolgarskogo tsarstva (1185–1204): vlast i ee legitimatsiya: dis. ... kand. ist. nauk* [The Rise of the Second Bulgarian Tsardom (1185–1204): Power and Its Legitimation. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2016. 320 p.

15. Klari R. de. *Zavoevanie Konstantinopolya* [The Fall of Constantinople]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 179 p.

16. Kuzenkov P.V. Samoidentifikatsiya imperii: versiya Manuila I Komnina [The Self-Identification of the Empire: Manuel I Comnine's Version]. *Istoricheskiy vestnik*, 2020, vol. XXXI, pp. 34-57.

17. *Latinski izvori za balgarskata istoriya. T. II* [Latin Sources on the Bulgarian History]. Sofiya, Izdanie na BAN, 1965. 408 p.

18. Litavrin G.G. *Vizantiya i slavyane (sbornik statey)* [Byzantium and the Slavs]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1999. 608 p.

19. Marinov K. Shtrikhi kam obraza na planinata Hemus: Nicetae Choniatae Historia, p. 368-398 (ed. van Dieten) [Strokes to the Image of the Hemus Mountains: Nicetae Choniatae Historia, p. 368-398 (ed. van Dieten)]. *Sevlievo prez vekovete. Istoricheski izmereniya, sabitiya, lichnosti* [Sevlievo through the Ages. Historical Dimentions, Events, Persons]. Sevlievo, M-Pres, 2024, pp. 25-42.

20. Nikolov G. *Samostoyatelni i polusamostoyatelni vladeniya vav vazobnovenoto Balgarsko tsarstvo (kraya na XII – sredata na XIII v.).* [The Autonomous and Semi-Autonomous Domains in the Renewed Bulgarian Tsardom]. Sofia, IK Gutenberg, 2011. 255 p.

21. Nikolova B. *Ustroystvo i upravlenie na Balgarskata pravoslavna tsarkva (IX–XIV vek)* [The Arrangement and the Rule of the Bulgarian Orthodox Church]. Sofia, Nov chovek, 2017. 373 p.

22. Anacleti Antipapae Epistolae et Privilegia. Migne J.-P., ed. *Willelmi, Malmesburiensis monachi, opera omnia*. Paris, Imprimerie J.-P. Migne, 1855, cols. 689–732. (Patrologiae cursus completus. Series Latina; vol. 179).

23. Dall'Aglio F. Innocent III and South-eastern Europe: Orthodox, Heterodox, or Heretics? *Studia Ceranea*, 2019, vol. 9, pp. 11-25. DOI: https://doi.org/10.18778/2084-140X.09.01

24. Dall'Aglio F. Paristrion as Centre and Periphery: From Byzantine Border Province to Heartland of the Second Bulgarian Tsardom. *Studia Ceranea*, 2022, vol. 12, pp. 29-50. DOI: https://doi.org/10.18778/2084-140X.12.12

25. Gesta Innocentii PP. III. Migne J.-P., ed. *Innocentii III, Romani pontificus, opera omnia. T. I*. Paris, Garnier Fratres, 1890, col. XVII–CCXXVIII (Patrologia cursus completus. Series Latina; vol. 214).

26. Madgearu A. *The Asanids: The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280)*. Leiden, Boston, Brill, 2017. 399 p.

27. Ritter M. Die vlacho-bulgarische Rebellion und die Versuche ihrer Niederschlagung durch Kaiser Isaakios II. (1185–1195). *Byzantinoslavica*, 2013, t. 71, pp. 162-210.

28. Kartchner K.M., Bowen B.D., Johnson J.L., eds. *Routledge Handbook of Strategic Culture.* London, Routledge, 2023. 570 p.

Information About the Author

Dmitry I. Polyvyannyy, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Research and Educational Center for the Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Ermaka St, 39, 153025 Ivanovo, Russian Federation, dipol53@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3680-5508

Информация об авторе

Дмитрий Игоревич Полывянный, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, ул. Ермака, 39, 153025 г. Иваново, Российская Федерация, dipol53@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3680-5508

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.20

UDC 1(100)(091):2-585
LBC 87.3(0)44

Submitted: 08.05.2025
Accepted: 08.09.2025

CARNAL LOVE AND MARRIAGE IN THE ANTHROPOLOGY OF GREGORY PALAMAS AND IN THE PHILOSOPHY OF GEORGE GEMISTOS PLETHON

Tatiana A. Senina

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction*. The article is dedicated to comparing the views of Gregory Palamas, as a representative of the Orthodox patristic tradition, and George Gemistos Plethon, who engaged in polemics against Palamism, on carnal love and marriage. *Methods*. Methods employed in this article are source research, information analysis, and comparative research. Sources on the subject include Plethon's "Book of Laws," "On Virtues," and "Address to the Emperor Manuel on Affairs in the Peloponnese," Palamas' Homilies; Maximus the Confessor's "Questions and Doubtful Passages"; Ioannes Damaskenos' "An Exact Exposition of the Orthodox Faith"; and "Mazaris's Journey to Hades." *Analysis*. Gregory Palamas fully embraced the perspectives on marriage and earthly love characteristic of Maximus the Confessor and strict Orthodox ascetics: love for bodily pleasures renders a person an enemy of God; carnal union, even within a lawful marriage, is not entirely free from sin, as it is associated with uncontrollable pleasure; sexual desire must be constantly suppressed in the pursuit of complete purity of thought; those who wish to serve God without hindrance are better off living in virginity and avoiding marriage; and monasticism is the civil way of life closest to divine nature. In contrast, Plethon regarded the aspiration to celibacy as a significant error: marriage and procreation are beautiful and divine, as through them a person fulfills their purpose of being a bond of the world, continually reproducing their lineage and eternally uniting within themselves the immortal and mortal parts of the universe; erotic pleasure is bestowed upon humanity from above precisely so that one cannot easily deviate from matrimony. The virtue of σωφροσύνη for Plethon does not equate to chastity in the Christian sense, which implies abstaining from all bodily pleasures, but rather signifies prudence in utilizing pleasures in a manner pleasing to God: bodily delights are necessary and permissible, but one must observe κοσμιότης – propriety and decency – in them. Although Gemistos, like Christians, condemned adultery, non-traditional sexual relations, and lack of restraint in pleasures, it was not because he deemed pleasures themselves displeasing to God; rather, it was because all these aspects do not align with the ultimate goal of carnal love and humanity's duty towards the universe – procreation, through which humans emulate the Gods themselves. *Results*. Plethon diverged from Palamas not only in theological matters but also in his views on humanity and its purpose as a whole; Gemistos' teachings on pleasures and his attitude towards carnal love stood in opposition to the ascetic rigorism of the Christian Church Fathers. *Funding*. The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00251, "The Byzantine Renaissance: The Institutional Foundations and Theological and Metaphysical Origins of Religious and Political Discourse, Second Half of the 11th – 15th Centuries" (Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences), https://rscf.ru/en/project/23-18-00251/

Key words: George Gemistos Plethon, Gregory Palamas, Maximus the Confessor, Byzantine philosophy, anthropology, asceticism, sexual intercourse, marriage, procreation, carnal love, body.

Citation. Senina T.A. Carnal Love and Marriage in the Anthropology of Gregory Palamas and in the Philosophy of George Gemistos Plethon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 277-288. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.20

© Сенина Т.А., 2025

УДК 1(100)(091):2-585
ББК 87.3(0)44

Дата поступления статьи: 08.05.2025
Дата принятия статьи: 08.09.2025

ПЛОТСКАЯ ЛЮБОВЬ И БРАК В АНТРОПОЛОГИИ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ И ФИЛОСОФИИ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА

Татьяна Анатольевна Сенина

Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье сравнивается отношение к плотской любви и браку в антропологическом учении Григория Паламы, выражавшего взгляды православных отцов церкви, и в мировоззрении Георгия Гемиста Плифона, чья философия стала полемическим ответом паламизму, в том числе в области морали. Палама полностью воспринял воззрения на супружество и земную любовь, свойственные Максиму Исповеднику и строгим православным аскетам: любовь к телесным удовольствиям делает человека врагом Богу; плотское соитие даже в законном браке не вполне свободно от греха, поскольку сопряжено с неуправляемым наслаждением; сексуальное желание нужно постоянно подавлять, стремясь к полной чистоте мыслей; желающим беспрепятственно угождать Богу лучше жить в девстве и избегать брака; монашество – наиболее близкий к божественной природе гражданский образ жизни. Плифон, напротив, считал стремление к безбрачию большим заблуждением: с его точки зрения, брак и деторождение прекрасны и божественны, так как через них человек исполняет свое предназначение быть скрепой мира, постоянно воспроизводя свой род и вечно соединяя в себе бессмертную и смертную части вселенной; любовное наслаждение даровано человеку свыше именно для того, чтобы он не мог легко уклониться от супружества. Добродетель σωφροσύνη у Плифона – не целомудрие в христианском понимании, как воздержание от всех плотских удовольствий, а благоразумие в смысле пользования удовольствиями богоугодным образом: плотские наслаждения необходимы и позволительны, но в них надо соблюдать κοσμιότης – благопристойность и порядочность. Хотя Гемист, как и христиане, осуждал прелюбодеяние, нетрадиционные сексуальные отношения и невоздержанность в наслаждениях, но не потому, что считал небогоугодными удовольствия как таковые, а потому, что все это в его философии не согласуется с конечной целью плотской любви и долгом человека перед вселенной – деторождением, которым люди подражают самим Богам. Таким образом, учение Плифона об удовольствиях и его отношение к плотской любви противостояло аскетическому ригоризму отцов христианской Церкви.
Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00251 «Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.» (Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук), https://rscf.ru/project/23-18-00251/.

Ключевые слова: Георгий Гемист Плифон, Григорий Палама, Максим Исповедник, византийская философия, антропология, аскетика, половое общение, брак, деторождение, чувственная любовь, тело.

Цитирование. Сенина Т. А. Плотская любовь и брак в антропологии Григория Паламы и философии Георгия Гемиста Плифона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №6. – С. 277–288. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.20

Введение. Жизнь философа Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360–1454 гг.) целиком пришлась на время, когда в Византии в качестве церковной идеологии восторжествовало учение Григория Паламы. Но, хотя оно официально было окончательно признано православным на Константинопольском соборе 1351 г., полемика на темы, затронутые в ходе исихастского спора, не прекращалась: взгляды паламитов критиковали как латинофилы, так и считавшие паламизм ересью и отступлением от православия [1]. И. Мейендорф утверждал, что после соборного одобрения учения Паламы и осуждения его противников «помимо нескольких одиночек [2], сплотившихся вокруг Никифора Григоры, никто больше не противостоял паламизму в лоне Византийской Церкви» [24, p. 153], однако реальность была не столь однозначной. Многие византийцы, не имея твердых богословских убеждений, меняли взгляды в зависимости от политико-религиозной позиции светских и церковных властей [7, с. 108–111]. Люди более идейные, видя гонения на антипаламитов, подобные истории осуждения Прохора Кидониса [3], опасались открыто выступать против офи-

циальных взглядов, однако это не означало, что оппозиция в Византии исчезла и все убедились в правильности учения Паламы. Даже некоторым сторонникам его учения о сущности и энергиях в Боге не нравился ригоризм нападок Григория на занятия науками и эллинскую философию. Так, Николай Кавасила отстаивал необходимость хотя бы религиозного образования [27, p. 157], и даже эта узконаправленная апология учености была нелишней, судя по атмосфере, сложившейся в Византии по итогам паламитских споров: Димитрий Кидонис в одном из писем говорил, что в императорском дворце он видит толкущихся там бородачей, «у которых полное незнание словно бы является прямо-таки неким символом добродетели» [16, p. 85, Ep. 50.35–37]. С течением времени стремление защитить и отстоять мирские науки и философию от ревнителей не по разуму, очевидно, только усиливалось в интеллектуальной среде, и в XV в. главным столпом сопротивления церковному обскурантизму стал Плифон.

Видный представитель интеллектуальной элиты своего времени, Гемист был прекрасно знаком с текущими философско-богословскими дискуссиями и выступил в защиту античной философии и светских наук против нападок паламитов, полемизируя с их взглядами, – на что прямо указывает, в частности, монах Григорий, ученик Плифона, в надгробном слове учителю [10, с. 57–59, 75]. Исследователи, отмечая антипаламитский дискурс в философии Плифона, обращали внимание в основном на темы богопознания, видения божественного света, соотношения в Боге сущности и энергий, роли наук в познании Бога [8, p. 197–201; 28, p. 114–119; 30]. Однако Гемист расходился с Паламой не только в богословских вопросах, но не менее того – в воззрениях на человека и его предназначение. Антропологические взгляды обоих византийцев уже сравнивались в целом [27], и в настоящей работе я хочу рассмотреть более узкую тему, сопоставив отношение Паламы и Плифона к плотской любви и браку, поскольку до сих пор в исследованиях практически не обращалось внимание на резкое расхождение взглядов Гемиста в этой области с православной аскетической традицией и, в частности, с воззрениями Паламы.

Методы. В работе используется метод аналитического исследования и сравнения источников, проясняющий их логику и содержание путем их сопоставления. Источники по теме включают сочинения Плифона: «Законы» (= *Leg*. [26, p. 1–260]) и дополнительные отрывки из них [20, p. 311–321], «О добродетелях» (= *De virt*. [18, p. 1–15]), «К императору Мануилу о положении Пелопоннеса» [31, σ. 246–265]. Также используются проповеди Григория Паламы (= *Hom*. [19]) и его «Слово к Иоанну и Феодору» [32, σ. 290–308], «Вопросы и недоумения» Максима Исповедника [6], «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина [3], «Пребывание Мазариса в подземном царстве» [13, p. 112–186], похвальное слово патриарха Филофея Григорию Паламе [12]. В качестве обзорного справочного издания по аскетическому учению отцов православной церкви используется книга Ж.-К. Ларше [5].

Анализ. Позиция отцов Церкви в целом была такова, что, хотя плотская любовь дозволительна в законном браке (и то лишь в определенные периоды, когда нет церковных праздников или постов), христианину не только можно, но и желательно предпочитать девственную жизнь – как идеал, явленный безбрачным Христом, и как более удобную для приобретения добродетелей. Особенно резко и последовательно ополчился на все чувственные удовольствия Максим Исповедник: по его мнению, изначально человек был создан для объединения всего сотворенного материального мира с Богом и должен был все в себе подчинить стремлению к Богу, в частности, бесстрастием преодолеть разделение на мужской и женский пол; его тело стало грубым, тленным и подверженным страстям только после грехопадения, тогда же человек подчинился и закону плотского рождения [2, с. 73–75, 81]. Соответственно, любое стремление к материальным предметам и чувственным удовольствиям вместо чисто духовных является проявлением греховных страстей и плотоугодием, а желающий стать совершенным должен полностью отказаться от всех плотских удовольствий, обратить желательную силу природы исключительно к Богу и достичь бесстрастия и обожения [2, с. 102–105, 114–125]. В толковании на слова

«В беззакониях я зачат, и во грехах зачала меня мать моя» (Пс. 50, 7) Максим говорит:

«Поскольку первоначальная цель Бога была в том, чтобы мы рождались без брака и истления, а брак был введен по причине преступления заповеди, ибо Адам совершил беззаконие, то есть отверг Закон, данный ему Богом, – поэтому все, кто ведет род от Адама, зачинаются в беззакониях, подпадая под осуждение праотца. Слова же *и во грехах зачала меня мать моя* означают, что Ева, мать нас всех, первой зачала грех, пылая страстью к наслаждению. Поэтому и мы, подпадая под осуждение праматери, говорим, что мать зачинает нас во грехах» [6, с. 199–200].

Ж.-К. Ларше, резюмируя учение отцов Православной церкви об удовольствиях, по сути сводит его именно к мнению Максима: раз Бог при сотворении не вкладывал в человеческую природу чувственного удовольствия, то стремление к наслаждениям плотским и направленным не на Бога является извращением действия природных способностей и порождает все страсти и пороки; в нормальном состоянии желательная сила должна быть направлена исключительно на Бога, а желающий чувственных и материальных вещей не может любить Бога как следует [5, с. 58–65]. Идеальным состоянием человека до грехопадения было девство, и люди, если бы не пали, размножались бы неполовым путем; половые органы были им даны Богом лишь в предведении грехопадения. Поэтому и после грехопадения девство остается «нормой совершенства», а половое общение «в рамках брака не подлежит осуждению» лишь потому, что человеку надо размножаться [5, с. 147–149]. Правда, Ларше оговаривается, что «при правильном осуществлении плотское начало, освященное таинством Брака, являющееся частью целого и духовно преображенное любовью супругов, живущих в Боге, как и другие проявления супружеского союза, является проницаемым для Бога и воплощает на своем уровне, по принципу аналогии, единение Христа и Церкви, приобретая, таким образом, мистический смысл» [5, с. 150], – однако характерно, что никаких отсылок к отцам Церкви он при этом не дает, ссылаясь лишь на Еф. 5, 20–32; так что данное утверждение выглядит, скорее, уступкой современным взглядам на любовь и брак.

Впрочем, не все православные отцы считали, что чувственных удовольствий (в том числе от совокупления) надо избегать любой ценой, как видно на примере Иоанна Дамаскина. В «Точном изложении православной веры» он к «естественным и необходимым» удовольствиям причисляет удовольствия, связанные с пищей и одеждой, и продолжает:

«...другие же [удовольствия], хотя естественны, однако не необходимы, каковы совокупления, согласные с природою и сообразные с законом (ибо хотя они содействуют сохранению всего рода, однако возможно без них жить в девстве). Иные же удовольствия ни необходимы, ни естественны, как пьянство, и распутство, и объедение... Поэтому живущий в согласии с Богом должен принимать необходимые и в то же время естественные удовольствия, а естественные и не необходимые ставить на втором месте, допуская их в подобающее время, и подобающим образом, и в подобающей мере. Остальных же удовольствий следует безусловно избегать» [3, с. 212].

Таким образом, Иоанн, хотя и не считает удовольствие от совокупления необходимым, все же не доходит до радикализма Максима Исповедника. Однако в целом патристическое православие проповедовало верующим аскетический идеал монашеского толка, осуждающий все плотские и мирские наслаждения.

Разумеется, в Византии, как и в любом обществе, существовали любовные отношения и сексуальная жизнь, и нередко весьма бурные, хотя собственно теоретическое отношение к эротическим желаниям и эмоциям и их описания имели определенную специфику (см.: [14; 23]). Однако постоянное напряжение между желанием и отрицанием, существование религиозного идеала в виде святых и монахов, отвергавших плотские удовольствия как греховные, создавало в жизни людей (по крайней мере, желающих быть благочестивыми) психологические проблемы и моральные дилеммы, неведомые или значительно ослабленные в современном секулярном обществе (см.: [15]). То, что предлагаемая женщинам модель святости к XI в. в некоторой степени отошла от аскетического ригоризма и стала включать в себя также роль хорошей жены и домохозяйки [21, p. 644–645], не отодвинуло на второй план аскетический идеал девства и целому-

дрия: родители отдавали детей в монастыри, чтобы «посвятить Богу», люди по-прежнему стремились к монашеской жизни – и как к избавлению от тягот жизни семейной, и как к жизни высшей по сравнению с супружеством.

Это можно видеть и на примере семьи Григория Паламы, которая в похвальном слове ему изображена как пример благочестия, который при ближайшем рассмотрении оказывается весьма своеобразным – по крайней мере, на взгляд современного читателя. По сообщению энкомиаста, патриарха Константинопольского Филофея, Константин Палама, отец Григория, будучи членом синклита, на заседаниях вместо слушания дел занимался мысленной молитвой, а к своим детям проявлял некое равнодушие «и как бы напрягал все свои силы, чтобы... порвать эти крепчайшие узы естества любовью и беззаветной преданностью Христу». Он не ласкал своих детей и не играл с ними, а когда друзья и родственники спрашивали, почему он так себя ведет, отвечал: «Я и сам этого хочу... Но боюсь привыкнуть, не обратилось бы подобное отношение к детям во мне в постоянное свойство, и потом я был бы вне возможности перенести легко и со стойкостью потерю их, так как возможно, что некоторые из них умрут раньше своих родителей, – час смерти ведь неизвестен. Поэтому вот я и стараюсь держать себя далеко от привычки и от привязанности к своим детям...» [12, с. 16, 18–19]. При этом родители «не только сами часто посещали святые места, ежедневно внимали беседам монашествующих и духовных отцов, но и детей своих к тому приучали», даже самых маленьких и только начинавших говорить [12, с. 20–21]. Благочестивые тренировки в равнодушии к детям Константину, по иронии судьбы, не пригодились: он умер раньше их всех. В момент смерти отца Григорию, старшему из пяти детей, было всего семь лет. Надо заметить, что рождение пяти детей за семь лет не свидетельствует о стремлении супругов к воздержанной жизни, так что, возможно, Филофей преувеличил степень их благочестия; в противном случае придется заключить, что Константин Палама был попросту эгоистом, не чураясь телесных наслаждений и в то же время эмоционально отстраняясь от семьи, чтобы не испытывать в случае какого-либо несчастья неприятных чувств и горя. С его смертью злоключения детей, росших при таком неласковом отце, не окончились: сразу после кончины мужа мать семейства «сейчас же пожелала и сама принять монашескую схиму, оставить дом, отречься от мира и предаться уединению», и только «духовные отцы» остановили вдову, посоветовали повременить с монашеством и сначала вырастить детей [12, с. 25]. Можно догадываться, как воспитывала детей мать с таким настроением, и окончилось это уходом ее и всех детей в монахи. Такова была семья, в которой вырос будущий апологет исихазма. Эта зарисовка из жизни византийцев XIV в., поданная главой Константинопольской церкви как образец благочестия – Филофей называет родителей Григория «дивными» и «людьми Божиими» [12, с. 20], – наглядно свидетельствует, что христианские идеалы, пропагандируемые церковными учителями, не особенно изменились за все время существования Византии.

Обратившись к воззрениям Григория Паламы на супружество и земную любовь, мы видим, что он полностью воспринял взгляды, свойственные Максиму Исповеднику и аскетам строгой направленности. Говоря о том, что любящий мир делается врагом Богу (ср.: Иак. 4, 4), Григорий поясняет, что «причиной любви к миру (τὸν κόσμον) становится любовь к нашему телу; ибо из-за тела и связанного с ним наслаждения мы любим мир» [19, *Hom. 33*, col. 416B]. Главными добродетелями православных христиан Григорий называет, среди прочих, воздержание (ἐγκράτειαν) и целомудрие (σωφροσύνην) [19, *Hom. 26*, col. 340C]. При этом всех христиан Палама делит на три группы: «рабство, наемничество, сыновство – девство, целомудренное вдовство и досточестное супружество (γάμον τίμιον)», приравнивая последнее к рабству [19, *Hom. 28*, col. 360B]. Плотская любовь, даже в браке, не может быть безгрешной: Христос именно потому родился от Девы без семени, что иначе не был бы «новым человеком» и не смог бы стать спасителем людей, «ибо движение плоти для зарождения [ребенка], действуя непокорно (ἀνυποτάκτως ἔχουσα) вопреки разуму, назначенному Богом управлять тем, что в нас, не вполне свободно от греха (οὐκ ἐκτὸς παντάπασιν ἁμαρτίας ἐστί); поэтому и Давид говорил: *В беззакониях я зачался, и во грехах зачала меня мать моя*» [19,

Hom. 14, col. 169BC]. То же самое Григорий утверждает и в другом месте:

«[Христос] один не был зачат в беззакониях и выношен во грехах, как то свидетельствует в псалмах Давид о себе, а лучше сказать – о всяком человеке. Ибо восстание плоти, происходя против воли [4] (ἡ γὰρ τῆς σαρκὸς ἐπανάστασις ἀκούσιος οὖσα), и открыто воюя против *закона ума* (Рим. 7, 23), даже если у целомудренных насильно подавляется [5] (βίᾳ δουλαγωγεῖται) и высвобождается только для деторождения, однако изначально привносит осуждение (καταδίκην), будучи и называясь растлением [6] (φθορὰ), и рождает, конечно, для гибели (πρὸς φθορὰν), являясь страстным движением [человека], не осознающего чести, которую наша природа получила в удел от Бога, но уподобившегося скотам» [19, *Hom. 16*, col. 192C].

Григорий повторяет, что Христос был «единственным не зачатым в беззакониях и не выношенным во грехах, то есть в плотском наслаждении (ἡδονῇ σαρκὸς) и в страсти и в нечистых [7] (ῥυπαροῖς) помыслах естества, осквернённого из-за преступления» [19, *Hom. 16*, col. 192D–193A]. Палама фактически выносит приговор плотской любви и связанному с ней наслаждению как греховному скотству, допустимому исключительно для деторождения; разумеется, с такой точки зрения благочестивый христианин должен стремиться к безбрачию и девству. Целомудрие-σωφροσύνη у людей, состоящих в браке, при этом заключается в постоянном подавлении непокорного уму «основного инстинкта» как изначально греховного, появившегося у человека после грехопадения. В послании к монахине Ксении Григорий пишет, что живущие в супружестве способны достичь вершин добродетели и чистоты лишь с огромным трудом, поэтому желающий уже на земле вести жизнь, достойную царства небесного, должен отказаться от брака [11, с. 657]. При такой антропологии монашество становится не только аскетическим, но и общественным, гражданским идеалом: в «Слове к Иоанну и Феодору» Палама говорит, что к божественной природе «из гражданских образов жизни, согласных с благочестием, более всего приблизился [образ жизни] монахов (μάλιστα τῶν κατ᾽ εὐσέβειαν πολιτειῶν ἡ κατὰ μοναχοὺς ᾠκείωται)» [32, σ. 291, § 1].

Позиция Георгия Гемиста Плифона была диаметрально противоположной. Создавая свои «Законы», Плифон хотел представить описание системы мира и некое руководство для правильной жизни. Свои взгляды на добродетели и мораль Гемист сначала изложил в трактате «О добродетелях», а затем более пространно развил в «Законах», как видно из их оглавления, но соответствующие главы были уничтожены Геннадием Схоларием. Некоторые параллели с трактатом «О добродетелях» есть также в обращениях и гимнах к богам из сохранившейся части «Законов».

Добродетель гражданского образа жизни, или гражданственности (πολιτεία), является у Гемиста одной из частей справедливости; хороший гражданин живет в обществе и предпочитает общую пользу частной (*De virt.*, II.11) [18, p. 12], подражая миру богов; напротив того, монахи, которых Плифон подверг резкой критике в обращении «К императору Мануилу о положении Пелопоннеса», «ничем не служат обществу», хотя получают от государства огромные средства и привилегии, «сами себе установив образ жизни бездельников и трутней и не стыдясь такого позорного существования» [31, σ. 257–259]. Монашество для Плифона совершенно противоположно богоугодному и гражданскому образу жизни (подробнее см.: [9, с. 463–466]).

Рассуждая о подражании по мере сил Богу, Гемист говорит о самодостаточности (αὐτάρκεια) (*De virt.*, I.2) [18, p. 2; дополнения к *Leg.*, III.36 – 20, p. 318, fol. 132v8]. Хотя человек, в отличие от Бога, не может быть полностью самодостаточным (*Leg.*, I.5) [26, p. 54], тем не менее, он может и должен стремиться к доступной ему самодостаточности, которая заключается в «малых жизненных потребностях» и в удовлетворении их более доступными и дешевыми вещами (*De virt.*, I.2) [18, p. 2], (*Leg.*, III.35) [26, p. 222, *Гимн 23*]. За самодостаточность, по мысли Плифона, отвечает добродетель благоразумия (σωφροσύνη), в описании которой он следует Платону: «поскольку благоразумие – это самодостаточность в отношении жизненных потребностей, а мы в жизни нуждаемся в трех вещах: наслаждениях, материальных благах, славе (ἡδονών, χρημάτων, δόξης) [8], – то каждой из них, пожалуй, будет соответствовать некая часть

благоразумия, обеспечивающая в каждой области достаточное (τὸ αὔταρκες) и полезное»; в частности, в наслаждениях следует соблюдать «благопристойность» (κοσμιότης) [9] (*De virt.*, I.3) [18, p. 4], которая как раз и интересует нас в данном исследовании. Гемист называет благопристойность основой для остальных добродетелей, и вот почему:

«Ведь именно эта добродетель особенно стремится так или иначе управлять теми наслаждениями, которые первыми и с юности тиранически властвуют над нами [10]: различив среди них необходимые и нет, а среди не необходимых, в свою очередь, некоторые противозаконные, порочнейшие и не подобающие человеку, и совершенно их отвергнув и искоренив из души – и их самих, и влечение к ним, – она избирает необходимые для частной и общественной жизни каждого, что же касается не необходимых, но не порочных – пренебрегает ими, полностью искореняя и влечение, чтобы всякий по возможности не испытывал нужды, радуясь самодостаточности больше, чем самим этим телесным наслаждениям.

Именно эта добродетель сразу же начинает отличать нас от животных и... поддерживает [в нас] родство с высшими родами, придавая и самим наслаждениям чинность и порядок...» (*De virt.*, II.1) [18, p. 5–6].

На первый взгляд, это рассуждение похоже на учение об удовольствиях Иоанна Дамаскина, цитированное выше. Но у Иоанна оговорено, что удовольствие плотской любви, хотя и допустимо, может полностью отвергаться ради девства; Плифон же не только не признавал девство высшим брака, но считал безбрачие и воздержание от плотских отношений между мужчиной и женщиной большим заблуждением, утверждая, что «брак и деторождение прекраснее и божественнее, чем одинокая жизнь» (*Leg.*, I.1) [26, p. 18]. Человеку «следует быть гражданином [живя вместе] с другими людьми, а не каким-то одиночкой» (*Leg.* III.31) [26, p. 124]; он призван служить *скрепой* (σύνδεσμον), связывая в единую гармонию смертную и бессмертную части вселенной (*Leg.*, III.34) [26, p. 142, 184], и для исполнения этого служения необходимы переселение душ и воспроизводство человеческого рода. Если в христианстве идеалом является девственная жизнь, а супружество считается уступкой человеческой немощи, то в плифоновской системе мира именно брак и деторождение становятся священной обязанностью человека. В «Вечернем обращении к богам» Гемист говорит:

«...для нашего смертного [начала], которое не будет существовать вечно, вы даровали соитие (συνουσίαν) наших мужского и женского полов, по наслаждению наиболее привлекательное, посредством которого весь род целиком вечно продолжает пребывать в одном и том же состоянии, так что благодаря постоянной смене место умирающего всегда заполняется потомком, и [наш род] существует в одном и том же числе душ, причем в установленные периоды времени они без затруднения вступают в общение то с одними, то с другими смертными телами ради своего служения (λειτουργίας), на которое они вами назначены» (*Leg.*, III.34) [26, p. 190–192].

Отметим употребление здесь слова λειτουργία, которым в христианстве обозначают главное из богослужений – литургию, где человек принимает божественное причастие. Литургия в религии Гемиста – это служение человека вселенной, божественному Целому через исполнение роли *скрепы мира* благодаря жизни на земле бессмертной души в союзе со смертным телом, и плотское общение мужчины и женщины – неотъемлемая часть этой литургии. Души приступают к этой литургии «без затруднения» (μὴ ἀπορεῖν): Плифон как бы подчеркивает, что его религия предназначена для любого человека, и исполнение человеком божественного замысла не требует каких-то сверхусилий, оно вполне естественно.

Таким образом, σωφροσύνη у Плифона – не целомудрие в христианском понимании, как воздержание от плотских удовольствий, а благоразумие в смысле пользования удовольствиями должным образом: наслаждения, в том числе от плотской любви, необходимы и позволительны, они дарованы Богом, но в них надо соблюдать κοσμιότης – благопристойность, скромность, порядочность.

Более того, поскольку плифоновская система мира основана на иерархическом пантеоне богов, из которых одни порождают других, супружеской жизнью и деторождением человек подражает самим богам. В частности, общий для разных народов и культур запрет на совокупление родителей с детьми Плифон увязывает с устройством умопостигаемой

реальности, где боги не вступают в связь с высшими по иерархии родителями: поэтому и люди, подражая в супружеской жизни богам, должны соблюдать подобный порядок. Именно в главе «О несовокуплении родителей с детьми» Гемист рассуждает о плотской любви:

«Во-первых, совершенно очевидно, что занятие любовью (ἡ τῶν ἀφροδισίων πρᾶξις) дано нам богами для воспроизведения этого смертного [рода], а некоторым образом и для его бессмертия; что всякое детопроизводящее общение является причиной другого [существа], подобного вступающему в телесную связь; что обе эти [вещи] – и бессмертие, и рождение другого подобного [себе], а также [бытие ему] причиной – более всего относятся к богам: ибо все боги бессмертны, и высшие (κρείττους) из них являются родителями и других [им] подобных... Далее, ...коль скоро это самое дело (αὕτη ἡ πρᾶξις [11]) у нас должно совершаться успешно, в нем следует, пожалуй, как можно больше сохранять некий образ происхождения богов, уподобляясь тому, как рождают боги; ...и важно для нас именно это дело, при котором проявляется в высшей степени подражание бессмертию богов и [бытию] причиной для других [существ], пусть и в этом нашем смертном [роде]. Ведь если бы кто-нибудь, из-за того, что люди не совершают это открыто (ἐν τῷ φανερῷ), счел это чем-то постыдным, он, безусловно, помыслил бы неправильно. Ибо есть люди, у которых и наипрекраснейшими из священных обрядов считаются те, которые они не совершают открыто для толпы. Но они, превознося наипрекраснейшие из своих священных обрядов, совершают их тайно от большинства, чтобы кто-нибудь из тех, которые пока не достойны [их] созерцания, увидев, не отнесся бы с презрением. А занятию любовью (τὸ δ᾽ ἀφροδισιάζειν) люди не предаются открыто, чтобы видящие не возбуждались более или менее сильно, до какой степени люди возбуждаются, если по большей части и не до влечения (ἐπιθυμίαν), но все же до воображения (φαντασίαν) самого дела. Ведь даже от малого какого-нибудь повода это [возбуждение] случается с ними по природе. <...> Среди небогоугодных дел, полагаю, и фантазии не богоугодны; но еще гораздо греховнее для возбуждающего было бы само разжигание подобных фантазий. Вследствие этого у людей не принято открыто предаваться любовным наслаждениям. Однако то, что люди не делают это открыто не потому, что считают постыдным, они показывают, когда женятся, созывая как можно больше [гостей], словно на важное и священное дело, и свидетелями сочетания (συνόδου [12]) делая их, знающих зачем [пригласившие их] вступили в супружество. Итак, поскольку это дело важно для людей, нужно, чтобы люди делали его как можно лучше. Ибо среди важных дел нет иных постыднейших, кроме тех, которые не делаются хорошо (καλῶς)» (*Leg.*, III.14) [26, p. 86–90].

Этот текст вполне ясен: плотская любовь в законном браке не только не постыдна и не связана с чем-то греховным, но необходима и священна, ею и рождением детей, становясь причиной других существ, люди подражают богам. То, что плотской любви не предаются открыто, не только не делает ее чем-то недостойным, но напротив – сближает с «наипрекраснейшими из священных обрядов», совершаемых скрыто от толпы у людей, которые Плифон не называет прямо, но намекает, вероятно, на христианское таинство евхаристии: по уставу православной церкви, отраженному в чинопоследовании литургии, при совершении евхаристии могут присутствовать только «верные», то есть крещеные члены церкви, тогда как остальным полагается покидать храм после возгласа «Оглашенные, изыдите!»; да и оставшиеся в храме не могут вблизи лицезреть совершаемое священниками в алтаре. Сравнение занятия любовью с главным таинством христианской Церкви выглядит весьма смело, но в философии Плифона и при его взглядах на Божество такое превознесение ἡ τῶν ἀφροδισίων πρᾶξις совершенно логично и оправдано. Таким образом, хотя в «О добродетелях» у Плифона не сказано, какие удовольствия он считает необходимыми, а какие нет, очевидно, что плотскую любовь он, в отличие от христианских авторов, причисляет к удовольствиям необходимым.

Впрочем, чрезмерное сладострастие Гемист осуждал, как противное добродетели κοσμιότης. В частности, он говорит, что животные, руководимые богами, «не делают чего-либо лишнего», тогда как люди, «поступая по собственному разумению и представлению, которое, однако, ошибочно, часто погрешают как в других [вещах], так и в этом самом деле, занимаясь им хотя не вопреки природе, однако же чрезмерно, а также и вопреки природе, что, уж конечно, оказывается постыднее того» (*Leg.* III.31) [26, p. 120]. В то же время чрезмерное увлечение плотской любовью Плифон, по-видимому, считает более простительным, чем

полное от нее воздержание (что опять-таки понятно, исходя из его взглядов на необходимость деторождения для служения человека во вселенной), потому что далее пишет:

«...боги, зная, что люди... отклоняются от должного как во многом другом, так и, конечно, в этих самых любовных наслаждениях, не только предаются им сверх меры, но и, напротив, некоторые совсем отказываются от них: одни – сочтя это вообще небезгрешным, а другие – негреховным, однако удаляющим от более прекрасного; иные – убоявшись, по своему характеру, трудностей, [связанных] с воспитанием детей и содержанием жены; а некоторые – боясь преимущественно потери детей до такой степени, что предпочли бы, скорее, не рождать детей, чем лишаться рождаемых, тогда как им следует вверять жизнь детей богам, самим же не уклоняться от установленного для них дела и служения (λειτουργίας) [13] для общности рода и ради этой вселенной, – вот поэтому-то боги, зная о том, что случится с людьми из-за склонности мнения к заблуждению и что случается и теперь с некоторыми, для того чтобы воздержание многих от любовных наслаждений не противодействовало промыслу от Зевса ради общения смертных и бессмертных в человеческой форме, вложили в людей это сильнейшее влечение (ἐπιθυμίαν), которое нелегко будет победить [14], если им не поможет, в свою очередь, сильнейшее мнение, сдерживающее эту страсть. А насчет мнения, что следует совершенно воздерживаться от любовных утех, [боги] знают, что не у очень-то многих оно окажется самым сильным, и вот, они сочли, что большинство из тех, кто придет к этому мнению, придут к нему с меньшей твердостью, так что сопротивление [этого] мнения будет без особого труда преодолеваться беспокойством от могущественнейшего желания (ἐπιθυμίας)» (*Leg.* III.31) [26, p. 122–124].

Итак, по мысли Гемиста, плотское вожделение вложено в человеческую природу богами изначально (а не после грехопадения, которого в религии философа вообще нет), и именно для того, чтобы люди не увлекались аскезой и не уклонялись от того служения во вселенной, ради которого созданы. Надо отметить, что византийские интеллектуалы, бывало, отдавали предпочтение безбрачию и по причинам, напрямую не связанным с христианским благочестием: например, Димитрий Кидонис считал, что для философа и ученого безбрачие, свобода от семейных хлопот – необходимое условие для преуспеяния; этот взгляд он стремился внушить и своим ученикам [4, с. 113, 268]. Но Плифон, уважавший Кидониса и, возможно, бывший в молодости его учеником, таких воззрений не придерживался.

Однако к супружеским изменам и нетрадиционным сексуальным отношениям Гемист относился так же отрицательно, как и христиане, и даже предлагал предавать «противоестественно осквернившихся» и прелюбодеев смертной казни (*Leg.* III.31) [26, p. 124]. Такие драконовские меры в законодательстве философа, у которого можно найти прекрасное рассуждение о терпимости к чужим представлениям, звучащее вполне современно (*De virt.*, II.7) [18, p. 10], могут вызвать удивление – тем более, что византийские законы в этом вопросе были мягче [15]. Но эти меры соответствуют взглядам Плифона и на деторождение как долг (что не является целью прелюбодеев и невозможно при гомосексуальных отношениях), и на посмертную участь души: поскольку происходит постоянное перевоплощение, для тяжкого грешника смерть – избавление «от несчастья / бедствия» (ἀθλιότητος; подразумевается, что порочная жизнь делает несчастным) и возможность душе получить другое тело и начать все заново. В то же время, возможно, жестокие кары против разврата в «Законах» были навеяны наблюдением Гемиста за нравами окружавшего его общества. Например, в византийской сатире «Пребывание Мазариса в подземном царстве», созданной в 1414–1415 гг. [17, p. 183–184, 203–204], когда Плифон уже жил на Пелопоннесе, нравы пелопоннесцев описаны чрезвычайно неприглядно и весьма далеки от какого бы то ни было благочестия. В частности, один из героев сатиры, рассказывая о своих сыновьях, говорит, что старший стал монахом и лицемерно строит из себя благочестивого, тогда как на самом деле остается «другом Афродиты», а младший «занят делами более юных и распущенных: спесивых, мужеложников, много о себе мнящих, а лучше сказать, беснующихся и умалишенных» [13, p. 158]. Гомосексуализм прямо или косвенно упоминается в этой сатире неоднократно, из чего надо заключить, что он был достаточно распространенным явлением в Византии той эпохи, в том числе среди молодежи. Известно, что у самого Плифона было, по меньшей мере, двое сыновей, и хотя дат их рождения мы не

знаем, можно предположить, что, если Гемист посвятил молодость получению хорошего образования и вступил в брак не в юности, а, например, лет в тридцать, то его сыновьям в 1410-х гг. могло быть около 20 лет или меньше, так что философ мог в какой-то мере опасаться за их нравственность. Хотя «Законы» были созданы Плифоном позднее, в них могли найти отражение и его собственные впечатления от жизни на Пелопоннесе.

Выводы. Отношение к браку, плотским удовольствиям и деторождению у Плифона и Паламы было противоположным. Григорий Палама придерживался ригористического учения отцов Церкви о том, что стремление к чувственным наслаждениям является следствием грехопадения и что плотское вожделение даже в отношения супругов привносит некоторую долю греховности, поэтому желающим по-настоящему угодить Богу следует избегать брака; наиболее гражданственным и божественным, с его точки зрения, является образ жизни монахов. Гемист, напротив, считал, что предназначение человека – жить в супружестве и рождать детей, чтобы исполнять роль скрепы мира, поддерживая существование человеческого рода; с точки зрения Плифона, любовное наслаждение – божественный дар, и при надлежащей умеренности не несет в себе ничего греховного, напротив, в нем заключается священное служение вселенной; монашество же совершенно противоположно богоугодному гражданскому образу жизни. Хотя Гемист, как и христиане, осуждал прелюбодеяние, нетрадиционные сексуальные отношения и невоздержание в любовных наслаждениях, но не потому, что считал небогоугодными удовольствия как таковые, а потому, что все это в его философии не согласуется с конечной целью плотской любви – деторождением, которым люди подражают самим богам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Краткий обзор деятельности антипаламитов середины – второй половины XIV в. см.: [22, col. 1802–1807].

[2] quelques isolés; в русском переводе «одиночки» почему-то превращены в «отщепенцев» [7, с. 144].

[3] Он был извержен из сана и отлучен от Церкви в 1368 г. за антипаламитские взгляды и сочинения, после чего вскоре умер и был лишен церковного погребения. Обзор его жизни и богословия см.: [1].

[4] Или: «непреднамеренно; вынужденно, неизбежно».

[5] Или: «порабощается».

[6] Или: «гибелью, разрушением; порчей».

[7] Или: «низменных».

[8] Ср.: Платон, *Федон*, 68bc [25, vol. 1].

[9] Ср.: Платон, *Горгий*, 506e–507ab [25, vol. 3]; *Государство*, IV, 430e [25, vol. 4].

[10] Ср.: Платон, *Законы*, II, 653a [25, vol. 5].

[11] πρᾶξις может быть также переведено и прямо как «[половое] общение» или «половой акт».

[12] Можно также перевести «соития».

[13] Слово λειτουργία обозначает как служение богам, так и государственную службу или общественную повинность. Плифон фактически приравнивает семейную жизнь и деторождение к богослужению, литургии.

[14] Или: «одолеть; удержать; держать в своей власти» (κρατηθησομένην).

[15] Правда, гомосексуализм в имперском законодательстве тоже карался смертью, а в случае покаяния подлежал многолетней епитимии отлучения от причастия [29, p. 143–144].

REFERENCES

1. Dunaev A.G. Kidonis Prokhor [Kydones Prochoros]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia], vol. 32. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2013, pp. 657-663.

2. Epifanovich S.L. *Prep. Maksim Ispovednik i vizantiyskoe bogoslovie* [Saint Maximus the Confessor and Byzantine Theology]. Moscow, Martis Publ., 2003. 220 p.

3. Ioannes Damaskenos. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very [An Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Afinogenov D.E., Bronzov A.A., Sagarda A.I., Sagarda N.I., eds. *Tvoreniya prepodobnogo Ioanna Damaskina. Istochnik znaniya* [Works of Saint John of Damascus. The Fountain of Knowledge]. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 156-337.

4. Kushch T.V. *Na zakate imperii: intellektualnaya sreda pozdney Vizantii* [At the Decline of the Empire: The Intellectual Environment of Late Byzantium]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 456 p.

5. Soldatkina A.O. et al., eds. Larchet J.-C. *Istselenie dukhovnykh bolezney. Vvedenie v asketicheskuyu traditsiyu Pravoslavnoy Tserkvi* [Therapy of Spiritual Illness: An Introduction to the Ascetic Tradition of the Orthodox Church]. Sergiyev Posad, Izd-vo MDA, 2018. 763 p.

6. Chernoglazov D.A., Benevich G.I., Pospelov D.A., eds. Prp. Maksim Ispovednik. *Voprosy i nedoumeniya* [Questions and Doubtful Passages]. Mos-

cow; Holy Mount Athos, Nikeya Publ., 2010. 488 p. (Byzantine Philosophy; 6. Smaragdos Philokalias).

7. Nachinkin G.N., Medvedev I.P., Lourié V.M., eds. Meyendorff J. *Zhizn i trudy svyatitelya Grigoriya Palamy. Vvedenie v izuchenie* [The Life and Works of Saint Gregory Palamas. Introduce on to the Study]. Saint Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1997. XVI, 480 p. (Subsidia Byzantinorossica; 2).

8. Senina T.A. (nun Kassia). Afiny versus Iyerusalim? Otnosheniye k nauchnomu znaniyu v Vizantii [Athens Versus Jerusalem? The Attitude Towards Scientific Knowledge in Byzantium]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 192-204. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.18

9. Senina T.A. Neobkhodimost i svoboda v filosofii Georgiya Gemista Plifona v kontekste ego politicheskoy teologii [Necessity and Freedom in the Philosophy of Georgius Gemistus Plethon in the Context of His Political Theology]. Nogovitsin O.N., ed. *Vizantiya, Yevropa, Rossiya: sotsialnyye praktiki i vzaimosvyaz dukhovnykh traditsiy. Vypusk 3* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Interrelation of Spiritual Traditions. Issue 3]. Saint Petersburg, Izd-vo RHGA, 2023, pp. 445-470. DOI: https://doi.org/10.31119/berst.2023.3.33

10. Senina T.A. «Monodiya na mudrogo uchitelya Georgiya Gemista» sostavlennaya monakhom Grigoriem: obraz Plifona, bogoslovie, kontekst (s prilozheniem perevoda monodii) ["Monody on the Wise Teacher George Gemistos" by the Monk Gregory: The Image of Plethon, Theology, and Context (With a Translation of the Monody)]. *Bibliya i khristianskaya drevnost* [Bible and Christian Antiquity], 2024, vol. 4, no. 24, pp. 46-87. DOI: https://doi.org/10.31802/BCA.2024.24.4.002

11. *Sv. Grigoriy Palama, arkhiepiskop Fessalonikiyskiy. Gomilii* [St. Gregory Palamas, Archbishop of Thessaloniki. Homilies]. Saratov, Izd-vo Saratov. mitropolii, 2019. 703 p.

12. *Filofey, Svyateyshiy patriarkh Konstantinopolskiy. Zhitie svyatitelya Grigoriya Palamy* [Philotheus, His Holiness the Patriarch of Constantinople. Life of Saint Gregory Palamas]. Sergiyev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra Publ., 2004. 224 p.

13. Boissonnade J.F., ed. *Anecdota graeca e codicibus regiis. Vol. 3*. Parisiis, Regio Typographeo, 1831. VIII, 494 p.

14. Angelova D. "Weaver of Tales": The Veroli Box and the Power of Eros in Byzantium. Constantinou S., Meyer M., eds. *Emotions and Gender in Byzantine Culture. New Approaches to Byzantine History and Culture*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 191-244. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-96038-8_8

15. Cameron A. Desire in Byzantium – The Ought and the Is. James L., ed. *Desire and Denial in Byzantium. Papers from the Thirty-First Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Sussex, Brighton, March 1997*. London; New York, Routledge, 2016, pp. 205-213. (Publications of the Society for the Promotion of Byzantine Studies; 6).

16. Loenertz R.-J., ed. *Démétrius Cydonès. Correspondence. Vol. 1*. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956. xvi, 220 p. (Studi e Testi; 186).

17. Garland L. Mazaris's Journey to Hades: Further Reflections and Reappraisal. *Dumbarton Oaks Papers*, 2007, vol. 61, pp. 183-214.

18. Tambrun-Krasker B., ed. Georges Gémiste Pléthon. *Traité des vertus*. Athenes, Leiden, Academy of Athens, 1987. XCII, 127 p. (Corpus Philosophorum Medii Aevi; 3).

19. Gregorius Palamas, Thessalonicensis archiepiscopus. Homiliae quadraginta una. Migne J.-P., ed. *Gregorii Palamae, Thessalonicensis archiepiscopi, opera omnia*. Parisiis, Apud J.-P. Migne Editorem, 1865, cols. 9-550. (Patrologia cursus completus. Series Graeca; T. 151).

20. Hladký V. *The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, Between Hellenism and Orthodoxy*. Farnham; Burlington, Ashgate, 2014. 402 p.

21. James L. The Role of Women. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 643-651.

22. Jugie M. Palamite (controverse). *Dictionnaire de Théologie Catholique. Vol. 11, Pt. 2*. Paris, Letouzey et Ané, 1932, cols. 1777-1818.

23. Messis C., Nilsson I. Eros as Passion, Affection and Nature: Gendered Perceptions of Erotic Emotion in Byzantium. Constantinou S., Meyer M., eds. *Emotions and Gender in Byzantine Culture. New Approaches to Byzantine History and Culture*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 159-190. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-96038-8_7

24. Meyendorff J. *Introduction à l'étude de Grégoire Palamas*. Paris, Édition du Seuil, 1959. 431 p. (Patristica Sorbonensia; 3).

25. Burnet J., ed. *Platonis Opera: Recognovit Brevique Adnotatione Critica Instruxit. T. I*. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1961. 540 p.; *T. III*. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1961. 516 p.; *T. IV*. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1962. 554 p.; *T. V*. Oxonii, E typographeo Clarendoniano, 1962. 606 p.

26. Alexandre C., Pellissier A., eds. Pléthon. *Traité de Lois, ou Recueil des fragments, en partie inédits, de cet ouvrage*. Paris, Firmin Didot Frères, 1858. C, 578 p.

27. Sénina T.A. Les conceptions anthropologiques de Saint Gregoire Palamas et de George Gemiste Pléthon: un débat sur le rôle de l'homme dans l'univers. *The Journal of Eastern Christian Studies*, 2021, vol. 73, iss. 3–4, pp. 139-158. DOI: https://doi.org/10.2143/JECS.73.3.3289995

28. Siniossoglou N. *Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 472 p. (Cambridge Classical Studies).

29. Smythe D.C. In Denial: Same-Sex Desire in Byzantium. James L., ed. *Desire and Denial in Byzantium. Papers from the Thirty-first Spring Symposium of Byzantine Studies, Uneversity of Sussex, Brighton, March 1997*. London; New York, Routledge, 2016, pp. 139-148 (Society for the Promotion of Byzantine Studies; 6).

30. Tambrun-Krasker B. Allusions antipalamites dans le Commentaire de Pléthon sur les Oracles chaldaïques. *Revue des études Augustiniennes*, 1992, vol. 38, pp. 168-179.

31. Lampros Sp.P., ed. *Palaiologeia kai Peloponnēsiaka* [Writings Related to Palaiologoi and the Peloponnese], vol. 3. Athens, B.N. Grēgoriadēs Publ., 1926. 372 p.

32. Oikonomou S.K., ed. *Tou en agiois patros ēmōn Grēgoriou, archiepiskopou Thessalonikēs, tou Palama Omiliai 22. Ais prosetethēkan o te epistolimaios Logos pros Iōannēn kai Theodōron tous philosophous kai oi tessares euchai* [22 Homilies by Our Holy Father Gregory Palamas, Archbishop of Thessaloniki. With Addition of the Epistle to John and Theodore the Philosophers and Four Prayers]. Athens, Ph. Karampinē kai K. Bapha Publ., 1861. XXI, 352 p.

Information About the Author

Tatiana A. Senina, Candidate of Sciences (Philosophy), Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation, tatiana.kassia.s@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8120-3499

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Сенина, кандидат философских наук, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tatiana.kassia.s@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8120-3499

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.21

UDC 930.272(100)
LBC 63.3(0)4-91

Submitted: 15.06.2025
Accepted: 03.10.2025

"MASTER OF CEREMONIES" AND HIS MANUSCRIPT: THE NEW EDITION OF THE TREATISE "DE CERIMONIIS" (Book Review: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. In 5 vols. / éds. G. Dagron (†), B. Flusin, D. Feissel [et al.]. – Paris : ACHCByz, 2020. – VIII, 2892 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 52/1–5))

Marina A. Kurysheva

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the approaches and decisions of a group of scholars who prepared a new edition of the treatise "The Book of Ceremonies" (*De cerimoniis aulae byzantinae*). Despite the obvious merits of this edition, primarily in the field of philological study of the text and commentary on the realities of Byzantine diplomatic protocol, religious rituals, and bureaucratic practices, the general approach to the publication of the text raises serious doubts. *Analysis.* The publication is based on the idea that the main text of this compilation belongs to Emperor Constantine VII Porphyrogennetos and should be dated to the beginning of his real reign, i.e., 945–946. All other, at least no less, and in fact more substantiated hypotheses that the original treatise was created by parakoimomenos Basil Lekapenos the Nothos or an anonymous "Master of Ceremonies" around and after 963 are not even considered. Following their concept, the editors took the non-obvious path of excluding entire fragments of the text that didn't fit into it chronologically. Moreover, some fragments of the compilation were simply omitted in the new edition, and some were enclosed in square brackets. The only codex in which the treatise survived in its complete form, *Lipsiensis Rep.* I 17, received only a formal description and not a full-fledged paleographic and codicological study. The given dating of the two codes of the treatise, *Lipsiensis Rep.* I 17 and the *Palimpsest*, are not substantiated in any way and therefore arbitrary. *Results.* As a result, it should be noted that in this edition the *Lipsiensis*, as a unique example of high court book culture of the 10th century, did not receive the necessary comprehensive study, and the text of this manuscript, the only complete text of the treatise "*De cerimoniis*," would deserve a complete edition without omissions, no matter what their motivation.

Key words: Byzantine treatise, "The Book of Ceremonies", "Master of Ceremonies", Constantine VII, Basil the Nothos, Greek manuscripts, Greek paleography, codicology.

Citation. Kurysheva M.A. "Master of Ceremonies" and His Manuscript: The New Edition of the Treatise "De Cerimoniis" (Book Review: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. In 5 vols. / éds. G. Dagron (†), B. Flusin, D. Feissel [et al.]. – Paris : ACHCByz, 2020. – VIII, 2892 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 52/1–5)). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 289-297. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.21

© Курышева М.А., 2025

УДК 930.272(100)
ББК 63.3(0)4-91

Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 03.10.2025

«МАСТЕР ЦЕРЕМОНИЙ» И ЕГО РУКОПИСЬ: К ВЫХОДУ В СВЕТ НОВОГО ИЗДАНИЯ ТРАКТАТА «DE CERIMONIIS» (Рец. на кн.: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. In 5 vols. / éds. G. Dagron (†), B. Flusin, D. Feissel [et al.]. – Paris : ACHCByz, 2020. – VIII, 2892 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 52/1–5))

Марина Александровна Курышева
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются подходы и решения группы исследователей, подготовивших новое издание трактата «О церемониях византийского двора» (*De cerimoniis aulae byzantinae*). Несмотря на вполне очевидные достоинства этого издания, прежде всего в области филологического исследования текста и комментирования реалий византийского дипломатического протокола, религиозных ритуалов и бюрократических практик, общий подход к изданию текста вызывает серьезные сомнения. В основу издания положена идея о том, что основной текст данной компиляции принадлежит императору Константину Багрянородному и должен датироваться началом его реального правления, то есть 945–946 годами. Все остальные, как минимум, не менее, а на самом деле более обоснованные гипотезы, о том, что оригинал трактата создавался паракимоменом Василием Лакапином Нофом или анонимным «мастером церемоний» после 963 г. даже не рассматриваются. Следуя своей концепции, издатели пошли по неочевидному пути исключения целых фрагментов текста, которые хронологически не вписывались в нее. Причем часть фрагментов компиляции была просто опущена в новом издании, а часть заключена в квадратные скобки. Единственный кодекс, в котором трактат дошел в полном виде, *Lipsiensis Rep.* I 17 получил лишь формальное описание, а не полноценное палеографическое и кодикологическое исследование. Приведенные датировки двух кодексов трактата, *Lipsiensis Rep.* I 17 и палимпсеста, никак не обоснованы, а значит произвольны. В итоге следует констатировать, что в данном издании кодекс *Lipsiensis* как уникальный образец высокой придворной книжной культуры X столетия не получил необходимого комплексного исследования, а текст этой рукописи, единственного полного списка трактата «О церемониях», заслуживал бы полного издания без пропусков, чем бы они не были мотивированы.

Ключевые слова: византийский трактат, «О церемониях византийского двора», «мастер церемоний», Константин VII, Василий Ноф, греческие рукописи, греческая палеография, кодикология.

Цитирование. Курышева М. А. «Мастер Церемоний» и его рукопись: к выходу в свет нового издания трактата «De Cerimoniis» (Рец. на кн.: Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. In 5 vols. / éds. G. Dagron (†), B. Flusin, D. Feissel [et al.]. – Paris : ACHCByz, 2020. – VIII, 2892 p. – (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. 52/1–5)) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №6. – С. 289–297. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.21

Введение. В 2020 г. вышло в свет долгожданное всеми византинистами мира новое пятитомное издание греческого текста трактата под условным названием *De cerimoniis aulae byzantinae* или *Περὶ βασιλείου τάξεως* [5], с переводом на французский язык, обширным введением, современными историко-культурными и филологическими комментариями, а также научным аппаратом и дополненным глоссарием [5–10]. На него были сделаны две рецензии С. Лабакиса [23] и М. Янковяка [16] и небольшой восторженный онлайн-отклик Э. Калделлиса [17]. Все рецензенты единодушно отметили этапный и фундаментальный характер этой публикации одного из ключевых для византийской истории текстов. Издание отличается высоким уровнем филологической работы (анализ грамматики и синтаксиса, словари терминов и ономастики, тезаурус-указатель лексем, расшифровки аббревиатур и т. п. [5, p. 3*–192*; 10]). В нем даны подробные современные комментарии к описаниям церемоний Константинополя и различных имперских придворно-бюрократических и дипломатических практик [6–9]. В издании впервые в полной мере привлечены матери-

алы второй рукописи-палимпсеста трактата *De cerimoniis*.

Анализ. Нельзя сказать, что в предисловии и комментариях этого издания были найдены оптимальные ответы на ключевые вопросы палеографической датировки обеих рукописей, донесших до нас *De cerimoniis*, кодикологии этих рукописей-носителей, некоторые ключевые вопросы текстологии и, главное, идентификации личности автора-составителя трактата. И, более того, приходится констатировать, что эти проблемы так и остались далеки от своего разрешения.

Автор введения Б. Флюзен предлагает датировать основную рукопись *De cerimoniis Lipsiensis Rep.* I 17 «Xe s., 3e tiers», то есть «третьей третью» X в. [5, p. 139*] и «dernier tiers du Xe siècle», то есть «последней третью X в.» [5, p. 141*]. Формально он опирается на статьи М. Физерстоуна [5, p. 147*–148*], но тот датирует манускрипт третьей четвертью X в. [15, p. 457]. Обоснование такой датировки Б. Флюзеном не приводится, за исключением указания, что почерк *Lipsiensis* близок к почерку, которым написана рукопись BML *Laurentianus pluteo* 55, 4, что опять же сделано вслед за М. Физерстоуном, который, в свою очередь, опирался на Ж. Иригуэна [14, p. 119–120]. Однако рукопись *Laurent. plut.* 55, 4 уверенно датируется временем «около 950 г.» и принадлежит к книжной культуре периода правления императора Константина VII Багрянородного [22, p. 137], ее почерк относится к первой половине X века. Обе рукописи может объединять только их принадлежность к дворцовой книжной культуре X столетия, но их разновременность вполне очевидна.

Если речь идет о палеографической датировке рукописи *Lipsiensis Rep.* I 17, то возможно установить только ее широкую датировку в пределах второй половины X в. [2]. Индивидуальные особенности почерка единственного писца рукописи *Lipsiensis* относятся к стилю раннего жемчужного письма – *Perlschrift*, который уверенно датируется серединой – второй половиной X века. Палеография Лейпцигской рукописи *De cerimoniis*, сочетающая в себе традиции константинопольских почерков первой половины X в. и комплекс признаков письма «типа монаха Ефрема», говорит нам о том, что по своим графико-орфографическим особенностям и оформлению рукопись относится к константинопольскому кругу почерков и следует в русле дворцовых традиций письма второй половины X в. [2]. Причем рукопись была написана таким обиходным почерком, передающим «орфографию двора», который находит аналогии как в других кодексах, так и в актах: ближайшей аналогией почерку писца Лейпцигской рукописи является письмо сохранившегося в Лавре св. Афанасия на Афоне документа 974 г. [18].

Вторая рукопись – фрагментарный список текста *De cerimoniis* – это нижний текст двух фрагментов палимпсеста, который распределяется между двумя пергаменными кодексами: *Vatopediou* 1003 из Ватопедского монастыря на Афоне (60 листов) и *Chalcensis S. Trinitatis* 125 (133) из Библиотеки Вселенского патриархата в Стамбуле (116 листов). Б. Флюзен датирует его концом X в. – «de la fin du Xe siècle» [5, p. 148*], «Xe s., 3e tiers» [5, p. 150*, 153*], «datée des dernières décennies du Xe siècle» [5, p. 151*], то есть тем же временем, что и *Lipsiensis.* Палимпсест написан также ранним *Perlschrift*, как и *Lipsiensis*, и также должен широко датироваться в рамках второй половины X в. [2]. Нельзя не отметить, что более точная атрибуция остатков этого кодекса на данный момент затруднена из-за ограниченного количества прочитанных и опубликованных фрагментов. И именно от нового издания ожидалось бы воспроизведение всего доступного материала, а не двух не самых показательных разворотов [10, p. 6–7 (Pl. 4–5)].

В издании *De cerimoniis* Б. Флюзен предлагает следующую схему соотношения двух рукописей и их протографов, выраженную в стемме, в которой предлагается, что имеющиеся рукописи *Lipsiensis* (L) и палимпсест (C) являются «сестрами» и восходят к общему архетипу ω с добавлениями, сделанными при Никифоре Фоке, который в свою очередь восходит к оригиналу α, созданному при Константине VII [5, p. 160–163*, 168–169*]. Ранее М. Физерстоун в разных работах предлагал и версию о производности двух рукописей от одного архетипа и идею зависимости палимпсеста от *Lipsiensis* [13, p. 246; 12, p. 355–374]. Нами же была предложена и обоснована, как нам кажется, наиболее экономная версия текстологической истории трактата *De cerimoniis*:

сначала это был архив документов + «старая книга» церемоний, затем для библиотеки дворца была создана Лейпцигская рукопись, а уже после для библиотеки патриарха был сделан палимпсест [2, с. 64]. Возможно, предисловие, читаемое на л. 21об. в *Lipsiensis*, относилось как раз к «старой книге церемоний» («ἐξ ἑτέρου παλαιοῦ τακτικοῦ»), упоминаемой на поле л. 78 [11, p. 161]. И в таком случае эту «старую тактику» действительно можно датировать временем правления Константина VII.

Отсутствие обоснованной палеографической атрибуции основной рукописи *Lipsiensis* и достаточно произвольная текстологическая схема истории текста, которые уже вызвали некоторые подозрения М. Янковяка [16, p. 1088–1089], привели к совершенно неочевидному издательскому решению. Пытаясь атрибутировать концепцию и весь текст компилятивного трактата *De cerimoniis* Константину VII, издатели считают предисловие на л. 21об. рукописи *Lipsiensis* началом всего трактата *De cerimoniis*. Для этого они отбрасывают помещенные в рукописи на л. 1–21 начальные *сочинения о снаряжении императорских военных походов* авторства Константина VII, не считая их относящимися к *De cerimoniis*. Тем не менее никаких оснований опускать данные тексты, считая их механически добавленными к основному своду фрагментами, нет.

Более того, издатели стали исключать некоторые разделы Книги II, которые, по их мнению, не относятся к тексту, написанному Константином VII. Из издания оказались полностью удалены *Клиторологий* Филофея и *Notitia episcopatuum* (II, 52–54). Из цельного связного текста были последовательно помещены в квадратные скобки все известия, хронологически выходящие за рамки периода правления Константина VII и, по мнению издателей, не имеющие отношения к оригинальному тексту трактата. Так, в квадратных скобках оказались признанные издателями позднейшими интерполяциями в Книгу I главы о провозглашении императором Никифора II Фоки и о пожаловании титула проедра (I, 105–106) [6, p. 445–465]. Они интерпретированы как вставки в текст архетипа (ω), промежуточного между оригиналом и сохранившимися двумя рукописями. А в Книге II заключена в квадратные скобки часть предложения о захоронении Константина VII († 959) в саркофаге его отца Льва VI († 912), которую издатели также считают позднейшей добавкой [7, p. 277]. Но нам осталось не ясным, по какому принципу «позднейшие добавления» или исключались совсем, или заключались в квадратные скобки. Точно так же не ясно, почему в списке императорских гробниц, поставленных в церкви св. Апостолов в Константинополе, признана позднейшей только небольшая часть предложения, которая «мешала» издателям датировать его временем Константина VII, а не весь этот список был признан позднейшей вставкой «интерполятора», такой же как аккламация Никифора II и пожалование титула проедра. В логике издателей, «очищающих» оригинальный текст Константина VII, именно выбор этого второго варианта был бы более последовательным.

Согласно концепции издателей, трактат имеет три редакции: первая – Константина VII (α), вторая – написанная с интерполяциями после 963 г. (ω) и третья – итоговая, дошедшая до нас в двух рукописях *Lipsiensis* и палимпсесте последних десятилетий X века. Соответственно, ожидалось бы, что будет издан *полный текст дошедшей до нас третьей редакции*, в которой были бы графически выделены тексты, которые можно возвести на каких-то основаниях к предыдущим редакциям. Вместо этого они были отброшены или выделены скобками как не отвечающие «замыслу» Константина VII в том виде, как он видится издателям. В результате издатели выбрали логику исключения всех больших и малых фрагментов текста, которые не укладываются в их концепцию, согласно которой трактат *De cerimoniis* однозначно атрибутируется Константину VII.

Издатели не учитывают, что перед нами компилятивный трактат, аккумулировавший очень разножанровые архивные материалы, принцип взаимного расположения которых зачастую для нас не полностью ясен. Единственная сохранившая его в наиболее полном виде рукопись *Lipsiensis* написана одним писцом и имеет органичный вид, понятную структуру, выделенную достаточно экономным оформлением. Всего в рукописи три заставки: первая на л. 1 плохо сохранилась, но хорошо видно, что она п-образная, закрашена золотом, имеет контур голубого цвета и фланкирована золо-

тыми пальметтами; вторая заставка на л. 21об. выполнена писцом в виде полосы с мотивом расположенных горизонтально парных сасанидских пальметт, имеет контур, сделанный коричневыми чернилами, и раскрашена зеленой краской на темно-красном фоне; третья заставка на л. 175 сделана коричневыми чернилами в виде тонкой закрашенной зеленой краской зигзагообразной полосы, с обеих сторон завершенной лиственным и цветочным мотивом. Первая «золотая» заставка маркирует начало текста; вторая «красно-зеленая» – отмечает предисловие Константина VII, возможно, это начало выписок из «старой книги церемоний»; третья «зеленая» – указывает на начало второй книги, которая имеет новое предисловие. Такая интерпретация все просто и логично объясняет и не требует элиминирования текста без достаточных на то оснований. Вместо этого Б. Флюзен приписывает второй заставке золотой контур (вместо чернильного) и, по-видимому, на этом основании считает ее начальной для трактата [5, p. 144*]. На самом деле украшена золотом только первая заставка, а значит она, как раз в соответствии с предположением Б. Флюзена, и должна быть признана начальной.

В трактате перед второй книгой есть второе предисловие без прямых и косвенных указаний на чье-либо авторство. Именно оно и является, видимо, предисловием автора-составителя *De cerimoniis*, в котором он сообщает, что в первой книге он сводил уже имеющиеся (подготовленные?) материалы (досье?), а во второй книге собирается добавить более актуальные и еще никем необработанные документы. Из этого предисловия очевидно, что автор-составитель трактата не является императором, особенно в сравнении с первым предисловием, где Константин VII Багрянородный прямо называет себя и своего отца императора Льва VI Мудрого.

Согласно Б. Флюзену, замысел трактата возник в 945–946 гг. и связан с получением Константином VII полной императорской власти, а весь остальной текст, кроме позднейших интерполяций, писался во второй половине 940-х гг. [5, p. 82*–90*]. Так Б. Флюзен не только жестко атрибутирует изначальный замысел компиляции и ее основную часть Константину VII, но и на весьма шатких основаниях сужает датировку составления трактата до начала его «второй автократии». В рамках обоснования такой ранней датировки трактата делается, кроме всего прочего, и не слишком убедительная передатировка визита архонтиссы Росии (княгини) Ольги в Константинополь 946 г. вместо 957 г. [4, с. 355–368].

Приписывая авторство трактата Константину VII, Б. Флюзен не объясняет, кому вообще могло понадобиться два его списка в последней трети X в., то есть в правление императоров Василия II и Константина VIII, не содержащие никакой актуальной информации о церемониях позднее аккламации Никифора II Фоки в 963 году. Только в список императорских захоронений в церкви Святых Апостолов должны были добавиться, как минимум, два-три императора и одна императрица. Не говоря уже о новых аккламациях, «триумфах» и документах, связанных с походами и ритуалами.

В издании остались не учтены две другие гипотезы идентификации автора *De cerimoniis*. М. Физерстоун считает, что заказчиком *De cerimoniis* и организатором работы над трактатом был Василий Лакапин Ноф († после 985), незаконнорожденный старший сын императора Романа I Лакапина (921–944) и некой «скифянки», евнух и всесильный паракимомен при дворе Константина VII Багрянородного и последующих императорах, включая Василия II Болгаробойцу [12]. Б. Флюзен относится к идее М. Физерстоуна о Василии Лакапине как о заказчике рукописи *De cerimoniis* скептически [5, p. 43*–47*], но хотя бы упоминает эту версию.

Гипотеза М. Физерстоуна выигрывает в сравнении с гипотезой Б. Флюзена, поскольку объясняет весь состав текста трактата, не требуя исключения материалов, хронологически не вписывающихся в концепцию автора Константина VII. Кроме того, М. Физерстоун объясняет появление двух списков – *Lipsiensis* и *C*: первый из которых был основным экземпляром из дворцовой библиотеки, а второй был личным списком куратора и покровителя составителей трактата Василия Лакапина Нофа [12; 14]. Однако и атрибуция М. Физерстоуна не может быть признана оптимальной, поскольку признаки того, что Василий Лакапин Ноф мог быть заказчиком, можно приложить к любому высшему аристократу империи,

например, к Иосифу Вринге, Феодору Дафнопату, Симеону Магистру и Логофету и другим (критику см.: [2]). И, наконец, в тексте нет никаких признаков того, что компиляция создавалась кем-то из императоров или высших аристократов. Напротив, вполне очевидно, что перед нами справочник по важнейшей для византийцев технологии – организации обрядов и церемоний императорского двора и населения столичного Константинополя, текст для служебного пользования, вышедший из придворно-бюрократической среды, составитель которого является чиновником-администратором [3; 1].

Наиболее плодотворная гипотеза об авторе-составителе трактата была предложена А. Моффат в неучтенной издателями статье. Она убедительно представила предполагаемого составителя *De cerimoniis* как цереймейстера при императорском дворе в Константинополе [19, p. 377–388]. А. Моффат обоснованно утверждала, что им не мог быть император Константин VII собственной персоной или влиятельный придворный и политик, ведь у таких людей не было необходимости создавать руководство по технологии и процедурам организации церемоний.

Основываясь на идее А. Моффат, мы пришли к выводу, что некий анонимный «мастер церемоний», ὁ (ἐπὶ) τῆς καταστάσεως, был распорядителем на похоронах Константина VII 15 ноября 959 г., как описано в VI книге Продолжателя Феофана [21, p. 55–57]. В обеих книгах трактата *De cerimoniis* этот чиновник упоминается постоянно [10, p. 310–311] (по частоте упоминаний с ним сопоставимы архонт, магистр, препозит, силенциарий, стратиг). Однако, поскольку основной темой трактата являются церемонии, логично предположить, что его автор был как раз ответственен за них. Его место в структуре византийской бюрократии показывает список чинов *Клиторология* Филофея, датируемый сентябрем 899 г. [11, p. 720]. Лейпцигская рукопись была написана не ранее 963 г., то есть через несколько лет после похорон Константина VII в 959 г., поэтому отождествление ее составителя и переписчика конкретно с «мастером церемоний», хоронившим Константина VII [21, p. 55–57], было бы наиболее экономной и естественной гипотезой. В пользу этого говорит и анализ коммуникативной прагматики всего комплекса маргиналий в лейпцигской рукописи [1; 2] и стиль второго авторского предисловия [11, p. 516–517; 7, p. 14–18].

Выводы. Безусловно необходимое современное академическое издание текста *De cerimoniis*, дошедшего до нас в фактически единственной рукописи, оказалось реализовано с существенными структурными дефектами, вызванными бескомпромиссной, но при этом субъективной позицией издателей по поводу авторства всего текста и несколькими неочевидными историческими интерпретациями содержания, а что еще более важно, недооценкой необходимости анализа единственной полной рукописи-носителя текста как значимого артефакта (сложного социально-материального объекта или семиофора) дворцовой культуры Константинополя X столетия [20]. Принципы издателей означали фактически издание текстологической реконструкции текста «α» второй половины 940-х гг., дошедшего до нас в двух списках, но в этом случае им необходимо было бы элиминировать все позднейшие материалы, выделив таким образом текст, соответствующий авторскому замыслу автора этого реконструируемого оригинала «α» императора Константина VII [5, p. 178*]. Критическое же издание предполагало бы цельное «дипломатическое» воспроизведение всего текста единственной полной рукописи *Lipsiensis* с подведением разночтений по палимпсесту там, где это возможно.

Как бы ни датировать кодекс *Lipsiensis* в пределах второй половины X в., перед нами уникальный образец высокой придворной книжной культуры и типичного обиходного почерка этого периода. И этот материальный носитель текста заслуживает специального комплексного исследования, а не сугубо формального описания. Однако поскольку трактат в полном виде дошел до нас фактически в единственном списке, либо оригинале, либо ближайшей к нему по времени копии, весь текст из лейпцигского кодекса заслуживал бы издания без каких-либо пропусков, а также было бы необходимо включение без изъятий всего его лексического состава и грамматических форм, отражающих «живой» греческий язык X столетия, в итоговые словники и указатели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курышева М. А. Маргиналии и сокращения в рукописи Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 трактата «De cerimoniis aulae byzantinae» // Spicilegium Byzantino-Rossicum / под ред. Л. А. Герд. М.; СПб.: Индрик, 2015. С. 177–185.

2. Курышева М. А. Рукопись Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 трактата «De cerimoniis aulae byzantinae»: палеография, датировка и исторический контекст // Средние века. 2015. Вып. 76 (1–2). С. 40–80.

3. Курышева М. А. К вопросу об узкой датировке рукописи трактата «De cerimoniis aulae Byzantinae» (Leipzig, Univ. Bibl. Rep. I 17) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 184–191. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.17

4. Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М.: Аквилон, 2020. 560 с.

5. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. I. Introduction générale. Livre I, chapitres 1–46 / éd., trad. et notes par B. Flusin, avec la collaboration de M. Stavrou. P.: ACHCByz, 2020. VIII, 192*, 355 p.

6. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. II. Livre I, chapitres 47–92 et 105–106 / éd. par B. Flusin, trad. et notes par G. Dagron (†); Livre I, chapitres 93–104 / éd., trad. et notes par D. Feissel, avec la collaboration de M. Stavrou. P.: ACHCByz, 2020. 472 p.

7. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. III. Livre II / éd., trad. et notes par G. Dagron (†), avec la collaboration de D. Feissel (II, 42 et 51), B. Flusin (II, 42), C. Zuckerman, R. Bondoux et J.-P. Grélois (II, 44–45), avec la collaboration de M. Stavrou. P.: ACHCByz, 2020. 438 p.

8. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. IV, 1re section. Commentaire du livre I par B. Flusin (I, 1–46), G. Dagron (†) (I, 47–92, 105–106), D. Feissel (I, 93–104), avec la collaboration de M. Stavrou. P.: ACHCByz, 2020. 636 p.

9. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. IV, 2e section. Commentaire du Livre II par G. Dagron (†), avec des contributions de R. Bondoux, D. Feissel, B. Flusin, J.-P. Grélois, C. Zuckerman et la collaboration de M. Stavrou. P.: ACHCByz, 2020. 322 p.

10. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. V. Glossaire par G. Dagron (†) revu par M. Stavrou ; Index par M. Stavrou ; Notes sur la langue par B. Flusin. P.: ACHCByz, 2020. 476 p.

11. Constantine Porphyrogennnetos. The Book of Ceremonies (De cerimoniis aulae byzantinae) / transl. & annot. by A. Moffatt, M. Tall. Vol. I–II. Book 1–2. Canberra: Australian National University, 2012. 870 p.

12. Featherstone J. M. Basileios Nothos as Compiler: The *De Cerimoniis* and *Theophanes Continuatus* // The Transmissions of Byzantine Texts: Between Textual Criticism and Quellenforschung [Lectio 2] / ed. I. Pérez Martín, J. Signes Codoñer. Turnhout: Brepols, 2014. P. 355–374.

13. Featherstone J. M. Court Orthography: Spelling in the Leipzig Manuscript of De Cerimoniis // Philomathestatos. Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / ed. B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun. Leuven; P.; Dudley, MA, 2004. P. 239–247.

14. Featherstone M. Further Remarks on the De Cerimoniis // Byzantinishce Zeitschrift. 2004. Bd. 97, H. 1. S. 113–121.

15. Featherstone M. Preliminary Remarks on the Leipzig Manuscript of De Cerimoniis // Byzantinishce Zeitschrift. 2002. Bd. 95, H. 2. S. 457–479, Taf. XIII–XVIII.

16. Jankowiak M. Rev.: Gilbert Dagron, Bernard Flusin, Denis Feissel, and Michel Stavrou (éds.), Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. CFHB, 52/1 – 5. Paris, Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance 2020. 5 volumes (including IV/1 and IV/2), b/w and colour ill. 192*, 355+471+438+958+475 p. ISBN 978-2-916716-70-1 // Byzantinische Zeitschrift 2023. Bd. 116/3. S. 1075–1095.

17. Kaldellis A. Constantine VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies (Gilbert Dagron, Bernard Flusin, Denis Feissel, Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies. Corpus fontium historiae byzantinae 52/1–5. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisations de Byzance, 2020. 5 vols. ISBN 9782916716701. €475.00 // Bryn Mawr Classical Review. URL: https://bmcr.brynmawr.edu/2021/2021.04.27

18. Kurysheva M. A. The Leipzig manuscript of De cerimoniis: paleography, peculiarities, and date // Mélanges offerts à Jonathan Shepard. (In print).

19. Moffatt A. The Master of Ceremonies' Bottom Drawer: The Unfinished State of the *De Ceremoniis* of Constantine Porphyrogennetos // Byzantinoslavica. 1995. T. 56. P. 377–388.

20. Ronconi F. Manuscripts as Stratified Social Objects // Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek Studies. 2018. Vol 4. P. 19–39.

21. Sullivan D. The Rise and Fall of Nikephoros Phokas. Five Contemporary Texts in Annotated Trans-

lations. Leiden; Boston: Brill, 2018. 252 p. (Byzantina Australiensia; 23).

22. Voci dell'Oriente: miniature e testi classici da Bisanzio alla Biblioteca Medicea Laurenziana / a cura di M. Bernabò. Firenze: Ed. Polistampa, 2011. 285 p.

23. Λαμπακησ Σ. Βιβλιοκρισία: Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin; t. I–V, Paris 2020 // Βυζαντινά Σύμμεικτα. 2021. Т. 31. Σ. 521–528.

REFERENCES

1. Kurysheva M.A. Marginalii i sokrashheniya v rukopisi Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 traktata «De cerimoniis aulae byzantinae» [The Margins and Abbreviations in the Manuscript Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 of the Treatise De cerimoniis aulae byzantinae]. Gerd L.A., ed. *Spicilegium Byzantino-Rossicum* [Spicilegium Byzantino-Rossicum]. Moscow. Saint Petersburg, Indrik Publ., 2015, pp. 177-185.

2. Kurysheva M.A. Rukopis Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 traktata «De cerimoniis aulae byzantinae»: paleografiya, datirovka i istoricheskiy kontekst [The Manuscript Lipsiensis bibl. Urb. Rep. I 17 of the Treatise De cerimoniis Aulae Byzantinae: Palaeographical Features, Dating and Historical Context]. *Srednie veka* [The "Middle Ages"], 2015, iss. 76 (1–2), pp. 40-80.

3. Kurysheva M.A. K voprosu ob uzkoy datirovke rukopisi traktata «De cerimoniis aulae Byzantinae» (Leipzig, Univ. Bibl. Rep. I 17) [On the Issue of a Narrow Dating of the Manuscript of the Treaties De Cerimoniis Aulae Byzantinae (Leipzig, Univ. Bibl. Rep. I 17)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 184-191. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.17

4. Shchavelev A.S. *Khronotop derzhavy Rjurikovichey (911–987 gody)* [Chronotope of the Rurukid Polity, 911–987]. Moscow, Akvilon Publ., 2020. 560 p.

5. Flusin B., Stavrou M., eds. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. I. Introduction générale. Livre I, chapitres 1–46*. Paris, ACHCByz, 2020. VIII, 192*, 355 p.

6. Flusin B., Dagron G. (†), Feissel D., Stavrou M., eds. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. II. Livre I, chapitres 47–92 et 105–106; Livre I, chapitres 93–104*. Paris, ACHCByz, 2020. 472 p.

7. Dagron G. (†), Flusin B., Feissel D. et al., eds. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. III. Livre II*. Paris, ACHCByz, 2020. 438 p.

8. Dagron G. (†), Flusin B., Feissel D., Stavrou M., eds. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. IV, 1re section. Commentaire du livre I*. Paris, ACHCByz, 2020. 636 p.

9. Dagron G. (†), Flusin B., Feissel D. et al., eds. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies, Sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. IV, 2e section. Commentaire du Livre II*. Paris, ACHCByz, 2020. 322 p.

10. Dagron G. (†), Flusin B., Stavrou M., eds. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin. T. V. Glossaire. Index. Notes sur la langue*. Paris, ACHCByz, 2020. 476 p.

11. Moffatt A., Tall M., eds. *Constantine Porphyrogennnetos. The Book of Ceremonies (De cerimoniis aulae byzantinae)*, vol. I–II, book 1–2. Canberra, Australian National University, 2012. 870 p.

12. Featherstone J.M. Basileios Nothos as Compiler: The De Cerimoniis and Theophanes Continuatus. Pérez Martín I., Signes Codoñer J. *The Transmissions of Byzantine Texts: Between Textual Criticism and Quellenforschung. Lectio 2*. Turnhout, Brepols, 2014, pp. 355-374.

13. Featherstone J.M. Court Orthography: Spelling in the Leipzig Manuscript of De Cerimoniis. Janssens B., Roosen B., Van Deun P., eds. *Philomathestatos. Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday*. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2004, pp. 239-247.

14. Featherstone M. Further Remarks on the De Cerimoniis. *Byzantinishce Zeitschrift*, 2004, Bd. 97/1, S. 113-121.

15. Featherstone M. Preliminary Remarks on the Leipzig Manuscript of De Cerimoniis. *Byzantinishce Zeitschrift*, 2002, Bd. 95, H. 2, S. 457-479, Taf. XIII-XVIII.

16. Jankowiak M. Rev.: Gilbert Dagron, Bernard Flusin, Denis Feissel, and Michel Stavrou (éds.), Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies. CFHB, 52/1 – 5. Paris, Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance 2020. 5 volumes (including IV/1 and IV/2), b/w and colour ill. 192*, 355+471+438+958+475 p. ISBN 978-2-916716-70-1. *Byzantinische Zeitschrift*, 2023, Bd. 116/3, S. 1075-1095.

17. Kaldellis A. Constantine VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies (Gilbert Dagron, Bernard Flusin, Denis Feissel, Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des cérémonies. Corpus fontium historiae byzantinae 52/1–5. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisations de Byzance, 2020. 5 vols. ISBN 9782916716701. €475.00. *Bryn Mawr Classical Review*. URL: https://bmcr.brynmawr.edu/2021/2021.04.27

18. Kurysheva M.A. The Leipzig Manuscript of De cerimoniis: Paleography, Peculiarities, and Date. *Mélanges offerts à Jonathan Shepard.* (In print).

19. Moffatt A. The Master of Ceremonies' Bottom Drawer: The Unfinished State of the De Ceremoniis of Constantine Porphyrogennetos. *Byzantinoslavica*, 1995, t. 56, pp. 377-388.

20. Ronconi F. Manuscripts as Stratified Social Objects, *Scandinavian Journal of Byzantine and Modern Greek Studies*, 2018, vol. 4, pp. 19-39.

21. Sullivan D. *The Rise and Fall of Nikephoros Phokas. Five Contemporary Texts in Annotated Translations.* Leiden; Boston, Brill, 2018. 252 p. (Byzantina Australiensia; 23).

22. Bernabò M., ed. *Voci dell'Oriente: miniature e testi classici da Bisanzio alla Biblioteca Medicea Laurenziana*. Firenze, Ed. Polistampa, 2011. 285 p.

23. Lampakes S. Βιβλιοκρισία: Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies, sous la direction de G. Dagron (†) et B. Flusin; t. I–V, Paris 2020. *Byzantina Symmeikta*, 2021, vol. 31, pp. 521-528.

Information About the Author

Marina A. Kurysheva, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Byzantine and East European History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, kurysheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9681-7108

Информация об авторе

Марина Александровна Курышева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, kurysheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9681-7108

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.22

UDC 94
LBC 63.3(0)+63.2

Submitted: 26.06.2025
Accepted: 17.10.2025

ABBA DANIEL OF SCETIS. II. THE BLIND MEN (BHG 2102), A HOLY AND CHASTE YOUNG WOMAN/THOMAÏS (BHG 2453) (Introduction, Translation from Greek and Commentary by Anton A. Voytenko)

Anton A. Voytenko

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The publication is a commented translation from Greek of two hagiographic stories from the cycle of Abba Daniel of Scetis: the Blind Man (BHG 2102) and a Holy and Chaste Young Woman/Thomaïs (BHG 2453). The story about the blind man is known in Greek and two Armenian and Ethiopian (Geʿez) versions. The Greek version can be considered as the most authentic since it is the most detailed and does not contain errors or abridgements. Along with the story about the holy fool Mark, it is a classic example of a secret servant of God. From a historical point of view, the story is interesting because it mentions the great steward of Alexandria, as well as two places of veneration of St. Mark in Alexandria in the 6th century. A comparison of the data of the story with other evidence allows us to assume that in the 6th century the relics of St. Mark had not yet been transferred to the city church but still remained in his martyrium in the area called *Boucolou*. The story of Thomaïs has been preserved in several Greek, two Armenian (arm 1, arm 2), Latin (lat), Ethiopian (Geʿez), and Church Slavonic versions. Due to significant discrepancies in the different versions, it is possible, using the Bollandists' method, to reconstruct hypothetically the primitive form of the story and its subsequent evolution. Initially (arm 1), the story was a didactic apophthegm about the benefits of *stabilitas loci*. But later (arm 2, lat), a new character is introduced, an anonymous elder, whose function is to justify the burial of Thomaïs in a monastic cemetery, which was a violation of accepted practice. Then (in the Greek and Ethiopian versions) the anonymous elder is identified with Abba Daniel of Scetis. At the last stage (the version from the Greek *Menaion*), the story turns into a short life, where Thomaïs becomes the main character. The Life of Thomaïs by St. Dimitry of Rostov (Russian *Menologion*) is a compilation of the Latin text from *Acta Sanctorum* and, presumably, the Church Slavonic version of the story, close to the Greek versions translated into the publication.

Key words: Hagiographic studies, Daniel of Scetis, Thomaïs of Alexandria, St. Mark, Byzantine Egypt, apophthegmata, St. Dimitry of Rostov.

Citation. Voytenko A.A. Abba Daniel of Scetis. II. The Blind Men (BHG 2102), a Holy and Chaste Young Woman/Thomaïs (BHG 2453) (Introduction, Translation from Greek, and Commentary by Anton A. Voytenko). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 298-311. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.22

© Войтенко А.А., 2025

УДК 94
ББК 63.3(0)+63.2

Дата поступления статьи: 26.06.2025
Дата принятия статьи: 17.10.2025

РАССКАЗЫ О ДАНИИЛЕ СКИТСКОМ. II. О СЛЕПЦЕ (BHG 2102), О ФОМАИДЕ (BHG 2453)

(Введение, перевод с греческого и комментарии А.А. Войтенко)

Антон Анатольевич Войтенко

Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Публикация представляет собой комментированный перевод с греческого двух агиографических рассказов из цикла аввы Даниила Скитского: О слепце (BHG 2102) и о Фомаиде (BHG 2453). Рассказ о слепце известен в греческой, двух армянских и эфиопской (геэз) версиях. Наиболее аутентичной можно считать греческую версию, поскольку она самая подробная, не содержит ошибок и сокращений. Наряду с рассказом о юродивом Марке, он представляет собой классический пример тайного слуги Божиего. С исторической точки зрения рассказ интересен упоминанием о «великом экономе», а также о двух местах почитания св. Марка в Александрии VI века. Сопоставление данных рассказа с другими свидетельствами позволяет сделать предположение, что в VI в. мощи св. Марка еще не были перенесены в городскую церковь, а оставались в его мартирии в районе, именуемом Букол. Рассказ о Фомаиде сохранился в нескольких греческих, двух армянских (arm 1, arm 2), латинской (lat), эфиопской (геэз) и церковнославянских версиях. Благодаря значительным расхождениям в разных версиях, можно, пользуясь методом болландистов, гипотетически реконструировать начальную форму рассказа и его последующую эволюцию. Изначально (arm 1) рассказ представлял собой дидактическую апофтегму о пользе *stabilitas loci*. Но впоследствии (arm 2, lat) туда вводится новый персонаж, анонимный старец, функция которого – обосновать захоронение Фомаиды на монашеском кладбище, что являлось нарушением принятой практики. Затем (греческие и эфиопская версии) анонимный старец отождествляется с аввой Даниилом. На последнем этапе (версия из греческой Минеи) рассказ превращается в краткое житие, где Фомаида становится главным героем. Житие Фомаиды, составленное свт. Димитрием Ростовским, представляет собой компиляцию латинского текста из Acta Sanctorum и, предположительно, церковнославянской версии рассказа, близкого к переведенным в публикации греческим версиям.

Ключевые слова: агиография, Даниил Скитский, Фомаида Александрийская, св. Марк, византийский Египет, апофтегмы, свт. Димитрий Ростовский.

Цитирование. Войтенко А. А. Рассказы о Данииле Скитском. II. О слепце (BHG 2102), о Фомаиде (BHG 2453) (Введение, перевод с греческого и комментарии А.А. Войтенко) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 6. – С. 298–311. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.22

Введение. Два агиографических рассказа из цикла Даниила Скитского, перевод которых предлагается ниже, представляют собой два разных полюса. Мы уже говорили о том, что наиболее вероятным мотивом, скрепляющим весь цикл, является тема тайной святости [4, с. 280]. Но, если рассказ о слепце (наряду с рассказом о юродивом Марке) прекрасно вписывается в эту концепцию, то история Фомаиды явно выпадает из нее и требует дополнительного исследования. Попытка Б. Далман обосновать тезис о тайной святости Фомаиды тем, что только Даниил знает о ее благочестии или тем, что ее добродетель действует после ее смерти [11, p. 81], представляется нам недостаточно убедительной.

Рассказ о слепце (BHG 2102) помимо текста на греческом сохранился в двух армянских версиях (далее Arm I, Arm II) и эфиопской (геэз) версии. Эфиопская и армянские версии дошли до нас в составе переводов Apophthegmata Patrum (в нашем анализе негреческих версий мы опираемся на английский перевод B. Арраса [22, p. 162–163] и латинский перевод Л. Лелуара [16, p. 70–72; ср. 22, p. 211–213]).

Как мы предположили ранее, рассказ о слепце, вместе с рассказом о юродивом Марке, относится к «александрийскому» блоку [4, с. 278]. Все сохранившиеся версии содержат упоминание о Данииле, что не позволяет (даже предположительно) проследить

интеграцию этого рассказа в цикл. Вероятнее всего, наиболее аутентична греческая версия. Она самая подробная и не несет следов последующих искажений или сокращений. Ближе всего к греческой версии стоит Arm II. Версия Arm I – менее детальная, содержит сокращения и ошибку в сроке служения слепца: вместо сорока восьми лет указано тридцать восемь [16, p. 71]. Самая краткая версия – эфиопская. Здесь, помимо прочего, довольно путано говорится о двух местах почитания св. Марка в Александрии, а также отсутствуют сведения о его образе жизни и похоронах. Однако эфиопская версия примечательна тем, что в ее конце содержится просьба некоего Матфея (Matēwos) к слепцу о его молитвах и помощи. B. Appac предполагает, что Матфей был писцом, скопировавшим данный текст [22, p. 363, note 225]. В эфиопской традиции известна практика «завета» («кидана»): Бог является святому и дает ему обещания помиловать совершающих его память, верующих в его молитву, творящих во имя его добрые дела, а также переписывающих его житие (ср.: [7, с. 87, 93]). В данном случае переписчик текста, вероятно, надеялся на покровительство святого, поскольку скопировал рассказ о нем.

Мы уже упоминали, что история о слепце по сюжету и композиции очень напоминает рассказ о юродивом Марке (BHG 2255) [4, с. 279]. К этому следует добавить, что оба героя являются эталонными вариантами тайного слуги Божиего. Разница заключается только в том, что Марк прикидывается безумным, а слепец просит милостыню, которую потом тайно раздает больным и нуждающимся, не оставляя себе почти ничего. На его sanctitas secreta недвусмысленно указывает сам Даниил своему ученику: «Смотри! Сколько у Бога тайных слуг!». Примечательно, что эта фраза, в том или ином виде, сохранилась во всех известных на сегодняшний день негреческих версиях рассказа (см.: [22, p. 162, 212–213; 16, p. 70–71]).

В тексте о слепце есть интересное упоминание о «великом экономе» (ὁ μέγας οἰκονόμος) [11, p. 126]. В эфиопской версии он назван «высокопоставленным чиновником» (mäggabī) [22, p. 162, 336, note 221], в Arm I – «экономом великой церкви» (oeconomus magna ecclesia) [16, p. 71], а в Arm II – «экономом патриарха» (oeconomus patriarchae) [16, p. 72]. Известно, что церковные экономы в епархиях были финансовыми и хозяйственными распорядителями. Безусловно, эконом александрийского епископа должен был быть весьма влиятельной фигурой не только для Александрии, но и для всей египетской Церкви. Однако информации о том, что конкретно входило в его обязанности почти нет (ср.: [24, p. 256–259]). К сожалению, наш рассказ добавляет к этому немного, но из него явствует, что великий эконом имел в своем распоряжении аппарат (видимо, некое подобие канцелярии) (ср.: [24, p. 258]), который мог при необходимости применять силу, а весть о его чудесном выздоровлении вызвала неподдельный интерес со стороны патриарха, что, безусловно, подчеркивает значимость этой фигуры. Данные Arm I косвенно указывают на то, что в обязанности великого эконома входило хозяйственное управление кафедральным собором Александрии.

Но самое интересное состоит в том, что данные рассказа о слепце позволяют нам уточнить топографию Александрии VI века. Текст достаточно ясно указывает на то, что в египетской столице (включая окрестности) было как минимум два места почитания св. Марка. Авва Даниил вместе с учеником идут «в (место) святого Марка за городом» (εἰς τὸν Ἅγιον Μάρκον ἔξω τῆς πόλεως), где расположено жилище слепца. Нет сомнений в том, что речь идет о мартирии св. Марка в районе, именуемом Букол. Как полагает Б. Пирсон, в I в. на этом месте был расположен один из еврейских кварталов Александрии (Дельта), и там же был центр самой ранней христианской общины города. Однако после восстания иудеев при Траяне (115–117), ставшего линией размежевания между христианами и иудеями (ср.: [21, p. 93–94]), христианство в Александрии постепенно меняет свой этнический состав и к III в. перемещается ближе к центру города, вероятнее всего, в греческий район Брухейон [21, p. 102, 108; 20, p. 151–152]. Именно там, как можно полагать, была построена церковь в честь св. Марка, о которой упоминается в связи с болезнью великого эконома (см. перевод ниже). К IV в. границы города сократились, и Букол располагался уже за городскими стенами, предположительно, тогда же он и получил свое название как место выпаса скота [21, p. 108; 20,

p. 153–154]. Не ясным остается вопрос, были ли мощи св. Марка перенесены в новый храм. По мнению Б. Пирсона, уже к V в. мартирий в Буколе был заброшен [21, p. 108]. Но, наряду с нашим текстом, сохранилось еще одно любопытное свидетельство: фрагмент коптской проповеди псевдо-Афанасия, на которое обратил внимание О. фон Лемм [17, p. 140–141]. Реконструкция Лемма интересующего нас абзаца указывает на то, что в Буколе был христианский некрополь («могилы всех праведников, бывших прежде нас»), где в том числе покоились мощи двух самых известных александрийских мучеников: св. Марка, основателя христианской общины Александрии, и св. Петра, александрийского епископа († 311). Вероятно, этот коптский текст был составлен позднее IV века. Суммируя известные нам данные, можно предположить, что в VI в. мощи св. Марка еще не были перенесены в городскую церковь, освященную в его честь, а по-прежнему лежали в Буколе. В нашем рассказе сообщается, что слепца похоронили на могиле юродивого Марка (ἐπάνω τοῦ ἀββᾶ Μάρκου τοῦ διὰ Θεὸν σαλοῦ) [11, p. 128]. Учитывая гипотезу Б. Пирсона, что мартирий св. Марка располагался где-то в районе современного колледжа Сен-Марк, рядом с некрополем эль-Шатби [21, p. 107–108], можно предположить, что их обоих похоронили на кладбище в Буколе, о котором как раз и упоминается в проповеди псевдо-Афанасия.

Рассказ о Фомаиде (BHG 2453), помимо нескольких греческих версий, сохранился на армянском, эфиопском (геэз), латинском и церковнославянском языках. Различия этих версий подтверждают высказанное нами ранее предположение, что многие (если не все) части цикла первоначально создавались как отдельные рассказы и лишь потом, через фигуру Даниила Скитского, составили единое целое [4, с. 278]. Наиболее важными из всех являются две армянские версии (далее arm 1 и arm 2). Arm 1 позволяет откорректировать ранее высказанное нами предположение, что рассказ изначально входил в «александрийский» блок, впоследствии присоединенный к циклу Даниила [4, с. 278]. На основании данных arm 1 можно полагать, что генезис рассказа восходит к монастырю Октокайдекатон, а сам он первоначально представлял собой дидактическую апофтегму о важности соблюдения монахом принципа stabilitas loci (в данном случае – об опасности покидать стены монастыря). В качестве иллюстрации подобных рисков апофтегма приводит ужасный случай домашнего насилия пожилого монаха к своей невестке со смертельным исходом.

В жизни отшельников принцип stabilitas loci находил свое выражение в рекомендации без крайней нужды не покидать келью. Примеры такого рода нередко встречаются в апофтегмах (см., например, [6, с. 93–99]). В обиходе монахов-бенедиктинцев он трансформировался в особый обет, запрещающий менять обитель, а также отлучаться из нее без благословения настоятеля. Вероятно, на самом раннем этапе бытования апофтегм такие рассказы образовывали отдельный раздел, который исчез при их редактировании на более поздних этапах.

Следует выделить четыре этапа развития рассказа о Фомаиде и проследить (хотя бы гипотетически) его трансформацию. При этом еще можно себе представить (чисто теоретически), что второй и третий этапы были расположены в обратном порядке (то есть Даниил превращается в анонимного старца), но предположить, что в arm 1 кто-то специально целиком «вычистил» важного второстепенного персонажа (анонимый старец / авва Даниил), представляется нам совершенно невероятным.

Итак, на первом этапе, который отражает arm 1 [15, p. 35–36; ср. 22, p. 226–227], рассказ является дидактической апофтегмой о пользе stabilitas loci. Основные ее герои: настоятель (pater) монастыря Октокайдекатон и пожилой монах (senex) этой обители. У монаха есть сын, который живет отдельно от него в городе со своей женой, и тот просит настоятеля сходить и навестить его. Настоятель говорит, что монаху не следует этого делать, дабы его не «нашел Сатана». Монах отвечает, что он старый человек и хорошо знает Писание. Настоятель возражает ему, говоря, что тот не старше Сатаны и не более знаток Писания, чем последний. Но старик настаивает на своей просьбе, тогда настоятель публично провозглашает, что не будет виновен в дальнейших событиях. Придя к сыну и не застав его дома, монах возжелал свою невестку. Та призвала его вспомнить о Боге и «отбросить Сатану». Монах ударил ее мечом и убил, но сам ослеп. Пришли соседи и

увидели содеянное. Монах во всем признался («Горе мне! Ради блуда я убил свою дочь и ослеп»). Соседи отвели старика к правителю (ad principem), тот подверг его жестоким пыткам и заключил в темницу. Тогда к правителю пришел настоятель, забрал своего монаха и отвел его обратно в монастырь. Женщину (sanctam puellam) похоронили с великими почестями (вероятно, в монастыре). В видении настоятелю было открыто, что если кто-то из братии будет обуреваем злым помыслом (male cogitatione), его следует отослать к могиле Христовой женщины (sepulcrum puella Christi), чтобы он там помолился и исцелился. В монастыре последовали этому совету (faciebant ita), благодаря чему в обители наступило благоденствие (fiebat magna laetitia). Старик провел два года в покаянии, смыл свои грехи тяжелым трудом и слезами, после чего его невестка пришла в видении к настоятелю и сказала, что старик прощен, поскольку она заступилась за него. С этого времени настоятель не отпускал из монастыря ни одного монаха даже на краткое время.

Второй этап развития текста представлен в arm 2 [15, p. 36–37, ср. 22, p. 227–229] и в латинской версии [13, S. 105–107; ср. 22, p. 254–256] (далее – lat). На этом этапе настоятель Октокайдекатона исчезает, зато появляется «один из отцов» (quidam e patribus) [15, p. 36] или «некий отец» (quidam patrum) [13, S. 105] из Скита. Он путешествует с учеником в Александрию, при этом основное действие рассказа разворачивается параллельно. Текст обрастает новыми деталями. Сын старого монаха становится рыбаком, а сам он уже неоднократно «искал удобного случая вступить в связь» с невесткой (querebat momentum ut cognosceret eam [15, p. 36]; querebat oportuniatem ut conveniret cum ea [13, S. 105]). При этом старик часто ее целовал, обнимал и прижимал к себе, она же воспринимала это как отеческое внимание с его стороны. Когда другие рыбаки позвали сына на промысел, и он ушел, старик стал опять приставать к невестке. Далее идет более развернутый, чем в arm 1 диалог, где невестка, помимо прочего, говорит: «Даже, если ты разорвешь меня на части, перерезав все мои суставы (membra), я не совершу беззаконного греха (iniquitatem)!» [15, p. 36; ср. 13, S. 106]. Над постелью сына висел меч, старик схватил его и рассек невестку надвое, после чего ослеп. Другие рыбаки пришли позвать сына с собой, но вместо этого увидели следы преступления. Старик во всем признался и просил отвести его к магистрату. Магистрат выслушал монаха и подверг его бичеванию. После этого повествование вновь возвращается к старцу, упомянутому вначале, который предлагает своему ученику пойти взглянуть на останки молодой женщины. Они приходят в монастырь, куда отнесли ее тело. Старец определяет похоронить женщину на монашеском некрополе. Часть братии начинает возражать, но старец настаивает на своем мнении, указывая, что ее подвиг по сохранению супружеской верности равен подвигу монашеского целомудрия. В arm 2 и lat фраза старца немного различается: в первом случае он говорит, что эта женщина – мученица (martyr), которая умерла, защищая свою чистоту [15, p. 37], во втором, что «эта женщина моя и ваша мать (mater mea et vestra), ибо была убита из-за целомудрия (castitatem)» [13, S. 106]. После этого старец вместе с учеником возвращаются в Скит. Окончание в arm 2 и lat различается. Arm 2 (как и arm 1) остается в рамках дидактической апофтегмы, меняется только направленность: в конце следует краткое рассуждение об опасности страсти блуда («пьяного безумия похоти»). В lat вместо этого добавлен рассказ о монахе, страдавшем блудным помыслом, и здесь впервые мы находим имя молодой женщины: Фомаида [13, S. 106]. Некий брат из Скита был мучим бесом блуда и признался в этом старцу. Старец посоветовал ему идти в Октокайдекайтон (in octavo decimo Alexandrie) на монашеское кладбище (in cymiterio patrum) и просить Бога Фомаиды исцелить его. Монах так и сделал и стал свободен от духа блуда. Мы уже указывали, что впоследствии, возможно, это добавление превращается в самостоятельное повествование (BHG 2453b) [4, с. 281; ср. 10, p. 21–22]. Но совершенно очевидно, что истоки данного нарратива следует искать в указании arm 1 на то, что верная жена после своей смерти будет помогать монахам исцеляться от злых помыслов.

Третий этап представлен двумя греческими версиями, перевод которых публикуется ниже (далее – gr. 4A и gr. 4B) [11, p. 130–139;

ср. 10, p. 17–18], и эфиопской версией в составе «Жития Даниила» [22, p. 140–141]. На этом этапе анонимный старец из Скита превращается в авву Даниила, который выполняет все сюжетные функции первого. По сравнению с arm 2 и lat текст gr. 4A и 4B немного расширен. Например, старик после того, как ослеп, ходил по дому кругами, ища дверь. Интересно также, что в этой версии городской правитель, к которому отвели старика, выяснив правду, покарал (ἐκόλασεν) его (точный приговор не указан). Существенно дополнен рассказ об исцеленном монахе. Монах рассказывает старцу, как все произошло: он пал ниц 12 раз, затем к нему подошла женщина и благословила, после чего он исцелился. Далее следует резюме, что подобное откровение (или дерзновение) имеют те, кто подвизается ради целомудрия. Текст gr. 4A и 4B незначительно расходится в деталях (см. перевод ниже).

Эфиопская версия несколько отличается от греческих. Свекор является не монахом, а вдовцом и хозяином виноградника в Александрии, где работает его сын. «Магистраты», к которым отвели старика, приговаривают его к смерти. Невестку зовут не Фомаида, а Донтирис (Donṭiris), и она вместо благословения предлагает монаху, искушаемому помыслами, евхаристический хлеб. Отсутствует финальное резюме о дерзновении: авва Даниил просто предостерегает монаха от зла и отсылает его с миром. Как мы предположили ранее, эфиопская версия «Жития Даниила» отражает пространную версию коптского оригинала, тогда как дошедшая до нас коптская версия – сокращенный вариант «Жития» [4, с. 281]. Учитывая, что пространная коптская и копто-арабская версии «Жития» не сохранились, сложно делать какие-либо заключения о том, когда именно произошли изменения в тексте и с чем они были связаны.

Наконец, последний, четвертый этап развития рассказа представляет версия из греческой минеи под 14 апреля (по юлианскому календарю), опубликованная в Венеции в 1895 г. и переизданная Л. Клюнье [10, p. 19–20]. Фомаида становится центральным персонажем повествования, появляются все признаки краткого жития: указывается день ее памяти, место рождения и родители. Зачин с путешествием аввы Даниила в Александрию устраняется, но Даниил остается важной фигурой в эпизоде захоронения Фомаиды, при этом повествование из Октокайдекатона полностью переносится в Скит, а сам Октокайдекатон из текста исчезает. После краткого рассказа об искушаемом монахе следует добавление, что в Скиту «с тех пор и до сего дня» страдающие блудными помыслами иноки получают помощь от святой. Старика, совершившего убийство, казнят по приговору архонта. Если сравнивать эту версию с gr. 4A / gr. 4B, то видно, что ее текст значительно сокращен.

Таким образом, реконструкция всех этапов традиции о Фомаиде подтверждает ранее высказанную нами мысль, что рассказ, возникший как отдельный, в конце концов отдельным и становится [4, с. 281]. Возникшая в среде монахов Октокайдекатона история сначала обретает форму апофтегмы, связанной с заповедью stabilitas loci (arm 1), затем меняет свою дидактику, становясь предостережением против духа блуда (arm 2). Далее в повествование вводится анонимный старец, основная функция которого – обосновать погребение пострадавшей от домашнего насилия женщины на монашеском кладбище, приравняв подвиг супружеской верности к монашескому целомудрию (arm 2, lat). Далее анонимный старец отождествляется с «игуменом Скита» и рассказ инкорпорируется в цикл Даниила (gr. 4A, gr. 4B, эфиопское «Житие Даниила»). Нельзя не отметить и еще одну особенность, на которую обратила внимание Б. Далман (см.: [11, p. 82]). На первых этапах повествование образует определенный «хиазм»: монах утратил добродетель целомудрия, тогда как замужняя женщина ее ясно продемонстрировала. Наконец, на последнем этапе (минейная версия) рассказ о Фомаиде обретает все черты законченного житийного повествования с указанием дня памяти святой, места ее рождения и родителей, а также упоминанием о ее посмертных чудесах. При этом связь свекра Фомаиды с монастырем полностью исчезает.

Как нам представляется, ключевым элементом, способным ответить на вопрос, почему этот рассказ присоединили к циклу Даниила, является тот факт, что Даниил целиком не исчезает из минейной версии, оставаясь важной фигурой похорон святой. Мы уже высказали мысль, что во всех рассказах цикла

(кроме первого, BHG 2100) Даниил выполняет функцию «детерминатива» тайной святости для основного героя рассказа [4, с. 280]. Но в данном случае никаких признаков тайной святости у Фомаиды нет, а аргументы Б. Далман, о которых мы упомянули выше, не являются решающими. Зато можно согласиться с другим ее тезисом: в данном случае Даниил бросает вызов устоявшимся правилам и нарушает их [11, p. 82]: 1) насилие, которому подверглась Фомаида, было позорным; 2) замужняя женщина не могла быть похоронена на монашеском кладбище. По сути, Даниил выступает здесь и как «детерминатив» святости Фомаиды, называя ее мученицей и аммой, и как авторитет, обосновывающий трансгрессию, отождествляя смерть ради супружеской верности с целомудрием. Именно трансгрессия (нарушение принятого обычая и обоснование этого нарушения), как нам представляется, и является основной причиной включения рассказа о Фомаиде в цикл Даниила. Это роднит его с еще двумя частями цикла (Андроник и Афанасия, патрикия Анастасия), где такая трансгрессия принимает черты «кроссдрессинга».

Церковнославянская традиция о Фомаиде заслуживает отдельного рассмотрения. К сожалению, славянские рукописи, содержащие рассказ о ней в составе цикла Даниила, практически не изучены. В 30-х гг. XX в. голландский ученый Н. Ван Вейк указал на его существование (как части цикла Даниила) в славянских переводах Apophthegmata Patrum («Того ж авва Даниила w нѣкоеи цѣломоудрои и сѓои wтроковицѣ». Inc.: «Авва Дани(и)л(ъ) пакы иногда възыдевъ въ Алеѯандрію») [23, s. 337; ср. 22, p. 263]. Насколько нам известно, дальнейшие исследования по этому вопросу не проводились.

Рассказ о Фомаиде (под 14 апреля) отсутствует в печатном Прологе. Нет его (под 14 апреля) в греческих «Синаксаре великой церкви» [12, col. 601–604] и Минологии Василия II [19, col. 401–404], двух опубликованных представителях семей «А» и «В», которые послужили основой для двух типов славянского Пролога (простого и стишного). Отсутствует текст рассказа и в апрельском томе Великих Миней Четьих митрополита Макария (далее – ВМЧ). Там мы находим лишь упоминание, что Фомаида чтится под 14 апреля и краткий стих: «Прїалъ еси w̃ вѣка Фомаиду по Писанїю будущаго вѣка, w(т)ч(е)» [1, стб. 483].

Наконец, версия рассказа о Фомаиде, оформленная в виде отдельного жития и помещенная под 13 апреля, обнаруживается в третьем томе «Житий святых» свт. Димитрия Ростовского (мы располагаем текстом издания 1764 г.) [5, л. 241–243]. Известно, что свт. Димитрий редактировал текст ВМЧ, используя ряд западных печатных изданий, в числе которых были и Acta Sanctorum (см., например, [2, с. 129–130]). Но в ВМЧ рассказ о Фомаиде отсутствует. Наш анализ текста из третьего тома «Житий святых» показал, что за основу был взят латинский перевод болландистов, сделанный с греческого оригинала и опубликованный во втором апрельском томе Acta Sanctorum [8, p. 214]. Сличение публикации болландистов с текстом, переизданным Л. Клюнье, не оставляет сомнений в том, что оригинал, с которого был сделан латинский перевод, находился в греческой минее (in Magnis Graecorum Menais) и был либо идентичен тексту венецианского издания, либо был очень близок к нему. Одно место из текста «Житий святых» четко указывает, что свт. Димитрий пользовался именно латинской версией: старика отвели «въ претwръ», что соответствует тексту болландистов (ad Prætorem), но не является прямым переводом греческой фразы πρὸς τὸν ἄρχοντα. При этом текст «Житий святых» значительно дополнен по сравнению с краткой версией болландистов. Часть дополнений совершенно очевидно свидетельствуют, что свт. Димитрий имел под рукой славянский список рассказа о Фомаиде, скорее всего, представлявший собой часть цикла о Данииле. Текст этого славянского списка по содержанию стоял довольно близко к gr. 4A и 4B, но не был полностью им идентичен. Так, свт. Димитрий указывает, что Фомаиде было пятнадцать лет, тогда как обе греческие версии упоминают о восемнадцати (см. перевод и комментарий ниже). Другая часть дополнений, вероятно, принадлежит самому свт. Димитрию и носит дидактический, а отчасти и экзегетический характер. Как показывает комментарий в конце текста, свт. Димитрий считал необходимым объяснить такой нестандартный для агиографии слу-

чай, через много веков после Даниила обосновывая правомерность внесения жертвы домашнего насилия в святцы («за цѣломудрїе пострадавши до крове»). Помимо этого, свт. Димитрий восстанавливает в рассказе ряд подробностей, которые оттуда выпали при трансформации текста от дидактической апофтегмы к житийному (минейному) повествованию: в частности, он возвращает в текст монастырь Октокайдекатон, который (как мы уже указали) в минейной версии был целиком заменен на Скит.

Чтобы наглядно представить метод работы свт. Димитрия Ростовского, приведем несколько примеров. Под номером 1 размещен текст греческой минеи по изданию Л. Клюнье (в нашем переводе), под номером 2 текст болландистов, и под номером 3 текст из «Житий святых»:

I. 1) «В тот же день, память святой мученицы Фомаиды. Эта святая Фомаида родилась в Александрии. И родителями своими была благочестиво (καλῶς) воспитана и научена, и была выдана замуж (συνεζεύχθη), и была благосклонно принята в доме мужа, и вела она сама хозяйство рассудительно и благопристойно» [10, p. 19].

2) «Eodem die XIV Aprilis memoria S. Thomaidis Martyris. Sancta haec Thomais prognata fuit Alexandriæ, et a parentibus fuis ad omnem honestatem educata, litterisque imbuta: ac postmodum viro in conjugio tradita, vixit in ædibus mariti magna cum laude honestatis et temperantiæ, prudenter se in omnibus et commode gerens» [8, p. 214].

3) «Въ тои же день памѧть с҃тыѧ мч҃нцы Ѳwмаіды ѿ свекра своегw пострадавшїѧ цѣдломудрїѧ ради. Сїѧ с҃таѧ мученица Ѳwмаіда рождена во Алеѯандріи ѿ родителеи блг҃очестивыхъ, и ѿ нихъ въ наказанїи книжномъ и въ добронравїи воспитана бысть. Достигнувши же пѧтнадесѧтолѣтнагw возраста, родители сопрѧгоша законнымъ бракомъ нѣкоему юношѣ хр(ис)тїанску. И живѧше отроковица Ѳwмаіда въ дому мужнем честнw, имущи похвалу ѿ цѣломудрїѧ, кротости, незлобїѧ и прочїихъ своихъ нравwвъ добрыхъ» [5, л. 241].

II. 1) «И она предала Богу душу и стала мученицей целомудрия (σωφροσύνης) ради» [10, p. 19].

2) «Hæc ergo mox animam suam profudit, laureamque martyrii, pro tuenda pudicitia interfecta, reportavit» [8, p. 214].

3) «Предаде оубw та душу свою въ руцѣ Бжїи, и прїѧ славныи мученичества вѣнецъ за таковую свою чистоту и цѣломудрїе: занеже противу грѣха подвизасѧ даже до крове, и положи душу свою за Бж҃ии законъ, изволѧѧ оумрети паче, неже таковымъ беззаконїемъ прогнѣвати Бг҃а, и осквернити свое тѣло, и ложе мужа своего» [5, л. 242].

III. 1) «Подойдя, он упрашивал их отвести (его) к архонту (πρὸς τὸν ἄρχοντα), чтобы тот приговорил (его). Они, согласившись, передали его архонту (τῷ ἄρχοντι)» [10, p. 19].

2) «additque et rogat, ut ab iis ad Prætorem deducatur, a quo criminis facti sententiam accipiat. Faciunt illi quod senex rogarat, eumque ducunt ad tribunal Prætoris» [8, p. 214].

3) «И моляше, да ведутъ его в претwръ, и предадѧтъ законному суду, ѧко да прїиметъ достоинную казнь по дѣлwмъ своимъ» [5, л. 242].

Отдельный вопрос представляет собой история почитания Фомаиды на Руси. Учитывая стойкую фольклорную традицию («Фомаида медуница по народному календарю»), можно предположить, что ее почитание на Руси возникло еще до выхода из печати в 1700 г. третьего тома «Житий святых» свт. Димитрия, на что косвенно может указывать день ее памяти, отмеченный уже в ВМЧ. Однако данный сюжет все еще требует серьезного исследования.

Перевод сделан по изданию Б. Далман [11]. При работе мы использовали как комментарии этого издания, так и публикацию под редакцией Т. Вивиана [22] (в особенности это касалось негреческих версий). Слова, которых нет в греческом тексте, но которые необходимы для лучшего понимания смысла или по стилистическим соображениям, поставлены в круглые скобки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

3. О слепце [1]

В другой раз авва Даниил с учеником своим [2] опять поднялся в Александрию, и увидел слепца, сидящего на улице [3] в исподнем [4] и просящего: «Смилуйтесь, подайте». И сказал старец ученику своему: «Видишь

этого слепого? Говорю тебе, что (он – человек) великой меры. Хочешь, я покажу тебе, кто он? Подожди здесь». Подошел старец и сказал ему: «Сделай мне доброе дело [5], брат, ибо нет у меня возможности купить пальмовых ветвей для работы [6] и еды». И сказал ему слепой: «Что смотришь на меня, авва? Ибо спросил ты у меня, голого [7] и нищего. Однако же подожди».

И старец дал знак ученику своему следовать (за ними). И пришли они в (место) святого Марка [8], что за городской чертой, ибо там была его келья. И сказал (слепец) старцу: «Подожди меня (здесь), авва». И вошел он внутрь и принес старцу корзинку [9] с изюмом, гранатами, сушеными фигами, вынул из-за пазухи [10] один тремиссий [11] и отдал его старцу со словами: «Помолись за меня, авва». И старец, подойдя к своему ученику, разрыдался, говоря: «Смотри, сколь много тайных слуг есть у Бога [12], жив Господь![13] Никогда не отвернусь я от любого благодеяния [14] старца, ибо сие есть любовь».

Спустя несколько дней после того, как покинули они слепца, они услышали, что великий эконом [15] страшно страдает (от болезни) печени [16] и лежит в (церкви) святого Марка [17]. И явился ему там святой Марк апостол и сказал ему: «Пошли (кого-нибудь) и приведи слепца, и возложит он руку свою на (твое) больное место, и излечишься». Тот немедля послал своих слуг и насильно привел его. И после того, как слепец помолился и возложил (свои) руки, боль тотчас рассеялась [18]. И узнал (об этом) весь город.

И услышав (про такое), пришел патриарх [19] посмотреть на слепца, и увидел, что отошел тот ко Господу. И узнал (про это) весь Скит. И поднялся старец с учеником своим и другими отцами (в Александрию) и благословились они от блаженного собрата [20].

И вышел почти весь город. И благословившиеся от него похоронили с гимнами и славословиями честные его останки. И положили их поверх аввы Марка, Божиего юродивого. Жизнь же он вел такую: если получал какое подаяние, покупал на него яблок, изюма, гранат и раздавал (их) по воскресеньям через кого-то другого немощным в странноприимных домах [21]. Сорок восемь лет хранил он такую добродетель служения во славу Божию.

4а. О святой и целомудренной женщине [22]

В другой раз этот авва Даниил снова поднялся в Александрию с учеником своим, и когда пребывали они там, случилось вот что. У одного аввы [23] из монастыря на восемнадцатой миле от Александрии [24] был сын, а у его сына была жена примерно восемнадцати лет (от роду) [25]. И пребывал (авва) со своим сыном. А был его сын рыбаком. И враг душ наших дьявол возбудил в авве плотскую страсть [26] к своей невестке, и стал он искать удобного случая вступить с ней в связь, и не нашел (его). (Тогда) он начал беспрестанно целовать ее, и она терпела его как отца.

Однажды пришли рыбаки ранее (обычного) и закричали молодому человеку, что уходят рыбачить. После того, как ушел юноша, поднялся отец к своей невестке, но она сказала ему: «Зачем ты здесь? Пойди, осени себя крестным знамением. Ибо это – дело дьявольское». Но он не пожелал уйти, сильно избив ее. Она же не позволила ему овладеть собой. Над кроватью юноши висел его меч, и, желая ее запугать, (авва) обнажил меч, говоря ей: «Если не послушаешься меня, умрешь». Она же сказала: «Даже если придется мне стать (рассеченной) на части, я не подчинюсь тебе». Внезапно он бросился (на нее) с мечом, ударил по пояснице [27] и рассек ее пополам. И тотчас Бог ослепил его [28], и ходил он кругами, ища двери, и не нашел.

И вот на рассвете пришли другие рыбаки, ища юношу, и (отец) сказал им: «Он ушел рыбачить, но где же дверь, я не вижу ее». И они ответили ему: «Смотри, вот же она». И, войдя (внутрь), они увидели то, что случилось. И сказали: «Что здесь произошло?». И он ответил им: «Задержите меня, ибо я совершил убийство». И услышав (такое) от него, они схватили его и передали властям [29]. И правитель [30], допросив его и выяснив, что тот совершил, покарал его.

И после сего сказал авва Даниил своему ученику: «Пойдем посмотрим на останки молодой женщины». И когда они пришли в Октокайдекатон (возле) Александрии, услышали (про это) отцы и вышли навстречу ему [31]. И сказал им старец: «Жив Господь Бог мой![32] И где покоиться останкам ее, как не вместе с отцами». И многие возроптали. И сказал тогда

им старец: «Она – моя амма [33] и ваша (тоже). Она погибла ради целомудрия, и за мучение наш собрат монах был упокоен [34]». И никто не возразил старцу, и похоронили женщину вместе с отцами. И возвратился старец в Скит со своим учеником.

Однажды [35] один брат в Скиту воевал с блудом, и, придя, рассказал (об этом) старцу. И старец сказал ему: «Иди в Октокайдекатон [36], встань подле места упокоения [37] отцов и скажи: "Бог Фомаиды [38], помоги мне". Уповаю на Бога, что Он избавит (тебя) от брани».

Брат сделал так, как определил ему старец. И, придя через три дня, сказал он старцу: «Благодаря Богу и твоим молитвам избавлен я от брани». «Каким образом?», – спросил его старец. И тот ответил: «Как только я пал ниц [39] двенадцать раз и лег на место упокоения отцов, подошла ко мне одна молодая женщина и сказала: "Прими сие благословение [40] и иди в свою келью". И добавил: «Благословила [41] она меня три раза, и тотчас пришло (ко мне) облегчение».

Такое откровение имеют подвизающиеся ради Бога и погибающие ради целомудрия, находящие венец (свой) во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

4b. О некой святой и целомудренной женщине

В другой раз этот авва Даниил вместе с учеником своим поднялся в Александрию, и, когда пребывали они там, случилось вот что. У некого аввы из (монастыря) Октокайдекатон (возле) Александрии был сын. И была у его сына жена, около восемнадцати лет (от роду). И (авва) пребывал вместе с сыном своим. А сын его был рыбаком. Враг же душ наших дьявол возбуждал в авве плотскую страсть к своей невестке, он искал удобного случая вступить с ней в связь и не находил. Тогда он начал беспрерывно ее целовать, но она терпела его как отца.

Однажды пришли ночью рыбаки и позвали юношу идти ловить рыбу. После того, как юноша ушел, поднялся отец его против невестки, а она ему сказала: «Что сие, отче? Иди перекрестись, ибо это дело – дьявольское». Он не в силах был уйти и сильно избил (ее), но дева не подчинилась ему. Над постелью сына его висел меч, и желая ее испугать, он обнажил меч, (наставив) на нее и сказал: «Если не послушаешься меня, врежу тебе этим мечом». Она ответила ему: «Даже если мне придется стать (разрезанной) по кускам, я не сделаю никогда это беззаконие». И, охваченный гневом, он, ведомый дьяволом, внезапно ударил мечом и попал ей в поясницу и рассек ее надвое. И тотчас ослепил его Бог, и ходил он кругами, ища дверь, и не находил.

И (когда) пришли другие рыбаки на рассвете в поисках юноши, громко выкликая его, ответил его отец: «Он ушел ловить рыбу. Где тут дверь, ибо не вижу». И отворив (дверь), увидели они мертвое тело, и он сказал им: «Задержите меня и передайте властям, ибо я совершил убийство». Схватив его, они передали его главе города. И глава, допросив (его) и узнав от него всю правду, покарал его.

После этого сказал авва Даниил ученику своему: «Пойдем посмотрим на останки молодой женщины». И когда они пришли в Октокайдекатон (возле) Александрии услышали отцы Октокайдекатона о том, что пришел авва Даниил, и вышли навстречу ему. И сказал им старец: «Сотворите молитву, отцы. Ибо где похоронить эту женщину, как не с отцами». И некоторые из них возмутились тем, что (авва) позволяет хоронить останки женщины вместе с отцами, даже если она и была убита. И сказал им старец: «Эта женщина – моя амма, и ваша (тоже), ибо за целомудрие была убита». Тогда более никто не возразил старцу. И похоронили ее вместе с отцами. И, попрощавшись с отцами, вернулся старец с учеником своим в Скит.

Однажды (один) брат боролся в Скиту с бесом блуда, и, очень страдая, он пришел и поведал (об этом) старцу. И сказал ему старец: «Иди в Октокайдекатон (что возле) Александрии, стань над местом упокоения отцов и скажи: "Господь Фомаиды, помоги мне, и освободи меня от искушения блуда". Уповаю на Бога, что избавит Он (тебя) от этого искушения».

Брат, получив это наставление и молитву старца, пришел в Октокайдекатон и сделал так, как наказал ему старец. Когда он возвратился в Скит, то пал к ногам старца и сказал ему: «Благодаря Богу и твоим молитвам, отче, я стал свободным от блудной брани». Сказал ему старец: «Как ты освободился?». Ответил ему брат: «Как только я пал ниц двенадцать раз, лег на место упокоения и заснул, подходит одна молодая женщина и говорит мне: "Авва, прими это благословение и ступай в келью

свою с миром”. И, приняв благословение, тотчас почувствовал я облегчение от брани и понял, что стал свободен (от нее). Что это было за благословение, я не знаю». И сказал ему старец: «Такое вот дерзновение к Богу [42] имеют те, кто сражается за целомудрие».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так в заглавии по изданию Б. Далман (Περὶ τοῦ ἀπὸ ὀμμάτων / The blind men) [11, p. 126, 127]. Л. Клюнье и Т. Вивиан озаглавили этот рассказ «Святой нищий» (Le saint mendiant; The holy mendicant) [10, p. 15; 22, p. 46].

[2] В Arm I – со своими учениками [16, p. 70].

[3] Как предполагает Б. Далман, речь идет о Via Canopica, подробнее см. [4, с. 289, примеч. 62].

[4] В тексте γυμνόν, то есть нагим. Однако далее понятно, что это – фигура речи, поскольку слепец достает тремиссий из складок своей одежды. Согласно словарю Г. Лидделла, Р. Скотта, Г. Джонса, прилагательное γυμνός могло означать «легко одетый, то есть только в нижнем белье» [18, p. 362], ср. [22, p. 315, note 64].

[5] Греч. ποίησον εἰς ἐμὲ ἀγάπην. Б. Далман предполагает, что эта фраза эквивалентна выражению вежливости, что-то вроде «пожалуйста».

[6] Вероятнее всего, речь идет о черенках финиковой пальмы, очищенных от листвы, которые в современном Египте называются «герид». Герид до сих пор является недорогим и очень популярным материалом. Из него изготавливают мебель, тару, заборы, строительные перекрытия. В византийском Египте герид использовался в погребальном обряде.

[7] В данном случае – фигура речи. Уже упоминалось, что слепец был одет в какую-то одежду.

[8] Речь идет о мартирии св. Марка, расположенном в Буколе, то есть в пригородном районе за Восточными воротами (см. введение). По преданию, там находились мощи св. мученика Марка, основателя христианской общины в Александрии, которого отождествляют с евангелистом и апостолом. Вероятно, возле мартирия была построена церковь, ср.: [11, p. 206].

[9] В тексте, изданном Б. Далман, стоит μαλάκιν, хотя правильное написание μαλάκιον. Л. Клюнье исправил чтение (см.: [10, p. 15]), но Далман эммендации не сделала. Так называлась небольшая корзина, сплетенная из герида (palm-leaves), в которой монахи носили еду, см.: [14, p. 825].

[10] Греч. ἐκ τοῦ κόλπου αὐτοῦ. Фразу можно понять так, что слепец достал монету из складок одежды, которая служила карманом для мелочи. В P.Col. 283 слепец вытаскивает монету изо рта (ἐκ τοῦ στόματος) [10, p. 15]. Хранить мелочь во рту было также обычной практикой, ср.: [22, p. 69, note 315]. В эфиопской версии слепец достает фрукты и монеты из мешка [22, p. 162].

[11] Тремиссий (лат. tremissis) – мелкая золотая монета весом около 4,55 грамм, равная трети номисмы. В эфиопской версии это – динар весом в три сикля [22, p. 162]. В P. Col. 283 слепец, прежде чем вытаскивает изо рта тремиссий, дает Даниилу вместе с фруктами «денег три кератия» (καὶ τρία κεράτια κέρματος) [10, p. 15]. Кератий – мелкая серебрянная монета, в VI в. весившая ок. 2,5 грамм серебра и составлявшая 7,5–8 фоллов или 1/3 обола. Есть сведения, что 24 кератия равнялись одному тремиссию, см.: [22, p. 315, note 70]. Упоминание о трех монетах есть в эфиопской версии, Arm I и Arm II. Во всех версиях – это золотые монеты [22, p. 162; 16, p. 70–71]. Далее в Arm I слепец достает изо рта серебрянную монету (argentum), в Arm II – три другие золотые монеты (alios adhuc tres nummos auri) [16, p. 70–71].

[12] Т. Вивиан отмечает, что точно такая же фраза есть в «Житии Пелагии». Подробнее см.: [22, p. 315, note 71].

[13] Греч. ζῇ Κύριος – библейское выражение (см., например, 2 Цар 22: 47; 3 Цар 18: 10; 4 Цар 2: 2; Пс 17: 47), ср. [11, p. 207]. Предположительно, изначально было типом клятвы. В тексте рассказа, скорее всего, служит для усиления утверждения.

[14] Греч. εὐλογία. Б. Далман переводит это слово как «благословение» (blessing) [11, p. 127].

[15] Как уже упоминалось во введении, великий эконом должен был играть значительную роль в церковном управлении. В его обязанности входило ведение финансовых дел, раздача милостыни бедным и больным. Он был фактически вторым человеком после епископа или патриарха и имел подчиненный ему штат клириков. Позднее эпитет «великий» стал частью официального титула. Феофан Исповедник в своей «Хронографии» (Chron. 242.15) упоминает о великом экономе в Александрии по имени Евстохий, жившем в правление императора Юстина II (565–578), см.: [11, p. 207].

[16] В Arm I – сильными болями в боку (patiebatur valde [quoad] latus) [16, p. 71].

[17] Здесь, совершенно очевидно, речь идет о новой церкви св. Марка в городе. Во-первых, сложно себе представить, чтобы великого эконома разместили где-то за городскими стенами, во-вторых, он посылает за слепцом, жилище которого располагалось за городом у мартирия св. Марка. Вероятно, в данном случае речь идет о ритуале инкубации (сон или просто длительное нахождение в сакральном месте, способствующее исцелению), который был заимствован христианами из языческих практик и переосмыслен, ср.: [22, p. 315, note 73].

[18] Т. Вивиан указывает, что сходный рассказ об излечении больной печени есть в «Житии св. Онуф-

рия» [22, p. 315, note 74: ср. 11, p. 207]. Однако есть и существенная разница: в «Житии св. Онуфрия» ангел излечивает печень, извлекая ее из тела, удаляя с нее язвы и возвращая на место.

[19] В тексте букв. «папа».

[20] Практика благословения от умершего благочестивого человека (или святого) до его погребения была в византийском Египте достаточно распространенной, ср.: [22, p. 315, note 76].

[21] Греч. ξενών. Это слово, как и синонимичное ему ξενοδοχεῖον, имело значение «странноприимного дома», то есть гостиницы и столовой для странников. Но постепенно ксенодохий стал выполнять функции общежития и лазарета, а к VI в. это слово фактически превратилось в синоним больницы, см.: [11, p. 207; 22, p. 316, note 78].

[22] В тексте (здесь и далее) употреблено слово κόρη, синонимичное, но все же отличное по смыслу от παρθένος. Здесь и далее κόρη будет переводится как «женщина» или «молодая женщина», ср.: «young woman» у Б. Далман [11, p. 131].

[23] В эфиопской версии свекор не является монахом. Он – вдовец, живет в Александрии и владеет виноградником, сторожить который он посылает сына по ночам, см.: [22, p. 140].

[24] Речь идет об известном монастыре Октокайдекатон, получившим название от своего местоположения. Он был одним из группы монастырей, расположенных на прибрежной, западной дороге из Александрии. Вероятно, в VI в. он был одним из центров антихалкидонского сопротивления, также как и монастырь Энатон, см., например: [11, p. 208]. В arm 2 монастырь указан неправильно – как монастырь на 12 миле (в латинском переводе Л. Лелуара – Duodecim). Но такой монастырь в источниках не упоминается, ср.: [22, p. 383, note 23].

[25] В обеих греческих версиях возраст Фомаиды – около 18 лет. В «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского – 15 лет [5, л. 241], в arm 2 – 12 лет [15, p. 36]. Однако Т. Вивиан считает, что в arm 2 имеет место ошибка переводчика, который два раза неправильно прочел цифру 18: первый раз в названии монастыря, второй – при обозначении возраста Фомаиды [22, p. 383, note 30].

[26] Букв. «войну».

[27] В тексте издания – ψυῶν. В одной из рукописей стоит ὤμων (плечи): тогда следует считать, что Фомаида была обезглавлена. Однако Далман считает (на наш взгляд, справедливо) это чтение ошибкой переписчика, см.: [11, p. 209]. В других версиях подробности убийства Фомаиды различаются. В lat свекор ее ударил около плечей и рассек [13, S. 106], ср. ошибку в чтении греческой рукописи. В эфиопской версии он ударил Фомаиду мечом в бок, см.: [22, p. 140]. В arm 2 свекор сильно ударил ее в живот и разрубил надвое [15, p. 37].

[28] Мотив внезапного ослепления за грех встречается в «Луге Духовном» Иоанна Мосха (Prat. Spir. 75). Александрийский купец уезжает по делам в Константинополь. В это время его раб по наущению беса задумывает убить его жену с дочерью и ограбить дом. Бог поражает его слепотой, предотвращая тем самым преступление. Раб убивает сам себя, успев перед смертью рассказать о своих намерениях.

[29] Греч. ἄρχων. Вероятно, имеется в виду префект Александрии.

[30] См. предыдущую ссылку.

[31] Так в тексте.

[32] См. примечание 13. В данном случае, вероятно, это выражение несет ту же функцию усиления утверждения.

[33] Уважительное обозначение монахини, парное мужскому «авва».

[34] Это предложение сложно для интерпретации. Б. Далман высказывает гипотезу, что речь идет о свекре Фомаиды. Стоящая в тексте пассивная форма глагола κοιμάω, как кажется, является дополнительным аргументом в пользу этой версии. Но, с другой стороны, сам этот глагол, основное значение которого «спать», употребляется, главным образом, когда речь идет о кончине святых. Далее Далман пишет, что Даниил делает вполне сознательную моральную трансгрессию, употребляя этот глагол в значении «быть казненным» за причиненные женщине мучения [11, p. 210]. Но нам представляется, что эти слова могут относиться и к Фомаиде, а трансгрессия Даниила заключается в намеренном переходе с женского рода на мужской при ее описании. Даниил таким образом подтверждает слова апостола Павла, что во Христе нет «ни мужеска пола ни женска» (Гал. 3:28).

[35] Л. Клюнье выделяет этот рассказ в отдельную главу (№ 6. Le moine tenté) [10, p. 21–22]. С ним, вероятно, был согласен М. Бонне, см.: [9, S. 170], ср.: [22, p. 324, note 173]. Однако Б. Далман, изучив все рукописи, не обнаружила ни в одной из них вынесения этого рассказа в отдельную часть, хотя в нескольких рукописях начальная фраза написана с прописной буквы, см.: [11, p. 210]. Но сравнение содержания arm 2 (где его нет) и lat (где он уже есть) свидетельствует в пользу того, что рассказ был добавлен позже, и вполне мог затем оформиться как отдельное повествование.

[36] В эфиопской версии «кладбище отцов», то есть монахов, находится в Александрии, см.: [22, p. 140–141].

[37] Греч. κοιμητηρίον. Согласно словарю Дж. Лампе слово имеет два значения: 1) кладбище, 2) могила [14, p. 760]. Т. Вивиан предполагает, что в данном случае оно имеет значение могилы [22, p. 324, note 176], но это не согласуется с формой

«отцов» (τῶν πατέρων). Скорее, выражение следует понимать как обозначение монастырского кладбища.

[38] Греч. ὁ Θεὸς Θωμαΐδος, lat: Deus Thomaidis [13, S. 106], в эфиопской версии: Господи, помоги мне молитвой святой Донтирис (Donṭiris) [22, p. 141, 351, note 75].

[39] В греческом тексте стоит слово μετάνοια, означающее покаяние. Практика падения ниц как телесного выражения покаяния достаточно ясно зафиксирована в Египте (см., например, коптское «Житие апы Фиба»). Однако, по всей видимости, падение ниц как эквивалент покаяния мог рассматриваться и как полумагический ритуал, см., например: [3, с. 940, примеч. 17]. В современной православной практике такому жесту, вероятно, соответствует земной поклон.

[40] Греч. εὐλογία. Б. Далман отмечает многозначность этого понятия, находящего отражение как в литургической практике, так и в практике почитания святых. Представлением, объединяющим все смыслы, можно считать веру в сверхъестественную силу, передающуюся через жесты или материальные объекты. Наиболее ясным выражением этого являются евлогии – специальные ампулы, внутрь которых помещалось масло, вода или пыль, взятые с мест культа святых. Наиболее широкое распространение в Египте такая практика получила в культе св. Мины. Свое название эти ампулы получили от надписи на них: «εὐλογία λαβομένη τοῦ ἁγίου Μηνᾶ», то есть «благословение, полученное от святого Мины», но слово λαβομένη в тексте надписи часто опускалось, см.: [11, p. 211].

[41] В эфиопской версии Фомаида дала монаху евхаристический хлеб. Когда монах взял его кусочек, тот тотчас исчез из его руки, см.: [22, p. 140].

[42] Греч. παρρησίαν πρὸς Θεὸν, ср. перевод Б. Далман: «confidence in God» [11, p. 139].

REFERENCES

1. *Velikie Chetii Minei, sobrannye mitropolitom Makariem. Vypusk 16. Aprel. Tetrad 2. Dni 8–21* [The Great Menaion Collected by Metropolitan Macarius. Issue 16. April. Fasc. 2. Days 8–21]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1912, cols. 321-640.

2. Voytenko A.A. *Svyatoy Onufriy Velikiy v agiograficheskoy traditsii (IV–XIV veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [Saint Onnophrius the Great in the Hagiographic Tradition (4th – 14th Centuries). Dr. Hist. Sc. Diss.]. Moscow, 2017. 530 p.

3. Voytenko A.A. Kult svyatykh Apollona i Fiba v pozdneantichnom Egipte [The Cult of St. Apollo and Phib in Late Antique Egypt]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History], 2019, no. 4 (79), pp. 938-957. DOI: 10.31857/S032103910007709-2

4. Voytenko A.A. Rasskazy o Daniile Skitskom. I. Daniil Skitskiy (BHG 2100) i yurodivyy Mark (BHG 2255) (Vvedeniye, perevod s grecheskogo i kommentarii A.A. Voytenko) [Abba Daniel of Scetis. I. Abba Daniel from Scetis (BHG 2100) and the Abba Mark the Fool (BHG 2255) (Introduction, Translation from Greek and Commentary by Anton A. Voytenko)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 276-290. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.20

5. Dimitry Rostovsky, svt. *Kniga Zhitiy Svyatykh. Vol. 3. Mart, aprel, may* [Book of Lives of the Saints. March, April, May]. Kiev, Tipografiya Kievo-Pecherskoy Lavry, 1764. 1076 l.

6. Regnault L. *Povsednevnaya zhizn ottsov pustynnikov IV veka* [Everyday Life of the 4th Century Desert Fathers]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008. 334 p.

7. Frantsouzoff S.A. Zavet svyatomu v arabo-koptskom Zhitii Ioanna Kalivita [Covenant of a Saint in the Arabo-Coptic Acts of John Calybites]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology], 2011, no. 4 (26), pp. 87-95.

8. *Acta Sanctorum. Aprilis. T. II*. Antverpiae, Apud M. Cnobarum, 1675. 1133 p.

9. Bonnet M., Bespr., Clugnet L. Vie (et récits) de l'abbé Daniel le Scétiote (VIe siècle). Paris, Picard et fils, 1901. *Byzantinische Zeitschrift,* 1904, Bd. 13, S. 166-171.

10. Clugnet L. et al. *Bios tou abba Daniēl tou Skētiōtou / Vie (et récits) de l'abbé Daniel le Scétiote (VIe siècle).* Paris, Librairie A. Picard, 1901. 117 p.

11. Dahlman B. *Saint Daniel of Sketis. A Group of Hagiographic Texts Edited with Introduction, Translation, and Commentary.* Uppsala, Uppsala University Library, 2007. 260 p.

12. Delehaye H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano.* Bruxellis, Apud socios bollandianos, 1902. 590 col.

13. Huber M. *Johannes monachus. Liber de miraculis. Ein neuer Beitrag zur mittelalterlichen Monchsliteratur.* Heldelberg, C. Winter, 1913. 144 S. (Sammlung mittellateinischer Texte; 7).

14. Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon.* Oxford, Clarendon Press, 1961. XLIX, 1658 p.

15. Leloir L. *Paterica armeniaca a P.P. Mechitaristis edita (1855) nunc latine reddita. II. Tractatus V–IX*. Louvain: Secretariat du CorpusSCO, 1975. 248 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; 316, subsidia 43).

16. Leloir L. *Paterica armeniaca a P.P. Mechitaristis edita (1855) nunc latine reddita. IV. Tractatus XVI–XIX.*

Louvain, Secretariat du CorpusSCO, 1975. 272 p. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; 316, subsidia 43).

17. Lemm O., von. Zur Topographie Alexandriens (Kleine koptische Studien XLI). *Mélanges asiatiques (tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg)*, 1906, no. 12, pp. 137-141, 071-075.

18. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon.* Oxford, Clarendon Press, 1996. 2042 p. + [XXXI p., + 320 p.].

19. Menologium Basilianum. *Parisiis.* Migne J.-P., ed., 1894, cols. 19-614. (Patrologia cursus completes. Series Graeca; vol. 117).

20. Pearson B.A. Earliest Christianity in Egypt: Some Observations. Pearson B.A., Goehring J.E., eds. *The Roots of Egyptian Christianity.* Philadelphia, Fortress Press, 1986, pp. 132-159.

21. Pearson B.A. *Gnosticism and Christianity in Roman and Coptic Egypt.* New York; London, T&T Clark International 2004. 302 p.

22. Vivian T. *Witness to Holiness: Abba Daniel of Scetis.* Kalamazoo/MI, Cistercian Publications, 2008. 399 p.

23. Wijk N., van. Die Erzählungen des Sketioten Daniel im Kirchenslawischen. *Slavia*, 1933–1934, Nr. 12, S. 335-352.

24. Wipszycka E. *The Alexandrian Church. People and Institutions.* Warsaw, Journal of Juristic Papyrology, 2015. 485 p. (The Journal of Juristic Papyrology Supplements; 25).

Information About the Author

Anton A. Voytenko, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 29, Bld. 8, 119071 Moscow, Russian Federation, voytenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3895-9909

Информация об авторе

Антон Анатольевич Войтенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, просп. Ленинский, 29, стр. 8, 119071 г. Москва, Российская Федерация, voytenko@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3895-9909

www.volsu.ru

РЕЦЕНЗЕНТЫ ЖУРНАЛА В 2025 г.

Редакция журнала благодарит ученых, выступивших в роли анонимных рецензентов статей в 2025 году:

к.и.н., доц. *П.А. Аваков* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
д-р философии по истории *Р.Э. Агаев* (НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан)
к.и.н., доц. *В.А. Агеева* (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)
д.и.н., проф. *А.И. Айбабин* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
к.и.н., доц. *Т.М. Айтберов* (ДГУ, ДФИЦ РАН, Махачкала, РФ)
д.и.н., проф. *Ю.Г. Акимов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.геогр.н., доц. *О.В. Алексеева* (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Пушкин, РФ)
к.и.н. *Н.А. Алексеенко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
д.и.н., проф. *С.И. Алиева* (АГПУ, Баку, Азербайджан)
д.и.н., проф. *М.А. Алтысбес* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)
к.и.н., доц. *К.Р. Амбарцумян* (СКФУ, Ставрополь, РФ)
д.культурологии *В.Г. Ананьев* (ИВИ РАН, СПбГУ, РГПУ им. Герцена, Москва, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *И.В. Анисимова* (АлтГУ, Барнаул, РФ)
д.и.н., доц. *В.А. Аракчеев* (РГАДА, Москва, РФ)
А.Ю. Аржанов (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
к.и.н., доц. *Е.В. Архипова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *Н.А. Арчебасова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н. *С.А. Асанова* (НИТУ «МИСиС», Алмалыкский филиал, Алмалык, Узбекистан)
к.филол.н., доц. *А.М. Ахунов* (АН РТ, Казань, РФ)
к.и.н. *Т.А. Базарова* (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., д.полит.н., проф. *А.В. Баранов* (КубГУ, Краснодар, РФ)
д.полит.н., доц. *А.И. Бардаков* (ВИУ – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте Российской Федерации», Волгоград, РФ)
д.и.н., проф. *Е.П. Баринова* (Самарский университет, Самара, РФ)
к.и.н., доц. *А.В. Барсукова* (ВШЭ, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *Н.В. Башнин* (СПбИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
д.полит.н., доц. *С.И. Белов* (МГУ, Москва, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, РФ)
к.б.н. *Н.Я. Березина* (МГУ, Москва, РФ)
к.филос.н., доц. *Е.В. Бессчетнова* (ФГН НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Н.Ю. Бикеева* (КазФУ, Казань, РФ)
д.и.н., доц. *Ю.Г. Благодер* (КубГТУ, Краснодар, РФ)
к.б.н. *В.В. Бобров* (ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *В.А. Бондарев* (ДонГУ, Ростов н/Д, РФ)
д.и.н., проф. *А.Ю. Борзова* (РУДН, Москва, РФ)
к.полит.н. *М.В. Бочарникова* (АНО «Агентство креативных индустрий», Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Н.Ф. Бугай* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Т.А. Булыгина* (СевГУ, Ставрополь, РФ)
д.и.н., проф. *Е.А. Бурдин* (УлГПУ им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, РФ)
д.и.н., проф. *Е.В. Бурлуцкая* (ОГПУ, Оренбург, РФ)
к.и.н. *Л.А. Бушуева* (АН Республики Татарстан, Казань, РФ)
к.искусств. *М.Н. Бутырский* (Музей Востока; РГГУ, Москва, РФ)
д.и.н. *А.Ю. Быков* (ИВ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Р.М. Валеев* (КФУ, Казань, РФ)
д.и.н., проф. *Д.В. Васильев* (МГПУ, Москва, РФ)
д.социол.н., проф. *Е.Н. Васильева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.филол.н. *А.М. Введенский* (СПбИИ РАН, ВШЭ, Санкт-Петербург, РФ)

к.и.н., доц. *В.В. Ведерников* (СПбГТИ(ТУ), Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *М.В. Ведерников* (ИЕ РАН, Москва, РФ)
к.полит.н. *А.А. Великая* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *А.В. Венков* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
к.и.н. *Ю.Я. Вин* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.и.н., д.филол.н., проф. *А.Ю. Виноградов* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д.и.н. *А.А. Войтенко* (ЦЕИ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *А.А. Волвенко* (РГЭУ (РИНХ), Таганрог, РФ)
д.полит.н., проф. *С.В. Володенков* (МГУ, Москва, РФ)
д.полит.н., проф. *Р.С. Выходец* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н. *А.В. Ганин* (ИС РАН, Москва, РФ)
к.и.н. *В.К. Ганцев* (КФУ им В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
к.и.н., доц. *А.Г. Герцен* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
к.и.н., доц. *Т.В. Глазунова* (ОГТУ, Омск, РФ)
д.и.н., проф. *В.Н. Глазьев* (ВГУ, Воронеж, РФ)
к.и.н., доц. *О.А. Гоманенко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.филол.н., проф. *О.А. Горбань* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н. *В.А. Горелкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., PhD *М.В. Грацианский* (МГУ, Москва, РФ)
к.и.н. *О.А. Гром* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
к.геогр.н., доц. *И.С. Гуменюк* (БФУ, Калининград, РФ)
к.филос.н., доц. *М.Ю. Гутенев* (ЮУРГУ, Челябинск, РФ)
д.филос.н., доц. *Р.А. Данакари* (ВолгАУ, Волгоград, РФ)
к.полит.н. *И.В. Данилин* (ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *В.Н. Данилов* (СНИГУ, Саратов, РФ)
д.и.н., проф. *П.К. Дашковский* (АлтГУ, Барнаул, РФ)
д.и.н., проф. *Е.В. Демчик* (АлтГУ, Барнаул, РФ)
PhD *Реза Джавади* (Тегеранский университет, Тегеран, Иран)
к.и.н. *Е.Д. Джагацпанян* (независимый исследователь, РФ)
д.и.н., доц. *С.В. Джунджузов* (ОГПУ, Оренбург, РФ)
д.и.н., чл.-кор. РАН *М.В. Добровольская* (ИА РАН, Москва, РФ)
д.филол.н., доц. *Н.А. Добронравин* (Кунсткамера, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *Т.В. Долгач* (ИИ НАН Беларуси, Минск, Беларусь)
д.и.н., проф. *А.Н. Долгих* (ЛГПУ, Липецк, РФ)
д.э.н., проф. *З.Б-Д. Дондоков* (СО РАН, Новосибирск, РФ)
к.и.н. *А.А. Душенко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
д.и.н., проф. *Т.В. Евдокимова* (ВГСПУ, Волгоград, РФ)
д.искусств. *Е.Ю. Ендольцева* (ИВ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *А.Н. Еремеева* (Южный филиал Института Наследия, Краснодар, РФ)
к.и.н., доц. *Ю.Г. Ещенко* (АГУ, Астрахань, РФ)
к.полит.н., доц. *С.Ю. Зайцев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., проф. *В.В. Запарий* (УФУ, Екатеринбург, РФ)
к.и.н., доц. *Г.Е. Захаров* (ПСТГУ, Москва, РФ)
к.искусств., доц. *А.В. Захарова* (МГУ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *В.А. Золотовский* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *В.А. Иванов* (КУКИиТ, Симферополь, РФ)
д.э.н., проф. *Т.Б. Иванова* (ВИУ-РАНХиГС, Волгоград, РФ)
к.и.н. *С.А. Иванюк* (ЦМС им. А.С. Попова, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *А.А. Ильин* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
к.и.н. *С.А. Исаев* (СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *С.С. Исмаилов* (КГУ им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан)
д.и.н., проф. *С.С. Казаров* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
к.и.н., доц. *Е.В. Камараули* (ВГУ, Воронеж, РФ)
к.и.н. *Г.Н. Каменева* (Ставропольский государственный музей-заповедник, Ставрополь, РФ)
д.и.н., проф., акад. РАН *С.П. Карпов* (МГУ, Москва, РФ)
д.и.н. *О.В. Кириченко* (ИЭА РАН, Москва, РФ)
д.и.н. *А.Л. Клейтман* (ИИЕТ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *О.Г. Климова* (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *А.С. Козлов* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
д.и.н., проф. *В.Н. Козляков* (ИРИ РАН, Москва, РФ)

к.филос.н., доц. *А.П. Козырев* (МГУ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Е.В. Комиссарова* (ВолгГМУ, Волгоград, РФ)
к.э.н., доц. *Е.А. Константинова* (МГУ, Москва, РФ)
д.и.н. *А.Л. Корзинин* (Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, РФ)
к.культур. *А.А. Королев* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *В.А. Коршунков* (ВятГУ, Вятка, РФ)
к.полит.н., доц. *Е.Ю. Косевич* (ВШЭ, Москва, РФ)
к.и.н. *М.В. Кривошеев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н. *Е.Ф. Кринко* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
д.и.н., проф. *П.А. Кротов* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *П.В. Кузенков* (СевГУ, Севастополь, РФ)
д.биол.н. *А.Н. Кузнецов* (Российско-Вьетнамский Тропический центр, Ханой, Вьетнам)
к.и.н., доц. *О.В. Кузнецов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., с.н.с. *М.А. Курышева* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.полит.н., доц. *Г.И. Кутырев* (ВШЭ, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *Т.В. Кущ* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
д.полит.н., доц. *А.А. Лаврикова* (ТулГУ, Тула, РФ)
к.и.н. *В.Б. Лапердин* (Институт истории СО РАН, Новосибирск, РФ)
к.ю.н. доц. *Н.С. Латыпова* (УУНИТ, Уфа, РФ)
д.и.н., проф. *Д.М. Легкий* (КРУ им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан)
д.и.н. *И.В. Лиджиева* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
д.и.н., проф. *С.И. Линец* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
к.и.н., доц. *А.В. Липатов* (ВГАФК, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *А.В. Луночкин* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.филос.н. *В.М. Лурье* (Научно-исследовательский институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван, Армения)
д.и.н. *Л.А. Лыкова* (РГАСПИ, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Ю.А. Лысенко* (АлтГУ, Барнаул, РФ)
к.и.н. *Ж.Ю. Лытова* (Мемориально-исторический музей музея-заповедника «Сталинградская битва», Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *В.Г. Мазец* (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)
д.и.н. *В.В. Майко* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
д.филос.н., доц. *Д.И. Макаров* (УГК, Екатеринбург, РФ)
д.и.н., проф. *К.Н. Максимов* (КалмНЦ РАН, Элиста, РФ)
к.и.н., доц. *С.Н. Малахов* (ИИА РСО-А, Владикавказ, РФ)
к.и.н. *А.В. Малов* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
к.искусств., доц. *С.В. Мальцева* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ; НИИТИАГ, Москва, РФ)
д-р философии по истории *А.М. Маммадова* (Национальный музей истории Азербайджана, Баку, Азербайджан)
к.и.н. *И.Л. Манькова* (УрО РАН, Екатеринбург, РФ)
к.полит. н., доц. *А.Н. Марчуков* (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, РФ)
к.и.н. *А.Н. Масловский* (Азовский музей-заповедник, Азов, РФ)
к.и.н., доц. *И.А. Матвеев* (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ)
к.и.н. *Н.И. Матвеева* (Институт Востоковедения РАН, Москва, РФ)
д.и.н. *М.Б. Медникова* (ИА РАН, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *М.В. Медоваров* (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород, РФ)
д.и.н., проф. *С.А. Мезин* (СГУ, Саратов, РФ)
к.и.н. *Н.Н. Мельников* (ИИА УрО РАН, Екатеринбург, РФ)
д.и.н., доц. *Е.А. Мехамадиев* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *А.С. Минин* (СПбГУПТД, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., проф. *Н.А. Мининков* (Южный федеральный университет, Ростов н/Д, РФ)
д.филос.н., доц. *В.Ю. Михайлин* (СНИГУ, Саратов, РФ)
д.и.н., проф. *Ю.М. Могаричев* (СевГУ, Севастополь, РФ; КРИППО, Симферополь, РФ)
д.филол.н., проф. *А.Б. Мороз* (НИУ ВШЭ, РГГУ, Москва, РФ)
Д.В. Морозов (ИЛА РАН, Москва, РФ)
д.полит.н., доц. *И.Л. Морозов* (ВИУ-РАНХиГС, Волгоград, РФ)
к.и.н. *Н.М. Морозов* (ФИЦ угля и углехимии СО РАН, Кемерово, РФ)
к.и.н. *С.Р. Муратова* (ТКНСУрО РАН, Тобольск, РФ)
д.и.н., проф. *А.С. Мусагалиева* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан)
к.и.н. *А.Х. Мустафина* (архив Президента РК, Алматы, Казахстан)

к.полит.н., доц. *И.И. Назаров* (ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, РФ)
к.э.н. *В.О. Намжилова* (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Уде, РФ)
к.и.н., доц. *В.Е. Науменко* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
Е.А. Немыкина (НИИТИАГ, Москва, РФ)
к.э.н., доц. *А.А. Никитина* (УУНТ, Уфа, РФ)
Е.В. Никулина (АСЕАН ИКСА РАН, Москва, РФ)
д.и.н. *Б.В. Носов* (Институт славяноведения РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *И.Б. Орлов* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Д.В.Офицеров-Бельский* (ИМЭМО РАН, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *У.Б. Очиров* (КалНЦ РАН, Элиста, РФ)
д.и.н., проф. *А.П. Павлов* (СПбИИ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д.полит.н., проф. *С.А. Панкратов* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.социол.н., доц. *Л.С. Панкратова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *А.Ф. Парубочая* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.богосл., PhD, доц. *В.Г. Патрин* (ВолГУ; ЦПЦС Волгоградской епархии, Волгоград, РФ)
д.и.н., доц. *В.В. Пенской* (БелГУ, Белгород, РФ)
к.и.н, доц. *А.Л. Перевезенцев* (АРУ им. К. Жубанова, Актобе, Казахстан)
к.и.н., доц. *Е.В. Перерва* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
Л.В. Перескоков (Пермское областное отделение ВООПИК, Пермь, РФ)
д.и.н., проф. *А.В. Петров* (СПбГУ, СПбДА, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *П.Н. Петров* (АН РТ, Казань, РФ)
к.и.н. *И.С. Петрова* (ГАВО, Волгоград, РФ)
к.и.н. *М.А. Петрова* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
д.социол.н., проф. *Е.Е. Письменная* (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ)
к.и.н, доц. *А.М. Погорельская* (ТГУ, Томск, РФ)
к.и.н. *И.А. Поляков* (РНБ, Санкт-Петербург, РФ)
д.полит.н. *О.В. Попова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *А.Г. Постников* (Михайловская военная артиллерийская академия МО РФ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *А.Н. Птицын* (СКФУ, Ставрополь, РФ)
к.полит.н. *А.Н. Пятаков* (ИЛА РАН, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Я.Н. Рабинович* (СГУ, Саратов, РФ)
д.междунар.отношений, к.и.н. доц. *Даниэль Ранджбар* (РУДН, Москва, РФ)
к.и.н. *Ж.Я. Рахаев* (ИРИ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *О.В. Рвачева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н. *А.Д. Резанов* (САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, РФ)
к.и.н., доц. *Л.М. Решетникова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н. *И.В. Рогачев* (САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, РФ)
д.и.н., проф. *О.В. Романько* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
к.и.н., доц. *Н.В. Рыбалко* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н. *М.А. Рыблова* (ЮНЦ РАН, Ростов н/Д, РФ)
к.геогр.н., доц. *Н.Е. Рязанова* (МГИМО МИД России, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Сагнайқызы Самал* (КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан)
д.и.н., проф. *Глигор Самарджич* (Приштинский университет, Косовска-Митровица, Сербия)
к.и.н, доц. *К.В. Самохин* (ТГТУ, Тамбов, РФ)
к.полит.н., доц. *И.А. Сафранчук* (МГИМО, Москва, РФ)
к.и.н. *Л.В. Седикова* (ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь, РФ)
к.и.н., доц. *Э.И. Сейдалиев* (КИПУ им. Февзи Якубова, Симферополь, РФ)
д.и.н., доц. *А.А. Селин* (ВШЭ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *В.Г. Семенов* (ОГУ, Оренбург, РФ)
д.и.н. *И.Г. Семенов* (Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, РФ)
к.филос.н. *Т.А. Сенина* (СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *А.И. Сенников* (ВятГУ, Вятка, РФ)
д.и.н. *А.В. Сергеев* (ЧОУ ДПО ИПБОТСП, Санкт-Петербург, РФ
д.и.н., д.полит.н., проф. *А.А. Сергунин* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *С.В. Серебренников* (КузГТУ им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, РФ)
д.и.н, проф. *В.В. Серов* (АГИК, Барнаул, РФ)
д.и.н., проф. *С.Г. Сидоров* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., доц. *О.В. Скобелкин* (ВГУ, Воронеж, РФ)

к.полит.н., доц. *О.С. Скороходова* (Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Саратов, РФ)
к.и.н. *Н.Р. Славнитский* (Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., проф. *Ю.Г. Смертин* (КГУ, Краснодар, РФ)
д.филос.н., доц. *Д.Г. Смирнов* (ИвГУ, Иваново, РФ)
к.и.н. *Н.В. Смирнов* (ГБОУ Гимназия № 85, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *А.В. Смокотина* (КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь, РФ)
д.и.н., доц. *И.А. Соков* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.полит.н., доц. *А.В. Соколов* (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, РФ)
к.и.н., доц. *Ж.Г. Сон* (НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Е.В. Стельник* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., проф. *В.П. Степаненко* (УрФУ, Екатеринбург, РФ)
к.и.н. *Е.В. Степанова* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., проф. *П.С. Стефанович* (ВШЭ, ИРИ РАН, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Д.И. Стогов* (СПбГЭУ ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., доц. *Л.В. Табунщикова* (ЮФУ, Ростов н/Д, РФ)
д.и.н., проф. *Н.П. Таньшина* (РАНХиГС при Президенте РФ, МПГУ, Москва, РФ
д.и.н., доц. *Е.Д. Твердюкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н., доц. *М.П. Теленьга* (КубГУ, Краснодар, РФ)
к.и.н., доц. *Н.В. Тихомиров* (РГГУ, Москва, РФ)
д.филос.н., проф. *С.Б. Токарева* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *А.В. Толстиков* (ПетрГУ, Петрозаводск, РФ)
к.и.н. *С.Т. Токболат* (Международный Таразский инновационный институт им. Ш. Муртазы, Тараз, Казахстан)
д.и.н., проф. *Е.Ф. Троицкий* (ТГУ, Томск, РФ)
к.полит.н. *Ф.О. Трунов* (ИНИОН РАН, Москва, РФ)
д.филол.н., проф. *Н.А. Тупикова* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
д.и.н., доц. *В.М. Тюленев* (Ивановский ГУ, Иваново, РФ)
д.и.н., проф. *И.О. Тюменцев* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н. *А.Т. Урушадзе* (ЕУСПб, Санкт-Петербург, РФ)
д.п.н., проф. *А.В. Федоров* (РГЭУ (РИНХ), Ростов н/Д, РФ)
к.и.н., доц. *В.В. Федотов* (СамГТУ, Самара, РФ)
к.и.н. *Ю.Н. Фролова* (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург, РФ)
к.и.н. *Э.А. Хайрединова* (ИА Крыма РАН, Симферополь, РФ)
PhD (История) *Луонг Тхи Хонг* (Вьетнамская академия социальных наук, Ханой, Вьетнам)
д.и.н., проф. *Т.И. Хорхордина* (РГГУ, Москва, РФ)
д.и.н., доц. *А.А. Хохлов* (СГСПУ, Самара, РФ)
д.и.н., проф. *В.Ж. Цветков* (МПГУ, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *И.А. Цветков* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н., проф. *Н.А. Цветкова* (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ)
д.и.н. *А.В. Цюрюмов* (КалмНЦ РАН, Элиста, РФ)
к.и.н. *Л.П. Черникова* (Институт Востоковедения РАН, Москва, РФ)
к.и.н., доц. *Н.А. Чеснокова* (ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва, РФ)
д. филос.н., проф. *Л.Б. Четырова* (СНИУ, Самара, РФ)
к.и.н. *В.Н. Чхаидзе* (ИВ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *А.В. Шадрина* (ЮНЦ РАН, РГУПС, Ростов н/Д, РФ)
к.и.н., доц. *М.Е. Шушкова* (РГГУ, Москва, РФ)
д.и.н. *А.С. Щавелев* (ИВИ РАН, Москва, РФ)
к.филос.н. *Т.А. Щукин* (ИМЛИ РАН, Москва, РФ)
д.и.н., проф. *Т.В. Юдина* (ВолГУ, Волгоград, РФ)
к.и.н., доц. *С.М. Юн* (ТГУ, Томск, РФ)

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории, международных отношений и политического развития Европы, Америки, России и стран СНГ. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

– публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;

– ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;

– содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;

– бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers of articles on general and specific problems of the history, international relations and political development of Europe, America, Russia and the CIS countries. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

– to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;

– to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;

– to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;

– to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: https://hfrir.jvolsu.com (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2025. Том 30. № 6. 1–318.

